

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

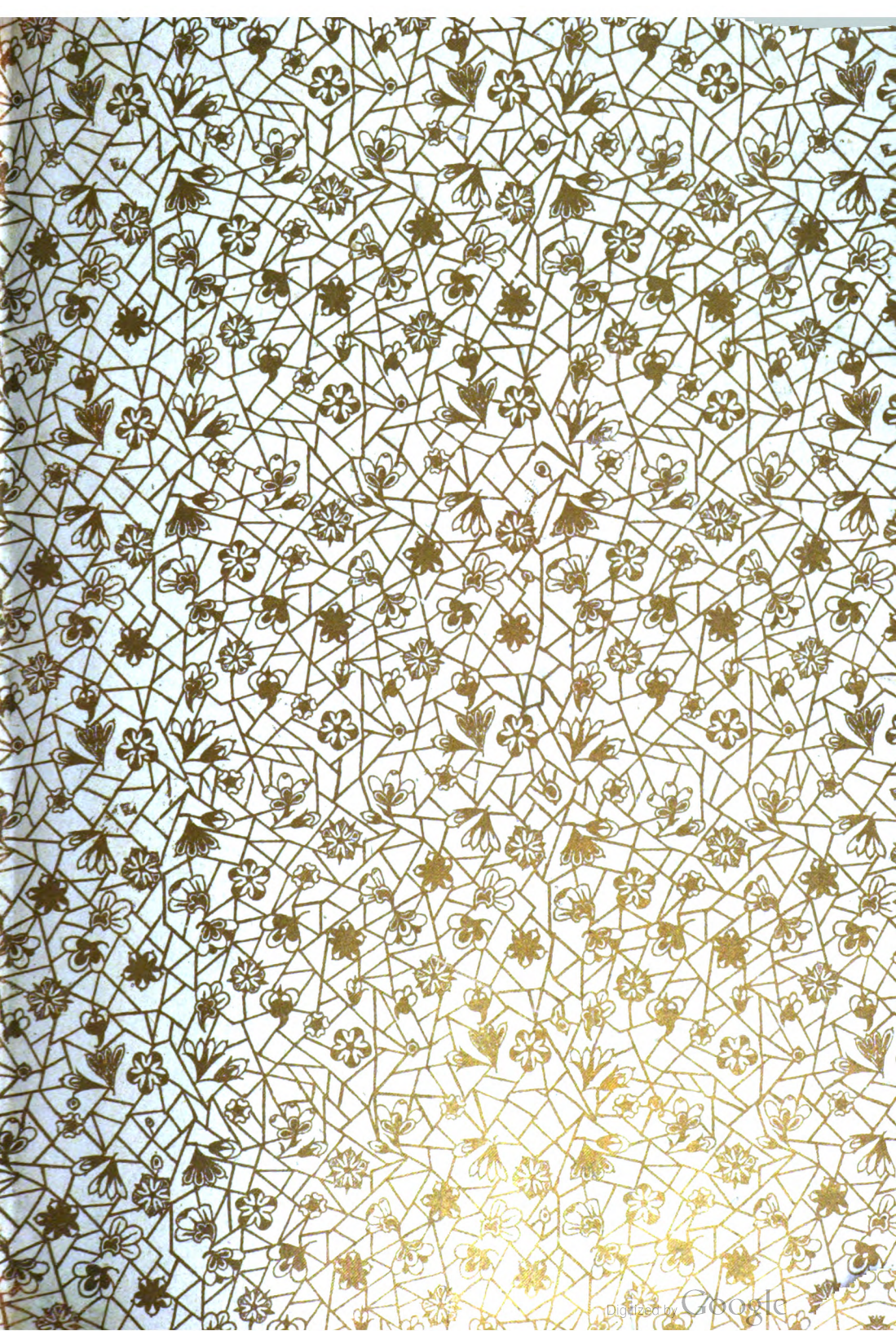

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

№ 422

Отг. II

Лігуб

~~1540~~

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

~~~~~  
ТОМЪ X  
~~~~~

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ

1891

Приложеніе къ журналу
„Всемирная Иллюстрація“

1891

△
P Slav 685.3 (10)

✓

Kell...

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7-го іюня 1891 г.

Типографія Едварда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

О Г Л А В Л Е Н И Е

		Стр.
I.	Мать, рассказ <i>В. С. Лихачова</i>	1.
II.	Стихотворенія <i>К. М. Фюфанова</i>	16, 258, 480.
III.	Другъ, повѣсть <i>Н. Ѡ. Бажина</i>	18, 113, 225, 337.
IV.	Стихотворенія <i>А. Будищева</i>	39, 577.
V.	Желѣзныя дороги и телеграфъ, очеркъ <i>Н. П. Дру-</i> <i>жинина</i>	40, 160.
VI.	Жертвы наркотическихъ ядовъ, очеркъ <i>М. О.</i>	55.
VII.	Деньги, романъ <i>Эмиля Зола</i>	99, 178, 300, 404, 497.
VIII.	Стихотворенія <i>В. П. Лебедева</i>	146, 495.
IX.	Привѣтствія у разныхъ народовъ, очеркъ <i>М. А. О.</i>	147.
X.	Стихотвореніе <i>А. В. Круглова</i>	177.
XI.	Микробы, очеркъ <i>М. А. О.</i>	259.
XII.	Въ послѣдній разъ, эскизъ <i>В. Быстреміна</i>	274.
XIII.	Стихотвореніе <i>А. Луковаго</i>	290.
XIV.	Негрскія басни, изъ собранія д-ра <i>Эмина</i>	291.
XV.	Стихотвореніе <i>В. Л. Величко</i>	365.
XVI.	Русская книга о великомъ нѣмцѣ, статья <i>В. В. Чуйко</i>	366.
XVII.	Стихотвореніе <i>И. Лялечкина</i>	385.
XVIII.	Американское государственное устройство, очеркъ <i>А. Шенбаха</i>	387, 481.
XIX.	Стихотвореніе <i>А. Порфирова</i>	402.
XX.	Осмолокъ, очеркъ <i>В. А. Тихонова</i>	449.
XXI.	Моя жена, романъ <i>Райдера Гемерда</i>	527, 635.
XXII.	Какъ люди погибаютъ, очерки <i>А. Н. Купріяновой</i>	561.
XXIII.	Венетриче, историко-литературный этюдъ <i>В. В. Чуйко</i>	578.
XXIV.	Стихотвореніе <i>Л. Н. Аванасьева</i>	597.
XXV.	Любовь побѣдила, рассказъ <i>А. Догановича</i>	598.

МАТЬ

РАЗСКАЗЪ

Куранты Петропавловской крѣпости заиграли »Коль сла-
вень«. Вещуровъ вздрогнулъ и остановился: онъ только те-
перь замѣтилъ, что находится на Дворцовой набережной.

»Это изъ Измайловскаго-то полка!« мысленно присово-
купилъ онъ: — »занесло же меня...«

Въ то же время Вещуровъ почувствовалъ, что идти
дальше не въ силахъ, наглядѣлъ высѣченную изъ гранита
полукруглую скамью, грузно опустился на нее, закурилъ
папиросу и уже спокойно, не злобствуя и не отчаиваясь,
принялся обсуждать свое положеніе.

Два часа назадъ жена позвала его обѣдать. Подали щи.
Онъ хлебнулъ ихъ и поморщился: это было какое-то мѣсиво
или пойло — мутное, невзрачное, безъ навару и безъ вкуса.
Вещуровъ молча отодвинулъ отъ себя тарелку и искоса
взглянулъ на жену; но она и вниманія на это не обратила.
На смѣну щамъ явились котлеты, засушенные и обуглен-
ныя. Вещуровъ швырнулъ салфетку, выскочилъ изъ-за
стола и ринулся въ переднюю.

— Куда ты? невозмутимо освѣдомилась жена, услыхавъ,
что онъ возится около вѣшалки.

Вещуровъ сначала громко и выразительно усмѣхнулся,
а ужъ потомъ отвѣтилъ:

— Въ трактиръ, конечно. Не голодать же мнѣ!

На это жена ничего не сказала. Вещуровъ одѣлся, крик-

нуль прислугѣ: »заприте за мной!« — и дѣйствительно пошелъ въ трактиръ. Брезгливо съѣвъ шестидесятикопѣечный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ подозрительнаго вида, но съ хитрыми названіями, и заливъ его бутылкой пива, Вещуровъ не вернулся домой, а направился дальше — по Загородному, Владимірскому, Литейному, вышелъ на набережную, повернулъ направо и незамѣтно добрелъ почти до Зимняго дворца: не заиграй куранты, онъ былъ бы въ состояніи прошагать еще столько же, не замѣчая ни мѣсть, ни встрѣчь и не ощущая усталости, давно уже взывавшей къ отдыху.

Стоило ли однако все это продѣлывать изъ-за безвкусныхъ щей и засушенныхъ котлетъ? прилично ли такое поведеніе человѣку благоразумному и благовоспитанному? и кого, кромѣ самого же себя, наказалъ онъ, промѣнявъ хотя и неудавшійся, но завѣдомо свѣжій домашній обѣдъ на трактирный, неизвѣстно изъ чего приготовленный, заплативъ за это деньги — правда, небольшія, но для него все же далеко не лишнія — и предпринявъ совершенно ненужную, доведшую его до изнеможенія, прогулку? Не смѣшно ли?

Кому охота — пусть смѣется, онъ препятствовать не станетъ; но ему не до смѣха: тутъ не въ щажъ и не въ котлетахъ вопросъ, а въ цѣлой будущности. Почему сегодня подали такія щи и котлеты, которыхъ ѣсть нельзя было? потому что его жена съ нѣкоторыхъ поръ не занимается хозяйствомъ. А почему его жена не занимается хозяйствомъ? потому что она — мать. И опять таки бѣда не въ этомъ (мало ли на свѣтѣ прекрасныхъ женщинъ, къ хозяйству вовсе не причастныхъ!), а въ томъ, что она — только мать и ничего больше. Недавно еще она была для него и женой, и другомъ, и товарищемъ; но, едва стала матерью, тотчасъ же перестала быть всѣмъ остальнымъ. Куда же это все дѣвалось?

Черезъ годъ послѣ свадьбы Вещуровыхъ у нихъ родился сынъ; а еще черезъ три мѣсяца этотъ сынъ уже находился при смерти. Домашній врачъ и врачъ-консультантъ объявили,

что ребенокъ долженъ умереть; тѣмъ не менѣе (бываетъ, моль, случай) продолжали поддерживать въ немъ жизнь всѣми зависѣвшими отъ нихъ способами: поили мускусомъ, заставляли дышать кислородомъ и клали на темя холодные компрессы. И то, и другое, и третье исполнялось родителями въ точности, хотя они и не сомнѣвались, что пользы отъ этого никакой нѣтъ и не будетъ: ребенокъ, вмѣсто обычнаго крика, издавалъ только пискъ — и то слабый, чуть слышный, — бессмысленно поводилъ мутными глазами и корчился въ судорогахъ.

На третью ночь послѣ того какъ врачи признали положеніе ребенка безнадежнымъ, Вещуровъ сидѣлъ у его кровати: онъ едва уговорилъ выбившуюся изъ силъ жену прилечь хоть ненадолго и занялъ ея мѣсто. Неоднократно приходилось ему исполнять обязанности сидѣлки — раньше при женѣ, послѣ родовъ, теперь при больномъ сынѣ, — и никогда не могъ онъ съ этими обязанностями примириться: не потому, чтобы онѣ нарушали его привычки, отрывали его отъ работы и отъ досуга и вообще были сопряжены для него съ принесеніемъ извѣстныхъ жертвъ, — а по самому свойству своему. Оказать посильную и даже сверхсильную дѣятельную помощь — встать ночью съ постели и поѣхать за врачомъ, какая бы ни была погода, ухитриться раздобыть денегъ на леченіе, когда раздобыть ихъ негдѣ, исполнить что нибудь такое, чего никто другой исполнить не въ состояніи и о чемъ нельзя подумать безъ чувства брезгливости и даже гадливости, — это онъ понималъ и на это онъ былъ способенъ; но просидѣть нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, въ бездѣйствіи и въ ожиданіи, не начинается ли припадокъ, не пора ли дать лекарство, не нужно ли переменить компрессъ, и при этомъ постоянно быть насторожѣ относительно больного и самого себя, — передъ такой помощью онъ всегда опускалъ руки и падалъ духомъ, терялся и отчаивался. Правда, находилъ онъ для себя нѣкоторое оправданіе въ томъ разсужденіи, что это — чисто женское дѣло,

и что мужчина къ этому непригоденъ; но тогда еще тяжёле становилось ему, какъ человѣку, противъ воли совершившему трудный и показной подвигъ.

Такъ было и въ ту ночь. Уже больше часу томился Вещуровъ, не зная, какъ усѣсться и о чемъ думать, чтобы не заснуть: припоминалъ знакомыя стихотворенія, считалъ и не досчитывалъ до тысячи, воображалъ, что будетъ, когда ребенокъ умретъ, — и каждый разъ, какъ ловилъ себя на томъ, что начиналъ дремать, спѣшилъ переменить положеніе на менѣе удобное. Вначалѣ онъ рѣшилъ просидѣть три часа; потомъ — убѣдившись, что его на это не хватитъ — придумалъ иначе: черезъ два часа разбудить спавшую тутъ же няньку, такъ какъ она легла раньше жены, а самому провести остальной часъ и даже больше, если понадобится, хоть въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ бы чувствовалъ себя свободнѣе; могъ ходить, курить, читать; наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію, что такимъ образомъ ему и двухъ часовъ не высидѣть, и уже готовъ былъ кликнуть няньку, — но въ это время пошевелился ребенокъ.

Вещуровъ склонился надъ кроватью. Правая рука ребенка медленно и прерывисто поднималась изъ-подъ одѣяла, а черты лица судорожно подергивались: начинался припадокъ. Вещуровъ схватилъ подушку съ кислородомъ и поднесъ конецъ трубки ко рту ребенка. Черезъ минуту судороги внезапно прекратились; рука, какъ поднялась, такъ и осталась. Вещуровъ вздрогнулъ и прислушался: ему показалось, что ребенокъ пересталъ дышать.

— Няня! тихо позвалъ Вещуровъ.

— Сейчасъ! сейчасъ! торопливо откликнулась та, соскакивая съ постели.

— Посмотри, что съ нимъ. Не конецъ ли?

— Слышала я.

— Что слышала?

— Икнулъ будто. Два раза икнулъ этакъ и замолѣлъ.

»Отчего же я не слыхалъ?« подумалъ Вещуровъ.

Это дѣйствительно былъ конецъ. Нянька вздохнула и перекрестилась, потомъ заплакала. Глядя на нее, безсознательно перекрестился и Вещуровъ.

»Что же дальше?« продолжалъ думать Вещуровъ: — »разбудить жену... Но какъ разбудить? что сказать?«

И вдругъ ему вспомнился случай изъ дѣтства. Былъ вечеръ. Онъ — тогда еще восьмилѣтній мальчикъ — стоялъ посреди освѣщенной комнаты и чего-то ждалъ. Отворилась дверь; вошли мать и отецъ. Мать, склонивъ голову на плечо отца, громко рыдала, а тотъ, поддерживая ее и цѣлуя, участливо говорилъ: »ну, что же дѣлать, голубушка! что же дѣлать!..« Оказалось, что умеръ младшій братъ Вещурова, материнъ любимецъ.

Подбодренный этимъ воспоминаніемъ, Вещуровъ пошелъ къ женѣ и тихонько разбудилъ ее.

— Развѣ ужъ пора? спросила жена, несовсѣмъ еще очнувшись.

— Да, пора... значительно подтвердилъ Вещуровъ; послѣ этого онъ несмѣло обнялъ и поцѣловалъ ее.

Жена сдѣлала движеніе. Вещуровъ не пустилъ ее и поцѣловалъ еще нѣсколько разъ.

— Ахъ, оставь!.. произнесла она съ такимъ выраженіемъ, какъ будто поняла его поцѣлуи иначе.

Вещуровъ не зналъ, что сказать ей на это, и только продолжалъ удерживать ее. Тогда она встрепенулась и быстро взглянула на него.

— Что такое? Петя?..

— Да...

— Умеръ?!

— Да...

Вещуровъ хотѣлъ было прибавить: »что же дѣлать, голубушка!« — но не успѣлъ, а, можетъ быть, и не рѣшился. Жена всплеснула руками, вырвалась изъ его объятій и съ воплемъ бросилась въ дѣтскую...

Мимо Вещурова сновали прохожіе, поглядывая на него — кто равнодушно, кто съ любопытствомъ; съ Невы доносились пароходные свистки и всплески весель; на мосту грохотали колеса и стучали копыта: а онъ все сидѣлъ, все вспоминалъ...

Прошло около четырехъ лѣтъ.

Долго убивалась мать по своему первенцѣ, — въ первые дни Вещуровъ опасался даже за ея здоровье и рассудокъ, — еще дольше тосковала по немъ; но въ концѣ концовъ если не утѣшилась, то успокоилась, — и тутъ-то настала для Вещурова желанная пора тихаго ровнаго счастья... пожалуй, черезчуръ даже ровнаго: нѣжно и любовно отвѣчая на его ласки, жена не спѣшила къ нимъ на встрѣчу, не требовала и не предупреждала ихъ и легко безъ нихъ обходилась. На это онъ, однако, не жаловался: не любовницу же, въ самомъ дѣлѣ, завелъ онъ, а жену — друга и товарища, — и какимъ прекраснымъ другомъ и товарищемъ была она для него! А спросить бы его, въ чемъ собственно эти дружба и товарищество выражались, — онъ не сразу бы отвѣтилъ, или отвѣтилъ бы: во всемъ — и ни въ чемъ. Мысленно переживая теперь это блаженное время, онъ не находилъ ни одного рѣзкаго случая, ни одной выпуклой черты, на которыхъ могъ бы остановиться съ особенною гордостью и съ особеннымъ торжествомъ; но развѣ истинное счастье уловимо? развѣ здоровый человѣкъ въ состояніи объяснить, почему онъ здоровъ? Здоровъ — и больше ничего; счастливъ — и тоже больше ничего. Бываетъ иное счастье: ринется на человѣка что-то огромное, могучее, стихійное, какъ волна въ морѣ, — ринется, обдастъ, захлестнетъ; и сладко, и жутко станетъ человѣку — не то рай земной, не то адъ крошечный... но какое же это счастье? это — чадъ, кошмаръ, безуміе; это — смерть, а не жизнь.

Пришла смерть и счастью Вещурова — пришла въ видѣ новаго счастья, новой благодати...

Однажды, вернувшись со службы домой, Вещуровъ за-

мѣтилъ, что жена встрѣтила его несовсѣмъ обычно: особенно поразило его выраженіе лица — одновременно ликующее и смущенное.

— Чтѣ это ты... такая? пытливо освѣдомился онъ.

— Какая? переспросила она вмѣсто отвѣта, причемъ по ея губамъ скользнула загадочная усмѣшка.

— Елейная какая-то, торжественная... послѣ причастія точно...

— Ничего...

Вещуровъ недовѣрчиво взглянулъ на жену, но смолчалъ, зная, что если случилось что нибудь болѣе, или менѣе важное — она отъ него не скроетъ; только вдругъ ему отчего-то не по себѣ стало, какъ бываетъ съ нервными людьми передъ грозой: онъ и дивился этому ощущенію, и въ то же время не могъ его побороть.

Пообѣдавъ, Вещуровъ легъ отдохнуть. Жена вошла въ спальню и присѣла на кровать. Онъ взялъ ее за руку. Она улыбулась, зардѣлась и стремительно припала къ нему. У него закружилась голова.

— Варя! чтѣ съ тобой? нѣжно и вкрадчиво спросилъ Вещуровъ, еще ближе привлекая къ себѣ жену.

— Милый! радость намъ! чуть слышно прошептала та.

— Какая радость? откуда?

— Не догадываешься?

— Нѣтъ. Чтѣ такое?

— Я беременна...

Вещуровъ быстро отнялъ руку. Лицо жены сразу омрачилось; она выпрямилась и вздохнула.

— Ты огорченъ, я вижу...

Вещуровъ смутился.

— Нисколько не огорченъ... чего тутъ огорчаться! Не ожидалъ просто... Это вѣрно?

— Вѣрно!

— Ну, поздравляю...

Говоря это, Вещуровъ смотрѣлъ въ сторону; но женѣ

удалось таки поймать его взглядъ — и, должно быть, онъ ей не понравился, потому что она тотчасъ же встала.

— Куда же ты, Варюша? спохватился Вещуровъ: — посиди...

Жена еще разъ вздохнула и вышла изъ комнаты. Вещуровъ приподнялся, сунуль одну ногу въ туфлю, посидѣль съ минуту и опять легъ.

Онъ дѣйствительно былъ огорченъ — жена угадала, но только не тѣмъ огорченъ, что у него долженъ родиться ребенокъ, а чѣмъ-то инымъ, еще для него самого неяснымъ и невѣрнымъ. Жили вдвоемъ, явится третій. Жена говоритъ: »радость«; и всѣ такъ говорятъ... Положимъ, но за чѣмъ она, эта радость, когда и безъ того радостно? не будетъ ли она лишнею? Сколько хлопотъ, тревогъ... чужие люди, новые порядки... Теперь вотъ его кровать въ спальнѣ стоитъ, какъ и слѣдуетъ, — а потомъ ее придется въ кабинетъ перенести: мелочь, но мелочь досадная; акушерка недѣли на двѣ поселится — ухаживай, ублажай, чтобы не обидѣлась какъ нибудь, не ушла раньше срока: тоже мелочь, но тоже досадная. Да мало ли! Всего надо ожидать и ко всему быть готовымъ. Странно только, что онъ именно къ этому не приготовился, будто и не ожидалъ. Дѣло вполнѣ естественное: гдѣ бракъ, тамъ и дѣти; а его какъ бухомъ пришибло. Застигнутый врасплохъ, онъ и собственное огорченіе не сумѣлъ скрыть, и жену огорчилъ: сразу что-то легло между ними: хорошо еще, если обыкновенное недоразумѣніе; а если разрывъ, бездна? У женщины это скоро дѣлается... Кто же изъ нихъ виновать? Не онъ, конечно, но и не жена. Она видимо ждала этого, долго ждала — и дождалась. Оттого-то раньше она и была такъ сдержанна: ей недоставало того, чего хотѣло и требовало ея сердце; оттого-то сегодня... Да, ужъ давно не видалъ онъ ее такою, какъ сегодня: сама пришла, сама приласкалась; онъ обрадовался было, на свой счетъ принялъ... Ахъ, что-то будетъ!

Вещуровъ не ошибся, думая, что огорчилъ жену; но это

огорченіе было непродолжительно. Въ молодой женщинѣ уже проснулась будущая мать — и материнское чувство поглотило всѣ остальные. Мужа она не забыла, только въ отношеніяхъ ея къ нему все чаще и ярче стала проявляться какая-то, небывалая прежде, снисходительная терпимость; она такъ обращалась съ нимъ, какъ будто говорила: »я ничего противъ тебя не имѣю, но мнѣ ужъ не до тебя«. И Вещуровъ временно покорился: рядомъ съ горькимъ сознаніемъ, что жена день за днемъ ускользаетъ отъ него, и что удержать ее онъ безсиленъ, — въ немъ жила еще смутная надежда на ея возвращеніе: родится ребенокъ, утихнутъ первые восторги — и опять все пойдетъ если не по лучшему новому, то хоть по хорошему старому.

Ребенокъ родился, но первые восторги не утикли, а обратились въ постоянные; все пошло не по старому, а по новому, но лучшее осталось для Вещурова въ старомъ.

Явнаго разрыва не было. Мужъ и жена продолжали оставаться мужемъ и женой, также, какъ прежде, обмѣниваясь мыслями и чувствами, ища другъ у друга совѣта и опоры и надѣлая другъ друга ласками и утѣхами; новое же заключалось въ томъ, что единственною — начальною и конечною — точкою этихъ отношеній со стороны жены являлся ребенокъ: все отъ него, черезъ него и для него. Ребенку шито новое платьице: какже не показать его мужу, не похвастаться своей работой и лишній разъ не умилиться при мысли, кто это платьице надѣнетъ? У ребенка обнаружилась способность различать окружающіе предметы: кому же, какъ не мужу, повѣдать радостное открытіе и съ кѣмъ же, какъ не съ нимъ, обсудить дальнѣйшіе воспитательные приемы? Ребенокъ здоровъ и крѣпко спитъ, мать свободна: отчего-жь не пожертвовать долей этой свободы мужу — не побесѣдовать съ нимъ объ его дѣлахъ, не придать ему бодрости въ трудахъ и заботахъ, не утѣшить его лаской, — тѣмъ болѣе, что, въ сущности и жертвы здѣсь никакой нѣтъ? Во-первыхъ она все еще любитъ мужа, во-вторыхъ,

чѣмъ сильнѣе привязывается она къ ребенку (а эта привязанность растетъ съ каждымъ днемъ), тѣмъ страшнѣе становится ей думать, что онъ у нея одинъ, и что она можетъ лишиться его также, какъ лишилась перваго. За четыре предшествовавшіе года она ужъ почти привыкла вѣрить, что матерью больше ей не быть; но, разъ это опасеніе не оправдалось, зачѣмъ ей останавливаться? Потерять ли единственнаго, или потерять одного изъ нѣсколькихъ — какое же сравненіе!

Само собою разумѣется, что Вещуровъ охотно откликался на всѣ призывы жены, хотя при этомъ нимало себя не обольщалъ и не обманывалъ: лучше что нибудь, чѣмъ ничего; лучше призракъ блаженнаго прошлаго, чѣмъ это настоящее въ его безотрадной дѣйствительности. Къ тому же, его подобными призывами и неособенно баловали; гораздо чаще случалось обратное. Стоило ребенку не только захворать, но не во-время пискнуть, не взять груди, разгорѣться во снѣ — и мать терялась, приходила въ отчаяніе, поднимала всѣхъ на ноги: если Вещуровъ былъ дома, она немедленно посылала его за врачомъ; если Вещурова не было дома, она встрѣчала его при возвращеніи слезами и упреками; если къ Вещурову являлся пріятель, она передъ носомъ гостя захлопывала дверь и продолжала громко ворчать за дверью. Пока хватало терпѣнья, Вещуровъ всячески ее уговаривалъ и успокоивалъ, а когда терпѣнье истощалось, онъ или запирался въ кабинетъ, или убѣгалъ изъ квартиры — въ родѣ того, какъ убѣжалъ на этотъ разъ, будто изъ-за неудавшагося обѣда. Ахъ еслибы только одни обѣды не удавались!..

Вторично заиграли куранты Петропавловской крѣпости; вторично вздрогнулъ и очнулся Вещуровъ.

»Нѣтъ, такъ нельзя!« рѣшилъ онъ: — »съ этимъ надо покончить... сегодня же, сейчасъ же. Поговорить, убѣдить... Не совѣмъ же она обезумѣла, должна же она понять... А иначе... Ну, да чтѣ впередъ заглядывать — тамъ видно будетъ. Но ужъ я ей скажу! я все ей скажу!..«

И съ этимъ рѣшеніемъ Вещуровъ отправился домой.

Барвара Яковлевна Вещурова сидѣла за шитьемъ и вела разговоръ съ мужемъ, собравшимся наконецъ съ духомъ — высказать ей все, что у него за послѣднее время накопило.

— Пойми ты, говорилъ Вещуровъ, то порывисто шагая изъ угла въ уголъ, то останавливаясь передъ женой, то присаживаясь: — пойми, что я не о себѣ хлопочу... т. е. о себѣ, если хочешь, но не въ томъ смыслѣ, какъ ты навѣрное думаешь. Семья нераздѣльна: мужъ, жена, дѣти — все одно цѣлое. А у насъ что? какая у насъ семья? гдѣ у насъ единство?

— Ты самъ... начала было Барвара Яковлевна; но Вещуровъ перебилъ ее:

— Что я самъ?

— Ты самъ не хочешь, самъ сторонисься...

— Чего, я не хочу? чего я сторонюсь? Скажи, пожалуйста!

— Я вѣрю, что ты любишь Митю...

— Еще бы не вѣрила!

— Но тебѣ какъ-то все равно. Все тебѣ надо указывать, напоминать... никогда самъ къ нему не заглянешь, не спросишь: здоровъ ли, не нужно ли чего... все я да я!

— Такъ и слѣдуетъ. У меня свои заботы — не могу я объ одномъ ребенкѣ думать.

— Кто-жъ о немъ думать будетъ?

— Ты, конечно. Кому же больше!

— Я и думаю.

— Думаешь? только думаешь? Нѣтъ, мало того, что думаешь: ты живешь имъ, дышишь имъ! ты и себя, и меня ему въ жертву приносишь! Развѣ наша собственная жизнь кончена? развѣ намъ нечего больше желать, не къ чему больше стремиться? Заперлись въ дѣтской, обложились пеленками — и все тутъ? всѣ мысли и чувства, всѣ радости и горести?

— Отъ тебя никто и не требуетъ...

— А отъ тебя требуютъ?

— Я — мать, не забывай этого.

— Но и жена! а я — твой мужъ! Я-то не забываю... ты вотъ забываешь!

— Я только и слышу отъ тебя: жена, мужъ... Какже ты говоришь, что не о себѣ хлопочешь?

— Только и слышишь? Плохо же ты слушаешь!.. Да, ты — жена! это значить, что ты — женщина, человѣкъ! А гдѣ это все? осталось ли въ тебѣ что нибудь женское, человѣческое? Нигдѣ не показываешься, ни съ кѣмъ не видишься, ничего не читаешь, ни о чемъ не размышляешь... Ребенокъ, ребенокъ, ребенокъ — съ ума сойдешь!

— Въмѣсто того чтобы попрекать меня, посмотрѣлъ бы ты лучше на нашу Діану — какъ она со своими щенятами...

— Такъ вѣдь то — Діана! собака!

— Я и не хочу быть худшей матерью, чѣмъ она.

— А лучшей быть не хочешь? такой, какъ должна быть по образу и подобію божію? О чемъ же я и стараюсь, какъ не объ этомъ! Повторяю тебѣ: мать-жена, мать-женщина, мать-человѣкъ — вотъ настоящая мать. Діана выкормила своихъ щенятъ — и дѣла ей больше до нихъ нѣтъ; а ты развѣ на этомъ кончишь? можешь кончить? смѣешь кончить?

— Я знаю...

— Нѣтъ, не знаешь! Я вѣдь прекрасно вижу: ты съ первыхъ же словъ моихъ рѣшила, что весь этотъ разговоръ я затѣялъ только ради себя, и больше ничего знатъ не хочешь. Изъ-за чего взбѣленился человѣкъ? изъ-за того, что пришлось ему занять въ домѣ второе мѣсто, — дѣло ясное. Бывало, жена и въ ласкѣ ему никогда не откажетъ, и всякой думой съ нимъ подѣлится, и въ кабинетъ его заглянетъ — нѣтъ ли тамъ безпорядка, и за кухаркой присмотрить — не испортила бы чего... а ужъ теперь иначе все пошло: жена устала, жена встревожена, жена потеряла голову, — немудрено, что ему иной разъ и потерпѣть дово-

дится — то ночь безъ сна провести, то изъ-за стола голоднымъ встать... Вотъ твое разсужденіе, чисто женское! По вашему, если человѣкъ чего нибудь добивается, о чемъ нибудь хлопочетъ — то ужъ непремѣнно изъ личныхъ разчетовъ: ему такъ хочется, ему такъ удобно! А ты и не догадываешься, что въ твоемъ поведеніи гораздо больше эгоизма, чѣмъ въ моемъ? Да, да! Безъ толку пичкать ребенка грудью — потому что такъ жалко, когда онъ, бѣдненькій, пищитъ и плачетъ, — развѣ это не эгоизмъ? Держать ребенка въ двадцатиградусной температурѣ и чуть не въ вату его кутать — потому что такъ пріятно цѣловать его, когда онъ весь тепленькій, — развѣ это не эгоизмъ?

— Нѣтъ, это не эгоизмъ.

— Что-жъ это такое? любовь?

— Да. Будь онъ всегда здоровъ...

— А, да что! здоровъ, нездоровъ... Всѣ мы бываемъ и здоровы, и нездоровы... И кто же тутъ виноватъ, какъ не ты сама? Мало того, что ты его паришь, и закармливаешь, — сколько ужъ онъ, по твоей милости, всякой дряни аптечной проглотил! удивляться надо, какъ ты еще до сихъ поръ не отравила его...

— Ты самъ лечишься, когда хвораешь.

— А ты знаешь, когда я хвораю? Я вотъ нѣсколько дней кряду самъ не свой ходилъ — и не ѣлъ почти ничего, и работалъ черезъ силу, и въ лицѣ измѣнился, — обратила ты на это вниманіе? Конечно, не обратила, иначе спросила бы. Или, можетъ быть, не нашла нужнымъ спросить?

— Когда-жъ это было? отчего-жъ ты мнѣ не сказалъ?

— Такъ ужъ... привыкъ, что ты всегда первая замѣчала — раньше меня... И опять таки выходитъ, что я о себѣ рѣчь веду. Ну да, о себѣ — я ужъ говорилъ... но почему о себѣ? потому что я себя отъ васъ двоихъ не отдѣляю. Ты ли больна, ребенокъ ли боленъ, я ли самъ — не все ли равно? Насъ теперь трое — и должно быть трое, какъ должны быть у каждаго два глаза, два уха, двѣ руки, двѣ ноги: нѣтъ

чегонибудь — калѣка. Еслибы и ты также смотрѣла и также поступала — не было бы между нами ни этого недоразумѣнія, ни этихъ пререканій, а жили бы мирно и тихо, любовно и согласно... Варя! милая! оглянись назадъ, вспомни прошлое! Неужто погибло оно — и нѣтъ ему возврата? Ахъ Варя, Варя! вѣдь я одинъ! у меня семья, но я одинъ! Что я такое для семьи? работникъ! кормилецъ! Я не только не мужъ — я и не отецъ. Я не могу относиться къ своему ребенку такъ, какъ долженъ былъ бы относиться! я не могу любить его такъ, какъ хотѣлъ бы любить!

— Кто тебѣ мѣшаетъ?

— Ты! ты мѣшаешь! ты между нами стоишь!

— Ну что-жь... убей меня!

— Тебя? нѣтъ, я скорѣй себя убью! Мнѣ ужъ это приходило въ голову не разъ... и этимъ кончится!

— Ты не имѣешь права...

— А-а-а... я не имѣю права... Ну, понятно! всѣ права у меня отняты — даже на собственную жизнь! Такъ знай же...

— Постой!

Варвара Яковлевна такъ быстро и властно остановила мужа, что онъ невольно умолкъ. Она стала къ чему-то прислушиваться; насторожился и онъ. Въ сосѣдней комнатѣ запищаль ребенокъ. Варвара Яковлевна, какъ попало, бросила шитье и устремилась туда. Вещуровъ растерянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ бы недоумѣвая, что такое случилось...

Ребенокъ затихъ. Варвара Яковлевна не возвращалась. Вещуровъ подошелъ къ закрытой двери, осторожно приотворилъ ее и заглянулъ въ комнату. Варвара Яковлевна сидѣла на своей кровати, держа у груди ребенка и сама склонившись надъ нимъ. Не измѣняя положенія, она сдѣлала знакъ мужу, чтобы онъ дальше не двигался.

— Заснулъ? попотомъ спросилъ Вещуровъ.

Варвара Яковлевна молча кивнула головой. Вещуровъ всетаки приблизился, стараясь ступать какъ можно тише,

и сѣлъ на ту же кровать. Взглядъ его скользнулъ по ребенку и остановился на женѣ.

Онъ не узнавалъ ее. Чтѣ съ ней стало, до чего она преобразилась — не въ эти послѣдніе мѣсяцы, а въ эти послѣднія минуты! Тамъ, бесѣдуя съ нимъ, она все еще была его женой — прежней женой, хотя и охладѣвшей къ нему и замкнувшейся въ себѣ: она слушала его и возражала ему, то защищаясь, то обвиняя, — какъ обыкновенно бываетъ въ супружескихъ объясненіяхъ; здѣсь же... нѣтъ, это не жена его! Съ ней онъ не могъ бы говорить такъ, какъ говорилъ съ той; одинъ видъ этого величаваго спокойствія, этой благоговѣйной торжественности отнял бы у него всякую рѣшимость. Кормить ребенка — дѣло тоже обыкновенное; но она не просто кормить, а совершаетъ священнодѣйствіе.

Священнодѣйствіе... вотъ оно — слово! вотъ она — разгадка! Все, чтѣ мучило его самого и въ чемъ онъ упрекалъ жену, чтѣ казалось ему недостойнымъ разумаго существа и съ чѣмъ онъ считалъ себя обязаннымъ бороться, — все это сводилось къ священнодѣйствію: не къ тому обрядному, разсудочному священнодѣйствію, которое, будучи лживымъ, боится правдиваго слова, — а къ тому бессознательному, животному священнодѣйствію, которое ничего не боится и уступаетъ одному насилію. Но на это средство онъ никогда не дерзнулъ бы... да и зачѣмъ!

Въ груди у Вещурова что-то упало, словно оборвалось; къ глазамъ подступали слезы. Онъ еще разъ взглянулъ на жену, медленно — чтобы не потревожить ребенка — поднялся съ мѣста и, также осторожно ступая, вышелъ изъ комнаты...

В. Лихачовъ

* * *

Бдетъ въ раковинкѣ моря
Эльфовъ дружная семья;
Ихъ волшебной пѣснѣ вторя,
Усыпляется струя.

Надъ ладьей развить вѣтриломъ
Лепестокъ румяныхъ розъ;
Лучъ — рулемъ и миль свѣтиламъ;
Весла — усики стрекозъ.

Бдутъ долго: мимо пастбищъ,
Зеленѣющихъ луговъ,
Мимо храмовъ, мимо кладбищъ,
Мимо шумныхъ городовъ.

Бдутъ къ острову родному —
Вотъ и онъ невдалекѣ;
По скалистому излому
Запримѣтенъ на рѣкѣ.

Отчего-жъ такъ эльфы рады
Этой блѣдной сторонѣ?..
Пѣснь звучнѣй, яснѣ взгляды, —
Тамъ родилися они!

Тамъ нѣтъ холода земнаго,
Ни корысти, ни вражды;
Въ дни волненья роковаго
Пѣснь — наградой за труды.

Тамъ гостятъ мечты поэта,
Отрѣшившись отъ земли, —
Но отъ глазъ и толковъ свѣта
Затеряться не могли...

Н. Фофановъ

ДРУГЪ

Повѣсть

I

Когда Леденевъ готовился сдавать послѣдній экзаменъ передъ выпускомъ изъ гимназіи, къ нему зашелъ дѣдъ по отцу, коренастый 70-лѣтній старикъ съ зеленымъ зонтикомъ надъ больными глазами.

— Кончаешь? спросилъ онъ внука, указывая движениемъ головы на тетради и книги, наваленныя на столѣ.

Внукъ отвѣчалъ, что послѣзавтра послѣдній экзаменъ.

— Слава Богу, пора, сказалъ дѣдъ. — Дѣтинѣ 18 лѣтъ, самое время жениться и воспитывать своихъ дѣтей, а онъ еще въ училище ходить... Ну, скажи мнѣ теперь: есть у тебя что нибудь въ виду, или ничего нѣтъ? чтò ты думаешь дѣлать?

У Петра Леденева не было въ виду ничего. Продолжать образованіе и перейти изъ гимназіи въ какое нибудь высшее учебное заведеніе онъ не рѣшался — отчасти потому, что не зналъ, куда идти и чѣмъ сдѣлаться: математикомъ, юристомъ, медикомъ, технологомъ, — а отчасти потому, что не могъ себѣ представить, какъ ему сдвинуться съ мѣста. Нужны были деньги, чтобы доѣхать или дойти до университетскаго города, сшить себѣ хоть самое немудрое платье, внести плату за слушанье лекцій, нанять себѣ уголь, а денегъ, онъ зналъ, не было для него припасено ни у кого.

— Что же у меня можетъ быть въ виду? сказалъ онъ. — Одно только: надо искать себѣ занятіе.

— Ну, такъ слушай же теперь, что я тебѣ скажу, сказавъ дѣду, упершись указательнымъ пальцемъ ему въ колѣно. — Занятіе я тебѣ нашелъ — въ думѣ... Будешь получать 8 рублей жалованья. На первое время — и это деньги. Жить тебѣ надо будетъ перебраться ко мнѣ. Ъсть и пить чай ты будешь тоже со мной., Расплачиваться за это тебѣ придется тѣмъ, что ты будешь въ свободное время, по вечерамъ, писать мнѣ нужныя бумаги. Глаза у меня теперь уже никуда негодятся, а писать нужно много; такъ, вмѣсто того чтобы нанимать чужаго человѣка, лучше же я устрою сдѣлку съ тобой. Согласенъ ты на это? Вѣдь все равно тебѣ нужно куда нибудь идти отсюда, потому что, по правдѣ-то сказать, ты здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ.

Петръ вздохнулъ, но долженъ былъ согласиться, что это правда. Отецъ его умеръ уже шесть лѣтъ назадъ; мать черезъ три года послѣ смерти перваго мужа вышла замужъ вторично. И она, и ея второй мужъ были незлые люди и никогда не относились худо къ Петру, но всетаки онъ не могъ не чувствовать, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ ребенкомъ, рождавшимся у матери, становился въ семьѣ все болѣе чужимъ человѣкомъ.

Дня черезъ три Леденовъ перебрался на новое жительство. По утрамъ онъ сталъ ходить заниматься въ городскую управу, по вечерамъ или писалъ для дѣда разныя дѣловыя бумаги и письма, или садился за какую нибудь книгу, взятую изъ библіотеки.

— Давно ли у тебя явилась эта страсть къ книгамъ? спросилъ однажды старикъ, скоро замѣтившій, что внукъ иногда засиживается за ними до свѣту.

— Давно... года четыре, должно быть, будетъ...

— А испортили онѣ тебѣ глаза или еще не испортили? спросилъ дѣду, выразительно поправляя зеленый козырекъ надъ своими большими глазами.

— Нѣтъ, глаза-то онѣ мнѣ не испортили, а кое въ чемъ другомъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ повредили, просто душно сказалъ Петръ. — Еслибы не онѣ, такъ я, пожалуй, вышелъ бы изъ гимназіи первымъ ученикомъ, съ медалью... было бы легче поступить въ университетъ.

— Ну, въ университетъ! пренебрежительно проворчалъ старикъ. — Только если ты самъ не бережешь своихъ глазъ, такъ, извини ужъ, и я не стану больше церемониться съ ними. Съ завтрашняго дня засядемъ-ка мы за работу вплотную, прибавилъ онъ.

И дѣйствительно, съ слѣдующаго же вечера онъ завалилъ внука работой. Старикъ велъ въ сенатѣ процессъ съ монастыремъ, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ оспаривавшимъ у него землю; судился съ мельникомъ, который каждагодно затоплялъ водою его покосъ; судился съ сосѣдомъ изъ-за того, что тотъ выстроилъ жилой флигель почти совсѣмъ вплотъ къ его дому. Нужно было дѣлать безчисленные выписки изъ старыхъ актовъ и резолюцій, составлять разныя докладныя записки, прошенія, отзывы, писать дѣловыя письма. Въ первое время эта работа показалась Петру Леденеву истинно каторжною работою, но потомъ, когда старикъ вдохнулъ въ него увѣренность, что дѣло идетъ о восстановленіи нарушенной справедливости, юноша преисполнился готовностью писать апелляціонныя отзывы хоть 20 часовъ въ сутки.

— Я ищю не прибыли, а справедливости, горячо говорилъ старикъ. — Не могу я позволить, чтобы всякій проходимецъ тащилъ у меня, чтò вздумается, потому только, что я бѣденъ, старъ, слѣпъ, одинокъ... А прибыли мнѣ не нужно. На что она старику, которому и жить-то осталось всего полтора года...

— Какъ полтора года?!

— Такъ, полтора: годъ и 6 мѣсяцевъ, если это тебѣ понятнѣе. Развѣ ты этого не знаешь? Мы, Леденевы, всѣ знаемъ, что какъ только у насъ начали болѣть глаза и начался шумъ въ головѣ, — значить, намъ остается доживать

3 года. И глаза болятъ, и шумъ въ головѣ у меня уже годъ и 6 мѣсяцевъ; слѣдовательно, сроку мнѣ остается всего 1½ года. Пожалуй, хотъ запиши это себѣ, для памяти.

Самъ Петръ, погруженный въ свои книги и слишкомъ еще юный для того, чтобы пристально всматриваться въ людей, по всей вѣроятности, нескоро бы понялъ своего дѣда и его положеніе. Но теперь, когда ему было сказано, что дѣдъ бѣденъ, дряхлъ, слѣпъ, одинокъ и стоитъ на краю могилы, — онъ вдругъ почувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, что это правда, — ахъ, какая печальная правда! Изъ тѣхъ же своихъ книгъ юноша зналъ, что справедливость выше всего въ мірѣ, что слабого слѣдуетъ защищать, немощному оказывать помощь, — и онъ далъ себѣ торжественное обѣщаніе постараться, чтобы при немъ дѣдъ не чувствовалъ себя ни одинокимъ, ни слѣпымъ, ни безпомощнымъ.

II

Однако старику не пришлось прожить даже и того недолгаго срока, на который онъ рассчитывалъ. Петръ переѣхалъ къ нему въ началѣ іюня, а въ концѣ слѣдующаго марта, когда со всѣхъ сторонъ разомъ хлынула внешняя вода и, журча и пѣнясь, забѣжала, между прочимъ, и на дворъ Леденевыхъ, дѣдъ скоростижно покончилъ свои дни. Разсердившись и на эту воду, и на неповоротливаго дворника, который не могъ сдвинуть съ мѣста бревно, преграждавшее дорогу водѣ, горячій старикъ самъ схватилъ ломъ, подsunулъ его подъ это бревно, понатужился и тутъ же упалъ мертвый отъ разрыва кровеноснаго сосуда.

Приѣхалъ за наслѣдствомъ единственный оставшійся въ живыхъ сынъ старика, служившій въ Москвѣ и уже много лѣтъ не видѣвшійся и не переписывавшійся съ отцомъ, потому что былъ съ нимъ въ ссорѣ изъ-за какихъ-то денегъ. Это былъ очень пожилой сутуловатый человекъ съ блѣдными, точно надутыми изнутри, щеками и съ длинными

свѣтлыми бакенбардами, старательно расчесанными. Со своимъ племянникомъ, Петромъ, онъ съ первой же встрѣчи обошелся очень холодно, какъ съ человѣкомъ совсѣмъ лишнимъ въ домѣ, а потомъ, когда осмотрѣлъ наслѣдство, сдѣлался еще холоднѣе.

— Странное и непонятное дѣло! Куда могли исчезнуть нѣкоторыя вещи? заговорилъ онъ, расправляя пухлыми пальцами бакенбарды и пытливо косясь на юношу. — У отца были три или четыре чрезвычайно древнія иконы... потомъ нѣсколько очень старинныхъ церковныхъ книгъ... потомъ еще ларецъ чернаго дерева съ рѣзбою изъ слоновой кости и съ серебряными украшеніями. Куда все это могло дѣваться?

Петръ ничего не могъ сказать объ этихъ вещахъ. Правда, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, лѣтъ семи или восьми, ему случалось иногда разсматривать у дѣда и этотъ ларецъ съ серебряными наугольниками, и какія-то закапанныя воскомъ церковныя книги съ маленькими раскрашенными картинками, но съ тѣхъ поръ онъ, кажется, ни разу не видалъ ихъ.

— Положимъ, эти вещи и сами по себѣ имѣютъ нѣкоторую цѣнность, какъ весьма старинныя, продолжалъ дядя, не переставая коситься на него. — Но дѣло не въ этомъ. Я бы самъ готовъ былъ заплатить нѣкоторую сумму, только бы воротить ихъ... Главная ихъ цѣнность для насъ заключается въ томъ, что онѣ — наши фамильныя вещи и уже нѣсколько сотъ лѣтъ переходятъ отъ отца къ сыну.

Петръ молчалъ и не безъ любопытства посматривалъ на дядю, который, со своими бакенбардами, толстыми кольцами на пальцахъ и разными золотыми висюльками на часовой цѣпочкѣ, начиналъ казаться ему очень похожимъ на губернаторскаго повара-нѣмца, Юлія Карловича.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда Петръ переписывалъ въ думѣ бумаги, къ нему пришла туда его мать.

— Ходила по лавкамъ, да и размотала всѣ деньги, ска-

зала она, обмахивая платкомъ лицо, разгорѣвшееся отъ ходьбы и жары. — Дай-ка ты мнѣ, сколько у тебя есть лишнихъ...

Петръ съ готовностью досталъ изъ кармана свой желтый замшевый кошелекъ и раскрылъ его.

— Да возьмите хоть всѣ. Тутъ, должно быть, 30 съ чѣмъ-то рублей... и серебряный пятакъ... и еще орѣхъ двойчатка, сказалъ онъ, смѣясь. — А, впрочемъ, я, пожалуй, оставлю себѣ рубль на всякій случай. Больше мнѣ не нужно, потому что у меня и за обѣды, и за квартиру все впередъ заплачено.

— Хорошо, спасибо; я ихъ тебѣ отдамъ, какъ получимъ жалованье, сказала мать. — Да вотъ еще чтѣ я хотѣла тебя спросить: твой дядя очень беспокоится и никакъ не можетъ понять, куда могли дѣваться вещи твоего дѣдушки... иконы, книги, шкатулка... Не знаешь ли ты чегонибудь о нихъ?

Петръ пожалъ плечами. — Да вѣдь дядя самъ говоритъ, что эти вещи были довольно дорогія, отвѣчалъ онъ. — А дѣдушкѣ нужно же было на чтонибудь жить, вести свои тяжбы и нанимать адвокатовъ. Сами знаете, вѣдь у него не было ничего, кромѣ пенсіи и аренды за покосы. Что-жъ мудренаго, если онъ уже давно продалъ эти вещи...

— Я тоже думаю, что продалъ, а дядя затвердилъ одно: не могъ, не могъ продать!.. Почему это не могъ, когда ему одинъ только петербургскій адвокатъ Богъ знаетъ чего стоить?.. Однѣ глупости выдумываетъ... Ну, прощай!..

Проводивъ ее до лѣстницы, Петръ вернулся къ своимъ бумагамъ, очень довольный тѣмъ, что ему представился случай быть хоть немножко полезнымъ матери. Онъ дописалъ контрактъ, который ему дали переписывать еще до прихода матери, и опять задумался о своемъ свиданіи съ нею. Однако она была сегодня какая-то странная. Не случилось ли у нихъ чегонибудь особеннаго? Иначе зачѣмъ бы ей могли понадобиться деньги черезъ нѣсколько дней послѣ получки жалованья, и отчего бы у нея могло появиться такое зага-

дочное выраженіе въ лицѣ и въ глазахъ? Главное въ глазахъ... И вдругъ, когда онъ восстанавливалъ въ своей памяти выраженіе глазъ матери, передъ нимъ точно блеснула молнія, обожгшая его и въ то же время освѣтившая передъ нимъ то, чего онъ не видѣлъ до этого времени. Да вѣдь его подозрѣваютъ въ томъ, что онъ укралъ, послѣ смерти дѣда, тѣ дорогія старинныя вещи, которыя такъ усердно разыскиваетъ дядя!.. Этимъ объясняется все: и холодное обращеніе дяди, и его косые, подозрительные взгляды, и его настойчивые разспросы объ исчезнувшихъ вещахъ, и сегодняшнее посѣщеніе матери. Ей совсѣмъ не нужны были его деньги. Просто она хотѣла застать его врасплохъ, посмотреть — много ли у него денегъ, и увидѣть своими глазами — какое у него дѣлается лицо, когда заходитъ рѣчь о пропавшихъ вещахъ... О мать, мать!..

— Мнѣ что-то нехорошо. Я уйду лучше, глухо проговорилъ онъ, складывая свои бумаги и мелькомъ взглянувъ на товарищey.

Они всѣ повернулись къ нему и смотрѣли удивленными и встревоженными глазами на его поблѣвшее, почти неузнаваемое, лицо.

— Да ты выпей поскорѣе воды... экъ тебя! съ собогъзнованіемъ произнесъ сѣдой старикъ-писецъ въ мѣдныхъ очкахъ.

Еще ни разу въ жизни Петру не приходилось испытывать такого мучительнаго душевнаго состоянія, какое онъ переживалъ теперь. Горе у него бывало и прежде: онъ горевалъ объ умершемъ отцѣ, горевалъ послѣ смерти дѣда. Но теперешнее было совсѣмъ особенное, новое для него горе, смѣшанное съ мучительнымъ стыдомъ, съ жгучей злобой къ дядѣ, съ разочарованіемъ въ людяхъ и въ самой жизни. А главное, онъ совсѣмъ не зналъ, что ему теперь дѣлать. Потребовать, чтобы его обыскали, публично назвать дядю подлецомъ, ударить по щекѣ и вызвать на дуэль, или, можетъ быть, лучше всего перерѣзать себѣ горло, написавъ

прежде записку съ объясненіемъ, почему онъ не можетъ и не хочетъ больше жить?

III

Ни одного изъ этихъ замысловъ Петръ не привелъ въ исполненіе. Съ каждымъ днемъ въ его умѣ все больше и больше созрѣвало новое рѣшеніе: оставить этотъ городъ и переселиться изъ него куда нибудь подальше. Положимъ, этотъ городъ — родной ему и неизгладимо запечатлѣлся въ его сердцѣ со всѣми своими улицами, площадями, церквями, оврагами, валами, безконечными лѣстницами съ этихъ вальцовъ внизъ, къ песчанымъ отмелямъ широкой рѣки, поросшимъ мать-и-мачихой. Тяжело уйти отсюда. Но что же дѣлать больше? Все равно его жизнь здѣсь уже навсегда испорчена; ему постоянно будетъ казаться, какъ кажется и теперь, что знакомые, товарищи, встрѣчные прохожіе на улицѣ — всѣ смотрятъ на него, какъ на вора.

— Маменька, я думаю уѣхать отсюда, сказалъ онъ матери, зайдя къ ней недѣли черезъ двѣ.

— Какъ уѣхать? куда это? спросила она, подумавъ, что кто нибудь предлагаетъ ему другое мѣсто.

— Куда нибудь... и самъ не знаю... Только здѣсь я не могу жить. Вѣдь дядя думаетъ, что я обокралъ дѣдушку и его. Что же мнѣ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на меня смотрятъ, какъ на вора...

Мать расплакалась.

— Да мало ли что можетъ взбрести въ голову твоему дядюшкѣ или другому такому же дураку!.. на все на это ты и будешь обращать вниманіе? всѣ эти глупости ты и будешь принимать къ сердцу? Люди говорятъ, что собака лаеетъ — вѣтеръ носить... Ты подожди какой нибудь мѣсяцъ и посмотри — самъ увидишь, что все пройдетъ, какъ будто ничего и не бывало.

Петръ покачалъ головой.

— Правда ли, говорятъ, что дядя переходитъ на службу сюда и будетъ здѣсь жить? спросилъ онъ.

— Да, переходить... здѣсь будетъ жить... Да тебѣ-то какое до этого дѣло?.. Если тебѣ неприятно его видѣть, такъ ты можешь и не встрѣчаться съ нимъ... А потомъ, когда современемъ все объяснится, онъ можетъ быть даже полезнымъ тебѣ по службѣ.

Петръ всталъ въ страшномъ волненіи.

— Онъ и такъ ужъ сдѣлалъ мнѣ достаточно пользы... будетъ съ меня! дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, вертя и теребя бѣлую лѣтнюю фуражку. — Мнѣ и такъ кажется, что всякій встрѣчный на улицѣ косится на меня... А если еще этотъ... будетъ жить здѣсь... Нѣтъ ужъ... если онъ будетъ жить здѣсь, такъ мнѣ здѣсь не жить...

Мать опять расплакалась. Пришелъ вотчимъ, худощавый коротко остриженный человѣкъ со спокойными манерами и живыми сѣрыми глазами. Прежде всего онъ перодѣлся изъ форменнаго платья въ домашнее, а уже потомъ вышелъ опять къ женѣ и пасынку и спросилъ: въ чемъ дѣло. Выслушавъ обоихъ, онъ сказалъ, что, конечно, нечего и говорить — дядя жестоко обидѣлъ Петра и поставилъ его въ неприятное положеніе, но, съ другой стороны, уѣхать въ чужіе края изъ роднаго города, гдѣ у него есть и родные, и знакомые, и занятіе, — совсѣмъ неблагоприятно.

— Хорошо... А если я, при случаѣ, изобью дядю до полусмерти или совсѣмъ до смерти — это будетъ благо разумно или неблагоприятно? спросилъ Петръ, поблѣднѣвъ отъ охватившаго его волненія.

Вотчимъ молча посмотрѣлъ на него и потомъ дружески похлопалъ по плечу.

— Полно, дружокъ, успокойся. Пойдемъ лучше обѣдать, пообѣдай сегодня съ нами... Только, если у тебя такъ кипитъ кровь, что ты и сейчасъ весь трясешься отъ гнѣва, такъ, пожалуй, тебѣ и въ самомъ дѣлѣ будетъ полезно освѣ-

житься въ чужихъ краяхъ. Худо будетъ тамъ, такъ всегда можешь воротиться сюда.

IV

Скоро Петръ уѣхалъ въ чужіе края, какъ выражался его вотчимъ, и съ этого времени для него началась истинно цыганская жизнь, — безъ опредѣленнаго занятія, сегодня здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Мѣсяца два онъ временно исправлялъ на пароходѣ должность помощника капитана; столько же времени, въ разгаръ нижегородской ярмарки, служилъ конторщикомъ въ гостинницѣ; одну весну жилъ черной работой крючника; одну зиму былъ вольнонаемнымъ писцомъ въ полициі, другую прожилъ домашнимъ переписчикомъ у профессора, подготовлявшаго къ печати ученое сочиненіе. Далѣе, два года подъ-рядъ, онъ занимался только тѣмъ, что давалъ уроки, и началъ уже въ своемъ небольшомъ муравейникѣ прибрѣтать нѣкоторую извѣстность, какъ очень добросовѣстный репетиторъ, но затѣмъ пустой случай выбилъ его и изъ этой колеи. Одного изъ его учениковъ понадобилось отправить въ Петербургъ. Отецъ этого мальчика не могъ съ нимъ ѣхать, мать была нездорова, и они, полушутя-полусерьезно, сказали Леденеву, что было бы всего лучше, еслибы онъ, какъ учитель, самъ и сдалъ своего ученика въ ту школу, въ которую подготовлялъ его.

— А что вы думаете? не сѣздить ли мнѣ и въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Леденевъ, вдругъ увлекшійся мыслью побывать въ Петербургѣ и посмотреть на тамошнюю жизнь.

— Вѣдь черезъ недѣлю можно воротиться обратно, сказали ему.

— Нѣтъ, ужъ что же ѣхать на нѣсколько дней, задумчиво проговорилъ Леденевъ, все больше и больше увлекаясь этой поѣздкой. — Ѣхать, такъ ѣхать... Уроковъ у меня теперь почти нѣтъ, плакать обо мнѣ никто не будетъ... Право же, я поѣду...

Онъ дѣйствительно поѣхалъ въ Петербургъ и остался въ немъ на неопредѣленное время. Скоро, къ большому числу другихъ практическихъ свѣдѣній, прибрѣтенныхъ имъ въ столицѣ, прибавилось и еще одно: именно то, что найти какую нибудь работу въ Петербургѣ, пожалуй, несравненно труднѣе, чѣмъ даже въ захолустномъ провинціальномъ городѣ. Прошли и два, и три, и четыре мѣсяца, а работы не находилось ровно никакой. Какъ ни былъ привыченъ Леденевъ къ этимъ періодамъ безработицы, однако онъ началъ подумывать уже, что не благоразумнѣе ли будетъ съ его стороны возвратиться, по-добру по-здорову, въ провинцію, покуда у него еще есть деньги на дорогу. Наконецъ, въ половинѣ пятаго мѣсяца, одинъ изъ случайныхъ знакомыхъ сообщилъ ему, что нуженъ »секретарь« нѣкому Осипу Осиповичу Шкинскому, открывающему комисіонерскую контору.

Шкинскій оказался маленькимъ, какъ будто развинченнымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, съ очень блѣднымъ лицомъ, изсиня черными волосами, черными лихорадочно блесѣвшими глазами и горячими ладонями.

— Можете вы вести корреспонденцію? спросилъ онъ Леденева.

— Какую угодно. Только бы знать, что написать и въ какомъ тонѣ, а написать нетрудно.

Шкинскій, всегда знавшій и что нужно написать, и въ какомъ тонѣ, но всетаки страшно затруднявшійся склеить хоть самое коротенькое письмо изъ тѣхъ словъ, которыя мелькали у него въ головѣ, не выразилъ однако же, что онъ несовсѣмъ согласенъ съ Ледневымъ.

— Прекрасно, сказалъ онъ. — Значить, вы именно такой человѣкъ, какого мнѣ нужно. Только, видите ли, на первое время я вамъ не могу дать большаго жалованья... Видите ли... сколько вы платите теперь за квартиру?

— Какъ вамъ сказать... я плачу гуртомъ за все, отвѣчалъ Леденевъ. — Мои теперешніе хозяева даютъ мнѣ ком-

нату, обѣдъ, чай, что нибудь къ ужину и за все это берутъ съ меня 12 рублой.

Шкинскій поднялъ кверху брови и недовѣрчиво посмотрѣлъ на Леденева.

— Скажите!.. Только гдѣ же это вы могли найти въ Петербургѣ такую... такую деревню?

— Даже не очень далеко отъ центра города: почти рядомъ съ вокзаломъ Николаевской дороги. Но дѣло въ томъ, что мой хозяинъ — портной и постоянно держитъ нѣсколько человекъ подмастерьевъ; слѣдовательно, ему почти ничего не стоитъ прокормить еще одного лишняго нахлѣбника.

— А, да, да... теперь я понимаю, сказалъ Шкинскій. — Такъ я вамъ вотъ что хотѣлъ сказать: у меня есть здѣсь одна лишняя комната. Я вамъ отдалъ бы ее, да кромѣ того предложилъ бы жалованье на первый мѣсяць... ну, куда ни шло, 10 рублей. Больше не могу.

— Что же, хорошо... и на эти деньги можно прожить, проговорилъ Леденевъ.

Къ вечеру онъ переехалъ на свою новую квартиру. Часу въ первомъ ночи, когда онъ уже легъ въ постель и читалъ на сонъ грядущій книгу, пришелъ Шкинскій, съ самаго обѣда не показывавшійся дома.

— Ну что, устроились? спросилъ онъ, осматривая комнату. — Пустынно немного, да это ничего, можно будетъ подбросить еще два-три стула, этажерочку, столикъ... Вашъ портной, я думаю, тоже не на штофной мебели васъ держалъ... И что такое у васъ въ этой... посудинѣ? прибавилъ онъ, увидѣвъ въ углу показавшійся ему очень страннымъ коробъ изъ лубка, скрѣпленный по бокамъ мочальными завязками.

— Сокровища, съ усмѣшкой отвѣчалъ Леденевъ.

— Хе, сокровища! пренебрежительно произнесъ Шкинскій, приподнявъ лубочную крышку и увидѣвъ подержанные, даже не переплетенные, книги: — старая печатная бумага, которая продается на рынкахъ по рублю за пудъ!..

Старая картина знаменитаго художника, древняя статуя, даже старая скрипка извѣстнаго мастера — это, я еще понимаю, дѣйствительно можно назвать сокровищами. А что такое старая печатная бумага? что она можетъ вамъ дать?

— Счастіе, съ той же усмѣшкой отвѣчалъ Леденевъ.

— Что еще за счастіе? какое такое счастіе?

— Счастіе, повторилъ Леденевъ, нѣсколько затрудняясь отвѣтомъ на эти странные вопросы. — Если вы чувствовали себя когда нибудь счастливымъ, то, вѣроятно, помните ощущение, которое испытывали тогда. Дышится иначе, сердце бьется иначе, за плечами будто вырастають крылья; мысли будто очищаются огнемъ отъ всего худаго, каждый нервъ полонъ жизни... Вотъ это же обновленіе всего себя вы чувствуете и при чтеніи новой книги.

— Я зналъ одну чувствительную даму, которая имѣла привычку такъ плакать, такъ плакать надъ чувствительными романами... и увѣряла, что это такія сладкія, такія сладкія слезы... Можетъ быть, и вы имѣете это обыкновеніе? а?.. случается и вамъ поплакать? спрашивалъ Шкинскій, сощуривъ глаза и видимо весь сотрясаюсь отъ внутренняго смѣха.

— Что же... плакать — не плакать... а иногда, дѣйствительно, и слезы навертываются на глаза... это бываетъ, откровенно сознался Леденевъ. — Дурнаго въ этотъ ничего нѣтъ.

Шкинскій также откровенно расхохотался до слезъ и до кашля.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не уголовное... не преступленіе противъ законовъ... А всетаки бываетъ? а?.. ха-ха-ха... у него навертываются на глаза слезы... Да вы согните немножечко эту руку, сдѣлайте одолженіе, прерывающимся отъ смѣха голосомъ говорилъ онъ, взявъ лежавшую на подушкѣ полюбленную руку Леденева и стараясь согнуть ее.

Леденевъ согнулъ руку.

— Вотъ-вотъ!.. вѣдь такою рукой вы можете, я думаю,

убить меня, какъ муху... а?.. И при этакой мускулатурѣ у него наворачиваются на глазахъ слезы, когда онъ читаетъ книжку!.. ахъ... ха-ха-ха... Нѣтъ, этакаго чудака мнѣ еще не приходилось встрѣчать... не видалъ!..

Онъ вытеръ платкомъ глаза, высморкался и, сѣвъ въ кресло, съ интересомъ разсматривалъ своего страннаго »секретаря«, который улыбался неопредѣленной улыбкой и, въ свою очередь, смотрѣлъ на него, хотя и безъ особеннаго любопытства. Такихъ людей, какъ Шкинскій, онъ встрѣчалъ нерѣдко.

— Вы студентъ? спросилъ потомъ Шкинскій.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ сталъ задавать все новые и новые вопросы: гдѣ Леденевъ учился, какой онъ губерніи, есть ли у него родные, съ чего ему вздумалось оставить родной городъ и такъ далѣе. Мало по малу Леденевъ разсказалъ ему всю свою исторію.

— Ну, теперь я васъ понимаю и знаете ли что вамъ скажу: мы сойдемся. Кажется, я тоже честный человѣкъ, сказалъ въ заключеніе Шкинскій. — Во всякомъ случаѣ, какъ-никакъ, отнынѣ мы поплывемъ вмѣстѣ. А теперь, куда, вспомнимъ и о томъ, что пора спать.

Скоро Леденевъ увидѣлъ, что Шкинскій и дѣйствительно, должно быть, честный человѣкъ, но только очень легкомысленный, лѣнивый и ужъ ни въ какомъ случаѣ не дѣловой. Вставалъ онъ обыкновенно часовъ около 11-ти, часа полтора посвящалъ туалету, затѣмъ уходилъ завтракать въ ресторанъ и, по большей части, возвращался оттуда въ цѣломъ обществѣ своихъ знакомыхъ, съ которыми и садился играть въ карты. Въ 6 часовъ онъ, со всѣмъ обществомъ, опять направлялся въ ресторанъ обѣдать и не возвращался домой уже до поздней ночи или даже до утра. Дѣла конторы, открытой имъ въ расчетъ на одну только провинцію, шли такъ вяло, что иногда въ теченіе двухъ-трехъ дней не приходило ни одного письма хоть съ какой нибудь самой пустяшной комисіей.

— Не знаютъ, не знаютъ еще нашу контору. Вотъ, надо будетъ напечатать побольше объявленій, говорилъ Шкинскій.

Мѣсяца черезъ два послѣ поступления Леденева въ контору, Шкинскій собрался наконецъ составить для газетъ большое объявленіе и печатать его постоянно, хоть по одному разу въ недѣлю. Онъ и его »секретарь« просидѣли надъ составленіемъ этого объявленія часа три подъ-рядъ и составили его, какъ имъ казалось, прекрасно. Оставалось только переписать его въ нѣсколькихъ экземплярахъ и утромъ разослать въ газеты. Но вечеромъ или, вѣрнѣе, ночью, часу въ первомъ, когда Шкинскій воротился домой и прошелъ въ комнату своего секретаря, Леденевъ неожиданно узналъ, что онъ совершенно напрасно трудился — переписывалъ объявленіе.

— Знаете ли, чтѣ я вамъ скажу? нѣсколько торжественнымъ тономъ заговорилъ Шкинскій. — Прикроемъ-ка мы нашу контору и поѣдемъ служить на желѣзную дорогу. Хотите?

— Отчего же... мнѣ все равно, гдѣ ни работать... Только... какже это... проговорилъ Леденевъ, хотя и привыкшій къ легкомыслію Шкинскаго, но всетаки озадаченный тою быстротою и легкостью, съ которою онъ бросалъ теперь одно дѣло и брался за другое.

— А очень просто, отвѣчалъ Шкинскій съ полнымъ спокойствіемъ. — Открывается новая желѣзная дорога. Начальникомъ одной изъ конторъ или службъ, какъ онѣ тамъ называются у нихъ, назначенъ мой хорошій знакомый. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто у себя въ конторѣ, а я выговорилъ у него и другое мѣсто — для васъ.

Леденевъ поблагодарилъ его.

— Жить вамъ, кажется, можно будетъ, съ тонкой усмѣшкой продолжалъ Шкинскій, намекая на тѣ слова, въ которыхъ Леденевъ согласился работать у него за 10 рублей въ мѣсяць. — Жалованья вамъ положить 75 рублей, да кромѣ

того выдадутъ 100 рублей подъемныхъ, на дорогу. Приходилось ли вамъ раньше зарабатывать по 75 рублей въ мѣсяць?

— Э, не въ деньгахъ дѣло, равнодушно отвѣчалъ Леденевъ, махнувъ рукой. — Когда я былъ крючникомъ, для нашей артели выдался одинъ горячій мѣсяць, въ который мы заработали около 150 рублей на брата. Да что въ этомъ? По приходу идетъ и расходъ, — все равно ничего не останется.

— Однако же, можетъ быть, вы предпочтете идти въ крючники? спросилъ Шкинскій, обидѣвшись.

Но Леденевъ еще разъ поблагодарилъ его за дружескую заботливость о немъ, пожалъ ему руку, и наморщившійся было лобъ Шкинскаго тотчасъ же разгладился.

V

По прїѣздѣ въ городъ, въ которомъ устраивалось управление вновь открывавшейся желѣзной дороги, Леденевъ и Шкинскій поселились на постоянное жительство въ гостиницѣ Добрынина, извѣстной больше подъ названіемъ Добрынинскихъ номеровъ. Леденевъ предпочелъ бы нанять себѣ комнату со столомъ гдѣ нибудь въ семействѣ, въ которомъ онъ черезъ нѣсколько времени могъ бы сдѣлаться до нѣкоторой степени своимъ человѣкомъ, но Шкинскій отговорилъ его.

— И какая вамъ охота забираться Богъ знаетъ куда! говорилъ онъ. — Здѣсь вы пользуетесь всѣми удобствами и совершенно свободный человѣкъ: можете приходить и уходить во всякое время, не беспокоя рѣшительно никого. А тамъ что такое?.. Ну какъ, напримѣръ, полѣзу я къ вамъ туда, въ ваше семейство, въ 11—12 часовъ ночи? совершенно неудобно... А здѣсь я, когда вздумалъ, тогда и постучался къ вамъ въ дверь. Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе мнѣ, останьтесь здѣсь для меня.

— Ну хорошо, согласился Леденевъ.

Они поселились въ одномъ и томъ же коридорѣ, только на разныхъ концахъ его. Шкинскій устроился въ номерѣ около лѣстницы, откуда было рукой подать и до столовой съ буфетомъ, и до бильярдной комнаты. Леденевъ, напротивъ, выбралъ себѣ номеръ въ самомъ отдаленномъ и тихомъ концѣ коридора.

— Какъ разъ »за печкой«, подшутил Шкинскій, увидѣвъ широкую бѣлую стѣнку печки, помѣщавшейся подлѣ самага номера Леденева.

— Чѣмъ дальше отъ васъ, тѣмъ спокойнѣе будетъ спать, отвѣчалъ Леденевъ.

— Хорошо, хорошо; устраивайтесь, гдѣ хотите, хоть въ печкѣ, только не переселяйтесь куда нибудь »въ семейство«.

Утромъ, отправляясь въ свою контору, Леденевъ обыкновенно заходилъ за Шкинскимъ и хотя почти всегда заставалъ его либо въ постели, либо еще neodѣтымъ, и поэтому уходилъ на службу одинъ, но всетаки продолжалъ заходить къ нему, чтобы выкурить на перепутьѣ папиросу и поболтать нѣсколько минутъ.

— Да, вамъ хорошо съ вашей бурлацкой конструкціей вставать до пѣтуховъ, ворчалъ Шкинскій. — А я человекъ больной... У меня, изволите сами видѣть, ладони всегда горячія и красныя, какъ морковь... А это чтò значить?

— Именно то и значить, что вамъ слѣдуетъ вести болѣе правильную жизнь: раньше ложиться и раньше вставать, отвѣчалъ Леденевъ.

Одинъ разъ, когда они пошли въ контору вмѣстѣ, но остановились около лѣстницы, встрѣтившись съ знакомымъ Шкинскаго, Леденевъ, не принимавшій участія въ разговорѣ, вдругъ услышалъ за собой шелестъ женскаго платья и легкіе, очень легкіе шаги. Онъ отступилъ въ сторону, чтобы освободить проходъ на лѣстницу, и обернулся. Мимо него прошла дѣвушка или очень молодая женщина и мелькомъ взглянула на него. Леденевъ увидѣлъ довольно большіе, темные красивые глаза съ какимъ-то совершенно осо-

беннымъ выраженіемъ, можно было бы сказать — тоскующіе глаза, еслибы къ выраженію тоски не примѣшивалось въ нихъ и недовольство, и еще что-то холодное и какъ будто злое. Покуда она, подхвативъ рукою край платья, сходила внизъ по первой лѣстницѣ, Леденевъ невольно смотрѣлъ на нее, на ея' стройную фигуру въ красиво сшитомъ сѣромъ осеннемъ пальто, на ея руки, неподвижно висѣвшія вдоль тѣла, на ея покатыя плечи. Дойдя до площадки, она повернулась лицомъ къ Леденеву, и онъ увидѣлъ въ этомъ нѣсколько блѣдномъ красивомъ лицѣ опять то же тоскующее выраженіе, — углы губъ были нѣсколько опущены внизъ, мускулы около нихъ и верхней части подбородка сжаты судорогой, вызванной какимъ-то горькимъ чувствомъ. Она прошла второй поворотъ лѣстницы, пошла по третьему, и хотя Леденевъ могъ теперь видѣть только край ея платья, онъ все еще продолжалъ слѣдить за нею глазами.

— Кто эта дама? спросилъ онъ Шкинскаго, кончавшаго въ это время разговоръ со своимъ знакомымъ и тронувшагося въ путь.

— Ага, »кто эта дама?!.« повторилъ тотъ. — Наконецъ-то и васъ заинтересовала дама живая, а не книжная дама въ каленкоровомъ переплетѣ!.. Дѣйствительно она недурна, но только... берегитесь!.. Собственно ея я не знаю, но мнѣ приходилось знать двухъ-трехъ особъ вотъ именно съ такимъ недовольнымъ выраженіемъ лица. Дайте имъ царство земное и царство небесное — имъ все будетъ мало, онѣ все будутъ киснуть... Берегитесь!..

— Чего же мнѣ беречься? По всей вѣроятности, это какаянибудь проѣзжая и завтра уѣдетъ. Я за ней не поѣду, сказалъ Леденевъ.

— Нѣтъ, она не проѣзжая. Въ нашъ коридоръ не помѣщаютъ проѣзжихъ: здѣсь живутъ одни только постоянные жильцы, а она живетъ здѣсь. Постойте, мнѣ называли ея фамилію... Она — Шипилова, кажется — Катерина Андреевна... Мужъ у нея сумасшедшій или больной, что-то въ этомъ

родѣ и, во всякомъ случаѣ, въ больницѣ. Она уже съ годъ назадъ разошлась съ нимъ.

Въ это утро Леденевъ работалъ въ своей конторѣ такъ разсѣянно и спустя рукава, какъ ему уже давно не приходилось работать. Темные тоскующіе глаза незнакомки, мелькомъ взглянувшей на него и тотчасъ же 'прошедшей мимо, казалось, все еще смотрѣли на него и не давали ему думать ни о чемъ, кромѣ нея. Съ мужемъ она разошлась; родныхъ и хорошихъ знакомыхъ у нея, какъ видно, нѣтъ здѣсь, потому что иначе зачѣмъ бы она стала жить, точно на большой дорогѣ, въ этихъ нумерахъ, житье въ которыхъ можетъ нравиться развѣ только Шкинскому. Съ другой стороны, если она живетъ здѣсь, то, надо думать, у нея есть кое-какія средства, потому что въ гостинницѣ все дорого, и на квартирѣ можно было бы жить несравненно дешевле. Слѣдовательно, можно предполагать, что бросающееся въ глаза выраженіе тоски и горечи запечатлѣно на ея лицѣ не матерьяльными лишеніями и не заботою о кускѣ хлѣба, а чѣмъ-то инымъ. Чѣмъ же именно? теперешнимъ ли ея одиночествомъ? разочарованіемъ ли въ близкихъ людяхъ? всею ли неудачно сложившейся жизнью? не та же ли это тоска, которая нападаетъ и на него въ минуты разочарованія, — тоска о томъ, что въ жизни какъ будто нѣтъ ничего, кромѣ жалкихъ осколковъ чего-то, бывшего нѣкогда цѣльнымъ и потомъ разбитого вдребезги? Сегодня попадается одинъ жалкій осколокъ того, что люди называютъ справедливостью, честностью, любовью, благодарностью; черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, попадетъ другой; въ одномъ человѣкѣ встрѣтится одна хорошая черточка характера, едва замѣтная въ массѣ дурныхъ; въ другомъ встрѣтится другая; но того цѣльнаго, что мы невольно разыскиваемъ всюду тоскующими и жадными глазами, — нѣтъ нигдѣ. Цѣльнаго счастья — нѣтъ, а есть только рѣдкія счастливыя минуты; справедливости — нѣтъ, а есть только ея осколки, разбросанные по землѣ далеко-далеко одинъ отъ другаго. Чело-

вѣка, въ высококомъ значеніи этого слова, нѣтъ, а есть только маленькія и слабыя человѣчныя побужденія, разбросанныя по отдѣльнымъ людскимъ сердцамъ. Не изъ этого ли источника происходитъ и ея тоска? Правда, на него, Леденева, эта тоска нападаетъ нечасто. Но вѣдь онъ — бурлакъ, по выраженію Шкинскаго, онъ — человѣкъ съ незаконченнымъ образованіемъ, съ грубыми вкусами, съ грубыми нервами. У нея нервы, конечно, не такіе, какъ у него.

— Ну же! вдругъ услышалъ онъ возгласъ Шкинскаго, который уже нѣсколько минутъ расхаживалъ, съ шляпой на головѣ, по конторѣ и что-то говорилъ кому-то.

Леденевъ поднялъ глаза отъ тетради, въ которую машинально вписывалъ какія-то цифры, и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Я вамъ говорю: бросьте подъ столъ бумаги и пойдите съ нами обѣдать, повторилъ Шкинскій.

— Ахъ да! сказалъ Леденевъ, дѣйствительно уже слышавшій это повелительное приглашеніе, но слышавшій его какъ во снѣ и тотчасъ же забывшій о немъ. — Нѣтъ, теперь я совсѣмъ не хочу ѣсть. Прежде я пойду, поброжу по городу, а уже потомъ зайду къ вамъ.

Дѣйствительно, онъ пробродилъ часа полтора по улицамъ, потомъ зашелъ къ Шкинскому, но просидѣлъ съ нимъ и его знакомыми всего минутъ двадцать и ушелъ къ себѣ. Снявъ пальто и шляпу, онъ опять вышелъ въ коридоръ. Въ этомъ концѣ его было большое полукруглое окно; передъ нимъ Леденевъ простаивалъ иногда подолгу, смотря на разстилавшійся внизу городъ съ его сѣрыми улицами, уходившими все дальше и дальше внизъ, къ рѣкѣ, — съ его старинными садами, гдѣ блестѣли среди опадающей зелени пруды, — съ его обширнымъ озеромъ, на высококомъ берегу котораго бѣлѣли стѣны, башни и церкви древняго монастыря, окруженнаго сосновой рощей. Теперь изъ окна была видна не менѣе интересная картина: наступала темная осенняя ночь; съ юга, со стороны монастыря, надвигалась

черная туча, постепенно застилавшая все небо, и тушила послѣдніе остатки дневнаго свѣта; повсюду, и одинъ за другимъ, и по нѣскольку разомъ, точно кто высѣкалъ искры изъ огромнаго кремня, вспыхивали огоньки, — огоньки въ домахъ, въ уличныхъ фонаряхъ, на рѣкѣ, — и черезъ какихъ нибудь десять минутъ не стало видно ничего, кромѣ этихъ огней; длинные, во всѣхъ направленіяхъ пересѣкающіяся гирлянды огней повисли на томъ пространствѣ, которое занималъ невидимый теперь городъ; красные, зеленые, желтые огни пароходовъ и барокъ замерцали на томъ мѣстѣ, гдѣ текла невидимая теперь рѣка; одинокій, точно повисшій высоко въ воздухѣ огонь обозначалъ то мѣсто, гдѣ стояла угловая башня монастырской стѣны.

Леденевъ машинально смотрѣлъ на эту картину, но думалъ не о ней. Съ учащеннымъ біеніемъ сердца онъ прислушивался къ шагамъ, раздававшимся сзади него въ полутемномъ коридорѣ, оглядывался каждый разъ, когда растворялась дверь котораго нибудь изъ номеровъ, и — ждалъ. Наконецъ въ противоположномъ концѣ коридора, около лѣстницы, опять слышались легкіе женскіе шаги, и по мѣрѣ того какъ они слышались ближе и ближе, сердце Леденева билось все сильнѣе, румянецъ на его щекахъ становился все гуще. Дѣйствительно это была она. Она остановилась около двери послѣдняго номера, шагахъ въ пяти отъ Леденева, отперла ее и прошла въ комнату. Постоявъ еще около минуты, Леденевъ вздохнулъ и пошелъ къ себѣ. Ему было нѣсколько грустно, что онъ больше не увидитъ ее сегодня, и вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ счастливъ тою мыслью, что увидѣлъ ее еще разъ и опять увидитъ завтра.

Н. Бажинъ

Продолженіе будетъ

КАПРИЗЪ

Давно ли весело болтала ты со мной
О нашемъ будущемъ? и ласковые глазки,
Какъ звѣзды, искрились, сияли бирюзой;
Ты птичкой рѣзвилась, и ротикъ твой живой
Сулилъ лукаво мнѣ восторженныя ласки.
Но чувство выдохлось, и ты — сама печаль!
На глазкахъ пасмурныхъ дрожать росю слезы,
Твой день тебѣ не милъ, и прошлаго не жаль.
Недавно свѣтлыя и радостныя грезы,
Какъ сны зловѣщіе, твою одѣли даль...

Такъ зимнимъ вечеромъ, когда въ дали морозной
Туманы тонко ткуть серебряный покровъ,
Воздушная толпа капризныхъ облаковъ,
Нарядна и пестра, какъ стая мотыльковъ,
Уходитъ съ запада легко и граціозно.
Они спѣшатъ толпой къ лунѣ на огонекъ,
И зорька краситъ ихъ мерцаніемъ алмазнымъ, —
Но догоритъ она, и этотъ мотылекъ
Погаснетъ, скорчится, поблекнетъ, какъ цвѣтокъ,
И полетитъ къ лунѣ вампиромъ безобразнымъ...

Ал. Будищевъ

Желѣзныя дороги и телеграфъ

IV. Отношеніе телеграфнаго управленія къ телеграфу частныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Правила 18 янв. 1880 г. — V. Выводы и заключенія объ управленіи телеграфною частью. — Законъ и административное распоряженіе. — Послѣдовательное обособленіе желѣзнодорожнаго телеграфа. — VI. Иллюстраціи. — VII. Особое „государство въ государствахъ“. — Телеграфы извѣстныхъ частныхъ обществъ. — Англо-индійская телеграфная линія. — Ея права и положеніе контроля надъ нею.

IV

Что касается до телеграфа частныхъ жел. дорогъ, то и по вторичномъ причисленіи министерства почтъ и телеграфовъ къ министерству внутр. дѣлъ надзоръ за нимъ по учрежденію управленія телеграфною частью опредѣлялся только тѣмъ же пунктомъ приложенія къ ст. 1638 т. II, Учр. Мин.: „телеграфный департаментъ имѣетъ надзоръ за телеграфомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и за корреспонденціею на сихъ телеграфныхъ“. А по Уставу Телеграфному, какъ мы видѣли, формы этого надзора становились постепенно менѣе и менѣе опредѣленными...

Правила же устройства и дѣйствія телеграфа жел. дорогъ устанавливались примѣнительно къ правительственному телеграфу, какъ мы знаемъ по изложенію началъ Устава о Телеграфахъ. Развитіе желѣзнодорожнаго телеграфа должно было въ этомъ отношеніи идти рядомъ съ развитіемъ государственнаго телеграфа.

Но въ 1880 г. на обсужденіе комитета министровъ были предложены составленныя министрами внутр. дѣлъ и путей сообщенія — „Правила устройства, содержанія, ремонта и дѣйствія телеграфовъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общественнаго пользованія“ и „Инструкція начальникамъ телеграфныхъ округовъ и инспекторамъ желѣзныхъ дорогъ по надзору за телеграфомъ жел. дорогъ“. Комитетъ министровъ не вошелъ, однако, въ подробное разсмотрѣніе этихъ правилъ и инструк-

ціи, и выс. утв. 18 янв. 1880 г. положеніемъ его было предоставлено названнымъ министрамъ утвердить ихъ, съ непремѣннымъ обнародованіемъ во всеобщее свѣдѣніе. Вслѣдствіе этого указываемое положеніе комитета министровъ, правила и инструкции были обнародованы въ одномъ и томъ же № „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ (№ 61 за 1880 г.).

Очевидно, что такимъ образомъ желѣзнодорожный телеграфъ получилъ значительное обособленіе.

Что же касается до самихъ названныхъ правилъ, то ими предусматривались разныя мельчайшія подробности собственно технической части телеграфа жел. дорогъ. Въ этомъ отношеніи они были даже слишкомъ обременительны для жел. дорогъ, вслѣдствіе чего, по возникшимъ скорѣ ходатайствамъ желѣзнодорожныхъ обществъ „о разрѣшеніи имъ, съ *экономическою цѣлью*, нѣкоторыхъ отступленій“, — 20 дек. 1882 г. были утверждены желаемыя ими измѣненія. Но въ отношеніи приѣма, передачи, доставленія и платы за депеши пассажирскія и общей корреспонденціи жел. дорогамъ было указано уже руководствоваться „правилами, изданными телеграфнымъ департаментомъ“. По примѣчанію же къ § 28, даже „открытіе *иностранный* корреспонденціи“ предоставлялось разрѣшать тому же департаменту...

Между тѣмъ на основаніи ст. 51 Уст. Тел. 1876 г., открытіе приѣма депешъ общей корреспонденціи могло быть разрѣшаемо министромъ внутр. дѣлъ. Очевидно, что только властью министра могло быть разрѣшаемо и открытіе на станціяхъ жел. дорогъ телеграфной иностранной корреспонденціи. Какимъ же образомъ столь важное право могло быть передано названными „правилами“ телеграфному департаменту? Значить, „правила“ противорѣчили весьма важному постановленію закона.

Вообще, они бѣдны юридическимъ содержаніемъ. Между прочимъ, управленіямъ жел. дорогъ вмѣнялось въ обязанность (§ 29) „независимо отъ тѣхъ положеній, которыя установлены на этотъ предметъ *утвержденными* уставами и концессіями“, выдавать годовые билеты для бесплатнаго проѣзда разнымъ чинамъ телеграфнаго вѣдомства „съ означеніемъ на оныхъ однихъ только должностей...“ на что, безъ сомнѣнія, требовалось именно законодательное опредѣленіе. Съ другой стороны, инструкцію (§ 28) начальнику округа предоставлялось „право ходатайствовать предъ телеграфнымъ департаментомъ *о награжденіи орденами и другими знаками отличія* какъ начальника службы телеграфа, такъ и другихъ лицъ, служащихъ при телеграфѣ, за отличное исполненіе ими служебныхъ обязанностей какъ *въ отношеніи телеграфа желѣзныхъ дорогъ*, такъ равно и государственнаго телеграфа“. За всѣмъ тѣмъ, и въ правилахъ,

и въ инструкціи самое главное — *надзоръ* за корреспонденціею на станціяхъ жел. дорогъ (кромя пограничныхъ) — опредѣлялся весьма коротко, вскользь. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ, судя по заглавію правилъ, ими предусматривалось *все* въ отношеніи желѣзнодорожнаго телеграфа, положеніе послѣдняго какъ бы оказывалось вполне законченнымъ.

Въ числѣ правъ, перешедшихъ къ нынѣшнему главному управленію почтъ и телеграфовъ, было ли хотя бы и неопредѣленное право телеграфнаго департамента имѣть „надзоръ за телеграфомъ жел. дорогъ и за корреспонденціею на сихъ телеграфахъ“? При ссылкѣ въ учрежденіи главнаго управленія на нѣкоторыя переходившія къ нему отъ бывшихъ почтового и телеграфнаго департаментовъ права въ скобкахъ упоминалось и учрежденіе министерства почтъ и телеграфовъ 16 мая 1866 г., но при этомъ точно указывалась, какъ мы видѣли выше, именно и только *ст. 14* послѣдняго, не касавшаяся этого надзора. Затѣмъ, въ самомъ учрежденіи главнаго управленія почтъ и телеграфовъ специально объ этомъ правѣ и вообще о какомъ либо отношеніи къ телеграфу частныхъ жел. дорогъ вовсе не упоминалось. Въ какомъ же видѣ перешло къ нему право надзора за желѣзнодорожнымъ телеграфомъ, послѣ новѣйшихъ мѣропріятій относительно послѣдняго и хотя бы при существованіи оставшихся неотмѣненными и относившимися сюда статьями Устава Телеграфнаго? Очевидно, все это ведетъ къ нескончаемымъ вопросамъ.

V

Такимъ образомъ, въ сравнительно короткое время въ телеграфномъ дѣлѣ произошелъ цѣлый рядъ коренныхъ измѣненій. Измѣненія эти не заключались притомъ въ опредѣленіи болѣе и болѣе подробномъ и точномъ со стороны закона послѣдовательно развивавшейся телеграфной регальной операціи, во введеніи новыхъ началъ и основаній въ это дѣло. Наоборотъ, все это, и въ тѣхъ частяхъ, которыя были первоначально твердо установлены закономъ, постепенно ускользало отъ законодательныхъ опредѣленій. Все телеграфное дѣйствіе, весьма важныя внутреннія и внѣшнія правила и формы, отражающія весьма существенно и на правахъ частныхъ лицъ, вся дѣятельность, устройство и развитіе телеграфа — становились болѣе и болѣе предметомъ административныхъ распоряженій. 234 статьи Устава Телеграфическаго изд. 1857 г. превратились въ 109 статей Устава о Телеграфахъ изд. 1871 г. и въ 94 статьи Устава Телеграфнаго изд. 1876 г. Послѣдующее же изданіе, безъ сомнѣнія, покажетъ еще большее сокращеніе законодательныхъ

опредѣленій касательно телеграфа... Упомянутыя перемѣны касались съ тѣмъ вмѣстѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія телеграфною частью и однажды облеченныхъ уже большими полномочіями. Только что ставъ у дѣла и, такъ или иначе повліявъ на него всею суммою возложенной на нихъ власти, — они замѣнялись другими. Ни одна часть государственнаго управленія, можно сказать, не предоставлялась въ такой мѣрѣ одиночному усмотрѣнію. А въ то же время самое это усмотрѣніе переходило отъ однихъ къ другимъ.

Естественно, что государственный телеграфъ долженъ былъ отъ этого пострадать, а телеграфъ частныхъ жел. дорогъ ушелъ въ этомъ условіи, весьма благопріятствовавшія его усиленію. Отношенія его и къ органамъ высшаго телеграфнаго управленія постепенно опредѣлялись менѣе и менѣе ясно, а то и вовсе не опредѣлялись. Вѣдаться же съ административнымъ распоряженіемъ легче, чѣмъ съ закономъ. Неодинакова и отвѣтственность за нарушеніе закона или административнаго распоряженія, равно какъ неодинаковъ надзоръ и порядокъ привлеченія къ отвѣтственности въ томъ и другомъ случаѣ. Въ то же время самое административное правило менѣе доступно публикѣ, чѣмъ законъ, хотя бы изданіе его было обусловлено доведеніемъ его до всеобщаго свѣдѣнія. Всякій знаетъ о существованіи Свода Законовъ, но весьма немногимъ извѣстно о существованіи Сборника распоряженій по телеграфному вѣдомству. Гораздо легче получить первое, чѣмъ второе. Нелегко узнать иногда объ источникѣ нахождения административнаго распоряженія. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, или какомъ либо другомъ подобномъ изданіи, или въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ — доводится до всеобщаго свѣдѣнія опредѣленное къ тому закономъ административное правило? И, оказываясь въ томъ или другомъ источникѣ, оно пребываетъ въ немъ неизмѣнно, не издаваясь вновь, не подвергаясь кодификаціи, — за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, не представляющихъ, однако же, гарантій правильности. Наоборотъ, законъ обязательно обнародывается въ извѣстномъ изданіи — „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“, вскорѣ переходя изъ послѣдняго въ Продолженіе къ соответствующему тому Свода, въ Полное Собраніе Законовъ, претерпѣвая не одно официальное и частное изданіе и правильно доходя до всеобщаго свѣдѣнія въ своихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ. Порядокъ составленія и обсужденія административнаго правила не даетъ такихъ гарантій правильности, цѣлесообразности и соответствія съ общимъ строемъ гражданской и государственной жизни, какъ законъ. Само по себѣ административное правило не возбуждаетъ въ гражданахъ того интереса,

который всецѣло принадлежитъ закону. И если свѣдѣнія о послѣднемъ распространены крайне слабо, и понятія о немъ господствуютъ подчасъ совершенно превратныя, — то тѣмъ болѣе наблюдается это, по силѣ изложенныхъ причинъ, относительно административнаго распоряженія. Оттого исполнители получаютъ большую возможность игнорировать подобныя правила и дѣйствовать по своему произволу, а частныя лица ограничены въ возможности напоминать имъ если не о законѣ, то объ административномъ распоряженіи, и требовать на основаніи послѣдняго огражденія своихъ интересовъ.

Далѣе, новѣйшими измѣненіями въ области телеграфнаго законодательства, приведенными выше, открывается возможность столкновений между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Можетъ слишкомъ часто возникать вопросъ: гдѣ кончается законъ и начинается административное распоряженіе, и наоборотъ. Самое административное правило можетъ противорѣчить закону. Оттого и немногія оставшіяся законодательныя опредѣленія ослабляются въ своей силѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ открыта возможность столкновений и между распоряженіями двухъ одинаково высоко поставленныхъ административныхъ властей. По узаконенію 16 мая 1870 г. (ст. 47 Уст. Тел. изд. 1876 г.), „высшій надзоръ“ за телеграфомъ жел. дорогъ предоставленъ министру внутр. дѣлъ, — о чемъ, кстати сказать, въ Учр. Мин. по Прод. 1886 г. не упомянуто. На основаніи же ст. 166 общ. уст. рос. жел. дорогъ изд. 1886 г., подробныя правила, между прочимъ и о порядкѣ содержанія желѣзнодорожнаго телеграфа, издаются однимъ министромъ путей сообщенія.

Но желѣзнодорожный телеграфъ постепенно, фактически, освобождается даже и отъ административныхъ распоряженій... Новѣйшимъ законодательствомъ, расширяющимъ предѣлы административной власти, имѣется въ виду правительственный телеграфъ. О желѣзнодорожномъ телеграфѣ при этомъ и не упоминается. Оттого онъ и фактически становится болѣе и болѣе независимо, и въ немъ легче и тверже могутъ упрочиваться самостоятельныя введенныя порядки. Далѣе, еще на основаніи положенія 16 мая 1870 г. и до сихъ поръ, вмѣнено въ обязанность желѣзнодорожнымъ управленіямъ доставлять телеграфному управленію лишь тѣ свѣдѣнія, которыя оно „признаетъ необходимымъ имѣть“ и потребуетъ. Не опредѣлено было доставленіе *всѣхъ* свѣдѣній о дѣятельности желѣзнодорожнаго телеграфа, безъ всякаго спеціальнаго требованія, а также не указано и права повѣрки подобныхъ свѣдѣній, могущихъ, безъ сомнѣнія, казаться иногда сомнительными. Оттого до сихъ поръ совращался и могъ быть неудовлетворителенъ матеріалъ, кото-

рый долженъ былъ служить предметомъ законодательныхъ и административныхъ постановленій касательно телеграфа жел. дорогъ, — чѣмъ, естественно, затруднялось приведеніе въ связь дѣятельности государственнаго телеграфа и желѣзнодорожнаго, и черезъ что легче происходило обособленіе послѣдняго, освобожденіе его отъ вліяній государственной власти и превращеніе въ *частную собственность*, вопреки общему основному началу узаконенія 17 янв. 1855 г. и прочимъ, такъ или иначе опредѣлявшимъ желѣзнодорожный телеграфъ, законоположеніямъ.

Естественно, что извлекать пользу и усиливаться на счетъ всѣхъ этихъ условій желѣзнодорожный телеграфъ могъ постепенно и тѣмъ болѣе, чѣмъ выше становилось значеніе самыхъ жел. дорогъ, чѣмъ могущественнѣе дѣлалось желѣзнодорожное царство и шире его вліяніе.

VI

Матеріалъ, заключающійся въ административныхъ постановленіяхъ, помѣщенныхъ въ „Собраніи циркуляровъ, приказовъ и другихъ распоряженій по телеграфному вѣдомству (нынѣ дѣйствующихъ)“, — т. I, съ 1859 по 1874 г. изд. телеграфнаго департамента 1877 г., т. II, съ 1874 по 1 июля 1884 г., изд. главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, 1886 г. — лучше всего оправдываетъ наши предшествующіе выводы и ярче всего показываетъ, какъ далеко зашла обособленность желѣзнодорожнаго телеграфа, при предоставленіи телеграфнаго дѣла вообще въ указанной степени вліянію административной власти, смѣняющейся и недостаточно опредѣляемой закономъ.

Само по себѣ это изданіе, въ особенности первый томъ его, явленіе характерное.

Судя по заглавію, можно было бы думать, что въ немъ нѣтъ мѣста собственно законодательнымъ постановленіямъ, что назначеніе его — представить только дѣйствующія нынѣ административныя распоряженія. Между тѣмъ оказывается, что въ этомъ „Собраніи циркуляровъ, приказовъ и другихъ распоряженій“ приводятся и многіе законы, издававшіеся по телеграфной части въ теченіе указаннаго времени, безъ приведенія, однако, Устава Телеграфнаго, хотя бы въ одномъ его изданіи. Въ такомъ случаѣ — спрашивается — можно ли предполагать, что въ заглавіи заключается указаніе и на подобное законодательное содержаніе и значеніе сборника? Но тогда указаніе это нужно предполагать въ выраженіи — „и другихъ распоряженій...“ Не занимая ни перваго, ни втораго мѣста, какое же именно занимаетъ законъ по смыслу этого заглавія въ обозначаемомъ послѣднимъ сборникѣ?

По Положенію 21 ноября 1862 г., мы видѣли, насколько существенно было устройство соединительныхъ вѣтвей. Въ зависимости отъ развитія послѣднихъ и исправнаго ихъ состоянія, депеши передавались по проводамъ желѣзнодорожнаго телеграфа исключительно или переходили на правительственный телеграфъ. И частныя лица, и государственный телеграфъ были, естественно, весьма заинтересованы въ устройствѣ такихъ вѣтвей и надлежащемъ ихъ состояніи. Вслѣдствіе этого, въ 1870 г. было предположено (цирк. отъ 18 февр. 1870 г., стр. 366, т. I) обратить вниманіе на развитіе соединительныхъ вѣтвей „между правительственными станціями и соответствующими имъ станціями желѣзныхъ дорогъ, какъ оконечными, такъ и промежуточными“. На основаніи же ст. 67 Устава о Телеграфахъ изд. 1871 г., таковыя вѣтви должны были устраиваться и содержаться на счетъ *управленій жел. дорогъ*. Изъ циркуляра же отъ 27 окт. 1873 г. оказалось, что „соединительныя съ телеграфомъ жел. дорогъ вѣтви весьма часто находятся въ неисправности; лица же, осматривающія линіи и провода, не давая особеннаго значенія подобнымъ вѣтвямъ, не обращаютъ на нихъ должнаго вниманія и *нередко даже свидѣтельствуютъ изъ*“ (стр. 368).

Затѣмъ, естественно, частныя лица и государственный телеграфъ оставались весьма заинтересованными въ томъ, чтобы жел. дороги своевременно обладали свѣдѣніями объ открытіи приѣма депешъ общей корреспонденціи на той или другой станціи желѣзнодорожнаго телеграфа. Наоборотъ, желѣзнодорожный телеграфъ былъ скорѣй заинтересованъ какъ въ медленномъ развитіи государственнаго телеграфа, такъ и въ медленномъ полученіи указываемыхъ свѣдѣній. Ибо, опять таки въ зависимости отъ того, телеграммы общей корреспонденціи проходили исключительно по его проводамъ или передавались на правительственныя линіи. Это именно различіе интересовъ, безъ сомнѣнія, и привело къ тому, что, какъ видно изъ циркуляра отъ 29 дек. 1872 г., — „одно изъ управленій жел. дорогъ (очевидно, не безъ неудовольствія) *заявило*, что объ открытіи корреспонденціи на станціяхъ государственнаго телеграфа посылаются каждою правительственною станціею циркулярныя депеши на телеграфъ дороги“.

Не взвѣсивъ, очевидно, значенія подобнаго *заявленія*, телеграфный департаментъ нашелъ, что — „такой способъ извѣщенія не вызывается (?) дѣйствительною надобностью и *обременяетъ* телеграфныя станціи жел. дорогъ излишними депешами“, и установилъ „общимъ порядкомъ, чтобы свѣдѣнія объ открытіи корреспонденціи на правительственныхъ станціяхъ сообщались только управленіямъ дорогъ или непосредственно началь-

никамъ управленій телеграфными отдѣленіями, или черезъ начальниковъ правительственныхъ станцій, находящихся въ мѣстѣ пребыванія управленія дороги“.

Какъ видно, указаніе давалось въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и имъ устанавливался вовсе не общій порядокъ. Какимъ путемъ, кромѣ того, должны были передаваться подобныя свѣдѣнія? по почтѣ, телеграфу, лично или какъ либо иначе? Ясно также, что во всякомъ случаѣ столь важное сообщеніе должно было проходить довольно длинный путь, перебивать въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ и, кромѣ того, могло надолго остаться въ управленіи жел. дороги, безъ передачи на станцію желѣзнодорожнаго телеграфа, — до каковаго момента послѣднія не обязаны были имъ и руководствоваться. Скорая передача не была рѣшительно ничѣмъ обезпечена.

Что же удивительнаго, если телеграфный департаментъ вскорѣ, 7 апр. 1879 г., долженъ былъ обратиться къ управленіямъ жел. дорогъ — казалось бы, *подчиненнымъ* ему касательно телеграфа — съ *отношеніемъ*, въ которомъ сообщилъ о „неоднократно“ сдѣланномъ замѣчаніи, что „на телеграфныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ *внутренніе тарифы не пополняются свѣдѣніями, касающимися открытія правительственныхъ и желѣзнодорожныхъ станцій*, — вслѣдствіе чего происходятъ недоразумѣнія при приѣмѣ телеграммъ и жалобы подавателей на непріятіе отъ нихъ депешъ въ мѣста, гдѣ открыты телеграфныя станціи“.

Казалось бы, что въ такого рода явленіяхъ повинны управленія жел. дорогъ, заявленіе одного изъ которыхъ устроило принятый было скорый и вѣрный путь сообщенія упоминаемыхъ свѣдѣній? Но циркуляръ косвенно перенесъ отвѣтственность на телеграфное же вѣдомство. Въ немъ было именно вслѣдъ за этимъ выражено предположеніе — отнынѣ „помѣщать въ каждомъ выпускѣ Телеграфнаго сборника особую статью со свѣдѣніями для пополненія и измѣненія внутренняго тарифа и отдѣльные оттиски съ этихъ статей высылать въ управленія жел. дорогъ“. Какъ будто описанное печальное положеніе дѣлалось оттого, что до сихъ поръ телеграфнымъ управленіемъ не дѣлалось ничего подобнаго... т. е. оттого, что свѣдѣнія о внутреннемъ тарифѣ не печатались сначала въ сборникѣ, выходившемъ тогда одинъ разъ въ мѣсяць, не оттискивались отдѣльно и — не разсылались, быть можетъ, медленнымъ канцелярскимъ путемъ въ управленія жел. дорогъ?

Ясно, что и этотъ новый путь далеко не могъ устранить поводовъ къ недоразумѣніямъ, жалобамъ и вообще къ нарушенію закона; что и „поворнѣйшая“ выраженная въ этомъ „отношеніи“ просьба — принять зависящія мѣры относительно ис-

правнаго веденія и пополненія внутренняго тарифа“—не могла повести къ дѣли; что, въ сущности, этотъ путь былъ еще менѣе удовлетворителенъ.

Дѣйствительно, вскорѣ возникъ знаменательный документъ въ этомъ и другихъ, еще болѣе важныхъ, отношеніяхъ.

„Неоднократно замѣчено — говорилось въ циркулярѣ отъ 25 авг. 1881 г. за № 20 (т. II), что правленія обществъ жел. дорогъ не сообщаютъ телеграфному вѣдомству объ *измѣненіяхъ*, происходящихъ въ *дѣйствіи* или *устройствѣ* телеграфовъ жел. дорогъ, о переименованіи станцій и т. под.“ А это дѣлалось въ прямое нарушение ст. 59, 48 и 49 Устава Телеграфнаго изд. 1876 г., основанныхъ на положеніи 16 мая 1870 г., а также въ прямое нарушение и „правилъ устройства, содержанія, ремонта и дѣйствія телеграфа частныхъ жел. дорогъ“ 18 янв. 1880 г. Ибо, по ст. 59, даже и „*незначительныя* измѣненія разрѣшаются директоромъ телеграфовъ, по предварительному о томъ сношенію съ министерствомъ путей сообщенія“. А по той же статьѣ — „*все существенныя* измѣненія въ устройствѣ телеграфа частныхъ жел. дорогъ производятся управленіями сихъ дорогъ въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 48 и 49“, — т. е. „по проектамъ, ими составляемымъ, разсматриваемымъ телеграфнымъ департаментомъ и утверждаемымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ“ (ст. 48), — притомъ по проектамъ, поступающимъ „въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ министерство путей сообщенія, съ заключеніемъ сего послѣдняго объ условіяхъ и требованіяхъ телеграфной службы, относительно безопасности движенія поѣздовъ по дорогамъ“ (49).

Рѣчь шла, слѣдовательно, о *нарушеніи* жел. дорогами такихъ *законовъ*, которые были установлены въ *огражденіе безопасности миллионныхъ пассажировъ и ради охраненія массы весьма важныхъ интересовъ*.

Но, описавъ всѣ эти нарушенія, департаментъ совершенно неожиданно квалифицировалъ ихъ такъ: „вслѣдствіе чего, не могутъ быть сдѣланы распоряженія къ объявленію о такихъ *перемятахъ* въ Сборникѣ и о своевременномъ пополненіи или исправленіи тарифа...“ т. е. департаментъ обратилъ вниманіе только на неполученіе свѣдѣній о переименованіи станцій и т. п., касательно чего, значить, остались безъ послѣдствій приведенное выше его „отношеніе“ и предположенная въ немъ новая мѣра. „Для болѣе точнаго исполненія на *будущее время* § 60 *Тел. Уст.*, на основаніи котораго управленія жел. дорогъ обязаны доставлять Телеграфному вѣдомству *все содѣяныя* о телеграфѣ жел. дорогъ, телеграфный департаментъ *проситъ...* департаментъ *железныхъ дорогъ...* сдѣлать соотвѣтственныя сему распоряженія“.

Но, какъ мы видѣли, въ данномъ случаѣ происходило нарушение не ст. 60 Устава Телеграфнаго изд. 1876 г. („Управленія жел. дорогъ доставляютъ телеграфному департаменту всѣ свѣдѣнія, *какія онъ признаетъ* необходимымъ имѣть о телеграфѣ жел. дорогъ“), — а статей 48, 49 и 59. Можно предполагать даже, что въ сущности никакого нарушенія названной статьи и не было, ибо оно возникаетъ только тогда, когда управленія жел. дорогъ отвѣтять отказомъ или молчаливо не исполнять требованія телеграфнаго департамента о доставленіи ему опредѣленно указанныхъ свѣдѣній, чего циркуляръ вовсе и не констатировалъ. Слѣдовательно, ссылка на ст. 60 была бесполезна, и ею вовсе не квалифицировались нарушенія.

Съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы оказалось уже неудобнымъ обратиться вновь непосредственно къ управленіямъ жел. дорогъ, хотя бы то съ отношеніемъ, послѣ безплоднаго отношенія 7 апр. 1879 г. Телеграфный департаментъ почему-то, помимо ближайшей къ нему и вообще къ этому дѣлу власти — министерства внутр. дѣлъ, завелъ переписку съ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ (мин. пут. сооб.), и при настоящемъ циркулярѣ — предназначавшемся притомъ не прямо для управленій жел. дорогъ, а для учрежденій телеграфнаго вѣдомства, разослалъ по послѣднему и копию съ циркуляра техническо-инспекторскаго комитета жел. дорогъ, съ которымъ послѣдній, согласно его просьбѣ, обращенной къ департаменту желѣзныхъ дорогъ (дѣло прошло, слѣдовательно, не одну инстанцію) обратился къ инспекторамъ жел. дорогъ, къ правленіямъ желѣзнодорож. обществъ и къ управляющимъ жел. дорогами.

„Телеграфный департаментъ — гласилъ этотъ новый циркуляръ — сообщилъ министерству путей сообщенія, что правленія желѣзнодорожныхъ обществъ упускаютъ нерѣдко *уведомлять* своевременно департаментъ *объ* *измѣненіяхъ* въ *опытствіи* и *устройствѣ* телеграфовъ жел. дорогъ, о переименованіи станцій и пр. — чѣмъ задерживаются... *публикаціи* о *нихъ* *перемѣнахъ*, а также исправленіе и пополненіе тарифовъ международной корреспонденціи, и порождаются *недоразумѣнія* въ *пріемѣ* телеграммъ на станціяхъ, *нареканія* и *жалобы* публики. Для устраненія сего г. министръ изволилъ приказать *обратить* *вниманіе* правленій обществъ на *принятіе* мѣръ къ *точному* и *своевременному* исполненію *ст. 60 Уст. Тел.*, по которой *правленія* *обязаны* *уведомлять* *телеграфный* *департаментъ* и *начальниковъ* *телеграфныхъ* *округовъ...* *о* *всѣхъ* *измѣненіяхъ* *въ* *составѣ* *или* *устройствѣ* телеграфовъ жел. дорогъ“.

Такимъ образомъ и министерство путей сообщенія не только не усмотрѣло нарушенія жел. дорогами важнѣйшихъ статей Устава Телеграфнаго, а равно почти только что утвержденныхъ

имъ по соглашенію съ министерствомъ внутр. дѣлъ, „Правиль устройства, ремонта, содержанія и дѣйствія телеграфа частныхъ жел. дорогъ“ отъ 18 января 1880 г., статей и правилъ, къ исполненію и надзору за исполненіемъ которыхъ, и притомъ въ видахъ установленія *безопасности движенія поезда*, оно было *спеціально* призвано, — но и ст. 60, повидимому, вовсе не относившюся къ дѣлу, изложило *явно неутрно*, констатировавъ самые факты нарушеній... Съ тѣмъ вмѣстѣ, желѣзнодорожныя управленія не только не привлекались къ какой либо отвѣтственности, но не возбуждалось даже и вопроса о ней.

VII

Такъ далеко зашло обособленіе желѣзнодорожнаго телеграфа не только отъ телеграфнаго управленія, но и отъ общаго порядка въ государствѣ. Для желѣзнодорожнаго телеграфа какъ бы не существуетъ даже общихъ законовъ, вмѣняющихъ, между прочимъ, всѣмъ въ обязанность исполнять законныя постановленія и угрожающихъ въ противномъ случаѣ извѣстными взысканіями.

Жел. дороги приравняются иногда къ государству въ государствѣ. Широкимъ правомъ на телеграфъ подобное сопоставленіе не только подтверждается, но жел. дороги характеризуются имъ даже какъ государство, для котораго не существуетъ признанныхъ обязательными „международныхъ“ постановленій.

Такъ далеко, судя уже по предшествующимъ разсужденіямъ, расходится дѣйствительность съ узаконеніемъ 17 января 1855 г., уничтожившимъ возможность не только существованія права частной собственности на телеграфъ, но и нахожденія телеграфа въ частномъ завѣдываніи.

Но эти явленія развились, въ сущности, гораздо дальше, шире и глубже.

Не только Уставъ Телеграфный, но и Сводъ Законовъ на всемъ его пространствѣ не заключаютъ въ себѣ указаній на существованіе въ Россіи *частнаго телеграфа*, кромѣ телеграфа частныхъ жел. дорогъ.

Данныя о телеграфѣ собственно частныхъ обществъ находимъ мы въ указанныхъ двухъ томахъ „Собранія циркуляровъ“ и пр. Основаніемъ къ учрежденію этихъ телеграфовъ служили концессіи, дававшіяся въ разное время на устройство ихъ, болшею частью двумъ лицамъ, — президенту датско-норвежской англійской телеграфной компаніи *Титтену*, негодіанту *Эриксену* и еще спб. пот. поч. гражд. *Паллизену*. Затѣмъ, вслѣдствіе передачи названными лицами полученныхъ ими концессій, обра-

зовалось ограниченное право собственности на известное время *Большаго Сѣвернаго Телеграфнаго общества* на кабели: 1) Либавскій (между Россією и Данією), 2) Ньюшадтскій (между Россією и Швецією) и 3) Владивостокскій (между Россією и Китаемъ и Японією); того же Общества на устроенный имъ же, на основаніи полученной непосредственно концессіи, вспомогательный (отъ русско-шведскаго) кабель къ острову Аланду, и наконецъ *Черноморскаго Телеграфнаго Общества* — на кабель между Одессою и Константинополемъ. Однако въ этомъ случаѣ не заключалось особаго отступленія отъ закона 17 января 1855 г. Кабели прокладывались если и по русской территоріи, то по территоріи, находившейся подъ водою, и по прошествіи известнаго времени переходили въ распоряженіе правительства. Въ устройствѣ ихъ осуществлялись известные интересы государства касательно международныхъ сношеній. Кромѣ того, они предназначались для развитія международной корреспонденціи по проводамъ правительственнаго телеграфа.

Но при этомъ нѣкоторымъ предпринимателямъ предоставлялись уже болѣе или менѣе значительныя *субсидіи*, и весь вопросъ въ томъ, по проводамъ какого телеграфа — частныхъ обществъ, жел. дорогъ или правительственнаго — усиливалось такимъ образомъ въ концѣ концовъ движеніе международной корреспонденціи.

Въ этомъ случаѣ существенное значеніе приобрѣталъ контроль, учреждаемый надъ станціями приѣма и отправленія. Но онъ устанавливался въ общихъ выраженіяхъ, въ то время какъ подобный контроль, очевидно, представлялъ особыя трудности, а — главное — не могъ дать никакихъ результатовъ, будучи сосредоточенъ, напр., въ высшемъ даже и телеграфномъ управленіи. Отсутствие же опредѣленности простиралось здѣсь до невозможности сказать, на какія именно учрежденія онъ былъ возложенъ, ибо въ нѣкоторыхъ пунктахъ концессій говорилось, что онъ принадлежитъ „правительству“ вообще. А коль скоро не было указано для него даже центральное учрежденіе, то очевидно, насколько отдаленно было отношеніе органовъ мѣстнаго телеграфнаго и общаго управленія къ телеграфу частныхъ обществъ. Въ данномъ же случаѣ, именно съ этой стороны и былъ возможенъ контроль, такъ какъ рѣчь шла о телеграфѣ, находившемся на окраинахъ.

Къ гораздо болѣе важнымъ выводамъ приводитъ устройство *Амло-индійской* телеграфной линіи. Мотивы, которые привели не только къ допущенію устройства этой линіи, но нѣкоторымъ образомъ къ активному участію въ этомъ предпріятіи со стороны русскаго правительства, такъ изъясняются въ „Собраніи“ (т. I): „Телеграфныя сношенія *Амліи съ Индіей*, проходя ев-

ропейскія линіи, направляются по телеграфамъ Азіатской Турціи и Персіи, соединяющихся съ подводнымъ кабелемъ, проложеннымъ чрезъ Персидскій заливъ до береговъ Индіи. Быстрый обменъ этихъ сношеній встрѣчаетъ существенныя затрудненія: на азіатскихъ путяхъ — въ частыхъ ихъ поврежденіяхъ, на европейскихъ линіяхъ — въ массѣ депешъ, неизбежно затрудняющихъ передачу англо-индѣйской корреспонденціи. Неудобства эти могли быть устранены не иначе, какъ сооруженіемъ между Англіей и Индіей отдѣльнаго телеграфа. Въ виду политической и финансовой важности такого предпріятія... русское и прусское правительства вступили въ соглашеніе объ устройствѣ прямой англо-индѣйской телеграфной линіи съ предназначеніемъ ея исключительно для передачи одной индѣйской корреспонденціи“.

Въ 1867 г. и состоялось упомянутое соглашеніе между Россією и Пруссією, и для осуществленія предпріятія были избраны Сименсъ и Гальске. Получивъ концессию отъ Россіи, Пруссіи и Персіи, названныя лица нашли возможность въ весьма короткое время образовать обширное Индо-Европейское Телеграфное общество, принявъ въ немъ сами участіе $\frac{1}{5}$ частью капитала. Линія была проектирована отъ Лондона подводнымъ путемъ чрезъ Сѣверное море до Эмдена, отсюда на Берлинъ, Торнъ, Варшаву, Житомиръ, Одессу, Керчь подводнымъ путемъ, чрезъ Черное море, на Тифлисъ, Джульфу и Тавризь до Тегерана. Главныя станціи были назначены въ Лондонѣ, Берлинѣ, Керчи и Тегеранѣ; вспомогательныя — въ Варшавѣ, Житомирѣ, Одессѣ, Сухумъ-Кале, Тифлисѣ и Тавризѣ. И грандіозный проектъ этотъ былъ осуществленъ съ чрезвычайной быстротой. Отъ Эмдена до русской границы устройство проводовъ приняло на себя прусское правительство, и вся линія на всемъ протяженіи была открыта 19 янв. 1870 г., — слѣдовательно, она была возведена въ теченіе всего двухъ лѣтъ, представляя собою громадное сооруженіе, ибо въ предѣлахъ одной Россіи Англо-индѣйская телеграфная линія протянулась на 3407 верстъ. Значить, велико было ея значеніе и интересъ для предпринимателей, которыми являлись частныя лица и государства, если столь краткаго времени оказалось достаточно для образованія общества и окончанія всѣхъ работъ.

На основаніи новой концессіи на эту линію отъ 16 ноября 1873 года, замѣнявшей концессию 1867 года, линія эта „предназначается для исключительной передачи транзитныхъ чрезъ Россію депешъ изъ Индіи и въ Индію... также транзитной чрезъ Россію телеграфной корреспонденціи странъ, лежащихъ за Индіей“. Но по второй части того же пункта концессіи: „кромя вышеобъясненной корреспонденціи, по линіи общества

можетъ передаваться, на основаніи *особыхъ, утверждаемыхъ министромъ* (внутр. дѣль?), соглашеній телеграфнаго департамента съ обществомъ, *всякая русская мѣстная и транзитная корреспонденція*, насколько это можетъ быть допущено безъ ущерба для индо-европейской корреспонденціи“.

Послѣдовали ли подобныя соглашенія, которыми открывалась возможность перенесенія на частное общество въ такой мѣрѣ исключительныхъ правъ государства на телеграфное сообщеніе? Въ „Собраніи“ не имѣется никакихъ указаній по этому предмету. Но надо полагать, что подобныя соглашенія состоялись. Концессія ставила ихъ въ зависимость какъ бы отъ желанія общества. Но расширеніе его дѣятельности приѣмомъ столь еще неопредѣленно обозначавшейся „всякой русской мѣстной и транзитной корреспонденціи“ едва ли могло нанести ущербъ спеціальной предназначавшейся для его проводовъ корреспонденціи. Наоборотъ, подобное расширеніе всецѣло входило въ его интересы. Не послѣдовавшими ли именно указываемыми соглашеніями о передачѣ Индо-Европейскимъ обществомъ „всякой мѣстной русской и транзитной корреспонденціи“ объясняется то, что къ 1 янв. 1886 г. общество, обязанное по пункту 1-му концессіи имѣть въ Россіи „не менѣе пяти станцій“, насчитывало ихъ *пятьдесятъ три* („Краткій обзоръ дѣятельности Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ за 1885 г.“)?

„Чтобы возмѣститъ русскому правительству — гласилъ далѣе п. 5 концессіи — *уменьшеніе дохода* съ его ливій по телеграфной корреспонденціи съ Индіей и странами, лежащими за Индіей, а равно вознаградить за упомянутыя права и преимущества, Общество обязано за каждую переданную черезъ Россію по линіи Общества индѣйскую и за-индѣйскую депешу уплачивать русскому правительству 10% или 10-ю долю той поступающей въ доходъ Общества русской транзитной платы, каковая будетъ существовать“. Слѣдовательно, признавалось, что Англо-индѣйская линія будетъ имѣть отрицательное финансовое значеніе для Россіи... Ради какой же именно „финансовой важности“ было принято участіе въ этомъ сооруженіи?

Что же касается до контроля, то учрежденный, какъ обыкновенно, въ смыслѣ надзора за устройствомъ и содержаніемъ линіи и за служащими, съ правомъ требовать ихъ удаленія, онъ устанавливался далѣе съ нѣкоторыми подробностями... но въ такихъ слабыхъ формахъ, съ такими ограниченіями, что самый принципъ контроля претерпѣвалъ значительное колебаніе.

„Русское правительство — гласилъ п. 7 — *въ правѣ*, по своему усмотрѣнію, *принять мѣры къ учрежденію контроля*, съ цѣлью обезпеченія точнаго исполненія условій настоящей концессіи служащими у Общества лицами и для провѣрки коли-

чества и рода проходящихъ депешъ. *Таковыя мѣры надзора не должны, однако, замедлять или затруднять передачу депешъ*. Значитъ, стоитъ только заявить контрольному лицу, дѣйствующему по данной ему отъ высшаго управленія инструкціи, а тѣмъ болѣе самостоятельно, что та или другая принимаемая имъ мѣра *замедляетъ* передачу депешъ (а такое значеніе, очевидно, должна получать и всякая данная мѣра), и — не только контроль окажется встрѣтившимся съ законнымъ препятствіемъ, но явится даже нарушеніе концессіи со стороны правительства.

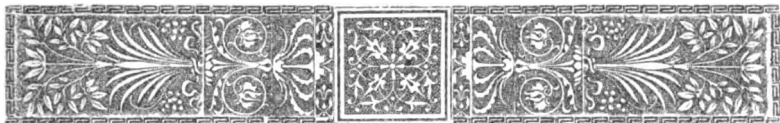
„Журналы и книги Общества должны быть *во всякое время* предъявляемы назначаемымъ со стороны правительства для проверки оныхъ *особымъ чиновникамъ...* о которыхъ *предварительно* сообщается Обществу...“ Слѣдовательно, контроль принадлежит, не какъ извѣстное постоянное право, тѣмъ или другимъ органамъ телеграфнаго управленія, но устанавливается лишь въ принципѣ за правительствомъ вообще. На основаніи этого принципа, оно можетъ поручать осуществлять его въ дѣйствительной формѣ, но — опредѣленнымъ лицамъ специально въ каждомъ данномъ случаѣ назначаемымъ, получающимъ притомъ свои полномочія только съ момента *увѣдомленія* Общества о томъ, что именно имъ дано извѣстное порученіе, — а до тѣхъ поръ никакого значенія для Общества не имѣющимъ и могущимъ даже, въ случаѣ вмѣшательства въ его дѣятельность, быть признанными нарушителями его исключительныхъ правъ.

При такихъ условіяхъ, корреспонденція западной Европы съ востокомъ и востока съ западною Европою, и даже всякая русская мѣстная и транзитная корреспонденція, передана частной компаніи съ 1867 г. по 1905 г., съ каковаго только времени, если притомъ не состоится „заблаговременно“ новыхъ соглашеній, линія переходитъ въ собственность правительства.

Н. Дружининъ

Окончаніе будетъ

ЖЕРТВЫ НАРКОТИЧЕСКИХЪ ЯДОВЪ

Азіатскій востокъ систематически отравляется. Въ Китаѣ и Индіи курятъ опиумъ и гашишъ. Народъ стоящій на той ступени развитія, на которой его остановила азіатская исторія, еще слишкомъ далекъ отъ оцѣнки своихъ губительныхъ страстей съ общественно нравственной точки зрѣнія. Въ человѣкѣ сидитъ его зоологическій типъ (*Homo sapiens*) и рядомъ съ нимъ разумное существо. Борьба этихъ двухъ сожителей далеко не одинаково уравновѣшена на западѣ и на востокѣ. Житель Европы находится подъ давленіемъ тысячи причинъ самаго разнообразнаго свойства, дающихъ кое какой перевѣсъ разумному элементу надъ животнымъ. Въ Азійи эти причины отсутствуютъ, и зоологическій типъ захлестываетъ человѣка своей массой. Мы, конечно, не будемъ настаивать на этомъ сопоставленіи и доводить его до крайнихъ предѣловъ. Разнуданность и излишества отдѣльныхъ личностей въ высоко культурной Европѣ заставляютъ не менѣе призадуматься, чѣмъ звѣриная распушенность восточнаго человѣка. Но можно думать, что сравненіе, взятое въ массѣ, выдержитъ критику.

Намъ ближе всего будетъ познакомиться съ потребителями наркотическихъ веществъ, такъ сказать, у себя дома — въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ.

У насъ въ Туркестанѣ сильно распространено потребленіе одуряющихъ продуктовъ изъ мака и конопли. Изъ мака дѣлаются опиумъ и кукнаръ, изъ конопли — гашишъ. Полагаемъ, что всякому извѣстно, что такое опиумъ: но, быть можетъ, многіе найдутъ нелишнимъ узнать нѣкоторыя подробности о добычѣ этого вещества.

Макъ воздѣлывается на всемъ свѣтѣ, но для добычана опиума годится не всякій сортъ, потому что, напр., наши русскіе сорта такъ тощи содержаніемъ этого вещества, что его не стоитъ добывать изъ нихъ. Самые богатые опиумомъ — бѣлые сорта. У насъ разводится только темный макъ: „черный, какъ макъ“ — выраженіе, вошедшее въ поговорку. Породы съ бѣлыми сѣме-

нами — дѣтища южныхъ жаркихъ странъ: Индіи, Китая, Персіи, Малой Азіи, Турціи, Египта. Вотъ почему индѣйскій макъ славится, какъ лучший сортъ для добыванія опиума, наравнѣ съ индѣйскою же коноплею — лучшимъ сортомъ для добыванія гашиша.

Для добыванія опиума выжидаютъ времени, когда головки мака вполне окончили свою наружную формировку. Этотъ моментъ нужно умѣть хорошо различать и ни въ какомъ случаѣ не упустить его. Если головки начнутъ созрѣвать — дѣло пропало: изъ зрѣлыхъ головокъ не добыть опиума. Это условіе налагаетъ на культиватора опійнаго мака необходимость — умѣть точно опредѣлять время добычи опиума, уловлять для этого наилучшій моментъ. Дѣло требуетъ большой опытности и долговременной практики. Но и это еще не все. Надо умѣть сдѣлать надрѣзъ головки; надо знать, по какому мѣсту вести этотъ надрѣзъ и какую ему придать глубину. Не дорѣзалъ — опиума получится мало; перерѣзалъ — драгоценный сокъ весь уйдетъ внутрь головки. Изъ удачно сдѣланнаго надрѣза тотчасъ появляется мутный сокъ, который ползетъ по краямъ надрѣза, облѣпляетъ всю его линію и черезъ нѣсколько часовъ, постепенно темнѣя на воздухѣ, застываетъ въ тягучую бурю массу. Это и есть опиумъ.

Засохшій или, лучше сказать, сгустившійся сокъ тщательно и осторожно соскабливаютъ съ головки ножичкомъ, скатываютъ въ шарики и сохраняютъ въ закупоренной посудѣ. Иногда собранную массу слегка размягчаютъ водою, мѣсятъ и формуютъ руками въ лепешки.

Торговья разновидности опиума отличаются различнымъ внѣшнимъ видомъ. Смирнскій опиумъ сформованъ въ видѣ плоскихъ кусковъ, грубо слѣпленныхъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ кусочковъ; константинопольскій формируется въ крупные комья, „хлѣбы“, вѣсомъ по полфунту и болѣе; египетскій имѣетъ видъ лепешекъ, шириною въ три дюйма; персидскій скатывается въ цилиндрическія палочки, величиною въ палець, завертываемыя въ шелковистую бумагу.

Составъ опиума въ высшей степени сложенъ; въ него входитъ цѣлый рядъ алкалоидовъ, то и дѣло удлиняющійся, потому что то и дѣло либо открываютъ новый алкалоидъ, либо прежде открытый раздѣляютъ на два. Въ настоящее время извѣстны: морфинъ, кодеинъ, наркотинъ, нарцеинъ, тебаинъ, папаверинъ, псевдоморфинъ, меконидинъ, лантопенъ, лауданинъ, кодаминъ, криптопенъ, протопенъ, лауданозинъ, гидрокотарнинъ, меконинъ — цѣлая серія ядовъ, каждый со своею особою натурою, съ особеннымъ характеромъ дѣйствія на человѣчскій организмъ: одинъ бьетъ человѣка въ сердце, другой въ мозгъ,

третій поражаетъ центральную нервную систему, четвертый — периферическую, пятый усыпляетъ, шестой не даетъ уснуть и т. д., и т. д.

Сырой опиумъ подвергаютъ грубой очисткѣ, удаляютъ изъ него соръ, приставшія пленки маковыхъ головокъ и другія нечистоты; тогда получается продуктъ, извѣстный у насъ въ Туркестанѣ подъ именемъ *теріака*. Теріакъ привозятъ въ Туркестанъ изъ Персіи и Кабула, а простой сырой опиумъ въ большомъ количествѣ добывается у сосѣдей, въ Кульджѣ и Бухарѣ. *Кукнаръ* въ сущности тотъ же опиумъ, только иначе приготовленный: незрѣлыя маковыя головки разрѣзаютъ, выкидываютъ изъ нихъ сѣмена, оболочки толкутъ въ ступкѣ, завариваютъ кипяткомъ и даютъ постоять съ четверть часа; потомъ отваръ процеживаютъ сквозь тряпку и остатокъ выжимаютъ. Продуктомъ этой операціи является препаратъ, соотвѣтствующій нашей европейской водной вытяжкѣ изъ опиума (*tinctura opii aquosa*). Кукнаръ прямо пьютъ, опиумъ же либо принимаютъ внутрь въ видѣ конфетъ, либо курятъ изъ особыхъ трубочекъ.

Знатоки утверждаютъ, что разные способы употребленія вызываютъ и различный наркотическій эффектъ; но тутъ дѣло идетъ, вѣроятно, о какихъ нибудь тонкостяхъ, доступныхъ разумнѣю лицу, вникшихъ въ сущность дѣла путемъ долговременной практики. Въ сущности же, по всѣмъ даннымъ европейской науки, давно уже тщательно изслѣдовавшей опиумъ и всѣ его составныя части, способъ приѣма яда, при одной и той же его дозѣ, не даетъ никакой разницы въ основномъ характерѣ его дѣйствія на организмъ.

Опиумъ въ умѣренномъ количествѣ вызываетъ сонъ, но этотъ сонъ рѣзко отличается отъ обыкновеннаго. Нормально спящій человекъ либо вовсе не видитъ сновъ, либо забываетъ ихъ тотчасъ по пробужденіи. Наркотическій сонъ, какъ разъ наоборотъ, весь сотканъ изъ сновидѣній, обладающихъ всѣмъ рельефомъ дѣйствительности. Правильнѣе было бы сказать, что человекъ подъ влияніемъ опиума не спитъ, а сладко дремлетъ. Передъ наркотизированнымъ сознаніемъ мелькаютъ толпы живыхъ мыслей и образовъ; эти образы и мысли съ волшебною быстротою смѣняютъ другъ друга, но каждый образъ оставляетъ полное впечатлѣніе реальной правды, и каждая мысль проникаетъ въ самую глубь сознанія. Несмотря на почти мгновенную быстроту впечатлѣнія, оно успѣваетъ пройти полный кругъ своего образованія и задерживается въ мозгу, какъ событіе на самомъ дѣлѣ происшедшее. Этотъ чарующій сонъ со всѣми его обольстительными подробностями удерживается въ мозгу, и несчастный помянуть его по пробужденіи и, сравнивая его съ окружающею прозою жизни, уже не можетъ побѣдить въ себѣ неодолимаго

желанія вновь отдаться роковому очарованію. Въ этомъ вся суть привычки къ опіуму, которая образуется у человѣка послѣ первыхъ опытовъ.

Но таковы лишь первыя стадіи наркотическаго сна. Мало по малу сладостная дремота переходитъ въ тяжелый сонъ. Человѣкъ чувствуетъ, какъ отъ него постепенно отлетаетъ сила, утрачивается способность движенія, какъ понемногу свинцовая тягота охватываетъ руки, ноги, вѣки. Грезы принимаютъ еще болѣе отчетливый характеръ, и человѣкъ отдается имъ всѣмъ своимъ существомъ: начинается бредъ, попытки беспорядочныхъ движеній. Замѣчательно, что въ этотъ моментъ связь съ окружающимъ еще не вполне прерывается, и слѣдовательно, строго говоря, человѣкъ все еще не спитъ: онъ различаетъ говоръ присутствующихъ, уличные звуки, вой вѣтра. Правда, наркотизированное воображеніе отодвигаетъ эти звуки внѣшняго міра куда-то въ недосягаемую даль. Инымъ кажется, какъ будто бы не сами они воспринимаютъ эти внѣшнія впечатлѣнія, а кто-то другой стоитъ тутъ рядомъ и рассказываетъ обо всемъ томъ, что спящему доносится извнѣ; другими словами, наркотизированный воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія лишь полусознательно, и чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе ступевывается это участіе сознанія въ воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній. Скоро утрачиваются послѣдніе слѣды внѣшнихъ впечатлѣній; передъ засыпающимъ встаетъ какая-то всепоглощающая мгла, въ которой постепенно тонуть всѣ живыя мысли и живые образы. Наступаетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ наркоза — полная утрата самосознанія, потеря физическаго ощущенія собственнаго существа. Наркозъ входитъ въ свою послѣднюю стадію. Сознаніе погружается въ сферу, не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью. Въ туманныхъ картинахъ, которыя въ эти моменты скользятъ по извилинамъ мозга, порвана послѣдняя связь съ реальною жизнью; впечатлѣнія этихъ моментовъ наркотическаго сна не могутъ быть пересказаны на человѣческомъ языкѣ и не могутъ быть восприняты нормальнымъ разсудкомъ. Они оставляютъ по себѣ только массовое впечатлѣніе, выражающееся въ общемъ настроеніи наркотизованнаго. Отъ этихъ яркихъ образовъ ему становится либо до безумія страшно, страшно до такой степени, что все его безчувственное тѣло сотрясается лихорадочною дрожью; либо на него сходитъ фантастическая радость, чарующій покой, и человѣкъ уносится въ какой-то заоблачный блаженный міръ. И такъ летятъ часы за часами, а наркотизированный продолжаетъ спать своимъ неподвижнымъ сномъ, оторвавшимъ его отъ міра, подобно смерти.

Однако мало по малу дѣйствіе наркоза проходитъ. Чело-

вѣкъ спускается изъ заоблачныхъ сферъ опять на ту же грѣшную землю, отъ которой его оторвалъ волшебный ядъ. Онъ просыпается, весь больной, изломанный, вялый, безсильный, со свинцовымъ мозгомъ и со смертельнымъ отвращеніемъ ко всему окружающему. Надо самому испытать это ощущеніе, чтобы опѣнить всю его удручающую тягость. Въ больномъ мозгу въ эти тяжкія минуты можетъ выѣститься только одно сознаніе и одно желаніе: что внѣ того сладкаго сна, въ которомъ человѣкъ только что виталъ, для него нѣтъ никакого смысла въ жизни, и что всѣ силы разсудка и всю энергію натуры надо устремить на то, чтобы вновь добыть яда и снова отлетѣть въ міръ блаженныхъ грезъ. А опиумъ — далеко не общедоступное средство. Человѣкъ богатый, конечно, не затруднится достать его, человѣкъ со среднимъ достаткомъ ухлопаетъ на него послѣднюю копѣйку, оголодитъ жену и дѣтей, забудетъ самъ о пищѣ, одеждѣ, обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ опиума. А бѣдный? Изъ всѣхъ ужасовъ, которыми такъ богата человѣческая жизнь, быть можетъ, не отыскать другаго, который выдержалъ бы сравненіе съ пытками, терзающими привычнаго курильщика опиума, которому не на что приобрести себѣ яда. Человѣку, притиснутому роковою привычкою, нѣтъ возможности остановиться передъ какимъ бы то ни было препятствіемъ, которое случай поставитъ между нимъ и его неумолимой жаждой. У насъ въ Европѣ какая масса преступленій вырастаетъ на почвѣ привычнаго заоя! Но у насъ есть статистика, есть научная медицина: одна выражаетъ великій общественный недугъ въ точной цифрѣ, другая даетъ ему объясненіе, пытается бороться съ нимъ. На востокѣ нѣтъ ни статистики, ни медицины. Чтò такое творится тамъ съ наркотическими веществами и ихъ несчастными потребителями!

Въ прошедшемъ году во французскомъ „Архивѣ морской медицины“ („Archives de médecine navale“) была напечатана интересная статья доктора Лаланда о производствѣ опиума въ Индіи и торговлѣ имъ на востокѣ. Индусы, малайцы и китайцы, завзятые курильщики опиума, пользуются почти исключительно продуктомъ остъ-индскаго приготвленія. Опиумъ продается въ тѣхъ мѣстахъ по 28—29 франковъ за килограммъ, т. е. 2 р. 80 к. — 3 р. за фунтъ въ металлической валютѣ. Почтенный врачъ описываетъ прекраснѣйшую, благоустроенную фабрику опиума, заведенную французами въ Сайгонѣ, такимъ же дѣловитымъ тономъ, какъ еслибы дѣло шло объ описаніи ситцевой фабрики или мастерской земледѣльческихъ орудій. Онъ характеризуетъ выдѣлываемый продуктъ, приводитъ его анализы, способы укупорки и пересылки, рассказываетъ, какъ возникли распри съ Англією за обладаніе „опійнымъ рынкомъ“ на

востокѣ, и какъ Франція вышла изъ этихъ распрей побѣдительницей. Въ статьѣ сообщается, между прочимъ, что сайгонская ядоварня въ 1887 г. выдѣлала и выпустила въ обращеніе 950 ящичковъ одного только курильнаго опиѳа; а въ каждомъ ящичкѣ содержится 40 „хлѣбовъ“ (rain) опиума, около пяти фунтовъ вѣсомъ каждый. Хорошее дѣло! Выходитъ, что одна только сайгонская фабрика, работающая подъ французскимъ національнымъ флагомъ, поставляетъ товара на нѣсколько сотъ тысячъ потребителей. Въ послѣдніе годы китайцы стали жаловаться на то, что жестяные ящички, въ которыхъ заводъ выпускаетъ опиумъ, уже вполне подготовленный для куренія, оказываютъ нехорошее дѣйствіе на продуктъ, и просили выпускать опиумъ въ продажу въ мѣдныхъ ящичкахъ. Администрація завода немедленно вняла этой просьбѣ. Да и нельзя было не внять: сайгонская фабрика доставляетъ около 8 милліоновъ франковъ въ годъ дохода. Еслибы сплавить всю эту массу яда въ Европу, даже переработавъ ее въ болѣе дорогіе продукты — морфинъ, кодеинъ и т. д., то за всю эту благодать было бы выручено не болѣе двухъ милліоновъ франковъ.

Видъ привычнаго курильщика опиума — одно изъ самыхъ удручающихъ зрѣлищъ. Онъ ходитъ сонный, безучастный ко всему на свѣтѣ. Глаза становятся бессмысленными, оловянными; безкровный землистый цвѣтъ лица и страшная худоба дополняютъ эту печальную картину. Опиумъ бьетъ человѣка по нервной системѣ и по пищеварительному аппарату; эти два пункта первые открыты нападенію яда. Желудокъ совсѣмъ отказывается исполнять свое назначеніе; отсюда одинъ шагъ до полнаго разстройства питанія и упадка силъ. Пораженіе нервной системы выражается въ безсонницѣ, потерѣ памяти, полномъ упадкѣ воли, животной трусливости и тупости и непрерывномъ трепетаніи всѣхъ членовъ. Разстройство питанія въ послѣдствіи приводитъ къ полной утратѣ аппетита, дряблости мускулатуры и тяжкимъ заболѣваніямъ почекъ.

Но вся чарующая прелесть наркотическаго сновидѣнія — удѣлъ первыхъ шаговъ хроническаго отравленія опиумомъ. Ядъ коваренъ; онъ заманиваетъ жертву картинами неземнаго блаженства, но, завладѣвъ ею, быстро обрываетъ свое очарованіе. По мѣрѣ привычки къ яду, которая устанавливается съ замѣчательной быстротой, заманчивость сновидѣній постепенно ступевывается. У людей, успѣвшихъ приобрѣсти долговременную привычку, опиумъ уже не только не вызываетъ ни сна, ни грёзъ, но и не даетъ даже забыться въ простой дремотѣ. На этой стадіи привычки опиумъ оказываетъ только одну печальную и роковую услугу: человѣкъ знаетъ, что жизнь перестаетъ быть для него нестерпимымъ бременемъ только въ тѣ минуты, когда ему

удастся, доставъ яда, задурманить себя на нѣкоторое время. Вслѣдствіе этого жажда къ опиуму у привычныхъ курильщиковъ, по своей напряженности, быть можетъ, превосходить всѣ другія человѣческія ощущенія. У насъ въ Европѣ разсказываютъ про безнадежно спившихся людей, что въ моменты остраго запоя они *не могутъ* отказать себѣ въ винѣ, и въ эти роковыя въ ихъ жизни минуты готовы отдать голову за рюмку водки. Многіе сердобольные люди, въ особенности среди простонародья, считаютъ безразсудно жестокимъ и даже богопротивнымъ дѣломъ не дать „опохмѣлиться“ горькому пьяницѣ, который молить о рюмкѣ водки. Несомнѣнно таковы именно ощущенія привычнаго курильщика опиума, съ тою, быть можетъ, разницею, что опійный запой наступаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ спиртной, и отличается несравненно болѣе жгучимъ направленіемъ.

Лица, живавшія подолгу въ Китаѣ и видавшія привычныхъ курильщиковъ опиума, увѣряютъ, что этихъ людей, при небольшомъ навыкѣ, можно безошибочно узнавать съ перваго взгляда. Видъ курильщика, не имѣющаго возможности „опохмѣлиться“, вызываетъ самую странную смѣсь ощущеній—невъразимаго отвращенія и безконечной жалости. Ищущій случая опохмѣлиться курильщикъ — истинный страдалецъ въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова. Очухавшись вслѣдъ за послѣднимъ приемомъ яда, курильщикъ скоро начинаетъ ощущать господствующее чувство какого-то недостатка чего-то существенно необходимаго: какъ будто человѣка посадили въ ящикъ, плотно захлопнули крышку, и онъ съ каждой минутой все тяжелѣе и тяжелѣе мучится отъ недостатка воздуха. Казалось бы, въ такомъ состояніи человѣку могла придти естественная мысль чѣмъ нибудь занять себя, развлечься. Увы! еслибы такая мысль пришла курильщику въ голову, то все его существо отбросило бы эту благую мысль съ неодолимымъ отвращеніемъ. Въ эти тяжелыя минуты нельзя ничѣмъ заняться и ни на чемъ сосредоточиться. „И томить меня тоскою однозвучный жизни шумъ“, могъ бы по совѣсти сказать каждый курильщикъ опиума эти знаменательныя слова Пушкина, выравшіяся у поэта навѣрное въ моментъ такого душевнаго настроенія, которое имѣло что-то общее съ наркотическимъ похмѣльемъ. И вотъ зародившаяся тоска, выростая съ каждой минутой, быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. И въ больномъ мозгу курильщика начинаетъ молотомъ стучать единственная, поглотившая все остальное, идея. Надо достать яду—въ этомъ все спасеніе, а внѣ этого не смерть, а нѣчто, если возможно, еще худшее, чѣмъ сама смерть. Вотъ въ эти-то минуты подавленнаго самосознанія и пускается въ ходъ все, что есть подѣ

руками самого дорогого и священнаго. Впрочемъ, это еще вопросъ — доступно ли самое понятіе о дорогомъ и священномъ въ патологическомъ состояніи курильщика, въ моменты приступовъ похмѣлья.

Къ величайшему несчастію, разумъ не вполне оставляетъ курильщика, и это обстоятельство до-нельзя усиливаетъ его истязанія, потому что онъ не можетъ не сознавать, какая бездна паденія передъ нимъ разверзается. Какъ ни рѣдки эти проблески сознанія, они, безъ сомнѣнія, немало уѣдаютъ вѣку у несчастныхъ. Видѣть свой домъ разореннымъ, свою семью голою и голодною, себя полумертвецомъ, видѣть, что возврата къ прошлому нѣтъ — отъ всего этого рукой подать до самоубійства.

На улицахъ многихъ азіатскихъ городовъ то и дѣло появляются эти ужасные образы полунагихъ, изможденныхъ, еле двигающихся людей. Нищета уже давно отрѣзала имъ всѣ средства продолжать опійный запой, а воли, парализованной ядомъ, все еще не хватаетъ на самоубійство, которымъ они однако же неизбѣжно кончаютъ рано или поздно. Странно сказать: въ этомъ существѣ, котораго покинуло все человѣческое, начиная съ дѣятельности разсудка и кончая вѣшнымъ обличемъ, иногда еще упорно теплится и никакъ не можетъ погаснуть самое цѣнное изъ человѣческихъ чувствъ — надежда. Но на что ему надѣяться, этому полутрупю? Очень просто — на то, что онъ достанетъ опиума. И цѣнное чувство ея обманываетъ человѣка; въ концѣ концовъ ему либо удастся украсть гдѣ нибудь яда, либо онъ наскребеть себѣ золы изъ трубокъ, употребляемыхъ для куренія опиума, запасетъ огромную дозу этого матерьяла, залпомъ выкуриваетъ все и обыкновенно погибаетъ въ сверхъестественныхъ корчахъ.

Признательная исторія любитъ сохранять многія имена; не пропало имя и того почтеннѣйшаго джентльмена, чиновника остъ-индской службы Уэлера (Whaler), который ввелъ въ Китаѣ куреніе опиума. Съ его легкой руки желтая раса сдѣлала громадныя успѣхи. Въ 1864 году въ Китай было ввезено 3.151 тонна (безъ малаго 200 тысячъ пудовъ) опиума, въ 1874 году — уже 4.100 тоннъ (254 тыс. пуд.), цѣлый громадный капиталъ — 242 милліона франковъ. Это только цифры учтеннаго ввоза; сверхъ того опиумъ добывается въ самой странѣ и ввозится, безъ всякой статистики, изъ Кульджи, Бухары и другихъ ссѣдныхъ странъ.

Часто раздаются преувеличенные вопли европейскихъ моралистовъ и филантроповъ о полномъ вырожденіи желтой расы подъ вліяніемъ опійнаго запоя. Европейскіе врачи, жившіе въ Китаѣ, твердо отстаиваютъ тамошнее населеніе отъ этихъ раз-

дутьхъ обвиненій. Востокъ закуривается опиумомъ не болѣе, чѣмъ западъ заливааетъ за галстухъ. У насъ есть горькіе пьяницы, несущіе на себѣ и передающіе своему потомству всѣ ужасы хроническаго алкоголизма, но есть люди просто „выпивающіе“; тоже и на востокѣ. Въ Китаѣ, напр., наряду съ курильщиками, потребляющими до 5—6 граммовъ опиума въ день, существуетъ множество любителей, которые курятъ помаленечку, съ оглядкой, откуда-то находя въ себѣ достаточно воли, чтобы не втянуться. У насъ поютъ пѣсни и слагаютъ поговорки про пьяницъ; и въ Китаѣ также распѣваютъ заунывные, какъ похоронный гимнъ, пѣсенки про курильщиковъ опиума. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенокъ, называемая „Я-пи-иенъ-у-чингъ“—т. е. „пять бессонныхъ ночей курильщика“:

„Первую ночь мѣсяцъ свѣтитъ спереди. Зачѣмъ — увъ! — курятъ люди опиумъ? Горе горькое!... Родные и друзья умоляютъ меня бросить куренье.

„На вторую ночь мѣсяцъ свѣтитъ съ западной стороны дома. Вредъ отъ этого яда, опиума, ужасенъ. Други, бросьте курить; на это изводишь деньги, становишься страшнъ. Если вы привыкнете къ опиуму, у васъ не будетъ ни одного дня покойнаго, сила вся пропадетъ, жизни будетъ грозить опасность.

„На третью ночь мѣсяцъ свѣтитъ со всѣхъ сторонъ. Ужасенъ ядъ опиума! Вы просите друга поставить на столикъ лампу, берете трубку въ руки, берете опиума на булавочку, закуриваете и втягиваете въ себя дымъ глотокъ за глоткомъ. Человѣкъ хмѣлѣетъ и, пьяный, носится какъ въ облакахъ. О небо! Моя жизнь потеряла всякую цѣну, и я самъ ни на что ужъ не годенъ.

„На четвертую ночь мѣсяцъ палъ на востокъ. Жалости достойны всѣ курящіе опиумъ! Твои глаза утопили въ своихъ впадинахъ, твои руки и ноги стали безъ силы, спина сгорбилась, тебѣ не ступить шагу; ручьи слезъ текутъ изъ твоихъ глазъ безъ перерыва.

„На пятую ночь пѣтухи подняли крикъ. Нѣтъ больше денегъ на опиумъ; все, что было дома, въ семьѣ, ушло съ дымомъ. На головѣ у тебя старая шляпа, одежда залатана тысячами лоскутьевъ; обувь, нѣкогда украшенная вышитыми бабочками, нынче прорвана и промочена, и ползетъ съ ногъ на каждомъ шагу; тошно сморгать на все это.

„Друзья, не курите опиума. Учащійся утомляется за книгой, земледѣлецъ — за воздѣлываніемъ поля, женщины не покидаютъ своей иглоки, сотни мандариновъ военныхъ и гражданскихъ заняты своими трудами и дѣлами. Не советую вамъ курить опиумъ, даже если имъ угощаютъ васъ, и не надо за него платить“.

Въ настоящее время опиумъ и его препараты, какъ всякому извѣстно, стали самыми ходячими запасами въ хранилищахъ латинской кухни, и европейскіе ученые подвергли всѣ эти вещества весьма тщательному изученію. Оказалось, что опиумъ несравненно слабѣе дѣйствуетъ на животныхъ, чѣмъ на людей; и это вполне понятно, такъ какъ опиумъ всей силой своего эффекта обрушивается на головной мозгъ. Чѣмъ ниже организациія животнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣе его мозговая дѣятельность, тѣмъ безсильнѣе противъ него опиумъ; но въ то же

время тѣмъ легче обнаруживается судорожный эффектъ опиума. Дѣти въ высшей степени впечатлительны къ этому веществу. Извѣстенъ случай смерти четырехлѣтняго ребенка отъ 1 миллиграмма опиума (одна 60-я доля грана). Случалось также, что взрослые погибали отъ двухъ дециграммовъ ($3\frac{1}{4}$ грана). Съ другой стороны, нерѣдки случаи необычайной выносливости организма, въ особенности при продолжительной привычкѣ; иные принимаютъ безнаказанно до 8.000 капель опійной настойки въ день, а морфинисты доходятъ до дозы въ $2\frac{1}{2}$ грамма (40 грановъ) морфія въ сутки. При столбнякѣ, бѣлой горячкѣ и отравленіи стрихниномъ безнаказанно переносятся громадныя дозы опія и морфія. Среднею смертельною дозою морфія для непривычныхъ можно считать 6—7 грановъ.

При большомъ приемѣ опія или морфія, способномъ причинить смертельное отравленіе, первые грозные признаки наступаютъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса, иногда черезъ часъ, даже черезъ нѣсколько часовъ. Начинается головокруженіе, ощущеніе гнетущей тяжести въ мозгу, возрастающій упадокъ силъ, непреодолимая сонливость, оглушеніе, потеря сознанія и наконецъ потеря чувствъ; въ стадіи полнаго отравленія мускулы подвергаются параличу, пульсъ и дыханіе страшно замедляются и становятся едва ощутимыми, — суживаются зрачки, отравленный тяжело хрипитъ. Отъ морфія гораздо быстрѣе наступаетъ безпамятство, чѣмъ отъ опія. Нерѣдко отравленіе сопровождается страшнымъ зудомъ въ кожѣ и сыпью, у иныхъ наступаютъ сильныя судороги. Если отравленному не суждено быть вычеркнутымъ изъ книги живота, то послѣ всѣхъ этихъ истязаній онъ наконецъ засыпаетъ и спитъ основательнѣйшимъ образомъ, иной разъ часовъ 40 подъ рядъ. Потомъ просыпается съ головою болью, тошнотою и страшно разстроенымъ пищевареніемъ; все это понемногу проходитъ. Другое дѣло, если доза была безусловно смертельна. Тогда угнетенный пульсъ мало по малу слабѣетъ, и наступаетъ моментъ, когда тихіе вздохи угасающаго сердца становятся различными только непосредственно ухомъ. Тѣмъ временемъ обнаруживается острый отекъ легкиихъ, и незамѣтно для отравившагося подкрадывается смерть, обыкновенно часовъ 6—8 спустя послѣ приема яда.

Куреніе опиума — удѣлъ востока; тамъ это такой же общественный недугъ, какъ у насъ пьянство. Однако нельзя сказать, чтобы цивилизованныя страны были совершенно свободны отъ этого восточнаго недуга. Конечно, цивилизація и на него кладетъ свой отпечатокъ: Европа, вмѣсто грубаго сыраго опиума, потребляетъ утонченный химическій продуктъ — морфинъ, а вмѣсто первобытной трубочки — изящный правацовскій шприцъ; но дѣло отъ этого нисколько не выигрываетъ, и цивилизован-

ная морфиноманія имѣть передъ куреніемъ опиума развѣ только то преимущество — конечно, только временное, — что оно пока еще не такъ сильно распространено. Въ существѣ дѣла, съ чисто медицинскою точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ по окончательному результату, наши морфиноманы — родные братья китайскихъ курильщиковъ опиума. Основныя типичныя свойства опиума, такъ сказать, воплощены въ морфинѣ, и физиологическій эффектъ того и другаго вещества въ общихъ чертахъ одинаковъ. Поэтому мы здѣсь не будемъ останавливаться на морфиноманіи, тѣмъ болѣе, что отмѣтить всѣ ея интересныя особенности — потребовало бы слишкомъ много мѣста и растянуло бы нашу статью.

Перейдемъ къ другому наркотическому яду, также свившему себѣ уютное гнѣздышко на востокѣ и, между прочимъ, въ томъ же русскомъ Туркестанѣ. Мы ведемъ рѣчь о знаменитомъ гашишѣ, добываемомъ изъ крупнорослой индѣйской конопли. Для приготовленія гашиша по европейскому способу берется все растеніе цѣликомъ и нѣкоторое время намачивается въ теплой водѣ, а потомъ разваривается въ содовомъ щелокѣ. Получаемая каша размѣшивается со спиртомъ, который и извлекаетъ изъ нея все существенное. Отдѣленный отъ этой массы спиртовый растворъ выпариваютъ для удаленія спирта; въ остаткѣ получается бурая мягкая смола съ особеннымъ характеристическимъ запахомъ. Препаратъ, добытый такимъ образомъ изъ индѣйской конопли, получилъ названіе *каннабина*. Если перегнать стебли индѣйской конопли съ водою, то получается въ отгонѣ поверхъ слоя воды безцвѣтная сильно пахучая жидкость; это такъ называемый *каннабенъ*. Думаютъ, что этотъ каннабенъ и сосредоточиваетъ въ себѣ физиологическія свойства гашиша.

Вещество, распространенное подъ этимъ названіемъ (гашишъ) на востокѣ, въ большинствѣ случаевъ представляетъ смѣсь каннабина и каннабена, конечно, съ примѣсью многихъ другихъ веществъ, не имѣющихъ физиологическаго значенія. На востокѣ для изготвленія гашиша отбираютъ цвѣты, листья, тонкіе стебли и верхушки конопли, дѣлаютъ изъ матерьяла настойку на теплой водѣ и прожимаютъ всю массу сквозь тонкую ткань, на которой при этомъ остается смолистое вещество; это вещество и есть гашишъ. Въ Непалѣ мѣстная конопля сама собою сочитъ соевъ, который скопляется въ капельки, быстро затвердѣвающія на воздухѣ; эти капельки тщательно собираютъ и скатываютъ изъ нихъ комочки; и этотъ продуктъ опять таки называется гашишемъ. Несомнѣнно существуютъ еще и другіе способы приготовленія этого одуряющаго вещества. Въ Индіи,

Персін, Малой Азіи, Египтѣ выжатый сокъ конопли смѣшиваютъ съ различными веществами и растительными маслами. Получается нѣчто въ родѣ варенья, которое обыкновенно принимаютъ передъ ѣдою, какъ у насъ водку. Въ Средней Азіи изъ смѣси верхушекъ конопляныхъ стеблей съ масломъ приготовляютъ особое тѣсто, которое курятъ въ трубкахъ вмѣстѣ съ табакомъ. Этотъ препаратъ, очень распространенный въ нашемъ Туркестанѣ, называется *наши*. Въ Египтѣ и Малой Азіи пьютъ *гафиунгъ*; этотъ же гафиунгъ проникъ и къ намъ въ Туркестанъ, гдѣ ему дали названіе *сабзобъ*. Способъ изготовления этого препарата въ точности неизвѣстенъ; несомнѣнно одно, что это напитокъ, въ который входитъ сокъ индѣйской конопли. Сабзобъ считается самымъ сильнымъ препаратомъ; туземцы утверждаютъ, что онъ въ четыре раза ядовитѣе другихъ гашишей.

Принятый въ небольшомъ количествѣ, гашишъ производитъ легкое опьяненіе, въ общихъ чертахъ сходное со спиртнымъ. Человѣкъ, опьянѣвшій отъ гашиша, не теряетъ ни памяти, ни сознанія, и эффектъ небольшой дозы гашиша проходитъ почти безъ всякихъ послѣдствій. Иной разъ слегка разстроится желудокъ, или появится небольшая тяжесть въ головѣ и нѣкоторый безпорядокъ въ мысляхъ.

Но гашишъ втягиваетъ, какъ и опиумъ. Человѣкъ, раздругой выкурившій трубочку „наши“, начинаетъ ощущать уже нѣкоторую потребность въ третьей трубочкѣ, а спустя нѣкоторое время эти трубочки обращаются уже въ потребность, съ которою мудроно борются.

Трубка наши прежде всего вызываетъ замѣтное возбужденіе: человѣку не сидится, онъ весь въ движеніи. Вслѣдъ за тѣмъ повышается чувствительность спиннаго мозга: начинаетъ покалывать въ затылкѣ, въ спинѣ, въ ногахъ, по тѣлу ползаютъ мурашки; голова то горитъ, то охватывается ознобомъ. А спинной мозгъ продолжаетъ все болѣе и болѣе раздражаться и поднимаетъ на дыбы всю нервную систему. Наркотизированный кидается съ мѣста на мѣсто, размахиваетъ руками, поднимаетъ тяжести, ввязывается въ борьбу. Въ первомъ періодѣ отравленія человѣку неопытному бываетъ затруднительно отличить курильщика наши въ этомъ буйномъ субъектѣ, потому что, кромѣ сильного внѣшняго возбужденія, онъ еще не проявляетъ никакихъ другихъ признаковъ наркоза, рассуждаетъ сравнительно здраво и спокойно. Но наркозъ прорывается вдругъ, мгновенно, и чаще всего безъ всякой видимой причины. Скажетъ этонибудь изъ присутствующихъ самую обыкновенную фразу, сдѣлаетъ самое незначущее замѣчаніе—и наркотизированный вдругъ, какъ подброшенный пружиною, начинаетъ неудержимо, исте-

рически хохотать. Ошеломленные свидѣтели, разинувъ рты, созерцаютъ этотъ дикій припадокъ хохота, ожидая, когда онъ окончится; но хохотъ не оканчивается, а, напротивъ, съ каждою минутою становится все неистовѣе. Нахохотавшись, наконецъ, до удушья, наркотизированный переводить духъ, на время овладѣваетъ сознаниемъ и ясно видитъ, что это въ немъ хозяйничаетъ нашъ. Но мелькнувшее сознание уже не въ силахъ бороться съ дальнѣйшимъ эффектомъ наркоза. Отравленный мозгъ курильщика мгновенно осаждается цѣлымъ роємъ беспорядочныхъ мыслей, которыя галопомъ несутся одна за другой и заставляютъ охмѣлѣвшаго болтать безъ умолку съ необычайнымъ одушевленіемъ, постепенно переходящимъ въ настоящую ярость; и всѣ его усилія выразить словами то, что происходитъ у него въ мозгу, остаются тщетными. Мысли мчатся мимо, какъ ураганъ. Едва одна изъ нихъ успѣла вступить въ мозгъ, едва языкъ сдѣлалъ попытку выразить ее на словахъ, какъ уже новая идея наскakиваетъ на прежнюю, быстро вышибаетъ ее изъ головы и, на моментъ овладѣвъ сознаниемъ пьянаго, тотчасъ уступаетъ мѣсто слѣдующей, которая гонится за ней по пятамъ. Всѣ эти мысли, терзающія наркотизированный мозгъ, отличаются невѣроятнымъ напряженіемъ и страшно преувеличенными размѣрами. Та же мысль, пришедшая въ голову здоровому человѣку, не оставитъ на немъ никакого впечатлѣнія, а накурившійся наши непременно приметъ ее либо какъ величайшее горе, заставляющее его рыдать навзрыдъ, либо какъ радость, доводящую его до неистоваго восторга. Въ эти моменты у пьянаго то и дѣло совершаются неимоверные переходы отъ хохота къ рыданіямъ, отъ горькихъ слезъ къ блаженной улыбкѣ. Рядомъ съ этимъ въ громадной степени возрастаетъ воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Каждое обращенное къ нему слово отравленный принимаетъ либо въ горькую обиду себѣ, либо бываетъ польщенъ имъ свыше всякой мѣры. Всѣ его ощущенія — радость, горе, гнѣвъ, ужасъ, стыдъ — все это выливается въ чудовищныхъ формахъ и принимаетъ видъ вполне разнузданныхъ страстей. Въ эти минуты дѣятельность воли и способность сколько нибудь завѣривать свои слова и поступки безслѣдно исчезаютъ у наркотизированнаго.

Чрезвычайно интересно бываетъ наблюдать у накурившихся наши исчезновеніе познавательной способности по отношенію ко времени, къ пространству и величинѣ предметовъ; все это представляется ему въ колоссальныхъ размѣрахъ. Прошла минута неприятнаго ощущенія — а ему кажется, что прошелъ цѣлый годъ жестокихъ мученій; перешелъ онъ черезъ улицу, черезъ мостикъ — они кажутся ему какими-то безконечными пространствами, по которымъ онъ шагаль цѣлый годъ; попадется по

дорогѣ камешекъ — и мгновенно вырастаетъ передъ пьяными глазами въ цѣлую глыбу, черезъ которую онъ съ чрезвычайными усилиями перескакиваетъ. Понятно, что при ходьбѣ накурившійся наши на каждомъ шагу находитъ неодолимые препятствія, и это отражается на самой его походкѣ, всегда немовѣрно уморительной, сопровождаемой дикими прыжками, задраніемъ и закидываніемъ ногъ и т. п. Конечно, и слухъ не избѣгаетъ общей участи и въ свою очередь начинаетъ колобродить. Обыкновенный уличный шумъ, говоръ людей, крики животныхъ, стукъ экипажей превращаются въ сатанинскій гулъ и грохотъ.

Измаявшись избыткомъ бѣшенаго движенія и одурманенный ядомъ, курильщикъ сунется куданибудь ничкомъ и засыпаетъ; но галлюцинаціи и тутъ не оставляютъ его. Уколите его булавкой, онъ взвоеетъ отъ боли и ужаса, — ему покажется, что его закалываютъ кинжаломъ. Пошевелите его ложе — и передъ нимъ мгновенно возстаетъ картина землетрясенія со всею его паникою. Затошнить его — а это съ ними сплошь и рядомъ случается — въ немъ ту же минуту водворяется мрачная мысль, что его отравили, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, что у него отравлены всѣ пищевые запасы, всѣ напитки и т. д. Разубѣждать пьянаго во всѣхъ этихъ эксцессахъ — напрасный трудъ; онъ отвѣтитъ вамъ съ бѣшенствомъ, съ пѣною у рта, что онъ уже давно видитъ когти своихъ враговъ, что онъ имѣетъ къ тому неопровержимыя доказательства, и т. д., и т. д.

Лица, видавшія курильщиковъ наши, сравниваютъ ихъ съ помѣшанными. Такое сравненіе тѣмъ болѣе справедливо, что всѣ курильщики этимъ и кончаютъ. Отъ продолжительнаго употребленія наши, у человѣка въ такой же мѣрѣ помрачаются разумъ, память и воля, какъ и у помѣшаннаго. Разница остается только въ происхожденіи болѣзни: съ ума сходятъ чаще всего отъ психическихъ причинъ, а тутъ человѣкъ одурѣваетъ отъ хроническаго отравленія. Гашишное сумасшествіе обыкновенно принимаетъ самую буйную форму. Одинъ очевидецъ, наблюдавшій такого бѣшенаго въ Туркестанѣ, характеризуетъ его состояніе слѣдующими словами: „Десять человѣкъ едва могутъ справиться съ однимъ неистовымъ. Его взглядъ свирѣпъ, глаза сверкаютъ, волосы стоятъ дыбомъ, его жесты полны угрозы, онъ скрежещетъ зубами, плюетъ въ лицо стоящимъ около него и, къ довершенію омерзительности всей картины, старается укусить тѣхъ, кто къ нему подходитъ, царапаетъ ногтями все, что только попадаетъ ему подъ руку, рветъ все на себѣ, если его руки свободны, скребетъ землю, если можетъ вырваться отъ людей и испускаетъ ужасный ревъ“.

М. О.

ДЕНЬГИ

РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛА

VIII. *Продолженіе*

Отнынѣ Каролина не выходила изъ роли зоркой наблюдательницы, слѣдившей за каждымъ распоряженіемъ Саккара, чтобы имѣть возможность вмѣшаться въ дѣло, если того потребуютъ обстоятельства. Она не одобряла новаго, слишкомъ великолѣпнаго помѣщенія банка, хотя и не могла отрицать въ принципѣ необходимости болѣе обширнаго зданія, какъ нѣкогда, въ тѣ счастливые дни своего безграничнаго довѣрія, когда она даже подсмѣивалась надъ излишними опасеніями своего брата. Ея теперешнія возраженія заключались въ единственномъ аргументѣ противъ всей этой роскоши, а именно она доказывала, что банкъ теперь потерялъ прежній характеръ строгой честности, высокой, почти религіозной серьезности. Что подумаютъ кліенты, привыкшіе къ монастырской танственности, къ мягкой подутымъ отеля въ улицѣ Сень-Лазарь, когда они войдутъ въ этотъ дворецъ на Лондонской улицѣ, высокіе этажи котораго полны движенія, залиты яркимъ свѣтомъ? Саккаръ отвѣчалъ, что кліенты проникнутся сразу удивленіемъ и почтеніемъ, что тѣ изъ нихъ, которые думали было вложить въ банкъ пять франковъ, невольно вынутъ изъ кармана десять, ради личнаго самолюбія и несомнѣннаго довѣрія. И онъ былъ правъ въ своемъ грубомъ разсчетѣ на слабость человѣческаго сердца. Успѣхъ банка въ новомъ зданіи былъ невѣроятный; красивая внѣшность подѣйствовала на публику, какъ вол-

шебство, и далеко оставила за собою всё самую хитроумную рекламу Жантру. Мелкіе капиталисты и ханжи изъ отдаленныхъ мирныхъ кварталовъ, убогіе сельскіе священники, только что пріѣхавшіе въ столицу съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги, долго стояли, обезумѣвъ отъ удивленія, передъ подѣздомъ роскошнаго зданія и потомъ выходили изъ него красные отъ восторга, что они помѣстили туда свои сбереженія.

На самомъ-то дѣлѣ, что особенно не нравилось Каролинѣ, такъ это то, что она не могла теперь жить въ одномъ и томъ же домѣ, гдѣ помѣщался Всеобщій банкъ, и—слѣдовательно—лишена была возможности близко наблюдать за его операціями. Съ трудомъ ей удавалось, время отъ времени, попадать во дворецъ на Лондонской улицѣ подъ какими нибудь предлогами. Каролина теперь проводила дни въ одиночествѣ, въ чертежной, видя Саккара только по вечерамъ. Онъ оставилъ за собою свой кабинетъ въ квартирѣ Гамеленовъ, а весь нижній этажъ былъ запертъ наглухо, также какъ и часть перваго этажа, гдѣ прежде находились отдѣленія банка. Княгиня Орвьедо, очень довольная въ глубинѣ души, что отдѣлалась наконецъ отъ угрызений совѣсти видѣть въ своемъ домѣ этотъ банкъ, мѣняльную лавочку, втершуюся въ ея владѣнія, не старалась отдавать внаймы пустыя квартиры; къ тому же, она вообще была равнодушна ко всякой прибыли, даже самой законной. Пустой домъ, гулко звучавшій при проѣздѣ каждаго экипажа, походилъ теперь на могилу. До Каролины долеталъ теперь среди глубокой тишины только глухой звукъ хлопающихъ ставней, тогда какъ прежде, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, она слушала нѣжное позвякиванье золотыхъ монетъ. Дни казались теперь Каролинѣ скучными и долгими. Зато она начала прилежно работать, постоянно получая новыя порученія отъ брата, который съ востока присылалъ ей заказы на разные справки и матеріалы. Но иногда, даже среди самой серьезной работы, Каролина вдругъ останавливалась и по привычкѣ прислушивалась, охваченная инстинктивнымъ безпокойствомъ и желая непременно узнать, что дѣлается тамъ, внизу. Но тамъ было тихо, въ этихъ необитаемыхъ, пустыхъ, темныхъ, запертыхъ наглухо залахъ. Тогда Каролина чувствовала легкій ознобъ; она на нѣсколько минутъ погружалась въ тяжелое раздумье. Что-то дѣлается въ Лон-

донской улицѣ? ужь не предчувствіе ли это какой нибудь опасности, которая угрожаетъ гибелью роскошному зданію?

Распространился покуда еще смутный и неопредѣленный слухъ, что Саккаръ готовитъ новое увеличеніе основнаго капитала. Изъ ста милліоновъ онъ хотѣлъ довести его до ста пятидесяти. Это было какъ разъ время наибольшаго возбужденія, тотъ роковой періодъ, когда всѣ замыслы правительства, обширныя предпріятія съ цѣлью перестроить весь Парижъ, бѣшеная погоня за деньгами, безумныя траты на роскошь и удовлетвореніе страстей, — все превратилось въ горячку спекуляціи. Каждый жаждалъ захватить свою долю прибыли, каждый рисковалъ своимъ состояніемъ въ какой нибудь игрѣ, чтобы удесятерить свои средства и наслаждаться живянью, подобно многимъ другимъ, обогатившимся въ одинъ день. Флаги выставки, развѣвавшіеся по вѣтру, иллюминація и музыка на Марсовомъ полѣ, пестрыя толпы, сошедшія съ разныхъ концовъ міра и наводнявшія улицы, опяняли Парижъ, возмечтавшій, что онъ обладаетъ неисчерпаемыми сокровищами и повелѣваетъ вселенной. Свѣтлыми вечерами, отъ огромнаго, по праздничному разукрашеннаго города, пировавшаго въ чужеземныхъ ресторанахъ, превратившагося въ колоссальную ярмарку, на которой всѣ живянные утѣхи можно было свободно покупать подъ открытымъ небомъ, — какъ бы вѣяло помѣшательствомъ, тѣмъ прорзорливымъ и веселымъ безуміемъ, которое является предвѣстіемъ гибели великихъ городовъ. Саккаръ своимъ чутьемъ биржеваго героя тотчасъ же понялъ это общее возбужденіе, потребность бросать деньги на вѣтеръ, опустошать карманы и истощать силы, — и рѣшилъ удвоить свой фондъ, предназначенный на рекламы, подстрекая Жантру производить оглушающій шумъ въ обществѣ. Съ самаго открытія выставки въ прессѣ начался отчаянный колокольный звонъ во славу Всеобщаго банка. Каждое утро на газетныхъ столбцахъ раздавались гимны, имѣвшіе цѣлью привлечь вниманіе публики. Въ рубрикѣ происшествій рассказывалась удивительная исторія объ одной дамѣ, забывшей въ фіакрѣ сто акцій Всеобщаго банка; или помѣщались выдержки изъ путешествій въ Малую Азію, и при этомъ сообщалось, что еще Наполеонъ I предсказывалъ основаніе банка въ Лондонской улицѣ; въ большой передовой статьѣ объяснялось политическое значеніе этого банка, имѣвшаго прямое отно-

шеніе къ грядущему разрѣшенію восточнаго вопроса; нечего и говорить, что въ специальныхъ журналахъ встрѣчались частыя сообщенія о банкѣ, и всѣ они дѣйствовали заодно, потому что хорошо были вымуштрованы. Жантру придумалъ заключать съ мелкими финансовыми листками контракты на годъ, которые обеспечивали ему столбецъ въ его распоряженіе въ каждомъ номерѣ. И редакторъ »L'Espérance« пользовался этимъ столбцомъ съ большимъ успѣхомъ, съ удивительной изобрѣтательностью, доходя даже до притворныхъ нападокъ на свою газету, чтобы съ тѣмъ болѣею увѣренностью защищать ее потомъ и выхвалять. Знаменитая брошюра, о которой онъ мечталъ, распространялась теперь по всему свѣту въ миллионѣ экземпляровъ. Его новое агентство тоже было осуществлено, агентство, которое, подъ предлогомъ разсылки финансоваго бюллетеня въ провинціальныя газеты, сдѣлалось полноправнымъ хозяиномъ денежнаго рынка во всѣхъ значительныхъ городахъ. Наконецъ самая газета »L'Espérance«, искусно редактируемая, приобрѣтала со дня на день все болѣе политическое значеніе. Особенно былъ замѣченъ въ публикѣ рядъ статей по поводу декрета 19 января, замѣнявшаго адресъ палаты правомъ запроса, что было новой уступкой императора въ пользу парламентской свободы. Саккаръ, подъ внушеніемъ котораго писались эти статьи, не нападалъ еще въ нихъ открыто на своего брата, оставшагося по прежнему министромъ во что бы то ни стало и принужденнаго, ради страстнаго желанія удержать въ своихъ рукахъ власть, защищать теперь то, что онъ вчера еще осуждалъ. Но всѣ хорошо видѣли ложное положеніе Ругона и знали, что онъ попалъ въ тиски, испытывая въ палатѣ нападенія и со стороны центра, жаждавшаго наслѣдовать ему, и со стороны клерикаловъ, соединившихся съ выдающимися бонапартистами противъ либеральныхъ реформъ имперіи. »L'Espérance« начала уже инсинуировать; она опять перешла на сторону воинствующаго католицизма и стала жестоко преслѣдовать каждое распоряженіе министра. »L'Espérance« перешла въ оппозицію, потому что это было популярно, а общее враждебное къ правительству настроеніе доставило Всеобщему банку извѣстность во всѣхъ концахъ Франціи и цѣлаго міра.

Тогда, подъ влияніемъ усиленнаго газетнаго шума, въ средѣ сбитой съ толку публики, готовой на всяческія безраз-

судства, вѣроятное увеличеніе капитала Всеобщаго банка, слухъ о выпускѣ новыхъ акцій на пятьдесятъ милліоновъ— все это готово было подзадорить на рискъ самыхъ благо-разумныхъ людей. Отъ убогихъ квартирокъ до аристократи-ческихъ отелей, отъ каморки швейцара до салона герцогини, всѣ головы воспламенились, увлеченіе превращалось въ слѣ-пую вѣру, героическую и воинственную. Перечисляли ве-ликія предпріятія, уже осуществленныя Всеобщимъ банкомъ, его первые блистательные успѣхи, неожиданныя дивиденды, подобныхъ которымъ не раздавало никакое другое общество въ самомъ началѣ своихъ операцій. Вспоминали счастливую идею основанія компаніи соединенныхъ каботажей, быстрые и превосходные результаты дѣятельности этой компаніи, акціи которой давали уже сто франковъ преміи. Затѣмъ при-водили въ примѣръ серебряные рудники Кармеля, сказочно богатыя, о которыхъ одинъ духовный ораторъ, съ кафедры собора Notre-Dame намекнулъ слушателямъ, что это былъ божественный подарокъ вѣрующимъ христіанамъ. Говорили и о другомъ обществѣ, созданномъ для разработки громад-ныхъ залежей каменнаго угля, а также объ обществѣ, пред-принимавшемъ правильную вырубку обширныхъ лѣсовъ Ли-вана, и объ основаніи національнаго турецкаго банка въ Константинополѣ на самыхъ солидныхъ началахъ. Ни въ чемъ Всеобщій банкъ не промахнулся, его сопутствовалъ по-стоянный возрастающій успѣхъ, который превращалъ въ зо-лото все то, до чего только банкъ касался. Банкъ уже пред-ставлялъ изъ себя широкое поле для успѣшныхъ предпрія-тій и давалъ непоколебимый фундаментъ будущимъ опера-ціямъ, что и оправдывало вполне быстрое увеличеніе его основнаго капитала. А будущее развѣтывалось передъ гла-зами людей съ разгоряченнымъ воображеніемъ, какъ кар-тина предпріятій еще болѣе значительныхъ, которыя и тре-бовали непременно новыхъ пятидесятъ милліоновъ; одного объявленія о подпискѣ на эти милліоны достаточно было, чтобы вскружить всѣмъ головы. Теперь слухамъ на Биржѣ и въ салонахъ не было конца; но особенно выдѣлялся слухъ о крупной аферѣ въ ближайшемъ будущемъ съ компаніей желѣзныхъ дорогъ на востокъ; этотъ проектъ, среди вся-кихъ другихъ, особенно занималъ умы, и около него вертѣ-лись всѣ дѣловые разговоры: одни находили этотъ проектъ невозможнымъ, другіе восхищались имъ. Женщины въ осо-

бенности увлекались этой идеей и съ энтузіазмомъ пропагандировали ее. Въ укромныхъ уголкахъ будуаровъ, на парадныхъ обѣдахъ, за цвѣточными жардиньерками, за вечернимъ чаемъ, даже въ глубинѣ алькововъ — вездѣ прелестныя созданія съ убѣдительнымъ лукавствомъ поучали мужчинъ: »какъ, у васъ нѣтъ 'акціи Всеобщаго банка? какъ это можно! покупайте скорѣе, если вы хотите, чтобы васъ не разлюбили!« Это былъ просто новый крестовый походъ, по словамъ барынь, завоеваніе Азіи, котораго не могли совершить крестоносцы Петра Пустынника и Людовика Святаго и за которое теперь принялись онѣ съ ихъ маленькими кошельками. Всѣ онѣ хвастались своими свѣдѣніями въ этомъ дѣлѣ, пускали въ ходъ техническіе термины о главной линіи дороги, которая должна быть открыта прежде всего, отъ Бруссы въ Бейрутъ, чрезъ Ангору и Алеппо. Потомъ пройдетъ боковая линія изъ Смирны въ Ангору; затѣмъ таковая же изъ Трапезунда въ Ангору, черезъ Эрзерумъ и Сивашъ; наконецъ послѣдняя вѣтвь изъ Дамаска въ Бейрутъ. И барыни улыбались, дѣлали глазки, шептали, что предстоить постройка еще одной желѣзной дороги, можетъ быть, — о, разумѣется, вполсѣдствіи, — изъ Бейрута въ Иерусалимъ, черезъ древніе приморскіе города: Саиду, Сень-Жанъ-д'Аркъ, Яффу, а потомъ — Боже мой, кто знаетъ? — можетъ быть, и изъ Иерусалима въ Портъ-Саидъ и Александрію. Кромѣ того, Багдадъ не очень далеко отъ Дамаска, а если желѣзнодорожная линія проникнетъ до этого города, то, понятно, Персія, Индія и Китай будутъ завоеваны для западно-европейской цивилизаціи. Казалось, стоитъ только слетѣть приказанію съ этихъ прелестныхъ губокъ, и всѣ сокровища калифовъ засверкаютъ снова удивленному взору, точно по мановенію волшебнаго жезла въ сказкѣ изъ Тысячи и одной ночи. Драгоценности, невиданной величины алмазы такъ и посыплются въ кассы Лондонской улицы; и при этомъ запахнетъ кстати ладономъ Кармеля, который своимъ таинственнымъ и нѣжнымъ сіяніемъ библейской легенды какъ бы освящаль грубую жадную наживу. Неправда ли, рай снова спустится на землю, святая земля освободится отъ ига мусульманъ, и религія восторжествуетъ у самой колыбели человѣчества? И очаровательныя пропагандистки останавливались на этой мечтѣ; онѣ отказывались говорить дальше, но взоры ихъ блестяли при мысли о томъ,

что надобно было скрывать еще до поры, до времени. Этого нельзя было сказать даже потихоньку, на ухо. Многія изъ числа этихъ дамъ даже и не знали ничего, но притворялись знающими. Это была тайна, которая могла никогда и не осуществиться, но могла и возсіять вдругъ, какъ молнія на небѣ: вдругъ пронесется вѣсть, что Іерусалимъ выкупленъ у турецкаго султана и отданъ папѣ, вмѣстѣ съ Сиріей составляя новую церковную область; при этомъ папа будетъ обезпеченъ вѣрнымъ бюджетомъ посредствомъ учрежденія банка католическаго, Сокровищницы Гроба Господня, которая поставитъ новую область въ положеніе, независимое отъ политическихъ переворотовъ. Католицизмъ возстанетъ съ обновленными силами, освободится отъ всякихъ стѣсненій и пріобрѣтетъ снова авторитетъ, чтобы властвовать надъ всѣмъ міромъ съ вершины горы, гдѣ распятъ былъ Христосъ.

Теперь, по утрамъ, Саккаръ принужденъ былъ заператься накрѣпко въ своемъ пышномъ кабинетѣ стіля Людовика XIV, чтобы имѣть возможность работать. Цѣлая толпа посѣтителей собиралась передъ дверьми этого кабинета, точно придворные, явившіеся присутствовать при ежедневномъ утреннемъ выходѣ короля. Тутъ были и льстецы, и дѣловые люди, и просители, обожаніе и попрошайничество, окружающія новое могущество. Утромъ, въ одинъ изъ первыхъ дней іюля, Саккаръ оказался особенно неприступнымъ, отдавъ формальное приказаніе никого не впускать. Пока въ передней толпа все прибывала и упрямилась расходиться, несмотря на приглашенія сторожа, все еще ожидая и надѣясь во что бы то ни стало добиться аудіенціи,— Саккаръ заперся въ кабинетѣ съ двумя начальниками банковскихъ отдѣленій, чтобы приготовить все къ новому выпуску акцій. Разсмотрѣвъ нѣсколько проектовъ, рѣшили воспользоваться одной комбинаціей, которая, благодаря новому выпуску 100.000 акцій, позволяла очистить вполнѣ 200.000 прежнихъ акцій, по которымъ внесено было только по 125 франковъ на каждую. Чтобы добиться такого результата, новая акція, предоставляемая только старому акціонеру и выдаваемая на каждыя двѣ прежнихъ, выпускалась стоимостью въ 850 франковъ, тотчасъ оплачиваемыхъ, причемъ 500 франковъ отчислялось въ капиталъ, а премія въ 350 франковъ шла на проектированную очистку. Но представ-

лялись и усложненія, приходилось еще затыкать кое-какія дыры, что страшно раздражало Саккара. Шумъ голосовъ въ приемной приводилъ его въ ярость. Этотъ Парижъ, лежавшій теперь ничкомъ у ногъ его, всеобщее почтеніе, которое Саккаръ принималъ съ обычнымъ теперь ему добродушіемъ обходительнаго съ подданными деспота, — сегодня все это вызывало въ немъ только презрѣніе. Дежуа, исполнявшій по утрамъ специальныя обязанности кабинетнаго стража, позволилъ себѣ сегодня маневръ и появился изъ маленькой двери, выходящей въ коридоръ. Саккаръ, увидавъ его, взбѣсился.

— Это еще что такое?! закричалъ онъ. — Я, кажется, ясно сказалъ вамъ, чтобы ни о комъ не докладывать, рѣшительно ни о комъ! Слышите!.. Ну? Вотъ, возьмите мою тросточку и поставьте ее у дверей. Пусть они тамъ ее цѣлуютъ!

Невозмутимый Дежуа позволилъ себѣ однако заупрямиться.

— Извините, ш-г, но здѣсь графиня Бовилье. Она убѣдительно просила меня доложить, а такъ какъ я знаю, что вы всегда такъ любезны къ ней...

— Э!.. крикнулъ расходившійся Саккаръ: — пусть она убирается къ дьяволу, вмѣстѣ со всѣми прочими!... Но онъ тотчасъ же опомнился и, сдерживая свой гнѣвъ, прибавилъ другимъ тономъ: — пусть войдетъ. Все равно мнѣ, кажется, не удастся спокойно заняться дѣломъ.... Только впустите ее черезъ эту дверь изъ коридора, чтобы вмѣстѣ съ ней не ворвалось сюда и все стадо.

Пріемъ, сдѣланный Саккаромъ графинѣ, всетаки отзывался нѣкоторой грубостью человѣка, занятаго по горло. Даже видъ Алисы, сопровождавшей мать съ обычной молчаливостью и задумчивостью, не смягчилъ его. Онъ отпустилъ обоихъ начальниковъ отдѣленій, но только и думалъ о томъ, чтобы пригласить ихъ опять для продолженія занятій.

— Я попрошу васъ, графиня, объяснить мнѣ какъ можно короче ваше дѣло, заговорилъ Саккаръ: — потому что я ужасно занятъ.

Графиня съ удивленіемъ остановилась. Она была величественна и печальна, какъ всегда, точно свергнутая съ престола королева.

— Извините, м-г, сказала она: — если я вамъ мѣшаю...

Саккару пришлось предложить графинямъ кресла. Алиса, которая была посмѣлѣе, первая усѣлась съ самымъ рѣшительнымъ видомъ. Старая графиня начала объясненіе.

— Я къ вамъ за совѣтомъ, м-г... Я нахожусь въ самой мучительной нерѣшительности; я чувствую, что одна, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, не приду ни къ какому рѣшенію...

И она напомнила Саккару, что при основаніи Всеобщаго банка взяла на свою долю 100 акцій; количество этихъ акцій удвоилось послѣ перваго увеличенія основнаго капитала, потомъ снова удвоилось послѣ втораго увеличія капитала, и наконецъ въ настоящее время ея 400 акцій, сполна оплаченныхъ, вмѣстѣ съ преміями, составляли сумму въ 87.000 франковъ. Употребивъ на покупку акцій 20.000 франковъ, накопленныхъ вслѣдствіе экономной жизни, графиня должна была для покрытія всей суммы по акціямъ занять 70.000 франковъ подъ залогъ своей фермы Обле.

— Но, продолжала она: — въ настоящее время я нашла покупателя на ферму Обле... А между тѣмъ — неправда ли? — у васъ, по слухамъ, затѣвается новый выпускъ акцій. Такимъ образомъ я могла бы лучше помѣстить все наше состояніе въ вашемъ банкѣ.

Саккаръ забылъ свою злость, польщенный видомъ этихъ двухъ бѣдныхъ женщинъ, послѣднихъ представительницъ древняго и знатнаго рода, которыя оказывали такое довѣріе къ его банку. Быстро, простымъ вычисленіемъ, онъ объяснилъ имъ предстоящую операцію.

— Новый выпускъ я дѣйствительно подготавливаю, это правда... Каждая новая акція будетъ стоить 850 франковъ съ преміей... Хорошо, вы имѣете, положимъ, 400 акцій. Въ новомъ выпускѣ, значить, на вашу долю приходится 200 акцій, за которыя вамъ придется внести 170.000 франковъ. Но зато всѣ ваши бумаги будутъ чисты, вы будете имѣть 600 акцій, вполне оплаченныхъ и вполне вамъ принадлежащихъ.

Графини не поняли этихъ расчетовъ; Саккаръ долженъ былъ объяснить имъ эту операцію освобожденія бумагъ отъ долга посредствомъ начисленія преміи. Онъ всетаки немного поблѣднѣли, пораженные громадными цифрами и подавленные мыслью, на какой опасный рискъ онѣ должны теперь отважиться.

— Конечно, приобрести такой капитал — очень было бы хорошо, проговорила наконецъ графиня-мать. — За Обле-мнѣ предлагаютъ 240.000 франковъ, а между тѣмъ прежде эта ферма стоила 400.000. Если даже мы оплатимъ и всю сумму долга по залогу, то все же намъ останется достаточно для покупки вашихъ новыхъ акцій... Но Боже мой! какая ужасная вещь всѣ эти помѣщенія капиталовъ въ банкахъ! Все наше состояніе поставлено теперь на карту!

Руки старой графини дрожали отъ волненія; она замолчала и погрузилась въ думу о томъ, какъ она вложила сначала въ эти акціи всѣ свои сбереженія, потомъ сдѣлала долгъ все изъ-за нихъ же въ 70.000 франковъ и теперь, наконецъ, готова потерять послѣднее имѣніе. Къ ней снова возвратилось ея всегдашнее уваженіе къ земельной собственности, къ хлѣбопашеству, къ лугамъ, лѣсамъ. вмѣстѣ съ этимъ вернулось и прежнее отвращеніе графини къ денежнымъ оборотамъ, къ этимъ низкимъ жидовскимъ продѣлкамъ, недостойнымъ ея знатнаго рода. Наступала рѣшительная минута, отъ которой зависѣло все будущее. Алиса молча смотрѣла на мать своими горящими чистыми глазами.

Саккаръ ободрительно улыбался имъ обѣимъ.

— Э, понятно, нужно, чтобы вы имѣли извѣстное довѣріе къ нашему учрежденію, заговорилъ онъ. — Но помимо того передъ вами цифры. Вникните хорошенько въ расчетъ, и всякое колебаніе, мнѣ кажется, станетъ излишнимъ, невозможнымъ... Предположимъ, что вы рѣшитесь на эту операцію; у васъ есть 600 акцій, которыя, за покрытіемъ долга, стоятъ вамъ всего 257.000 франковъ. Но теперь, по современному среднему курсу въ 1.300 франковъ, онѣ представляютъ собою капиталъ въ 780.000 франковъ. Значитъ, вы болѣе чѣмъ утраиваете свое состояніе... И такое возрастаніе будетъ продолжаться; вы увидите: курсъ повысится послѣ новаго выпуска акцій! Я предсказываю вамъ, что вы наживете миллионъ еще до новаго года.

— О папаша! со вздохомъ произнесла Алиса какъ бы невольно.

Миллионъ! Онѣ выкупятъ тогда изъ-подъ залога отель въ улицѣ С.-Лазаръ и смоютъ съ него всю грязь нищеты! хозяйство ихъ снова станетъ на порядочную ногу, приметъ характеръ, соответствующій положенію въ обществѣ древней фамилии Бовилье. Онѣ избавятся отъ невыносимо-тя-

гостной муки обязательно держать экипажъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывать себѣ въ кускѣ хлѣба. Алиса, имѣя приличное приданое, выйдетъ замужъ, будетъ имѣть наконецъ мужа и дѣтей — удовольствіе, которое позволяютъ себѣ даже самыя несчастныя, убогія женщины. Фердинандъ, котораго убиваетъ римскій климатъ, поправитъ тамъ свои обстоятельства, станетъ въ положеніе, приличное его титулу, и будетъ спокойно ждать случая послужить великому дѣлу, которому онъ такъ мало теперь приноситъ пользы. Да и старая графиня займетъ снова свое мѣсто въ обществѣ, не стѣняясь въ расходахъ, найметъ хорошаго кучера, прибавитъ лишнее блюдо на парадномъ обѣдѣ по вторникамъ, не боясь посадить себя на постный столъ во всѣ остальные дни недѣли. Этотъ милліонъ сіялъ передъ глазами бѣдныхъ графинь, какъ обольстительная мечта, какъ единственное спасеніе.

Побѣжденная этими размышленіями графиня-мать обернулась къ дочери, чтобы узнать, согласна ли она на рискованный шагъ.

— Ну, а какъ ты думаешь? спросила она Алису.

Та не отвѣтила ничего; она тихо опустила вѣки своихъ глазъ, черезчуръ блестящихъ отъ удовольствія.

— Да, и то правда! сказала мать, тоже весело улыбаясь. — Я и забыла, что ты непременно хочешь, чтобы я всѣмъ распоряжалась... Но я знаю, что ты у меня храбрая. Знаю тоже, на что ты надѣешься... И, обращаясь къ Саккару, графиня прибавила: — Ахъ, ш-г, о васъ всѣ такъ хорошо отзываются... во всѣхъ домахъ, гдѣ мы бываемъ, о васъ рассказываютъ столько прекраснаго и трогательнаго. Я уже не говорю о княгинѣ Орвьедо, но всѣ мои знакомыя дамы въ восторгѣ отъ вашего предпріятія. Многія изъ нихъ завидуютъ мнѣ, что я одна изъ первыхъ подписалась на ваши акціи. Послушать ихъ, такъ нужно продать все, что имѣешь, до послѣдняго стула, чтобы только закупить вашихъ акцій... Графиня даже слегка шутила: — Мнѣ кажется, что наши дамы просто влюбились въ вашъ банкъ; онъ имъ просто вскружилъ головы, право. Безъ сомнѣнія, и со мной случилось бы то же самое, еслибы я была помоложе... Моя дочь — тоже одна изъ вашихъ поклонницъ. Она вполне раздѣляетъ ваши намѣренія и даже пропагандируетъ ваши идеи во всѣхъ салонахъ, куда я ее вывожу.

Восхищенный Саккаръ посмотрѣлъ на Алису; она въ эту минуту была такъ одушевлена, такъ проникнута надеждой на счастье, что показалась ему даже довольно миленькой, несмотря на желтый цвѣтъ ея лица и слишкомъ тонкую, уже увядшую шею. Саккаръ чувствовалъ себя могучимъ и добрымъ, и отъ души желалъ въ этотъ моментъ создать счастье этому несчастному созданію, похорошѣвшему отъ одной надежды выйти замужъ.

— О, это такъ прекрасно... ваше предпріятіе *тамъ*... тихимъ, едва слышнымъ голосомъ произнесла Алиса. — Да, это будетъ новая эра... крестъ опять возсіяетъ...

Она намекала на тайну, о которой никто не рѣшался говорить, поэтому голосъ ея сталъ еще тише; она чуть шевелила губами, произнося загадочныя слова. Саккаръ, однако, нѣжнымъ жестомъ попросилъ ее не высказываться яснѣе, потому что онъ не могъ допустить, чтобы упоминали о великомъ предметѣ, о высокой и скрытой цѣли его предпріятія. Его жестъ означалъ, что нужно всегда имѣть въ виду эту цѣль, но стойко молчать о ней. Въ святилищѣ, доступномъ только для немногихъ избранныхъ, тамъ, въ ихъ набожныхъ рукахъ, должны тайно колебаться кадила съ драгоценнымъ ладаномъ.

Послѣ умилительнаго молчанія, графиня наконецъ поднялась съ кресла:

— Ну, м-г Саккаръ, я рѣшилась... Я напишу моему нотаріусу, что я принимаю предложеніе относительно продажи Обле. Пусть Богъ проститъ меня, если я поступаю дурно.

Саккаръ, стоя, проговорилъ торжественнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Самъ Богъ вдохновляетъ васъ, графиня; будьте увѣрены въ этомъ.

Провожая своихъ посѣтительницъ по коридору до самаго его конца и избѣгая показаться въ пріемной, гдѣ все еще толпились просители, Саккаръ встрѣтилъ Дежуа, бродившаго съ растеряннымъ видомъ.

— Что тамъ такое? спросилъ Саккаръ сторожа. — Не хочеть ли еще ктонибудь добиться свиданія со мной, а?

— Нѣтъ, нѣтъ... бормоталъ Дежуа. — А осмѣлюсь я обратиться къ вамъ... т. е. это я для себя, значить... И онъ началъ такъ вертѣться около Саккара, что тотъ вошелъ по-

скорѣе въ кабинетъ, а Дежуа остановился на порогѣ въ почтительной позѣ.

— Для васъ? удивился Саккаръ — Ахъ да, правда, вы вѣдь тоже акціонеръ... Ну что-жь, батенька, приобретайте новыя акціи, на васъ хватитъ. Продайте хоть послѣднюю рубашку, чтобы ихъ купить. Я этотъ совѣтъ даю всѣмъ нашимъ кліентамъ.

— Эхъ, м-г Саккаръ, заговорилъ Дежуа. — Кусокъ-то этотъ слишкомъ великъ для насъ, не по нашимъ губамъ. Мы съ дочерью объ этомъ и не мечтаемъ... Въ первый разъ я купилъ 8 акцій на 4.000 франковъ, что сберегла для насъ покойная жена моя. Вотъ эти-то 8 акцій у меня и есть до сихъ поръ, потому что, по правдѣ сказать, при слѣдующихъ выпускахъ, когда два раза вы удваивали капиталъ, у насъ и денегъ не было на покупку акцій, приходившихся на нашу долю... Нѣтъ, я о новыхъ акціяхъ и думать не смѣю, жирно будетъ. Я хочу только спросить васъ, какъ вы скажете... не продать ли мнѣ ихъ, съ вашего позволенія?

— Какъ? зачѣмъ же продавать? возразилъ Саккаръ.

Тогда Дежуа съ разными вѣжливыми обходами и оговорками объяснилъ свое положеніе. При курсѣ въ 1.300 франковъ, его 8 акцій представляли собою капиталъ въ 10.400 франковъ. Онъ могъ свободно дать Натали въ приданое 6.000 франковъ, согласно требованію переплетчика. Но въ виду продолжавшагося повышенія этихъ бумагъ у Дежуа явился аппетитъ къ еще большей наживѣ, сначала смутная идея, потомъ деспотически завладѣвшая имъ, — подумать и о себѣ самомъ, сколотить себѣ небольшую ренту въ 600 франковъ, которая позволила бы ему не служить на мѣстахъ. Однако требовавшійся для осуществленія такой мечты капиталъ въ 12.000 франковъ, да еще если прибавить сюда 6.000 приданого дочери, — все это составляло огромную цифру въ 18.000 франковъ. Дежуа отчаивался дойти когда нибудь до обладанія такимъ состояніемъ, потому что, по его расчету, для этого нужно было, чтобы акціи повысились до курса въ 2.300 франковъ.

— Понимаете, сударь, заключилъ онъ: — если курсъ не пойдетъ больше вверхъ, мнѣ бы удобнѣе было продать свои акціи, потому что счастье моей Натали прежде всего, неправда ли?.. А опять же сказать: если курсъ поднимется, мнѣ станетъ жалко, что я ихъ продалъ...

Саккаръ разсердился.

— Эхъ, любезный, вы, кажется, просто глупы!.. Неужели вы думаете, что мы остановимся на° 1.300? Развѣ я продаю, я самъ?.. Вы непременно будете имѣть ваши 18.000 франковъ, я за это ручаюсь. А теперь убирайтесь отсюда и, пожалуйста, выпроводьте всю эту толпу изъ приѣмной... Скажите имъ, что меня дома нѣтъ!

Оставшись одинъ, Саккаръ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ двухъ начальниковъ отдѣленій и принялся заниматься дѣлами уже безъ перерывовъ.

Было рѣшено, что чрезвычайное общее собраніе для утвержденія новаго увеличенія капитала состоится въ августѣ. Гамеленъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать на этомъ собраніи, прибылъ въ Марсель въ послѣднихъ числахъ іюля. Каролина въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ брату совѣтовала ему вернуться, и чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе. Среди быстрого успѣха, съ каждымъ днемъ выступавшаго ярче, она ощущала невольную боязнь, необъяснимое дурное предчувствіе, о которомъ даже не рѣшалась говорить. Поэтому она предпочитала, чтобы братъ былъ здѣсь, возлѣ нея; по крайней мѣрѣ, она могла бы откровенно высказать ему все. Каролина начала сомнѣваться въ себѣ самой, опасаясь, что она не устоитъ противъ Саккара, позволить себя обмануть и этимъ погубить нѣжно любимаго ею брата. Пожалуй, слѣдовало бы признаться ему и въ своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Саккару. Гамеленъ, конечно, и не подозреваетъ о нихъ, въ невинности религіознаго и ученаго человѣка, проведшаго всю свою жизнь въ мечтахъ. Эта мысль однако была для Каролины весьма тягостна, и въ концѣ концовъ она пошла на некрасивыя сдѣлки съ совѣстью, громко и опредѣленно приказывавшей ей, что теперь, когда она знаетъ уже насквозь Саккара и все его прошлое, она обязана сообщить свои опасенія брату, чтобы тотъ могъ во-время остеречься. Въ часы подъема духа Каролина давала себѣ обѣщаніе рѣшительно объясниться съ братомъ, чтобы не допустить до безконтрольнаго распоряженія такими значительными суммами человѣка завѣдомо преступнаго, въ рукахъ котораго сокрушилось уже столько милліоновъ и черезъ котораго погубило столько людей. Такой поступокъ съ ея стороны былъ бы мужественнымъ и честнымъ, вполне достой-

нымъ ея. Но потомъ просвѣтлѣніе потухало, Каролина чувствовала упадокъ энергіи, начинала откладывать объясненіе, убѣждала себя, что въ дѣлахъ Всеобщаго банка, какъ утверждалъ и Саккаръ, просто встрѣчаются затрудненія, маленькія неправильности, общія, впрочемъ, всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ. Можетъ быть, онъ былъ и правъ, когда говорилъ, смѣясь, что страшилище ея ничто иное, какъ громкій успѣхъ предпріятія, сопровождающійся здѣсь, въ Парижѣ, дѣйствительно какъ бы гуломъ землетрясенія, невольно заставляющимъ содрогаться, точно въ виду грядущей катастрофы. Каролина сбилась съ толку; порою она даже еще болѣе восторгалась Саккаромъ, увлекаясь безконечной нѣжностью къ нему, хотя и потерявъ всякое уваженіе къ этому человѣку. Никогда она не подозрѣвала, что сердце ея окажется такимъ мягкимъ, что она почувствуетъ себя настолько женщиной, неспособной къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Вотъ потому-то Каролина такъ и рада была возвращенію своего брата.

Въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ Гамеленъ, Саккаръ хотѣлъ предварительно обсудить съ нимъ въ чертежной — гдѣ имъ никто не могъ помѣшать — всѣ вопросы, которые предполагалось разсматривать въ административномъ совѣтѣ и, по утвержденіи ихъ, подвергнуть голосованію общаго собранія. Но братъ и сестра, по взаимному соглашенію, предупредили Саккара и, ранѣе чѣмъ онъ явился, успѣли глазна-глазъ переговорить между собою. Гамеленъ вернулся очень веселымъ, довольнымъ, что ему удалось привести къ вождедѣльному концу сложное дѣло о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Малой Азіи, въ странѣ, заснувшей въ лѣнивомъ покоѣ, погрязшей въ массѣ недостатковъ политическихъ, административныхъ и финансовыхъ. Наконецъ-то успѣхъ былъ полный, первоначальныя работы должны были вскорѣ начаться. мастерскія готовы были къ открытію въ разныхъ пунктахъ; ожидалось только окончательнаго утвержденія общества восточныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ. Гамеленъ казался настолько оживленнымъ, настолько увѣреннымъ въ блестящее будущее, что Каролина на этотъ разъ тѣмъ болѣе рѣшилась не высказываться; ей жаль было испортить радостное настроеніе брата. Однако она всетаки выразила нѣкоторыя сомнѣнія и указала на опасность крайняго увлеченія, охватившаго публику. Гамеленъ тотчасъ же

остановилъ сестру и заботливо сталъ вглядываться въ нее: что, молъ съ нею? не знаетъ ли она чего вибудь нехорошаго? почему она не говоритъ откровенно? Но Каролина не сказала ничего; ей показалось, что у нея нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ своего подозрѣнія.

Саккаръ, не видавшій еще Гамелена послѣ его приѣзда, бросился ему на шею и сталъ цѣловать его съ чисто южной пылкостью. Потомъ, когда инженеръ подтвердилъ ему всѣ послѣднія извѣстия, сообщенные въ письмахъ, рассказывая подробности несомнѣннаго успѣха своего продолжительнаго путешествія, Саккаръ пришелъ въ восторгъ.

— Ахъ, мой милый, на этотъ разъ мы сдѣлаемся уже взаправду хозяевами всего Парижа, владыками денежнаго рынка... Я тоже тутъ порядочно таки поработалъ. У меня есть необыкновенная, поразительная идея. Вотъ вы сейчасъ увидите.

И онъ тотчасъ же объяснилъ Гамелену свою комбинацію, придуманную имъ для увеличенія капитала изъ 100 до 150 милліоновъ посредствомъ выпуска 100.000 новыхъ акцій, причемъ одновременно происходило и погашеніе долга какъ по старымъ, такъ и по новымъ акціямъ. Новую акцію онъ выпускалъ стоимостью въ 850 франковъ и составлялъ такимъ образомъ, считая по 350 франковъ преміи, резервный капиталъ, который, вмѣстѣ съ суммами, отчисляемыми въ запасъ по каждому балансу, достигалъ цифры въ 25 милліоновъ; теперь оставалось найти только такую же сумму, чтобы составить 50 милліоновъ, необходимыхъ для окончательной очистки 200.000 прежнихъ акцій. Но здѣсь-то и заключалась удивительная идея составить предварительную смѣту прибылей текущаго года, прибылей, которыя, по мнѣнію Саккара, должны были дойти минимумъ до 36 милліоновъ. Изъ нихъ онъ преспокойно могъ взять эти 25 милліоновъ, которыхъ не хватало на очистку старыхъ акцій. Въ концѣ концовъ, Всеобщій банкъ къ 31 декабря 1867 г. долженъ былъ обладать отнынѣ уже ограниченнымъ капиталомъ въ 150 милліоновъ, раздѣленнымъ на 300.000 вполне чистыхъ отъ долговъ акцій. Сами акціи приводились къ одному типу, а именно всѣ превращались въ предъявительскія, чтобы этимъ способомъ облегчить ихъ обращеніе на рынкѣ. Это былъ окончательный триумфъ, геніальная идея.

— Да, гениальная! выкрикиваль Саккаръ. — Это вовсе не преувеличено!

Немного ошеломленный Гамеленъ перелистываль проектъ, разсматривая цифры.

— Мнѣ несомнѣнъ нравится этотъ скороспѣлый балансъ, сказалъ онъ наконецъ. — Вѣдь вамъ придется выдать настоящій дивидендъ вашимъ акціонерамъ, хотя вы и освободите отъ долговъ ихъ акціи.. И надо еще быть вполне увѣреннымъ, что всѣ эти суммы дѣйствительно поступятъ. Въ противномъ случаѣ, насъ справедливо могутъ обвинить въ томъ, что мы раздаемъ фиктивный дивидендъ...

Саккаръ пришелъ въ негодованіе.

— Какъ! да я еще слишкомъ умѣренъ въ своихъ расчетахъ! Вы увидите, что всѣ мои предположенія оправдаются. Развѣ компанія каботажей, кармельскіе рудники, турецкій банкъ не принесутъ барышей гораздо выспихъ, чѣмъ я обозначилъ въ проектѣ? Вы мнѣ привезли съ востока самыя блестящія извѣстія, всѣ дѣла наши идутъ какъ нельзя лучше, и вы же хотите поколебать мою увѣренность въ успѣхѣ!

Улыбаясь, Гамеленъ жестомъ старался успокоить его. Да, да, онъ, Гамеленъ, вѣритъ. Только онъ стоитъ за правильный ходъ вещей.

— Дѣйствительно, мягко поддержала брата Каролина: — зачѣмъ торопиться? не лучше ли подождать апрѣля до этого увеличенія капитала?.. или ужъ, если вамъ такъ необходимо имѣть лишнихъ 25 милліоновъ, отчего бы не выпустить акціи теперь же стоимостью въ 1.000 или 1.200 франковъ. По крайней мѣрѣ, вы избѣгнете преждевременнаго расчета на прибыли будущаго баланса.

Саккаръ молча взглянулъ на Каролину, удивляясь, какъ это она нашла такую новую и удобную комбинацію. Потомъ онъ проговорилъ:

— Конечно, выпустивъ акціи стоимостью въ 1.100 франковъ, вмѣсто 850, мы на 100.000 акцій приобрѣтемъ 25 милліоновъ.

— Ну, значить, дѣло слажено, замѣтила Каролина. — Вамъ нечего бояться, что акціонеры заупрямятся. Они все равно дадутъ вамъ также охотно 1.100 франковъ за акцію, какъ и 850.

— О, это несомнѣнно! подхватилъ Саккаръ. — Они дадутъ все, чего я захочу! они готовы передрасться между со-

бою изъ-за того только, кому первому вносить деньги. Они совсѣмъ одурѣли! Они мнѣ двери ломаютъ въ банкѣ, чтобы ворваться туда со своими взносами.

Но вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ и накинута на Каролину съ самыми яркими возраженіями:

— Чтѣ вы мнѣ тамъ рассказываете! Не хочу я просить у нихъ по 1.100 франковъ, ни за что въ свѣтѣ! Это было бы черезчуръ глупо и просто... Поймите же, наконецъ, что въ вопросахъ о кредитѣ нужно всегда дѣйствовать на воображеніе. Геніальная идея моя въ томъ и заключается, чтобы вытащить изъ кармановъ этихъ людей деньги, которыхъ у нихъ еще нѣтъ. Съ перваго раза они и не поймутъ, что у нихъ берутъ деньги, а будутъ еще воображать, что имъ самимъ я дѣлаю подарокъ. А потомъ, вы совсѣмъ не понимаете, какой колоссальный эффектъ произведетъ этотъ преждевременный балансъ, когда появится во всѣхъ газетахъ, возвѣщающая 36 милліоновъ прибыли заранѣе, да еще съ шикомъ, съ трескомъ! Биржа такъ и запылаетъ одушевленіемъ; мы живо дойдемъ до курса въ 2.000 и все еще будемъ подниматься выше, выше, безъ конца!

Саккаръ, стоя, жестикулировалъ, вытягивался во весь свой маленькій ростъ. Онъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ дѣлался выше, порывистымъ жестомъ указывая въ потолокъ, какъ истинный поэтъ денегъ, котораго не могли охладить никакія прежнія неудачи и разоренія. Онъ иначе не могъ, это была его настоящая система, природное качество — гнать всякое предпріятіе во всю прыть, торопиться и увлекаться до болѣзненности во всякомъ дѣлѣ. Онъ насильно вызывалъ успѣхъ, разжигалъ страсти ошеломляющей поспѣшностью операций Всеобщаго банка: три выпуска въ три года, скачки капитала отъ 25 къ 50, къ 100 милліонамъ, къ 150, въ прогрессіи, которая, казалось, сулила необычайное процвѣтаніе. И дивиденды также шли прыжками: въ первый годъ — ничего, потомъ 10 франковъ, 33 франка, затѣмъ вдругъ 36 милліоновъ и очистка отъ долговъ всѣхъ бумагъ! И все это посредствомъ обмана, отчаяннаго разжиганія локомотива, фиктивныхъ подписокъ, посредствомъ оставленія акцій за банкомъ, чтобы всѣ думали, что капиталъ по нимъ внесенъ сполна, посредствомъ, наконецъ, биржевой игры, которая послѣ cadaго увеличенія капитала вызывала сильное повышеніе курса.

Гамеленъ, погрузившись въ изученіе проекта, не поддержалъ сестру. Онъ покачалъ головой и вернулся къ своимъ замѣчаніямъ относительно подробностей проекта.

— Какъ бы тамъ ни было, говорилъ онъ: — а вашъ предварительный балансъ неправиленъ до тѣхъ поръ, пока прибыли не получены... Я ужъ не говорю о нашихъ предприятияхъ, хотя и они могутъ очень легко провалиться, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ... Но вотъ я тутъ вижу счетъ Сабатани: 3.000 слишкомъ акцій, представляющихъ собою болѣе 2 милліоновъ. Вы вносите эту сумму на приходъ, тогда какъ ее нужно выписать въ расходъ, потому что вѣдь Сабатани въ нашемъ банкѣ подставное лицо, не правда ли? Мы-то вѣдь знаемъ это и можемъ говорить объ этомъ между собою... А вотъ еще: я нахожу здѣсь же имена многихъ изъ нашихъ служащихъ, даже нѣсколькихъ нашихъ администраторовъ — все вѣдь это тоже подставныя лица! О, я и такъ все понимаю, вамъ нечего мнѣ объяснять... Это просто приводитъ меня въ ужасъ: такое громадное количество нашихъ акцій остается на нашихъ же рукахъ. Мы не только не увеличиваемъ денежной наличности нашей кассы, но опустошаемъ ее и въ одинъ прекрасный день проглотимъ сами себя.

Каролина ободряла брата взглядомъ; наконецъ-то онъ высказалъ всѣ ея опасенія и ясно указалъ на причину непонятнаго недовольства, которое возрастало въ ней вмѣстѣ съ быстрыми успѣхами банка.

— Ахъ ужъ эта игра! прошептала она.

— Но мы совсѣмъ не играемъ! крикнулъ Саккаръ. — Помилуйте, каждый старается поддержать свои бумаги! Мы были бы глупцами, еслибы ждали, сложя руки, покуда Гундерманъ и прочіе обезцѣняютъ наши акціи, играя противъ насъ на пониженіе. Если они до сихъ поръ еще не осмѣливались на этотъ шагъ, то непременно вскорѣ начнутъ свои дѣйствія. Потому-то я и доволенъ, что имѣю въ рукахъ известное количество нашихъ акцій. Я васъ предупреждаю, что готовъ буду самъ покупать ихъ, если меня къ этому вынудятъ. Да, я скорѣе самъ начну покупать свои акціи, чѣмъ позволю, чтобы онѣ упали хотя бы на одинъ сантимъ!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ необыкновенной силой, какъ бы давая клятву, что готовъ лучше умереть, чѣмъ

испытать поражение. Потомъ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и началъ шутить, хотя его веселость была несовсѣмъ искрення.

— Вижу я, господа, говорилъ Саккаръ: — что вы опять начинаете недоумѣвать мнѣ! Я думалъ, что намъ довольно будетъ разъ навсегда объясниться по всѣмъ этимъ вопросамъ. Вы согласились вѣдь отдать все дѣло въ мои руки? Ну, такъ предоставьте же мнѣ свободу дѣйствій! Я ничего больше не хочу, какъ только вашего обогащенія, все большаго и большаго обогащенія!.. И онъ остановился, понизивъ голосъ, точно самъ испугавшись широты своихъ желаній. — Знаете, чего я хочу? вдругъ спросилъ Саккаръ. — Я хочу, чтобы курсъ дошелъ до 3.000 франковъ.

Размашистымъ жестомъ онъ указалъ въ пространство, точно видѣлъ тамъ этотъ триумфальный курсъ въ 3.000 франковъ, восходящій, какъ звѣзда, на биржевомъ горизонтѣ.

— Это безуміе! отозвалась Каролина.

— Съ тѣхъ поръ какъ курсъ достигнетъ 2.000 франковъ, заявилъ Гамелень: — всякое новое повышеніе станетъ опаснымъ. Что касается меня, я заранѣе васъ предупреждаю: я начну тогда продавать свои акціи, чтобы не участвовать въ этомъ сумасшествіи.

Но Саккаръ продолжалъ твердить свое. Всѣ такъ говорятъ, что, молъ, вотъ-вотъ начнемъ продавать, и никто не продаетъ. А онъ всетаки насильно обогатить ихъ. И, улыбаясь вкрадчивой, слегка иронической усмѣшкой, Саккаръ продолжалъ:

— Довѣрьтесь же вы, наконецъ, мнѣ. Мнѣ кажется, до сихъ поръ я не очень ужъ дурно велъ ваши дѣла... Садова доставила вамъ милліонъ.

Это была правда, и Гамелены совсѣмъ забыли о своей прибыли: они всетаки приняли этотъ милліонъ, выловленный въ мутной водѣ биржевыхъ продѣлокъ. Нѣкоторое время они молчали, поблѣднѣвъ только. Какъ честные люди, они чувствовали сильное смущеніе при мысли, хорошо ли было съ ихъ стороны воспользоваться такимъ барышемъ. Неужели же и ихъ охватила зараза биржевой игры? неужели и ихъ коснулось тлетворное вѣяніе, исходившее изъ среды, погруженной въ золотую оргію, въ которой имъ случайно пришлось теперь возвращаться?

— Да, это конечно... пробормоталъ инженеръ. — Но еслибъ я былъ здѣсь...

Саккаръ поспѣшилъ прервать его:

— Оставьте, пожалуйста, ваши сожалѣнія: эти деньги отбиты изъ рукъ подлыхъ жидовъ!

И всѣ трое вдругъ развеселились. Каролина, сидя въ своемъ креслѣ, махнула рукой, какъ бы соглашаясь съ мнѣніемъ Саккара и предоставляя ему распоряжаться по своему. Какже можно отдать себя на съѣденіе другимъ? лучше ужъ загрысть противника — такова жизнь. Или надо обладать особенно высокими добродѣтелями, или отъ всякихъ искушеній запереться въ монастырь.

— Да, да, продолжалъ весело Саккаръ: — вы, пожалуйста, не стройте такихъ гримасъ, какъ будто вамъ наплевать на деньги: прежде всего — это глупо, а затѣмъ не забудьте, что только безсильные возстаютъ противъ употребленія въ дѣло силы... Это просто нелогично съ вашей стороны надрываться въ работѣ для обогащенія другихъ, а самими не пользоваться законною частью вознагражденія. Тогда ужъ лучше лечь и заснуть!

Онъ овладѣлъ теперь вполне вниманіемъ и брата, и сестры и не давалъ имъ вставить ни одного слова.

— Знаете ли вы, кричалъ Саккаръ: — что вскорѣ у васъ въ карманѣ будетъ очень хорошенькая сумма!.. Да вотъ, стойте!.. И съ рѣзвостью школьника онъ подбѣжалъ къ столу, за которымъ сидѣла Каролина. взявъ карандашъ и листъ бумаги и началъ выводить цифры. — Стойте, я вамъ сейчасъ подведу вашъ счетъ. О, я его помню наизустъ... У васъ было при открытіи банка 500 акцій; потомъ это количество удвоилось, затѣмъ опять удвоилось. Теперь вы имѣете 2.000 акцій; но послѣ нашего предполагаемаго новаго выпуска, у васъ будетъ уже 3.000.

Гамеленъ попробовалъ прервать Саккара, но тотъ и слушать не хотѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что у васъ есть чѣмъ оплатить ихъ. У васъ, съ одной стороны, есть 300.000 франковъ наслѣдства, а съ другой — вашъ миллионъ, приобретенный вслѣдствіе Садовы... Смотрите же: ваши первыя 2.000 акцій стоили вамъ 435.000 франковъ; 1.000 акцій втораго выпуска обойдутся вамъ въ 850.000 франковъ, а все вмѣстѣ — въ 1,285.000 франковъ... Слѣдовательно, у васъ остается еще 15.000 франковъ на расходы такъ себѣ: ну, свойственные молодому человѣку, помимо вашего жалованья въ

30.000 франковъ, которое мы надѣмся вскорѣ увеличить до 60.000.

Ошеломленные Гамелены только слушали въ изумленіи, но наконецъ ихъ начали живо интересовать эти цифры.

— Ну, вы теперь ясно видите, продолжалъ Саккаръ: — что приобрѣли это все совершенно честнымъ путемъ, что вы сполна оплатили всѣ свои акціи... Но это еще пустяки. Я хочу дойти вотъ до чего... Онъ вскочилъ съ мѣста и началъ размахивать листомъ бумаги съ побѣдоноснымъ видомъ. — Я хочу дойти до курса въ 3.000... Тогда ваши 3.000 акцій дадутъ вамъ 9 милліоновъ.

— Какъ!? курсъ въ 3.000! вскричали Гамелены, одушевленно протестуя противъ такого безразсуднаго упрямства.

— Ну да, въ 3.000, конечно! утверждалъ свое Саккаръ. — И я вамъ категорически запрещаю продавать свои акціи ранѣе этого курса. Я употребляю всѣ мои усилія, чтобы удержать васъ отъ продажи... Да, я удержу васъ хоть силой, хоть правомъ вашего друга, который имѣетъ же наконецъ возможность остановить близкихъ ему людей, когда они собирались бы дѣлать глупости... Курсъ въ 3.000... да онъ необходимо нуженъ мнѣ, и я достигну его.

Какъ было спорить съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ, пронзительный, чисто пѣтушиный голосъ котораго возвѣщалъ неслыханный триумфъ? Гамеленъ съ сестрою снова развеселились, только дѣлая видъ, что несомнѣнно согласны. Они утверждали, что не чувствуютъ никакого безпокойства за будущее: все равно акціи никогда не достигнутъ этого пресловутаго курса. А Саккаръ, присѣвъ къ столу, опять принялся за вычисленія, но теперь уже выводилъ свой собственный счетъ. Оплатилъ ли онъ и оплатитъ ли когда нибудь свои 3.000 акцій? Это представлялось сомнительнымъ. Можно было предполагать, что въ обладаніи Саккара находится гораздо болѣе значительное количество акцій, но вообще тутъ трудно было узнать правду. Онъ самъ игралъ роль подставнаго лица въ обществѣ, а при этомъ условіи какже было узнать количество дѣйствительно принадлежащихъ ему акцій? Между тѣмъ онъ быстро выводилъ карандашемъ цифру за цифрой до безконечности. Потомъ онъ зигзагомъ зачеркнулъ все написанное, скомкалъ бумагу и положилъ ее въ карманъ. То, что онъ вычислялъ, и еще

2 милліона, выхваченные изъ грязи и крови биржевой схватки послѣ Садовой, было его частью прибыли.

— Ну, мнѣ надо оставить васъ, сказалъ Саккаръ, берясь за шляпу: — я долженъ еще повидаться кое съ кѣмъ. Но теперь недоразумѣній нѣтъ между нами, неправда ли? Черезъ восемь дней состоится административный совѣтъ, и немедленно послѣ него — чрезвычайное общее собраніе для утвержденія моего проекта.

Когда Каролина и Гамелень остались вдвоемъ, смущенные и подавленные, они долго молчали.

— Что-жъ ты хочешь? отозвался наконецъ Гамелень, какъ бы отвѣчая на мысли своей сестры. — Мы ужъ попались въ ловушку, такъ приходится въ ней и оставаться. Онъ правду говорить, съ нашей стороны нѣтъ никакого основанія отказываться отъ богатства. Я никогда и не считалъ себя ничѣмъ болѣе, какъ знающимъ человѣкомъ, служащимъ практическимъ интересамъ. И я службу свою, надѣюсь, исполнилъ честно, акуратно, сдѣлавъ свое дѣло, которое доставило банку такое быстрое благосостояніе... А такъ какъ я не могу себя ни въ чемъ упрекнуть, то нечего намъ и опускаться носъ... Будемъ работать!

Каролина встала съ кресла и усталымъ, чуть слышнымъ голосомъ прошептала:

— Охъ ужъ эти деньги... ужъ эти деньги...

И, полная непобѣдимой грусти при мысли объ этихъ милліонахъ, готовыхъ упасть на ихъ головы, она бросилась на шею брату и заплакала. Это была, пожалуй, и радость, удовольствіе видѣть наконецъ брата достойно вознагражденнымъ за его знанія и за его труды. Но къ этой радости примѣшивалась и горечь также, горечь, о причинѣ которой она не могла говорить, но которая вызывала въ ея сердцѣ и стыдъ, и страхъ. Гамелень началъ подшучивать надъ сестрой; они, казалось, оба развеселились снова, но нѣчто скорбное всетаки осталось въ нихъ — не то влухое недовольство своими поступками, не то угрызения совѣсти за сообщество въ грязныхъ дѣлахъ.

— Да, онъ правъ, повторила Каролина: — таковы всѣ люди на свѣтѣ, такова ужъ жизнь.

Административный совѣтъ на этотъ разъ собрался въ новой залѣ пышнаго отеля въ Лондонской улицѣ. Это былъ уже не прежній сырой салонъ, освѣщенный блѣднымъ зеле-

новатымъ отблескомъ сосѣдняго сада, а обширная комната съ четырьмя окнами на улицу, съ плафономъ и высокими стѣнами, сплошь украшенными живописью и позолотою. Кресло предсѣдателя глядѣло настоящимъ трономъ, возвышавшимся надъ остальными креслами, величавыми и тяжелыми, предназначенными точно для засѣданія министровъ и тянувшимися въ двѣ линіи вокругъ массивнаго стола, покрытаго краснымъ бархатомъ. На монументальномъ каминѣ бѣлаго мрамора, гдѣ зимою пылали цѣлые древесные пни, стоялъ бюстъ папы, изящное и любезное лицо котораго, казалось, тонко посмѣивалось надъ всѣмъ, что происходило вокругъ него.

Саккаръ прибралъ къ рукамъ всѣхъ членовъ совѣта, по большей части просто покупая ихъ повиновеніе. Благодаря директору, маркизъ де-Богенъ, попавшійся въ довольно грязной исторіи, стянувъ съ кого-то неосторожно взятку, могъ, вслѣдствіе открытаго ему кредита въ банкѣ, затушить скандалъ и возратить убытки обворованной имъ какой-то компаніи; зато маркизъ сдѣлался покорнымъ слугою Саккара, хотя и продолжалъ гордо задирать вверхъ носъ, какъ представитель древняго дворянства и лучшее украшеніе совѣта. Гюре тоже, съ тѣхъ поръ какъ Ругонъ прогналъ его отъ себя за воровство телеграммы, извѣщавшей объ уступкѣ Венеціи, всецѣло возложилъ свои надежды на успѣхъ Всеобщаго банка, служа представителемъ его въ Законодательномъ корпусѣ, выуживая для него рыбу въ мутной водѣ политическихъ интригъ и отхватывая себѣ крупную долю барышей отъ безсовѣстныхъ продѣлокъ, за которыя онъ могъ въ одинъ прекрасный день очутиться въ Мазасѣ. И виконтъ Робенъ-Шаго, вице-предсѣдатель совѣта, прихватилъ 100.000 секретной преміи за подписыванье, закрывши глаза, бумага въ время продолжительныхъ отлучекъ Гамелена. Банкира Кольба равнымъ образомъ надо было подкупить за его пассивную снисходительность, а онъ въ свою очередь безцеремонно пользовался могуществомъ банка и даже компрометировалъ его репутацію для своихъ арбитражныхъ цѣлей. Даже и Седилль, шелковый фабрикантъ, состояніе котораго сильно поколебалось вслѣдствіе одной неудачной ликвидаціи, занялъ въ банкѣ солидную сумму и не могъ потомъ уплатить ее. Одинъ Дегремонъ сохранилъ свою безусловную независимость передъ Саккаромъ. Это обстоятель-

ство очень беспокоило по временамъ послѣдняго, несмотря на то, что всегда одинаково любезный Дегремонъ относился къ Саккару очень радушно, приглашалъ его къ себѣ на балы и вечера и соглашался со всѣми его предложеніями, не разсматривая ихъ. Съ истинно парижскимъ изяществомъ въ обхожденіи, Дегремонъ всегда находилъ всякое дѣло превосходнымъ, покуда, конечно, оно приносило ему выгоду.

Въ день собранія совѣта, несмотря на исключительную важность этого именно засѣданія, всѣ предложенія прошли также гладко, какъ и всегда. Вошло въ обычай дѣйствительно заниматься дѣлами только на частныхъ засѣданіяхъ каждаго 15 числа, а общія засѣданія совѣта въ концѣ мѣсяца посвящались просто единогласному утверженію предложеній, безъ всякихъ проволочекъ. Безучастность къ дѣламъ у администраторовъ доходила до того, что протоколы общихъ собраній совѣта угрожали сдѣлаться похожими одинъ на другой, заключая въ себѣ постоянно и неизмѣнно одно и то же единодушное одобреніе всѣхъ вопросовъ. Приходилось выдумывать небывалыя замѣчанія членовъ, пренія, воображаемыя поправки, но никто изъ присутствующихъ не удивлялся этимъ выдумкамъ, и, читая мнимыя подробности протокола, на слѣдующемъ собраніи всѣ пресерьезно подписывали его.

Дегремонъ успѣшилъ встрѣтить Гамелена при входѣ его въ залу и радушно пожималъ, ему руки, зная уже о радостныхъ и важныхъ извѣстіяхъ, привезенныхъ имъ съ востока.

— А, милѣйшій предсѣдатель, какъ я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ! говорилъ Дегремонъ.

Всѣ окружили Гамелена и тоже привѣтствовали его, въ томъ числѣ и Саккаръ, показывавшій видъ, будто онъ въ первый разъ видитъ возвратившагося инженера. Когда собраніе было открыто, и началось чтеніе отчета, который Гамеленъ долженъ былъ представить на разсмотрѣніе общаго собранія акціонеровъ, всѣ слушали внимательно, чего прежде никогда не было. Уже достигнутые превосходные результаты, великолѣпныя обѣщанія въ будущемъ, ловкій способъ увеличенія капитала съ погашеніемъ одновременно долга по прежнимъ акціямъ — все это было принято съ одобрительными и восторженными жестами. Ни одному члену и въ

голову не пришло потребовать объясненій. Все было отлично. Седилль отыскалъ ошибку въ цифрѣ, но всѣ согласились не вносить это замѣчаніе даже въ протоколъ, чтобы этимъ не нарушить образцоваго единодушія членовъ, которые всѣ тотчасъ же поочереди и подписали отчетъ, въ порывѣ энтузіазма, безъ всякаго его разсмотрѣнія.

Засѣданіе было уже закрыто, но члены еще не расходились и, стоя, путили между собою, смѣялись среди ослѣпительно сверкавшей позолотою залы. Маркизь де-Богенъ рассказывалъ объ охотѣ въ Фонтенебло, а Гюре, только что вернувшійся изъ Рима, передавалъ подробности, какъ онъ удостоился папскаго благословенія. Кольбъ ушелъ, не прощаясь, спѣша по дѣлу. Другіе администраторы-статисты выслушивали приказанія Саккара; онъ вполголоса объяснялъ имъ, какую имъ придется играть роль въ предстоящемъ собраніи.

Но Дегремонъ, которому виконтъ де-Робенъ-Шаго надоѣлъ своими преувеличенными похвалами отчету Гамелена, мимоходомъ схватилъ директора за руку и шепнулъ ему на ухо:

— Поменьше бы хвастовства слѣдовало, а?

Саккаръ тотчасъ же остановился и посмотрѣлъ на него. Саккару вспомнилось, какъ онъ колебался въ началѣ предпріятія приглашать этого человѣка къ участію въ своемъ дѣлѣ, зная его ненадежность.

— Э, кто мнѣ преданъ, тотъ пойдетъ за мною, громко отвѣтилъ директоръ, стараясь нарочно, чтобы его могли слышать всѣ.

Спустя три дня, чрезвычайное общее собраніе состоялось въ большой парадной залѣ отеля Лувръ. Для такого торжества не годилась убогая зала безъ всякихъ стѣнныхъ украшеній въ улицѣ Бланшь; требовалась роскошная обстановка трактирныхъ хоромъ, только что видѣвшихъ въ своихъ стѣнахъ обѣдъ по подпискѣ и ожидавшихъ на другой день свадебнаго бала. Согласно уставу банка, для присутствованія на общемъ собраніи нужно было имѣть не мѣнѣе 20 акцій, и такимъ образомъ явилось болѣе 1.200 акціонеровъ, представлявшихъ собою 4.000 слишкомъ голосовъ. Формальности при входѣ въ залу, предъявленіе членскихъ билетовъ и расписка въ книгѣ — все это потребовало болѣе двухъ часовъ времени. Шумъ веселыхъ разговоровъ

наполнилъ залу, гдѣ встрѣтились между собою всѣ администраторы и многіе изъ высшихъ служащихъ Всеобщаго банка. Сабатани тоже былъ здѣсь и собралъ около себя цѣлую группу акціонеровъ, рассказывая имъ о востокѣ, о своей родинѣ, нѣжнымъ вкрадчивымъ голосомъ рассказывая волшебныя сказки въ родѣ того, что тамъ стоитъ только наклониться къ землѣ, чтобы найти серебро, золото и драгоценныя камни. Можандръ, который въ іюнѣ рѣшился таки купить 50 акцій Всеобщаго банка по 1.200 франковъ, соблазнившись постояннымъ повышеніемъ ихъ курса, слушалъ теперь, разиня ротъ, сказки Сабатани и восхищался своей финансовой догадливостью. Между тѣмъ Жантру, впавшій окончательно въ безпросыпный разгулъ, съ тѣхъ поръ какъ разбогатѣлъ, иронически посмѣивался въ бороду, хотя голова его и трещала послѣ вчерашняго пьянства. Послѣ избранія членовъ бюро, когда Гамелень, предсѣдатель по праву, открылъ засѣданіе, Лавиньеръ, вновь избранный въ члены наблюдательнаго комитета и теперь уже близкій къ завѣтной мечтѣ своей сдѣлаться администраторомъ, началъ чтеніе отчета о финансовомъ положеніи общества, каково оно должно было быть къ 31 декабря текущаго года: такъ слѣдовало по уставу, для предварительной повѣрки будущаго баланса, о которомъ шла рѣчь на настоящемъ собраніи. Докладчикъ прежде всего напомнилъ предыдущій балансъ, представленный обыкновенному общему собранію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, тотъ самый великолѣпный балансъ, который приносилъ чистой прибыли 11½ милліоновъ и далъ возможность — по уплатѣ 5% акціонерамъ, 10% администраторамъ и по отчисленіи 10% въ запасный капиталъ — еще распределить дивидендъ въ 33%. Потомъ Лавиньеръ цѣлымъ потокомъ цифръ доказалъ, что сумма въ 36 милліоновъ предполагаемой прибыли по текущему балансу должна быть далеко не преувеличенной, а, напротивъ, въ дѣйствительности ниже самыхъ скромныхъ ожиданій. Несомнѣнно онъ самъ былъ убѣжденъ въ правдивости отчета, но всетаки подвергъ его, въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ, добросовѣстнѣйшему контролю и тѣмъ не менѣе ничего не достигъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы изучить вполне отчетъ, слѣдовало бы снова рассмотреть и всѣ подготовительныя матеріалы къ нему. Впрочемъ, акціонеры не слушали. Только нѣсколько ханжей, Можандръ и другіе мелкіе акціонеры,

имѣвшіе по голосу или по два, ловили каждую цифру, среди несмолкаемаго рокота тихихъ разговоровъ. Контроль наблюдательнаго комитета считался неизмѣющимъ никакого значенія. Благоговѣйная тишина водворилась только тогда, когда всталъ наконецъ Гамеленъ. Аплодисменты раздались даже прежде, чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, какъ дань уваженія его ревностному труду, какъ выраженіе удивленія передъ смѣлымъ и настойчивымъ гениемъ этого человѣка, отправившагося въ далекую страну отыскать тамъ бочки золота, чтобы опорожнить ихъ въ Парижѣ. Съ первыхъ же словъ Гамелена начался всеобщій восторгъ, сплошная орація предсѣдателю. Новое напоминаніе о балансѣ прошедшаго года было встрѣчено радостными восклицаніями, тогда какъ въ устахъ Лавиньера оно прошло безъ всякаго вниманія. Но указанія на будущій балансъ возбудили особенное восхищеніе: милліоны отъ соединенныхъ каботажей, милліоны отъ серебряныхъ рудниковъ Кармеля, милліоны отъ турецкаго національнаго банка — всѣ эти милліоны тянулись безъ конца, такъ что итогъ въ 36 милліоновъ казался вполне понятнымъ, вполне естественнымъ и излился на акціонеровъ, какъ шумный блестящій каскадъ. Затѣмъ горизонтъ будущаго расширился еще новыми затѣями. На первомъ планѣ являлось Главное общество желѣзныхъ дорогъ на востокъ: сначала предполагалась для проведенія большая центральная линія, потомъ побочныя вѣтви, цѣлая сѣть, заброшенная современной промышленностью на Азію, торжественное возвращеніе человѣчества къ своей колыбели, воскresеніе цѣлой части свѣта. Кромѣ того, въ туманномъ далекѣ, между строкъ отчета, рисовалось нѣчто, о чемъ нельзя еще было говорить, тайна конечной цѣли всѣхъ предпріятій, которая впоследствии поразитъ всѣ народы. Общее единодушное одобреніе было отвѣтомъ, когда, въ заключеніе, Гамеленъ предложилъ собранію для голосованія такія положенія проекта: капиталъ банка увеличивается до 150 милліоновъ, производится новый выпускъ 100.000 акцій въ 850 франковъ каждая, прежнія акціи освобождаются отъ долговъ съ помощью премій по новымъ акціямъ и прибылей по будущему балансу, распредѣляемыхъ по изложенному уже выше плану. Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ эту гениальную идею. Изъ толпы поверхъ моря головъ высывались большія руки Можандра, хлопавшія во всю мочь.

На первых скамейках администраторы и служащие банка пришли въ б'шенство, подъ предводительствомъ Сабатани, который, вставъ со скамейки, кричалъ «браво, браво!» какъ въ театрѣ. Всѣ предложенія были утверждены съ энтузіазмомъ.

Саккаръ между тѣмъ устроилъ заранѣе подготовленный имъ инцидентъ. Ему было извѣстно, что нѣкоторые господа обвиняютъ его въ биржевой игрѣ, а потому онъ хотѣлъ уничтожить самыя малѣйшія подозрѣнія недовѣрчивыхъ акціонеровъ, еслибы таковыя нашлись въ залѣ.

Жантру, наставленный имъ, попросилъ слова и проговорилъ своимъ охриплымъ голосомъ:

— Г. предсѣдатель! Я думаю, что явлюсь выразителемъ желанія многихъ акціонеровъ, если спрошу васъ, дѣйствительно ли наше общество не оставляетъ за собою ни одной своей акціи?

Гамеленъ, не предупрежденный объ этомъ, сконфузился и нѣкоторое время ничего не могъ отвѣтить. Инстинктивно онъ обернулся къ Саккару, который до сихъ поръ скромно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ толпѣ. Тогда Саккаръ вдругъ всталъ со скамейки, выпрямился, приподнялся, чтобы казаться немного повыше, и отвѣтилъ своимъ крикливымъ голосомъ:

— Ни одной, г. предсѣдатель!

»Браво!..« неизвѣстно ради чего, загремѣли снова при этомъ отзывѣ. Если Саккаръ и лгалъ, то по наружности общество дѣйствительно не имѣло ни одной акціи на свое имя; зато вмѣсто этого имени фигурировали Сабатани и другіе. Теперь ужъ засѣданіе кончилось совсѣмъ; многіе еще аплодировали; разъѣздъ былъ очень веселый и очень шумный.

Въ послѣдующіе дни отчетъ объ этомъ засѣданіи, опубликованный въ газетахъ, произвелъ огромное вліяніе на Биржу и на весь Парижъ. Жантру приберегъ именно къ этому моменту послѣдній запасъ рекламъ, самый оглушительный трескъ хвалебныхъ гимновъ, который онъ поддерживалъ уже довольно долгое время посредствомъ послушнаго ему журнальнаго оркестра. Онъ сдѣлался предметомъ шутокъ; про Жантру рассказывали, что онъ татуировалъ кожу нѣкоторыхъ особъ легкаго поведенія словами: »Покупайте акціи Всеобщаго банка« и потомъ пускалъ эти живыя объявленія въ публику. Кромѣ того, онъ достигъ наконецъ

исполненія своего самаго горячаго желанія: купить »Cote financière«, старую солидную газету, имѣвшую за собою 12-лѣтнюю безукоризненную репутацію. Покупка обошлась дорого, но зато этимъ приобрѣталась серьезная клиентела: осторожные до трусости буржуа, обладающіе несомнѣнными богатствами, и всѣ солидные денежные люди. Въ 15 дней курсъ Всеобщаго банка на Биржѣ дошелъ до 1.500, а въ послѣднихъ числахъ августа послѣдовательными скачками достигъ 2.000. Увлеченіе публики еще возвысилось, и положеніе дѣлъ все болѣе затруднялось подъ эпидемическимъ развитіемъ ажіотажа. Покупали и покупали акціи моднаго банка даже самые благоразумные люди, въ полной увѣренности, что эти бумаги поднимутся еще, будутъ подниматься безконечно. Точно разверзались волшебныя пещеры Тысячи и одной ночи съ неисчислимыми сокровищами калифовъ, предоставленными теперь на расхищеніе Парижа. Всѣ мечты, о которыхъ перешептывались только въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, казалось, осуществились передъ взорами очарованной публики: колыбель челоуѣчества вновь возвращена ему, древніе прибрежные историческіе города возникли опять изъ песчаныхъ заносовъ. Дамаскъ, Багдадъ, затѣмъ Индія и Китай сдѣлались доступны изслѣдованіямъ французскихъ инженеровъ. То, чего не могъ совершить Наполеонъ силою оружія, — завоеваніе востока, — теперь достигнуто финансовымъ товариществомъ, выдвинувшимъ передовой отрядъ свой съ лопатами и тачками. Азія будетъ покорена силою миллионновъ, чтобы извлечь изъ нея миллиарды. Въ особенноти сіяли торжествомъ крестоносцы женскаго пола, вездѣ говоря о свой побѣдѣ: и за семейнымъ обѣдомъ въ пять часовъ, и на свѣтскихъ вечерахъ въ полночь, и за ужиномъ, и въ спальнѣ. Дамы увѣряли, что онѣ заранѣе все предвидѣли: Константинополь уже завоеванъ, скоро покорятся Брусса, Ангора и Алеппо, а затѣмъ Смирна, Трапезундъ, всѣ города, осажденныя Всеобщимъ банкомъ, — и наконецъ настанетъ день, когда сдастся и послѣдній, священный городъ, котораго нельзя было теперь называть, но который блисталъ вдалекѣ, какъ великая награда участникамъ отдаленной экспедиціи. Отцы, мужья, любовники, подъ давленіемъ страстнаго женскаго порыва, поневолѣ давали своимъ маклерамъ приказы на покупку, сопровождаемые одобрительными восклицаніями хорошенькихъ повелительницъ: такъ

хочетъ Богъ! Наконецъ двинулась въ походъ и толпа бѣдняковъ, цѣлая вереница попрошаекъ, слѣдующихъ за большими арміями; страсть къ наживѣ спустилась изъ салоновъ въ лакейскія, отъ лѣнливыхъ буржуа къ рабочимъ, къ крестьянамъ, бросившимся въ погоню за милліонами. Появились жалкіе подписчики на одну, три, четыре, десять акцій, разные швейцары, собирающіеся на покой, старыя дѣвы, влюбленные въ собакъ и кошекъ, отставные провинціальныя чиновники, тратящіе на свое пропитаніе по десяти су въ день, деревенскіе священники, собирающіе даянія, — вся эта проголодавшаяся и истощенная масса крошечныхъ рантъ, которыхъ биржевыя катастрофы убиваютъ сотнями, какъ эпидеміи, и потомъ валятъ ихъ кучами въ общую могилу.

Это увлеченіе акціями Всеобщаго банка, постоянное поднятіе ихъ курса, точно уносимаго къ небу мистическимъ дуновеніемъ, происходило подъ звуки музыки, все громче и громче раздававшейся изъ Тюльери и съ Марсова поля, во время непрерывныхъ празднествъ выставки, одурившихъ Парижъ. Флаги еще громче хлопали въ тяжеломъ воздухѣ душныхъ дней; не проходило вечера, чтобы городъ не блисталъ огнями иллюминаціи подъ звѣзднымъ небомъ, не говоря уже о колоссальномъ дворцѣ, гдѣ пиры длились всю ночь, до самой зари. Веселье заразительно переходило изъ дома въ домъ, улицы пропитывались запахомъ вина; въ нихъ стоялъ какъ бы паръ похмѣлья, чадъ угощенной и потъ объятій, цѣлая туча испареній, сгущавшаяся надъ крышами и предвѣщавшая ночь Содома, Вавилона и Ниневіи. Съ мая начали съѣзжаться императоры и короли, стекавшіеся со всѣхъ концовъ міра; ихъ блестящіе кортежи тянулись непрерывной цѣпью; насчитывали около сотни прибывшихъ государей и государынь, принцевъ и принцессъ. Парижъ наполнился величествами и высочествами; онъ привѣтствовалъ на своихъ улицахъ русскаго императора и австрійскаго императора, султана и вице-короля египетскаго; бросались чуть не подъ колеса экипажей, чтобы поближе разсмотрѣть прусскаго короля, котораго сопровождалъ, какъ вѣрный пестъ, г. Бисмаркъ. Торжественныя салюты то и дѣло гремѣли на Эспланадѣ Инвалидовъ, и въ то же время на выставкѣ толпа тѣснилась и восторгалась передъ огромными и мрачными крупновскими орудіями, привезенными изъ Германіи. Почти каждую недѣлю Опера зажигала всѣ

свои люстры для какого нибудь официального параднаго спектакля. Въ маленькихъ театрахъ и ресторанахъ задыхались отъ наплыва посѣтителей; тротуары бульваровъ сдѣлались узкими въ виду широкаго разгула. Самъ Наполеонъ III захотѣлъ раздавать награды шестидесяти тысячамъ экспонентовъ при пышной церемоніи, превзошедшей всѣ парады. Какъ яркая звѣзда, блиставшая на челѣ Парижа, появился императоръ, въ полномъ расцвѣтѣ своего могущества, ложный, феерическій поведитель Европы, и произнесъ рѣчь, дышавшую сознаниемъ силы и общавшую миръ. Въ тотъ же день въ Тюльери пришло извѣстіе объ ужасной мексиканской катастрофѣ, о казни Максимилиана: значить, французская кровь и французскія деньги пропали даромъ. Эту новость скрыли, чтобы не смутить праздничнаго настроенія. Раздался первый ударъ похороннаго колокола въ концѣ превосходнаго, яснаго лѣтнаго дня.

Казалось, что и звѣзда Саккара взошла выше и засіяла ярче среди этого общаго торжества. Наконецъ-то, послѣ усилій столькихъ лѣтъ, онъ обладалъ теперь богатствомъ, покорнымъ ему счастиемъ, собственнымъ, настоящимъ золотомъ, которое лежало тутъ, около него, подъ ключемъ, и это золото было дѣйствительное, а не призрачное. Уже сколько разъ обманъ поселялся въ его кассахъ, милліоны исчезали безслѣдно изъ сундуковъ, точно испаряясь въ невидимыя глазу щели. Нѣтъ, теперь ужъ это не была ложная декорація, а настоящее царство золота, прочный золотой тронъ, установленный на мѣшкахъ, полныхъ денегъ. И это царство не перешло къ Саккару по цѣлой нисходящей линіи банкировъ, по наслѣдству, какъ къ Гундерману, а, напротивъ, директоръ Всеобщаго банка могъ справедливо гордиться тѣмъ, что самъ завоевалъ себѣ величіе, какъ былой вождь воинственнаго племени захватываетъ мечемъ королевство. Часто, въ эпоху своихъ спекуляцій съ земельными участками въ Европейскомъ кварталѣ, Саккаръ заносился довольно высоко, но никогда прежде онъ не чувствовалъ, что Парижъ покоренъ имъ и лежитъ у его ногъ. Ему вспоминался тотъ день, когда онъ, завтракая у Шампо, терялъ уже вѣру въ свою счастливую звѣзду и, разорившись еще разъ, бросалъ на Биржу жадные взоры, въ страстномъ порывѣ начать все сызнова, завоевать себѣ положеніе и жестоко отомстить врагамъ. Зато теперь, сдѣлавшись снова сильнымъ, Саккаръ

чувствовали настоятельную потребность удовлетворить вполне свои страсти. Прежде всего, удостоверившись въ своемъ всемогуществѣ, онъ удалилъ отъ себя Гюре и поручилъ Жантру выступить противъ Ругона со статьею, въ которой министръ, отъ имени клерикаловъ, прямо обвинялся въ двусмысленной игрѣ по римскому вопросу. Это было объявленіемъ настоящей войны между братьями. Со времени конвенціи 15 сентября 1864 г., и особенно послѣ Садовой, клерикалы намѣренно выставляли на видъ сильное безпокойство насчетъ положенія папы, и съ этихъ же поръ »L'Espérance«, возвратившись къ своей прежней ультрамонтанской политикѣ, стремительно атаковала либеральничающую имперію, какою эта послѣдняя стала послѣ декретовъ 19 января. Въ палатѣ циркулировала фраза Саккара: онъ сказалъ, что, несмотря на свою глубокую преданность императору, онъ скорѣе перейдетъ на сторону Генриха V, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться, чтобы революціонное настроеніе довело Францію до катастрофы. Потомъ смѣлость Саккара все возрастала наряду съ его успѣхомъ; онъ уже не сталъ и скрывать даже своего плана нападенія на главный жидовскій банкъ, въ лицѣ Гундермана, чтобы пробить брешь въ его милліардѣ, затѣмъ пойти на штурмъ и овладѣть его твердынею. Разъ Всеобщій банкъ такъ чудодѣйственно возросъ, отчего же ему не сдѣлаться, съ помощью болѣе или менѣе продолжительной поддержки всего христіанства, единственнымъ владыкою Биржи? И Саккаръ началъ соперничать съ сосѣднимъ королемъ денегъ, какъ равнымъ себѣ властителемъ, полный хвастливой воинственности. А Гундерманъ между тѣмъ, съ обычной невозмутимой флегмой, не позволяя себѣ даже ироническихъ выходокъ, продолжалъ подстергать противника и выжидать, терпѣливо слѣдя за постояннымъ повышеніемъ акцій Всеобщаго банка, какъ человѣкъ, полагающій всю свою силу въ терпѣніи и логикѣ.

Вѣдь страсть, такъ внезапно возвысившая Саккара, должна была также внезапно и погубить его. Въ стремленіи удовлетворить свои апетиты, ему, казалось, не хватало уже обыкновенныхъ человѣческихъ пяти чувствъ. Каролина, привыкшая теперь улыбаться даже и въ тѣ моменты, когда ея сердце обливалось кровью, осталась въ дружескихъ отношеніяхъ къ Саккару, который выслушивалъ ея замѣчанія какъ бы съ супружескимъ уваженіемъ. Баронесса Сандорфъ,

обманувшая, такъ сказать, Саккара наружнымъ видомъ страстности, своими томными глазами и пунцовыми губками, начала надоѣдать ему; она была холодна, какъ ледъ, даже въ минуты увлеченій. Впрочемъ, Саккаръ вѣкогда не испытывалъ сильныхъ сердечныхъ привязанностей, вращаясь среди денежнаго міра и принадлежа къ числу людей занятыхъ, всѣ мысли которыхъ направлены къ наживѣ, а любовь для нихъ является въ видѣ необходимой содержанки, получающей извѣстное жалованье. Когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ милліонами и подумалъ о любви, онъ сейчасъ же рѣшилъ завести самую дорого стоящую содержанку, чтобы похвастаться ею передъ всѣмъ Парижемъ, совершенно такъ, какъ еслибы ему пришло въ голову купить себѣ булавку съ очень крупнымъ брилліантомъ, чтобы заколотъ ею галстухъ и выставить ее на показъ. Къ тому же, развѣ это не самый удобный случай заставить говорить о себѣ? Человѣкъ, способный бросать золото горстями на женщинъ, вѣроятно, имѣетъ вполне обезпеченное положеніе. Выборъ Саккара вскорѣ остановился на м-ше де-Жёмонъ, у которой онъ обѣдалъ два или три раза вмѣстѣ съ Максимомъ. Она была еще очень красива въ 36 лѣтъ; ея красота была правильная и строгая; она напоминала Юнону; громкая репутація ея происходила оттого, что императоръ заплатилъ ей за благосклонность 100.000 франковъ, не считая ордена ея мужу, человѣку очень приличному, не имѣвшему другаго положенія въ свѣтѣ, кромѣ почетнаго званія мужа своей жены. Оба они жили широко, вездѣ были приняты: у министровъ, при дворѣ, а доходы ихъ заключались хотя въ рѣдкихъ, но обильныхъ подаркахъ, для полученія которыхъ достаточно было время отъ времени пускать въ ходъ кокетство м-ше Жёмонъ. Всѣ знали, что благосклонность этой дамы стоитъ страшно дорого, но именно поэтому всѣ и добивались ея. Саккаръ, корога въ особенности поджигало добиться того, чтобы стать наравнѣ съ императоромъ французовъ, предложилъ м-ше Жёмонъ 200.000 франковъ.

Около этого же времени м-ше Коненъ наотрѣзъ отказала Саккару вступить съ нимъ въ интимныя отношенія. Онъ часто началъ заходить въ магазинъ канцелярскихъ принадлежностей въ улицѣ Фейдо подъ предлогомъ покупки записныхъ книжекъ и очень увлекся хозяйкой, хорошень-

кой блондинкой, свѣжей и пухленькой, съ свѣтлыми шелковистыми волосами, завитыми барашкомъ, граціозной, лукавой и всегда веселой.

— Нѣтъ, я не хочу, отгѣкивалась она: — и никогда не буду вашей.

А когда она говорила: »нѣтъ«, то ужъ это было навсегда, и ничто въ мірѣ не могло заставить ее перемѣнить свое рѣшеніе.

— Но отчего же? приставалъ Саккаръ. — Я вѣдь видѣлъ, какъ вы гуляли съ однимъ господиномъ... Еще вы выходили изъ того дома, гдѣ пассажъ Панорамъ.

М-ше Коненъ покраснѣла, но продолжала смѣло смотрѣть ему прямо въ лицо. Въ томъ домѣ, про который говорилъ Саккаръ, былъ отель, содержимый одной старой барыней, пріятельницей м-ше Коненъ, и онъ дѣйствительно служилъ мѣстомъ для свиданій, назначаемыхъ, по прихоти молодой женщины; одному господину изъ биржеваго міра въ тѣ часы, когда простякъ-мужъ ея клеилъ тетради, а она будто бы ходила по городу по дѣламъ магазина.

— Ну, признайтесь, продолжалъ Саккаръ: — вѣдь Гюставъ Седиль, тотъ молодой человекъ, съ которымъ я васъ видѣлъ — онъ вашъ любовникъ?

М-ше Коненъ граціознымъ жестомъ протестовала противъ такихъ обвиненій. Нѣтъ, нѣтъ, у ней не водится никакихъ любовниковъ. Ни одинъ мужчина не можетъ похвастаться, что добился ея благосклонности. За кого ее тогда можно было бы считать? Такъ, шутить, кокетничать, да, — но это вовсе не серьезно и не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Всѣ ея ухаживатели остаются ея добрыми знакомыми и ведутъ себя очень прилично и скромно.

— Это вы мнѣ такъ говорите потому, что я уже немолодъ, возразилъ Саккаръ.

Но м-ше Коненъ снова отрицательнымъ движеніемъ, весело смѣясь, казалось, хотѣла дать понять Саккару, что молодость въ ея глазахъ не имѣетъ никакого значенія. Напротивъ, ей нравятся и пожилые люди, и неособенно красивые, и даже бѣдняки.

— Но почему же, въ такомъ случаѣ, вы меня отталкиваете? добивался Саккаръ: — скажите, почему?

— Ахъ Боже мой! это такъ просто... Да потому, что вы мнѣ не нравитесь. Нѣтъ, вашей я никогда не буду.

И она продолжала любезничать съ банкиромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто сожалѣя, что не можетъ доставить ему удовольствія.

— Ну, слушайте, грубо приступилъ къ ней Саккаръ: — и готовъ вамъ сдѣлать какой угодно подарокъ... хотите тысячу франковъ, двѣ тысячи?... только не отвергайте меня.

М-ше Коненъ кокетливо покачала головой.

— Ну, хотите... слушайте, хотите десять тысячъ?..

Она нѣжно остановила его, взявъ своей маленькой ручкой его руку:

— Не десять и не пятьдесятъ, и не сто тысячъ! Вы можете давать какую угодно сумму, а я всетаки отвѣчу вамъ: нѣтъ, всегда: нѣтъ! Вы видите: на мнѣ никогда не бываетъ никакихъ драгоценныхъ вещей. О, мнѣ предлагали и вещи, и деньги, и все, что я захочу! Но мнѣ ничего не надо; я вполне довольна тѣмъ, что у меня есть. Поймите же наконецъ, что мужъ меня любить всей душой, и я его очень, очень люблю. Мой мужъ вполне благородный человекъ. Зачѣмъ же мнѣ убивать его, нанося ему какую нибудь непріятность? Что мнѣ прикажете дѣлать съ вашими деньгами? вѣдь не могу же я приподнести ихъ мужу? Живемъ мы хорошо, и, когда бросимъ наконецъ свою торговлю, у насъ будетъ весьма приличное состояніе. Вотъ если эти господа, мои ухаживатели, изъ любезности забираютъ у насъ товаръ — это мнѣ нравится, и я очень имъ благодарна... О, я вовсе не хочу представляться какой-то безсребреницей, я вамъ говорю только правду. Еслибы я была одна — ну, тогда дѣло другое. А то вы, пожалуйста, не воображайте, чтобы мужъ мой взялъ отъ васъ ваши тамъ сто тысячъ франковъ за мой позоръ... Нѣтъ, онъ не возьметъ и милліона!

Она такъ и не уступила, а Саккаръ, изумленный ея неожиданнымъ для него сопротивленіемъ, около мѣсяца еще употребилъ на осаду жестокаго сердца хорошенькой блондинки. Она сбивала его съ толку своей веселой фигуркой, большими нѣжными глазами, полными чувства. Какъ! неужели деньгами не все можно приобрести? Вотъ женщина, которая, если захочетъ, то полюбитъ даромъ, но его, Саккара, не хочетъ полюбить ни за какіе самые дорогіе подарки! Разъ сказала: нѣтъ — и конецъ. Онъ жестоко страдалъ среди самаго блестящаго успѣха своихъ финансовыхъ

дѣль; въ отказѣ м-ше Коненъ скрывалось какъ бы отрицаніе его могущества; онъ заставлялъ сомнѣваться въ непобѣдимой силѣ денегъ, которую онъ считалъ до сихъ поръ единственной неоспоримой властью на свѣтѣ.

Зато, однажды вечеромъ, Саккаръ получилъ самое вѣское удовлетвореніе своему тщеславію. Это былъ кульминаціонный пунктъ всей его жизни. Министерство иностранныхъ дѣлъ давало балъ, и Саккаръ выбралъ этотъ праздникъ изъ числа другихъ, устроенныхъ по случаю выставки, чтобы публично похвастаться своей удачей пріобрѣсти такую любовницу, какъ м-ше де-Жёмонъ, потому что въ условіяхъ, заключаемыхъ этой особой со своими покупателями, всегда находилась статья, по которой счастливецъ, снискавшій благосклонность м-ше де-Жёмонъ, имѣлъ право одинъ разъ публично показаться съ нею, чтобы, такъ сказать, афишировать свои къ ней отношенія. Такимъ образомъ на министерскомъ балу, часовъ около двѣнадцати, въ блестящихъ салонахъ, гдѣ открытыя плечи дамъ перемѣшивались съ черными фраками, подъ яркимъ сіяніемъ люстръ, Саккаръ появился подъ руку съ м-ше де-Жёмонъ. Когда они вошли, группы гостей тѣснились по бокамъ, давая широкій проходъ двухсоттысячной прихоти, выставяемой на показъ, этому открытому скандалу, выдуманному страстью къ рекламѣ и безумной расточительности. Всѣ улыбались, перешептывались, но весело, безъ всякаго негодованія, посреди опьяняющаго запаха корсажей и полузаглушенныхъ, вкрадчивыхъ звуковъ оркестра. Впрочемъ, посреди одного изъ салоновъ, любопытство совсѣмъ другаго рода собирало гостей вокругъ колоссальнаго роста мужчины, одѣтаго въ блестящій и величественный бѣлый кирасирскій мундиръ. Это былъ графъ Бисмаркъ, котораго громадный ростъ дѣлалъ выше всѣхъ посѣтителей на цѣлую голову; онъ своимъ безцеремоннымъ смѣхомъ, выпученными глазами, толстымъ носомъ, могучими челюстями и торчащими густыми усами напоминалъ собою одного изъ древне-германскихъ варварскихъ вождей. Послѣ Садовой онъ отдалъ Германію въ руки Пруссіи; всѣ договоры относительно наступательнаго и оборонительнаго союза съ германскими государствами противъ Франціи были уже за нѣсколько мѣсяцевъ раньше заключены, хотя этому никто еще не хотѣлъ вѣрить; война, чуть было не вспыхнувшая въ маѣ

изъ-за люксембургскаго вопроса, стала отнынѣ неизбѣжною. Когда торжествующій Саккаръ прошѣлъ по гостинной подъ руку съ м-ше де-Жёмонъ, графъ Бисмаркъ пересталъ на мгновеніе смѣяться добродушнымъ хохотомъ сказочнаго великана и съ любопытствомъ уставился на эту оригинальную процессію.

IX

Каролина снова находилась въ одиночествѣ. Гамеленъ пребылъ въ Парижѣ до первыхъ чиселъ ноября, ради исполненія необходимыхъ формальностей для окончательнаго учрежденія общества съ капиталомъ въ 150 милліоновъ; по желанію Саккара, онъ ходилъ съ нимъ къ нотаріусу Лелоррену, въ улицу Сентъ-Аннъ, и тамъ формально подтвердилъ, что всѣ новыя акціи Всеобщаго банка разошлись по подпискѣ, и капиталъ по нимъ внесенъ сполна, что было несомнѣнно согласно съ истиною. Потомъ Гамеленъ отправился въ Римъ, гдѣ долженъ былъ провести два мѣсяца, съ цѣлью изученія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, о которыхъ онъ никому не говорилъ; безъ сомнѣнія, дѣло шло о его любимой мечтѣ посадить папу въ Іерусалимъ, а также и о другомъ проектѣ, болѣе практическомъ и болѣе важномъ, а именно о преобразованіи Всеобщаго банка въ банкъ католическій, который взялся бы поддерживать интересы христіанъ всего міра и представлялъ бы собою громадное орудіе, предназначенное сокрушить и смести съ земнаго шара жидовскій банкъ. Изъ Рима Гамеленъ рассчитывалъ еще разъ вернуться на востокъ, куда призывали его занятія по проведенію желѣзной дороги отъ Бруссы до Бейрута. Онъ уѣзжалъ вполне счастливый быстрыми успѣхами Всеобщаго банка, вполне увѣренный въ его непоколебимой прочности, не испытывая ни малѣйшаго безпокойства по поводу его слишкомъ скороспѣлаго процвѣтанія. Только наканунѣ своего отъѣзда, въ разговорѣ съ сестрою, Гамеленъ настойчиво совѣтовалъ ей противодѣйствовать, по мѣрѣ возможности, общему увлеченію и продать свои акціи, если онѣ превысятъ курсъ 2.200 франковъ, потому что онъ рѣшилъ лично протестовать противъ непрекращающагося повышенія, которое считалъ безумнымъ и опаснымъ.

Оставшись одна, Каролина почувствовала себя еще бо-

лѣе смущенной, находясь постоянно среди царящаго вокруг нея разгара страстей. Въ первую недѣлю ноября курсъ акцій Всеобщаго банка достигъ 2.200. По поводу этого событія вокруг Каролины всѣ начали восторгаться, громко благодарить виновниковъ такого счастливаго оборота дѣлъ и высказывать вообще безграничныя надежды. Дежуа изливался признательностью, графини Бовилье спустились до пріятельскихъ отношеній къ подругѣ челоуѣка, который одинъ могъ воскресить прежнее величіе изъ древняго рода. Цѣлый хоръ благословеній исходилъ изъ осчастливленной толпы большихъ и малыхъ людей: дѣвушекъ, получившихъ наконецъ приданое, обогатившихся внезапно бѣдняковъ, обезпеченныхъ на старость, богачей, сожигаемыхъ ненасытнымъ желаніемъ сдѣлаться еще богаче. Послѣ выставки въ Парижѣ, упоенномъ наслажденіями и сознаніемъ своего могущества, наступило время небывалой еще увѣренности въ счастье, въ безконечный успѣхъ. Всѣ цѣнности на Биржѣ пошли въ гору, даже наименѣе солидныя бумаги находили себѣ довѣрчивыхъ покупателей; наплывъ мошенническихъ предпріятій раздулъ рынокъ до возможности внезапной апоплексіи, тогда какъ суть всѣхъ по наружности блестящихъ аферъ звучала пустотой, во всемъ сказывалось изнуреніе второй имперіи, которая еще ликовала, тратила миллиарды на громадныя сооруженія, обогащала крупныя банкирскіе дома; точно раскрытыя рты, кассы этихъ банковъ зіяли со всѣхъ сторонъ. При первой трещинѣ въ этой причудливой постройкѣ должно было произойти крушеніе. И Каролина, очевидно, имѣла сильное предчувствіе бѣды, когда сердце ея всякій разъ сжималось при извѣстіи о новомъ скачкѣ вверхъ курса акцій Всеобщаго банка. Еще не распространилось въ публикѣ никакихъ бурныхъ слуховъ, только пониженіи, удивленные и подавленные, слегка трепетали за свою участь, — а Каролина уже сознавала, что дѣла идутъ скверно, что будто кто-то подкапывается втихомолку подъ фундаментъ прочнаго на видъ зданія, — но что это такое было? неизвѣстно. И она принуждена была ожидать событій, види, что банкъ по прежнему торжествуетъ, несмотря на чуть слышныя содроганія почвы, предшествующія обыкновенно землетрясеніямъ.

Впрочемъ, Каролина имѣла, кромѣ того, другое еще горе. Въ Домѣ трудолюбія были наконецъ довольны Викторомъ,

сдѣлавшимся тихимъ и скрытнымъ. Если она до сихъ поръ еще ничего не говорила о мальчикѣ Саккару, то только вслѣдствіе особаго чувства щекотливости; она откладывала со дня на день необходимое объясненіе, не рѣшаясь прямо напомнить отцу о позорномъ происхожденіи его сына. Съ другой стороны, Максимъ, которому она около этого времени отдала изъ своего кармана 2.000 франковъ, потѣшался по поводу 4.000, ожидаемыхъ еще Бушемъ и Мешенъ. Максимъ говорилъ Каролинѣ, что эти люди обкрадываютъ ее, что, когда обо всемъ узнаетъ Саккаръ, онъ непременно ввѣсится. Каролина и сама теперь отстраняла настойчивыя требованія Буша, желавшаго непременно полной уплаты обѣщанной суммы. Послѣ своихъ многократныхъ попытокъ, Бушъ наконецъ разсердился, тѣмъ болѣе, что онъ опять возвратился къ прежней мысли своей выманить у Саккара деньги, съ тѣхъ поръ какъ новое положеніе этого послѣдняго, довольно высокое, благодаря успѣху банка, позволяло надѣяться испугать его скандаломъ. Однажды, отчаявшись уже вытянуть что нибудь отъ Каролины, Бушъ рѣшилъ обратиться прямо къ Саккару и написалъ письмо съ приглашеніемъ посѣтить его контору, чтобы ознакомиться со старинными документами, найденными въ одномъ домѣ улицы Лагарпа. Бушъ указывалъ и нумеръ этого дома, и дѣлалъ такіе прозрачные намеки на забытую исторію, что Саккаръ непременно долженъ былъ обезпokoиться и пріѣхать. Случилось такъ, что это письмо, доставленное въ улицу Сень-Лазаръ, попало въ руки Каролины, которая узнала почеркъ. Она содрогнулась и нѣкоторое время даже готова была тотчасъ же бѣжать къ Бушу, чтобы выплатить ему всѣ остальные деньги. Потомъ она подумала, что, можетъ быть, онъ пишетъ къ Саккару совсѣмъ по другому дѣлу, и что, во всякомъ случаѣ, если здѣсь идетъ рѣчь и о Викторѣ, то это самый лучший способъ покончить разомъ такъ долго тянувшуюся исторію; она была даже очень довольна, что другой брался избавить ее отъ щекотливаго объясненія. Но вечеромъ, когда Саккаръ вернулся и при ней распечаталъ письмо, Каролина сейчасъ же замѣтила, что на него неприятно подѣйствовало содержаніе письма, и подумала, что это какія нибудь денежные дѣла. Саккаръ между тѣмъ былъ глубоко пораженъ; ему даже захватило дыханіе при мысли, что онъ попалъ въ та-

кія грязныя руки, догадываясь о какомъ нибудь мошенничествѣ. Съ наружнымъ спокойствіемъ онъ положилъ письмо въ карманъ и рѣшилъ, что отправится на предлагаемое свиданіе.

Дни проходили, наступила и вторая половина ноября, а Саккаръ каждое утро откладывалъ свой визитъ къ Бушу, увлекаемый уносившимъ его потокомъ банковскихъ дѣлъ. Курсъ его акцій превысилъ уже 2.300 франковъ; онъ былъ въ восхищеніи, хотя и чувствовалъ, что, по мѣрѣ того какъ повышеміе это все болѣе дѣлается неблагоразумнымъ, на Биржѣ пробуютъ все яснѣе и яснѣе оказывать противодействию: очевидно, тамъ есть группа понижателей, занявшая крѣпкую позицію и готовившаяся къ борьбѣ; покуда она выступала еще очень боязливо и завязывала только аванпостныя стычки. Два раза Саккару пришлось уже давать самому приказъ на покупку своихъ же акцій на имя подставныхъ лицъ, чтобы повышательный ходъ курса не остановился. Начиналась пагубная система покупки обществомъ своихъ собственныхъ акцій, игры на нихъ, приводящая всегда къ паденію.

Однажды вечеромъ, взволнованный горячей биржевой борьбой, Саккаръ не могъ удержаться, чтобы не заговорить о дѣлахъ банка съ Каролиною.

— Я полагаю, что мы задали имъ теперь хорошаго жару, началъ онъ. — О, мы сильны; насъ теперь опасаются затрогивать.... Я узнаю во всѣхъ этихъ подходахъ Гундермана, это его тактика. Оно будетъ устраивать правильныя продажи нашихъ акцій: сегодня столько-то, завтра еще столько-то, увеличивая цифру до тѣхъ поръ, покуда ему не удастся поколебать наше положеніе.

Каролина прервала его серьезнымъ тономъ:

— Если у него есть акціи Всеобщаго банка, онъ очень умно дѣлаетъ, что продаетъ.

— Какъ! крикнулъ Саккаръ: — умно продавать?!

— Разумѣется, спокойно возразила Каролина. — Мой братъ говорилъ вамъ: курсъ нашихъ акцій свыше 2.000 представляется рѣшительно безумнымъ.

Саккаръ посмотрѣлъ на нее и затѣмъ вдругъ разразился, вѣв себя отъ злости:

— Такъ продавайте, въ такомъ случаѣ, продавайте! Попробуйте-ка только это сдѣлать... Что-жъ! играйте на Биржѣ противъ меня! Вамъ вѣдь хочется моего крушенія?

Каролина слегка покраснѣла, потому что наканунѣ она дѣйствительно продала 1000 своихъ акцій, согласно желанію брата. Ей даже стало легче на душѣ отъ этой продажи, точно она совершила смѣлый и честный поступокъ. Но такъ какъ Саккаръ не спрашивалъ ее прямо объ этомъ, то она и не призналась ему въ своемъ прегрѣшеніи. Но она еще болѣе сконфузилась, когда Саккаръ прибавилъ:

— Вотъ вчера, напримѣръ, мнѣ тоже вредилъ кто-то на Биржѣ, я убѣжденъ въ этомъ. Прислали цѣлый тюкъ нашихъ акцій на продажу... Едва было курсъ не пошатнулся, еслибъ я не поддержалъ... Только это не Гундерманъ построилъ мнѣ штучку: у него методъ медленный и болѣе сокрушительный... Ахъ, ша сѣге, я увѣренъ въ себѣ, но все-таки постоянно безпокоюсь, потому что не такъ трудно защитить свою жизнь, какъ свои и чужія деньги.

Дѣйствительно, начиная съ этого момента, Саккаръ пересталъ принадлежать самому себѣ. Онъ всецѣло сталъ слугою своихъ милліоновъ, приобретаая которые, радовался, но и постоянно трепеталъ за возможность потерпѣть пораженіе. Онъ не находилъ даже времени посѣщать баронессу Сандорфъ въ маленькой квартиркѣ улицы Комартенъ. По правдѣ сказать, она опротивѣла ему ложью своихъ будто бы пламенныхъ взоровъ. Кромѣ того, съ Саккаромъ случилась такая же неприятность, какой онъ подвергъ нѣкогда Делькабра: однажды вечеромъ, по недосмотру горничной, онъ самъ вошелъ въ спальню какъ разъ въ то время, когда баронесса находилась въ объятіяхъ Сабатани. Послѣ бурнаго объясненія, происшедшаго вслѣдъ за этимъ, Саккаръ успокоился, только выслушавъ вполнѣ искреннее признаніе баронессы: объ этомъ Сабатани всѣ женщины рассказывали чудеса, о его страстности и красотѣ столько вездѣ болтали, что нельзя было не соблазниться желаніемъ познакомиться съ нимъ поближе. И Саккаръ простилъ баронессѣ, когда, на грубые вопросы его, баронесса отвѣчала, что, право, въ поступкѣ ея не было ничего удивительнаго. Съ этихъ поръ они видались не болѣе одного раза въ недѣлю, не потому чтобы между ними продолжалась ссора, а просто она надѣла ему.

Тогда баронесса, видя, что Саккаръ начинаетъ отставать отъ нея, снова впала въ свои прежнія сомнѣнія и тревоги. Съ тѣхъ поръ какъ она вывѣдывала отъ банкира, въ часы

свиданій, нужныя ей свѣдѣнія, она играла на Биржѣ почти навѣрняка; она всегда выигрывала, наполовину, разумѣется, благодаря случайности. Теперь, убѣдясь, что Саккаръ не хочетъ уже давать ей наставленій, она испугалась, что, пожалуй, онъ нарочно еще обманетъ ее ложнымъ сообщеніемъ; и дѣйствительно, счастье ли ея перемѣнилось, или на самомъ дѣлѣ Саккаръ хотѣлъ ей подставить ножку, но она въ одинъ прекрасный день проиграла, слѣдуя его совѣтамъ. Вѣра баронессы въ Саккара пошатнулась. Если онъ предастъ ее, кто же теперь будетъ руководить ея дѣлами? Ко всему этому, и на Биржѣ враждебное настроеніе противъ Всеобщаго банка, сначала чуть замѣтное, начало день ото дня возрастать. Покуда это были только дурные слухи, не сложившіеся еще въ какое либо опредѣленное обвиненіе, ни одинъ ясный фактъ не подрывалъ еще солидности банкирскаго дома. Однако слышались намеки, что въ банкѣ есть что-то неладное, что операціи его несовсѣмъ-то безукоризненны. Впрочемъ, всѣ эти толки нисколько не мѣшали постоянному и неизмѣнному повышенію курса саккаровскихъ акцій.

Вслѣдствіе неудачныхъ операцій съ итальянскими бумагами, баронесса серьезно встревожилась и рѣшилась обратиться въ редакцію »L'Espérance«, чтобы вывѣдать что нибудь въ разговорѣ съ Жантру.

— Послушайте, что же это такое? Вы должны знать... вы все знаете... накинута она на журналиста. — Акціи Всеобщаго банка сейчасъ опять повысились на 20 франковъ, а между тѣмъ ходятъ дурные слухи о немъ. Никто не можетъ мнѣ объяснить, что тамъ такое дѣлается, только всѣ говорятъ, что что-то нехорошее.

Но Жантру самъ находился въ такомъ же затруднительномъ положеніи. Онъ стоялъ близко къ источнику всякихъ слуховъ, самъ изобрѣтая ихъ иногда, по мѣрѣ надобности, и всетаки, шутя, сравнивалъ себя съ часовщикомъ, живущимъ посреди сотенъ часовъ и незнающимъ никогда настоящаго времени. Если онъ, благодаря своему агентству объявленій, и посвященъ былъ во всѣ тайны, зато не могъ составить себѣ твердаго и опредѣленнаго мнѣнія, потому что свѣдѣнія его противорѣчили одно другому и взаимно опровергали себя.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Жантру: — рѣшительно ничего не знаю.

— О, вы не хотите мнѣ сказать, приставала баронесса.

— Да честное слово, ничего не знаю, увѣрялъ редакторъ. — Я самъ собирался повидать васъ и разузнать у васъ чтонибудь. Саккаръ, значить, теперь неочень любезенъ къ вамъ?

Баронесса молча, наклоненіемъ головы подтвердила догадки Жантру: конецъ связи съ Саккаромъ дѣйствительно произошелъ какъ-то самъ собою; ей эти отношенія надоѣли, а любовникъ охладѣлъ и даже не находилъ, о чемъ съ ней разговаривать. Жантру на одно мгновение пожалѣлъ, что не разыгралъ передъ баронессой роли знающаго все человѣка, чтобы снискать наконецъ благосклонность этой гордой Ладрикуръ, отецъ которой выталкивалъ его ногой за дверь. Но онъ чувствовалъ, что не пришло еще время восторжествовать ему надъ нею. Онъ продолжалъ смотрѣть прямо въ глаза баронессѣ, задумчиво процѣживая фразу за фразой:

— Да, это досадно... я на васъ рассчитывалъ... Потому что вѣдь, если предполагать возможность какойнибудь катастрофы, то слѣдовало бы заранѣе принять кое-какія мѣры, чтобы имѣть время вывернуться... О, конечно, въ ближайшемъ будущемъ нечего опасаться... дѣло стоитъ еще довольно солидно... Но бываютъ случайности... иногда весьма глупыя случайности...

По мѣрѣ того какъ Жантру все пристальнѣе вглядывался въ баронессу, въ головѣ его созрѣвалъ нѣкій планъ:

— Знаете чтó? живо проговорилъ вдругъ редакторъ: — такъ какъ Саккаръ бросилъ васъ, вамъ теперь нужно сойтись съ Гундерманомъ.

Баронесса страшно удивилась.

— Съ Гундерманомъ? переспросила она. — Это почему? Я его мало знаю; такъ, встрѣчала только нѣсколько разъ у Руавилей, у Келлеровъ.

— Тѣмъ лучше, если вы его знаете... Поѣзжайте къ нему подъ какимънибудь предлогомъ, переговорите съ нимъ и постарайтесь войти съ нимъ въ дружескія отношенія... Вы представьте только себѣ: вѣдь подружиться съ Гундерманомъ — значить управлять вмѣстѣ съ нимъ цѣлымъ міромъ!

Продолженіе будетъ

ДРУГЪ

. Повѣсть

VI

На другой день утромъ, когда Леденевъ, собравшійся въ контору, вышелъ изъ своего номера, онъ вдругъ увидѣлъ, что Шипилова, одѣтая по вчерашнему и только что заперевшая дверь своей комнаты, подходитъ къ нему.

— Извините, пожалуйста, что я на минуту задержу васъ, сказала она. — Вы не очень торопитесь?

— Нисколько, мнѣ некуда спѣшить, отвѣчалъ Леденевъ не своимъ отъ волненія голосомъ и хотѣлъ опять отпереть дверь своего номера.

— Нѣтъ, нѣтъ, закройте дверь и пойдѣте вмѣстѣ. Мнѣ тоже пора идти, сказала Шипилова.

Леденевъ послушно заперъ дверь.

— Я слышала, что вы служите на желѣзной дорогѣ, да?

— На желѣзной дорогѣ, повторилъ онъ.

— Мнѣ говорили, что у васъ служатъ и женщины. Правда это или нѣтъ?

— Кажется, служить... навѣрное не могу сказать теперь... Но я могу сегодня же справиться.

— Пожалуйста... будьте такимъ добрымъ сосѣдомъ, справьтесь и потомъ сообщите мнѣ. Вечеромъ, часовъ отъ шести, я почти всегда дома, а сегодня навѣрное буду дома. Можетъ быть, вы даже сегодня найдете время зайти ко мнѣ?

Они медленно шли рядомъ по коридору. Повернувъ къ Леденеву свою красивую голову, Шипилова все время не сводила съ его лица своихъ темныхъ бархатныхъ глазъ и, какъ по рукописи, написанной незнакомымъ, но всетаки разборчивымъ почеркомъ, читала все, что чувствовалось въ эти минуты въ волнующемся сердцѣ ея спутника.

— Я постараюсь сегодня же разузнать, по возможности подробнѣе, сказалъ онъ.

— Пожалуйста, пожалуйста... какую работу онѣ должны дѣлать, сколько времени приходится заниматься... въ какіе часы... на какихъ условіяхъ... А теперь вы, вѣроятно, зайдете за вашимъ товарищемъ? Такъ до свиданья, до вечера...

Она пожала его руку, еще разъ взглянула ему въ глаза и пошла по лѣстницѣ внизъ.

Вечеромъ Леденевъ пошелъ къ ней отдать отчетъ въ томъ, что успѣлъ узнать. Номеръ Шипиловой оказался почти точной копіей съ его номера: за входной одиночной дверью была устроена крошечная темненькая прихожая; за нею шла довольно большая, но въ одно окно, пріемная комната, а изъ нея была дверь въ спальную; въ пріемной комнатѣ, какъ и у Леденева, стояло нѣсколько мягкихъ стульевъ, диванъ, два кресла, переддиванный столъ, письменный столикъ, двѣ этажерки по угламъ; разница заключалась только въ томъ, что у Шипиловой стояло около одной стѣны піанино, да, вмѣсто книгъ, повсюду разбросанныхъ въ номерѣ Леденева, виднѣлось только небольшое количество нотныхъ тетрадей и два или три альбома съ фотографическими карточками.

— Я поджидала васъ и нарочно не велѣла подавать самоваръ: будемъ пить чай вмѣстѣ, сказала Шипилова, теперь, въ домашнемъ костюмѣ, показавшаяся Леденеву еще красивѣе и изящнѣе, чѣмъ казалась ему въ пальто и въ шляпѣ съ широкими полями. — Садитесь и расскажите, что вы тамъ узнали о нашемъ братѣ?

— Женщинъ на нашей дорогѣ очень мало, началъ Ле-

деневъ свой отчетъ, усѣвшись въ кресло. — Одна госпожа служить на здѣшной станціи при кассѣ первыхъ двухъ классовъ и получаетъ около 100 рублей въ мѣсяцъ. Но это допущено только въ видѣ исключенія. Она находится на совершенно особенныхъ правахъ: ея мужъ служилъ все время при постройкѣ этой дороги и былъ убитъ на ней.

— Какъ убитъ?! съ недоумѣніемъ проговорила Шипилова.

Она сѣдѣла по другую сторону стола и, положивъ локти на скатерть, смотрѣла прямо въ глаза Леденеву своими чарующими глазами, какъ будто спѣшила еще больше укрѣпить ту власть, которую, по ея наблюденіямъ, уже успѣла получить надъ нимъ.

— Не людьми, нѣтъ, я не такъ выразился, сказалъ Леденевъ. — Весной здѣсь было наводненіе и мѣстами размыло полотно дороги. Нужно было отправить на постройки большой поѣздъ съ рабочими, а между тѣмъ не знали, можетъ ли онъ пройти. Тогда мужъ этой госпожи поѣхалъ на локомотивѣ съ однимъ только машинистомъ осмотрѣть дорогу. Верстахъ въ десяти отъ рабочихъ казармъ локомотивъ свалился съ подмытой насыпи, и оба были убиты: и инженеръ, и машинистъ...

— Слишкомъ, слишкомъ дорогая цѣна, чтобы получить сторублевое мѣсто, сказала Шипилова, качнувъ головой. — А, впрочемъ, кто же знаетъ... можетъ быть, и не такъ дорогая, какъ кажется намъ со стороны, загадочно прибавила она.

Леденевъ не понималъ, что она хотѣла сказать этимъ.

— Нѣсколько женщинъ служатъ также на телеграфѣ, продолжалъ онъ, помолчавъ. — Это единственная служба, на которую женщины принимаются у насъ охотно. Получаютъ онѣ 12, 15 и, самое большее, 20 рублей въ мѣсяцъ.

— 12, 15!... Какже можно жить на 12, 15 рублей?!..

Леденевъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Отчего же... живутъ... жить можно и на 2 рубля.

— Какже можно жить на 2 рубля?!.. что такое вы хотите сказать?..

— Я жилъ... живуть и другіе... За 50 копѣекъ у меня была крошечная каморка, въ родѣ чулана, въ которой однако же можно было поставить кровать, стулъ и небольшой столъ. На день мнѣ достаточно было двухъ фунтовъ чернаго хлѣба, а черствый или, вѣрнѣе, вчерашній черный хлѣбъ можно покупать по копѣикѣ за фунтъ; слѣдовательно. »на столъ« у меня выходило 60 копѣекъ въ мѣсяцъ. 60 и 50 — будетъ рубль 10... Такимъ образомъ, у меня оставалось еще 90 копѣекъ на керосинъ, мыло, стирку бѣлья, соль... Я имѣлъ возможность даже пить чай, хотя, разумѣется, далеко не такой сладкій, съ улыбкой сказалъ Леденевъ, размѣшивая ложечкой чай въ своемъ стаканѣ.

— И вы не чувствовали голода? были здоровы? не приходили въ отчаяніе?!.. съ величайшимъ изумленіемъ спрашивала Шипилова.

— Но отчего же мнѣ было приходиться въ отчаяніе? Я былъ здоровъ, спокоенъ, даже счастливъ по своему. Помню, въ томъ семействѣ, въ которомъ я давалъ этотъ единственный у меня въ то время двухрублевый урокъ, оказался еще нечитанный мной романъ Диккенса »Холодный домъ«. Вы помните этотъ романъ?

— Кажется, да, несомнѣнно рѣшительно отвѣчала Шипилова, когда-то что-то слышавшая о Диккенсѣ и его романахъ, но врядъ ли прочитавшая хоть одинъ изъ нихъ.

— Если память мнѣ не измѣняетъ, въ этомъ романѣ больше тысячи страницъ. Точно сейчасъ помню, какъ я шелъ съ нимъ подъ мышкой по улицѣ и безпрестанно улыбался, заранѣе предвкушая то блаженство, которымъ буду упиваться въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ... Нѣтъ, право, все равно... Живя въ той каморочкѣ на 2 рубля, я чувствовалъ себя нисколько не хуже, чѣмъ въ любое другое время, когда зарабатывалъ въ 30, въ 50 разъ больше. Все равно...

— А общество?.. гдѣ вы могли бывать въ то время? съ кѣмъ видѣться и говорить, когда у васъ не могло быть хоть сколько нибудь приличнаго платья, чтобы показаться куда нибудь...

— Все равно... и общество вездѣ одинаково... Люди вездѣ одни и тѣ же. Хозяинъ квартиры, къ которой принадлежала моя каморочка, былъ лоцманъ, 30 лѣтъ ходившій на судахъ по Волгѣ, и, знаете ли, ни отъ кого другаго я не слышалъ столько новаго для меня и въ высшей степени интереснаго, какъ именно отъ него. Да и вообще у плотника, портнаго, рыбака, кузнеца найдется въ жизни не меньше интереснаго, чѣмъ у образованныхъ людей. Все равно — и общество.

— Все равно, все равно!.. или, можетъ быть, это вашъ девизъ: »все равно«?.. въ грязи или въ приличной обстановкѣ, въ нищетѣ или въ довольствѣ, среди плотниковъ или порядочныхъ людей изъ общества, въ аду или въ раю — вамъ все равно?! вскричала Шипилова.

Леденевъ задумался. До сей поры ему не приходилось серьезно размышлять объ этомъ, и, прежде чѣмъ отвѣтить, онъ еще разъ оглянулся на все пережитое имъ и задумчиво пересмотрѣлъ его.

— Право, разница должна быть совсѣмъ не такая значительная, какъ между раемъ и адомъ, если я не могу замѣтить почти никакой, сказалъ онъ наконецъ. — Право, повторяю вамъ, въ моей двухрублевой нищетѣ и въ обществѣ неграмотнаго мужика-лоцмана я чувствовалъ себя нисколько не несчастнѣе, чѣмъ въ любое другое время.

Шипилова пожала плечами и нѣсколько времени смотрѣла на него такими глазами, какъ будто онъ сообщилъ ей, что иногда превращается въ волка и съ истиннымъ наслажденіемъ бѣгаетъ по окрестнымъ лѣсамъ. Вообще этотъ странный юноша съ очевидно влюбленными, но всетаки спокойными глазами и серьезнымъ лицомъ началъ ей казаться какимъ-то молодымъ дикаремъ въ родѣ тѣхъ, которые при-

ѣзжаютъ иногда въ учебныя заведенія изъ киргизскихъ степей и изъ нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. Она мелькомъ взглянула на его костюмъ, галстукъ, на крахмаленую рубашку. По наружности и манерамъ онъ смотритъ совершенно порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, а между тѣмъ говорить Богъ знаетъ что такое...

— Странно! сказала она. — Но какже это могло случиться, что вы были принуждены жить въ такой обстановкѣ? вѣдь Леденевы, я слышала, были богатые люди...

— Да, *были*, и притомъ очень давно. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, мнѣ уже не приходилось слышать ни объ одномъ богатомъ Леденевѣ.

— Положимъ; но они всетаки служатъ, занимаютъ довольно видныя мѣста... Напримѣръ, Николай Антоновичъ Леденевъ... онъ вамъ родственникъ?

— Дядя.

— Такъ почему же онъ не доставилъ вамъ какого нибудь порядочнаго мѣста? не могъ, не хотѣлъ?... что это такое?..

Леденевъ довольно подробно разсказалъ ей свою жизнь у дѣда, исторію своихъ отношеній къ дядѣ, свое бѣгство изъ роднаго города. Шипилова слушала его съ интересомъ и, — когда онъ останавливался, находя, что уже достаточно наговорилъ о себѣ, — заставляла его разсказывать дальше, коротко спрашивая: »а потомъ?« или »что же послѣ этого?« Теперь она начала уже думать, что этотъ юноша, пережившій такъ много въ немногіе годы, далеко не изъ такихъ людей, которые встрѣчаются на каждомъ шагу. Ему, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ рѣшительно все равно, куда ни идти: въ воду — такъ въ воду, въ огонь — такъ въ огонь. Имѣть у себя подъ рукой такого человѣка — не то ли же самое, что имѣть подлѣ себя на прогулкѣ за городомъ сильную, храбрую, преданную собаку? кто знаетъ, какую великую службу можетъ иногда сослужить въ роковую минуту такой надежный другъ...

— Знаете ли, сказала она: — я кончаю тѣмъ, что начинаю завидовать вамъ. Зачѣмъ и я не сдѣлана изъ такого же крѣпкаго матерьяла, какъ вы, или не прошла черезъ такую же школу? Тогда и мнѣ было бы легко жить. А теперь... Вы знаете ли, что теперь у меня есть, на урокахъ музыки, больше 30 рублей въ мѣсяцъ, — такія деньги, на которыя, кажется, можно было бы жить спокойно... А между тѣмъ я никакъ не могу свести концы съ концами и чувствую себя несчастной, измученной лишениями, нищей... просто нищей... Я надѣялась, что, можетъ быть, на вашей желѣзной дорогѣ найдется болѣе благодарное мѣсто для меня, а оказывается, что у васъ тамъ люди живутъ на 12 рублей... Счастливые люди!..

Воротившись часу въ 12-мъ къ себѣ въ номеръ, Леде-невъ прибавилъ огня въ лампѣ, сѣлъ въ кресло, стоявшее въ углу, и задумался. Ему казалось, что онъ произвелъ на Шпилову крайне нелестное для него впечатлѣніе какого-то толстокожаго животнаго, которое одинаково удобно чувствуетъ себя во всякой обстановкѣ — въ водѣ, въ грязи, въ навозѣ. Онъ былъ очень недоволенъ собой. И зачѣмъ ему нужно было распространяться о своихъ походахъ, хотя бы она и сама заставляла его рассказывать о нихъ? зачѣмъ ему понадобилось распространяться о нихъ именно теперь, когда онъ вообще не любитъ говорить о себѣ и хорошо знаетъ, что люди, много говорящіе о себѣ, самые смѣшныя люди? Но потомъ онъ пришелъ къ заключенію, что сущность дѣла вовсе не въ этомъ. О чемъ бы онъ ни говорилъ, сколько бы ни умалчивалъ о себѣ и о своихъ приключеніяхъ, а все-таки рано или поздно выяснилось бы, что онъ и она сдѣланы, по ея выраженію, изъ совершенно различнаго матерьяла. Онъ, со своими грубыми нервами, широкими костями, похожими на столбы ногами, сотворенъ по образцу тѣхъ неуклюжихъ, обитыхъ желѣзомъ, орудій, которыми вбиваютъ сваи и утрамбовываютъ щебень на дорогахъ. А она — изящное, хрупкое, художественное созда-

нѣе; она — какъ нѣжная птица, которой постоянно нужно теплое лѣтнее солнце, нуженъ свѣтъ, просторъ, воздухъ, насыщенный ароматомъ цвѣтовъ. Вотъ въ чемъ сущность дѣла...

VII

Теперь Леденевъ уже не искалъ случаевъ встрѣчаться съ Шипиловой, думая, что, можетъ быть, эти встрѣчи будутъ стѣснятъ ее. При встрѣчѣ ей всетаки нужно будетъ остановиться хоть на одну минуту, сказать хоть два-три слова, а — можетъ быть — она вовсе не расположена говорить и встрѣчаться съ съ кѣмъ бы то ни было...

Дня черезъ три послѣ перваго свиданья онъ случайно встрѣтился съ нею въ коридорѣ, и она опять увела его къ себѣ пить чай. Потомъ прошла цѣлая недѣля, въ теченіе которой они не видѣлись другъ съ другомъ, и наконецъ Шипилова прислала спросить Леденева — не зайдетъ ли онъ къ ней.

— Вы очень заняты все это время? спросила она обижено и почти сухо, когда онъ пришелъ.

— Я занятъ только по утрамъ.

— Значить, вы просто не хотѣли зайти ко мнѣ?

— Я не рѣшался беспокоить васъ.

Шипилова укоризненно и грустно покачала головой.

— Вы думаете, что мой покой не слѣдуетъ нарушать?.. Хорошъ мой покой!.. Одна, въ тоскѣ, въ постоянной тревогѣ — вотъ мой покой. Неужели же его слѣдуетъ такъ беречь? съ горечью сказала она. — Сегодня мнѣ что-то нездоровилось немного — должно быть, маленькое лихорадочное состояніе. Послѣ обѣда я прилегла на диванъ, заснула и черезъ нѣсколько времени проснулась вся въ слезахъ, потому что увидѣла во снѣ мать, домъ, въ которомъ мы жили, мое милое родное гнѣздышко въ немъ... Нашъ домъ былъ съ мезониномъ, и двѣ крошечныя комнаты въ

немъ были отдѣланы нарочно для меня. Стѣны были обиты свѣтленькой матеріей на простеганной ватѣ, на полу ковры, въ нарочно сдѣланныхъ для меня низенькихъ шкафикахъ и комодахъ помѣщались мои игрушки, книги, картины... Ахъ мама, мама!... ты съ такой любовью устраивала мнѣ это гнѣздышко... что бы ты сказала, еслибы увидѣла меня теперь?!

Она отерла платкомъ слезу, скатившуюся по ея щекѣ, и потомъ, обмахивая имъ свое дѣйствительно разгорѣвшееся лихорадочнымъ румянцемъ лицо, въ волненіи прошлась по комнатѣ.

— Просто у меня разстроены нервы, и голова идетъ кругомъ, продолжала она. — Послѣ того какъ вы сказали мнѣ, что у васъ на желѣзной дорогѣ женщины получаютъ по 12-ти рублей въ мѣсяцъ, я подумала: не поступить ли мнѣ на сцену? Одинъ мой знакомый, который находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ хозяиномъ здѣшняго театра, говорилъ мнѣ, что, можетъ быть, это можно будетъ устроить. Но я, право, не знаю, стоитъ ли думать и хлопотать объ этомъ или о чемъ бы то ни было. Можетъ быть, вы слышали, что у меня есть мужъ?

— Да, мнѣ говорили...

— Что вамъ говорили о немъ?

— Только то, что онъ боленъ и находится теперь въ больницѣ.

— Да, въ больницѣ. Онъ до такой степени пилъ, что допился до нервной горячки... Конечно, это очень дурно и грѣшно — желать чьей бы то ни было смерти, — я знаю, знаю!.. Но, сознаюсь откровенно, я только и жила надеждой, что, можетъ быть, онъ не оправится отъ своей болѣзни и не выйдетъ живымъ изъ больницы. Однако нѣтъ, мои надежды уже давно перестали осуществляться. Недавно я узнала, что онъ началъ уже оправляться и недѣли черезъ двѣ, черезъ три будетъ опять на свободѣ. А знаете ли вы, что это значить для меня? Это значить, что я ни на

одну минуту не могу быть спокойна и никогда не буду въ состояніи поручиться за то, что мнѣ не придется черезъ нѣсколько часовъ уложить свои вещи и бѣжать куда нибудь... Я принуждена была бѣжать отъ него изъ вашего города сюда — онъ разыскалъ меня здѣсь. Я устроилась довольно сносно въ одномъ семействѣ домашней учительницей музыки и французскаго языка — этотъ человѣкъ заставилъ меня уйти оттуда, потому что безпрестанно ломился пьяный въ квартиру, обрывалъ звонки, ругался съ прислугой и хозяйками. Я перешла на квартиру, тоже въ семейство — онъ выгналъ меня и оттуда, потому что опять-таки не далъ никому покоя: стучался въ дверь, въ калитку, въ ставни, иногда, какъ дворовая собака, спалъ по ночамъ около воротъ, на скамейкѣ... Къ чему же мнѣ хлопотать о чемъ бы то ни было теперь, когда онъ скоро будетъ опять на свободѣ? Сегодня устроюсь такъ или иначе, а завтра мнѣ, можетъ быть, опять придется бѣжать изъ этого города, сама не знаю куда.

Обыкновенно спокойное лицо Леденева сдѣлалось теперь мрачнымъ и злымъ. Онъ дышалъ все тяжелѣе и тяжелѣе, точно собирался драться, что называется, не на животъ, а на смерть... Что же это такое? Убѣжала изъ одного города въ другой, за нѣсколько сотъ верстъ — выслѣдилъ и догналъ... устроилась въ одномъ домѣ — вломился въ него и выгналъ... перешла въ другой — заставилъ бѣжать и оттуда... Или этотъ человѣкъ воображаетъ, что онъ можетъ обращаться съ беззащитной женщиной, какъ въ лѣсу или на большой дорогѣ?!

— Что, вамъ стало, кажется, жаль меня? вы находите теперь, что мой покой вовсе не такъ сладокъ, чтобы его слѣдовало беречь? съ упрекомъ спросила Шипилова, посмотрѣвъ на него.

— И неужели нѣтъ никакихъ средствъ избавиться отъ этихъ преслѣдованій? глухо проговорилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Какія же средства? одно — разводъ. Я говорила объ этомъ со многими знающими людьми, но они объяснили мнѣ, что для этого нужны большія деньги, которыхъ у меня нѣтъ. А во-вторыхъ, еслибы онѣ даже нашлись откуда нибудь, то всетаки было бы чрезвычайно трудно добиться чего нибудь безъ согласія мужа. Да наконецъ, еслибы даже разводъ и состоялся какимъ нибудь образомъ, что же изъ этого? развѣ этотъ полусумасшедшій человѣкъ пересталъ бы преслѣдовать меня? Нѣтъ, не пересталъ бы...

— Но что же, наконецъ, ему нужно отъ васъ? прервалъ ее Леденевъ. — Денегъ?.. чего?..

— Меня... Онъ говорить, что ему нужно одну только меня, и что онъ будетъ слѣдовать за мной рѣшительно всюду, куда бы я ни пошла. Вотъ что онъ говорить... Такимъ образомъ для меня не существуетъ никакого средства избавиться отъ той петли, которую онъ мнѣ накиннулъ на шею. Бѣжать, скрываться и снова бѣжать, когда онъ меня разыщетъ, — вотъ все, что остается мнѣ дѣлать.

— И у васъ нѣтъ никого... брата, друга, который рѣшился бы положить конецъ этимъ преслѣдованіямъ?..

— Нѣтъ... никого, никого у меня нѣтъ! съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала она.

Леденевъ пожалъ плечами, недоумѣвая, какимъ образомъ могло случиться, что такая женщина оставалась совершенно одинокою, вѣсто того чтобы быть окруженной преданными друзьями.

— Такъ вамъ жаль меня? такъ вы возмущены, что меня травятъ, какъ какую нибудь несчастную лисицу на охотѣ? вамъ жаль, что я такъ беззащитна и одинока? спрашивала Шипилова, остановившись передъ нимъ.

Не получивъ отвѣта, Шипилова сѣла такъ близко къ Леденеву, что ея колѣни почти соприкасались съ его колѣнями, и, наклонивъ голову, старалась заглянуть въ его опущенные глаза.

— Такъ вамъ очень жаль меня? повторила она еще разъ

и вдругъ, соскользнувъ со стула на полъ, къ ногамъ Леденева, взяла его руку и крѣпко сжала ее.

— Жаль, жаль... я вижу, что вамъ жаль меня, заговорила она тихо и нѣжно. — Такъ слушайте же... Вамъ 24 года, мнѣ 22; значить, можно считать, что я немного старше васъ, потому что 22-лѣтняя женщина почти всегда нѣсколько старше опытностью 24-лѣтняго юноши. Не будете ли вы для меня добрымъ младшимъ братомъ... тѣмъ дорогимъ другомъ, котораго я уже отчаялась найти когда нибудь?.. Инымъ людямъ, можетъ быть, не такъ тяжело одиночество. Но я избалована въ этомъ отношеніи, потому что у меня столько лѣтъ былъ самый преданный и нѣжный другъ, какой только можетъ быть: это моя мать. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело жить, съ тѣхъ поръ какъ ея не стало... Одинока, вѣчно одинока... не переть къмъ выплакать свои слезы, не съ кѣмъ посоветоваться, не на кого положиться въ трудную минуту, не у кого искать защиты...

Весь точно охваченный огнемъ, полный счастья, Леденевъ цѣловалъ руки Шипиловой, рукава ея платья, тонкія, пахнущія духами, кружева, которыми были обшиты эти рукава.

— Это сильная рука добраго и сильнаго человѣка, продолжала она, глядя и сжимая его руку. — И съ этого времени она будетъ отчасти принадлежать также и мнѣ? неправда ли? отнынѣ я могу рассчитывать, что она, при случаѣ, защититъ и поддержитъ меня?

— Говорять, что гдѣ рука, тамъ и голова, сказалъ наконецъ Леденевъ, стараясь пересилить овладѣвшую имъ лихорадку. — Вся моя жизнь — ваша.

Опираясь на колѣно Леденева, Шипилова встала, потомъ, какъ бы мимоходомъ, обвила руками его шею, поцѣловала его и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, отошла прочь.

— Итакъ, союзъ, сказала она, ходя со скрещенными на

волнующейся груди руками взадъ и впередъ по комнатѣ. — Обидно только то, что въ этомъ союзѣ мнѣ предстоитъ очень жалкая роль. Я прошу у васъ и участія, и поддержки, и защиты — а что я, со своей стороны, могу сдѣлать для васъ? что вамъ во мнѣ и въ моей дружбѣ?

— Больше, чѣмъ вамъ во мнѣ, горячо отвѣчала Леденевъ. — Вы уже, такъ сказать — впередъ, дали мнѣ столько счастья, сколько мнѣ не приходилось еще испытывать въ жизни.

— Да? такъ много? Изъ этого можно вывести только то заключеніе, что вы очень нетребовательны, насмѣшливо сказала она. — Но если ужъ я такъ безконечно осчастливила васъ, по вашимъ словамъ, то мнѣ, можетъ быть, можно теперь же предъявить къ вамъ нѣкоторыя требованія во имя нашей дружбы. Не вздумайте опять «щадить мой покой». Вы каждое утро заходите за Шкинскимъ, и хотя онъ почти всегда оказывается неготовымъ идти на службу, но вы всетаки продолжаете навѣдываться къ нему, чтобы увидѣться хоть на нѣсколько минутъ и перекинуться хоть двумя-тремя словами. Отнынѣ вы должны точно также поступать и со мной. Непремѣнно... Шкинскій для васъ — не больше, какъ хорошій знакомый, а я — вашъ другъ. Непремѣнно въ 7 часовъ вечеромъ навѣдывайтесь ко мнѣ хоть на одну минуту. Если же въ 7 часовъ не будетъ дома васъ или меня, тогда навѣдывайтесь позднѣе: въ 10, даже въ 11, даже въ 12 часовъ... Но непременно... слышите?..

— Хорошо, со счастливой улыбкой сказала Леденевъ.

— Потомъ... нужно будетъ условиться относительно еще одного обстоятельства. Можетъ случиться, что мнѣ нужно будетъ увидѣться съ вами, а между тѣмъ послать къ вамъ горничную или зайти самой не всегда удобно: у васъ могутъ быть посторонніе. Не условиться ли намъ такъ, что въ этомъ случаѣ я пройду мимо вашей двери и постучу въ нее какимъ нибудь особеннымъ способомъ... напримѣръ, три раза... Или, еще лучше, стукнуть два раза, быстро одинъ

за другимъ, и притомъ такъ, что второй разъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ первый... Вотъ такъ... Мнѣ кажется, это будетъ хорошо, потому что всякій непосвященный можетъ подумать, что за дверь просто задѣли чѣмъ нибудь.

— Хорошо, согласился Леденевъ, улыбаясь тою же улыбкой.

Леденевъ чувствовалъ себя точно въ какомъ-то блаженномъ опьяненіи. Выйдя отъ Шипиловой, онъ, какъ пьяный человѣкъ, потерявшій дорогу, зашелъ сначала въ свой номеръ, потомъ тотчасъ же вышелъ въ коридоръ, къ его большому окну, а затѣмъ, черезъ какую нибудь минуту, отошелъ отъ него и направился, самъ не зная для чего, въ противоположный конецъ коридора. Ему думалось, что все случившееся съ нимъ въ этотъ вечеръ — точно сонъ. Она, представлявшаяся ему какимъ-то высшимъ сравнительно съ нимъ существомъ, снизошла къ нему, опустила къ его ногамъ, просила его быть для нея братомъ и добрымъ другомъ. Она обвила его шею своими мягкими теплыми руками, она поцѣловала его, и это — какъ ни похоже на сонъ — все-таки не сонъ, нѣтъ, не сонъ! это не призрачное счастье, которое черезъ минуту разсѣется, какъ туманъ, унесенный дуновеніемъ вѣтра, — это дѣйствительное счастье, неожиданно озарившее его жизнь!

Машинально идя все дальше и дальше по коридору, онъ дошелъ до двери въ номеръ Шкинскаго, изъ которой какъ разъ въ это время выходилъ номерной лакей съ пустыми бутылками въ рукахъ и подъ мышками.

— Играютъ? спросилъ его Леденевъ.

— Точно такъ-съ.

Самъ не зная зачѣмъ, Леденевъ вошелъ въ номеръ и остановился позади Шкинскаго.

— Ого-го! сказалъ тотъ, обернувшись къ нему, покуда тасовали карты. — Говорятъ, скоро часъ, а вы еще не спите! и не только не спите, но въ глазахъ у васъ играютъ огоньки, а на щекахъ — румянцы! Чтѣ это значить?

Леденевъ молча улыбался.

— Или вы зачитались одной изъ тѣхъ книжекъ, отъ которыхъ у иныхъ людей навертываются на глаза слезы и начинаетъ прыгать сердце? продолжалъ Шкинкій черезъ минуту, когда ходъ игры опять позволилъ ему обратиться къ Леденеву. — Или, можетъ быть, вы уже выспались, встали и умылись? Первые пѣтухи уже кукарекали? а?

Постоявъ еще минуты двѣ за стуломъ Шкинскаго, Леденевъ вышелъ изъ номера и пошелъ обратно по пустынному коридору — медленными шагами, задумчиво, все съ тѣми же огоньками въ глазахъ и »румянцами« на щекахъ, весь полный счастья и глубокой благодарной нѣжности къ женщинѣ, которая являлась для него источникомъ этого счастья. Видѣться съ нею каждый день, быть самымъ близкимъ для нея человѣкомъ, быть ея другомъ, другомъ! мечтательно повторялъ онъ въ своихъ мысляхъ. Да, онъ постарается быть для нея другомъ въ высшемъ значеніи этого высокаго слова. Отнынѣ она не будетъ уже ни одинокой, ни беззащитной; отнынѣ ей не придется больше ни бѣжать, ни скрываться отъ кого бы то ни было. Въ этомъ отношеніи она можетъ быть совершенно спокойна.

VIII

Всю ночь шель снѣгъ, и когда Леденевъ, проснувшись утромъ, подошелъ къ окну, онъ увидѣлъ себя точно въ центрѣ какого-то громаднаго матово-бѣлаго шара. Бѣлыя крыши, бѣлыя улицы внизу, бѣлыя поляны вдали, бѣлое небо, совершенно незамѣтно сливавшееся съ бѣлою землею, и на днѣ этого огромнаго шара, какъ сотни колеблющихся колоннъ, стояли столбы дыма, поднимавшагося чуть не изо всѣхъ трубъ къ бѣлому своду.

Часу въ шестомъ, послѣ обѣда, Леденевъ, просматривавшій газету, вдругъ услышалъ условный двойной ударъ въ дверь, дѣйствительно чрезвычайно похожій на то, что

ктонибудь изъ проходившихъ по коридору нечаянно задѣлъ за нее. Поспѣшно отворивъ дверь, Леденевъ увидѣлъ Шипилову. Въ легкой шубкѣ, опушенной сѣрымъ мѣхомъ, съ сѣрой же муфточкой на шнуркѣ, она стояла нѣсколько въ отдаленіи отъ двери и дѣлала видъ, что остановилась только для того, чтобы поправить запутавшуюся вуалетку.

— У васъ никого нѣтъ? спросила она, когда Леденевъ подошелъ къ ней.

— Никого.

Тогда она взяла его руку сначала одной рукой, потомъ другой и, крѣпко сжавъ ее между своими нѣжными ладонями, сказала:

— То-то же... Если случится, что я постучусь къ вамъ въ такое время, когда у васъ есть ктонибудь, то вы, пожалуйста, не отворяйте дверь. По крайней мѣрѣ, не отворяйте ее тотчасъ же, чтобы я имѣла время воротиться въ свой номеръ. Пожалуйста... Поберегите репутацію женщины, на которую и безъ того уже смотрять косо за то, что она живетъ одна, въ гостинницѣ.

— Конечно, я не отворилъ бы дверь, еслибы у меня былъ ктонибудь, сказалъ Леденевъ.

— Ну хорошо... А теперь вотъ что: не пойдете ли вы со мной пройтись по городу? Погода такая чудесная, что это чистое наказаніе — сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и думать, что добрые люди теперь всѣ прогуливаются и катаются. Подите, поскорѣе одѣньтесь, а я подожду васъ на лѣстницѣ и буду тамъ читать объявленія.

Когда торопливо одѣвшійся Леденевъ присоединился къ ней минуты черезъ двѣ, она быстрымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ осмотрѣла его съ ногъ до головы, опасаясь, что этотъ странный юноша, можетъ быть, и одѣвается для зимнихъ прогулокъ какимънибудь страннымъ образомъ. Однако въ его костюмѣ не оказалось ничего бросающагося въ глаза. Она опустила вуалетку, поправила перчатку на рукѣ и, ласково улыбнувшись, сказала:

— Ну, съ Богомъ.

Солнце закатилось уже около часа назадъ; приближалась ранняя октябрьская ночь, но отъ дѣвственно бѣлаго снѣга, лежавшаго вездѣ, гдѣ только онъ могъ удержаться, было свѣтло почти какъ днемъ.

— Направо? налѣво? спросила сама себя Шипилова, когда они вышли на крыльцо, и съ этими словами посмотрѣла сначала направо, потомъ налѣво. — Нѣтъ, пойдѣмте лучше туда.

По мѣрѣ того какъ они подвигались по избранному ею направленію, улицы становились все шире, дома выше и красивѣе, магазины богаче. Наконецъ пошла главная улица города. Здѣсь люди двигались почти непрерывными вереницами по обомъ тротуарамъ, останавливались передъ окнами начинавшихъ освѣщаться магазиновъ, стояли группами на углахъ.

— Ахъ какія лошади... какія чудесныя лошади! Смотрите, смотрите! Вонъ, сѣрыя съ крупными черными пятнами... Чьи это? кто это? зашептала вдругъ Шипилова, крѣпко сдавивъ руку Леденева и указывая ему глазами на дѣйствительно красивую пару горячихъ лошадей, запряженныхъ въ пристяжку, и на маленькія щегольскія санки, въ которыхъ сидѣла высокая дама въ бархатной синей ротондѣ.

— Кто это? нетерпѣливо повторила Шипилова, не получая отвѣта.

— Не знаю. Я почти никого здѣсь не знаю, сказалъ Леденевъ.

Пройдя еще шаговъ сотню, они, вмѣстѣ съ другими людьми, шедшими впереди ихъ и на встрѣчу имъ, принуждены были остановиться на минуту. Къ подъѣзду какого-то богатаго дома съ чугунными балконами, съ каріатидами и другими лѣпными украшеніями, подкатила маленькая каретка, запряженная парю вороныхъ лошадей въ англійской упряжи. Въ ту же секунду изъ парадной двери торопливо

выскочилъ швейцарь со складною, обитою краснымъ сукномъ, доскою въ рукахъ. Онъ живо развернулъ эту доску, положилъ ее поперекъ тротуара, отъ подножки кареты къ ступенямъ подъѣзда. Тогда изъ дверцы каретки выпорхнула худенькая брюнетка съ очень узенькими плечами, какъ будто робко взглянула на толпу большими черными глазами и быстро проскользнула по красному сукну въ подъѣздъ.

— Кто это? тоже не знаете? тихо спросила Шипилова.

— Не знаю, отвѣчалъ Леденевъ, пожавъ плечами.

Она тяжело вдохнула. Черезъ какую нибудь минуту ему показалось, что она опять вдохнула. Сумерки и спущенная вуалетка мѣшали ему ясно опредѣлить выраженіе ея лица, и онъ скорѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ, что брови ея сдвинуты, глаза полны тоски и страданія, углы губъ сильнѣе обыкновеннаго оттянуты внизъ.

— Вы не устали? съ безпокойствомъ спросилъ онъ, боясь, что ей просто скучно идти съ человѣкомъ, который никого здѣсь не знаетъ и не находитъ, о чемъ бы ему говорить.

— Нѣтъ, я не устала, какъ будто съ усиліемъ произнесла она печальнымъ и подавленнымъ голосомъ: — но... лучше будетъ, если мы уйдемъ отсюда. Свернемте хоть въ эту улицу. Это, кажется, Мясницкая?..

— Да, Мясницкая.

— Знаете ли: мнѣ не слѣдовало бы никогда ходить туда, сказала Шипилова, указавъ движеніемъ головы на ту шумную улицу, съ которой они только что ушли. — Меня постоянно тянетъ туда, мои ноги, кажется, сами несутъ меня туда, но мнѣ рѣшительно не слѣдовало бы показывать туда носа. Каждый разъ, когда я побываю тамъ, меня непремѣнно задавить такая тоска, такая тоска, точно мнѣ на грудь навалится камень. Я не могу видѣть этой роскоши, этихъ экипажей и лошадей, этихъ счастливыхъ женщинъ! За что этимъ женщинамъ такое счастье, какого нѣтъ для

меня?!. за что, за что? Я знаю, что я не глупѣ ихъ, не безобразнѣ ихъ, не хуже воспитана... Такъ за что же имъ дана возможность ѣздить въ каретахъ и переходить черезъ грязный тротуаръ по разостланному нарочно для нихъ красному сукну, тогда какъ я... я...

Голосъ ея задрожалъ и вдругъ пресѣкъся. Леденевъ смотрѣлъ на нее съ грустнымъ недоумѣніемъ. Экипажи, лошади, красное сукно... какія-то счастливыя женщины!.. Почему она думаетъ, что среди видѣнныхъ ими женщинъ была хоть одна счастливая? и неужели эти экипажи, лошади, красное сукно до того терзаютъ ея сердце, что она готова разрыдаться на улицѣ?

— Чтò вы на меня такъ смотрите? нервно спросила Шипилова: — ну да... у меня судорога перехватила горло, и къ глазамъ подступили слезы... ну да... Развѣ васъ никогда не охватываетъ горькое чувство, когда вы проходите тамъ? развѣ вамъ не кажется, что тамъ даже стѣны домовъ и столбы подѣздовъ смотрятъ на васъ съ высокоумнымъ презрѣніемъ? вамъ не кажется, что всѣ эти люди, которые забрызгиваютъ васъ грязью изъ-подъ колесъ своихъ каретъ и колясокъ, смотрятъ на васъ съ насмѣшливою и обидною жалостью? Скажите, сознайтесь...

Леденевъ тихо покачалъ головою все съ тѣмъ же грустнымъ недоумѣніемъ.

— Никогда... ничего подобнаго, тихо сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Дома — какъ дома, люди — какъ люди... Право, меня никогда не интересовало, смотрятъ ли на меня эти люди и какъ смотрятъ... Если же кому нибудь изъ нихъ и вздумалось бы посмотреть на меня съ пренебреженіемъ или жалостью — такъ чтò же изъ этого? и я могу посмотреть на нихъ точно также...

— Вы!.. на нихъ!..

— Конечно... Они, вѣроятно, не могутъ обойтись безъ своихъ экипажей, лошадей, кучеровъ, а я могу отлично; они не могутъ обойтись безъ цѣлаго штата прислуги, а я

могу; они не могутъ прожить на какіе нибудь 10 рублей въ мѣсяцъ, а я могу... Слѣдовательно, я во сто разъ крѣпче стою на ногахъ, чѣмъ они. Если имъ случится разориться, что случается въ жизни неособенно рѣдко, такъ вѣдь имъ придется плохо, какъ мухамъ, захваченнымъ неожиданными морозами. Ну, а меня не такъ-то легко разорить и сбить съ ногъ.

— И вы никогда не мечтали сдѣлаться богатымъ?

— Давно когда-то... когда я былъ еще почти мальчикомъ и читалъ »Монтекристо«, — тогда мечталъ. А съ тѣхъ поръ — нѣтъ. Да я и не знаю хорошенько, что бы я сталъ дѣлать съ богатствомъ, еслибы оно на меня свалилось откуда нибудь... развѣ передалъ бы его въ ваше распоряженіе...

— И я бы взяла его... клянусь Богомъ! вскричала она, порывисто отбросивъ вуалетку со своего поблѣднѣвшаго отъ волненія лица. — Не задумываясь, взяла бы хоть миллионъ.. хоть 10 миллионъ!.. Охъ, взяла бы!.. Вы... вы, непостижимо странный человѣкъ, какъ не понимаете вы того, что мы, нищіе, обречены пачкать въ этой уличной грязи не однѣ только подошвы нашей обуви? Вѣдь мы втоптаны въ нее съ головой, со всѣми нашими мыслями, со всѣми чувствами... Думать приходится только о томъ, чтобы какъ нибудь свести концы съ концами и гдѣ нибудь заработать лишній десятокъ рублей себѣ на платье; чувствовать приходится постоянно только боязнь за завтрашній день, да еще вѣчную горечь при мысли о томъ, что нужно отказывать себѣ и въ этомъ, и въ другомъ, и въ третьемъ... да еще развѣ зависть къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые могутъ не отказывать себѣ ни въ чемъ. Вотъ и всѣ наши мысли и чувства... Развѣ же это не грязь — эти постоянныя заботы о какихъ-то тамъ жалкихъ рубляхъ за нищенскіе обѣды, за убогую каморку въ гостинницѣ, за рыночную обувь, за дрянную матерію на платье? развѣ не грязь? развѣ я неправду говорю, что всѣ наши помыслы и чув-

ства обречены влачиться въ этой грязи? Должны же вы согласиться, что это правда... Чтò же вы молчите?

Леденевъ молча шель, повѣсивъ голову. Онъ былъ также опечаленъ словами Шипиловой, какъ опечалился бы въ томъ случаѣ, еслибы она сказала ему, что только и думаетъ о томъ, чтобы поскорѣе уѣхать отсюда куда-то очень далеко, въ совершенно чужую и нисколько не привлекательную для него страну.

— Говорите же! вы несогласны со мной? еще разъ спросила Шипилова, крѣпче прижавъ къ себѣ его руку, на которую опиралась.

— Право, не знаю, сказалъ Леденевъ, вздохнувъ. — Вы сказали какъ-то, что я сдѣланъ совѣмъ изъ другаго матерьяла. Должно быть, это правда, потому что я не чувствую ничего подобнаго тому, чтò вы чувствуете: ни боязни за завтрашній день, ни зависти къ богатымъ людямъ, ни заботы о томъ, чтобы достать побольше денегъ. Придутъ онѣ откуда нибудь — пусть приходятъ; не придутъ — не нужно, потому что я обойдусь и безъ нихъ.

Шипилова посмотрѣла на него испытующимъ взглядомъ, но ничего не сказала, а только качнула головой, думая про себя, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ, навѣрное, нѣтъ ни одного человѣка, который не хотѣлъ бы сдѣлаться богатымъ. Разница только въ томъ, что одни откровенно сознаются въ этомъ, тогда какъ другіе находятъ почему-то нужнымъ разыгрывать роль безсребренниковъ и воображаютъ, что кто нибудь имъ повѣритъ!

— Впрочемъ, вы совѣмъ въ другомъ положеніи, сказала она. — Вы мужчина, вы сильны, передъ вами открыты всѣ дороги, такъ что вамъ странно было бы бояться за завтрашній день. Главное же, вы не избалованы обстоятельствами. Насколько я могу судить по вашимъ рассказамъ, ваша жизнь складывается все лучше и лучше, тогда какъ моя идетъ съ каждымъ годомъ все хуже и мизернѣе. Право, я точно спускаюсь по какой-то лѣстницѣ все ниже да

ниже, и когда теперь оглядываюсь назадъ, то мнѣ кажется, что я будто упала съ облаковъ на эту грязную мостовую.

— Вы были прежде очень богаты? спросилъ Леденевъ.

— Нѣтъ, нельзя сказать... Ни у отца, ни у мамы не было состоянія; но папа получалъ большое жалованье, и мы жили на широкую ногу. У насъ была чуть ли не лучшая квартира въ городѣ, была дача за городомъ, было много прислуги, были лошади... и какія прелестныя лошади! Я вѣдь съ дѣтства привыкла ѣздить въ своихъ экипажахъ и хорошо знаю, какими глазами люди, мчащіеся въ нихъ, посматриваютъ на бѣдняковъ-пѣшеходовъ, торопливо убирающихся съ дороги. Я ходила пѣшкомъ только тогда, когда у меня являлась фантазія пройтись въ хорошую погоду, да и то я ходила не иначе, какъ въ сопровожденіи...

Вдругъ она замолчала на полусловѣ и, крѣпко прижавъ къ себѣ руку Леденева, почти остановила его. Леденевъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, потомъ туда, куда, повидимому, были устремлены ея глаза, въ полумракѣ блестящія сквозь вуалетку. Тамъ, въ полосѣ свѣта, брошенной на снѣгъ тремя ярко освѣщенными окнами сосѣдняго дома, тихо переходилъ черезъ улицу какой-то человекъ въ черной шинели съ капюшономъ и въ низенькой мѣховой шапкѣ.

— Что вы? тихо спросилъ Леденевъ Шипилову.

Она молчала и, подвигаясь тихими шагами впередъ, продолжала искоса смотрѣть на человекъ въ шинели. Онъ перешелъ черезъ улицу на противоположный тротуаръ, остановился, посмотрѣлъ на домъ, передъ которымъ стоялъ, на его окна и вошелъ въ ворота.

— Неужели это мой мужъ? прошептала Шипилова. — Пожалуйста, пойдемте поскорѣе... свернемте куда нибудь въ другую улицу...

— Но вѣдь онъ же, все равно, знаетъ — гдѣ вы живете, замѣтилъ Леденевъ въ видѣ вопроса.

— Можетъ быть, еще не знаетъ, торопливо и въ волненіи проговорила она. — Неужели, неужели же это онъ?..

Нѣтъ, быть не можетъ... Мнѣ говорили, что онъ будетъ въ состояніи выйти изъ больницы не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ... Нѣтъ, быть не можетъ...

IX

Однако же это былъ дѣйствительно ея мужъ. На другой день, подъ вечеръ, когда Шипилова подошла къ двери своего номера, чтобы запереть ее за горничной, принесшей лампу, дверь вдругъ отворилась, и въ ней появился очень блѣдный, очень худощавый человѣкъ въ черной шинели. Онъ остановился въ двери, лицомъ къ лицу со своей женой, и молча смотрѣлъ на нее. Она тоже смотрѣла на него, но двигаясь съ мѣста.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ вы... выздоровѣли уже! сказала она наконецъ и отошла въ глубину комнаты, сложивъ крестомъ руки на начавшей волноваться груди.

— »Уже«, со вздохомъ повторилъ Шипиловъ, снимая шинель: — »уже«! Вотъ то привѣтствіе, какимъ вы встрѣчаете человѣка, который былъ уже почти въ гробу и если вышелъ изъ него, такъ единственно затѣмъ, чтобы еще нѣкоторое время посмотреть на васъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я еще не выздоровѣлъ... Доктора увѣряли меня, что мнѣ не слѣдуетъ выходить на волю, по крайней мѣрѣ, еще дней десять. Я слабъ, такъ слабъ, что меня шатаетъ вѣтромъ. Но провести въ больницѣ еще десять дней — цѣлую вѣчность — я рѣшительно не могъ, потому что изстрадался по васъ, весь изболѣлъ сердцемъ по васъ...

Онъ остановился передъ женой и протянулъ руку къ ней, прося глазами и всѣмъ выраженіемъ своего лица, чтобы она подала ему свою руку. Но ходившая по комнатѣ Шипилова только отстранилась отъ него и стала ходить по другой половинѣ комнаты.

— Жестокая, жестокая женщина! съ упрекомъ проговорилъ Шипиловъ, укоризненно качая головой. — Я давно

знать, что вы жестоки, но мнѣ всетаки думалось, что не до такой степени... Ни разу, ни единого разу за все это безконечное время вы не навѣстили меня въ больницѣ! не навѣстили человѣка, который былъ для васъ добрымъ мужемъ, другомъ, рабомъ, преданной собакой, нянькой... я не знаю чѣмъ еще!.. не навѣстили человѣка, который звалъ васъ и во снѣ, и въ бреду, и въ минуты сознанія, и когда думалъ, что смерть уже пришла за его измученной душой!.. Ахъ Катя, Катя!.. А теперь вы не хотите мнѣ протянуть руку!.. Дайте же мнѣ вашу руку...

Онъ опять сталъ передъ нею съ протянутой рукой и тѣми же просящими и грустными глазами смотрѣть въ ея лицо.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста! съ нетерпѣніемъ проговорила она и опять перешла на другую сторону комнаты.

Шипиловъ опустилъ руку и повѣсилъ голову на грудь. На сердцѣ у него становилось все безотраднѣе, тяжелѣе, и когда эта тяжесть дошла почти до физической боли, онъ внезапно почувствовалъ въ себѣ приливъ злобы. Не хочетъ даже протянуть ему руки! презираетъ и ненавидитъ!.. За что?.. да за то, что онъ, по ея же милости, сдѣлался теперь нищимъ... за одно только это, ни за что больше... Еслибы онъ получилъ еще одно наслѣдство, тысячь на двѣсти, на сто, и, не сходя съ этого мѣста, объявилъ ей объ этомъ, то, конечно, она сейчасъ же заговорила бы совсѣмъ другимъ тономъ, у нея немедленно оказалось бы чувствительное сердце. Объ этомъ можно держать какое угодно пари... И вдругъ въ умѣ Шипилова мелькнула злая мысль — разыграть небольшую шутку-комедійку съ этой, надменно отворачивающейся отъ него, женщиной. Онъ приклонился спиной къ теплой печкѣ, стоявшей въ углу, и, подумавъ немного, заговорилъ:

— Впрочемъ, говоря откровенно и безъ всякихъ преувеличеній, есть еще одно обстоятельство, поднявшее меня

на ноги раньше, чѣмъ слѣдовало по соблаженіямъ докторовъ. Въ моей жизни наступаетъ еще одинъ переворотъ, такой же крутой, какъ и прежніе, пережитые мною. Дня четыре назадъ ко мнѣ въ больницу является нѣкто Назаровъ, довѣренное лицо моего двоюроднаго брата, и заводитъ разговоръ о томъ, что не возьму ли я на себя управленіе екатеринославскимъ имѣніемъ моего кузена. Можете себѣ представить! 4.000 жалованья, процентъ съ дохода и почти полное содержаніе: домъ, экипажи, лошади, отопленіе, освѣщеніе, всякіе хозяйственные продукты — все, кромѣ modes, robes et saetera... Не переворотъ ли это, въ самомъ дѣлѣ?

— Они тамъ не имѣли, вѣроятно, никакихъ свѣдѣній о томъ, чтѣ съ вами сдѣлалось за послѣднее время, ядовито сказала Шипилова, видимо, однако же, пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Сначала я и самъ подумалъ то же самое, сказалъ онъ. — Однако оказалось, что нѣтъ: имѣютъ самыя точныя свѣдѣнія. Знаютъ и то, что я разорился, и то, что я сдѣлался пьяницей и бездомовнымъ скитальцемъ, — все знаютъ. Не правда ли, очень странно, что, зная это, они всетаки рѣшились обратиться ко мнѣ? Сначала это и мнѣ показалось очень страннымъ. Но потомъ, когда я сталъ серьезнѣе вдумываться въ положеніе вещей, дѣло начало представляться мнѣ далеко не въ такомъ странномъ видѣ. Во-первыхъ, имъ пришлось за послѣдніе четыре года перемѣнить троихъ управляющихъ. Во-вторыхъ, имъ извѣстно, что я человекъ честный, порядочно знаю хозяйство и очень, очень люблю его. Въ-третьихъ, они могли не безъ основанія рассчитывать, что, почувствовавъ у себя подъ ногами землю, а въ рукахъ дѣло, я перестану пить, тѣмъ болѣе, что у меня и не было еще достаточно времени безвозвратно втянуться въ пьянство. Наконецъ въ-четвертыхъ, еслибы ихъ расчеты на мое исправленіе оказались ошибочными, ну, тогда пришлось бы смѣнить меня, — тѣмъ бы дѣло и кончилось. Все-таки они были бы совершенно спокойны, что я,

за время моего управленія, не обвороваль ихъ и не утащилъ къ себѣ даже охапки соломы...

Шипилова сѣла въ кресло и глубоко задумалась. Теперь и ей начало казаться естественнымъ, что двоюродный братъ ея мужа обратился именно къ нему, а не къ кому нибудь другому. Въ самомъ дѣлѣ, Шипиловъ—несомнѣнно нестный человѣкъ, по общему отзыву — хорошій хозяинъ, до страсти любить возиться съ землей, и, дѣйствительно, не будетъ ничего удивительнаго, если онъ перестанетъ пить тотчасъ же, какъ только получитъ возможность приняться опять за свое любимое занятіе. 4.000 и почти полное содержаніе... конечно, это не Богъ знаетъ какое богатство, но послѣ тѣхъ лишеній, какія она переносила и переноситъ за послѣднее время, ей даже какъ-то странно подумать, что въ ея распоряженіи опять могутъ быть такіа деньги, большой барскій домъ, лошади и экипажи... Странныя вещи случаются на свѣтѣ!.. Неужели же ей, въ самомъ дѣлѣ, придется опять сойтись съ мужемъ и, нѣкоторымъ образомъ, воротиться назадъ, къ пережитому уже прошлому, вмѣсто того чтобы искать новаго счастья въ темной и невѣдомой дали, въ которую она шла за послѣднее время?

Шипиловъ тихо подошелъ къ ней. Онъ опустился на корточки на полъ, около кресла жены, и, взявъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ. Покуда Шипиловъ подходилъ къ женѣ, покуда осторожно бралъ ея руку, по его лицу бродила злая усмѣшка; но какъ только эта маленькая изящная ручка съ атласистой кожей и розовыми ногтями очутилась въ его рукахъ, онъ тотчасъ же забылъ тѣ жесткія слова, которыя уже вертѣлись на его языкѣ, забылъ, что разыгрываетъ комедію, забылъ все... Онъ жадно цѣловаль эту бѣленькую ручку, гладилъ ее, чуть слышно шепталъ надъ нею нѣжныя слова.

— Я уже просила васъ оставить меня въ покоѣ! съ досадою сказала наконецъ Шипилова, нахмуривъ брови и совобождая свою руку. — Скажите: чтѣ же... между вами и

этимъ довѣреннымъ лицомъ вашего двоюроднаго брата или только предварительные переговоры, или это рѣшено уже?..

Онъ молча попытался опять овладѣть ея рукой. Тогда Шипилова съ гнѣвомъ вскочила съ кресла и топнула ногой.

— Оставьте ли вы меня, наконецъ, въ покоѣ? будетъ ли этому конецъ? вскричала она.

Шипиловъ тяжело вздохнулъ и всталъ съ пола.

— Я васъ спрашиваю: условлено что нибудь между вами и этимъ господиномъ, или еще ничего не рѣшено? повторила она.

— Ничего не условлено, вяло проговорилъ онъ, смахивая пыль съ колѣна: — ничего, ничего...

— Почему же?

Шипиловъ посмотрѣлъ на нее сумрачнымъ взглядомъ, потомъ опять воротился на свое прежнее мѣсто, къ печкѣ, и, еще разъ взглянувъ на жену, тихо проговорилъ:

— Да потому, Катерина Андреевна, что ничего и не было...

Щеки Шипиловой начали горѣть отъ прихлынувшей къ нимъ крови. Что такое онъ говорить? неужели онъ нарочно выдумалъ все это, чтобы одурачить ее и поднять на смѣхъ?

— Какъ не... не было? воскликнула она, заикаясь отъ волненія и гнѣва. — Неужели вы хотите сказать, что все выдумали... все налгали... ни съ кѣмъ не видѣлись?..

— Не налгалъ, нѣтъ... Вы сами знаете, что я не охотникъ лгать. А что я слегка подшутилъ надъ вами, такъ это правда, съ горечью сказалъ онъ. — Когда я увидѣлъ, что вы не хотите даже протянуть мнѣ руку, у меня мелькнула мысль, что вѣдь навѣрное вы не были бы такъ жестоки со мной, еслибы я какимъ нибудь чудомъ разбогатѣлъ... Такъ и вышло... 4.000 жалованья съ полнымъ почти содержаніемъ оказывается достаточно для того, чтобы вы готовы были примириться со мной.

Принявшаяся было ходить по комнатѣ, Шипилова быстро обернулась къ нему.

— Сейчас же идите вонь! вскричала она, указывая ему на дверь. — Сейчас же... если не хотите, чтобы я позвала людей!..

Блѣдное лицо Шипилова поблѣднѣло еще больше, однако онъ не тронулся съ мѣста и сдержаннымъ, но угрожающимъ голосомъ сказалъ:

— Катерина Андреевна!.. я уже говорилъ вамъ однажды: не доводите меня до крайности!.. Вы имѣете неотъемлемое право выгнать меня отсюда... Я уйду... Но вѣдь тогда мнѣ, можетъ быть, вздумается воспользоваться и моимъ правомъ: вытребовать васъ къ себѣ... Не доводите меня до крайности!

Шипилова смотрѣла на него сверкающими глазами.

— Вытребовать меня къ себѣ! повторила она. — Такъ слушайте же, чтѣ я вамъ скажу, если ужъ на то пошло. Или вы оставите меня въ покоѣ, или... во что бы это мнѣ ни стало, какихъ бы жертвъ отъ меня ни потребовали, я добьюсь того, что васъ вышлютъ отсюда... слышите?.. и запретятъ вамъ показываться сюда... слышите?

Шипиловъ пожалъ плечами.

— Вышлютъ? насмѣшливо повторилъ онъ: — за что? за то, что я стараюсь разсѣять нѣкоторыя домашнія недоразумѣнія, возникшія между мной и моей женой?.. Маловѣроятно... Но допустимъ даже, что, какими нибудь чрезвычайными усиліями, вы добьетесь своего, и меня дѣйствительно вышлютъ. Чтѣ же изъ этого? Ну вышлютъ, ну запретятъ показываться сюда... а я всетаки приду. Можете быть совершенно увѣрены — я приду!..

Онъ сказалъ это такимъ печально увѣреннымъ тономъ, посмотрѣлъ на нее такими проникающими въ душу глазами, что Шипилова ни на минуту не усомнилась въ искренности его словъ: онъ дѣйствительно придетъ.

— Не сошлютъ же меня на Сахалинъ за мои домашніе счеты съ вами, не закуютъ въ кандалы, не запрутъ въ острогъ, продолжалъ онъ и насмѣшливо, и печально. — А между тѣмъ вамъ, вѣроятно, неоднократно приходилось слы-

пать, что и съ Сахалина люди уходятъ, и закованные въ кандалы уходятъ, и изъ остроговъ уходятъ... если имъ понадобится уйти... Можете быть совершенно-совершенно увѣрены, что я опять приду. За десятки тысячъ верстъ приду. Если буду боленъ — всетаки приду. Если мнѣ придется дорогой кормиться милостыней — всетаки приду!..

Всматриваясь въ его глаза, вслушиваясь въ его меланхолическій голосъ, Шипилова еще разъ пришла къ тому заключенію, что этотъ человѣкъ — несомнѣнно сумасшедшій, дѣйствительно способный на все, хотя бы даже на то, чтобы засунуть свою голову въ топящуюся печку.

— О Боже мой, Боже мой! громко прошептала она въ отчаяніи и, скрестивъ руки на груди, стала опять ходить по комнатѣ.

Пройдясь раза три изъ угла въ уголь, она вышла въ коридоръ, быстро постучала условленнымъ образомъ въ дверь номера Леденева и сейчасъ же воротилась къ себѣ. Черезъ минуту Леденевъ уже входилъ въ комнату.

— А я думала, что уже не увижу васъ сегодня, сказала Шипилова и, посмотрѣвъ на него выразительнымъ, полнымъ тоски, взглядомъ, прибавила: — позвольте васъ познакомиться съ моимъ мужемъ.

Леденевъ даже вздрогнулъ внутренно при этихъ словахъ и пристально взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ блѣднаго человѣка съ печальными глазами. Шипиловъ, заподозрившій, что его жена нарочно выходила въ коридоръ, чтобы позвать сюда Леденева, тоже не безъ интереса посмотрѣлъ на этого молодого человѣка съ простымъ широкимъ лицомъ и скромными манерами. Какую роль этотъ юноша можетъ играть при Катеринѣ Андреевнѣ?

— Я немножко знавалъ нѣкоторыхъ Леденевыхъ въ N, сказалъ онъ: — Антона Петровича, Николая Антоновича...

— Это мои родственники: дѣдъ и дядя.

— Какъ будто я слышалъ отъ кого-то, что Антонъ Петровичъ померъ...

— Уже лѣтъ пять.

— Да, умерь, умерь, разсѣянно повторилъ Шипиловъ, смотря на дверь, въ которую входили новые гости.

Вошли еще двое: одинъ — старый знакомый Катерины Андреевны, знавшій ее еще въ то время, когда она была маленькою дѣвочкою, другой — антрепренеръ здѣшняго театра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно крупный землевладелецъ. Воспользовавшись появленіемъ этихъ новыхъ лицъ, Леденевъ отошелъ отъ Шипилова въ глубину комнаты и издали пристальнѣе всмотрѣлся въ него. Не было рѣшительно ничего общаго между этимъ, настоящимъ, Шипиловымъ и тѣмъ Шипиловымъ, котораго Леденевъ представлялъ себѣ въ своемъ воображеніи. Шипиловъ, ломившійся въ ворота и двери домовъ, въ которыхъ жила его жена, обрывавшій звонки, стучавшійся въ ставни, ночевавшій на скамейкѣ у воротъ, представлялся Леденеву грязно одѣтымъ человѣкомъ съ пьяными и наглыми глазами, съ хриплымъ грубымъ голосомъ, съ покрытымъ красными пятнами распухшимъ лицомъ, изъ котораго, какъ говорится, готова брызнуть водка при первомъ прикосновеніи къ нему. На самомъ же дѣлѣ передъ Леденевымъ былъ худощавый, блѣдный, печальный и, очевидно, очень больной человѣкъ; темные волосы его, должно быть, обритые во время горячки, покрывали короткой щетиной красивую голову; очень исхудавшая длинная шея, тоже, должно быть, бывшая прежде красивой, торчала теперь изъ сдѣлавшагося для нея слишкомъ широкимъ воротника, какъ засохшее растеніе среди большой банки. Ему видимо было тяжело среди чуждаго общества, только мѣшавшаго ему говорить съ женою о томъ, о чемъ хотѣлось переговорить съ нею. Онъ взглядывала своими ввалившимися глазами на нее, на антрепренера, больше всѣхъ говорившаго, закуривалъ папиросу и тотчасъ же тушилъ ее, принимался ходить по комнатѣ и сейчасъ же опять садился. Въ разговорѣ онъ не принималъ никакого участія, и только одинъ разъ, когда заспорили о томъ,

въ которомъ году сгорѣлъ театръ въ сосѣднемъ губернскомъ городѣ, Шипиловъ произнесъ нѣсколько словъ:

— Въ семдесятъ пятомъ, пятомъ, пятомъ! проговорилъ онъ протяжно и печально. — Въ достопамятный годъ моей жизни, прибавилъ онъ гораздо тише и затѣмъ сказалъ уже совсѣмъ тихо, такъ что никто, кромѣ Леденева, его не слышалъ: — въ годъ нашей свадьбы.

Теперь онъ сѣлъ почти рядомъ съ Леденевымъ и, облокотившись на полку этажерки, свѣсилъ голову на ладонь. Черезъ минуту Леденевъ невольно опять взглянулъ на него, услышавъ, что онъ тяжело вздохнулъ какимъ-то особеннымъ, болѣзненнымъ вздохомъ, похожимъ скорѣе на стонъ, чѣмъ на вздохъ. Въ ту же минуту Шипиловъ, опомнившись и вспомнивъ, что онъ не одинъ, тревожно взглянулъ на жену и на ея гостей, продолжавшихъ разговаривать.

— Совсѣмъ забылъ, что я не въ больницѣ, тихо проговорилъ онъ, встрѣтившись глазами съ Леденевымъ. — Я тамъ стоналъ больше мѣсяца, привыкъ, прибавилъ онъ въ видѣ поясненія и потомъ, указывая глазами на антрепренера, спросилъ: — это актеръ?

— Антрепренеръ.

— Селиверстовъ?

— Селивановъ.

— Она хочетъ поступить на сцену?

— Кажется...

Шипиловъ повѣсилъ свою щетинистую голову и, повидимому, опять собирался вздохнуть, но тотчасъ же всталъ и, взявъ шапку, собрался уходить. Когда онъ подошелъ проститься къ женѣ и остановился передъ ней, согнувъ спину, Шипилова, молча и не глядя на него, протянула ему руку. Онъ взялъ эту руку и хотѣлъ поднести къ губамъ, но Шипилова съ видимымъ отвращеніемъ вырвала ее у него. Еще нѣсколько секундъ онъ простоялъ передъ нею съ согнутой спиной и потомъ медленно выпрямился.

— Нельзя? *теперь* нельзя?.. ну, Богъ съ вами! съ горечью произнесъ онъ и пошелъ въ прихожую.

Шипилова нервно вытерла свою руку, будто ее запачкало его прикосновеніе.

— Неужели, неужели же ни Богъ, ни люди не избавятъ меня отъ преслѣдованій этого человѣка?! съ тоскою и гнѣвомъ воскликнула она, когда Шипиловъ ушелъ и изъ прихожей.

Леденевъ сидѣлъ, потушивъ глаза, и думалъ, что отъ «преслѣдованій» онъ, конечно, избавить ее; но только можно ли назвать преслѣдованіемъ то, что этотъ несчастный хотѣлъ поцѣловать у нея руку?.. Старый знакомый Шипиловой безпокойно завертѣлся въ своемъ креслѣ и потомъ сказалъ:

— Ахъ, Катерина Андреевна! право, вы ужъ слишкомъ... впечатлительно относитесь къ нему. Безпристрастно говоря, вѣдь съ нимъ можно ладить... Сегодня онъ держалъ себя вовсе неособенно дурно, и если вздумалъ поцѣловать у васъ ручку — такъ Христосъ бы съ нимъ... Вытерли ее платочкомъ — и только. Вѣдь если посмотрѣть на него попристальнѣе, такъ онъ — какъ есть нищій, котораго только что привели по этапу изъ-за тысячи верстъ... Одно только, что одѣтъ прилично...

Шипилова остановилась передъ нимъ.

— Сегодня онъ держалъ себя, какъ человѣкъ безъ чести и совѣсти! сказала она дрожащимъ отъ гнѣва и ненависти голосомъ. — Вы помните, при какихъ условіяхъ онъ выдалъ мнѣ отдѣльный паспортъ? помните?.. Когда я собиралась уѣхать отъ него, онъ рѣшился бросить пить и далъ мнѣ честное слово, что если хоть одинъ еще разъ напьется пьянымъ, то немедленно выдастъ мнѣ отдѣльный паспортъ... навсегда... пусть я живу, гдѣ хочу... И вотъ сегодня онъ пригрозилъ мнѣ, между прочимъ, и тѣмъ, что вытребуется меня къ себѣ!..

Старый знакомый съ досадою потеръ себѣ бровь и хотѣлъ сказать Шипиловой, что, можетъ быть, она и сама

неособенно бережно обращалась съ этимъ больнымъ человѣкомъ, но передумалъ.

— Да... конечно... это ужъ нехорошо съ его стороны, проговорилъ онъ вялымъ тономъ человѣка, разсудившаго, что чѣмъ меньше онъ будетъ ввязываться въ чужія дѣла, тѣмъ лучше.

Н. Бажинъ

Продолженіе будетъ

* *
*

Всѣ были въ ужасѣ — вожатый
Въ бездонной пропасти погибъ,
Крутой скалы чернѣлъ изгибъ,
И между острыхъ, сѣрыхъ глыбъ
Туманъ клубился бѣловатый;
И громъ гремѣлъ, и вылъ шакаль,
И водопадъ въ ущельѣ скалъ
Зигзагомъ молніи сверкалъ...
И другъ забылъ о миломъ другѣ,
И объ отцѣ не помнилъ сынъ,
И съ господиномъ рядомъ слуги
Въ смертельномъ падали испугѣ
На влажныхъ выступахъ вершинъ..
Но посреди всеобщей смуты
Одинъ сіялъ спокойный взоръ;
На жалкій плачь и на укоръ —
Одинъ — не тратя ни минуты,
Въ холодной мглѣ угрюмыхъ горъ
Зажегъ пылающій костеръ.
Ободрены тепломъ и свѣтомъ,
Стопились люди передъ нимъ —
И близокъ, ясенъ, достижимъ,
Вдругъ заблѣвъ въ сіяньѣ этомъ,
Спасенья путь явился имъ...

В. Лебедевъ

ПРИВѢТСТВІЯ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ

Весьма часто приходится наблюдать явленіе, которое можетъ повергнуть въ изумленіе поверхностнаго наблюдателя, но едва ли удивить опытнаго этнографа; явленіе, о которомъ мы говоримъ, заключается въ поразительномъ сходствѣ нѣкоторыхъ обычаевъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ, часто не имѣющихъ между собою рѣшительно ничего общаго въ этнографическомъ отношеніи, раздѣленныхъ другъ отъ друга огромными пространствами, устраняющими всякую возможность преемственной передачи. Это обстоятельство можетъ послужить содержаніемъ для одной изъ самыхъ интереснѣйшихъ главъ въ исторіи человѣческой культуры.

Сравнительный обзоръ всѣхъ вообще житейскихъ обычаевъ у разныхъ народовъ представляетъ предметъ такого огромнаго объема, такой обильный сводъ фактическихъ данныхъ, что уже одно только разсмотрѣніе главныхъ элементовъ, характеризующихъ эту сторону внутренней жизни человѣчества, наполнило бы собою книжку изрядной величины. Поэтому, намѣреваясь въ нашей замѣткѣ коснуться этой области человѣческой культуры, мы избираемъ изъ массы обширнаго матеріала только тѣ данныя, которыя относятся до выраженія привѣта у разныхъ племенъ и народовъ.

Для того чтобы не растеряться въ этой кучѣ данныхъ, которую предоставляетъ въ наше распоряженіе кропотливый трудъ множества изслѣдователей-этнографовъ, слѣдуетъ прежде всего установить основные типы привѣтствій. На первомъ планѣ мы поставимъ выраженія дружественнаго привѣта, т. е. такіа дѣйствія и тѣлодвиженія, которыя имѣютъ цѣлью привести привѣтствуемаго къ согласію, къ союзу съ привѣтствующимъ, вообще сообщить ему дружественное настроеніе. Почти всѣ такого рода привѣтствія сводятся къ чисто физическому соприкосновенію между привѣтствующими другъ друга лицами; ко-

реннымъ типомъ можетъ служить известное во всѣ времена и у всѣхъ народовъ рукопожатіе. Обычай при свиданіи и разставаніи подавать другъ другу правую руку принадлежитъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ. У Гомера въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* то и дѣло упоминается о рукопожатіи. „Дай мнѣ соединить мою руку съ твоею“, говоритъ Эней своему отцу Анхизу, встрѣтивъ его въ преисподней. На древне-римскихъ медалахъ встрѣчаются двѣ сомкнутыя руки — символъ гостепрѣимства и согласія. У европейскихъ народовъ рукопожатіе почти всегда сопровождается потряхиваніемъ рукъ, и эта особенность ясно выражена въ самомъ названіи привѣтственнаго акта; такъ, по англійски рукопожатіе прямо называется встряхиваніемъ рукъ (to shake hands with one). „Je vous serre la main“ — самая обыкновенная заключительная фраза въ письмахъ у французовъ; итальянцы также охотно ставятъ въ концѣ своихъ посланій традиціонное: „vi stringo la mano“. Современный обычай ходить съ дамами подъ руку выработался, очевидно, лишь въ сравнительно недавнее время. Во времена рыцарства кавалеры подводили своихъ дамъ къ столу не подъ руку, а за руку; первая манера считалась мужицкою.

Теперь посмотримъ, въ какомъ видѣ этотъ же самый привѣтъ примѣняется у нецивилизованныхъ племенъ.

Въ Сенегамбіи, по свидѣтельству Мура, посѣтившаго эту страну въ концѣ прошлаго столѣтія, рукопожатіе служитъ самымъ обыкновеннымъ способомъ выраженія привѣта. Правда, это привѣтствіе въ европейскомъ видѣ примѣняется только между кавалерами; если же кавалеру приходится здороваться съ дамою, то онъ беретъ ея руку, два раза подъ-рядъ подноситъ ее тыльною стороною къ своему носу и почтительнѣйше нюхаетъ. Кстати замѣтить, что сенегальцы привѣчаютъ другъ друга исключительно правою рукою, подать лѣвую — жесточайшій afrontъ. Рукопожатіе распространено почти повсюду въ центральной Азіи. Извѣстный путешественникъ Спикъ наблюдалъ этотъ обычай у нѣкоторыхъ племенъ внутренней Африки. Крапфъ рассказываетъ, въ своемъ путешествіи по странѣ Уаника, что начальникъ племени, имѣя въ виду оказать ему дружественное привѣтствіе, взявъ его за руку и уперся своимъ большимъ пальцемъ въ большой палецъ своего гостя. Иногда рукопожатіе сопровождается другими обрядностями, часто стѣснительными для европейцевъ по своей многосложности. Такъ, у племени Массай путешественникъ Томсонъ описываетъ такого рода привѣтственный ритуаль: „всѣ гости обращались къ намъ со словами: „другъ, другъ!“ а меня самого величали лекаремъ. Когда я отвѣчалъ на привѣтъ, меня брали за руку, которую пожимали съ необыкновенною энергіею. Затѣмъ слѣдо-

валъ вопросъ: — „какъ поживаете?“ на который я отвѣчалъ: — „хорошо!“ Въ заключеніе собесѣдникъ задавалъ вопросъ: — „носите ли вы браслетъ изъ жемчуга?“ — и безъ дальнѣйшихъ разсужденій вручалъ мнѣ это украшеніе“. У племени Або, живущаго по Нигеру, какъ сообщаетъ Блейки, рукопожатіе выражается какимъ-то страннымъ щелчкомъ: здоровающіеся схватываютъ другъ у друга концы пальцевъ и дѣлаютъ каждый своими пальцами движеніе, подобное тому, какое дѣлаютъ европейцы, когда прищелкиваютъ. Нѣкоторые путешественники бываютъ буквально изнурены, принимая выраженія дружественнаго расположенія отъ дикарей и волей-неволей отвѣчая имъ тѣми же самыми словами и тѣлодвиженіями, въ которыхъ тѣ разсыпаются передъ ними. Бѣдному европейцу, случайному рабу мѣстнаго обихода приличій, приходится расточать направо и налево рукопожатія, прищелкивать пальцами, наклонять голову, сгибать спину, прикладывать руку къ темени и груди, и при всемъ томъ сохранять всю подобающую торжественности минуты важность. Швейнфуртъ рассказываетъ о племени Ньямъ-Ньямъ, что ихъ манера привѣта заключается въ особомъ фазонѣ рукопожатія, при которомъ средніе пальцы рукъ должны удариться одинъ о другой съ такимъ расчетомъ, чтобы произошелъ щелчокъ; послѣ того, размѣниваясь словесными любезностями, обѣ стороны дѣлаютъ руками такія странныя движенія, которыя съ европейской точки зрѣнія въ несравненно лучшей мѣрѣ выразили бы презрѣніе, нежели почтеніе. Негры племени Монбутто при рукопожатіи упираются средними пальцами и нажимаютъ на нихъ, пока въ сочлененіи не раздастся трескъ.

Ребмонъ, путешествовавшій въ странѣ Ягга, передаетъ слѣдующія подробности о своемъ первомъ свиданіи съ однимъ изъ начальниковъ: „мой проводникъ далъ мнѣ въ руки пучекъ травы, для того, чтобы я могъ привѣтствовать главу племени по мѣстному обычаю; властитель, въ свою очередь, также держалъ въ рукахъ пучекъ травы. Я долженъ былъ подать руку какъ ему самому, такъ и его приближеннымъ“. Въ той же странѣ Томсонъ встрѣтилъ подобный же обычай у племени Массай. „Женщины входили, — рассказываетъ онъ, — сопровождая свое шестіе ритмическимъ движеніемъ тѣла, какъ бы танцуя, и въ то же время напѣвали какую-то привѣтственную пѣснь. Каждая изъ нихъ несла пучекъ травы — знакъ мира и расположенія“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ: „когда намъ случалось встрѣтиться съ туземцами, мы срывали пучекъ травы и съ важностью пожимали имъ руки“.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ другой, чрезвычайно распространенной, формѣ привѣтствія, именно къ поцѣлуу, мы рассмотримъ сначала, такъ сказать, наиболѣе рудиментарные виды

этого привѣтственнаго акта, встрѣчающіеся у многихъ дикихъ племенъ. Прежде всего мы наталкиваемся на странный обычай — при встрѣчѣ тереться носами. Еще Куэкъ отмѣчаетъ, что туземцы острововъ Дружбы обыкновенно привѣтствуютъ пришедцевъ „такимъ же способомъ, какъ новозеландцы“, т. е. упираясь своимъ носомъ въ ихъ носъ. Впрочемъ, существуетъ разновидность этого приѣма, быть можетъ, выражающая высшую степень привѣта: туземецъ беретъ руку своего гостя и энергически третъ ею свой собственный носъ и ротъ. Капитанъ Вильсонъ рассказываетъ про отаитянъ, что они также здороваются носами, а европейскаго поцѣлуя совершенно не постигаютъ. Тотъ же Куэкъ упоминаетъ о прикосновеніи носами, какъ о знакѣ дружбы на Сандвичевыхъ островахъ. Мѣстами здравствованіе носами производится съ такимъ усердіемъ, что этому привѣтственному акту многіе пытались приписать необычайную расплущенность носовъ у нѣкоторыхъ племенъ, примѣняющихъ такой обычай. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Кинга, находящее себѣ весьма солидное подтвержденіе въ слѣдующемъ описаніи носоваго поцѣлуя, которое мы заимствуемъ у Бичи: „способъ исполненія этого дружественнаго соприкосновенія заслуживаетъ описанія. Здравующіеся захватываютъ свои губы между зубами, раздуваютъ ноздри и въ легкія забираютъ побольше воздуха. Послѣ того ноздри здоровающихся приводятся въ соприкосновеніе, и церемонія заканчивается усерднѣйшимъ треніемъ носовъ другъ о друга, сопровождаемымъ вскрикиваньями и храпомъ“. Конечно, привѣтствіе совершается съ тѣмъ большею энергіею, чѣмъ болѣе живыя чувства имѣются въ виду засвидѣтельствовать.

Тотъ же Бичи рассказываетъ, что эскимосы привѣтствовали путешественниковъ треніемъ носовъ и прикосновеніемъ ладоней къ ихъ лицамъ. На островахъ Мореплавателей начальникъ племени, здороваясь съ миссіонеромъ, позволилъ себѣ только потереть свой носъ о руку послѣдняго; этимъ онъ хотѣлъ выразить, что считаетъ патера существомъ высшимъ. Въ Новой Гвинейѣ обыкновенный способъ привѣтствія заключается въ томъ, что здоровающийся сжимаетъ свои ноздри между большимъ и указательнымъ пальцами руки и въ то же время указательный палецъ правой руки упираетъ въ верхнюю часть живота; по принятому обыкновенію, этотъ церемоніаль сопровождается глухимъ ворчаніемъ. Сентъ-Джонстонъ, во время своего путешествія по островамъ Фиджи, однажды ночевалъ въ жилищѣ туземцевъ. На утро, когда онъ собрался уходить, хозяйка сказала ему: „ты уходишь?“ — Онъ отвѣчалъ имъ: „я ухожу, вы остаётесь“. Тогда хозяйка подошла къ нему, брали его за руку и нюхали ее, сильно втягивая въ себя воздухъ. Подобное

же обыкновеніе встрѣчается во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, у одного племени въ юго-западной Индіи отмѣченъ обычай — прижиматься носомъ къ щекѣ своего пріснаго, съ силою втягивая въ себя воздухъ. Въ языкѣ этого племени не существуетъ выраженія — „подѣлуй меня“; говорятъ — „понюхай меня“.

Объятія, жестъ столь глубоко вкоренившійся у цивилизованныхъ народовъ, распространенъ въ центральной Азіи, часто встрѣчается въ Австраліи, обыченъ на Гавайскихъ островахъ. Но объятіе объятію ровнѣ. У пишущаго эти строки осталось, въ видѣ смутнаго воспоминанія дѣтства, проведеннаго въ киргизской степи, представленіе о торжественной встрѣчѣ гостей и родни у киргизовъ. Сыны степи обнимаютъ другъ друга съ большимъ усердіемъ, но совѣмъ „не по нашему“. Они какъ-то берутся за руки, которыя не смыкаются вокругъ шеи обнимаемаго друга, а остаются отверстыми во всю ширь, такъ что обнимающіеся киргизы напоминаютъ купца, размахивающаго рукою при отмѣриваніи краснаго товара. Обнимающіеся прижимаютъ другъ друга сначала къ одной сторонѣ груди, потомъ къ другой. Обитатель Белуджистана обнимаетъ своего друга, возлагая ему руки поочередно на оба плеча; потому тотъ дѣлаетъ то же самое движеніе руками. Говорятъ, что въ жаркомъ климатѣ Белуджистана такой обмѣнъ привѣтствій съ нѣсколькими друзьями сразу весьма утомителенъ.

Австралійскіе друзья, встрѣтятся послѣ долгой разлуки, сначала внимательно присматриваются, какъ бы не узнавая другъ друга; въ то же время они постепенно сходятся и, подойдя вплотъ, разверзаютъ объятія, охватываютъ одинъ другаго за шею и идутъ рядышкомъ, рассыпаясь въ изліяніяхъ чувствъ. Замѣчательно, что въ томъ же племени супруги, встрѣтятся даже послѣ продолжительной разлуки, не изъявляютъ ровно никакихъ пріязненныхъ чувствъ, хотя бы и любили другъ друга. Полинезійцы племени Уонкумарра при встрѣчѣ послѣ разлуки свидѣтельствуютъ о своихъ нѣжныхъ чувствахъ возложеніемъ рукъ на собственныя головы. Въ другомъ племени той же мѣстности друзья при свиданіи становятся рядомъ, кладутъ другъ другу руки на плечи и произносятъ обычный словесный привѣтъ. Въ Куинслендѣ (Австралія) мѣстные жители при встрѣчѣ послѣ разлуки обнимаются, гладятъ другъ друга по лицу и вообще проявляютъ всевозможные знаки нѣжныхъ чувствъ. А на островахъ Андаманскихъ, какъ разъ наоборотъ, встрѣтившіеся послѣ разлуки друзья не изъявляютъ ни малѣйшихъ признаковъ душевныхъ движеній; они усаживаются рядомъ и молча смотрятъ другъ на друга, иногда по полчасу. Потомъ одинъ изъ нихъ прерываетъ молчаніе какою нибудь пустышною фра-

зою, и начинается простая бесѣда о томъ, о семъ. Другое дѣло, если свидѣться послѣ разлуки приходится близкимъ родственникамъ. Они выдвигаются другъ другу на шею и раздражаются такими ужасными рыданіями и воплями, какъ будто бы съ ними произошло самое горькое изъ постижимыхъ для человѣческаго воображенія несчастій. Начинаютъ дамы, но къ нимъ тотчасъ присоединяются и мужчины. Вопли продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока нѣжные родичи буквально не свалятся съ ногъ отъ изнеможенія. Какъ бы для пущаго контраста, торжество встрѣчи заканчивается неистовою гулянкою, съ пѣніемъ, ревомъ и плясками.

Нашъ поцѣлуй мѣстами не только неизвѣстенъ и трактуется, какъ нелѣпый и уморительный жестъ, — но иногда причиняетъ и немало хлопотъ. Какой-то путешественникъ по западной Африкѣ (къ сожалѣнію, мы не удержали въ памяти его имени) однажды вечеромъ наединѣ поцѣловалъ дѣвушку, дочь своихъ хозяевъ. Красавица перепугалась до полусмерти и подняла неистовый вопль. Сбѣжались родители, домашніе, сосѣди; озадаченный европеецъ, разинувъ ротъ, совершалъ эту неизмовѣрную сцену, размышляя, чѣмъ-то она можетъ завершиться. Послѣдовало бурное объясненіе, изъ котораго наконецъ стало понятнымъ, что наивный чужестранецъ, охотникъ до поцѣлуевъ, былъ принятъ перепуганною дѣвушкою за вампира, кинувшагося сосать ея кровь.

Станнымъ кажется отсутствіе поцѣлуя въ числѣ привѣтственныхъ жестовъ у такихъ народовъ, которые вообще довольно щедры на выраженіе взаимныхъ симпатій. Японцы, напр., не вѣдаютъ поцѣлуя и не имѣютъ такого слова въ своемъ языкѣ. Между тѣмъ знатоки японской жизни распыпаются въ похвалахъ вѣжливости и привѣтливости этого народа и считаютъ японскій способъ здороваться однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ; простые чернорабочіе, встрѣтившись на улицѣ, не разминутся безъ обмѣна обычнаго привѣта, дѣлаютъ другъ другу граціозный поклонъ, останавливаются, спрашиваютъ о здоровьѣ. Часто случается видѣть трогательный обмѣнъ такихъ любезностей между сѣдовласымъ старцемъ и маленькою дѣвочкою.

Начавъ рѣчь о привѣтственныхъ *выраженіяхъ*, мы должны оговориться, что подробное разсмотрѣніе этого предмета не можетъ входить въ нашу замѣтку, посвященную исключительно привѣтственнымъ *жестамъ*. Но дѣло въ томъ, что существуютъ цѣлыя группы народностей, которыя не употребляютъ почти никакихъ другихъ привѣтствій, кромѣ словесныхъ. Это можно отнести, напр., ко многимъ монгольскимъ и турецкимъ племенамъ, населяющимъ сѣверную половину азіатскаго материка.

Уважаемый Григорій Николаевичъ Потанинъ во время своихъ странствованій по Монголіи много разъ наблюдалъ встрѣчи между собою монголовъ и обмѣнъ ихъ традиціонными привѣтствіями. По его словамъ, встрѣтившіеся монголы прежде всего дружелюбно протягиваютъ одинъ другому табакерки, и это взаимное угощеніе представляется единственнымъ привѣтственнымъ жестомъ, который удается запримѣтить. Вслѣдъ затѣмъ начинается весьма длинный, обстоятельный и не лишенный комизма обмѣнъ привѣтственныхъ фразъ, отличающійся неизмѣннымъ однообразиемъ. Для наглядности представимъ себѣ встрѣчу двухъ монголовъ — одного китайскаго подданнаго, другого русскаго. Обмѣнявшись понюшками табаку, одинъ изъ встрѣтившихся, положимъ, монголъ китайскій спрашиваетъ монгола русскаго (стереотипная и неизмѣнная фраза): — „вашъ скоть, вы сами и ваши семейные благополучны ли?“ Слѣдуетъ вѣжливый утвердительный отвѣтъ русскаго монгола, который вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же задаетъ монголу китайскому тотъ же самый вопросъ, на который самъ только что отвѣтилъ: — „вашъ скоть, вы сами...“ и т. д. Давъ въ свою очередь утвердительный отвѣтъ, монголъ китайскій задаетъ монголу русскому вопросъ о начальникѣ той области, въ которой живетъ вопрошаемый, начавъ этотъ вопросъ опять таки не съ самого начальника, а непременно съ его скота. Обмѣнявшись вопросами объ областныхъ начальникахъ, собесѣдники добираются до духовныхъ лицъ своихъ областей, и наконецъ до императоровъ китайскаго и русскаго, все время держась того же традиціоннаго порядка: — „скоть Эджень-Хана (китайскаго императора)“, и т. д. Потомъ разговоръ переходитъ на современное положеніе областей, въ которыхъ обитаютъ собесѣдники; обѣ стороны заботливо освѣдомляются — нѣтъ ли въ странѣ войны, до которой монголы большіе неохотники, не произошло ли какихъ нибудь другихъ общественныхъ бѣдствій, и т. д. Здѣсь, по поводу приведеннаго нѣсколько выше обычая — обмѣниваться табачнымъ зельемъ — можно указать на значительное распространеніе этой дружеской манеры у негровъ внутренней Африки.

У тибетцевъ, ведущихъ при встрѣчахъ подобный же разговоръ, подмѣченъ весьма оригинальный и не лишенный значенія обычай. Тибетцы — мирный народъ, но страстные любители всевозможныхъ предметовъ вооруженія. Тибетецъ ходитъ, какъ музейный манекень, весь покрытый оружіемъ, усаженный пиками, стрѣлами, ножами, кинжалами, саблями. При встрѣчѣ тибетцы прежде всего отцѣпляютъ свои неизмовѣрныя сабли, кладутъ ихъ въ сторону на землю и затѣмъ уже сходятся для обмѣна привѣтствій — весьма типичный символъ мирнаго и дружественнаго расположенія. Монгольскія дамы, кажется, еще бо-

лѣе скупы на привѣтственные жесты, чѣмъ кавалеры. Г. Н. Потанину довелось однажды угощаться въ монгольской юртѣ. Кончивъ трапезу, гость вѣжливо поблагодарилъ хозяйку, которая все время тутъ присутствовала. Ему показалось страннымъ, что хозяйка, выслушавъ благодарность, не удостоила его ни однимъ словечкомъ. Обезпокоенный этимъ, онъ спросилъ у своего проводника, почему хозяйка ничего не сказала на его благодарность, не осталась ли она недовольна чѣмъ нибудь?— Какъ ничего не сказала, — разъяснилъ проводникъ, — развѣ ты не видѣлъ, какъ она провела рукой по своей косѣ? Тогда только путешественникъ вспомнилъ, что монголка, выслушавъ его благодарность, медленно провела рукою съ верху до низу по своей длинной косѣ: это и служило отвѣтомъ на благодарность.

У киргизовъ замѣченъ привѣтственный жестъ, интересный по своему значенію. Войдя въ чужой домъ, киргизъ тотчасъ садится, по своему обычаю, на полъ, скрестивъ ноги, и дѣлаетъ руками движеніе грѣющагося передъ огнемъ человѣка (хотя бы объ огнѣ въ помѣщеніи не было и помину). Это жестъ—чисто культоваго происхожденія, жестъ, выражающій поклоненіе домашнимъ пенатамъ хозяина... Однако мы совершенно отклонились отъ плана нашей замѣтки. Возвратимся же къ поцѣлуну, о которомъ у насъ началась рѣчь.

О широкомъ распространеніи этого привѣтствія во всѣхъ частяхъ свѣта единогласно свидѣлствуютъ многіе путешественники. Таннеръ, бывшій въ долготнѣмъ плѣну у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, рассказываетъ о нѣжномъ поцѣлунѣ, полученномъ имъ отъ его названной матери, когда онъ убилъ перваго медвѣдя. У индѣйцевъ поцѣлуй имѣетъ, такъ сказать, лишь демонстративное значеніе: цѣлующіеся только соприкасаются губами, не производя звука. Когда Ливингстонъ возвратился къ племени Макололо послѣ одной трудной экспедиціи, то женщины кинулись на встрѣчу путешественникамъ и цѣловали руки и щеки тѣхъ изъ нихъ, которые имъ были знакомы. Выказывалось мнѣніе, что поцѣлуй, по своему происхожденію, представляетъ весьма невзрачное подражаніе ничему иному, какъ лизанью, которымъ привѣтствуютъ другъ друга животныя. Замѣтимъ, что въ такомъ именно рудиментарномъ видѣ поцѣлуй дѣйствительно и существуетъ у нѣкоторыхъ племенъ. „Они привѣтствовали насъ, — пишетъ Бичи объ эскимосахъ, — лизнувъ сначала руки и затѣмъ поглаживая руками сначала по своему лицу и тѣлу, а потомъ по нашему“.

Заканчивая серію привѣтственныхъ тѣлодвиженій, заслуживающихъ этого названія съ нашей, европейской, точки зрѣнія, упомянемъ объ айнахъ, которые здороваются съ соблюденіемъ довольно сложнаго церемоніала, притомъ неодинаковаго у муж-

чинъ и у женщинъ. Мужчины при встрѣчѣ прежде всего потираютъ руки, потомъ поднимаютъ ихъ до уровня лба, ладонями вверху, и наконецъ проводятъ ими поочередно съ верху до низу по бородѣ. У женщинъ другой обычай: — онѣ схватываютъ указательный палецъ правой руки между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой, поднимаютъ руки ко лбу, затѣмъ начинаютъ поглаживать верхнюю губу, проводя подъ самымъ носомъ указательнымъ пальцемъ правой руки. Люди, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки, кладутъ другъ другу голову на плечи; потомъ старшій гладитъ рукою сначала голову, потомъ плечи, потомъ руки до самыхъ оконечностей пальцевъ у младшаго; до окончанія этой церемоніи разговаривать не полагается. Когда кому нибудь изъ айновъ случается придти въ чужую деревню, его встрѣчаетъ мѣстный старшина. Оба преклоняютъ колѣни, гость прикладываетъ свои руки къ рукамъ хозяина и потираетъ ихъ; въ это время соблюдается полное молчаніе, нарушеніе котораго считается невыносимымъ неприличіемъ. Окончивъ привѣтственный ритуаль, хозяинъ и гость начинаютъ дружескую бесѣду.

Переходимъ къ другимъ группамъ привѣтственныхъ актовъ, которые несомнѣнно въ свое время существовали и у цивилизованныхъ народовъ, но были вытѣснены натискомъ совершенствующейся культуры. Сюда мы отнесемъ такія тѣлодвиженія, которыя съ нашей точки зрѣнія способны ближе выразить страхъ и униженіе, нежели дружественный привѣтъ, но у первобытныхъ народовъ еще употребляются въ послѣднемъ значеніи.

Однимъ изъ самыхъ отталкивающихъ привѣтственныхъ актовъ должно признать обычай пачкать себя грязью. Ливингстонъ рассказываетъ, какъ начальникъ племени Бароце во время бесѣды съ нимъ отъ времени до времени бралъ щепотку песка и теръ имъ себѣ плечи и грудь. Таковъ обыкновенный способъ привѣтствія у этого племени; если же имѣется въ виду придать ему особенную торжественность, то вооружаются кусочкомъ кожи, завертываютъ въ нее щепотъ волы или глины и этимъ матеріаломъ, торжественно принесеннымъ съ собою въ кусочкѣ кожи, натираютъ себѣ грудь и плечи. Другіе въ видѣ привѣтствія хлопаютъ себя локтями по бокамъ или прикладываются къ землѣ поочередно обѣими щеками, хлопая при этомъ въ ладоши. Главные начальники племени не натираются землею, а только дѣлаютъ видъ, что натираются. Тотъ же самый обычай описывается почти всѣми выдающимися путешественниками по внутренней Африкѣ. Отмѣтимъ, между прочимъ, привѣтственный актъ у племени Варна. Человѣкъ, встрѣчающій старшаго, схватываетъ горсть грязи и натираетъ ею сначала лѣвую руку

и лѣвую сторону тѣла, а потомъ правую. Въ народныхъ собраніяхъ каждый ораторъ начинаетъ свою рѣчь такимъ же размазываньемъ по своему тѣлу грязи; каждый разъ, когда въ рѣчи упоминается имя начальниа, всѣ присутствующіе схватываютъ комья грязи и ею натираютъ себѣ грудь. Серна-Пинто пишетъ о племени Амбуэлла: „они начинаютъ свой привѣтъ громкимъ хлопаньемъ въ ладоши, потомъ схватываютъ комъ земли и размазываютъ ее у себя по груди, быстро повторяя много разъ одно и то же привѣтственное слово; потомъ опять хлопаютъ въ ладоши, но потише, чѣмъ въ началѣ“.

Блейки нашли тотъ же самый обычай на Нигерѣ. Здѣсь младшій изъ здоровающихся преклоняетъ колѣни передъ старшимъ, сгибается до земли и посыпаетъ себѣ пыли на голову и на лобъ, бормоча въ это время привѣтственные слова. Если первый изъ привѣтствовавшихъ — человѣкъ знатнаго рода, то привѣтствуемый въ свою очередь повторяетъ передъ нимъ ту же церемонію. Двое равныхъ по положенію людей привѣтствуютъ другъ друга простымъ рукопожатіемъ или поцѣлуемъ.

Бентъ рассказываетъ случай, видѣнный имъ въ одной мѣстности въ Греціи. Посѣтитель, войдя въ домъ своего отца, поклонился, прикасаясь къ землѣ концами пальцевъ, а потомъ обнялъ отца. То же самое сдѣлала его сестра, прежде чѣмъ обнять своего брата. Это старинный греческій обычай. Въ той же странѣ, въ особенности въ тѣхъ отдаленныхъ уголкахъ, гдѣ еще господствуютъ во всей силѣ прадѣдовскіе нравы, можно видѣть старинный обычай привѣта: человѣкъ прикладываетъ руку къ груди и склоняется, произнося обычную формулу: „Καλῶς ἐπι-σατε!“ Турки, какъ извѣстно, здороваясь, прикладываютъ сначала руку къ устамъ, потомъ ко лбу. Этотъ же обычай мѣстами перешелъ и къ грекамъ.

У маленькаго африканскаго племени Тода привѣтъ состоитъ въ томъ, что вытянутый большой палецъ правой руки поднимается вверхъ и прикладывается сначала къ носу, потомъ ко лбу; такъ привѣтствуютъ, впрочемъ, только старшихъ; встрѣтившіеся друзья просто размѣниваются словомъ „здравствуй“. Мужчины этого племени никогда не кланяются другъ другу, а женщины кланяются въ ноги другимъ женщинамъ, отцу и матери и старшему брату ихъ мужа; но самому мужу никогда не кланяются. Когда случается, что женщина простаго званія или очень молоденькая встрѣчается со старшими, все равно — съ мужчиною или женщиною, она падаетъ передъ ними на землю, ползетъ къ нимъ по землѣ, а привѣтствуемая персона важно наступая ей на голову сначала правой, потомъ лѣвой ногой. Утверждаютъ, что женщины съ полнымъ удовольствіемъ продѣлываютъ эту церемонію, а мужчины орудуютъ при этомъ

своими ступнями съ большою деликатностью. Какъ видите, племя Тода разработало у себя весьма сложный и детальный привѣтственный церемоніаль.

У жителей Хайнана существуетъ очень граціозный обычай принимать гости. Они протягиваютъ къ нему руки и, сгибая ладони, какъ бы приманиваютъ его къ себѣ. При разставаніи они вытягиваютъ впередъ руку, ладонью къверху. Давая кому нибудь подарокъ, они дѣлаютъ встрѣчный жестъ, а получая подарокъ — прощальный жестъ. Вообще люди мало знакомые между собою охотно усложняютъ и растягиваютъ привѣтствія, а близкіе друзья, напротивъ, ограничиваются однимъ быстрымъ движеніемъ рукъ.

Около озера Танганайка у племени Увинза извѣстнымъ путешественникомъ Камерономъ замѣченъ также весьма выразительный привѣтственный церемоніаль. При встрѣчѣ двухъ знатныхъ, младшій по годамъ преклоняетъ колѣни и упирается руками въ землю около самыхъ ногъ; въ то же время старшій изъ встрѣтившихся шесть или семь разъ подрядъ ударяетъ въ ладоши; вслѣдъ затѣмъ младшій хлопаетъ себя руками подъ мышками сначала слѣва, потомъ справа. Знатный туземецъ, встрѣтившись съ человѣкомъ простаго званія, сокращаетъ свой привѣтъ, такъ сказать, пропорціонально высотѣ своего общественнаго положенія. Когда встрѣчаются двое плебеевъ, они безъ церемоніи хлопаютъ другъ друга по животамъ, потомъ хлопаютъ въ ладоши и заканчиваютъ дружескимъ рукопожатіемъ. Увинза — народъ веселый и живой, и ихъ встрѣчи между собою и разнѣмъ привѣтствій часто сопровождаются большимъ шумомъ. Серпа-Пинто часто видалъ на западномъ берегу южной Африки, какъ мѣстные жители здоровались, хлопая себя ладонью по обнаженной груди. Томсонъ немало изумлялся привѣтственному обычаю у племени Уалунга, обитающему къ востоку отъ Танганайки. Тамъ на улицахъ деревень только трескъ идетъ отъ энергичныхъ рукобитій. Какъ только туземецъ высунетъ носъ изъ своего жилища, ему тотчасъ приходится оборачиваться во всѣ стороны ко всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, отпуская направо и налево вѣжливыя поклоны и хлопая ладонями, не покладая рукъ. При встрѣчѣ друзей они немедленно кидаются другъ къ другу въ жаркія объятія. При встрѣчѣ съ начальствомъ публича валится передъ нимъ въ ноги, бьетъ лбомъ въ землю, изо всѣхъ силъ хлопаетъ въ ладоши и почтительнѣйше бормочетъ обычные слова: „кви тата?“ (какъ здоровы?). Эскимосы также весьма щедрны по части хлопанья въ ладоши, вздѣванія рукъ къверху и хлопанья ими по тѣлу.

Сіамцы при встрѣчѣ скрещиваютъ руки, сводятъ плечи и, съ самымъ жалостнымъ видомъ, склоняютъ голову.

Интересно отмѣтить рѣзкую противоположность въ значеніи однихъ и тѣхъ же движеній у разныхъ народовъ. Европейцы привыкли наклоненіемъ головы выражать согласіе, подтвержденіе; а обитатели Новой Зеландіи ведутъ себя какъ разъ наоборотъ: ихъ „да“ выражается задираніемъ головы кверху.

Перейдемъ къ группѣ жестовъ, выражающихъ спеціальныя формы пріѣтствій — униженность, почтительность, обожаніе и т. п. Сюда намъ придется включить обнаженіе разныхъ частей тѣла (голова, руки, груди и т. п.), бросаніе оружія и т. п. Еще Кукъ упоминалъ объ отаитянахъ, что они, въ знакъ почтенія, снимаютъ головные покровы, обнажаютъ плечи или грудь, иногда обнажаются даже до пояса и далѣе, если имѣется въ виду выразить исключительное чувство уваженія. Чукчи, ни дать — ни взять, какъ наши мужички, снимаютъ шляпы и низко кланяются гостямъ. На островахъ Фиджи полагается въ чужомъ домѣ пребывать съ покрытой головой, но съ босыми ногами. Существуетъ сказаніе, что въ Англіи во времена Тюдоровъ существовалъ такого рода обычай: когда въ обществѣ кто нибудь ронялъ свою киафюру, то всѣ присутствующіе должны были снять съ головы свои украшенія. Преданіе добавляетъ, что знаменитый Кромвель обязанъ своимъ паденіемъ именно сдѣланному имъ отступленію отъ этого этикета.

На островахъ Мореплавателей знакомъ мира служатъ бѣлый флагъ и вѣтви перечнаго дерева. Туземцы, подплывшіе къ кораблямъ Кука, привезли съ собою такія вѣтви мира и, прежде чѣмъ взойти на корабль, бросили на палубу эти вѣтви. Мозелей рассказываетъ, что когда онъ стоялъ у острововъ Мореплавателей, туземцы приближавшіеся на лодкахъ, въ знакъ дружелюбнаго расположенія, размахивали поднятыми кверху веслами. На Новогбридскихъ островахъ туземцы, въ знакъ дружбы, подаютъ зеленую вѣтвь и плещутъ себѣ водою на голову. Въ заливѣ Астролябіи на Новой Гвинееѣ залогомъ дружбы является звѣрскій и отталкивающийъ обычай: туземцы приводятъ съ собою собаку и, подойдя къ кораблю, схватываютъ несчастное животное за заднія лапы и разбиваютъ ему голову ударомъ о бортъ судна; въ то же время другіе протягиваютъ пальмовыя вѣтви и смачиваютъ себѣ голову морскою водою. Вообще „свѣжая кровушка“ — важная статья, и ея роль въ торжествахъ — неоспорима. Правда, въ силу экстренности такого пріема, какъ кровопролитіе, ему, какъ и подобало, отведено мѣсто въ церемоніяхъ наивысшей торжественности — религіозныхъ. Кровью пріѣтствуютъ почти исключительно божество; однако нѣкоторыя племена, быть можетъ, особенно робкія и почтительныя по натурѣ, не обошлись безъ обычая предъявлять для засвидѣтель-

ствованія своихъ отрицательныхъ чувствъ почтенія и преданности— собственную кровь. Бернъ, путешествовавшій по Новой Зеландіи, описывая обычай тренія носами, добавляетъ: „но если васъ считаютъ особою съ вѣсомъ, то привѣтственная церемонія получаетъ весьма невзрачное приращеніе: — туземецъ расцарапываютъ себѣ лицо, грудь и руки кускомъ лавы или раковиною и испускаетъ жалобные вопли, причемъ по его окровавленному лицу текутъ горькія слезы“. Отаитяне расцарапываютъ себѣ кожу гбульми зубами.

Намъ остается упомянуть о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ обычаяхъ, которые трудно отнести къ какой нибудь опредѣленной группѣ привѣтствій. Такъ, у африканскаго племени Дайуръ Швейнфуртъ отрицалъ ни съ чѣмъ несообразное обыкновеніе плевать въ своихъ друзей для засвидѣтельствованія своего совершеннаго почтенія и преданности. Швейнфуртъ прибавляетъ, что этотъ обычай постепенно выходитъ изъ употребленія, но отнюдь не потому, чтобы его находили неприличнымъ, а — наоборотъ — именно потому, что ему стали придавать все болѣе и болѣе значенія. „Мнѣ случилось видѣть эту церемонію всего три раза“, пишетъ Швейнфуртъ, и обстоятельства ясно указывали, что она служитъ знакомъ исключительнаго благоволенія; очевидно, туземцы почитаютъ этотъ актъ единственнымъ средствомъ придать завѣреніямъ дружбы всю возможную торжественность. У племени Массай, по словамъ Томсона, считается несравненно болѣе вѣжливымъ плюнуть на даму, нежели поцѣловать ее; люди плюются встрѣчаясь, плюются разставаясь; это — что-то въ родѣ нашего рукопожатія. Извѣстный охотникъ за слонами и чернымъ деревомъ, первый европеецъ, обстоятельно наблюдавшій знаменитую гориллу на ея родинѣ, Дю-Шалью упоминаетъ о сходномъ обычаѣ у западно-африканскихъ негровъ. Одинъ изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, въ торжественный моментъ разставанія, откусилъ кусочекъ мякоти сахарнаго тростника и выплюнулъ сокъ въ руки уходящимъ и остающимся. Въ другомъ случаѣ, туземецъ, разставаясь съ путешественникомъ, взялъ его за обѣ руки и дунулъ на нихъ.

Корейцы при встрѣчѣ — странно сказать — дерутся!... рѣшительно никакого другаго привѣтственнаго обычая у нихъ не замѣчено. Извѣстны два племени, Куми и Лоссаи, которыя совсѣмъ не здороваются, не прощаются и вообще никакими жестами, ни словами не выражаютъ другъ другу своихъ чувствъ.

М. А. О.

Желѣзныя дороги и телеграфъ

VIII. Телеграфы другихъ частныхъ обществъ и лицъ. — Конечное измѣненіе въ характерѣ телеграфа. — Телеграфъ, какъ предметъ частной собственности. — Вліаніе частныхъ интересовъ на самое устройство ливій государственнаго телеграфа. Существо и значеніе телеграфнаго сообщенія. — Дѣятельность государственнаго телеграфа. — Налогъ на всѣхъ въ пользу нѣкоторыхъ. — Нарушенія правъ частной собственности. — IX. Дѣятельность желѣзнодорожнаго телеграфа. — „Ошибка“, состоящая въ захватѣ несомнѣнно чужой собственности. — X. Выигрышъ желѣзныхъ дорогъ, проигрышъ государства. — Объ условіяхъ пользованія желѣзными дорогами телеграфомъ. — XI. Теперешнее финансовое значеніе телеграфной операціи. — Борьба между желѣзнодорожнымъ и государственнымъ телеграфомъ. — Возможность окончательнаго паденія государственнаго телеграфа. — XII. Необходимость реформы. — Направленіе, указываемое ей господствующимъ стремленіемъ къ возстановленію прежнихъ и установленію новыхъ регалій. — Условіе плодотворныхъ результатовъ расширенія области государственно-промышленныхъ доходовъ. — Телеграфъ, какъ ближайшая регалія къ государству. — XIII. Возможно ли полное лишеніе желѣзныхъ дорогъ права на телеграфъ? — Безусловное разрѣшеніе вопроса.

VIII

Итакъ, не находя даже никакихъ указаній и намековъ на существованіе телеграфа названныхъ частныхъ обществъ въ Сводѣ Законовъ, мы все же находимъ касающіяся ихъ выс. утв. постановленія ком. мин. въ упомянутомъ изданіи телеграфнаго вѣдомства. Но и въ послѣднемъ помѣщены лишь косвенныя данныя, свидѣтельствующія объ измѣненіи, происшедшемъ въ характерѣ телеграфа еще ярче, показывающія движеніе еще дальше простершееся въ томъ же частномъ направленіи телеграфа, и обнаруживающія даже вещи еще болѣе неожиданныя и еще менѣе сообразныя съ закономъ 17 янв. 1855 г. Именно, изъ циркуляра по телеграфному вѣдомству отъ 29 авг. 1876 г. оказывается, что... „надзору со стороны правительства подлежать всѣ вообще *существующіе* въ имперіи телеграфы, въ томъ числѣ: желѣзнодорожный, полицейскій, *разныхъ промышленныхъ и торювыхъ обществъ и учреждений* и... (даже)... *частныхъ лицъ*“.

Какіе же именно? — никакихъ другихъ указаній, кромѣ этихъ строкъ, въ обоихъ томахъ „Собранія“ не имѣется.

Затѣмъ, въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности главнаго управленія почти и тел. за 1885 г.“ оказывается особая рубрика: „Телеграфы частныхъ обществъ и лицъ“... хотя точно упомянуто только объ Англо-индѣйской линіи и Аландскомъ кабелѣ. А затѣмъ сказано вообще: „Телеграфы *другихъ* обществъ“ въ теченіе 1885 г. остались безъ измѣненія и къ 1 янв. 1886 г. составляли 581³/₄ верстъ линій, 711 вер. проводовъ и 65 станцій. И одно большое число станцій показываетъ, что дѣйствительно существуютъ еще частныя телеграфы, кромѣ указанныхъ выше. Наконецъ, свѣдѣніе объ одной линіи, принадлежащей дѣйствительно уже совершенно частному лицу, находимъ мы въ такомъ отдаленномъ источникѣ, какъ примѣчаніе къ наименованію устроенной въ 1885 г. линіи отъ Нижнетагильска до Нижнесадинскаго завода; примѣчаніе это поясняетъ именно: „проводъ подвѣшенъ къ *частной Демидовской телеграфной линіи*“.

Очевидно, рѣчь идетъ здѣсь не о вспомогательныхъ телеграфныхъ станціяхъ, о которыхъ мы упоминали выше и которыя ввѣрялись частнымъ лицамъ. Вспомогательныя станціи все же правительственныя. Но замѣчательно, что въ Уставѣ Телегр. и о нихъ нѣтъ ни малѣйшаго напоминанія; лишь ст. 1344 т. I, ч. 2, Учр. Мин., по прод. 1886 г., указываетъ на право министра внутр. дѣлъ открывать ихъ „на основаніи особыхъ о томъ правилъ“... со ссылкой на Вт. Полн. Собраніе Законовъ, въ которомъ *только* за указанный годъ подъ № 55.531 и помѣщенъ законъ, касающійся вспомогательныхъ станцій.

Слѣдовательно, упомянутыя косвенныя данныя свидѣтельствуютъ о существованіи въ Россіи именно *частнаго* телеграфа, въ смыслѣ его принадлежности даже *частнымъ отдѣльнымъ лицамъ*.

Какъ объяснить отсутствіе какихъ либо указаній на такого рода телеграфы не только въ Сводѣ Законовъ, но и въ „Собраніи“ всѣхъ *дѣйствующихъ* распоряженій по телеграфной части? Не можетъ же быть, чтобы они возникли и существовали независимо отъ закона, какъ явленія отчужденія исключительныхъ правъ государства. Во всякомъ случаѣ, эти факты показываютъ, что телеграфъ потерялъ въ Россіи въ еще болѣе степени характеръ регалии, въ смыслѣ еще болѣе широко сдѣлался частнымъ достояніемъ и въ еще болѣе полномъ смыслѣ освободился отъ правительственнаго надзора.

Самое устройство линій государственнаго телеграфа было постановлено въ зависимости отъ частныхъ интересовъ, предпринималось въ значительной степени въ направленіи и подвѣянномъ этихъ интересамъ.

Въ 1870 г. (отъ 16 мая) послѣдовалъ циркуляръ министра

Трудъ. 1891. X. 8.

внутр. дѣлъ губернаторамъ о предложеніи земскимъ собраніямъ „опредѣлить мѣры содѣйствія къ скорѣйшему устройству телеграфныхъ сообщений“. Очень естественно, что ходатайства со стороны якобы мѣстнаго населенія о сооруженіи телеграфныхъ линій съ этого времени еще болѣе усилились. Мѣры содѣйствія стали изыскиваться и предлагаться болѣе или менѣе усердно. Людей, заинтересованныхъ въ устройствѣ телеграфнаго сообщенія, крупныхъ торговцевъ, промышленниковъ, землевладѣльцевъ, должно было вездѣ найтись достаточно. При этомъ интересъ ихъ могъ быть настолько великъ, чтобы привести къ пожертвованію не только чужими (общественными) средствами, но и своими собственными, личными. А затѣмъ правительство, очевидно, было нѣкоторымъ образомъ связываемо такого рода пожертвованіями и должно было руководствоваться ими въ проведеніи телеграфныхъ линій въ томъ или другомъ направленіи.

Такимъ образомъ, и главное управленіе почтъ и тел. въ своемъ „Краткомъ обзорѣнн“ за 1885 г. сообщаетъ, что при сооруженіи новыхъ линій въ этомъ году не упускалось изъ виду, „по примѣру прежнихъ лѣтъ, *привлеченіе* къ матеріальному содѣйствію мѣстнаго населенія отводомъ бесплатнаго помѣщенія для станцій, бесплатнымъ отпускомъ столбовъ и пожертвованіемъ нѣкоторыхъ суммъ въ возмѣщеніе расходовъ казны“. А такъ какъ — кстати сказать — этимъ „привлеченіемъ“ занимались и чиновники низшихъ почтовыхъ учрежденій, то оно принимало подчасъ формы, весьма мало соотвѣтствующія достоинству государственной власти.

Но потребность въ телеграфномъ сообщеніи, посредствомъ котораго извѣстія передаются скорѣе, нежели какимъ либо инымъ путемъ, никакъ не можетъ считаться общею и существенною. Государство поэтому не можетъ считать себя обязаннымъ обезпечивать населенію телеграфное сообщеніе раньше, чѣмъ устройство почтовыхъ и иныхъ сообщений будетъ вполне закончено, и другія дѣйствительно общія и настоятельные потребности окажутся вполне удовлетворенными. Нуждаться въ телеграфѣ болѣе или менѣе ошутительно могутъ только сравнительно немногія лица и въ немногихъ случаяхъ; масса же населенія, главнымъ образомъ и доставляющая средства государственной казнѣ, можно сказать, вовсе въ немъ не нуждается. Наоборотъ, государство можетъ скорѣе и раньше всего находить необходимымъ устройство телеграфныхъ линій въ своихъ финансовыхъ, полицейскихъ и военныхъ видахъ. Затѣмъ, въ отношеніи частной потребности, государству естественно должно представляться желательнымъ и цѣлесообразнымъ сооруженіе телеграфныхъ линій только тамъ, гдѣ телеграфное сообщеніе можетъ получить развитіе, достаточное не только для покры-

тія расходовъ, но и для созданія извѣстнаго дохода, т. е. только въ пунктахъ наиболѣе населенныхъ. А въ такихъ случаяхъ всякое частное вспомошествованіе должно считаться несомнѣтельнымъ ни съ достоинствомъ государства, имѣющаго исключительное право на устройство телеграфныхъ сообщений, ни съ существомъ регалии. Тѣмъ менѣе было бы сообразно съ послѣднею, еслибы хоть одно телеграфное учрежденіе приносило больше убытка, нежели прибыли, по крайней мѣрѣ, не удовлетворяя въ то же время какой нибудь специальной военной или полицейской цѣли. Въ этомъ случаѣ, кромѣ того, являлась бы мѣстная потребность, удовлетворяемая общегосударственными средствами, — нѣкоторымъ образомъ *налезъ на всѣхъ въ пользу мѣкторыхъ*.

Но телеграфное дѣло пришло у насъ и къ такому результату... Это ясно слѣдуетъ изъ работы, производимой отдѣльными станціями, и изъ доходовъ, приносимыхъ ими.

Къ 1 янв. 1885 г. государственный телеграфъ составлялъ 95.345 верстъ линий, 177.479¹/₄ верстъ проводовъ и 1458 станцій; въ теченіе этого года телеграфная сѣть увеличилась на 2.305¹/₄ в. линий, 4.953¹/₄ в. проводовъ и 101 станцію; а за нѣкоторыми упраздненіями, сѣть государственнаго телеграфа къ 1 янв. 1886 г. составляла 97.650¹/₂ в. лин., 182.432¹/₂ в. проводовъ и 1560 (1559?) станцій. Усиленіе же ея въ 1885 г. произошло именно въ такомъ направленіи: „удобство пользованія телеграфомъ предоставлено 5 уѣзднымъ городамъ и 97 наиболѣе значительнымъ въ какомъ либо отношеніи *поселеніямъ*“ („Краткій обзоръ“).

Нельзя не удивляться тому, что, изъ общаго числа станцій, исходящихъ тарифныхъ депешъ было въ 1885 г. *всего до 300* — на 103 станціяхъ, до 600 — на 92 ст., до 1000 — на 134, до 2000 — на 350 и до 3000 — на 227 станціяхъ. Или на 906 станціяхъ изъ 1555 принимающихъ депеши (остальные 5 — контрольныя) число телеграммъ не превосходило 3000... Цифры сбора по отдѣльнымъ станціямъ усиливаютъ выясняющійся отсюда выводъ. Еще удивительнѣе, что всего *до 100 рублей* сбора дали въ 1885 г. 51 станція, до 200 руб. — 66 ст., до 300 — 49 ст., до 400 — 55 ст., до 500 — 55 ст., до 600 — 72 ст., до 700 — 57 ст., до 800 — 61 ст., до 900 — 41 ст., до 1000 — 63 ст. и до 1500 р. — 214 станцій... Или на 784 станціяхъ изъ 1555, т. е. больше чѣмъ на половинѣ, сборъ не превосходилъ 1500 р. (при этомъ ни одна изъ нихъ не имѣетъ специального назначенія: полицейскій и военный телеграфъ считаются особо и къ 1 янв. 1886 г. составляли всего 451 вер. линий, столько же проводовъ и 118 станцій). Но очевидно, что и 1500 руб. сбора едва-едва могутъ хватить на содержаніе служащихъ и

наемъ помѣщенія, не говоря о покрытіи хотя бы самой малой доли расходовъ на устройство и ремонтъ телеграфныхъ линий. Слѣд., станціи съ такимъ и даже большимъ сборомъ должны работать въ убытокъ... Съ устройствомъ въ 1885 г. телеграфа въ 97 поселеніяхъ, подобный результатъ въ 1886 г. долженъ обнаружиться еще рѣзче. Солидная работа произведена была въ 1885 г. только немногими станціями. Именно, на 52 станціяхъ число исходящихъ телеграммъ было 4,730.508 или 50,1%, т. е. больше половины; затѣмъ, станцій, давшихъ сбора до 50.000 р., было 13, до 60.000 р. — 4, до 100.000 р. — 2, до 200.000 руб. — 2 и до 450.000 руб. — одна, именно въ Петербургѣ.

Слѣдовательно, *прибыль*, приносимая немногими станціями правительственнаго телеграфа, *помощается массою прочихъ станцій*, и масса прочихъ станцій служить только въ истощенію, вмѣсто увеличенія государственныхъ доходовъ...

IX

Несомнѣнно, что подобный результатъ произошелъ подъ вліяніемъ извѣстнаго переворота въ характерѣ телеграфа, и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ жел. дорогъ. Всѣми указанными узаконеніями жел. дорогамъ предоставлялось: 1) устраивать вдоль пути телеграфное сообщеніе; 2) съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ, соединять свои телеграфы между собою и съ телеграфами иностранныхъ жел. дорогъ; 3) передавать по своимъ проводамъ пассажирскія и относящіяся до надобностей желѣзнодорожной службы телеграммы; 4) принимать и передавать съ разрѣшенія той же власти телеграммы *общей корреспонденціи*, общеправительственныя и частныя, съ платою по тарифу, всецѣло идущую въ пользу дорогъ тамъ, гдѣ нѣтъ проводовъ правительственнаго телеграфа, помимо одной станціи, имѣющей соединеніе съ правительственнымъ телеграфомъ, а также въ случаѣ накопленія депешъ на послѣднемъ или его поврежденія; 5) въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимать телеграммы общей корреспонденціи, но передавать ихъ на правительственный телеграфъ, получая за то установленную плату по производимому періодически балансу.

Но и самый ясный, твердо выраженный законъ, обставленный всѣми условіями точнаго и непремѣннаго его исполненія, все же ограничивается или расширяется всесильною практикою своекорыстныхъ побужденій. Съ закономъ же относительно желѣзнодорожнаго телеграфа это должно было, по описаннымъ условіямъ, произойти, такъ сказать, неизбежно.

Весьма характернымъ способомъ, называя ошибкою захватъ

несомнѣнно чужой вещи, свидѣтельствуемъ, между прочимъ, объ этомъ циркуляръ телеграфнаго департамента еще отъ 20 сент. 1872 г.: „На телеграфахъ нѣкоторыхъ жел. дорогъ, распредѣленіи депешъ на разряды, встрѣчаются уклоненія отъ существующихъ законовъ, вслѣдствіе *ошибочно* ихъ толкованія. Къ служебнымъ и пассажирскимъ сношеніямъ причисляются такія телеграммы, которыя несомнѣнно относятся къ общей корреспонденціи, и, вмѣсто направленія ихъ въ подлежащихъ случаяхъ на государственный телеграфъ, передаются исключительно по проводамъ жел. дорогъ“ (т. I „Собранія“).

Въ отношеніи же международной корреспонденціи подобный захватъ долженъ происходить особенно часто. Дѣйствительно, на основаніи ст. 85 положенія о телеграфѣ частныхъ жел. дорогъ, составившей и по Уст. Тел. изд. 1876 г. статью 70, исключительно по проводамъ этого телеграфа передаются депеши, обмѣниваемыя „между станціями жел. дорогъ, посреди которыхъ нѣтъ соединенія съ правительственнымъ телеграфомъ“. Естественно, что эти выраженія закона не допускаютъ распространительнаго толкованія. Но на практикѣ, при отсутствіи контроля и при большихъ выгодахъ, которыя могли явиться для жел. дорогъ изъ приданія закону такого смысла, какого онъ не имѣлъ, представляются вполнѣ вѣроятными такія послѣдствія: еще статью 68 положенія 16 мая 1870 г., составившею ст. 53 Уст. Тел. изд. 1876 г., допускалось, съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ, „соединять телеграфы *двухъ* жел. дорогъ между собою, а также соединять ихъ съ телеграфами *заграничныхъ* жел. дорогъ“. А такъ какъ всѣ жел. дороги находятся въ связи между собою, то соединеніе жел. дорогъ *попарно* составляло соединеніе телеграфа *всѣхъ* ихъ между собою. Возможность же соединенія телеграфа русскихъ жел. дорогъ съ телеграфомъ заграничныхъ, въ свою очередь, расширяла это соединеніе до соединенія съ *цѣлымъ міромъ*. Но телеграфъ правительственный не соединенъ ни съ одной точкой территоріи какой либо другой страны. Слѣд., телеграмма, обмѣниваемая между Тюменью и Берлиномъ, могла быть признана подлежащею передачѣ исключительно по проводамъ желѣзнодорожнаго телеграфа и миновать правительственный телеграфъ, пройдя черезъ всю Россію — даже и въ томъ случаѣ, если въ Тюмени есть станція правительственнаго телеграфа, и если на ней допущенъ приемъ телеграммъ международной корреспонденціи...

X

Къ 1 янв. 1885 г. сѣтъ желѣзнодорожнаго телеграфа, по которому производится передача телеграммъ общей корреспонденціи...

денці (данныя только объ этомъ телеграфѣ приводятся въ „Краткомъ обзорѣ“ ..), составляла 21.738¹/₄ вер. линий, 46.921¹/₂ вер. проводовъ и 1635 станцій. Въ теченіе 1885 г. она увеличилась на 375³/₄ вер. лин., на 754¹/₂ вер. проводовъ и на 11 станцій. Къ 1 янв. 1886 г. желѣзнодорожный телеграфъ, получившій юридически и такое назначеніе, составлялъ 22.114 вер. лин., 47.676 вер. проводовъ и 1646 станцій. При этомъ на протяженіи 3.344¹/₄ вер. линий изъ 22.114 вер. — вовсе не было еще правительственнаго телеграфа.

Въ томъ же 1885 г. передано было 25,454.061 поѣздная телеграмма, 4,442.835 телеграммъ желѣзнодорожной администраціи, 150.126 бесплатныхъ правительственныхъ, 52.053 пассажирскихъ и 2,155.377 телеграммъ общей корреспонденціи, а всего 32,306.507 телеграммъ. За тотъ же годъ передана по проводамъ правительственнаго телеграфа всего 10,884.921 телеграмма, а въ томъ числѣ исходящихъ тарифныхъ телеграммъ международной корреспонденціи 579.688. Слѣдовательно, работа желѣзнодорожнаго телеграфа превосходила *болѣе чѣмъ втрое* работу государственнаго телеграфа.

Отсюда очевидно, какъ великъ расходъ, сохраненный жел. дорогами при такомъ порядкѣ вещей, и наоборотъ — какъ велика потеря, понесенная государствомъ. Желѣзныя дороги сохранили расходъ на передачу 25,454.061 поѣздныхъ и 4,442.835 телеграммъ дорожной администраціи, а всего 29,896.896 телеграммъ, пользуясь телеграфной регалией. Государство же, поступившись ею, потеряло доходъ, который получила бы, всецѣло владѣя своимъ исключительнымъ правомъ и само по проводамъ своего телеграфа передавъ эти почти 30 мил. депешъ.

Государство предоставило, далѣе, жел. дорогамъ: 1) доходъ отъ передачи 52.053 пассажирскихъ депешъ; 2) часть дохода отъ передачи телеграммъ общей корреспонденціи, именно 1,155.553 исходящихъ телеграммъ, переданныхъ на государственннй телеграфъ, пройдя извѣстное пространство по проводамъ желѣзнодорожнаго, и 741.027 входящихъ телеграммъ, переданныхъ на желѣзнодорожный телеграфъ, — съ отчисленіемъ изъ платы въ пользу послѣдняго въ томъ и другомъ случаѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно потеряло весь доходъ отъ 258.797 телеграммъ общей корреспонденціи, переданныхъ исключительно по проводамъ желѣзнодорожнаго телеграфа. А всего государство предоставило жел. дорогамъ доходъ, само потерявъ его, отъ 32,104.326 телеграммъ. Чистый же доходъ, полученный въ 1885 г. на каждую телеграмму, составлялъ 20,4 копѣйки; на 32,104.326 телеграммъ, миновавшихъ правительственннй телеграфъ, это составило бы 6,549.282 руб. А такъ какъ въ 1885 г. по балансу съ желѣзнодорожныхъ обществъ получено было всего

432.083 рубля, то потерю, понесенную государствомъ только въ этомъ году отъ уступки имъ телеграфной регалии, слѣдуетъ считать въ 6,117.199 руб. чистыхъ — и это судя по цифрамъ, доставленнымъ самими жел. дорогами и не провереннымъ, отличающимся большою краткостью и касающимся только телеграфа, открытаго для общественнаго пользованія. Объ остальномъ железнодорожномъ телеграфѣ, работающемъ исключительно для надобностей дорогъ по крайней мѣрѣ внѣшне, по закону, не получивъ разрѣшенія принимать телеграммы общей корреспонденціи, — не сообщается здѣсь даже и краткихъ свѣдѣній. Очевидно, что, съ присоединеніемъ сюда работы послѣдняго, общая работа телеграфа частныхъ жел. дорогъ выразится въ цифрѣ еще большей, и соотвѣтственно еще болѣе значительною представится потеря, которую несетъ государство.

Потеря эта, въ сущности, еще больше и потому, что въ основу вычисленія кладется здѣсь чистый доходъ отъ каждой телеграммы въ 20,4 коп. Но доходъ этотъ, естественно, былъ бы выше, еслибы все телеграфное дѣло оставалось въ рукахъ правительства и велось въ болѣе широкихъ размѣрахъ, черезъ что сократился бы расходъ, падающій на каждую телеграмму.

Легко представить себѣ, въ какихъ суммахъ выражается потеря государства, вслѣдствіе уступки имъ телеграфной регалии въ пользованіе Индо-европейскаго общества и железныхъ дорогъ, начиная съ перваго акта этой уступки: узаконенія 8 ноября 1866 г. относительно царскосельской жел. дороги. Но одними десятками и, быть можетъ, даже сотнями миллионовъ руб. потеря тутъ, очевидно, не ограничивается, простираясь и на вещи, не поддающіяся переложенію на деньги.

Жел. дороги, за сдѣланную имъ уступку правительственной регалии, оказываютъ государству нѣкоторыя услуги, — такъ сказать, платятъ натурою, предоставляя, напр., государственному телеграфу — бесплатныя помѣщенія, а чинамъ его — бесплатный проѣздъ. Довольно трудно, однако, совмѣстить эти услуги съ существомъ и значеніемъ предоставленнаго имъ права. Кромѣ того, правительство, еще по пол. 21 ноября 1862 г., выговорило себѣ право подвѣшивать собственные проводы къ столбамъ железнодорожнаго телеграфа, а управленія жел. дорогъ обязаны оказывать содѣйствіе „къ скорѣйшему исправленію случающихся поврежденій на устроенномъ по ливніи жел. дороги правительственнымъ телеграфѣ, такъ и вообще къ сохраненію его въ исправности“ (ст. 94 Уст. Тел. изд. 1876 г., составляющая также, по существу, постановленіе Пол. 1862 г.). Едва ли однако искренно оказываютъ жел. дороги указанные услуги, такъ какъ отсутствіе правительственныхъ проводовъ или неисправность ихъ — всецѣло въ интересахъ железнодорожнаго

телеграфа, передающаго въ такихъ случаяхъ всѣ телеграммы общей корреспонденціи и вообще вступающаго во всѣ права правительственнаго телеграфа. Надзоръ же такъ слабъ! И вотъ что замѣчательно: „Неоднократно замѣчено—говорится въ циркулярѣ отъ 10 марта 1872 г.—что правительственные проводы, подвѣшенные къ столбамъ телеграфа жел. дорогъ, *большую частью повреждаются какъ отъ неудовлетворительнаго устройства этихъ телеграфовъ, такъ равно и отъ недостаточнаго за ними надзора*“ (т. I, стр. 367). Цифры говорятъ о томъ еще убѣдительно. Очевидно, насколько различно положеніе телеграфныхъ линий, устроенныхъ вдоль обыкновенныхъ дорогъ и вдоль полотна жел. дорогъ: въ первомъ случаѣ, гораздо менѣе защищенные, онѣ, казалось бы, должны подвергаться поврежденіямъ гораздо чаще, чѣмъ во второмъ, когда, кромѣ того, за ними имѣется двойное наблюденіе — со стороны жел. дорогъ и телеграфнаго вѣдомства. Между тѣмъ въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ обратное: въ то время какъ изъ общаго числа линий-верстъ правительственнаго телеграфа въ 1885 году — 19% устроено на столбахъ желѣзнодорожнаго телеграфа и 81% вдоль обыкновенныхъ трактовъ, изъ общаго числа замѣченныхъ въ томъ году поврежденій — по линиямъ жел. дорогъ произошло 26% и по обыкновеннымъ дорогамъ — 74%. И не оттого ли еще въ 1885 году оставались неподвѣшенными проводы правительственнаго телеграфа къ столбамъ жел. дорогъ на протяженіи 3.344 вер.?

Слѣдовательно, услуги, оказываемыя желѣзными дорогами, могутъ оказаться даже отрицательными, и телеграфная регалия представится переданною имъ *болѣе нежели безвозмездно*.

XI

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы не произошло описаннаго глубокаго измѣненія въ характерѣ телеграфа, и онъ оставался бы дѣйствительно регалиею, — доходъ отъ него постоянно и въ значительной степени увеличивался бы съ развитіемъ телеграфнаго сообщенія. Нынѣ онъ стоитъ почти уже на неподвижной точкѣ. Желѣзнодорожный и вообще частный телеграфъ возобладалъ надъ государственнымъ. Въ 1882 г. поступило валоваго дохода отъ послѣдняго 8,547.001 руб., въ 1883 г. — 8,852.860 р., въ 1884 г. — 8,851.461 р., въ 1885 г. — 8,215.976 р. Такимъ образомъ въ означенные годы телеграфный доходъ понижался. Начиная съ 1886 г., происходитъ однако нѣкоторое увеличеніе этого дохода: въ 1886 г. поступило 9,204.892 р., въ 1887 г. — 9,650.487 р., въ 1888 г. — 10,507.482 руб. Но если принять во вниманіе, что съ 1886 г. происходитъ усиленное соединеніе почтовыхъ учреждений съ телеграфными и зна-

чительное удлиненіе телеграфныхъ линій, то это увеличеніе валоваго телеграфнаго дохода окажется весьма мало говорящимъ о чистой прибыли. Дѣйствительно, въ слѣдующіе годы замѣчается пониженіе даже и валоваго сбора: въ 1889 г. поступаетъ его 10,296.000 р., затѣмъ по росписи 1890 г. предполагено было поступленіе его въ размѣрѣ 10,475.000, а по росписи 1891 г. предполагается къ поступленію уже 10,438.300 р.

Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ, при всѣхъ описанныхъ условіяхъ, получается еще и чистый доходъ отъ телеграфа: въ 1885 г. сборъ за телеграммы составилъ 8,106.146 р., по балансу съ желѣзнодорожныхъ обществъ получено 432.083 р., по расчетамъ съ иностранными государствами и частными компаниями — 402.381 р., сборъ за право эксплуатаціи телефонныхъ сообщений составилъ 46.991 р., разныхъ поступленій (въ томъ числѣ пособій изъ городскихъ суммъ 29.851 р. и пособій отъ разныхъ вѣдомствъ 29.155 р.) было 84.023 р., а всего валовой доходъ равнялся 9,071.623 р.; расходъ за тотъ же годъ составилъ 7,001.331 р.; чистый доходъ выводится въ „Крат. обзорѣ“ въ 2,070.292 р.; но, какъ видно, собственно отъ сбора за телеграммы остается 1,104.815 р. И затѣмъ не поглощается ли часть этого дохода субсидіями компаниямъ, владѣющимъ кабелями, а также тѣми суммами, которыя выплачиваются частному телеграфу за телеграммы общеправительственныя, не опредѣленныя къ бесплатной передачѣ? Не видно, чтобы въ „Обзорѣ“ эти обстоятельства приняты были во вниманіе. Во всякомъ случаѣ телеграфомъ приносится доходъ незначительный.

Но мелкія предпріятія поглощаются болѣе крупными. Правительственный же телеграфъ, при протяженіи *четверо большемъ*, произведя, напр., въ 1885 г., работу *трое меньшую*, сравнительно съ желѣзнодорожнымъ, — сталъ уже относительно послѣдняго мелкимъ предпріятіемъ. Дальнѣйшее паденіе одного будетъ составлять усиленіе другаго, и усиленіе одного повлечетъ за собою паденіе другаго. Между правительственнымъ и желѣзнодорожнымъ телеграфомъ возникаетъ уже сильная конкуренція. Телеграфъ жел. дор. начинаетъ чаще и чаще замѣнять правительственный. Тамъ, гдѣ есть желѣзнодорожный телеграфъ, повидимому, не устраивается уже правительственный, хотя жел. дороги соединяютъ между собою вообще наиболѣе населенныя и промышленныя пункты; не подвѣшиваются даже проводы правительственнаго телеграфа къ столбамъ желѣзнодорожнаго. Отсюда, разумѣется, и остающееся до сихъ поръ въ силѣ право жел. дорогъ передавать депеши общей корреспонденціи, „обмѣниваемыя между станціями желѣзныхъ дорогъ, посреди которыхъ нѣтъ соединенія съ правительственнымъ телеграфомъ“; отсюда и послѣдовавшее въ 1873 г. вмѣненіе жел.

дорогамъ въ обязанность передачи даже экстренныхъ депешъ о передвиженіи войскъ. Прибѣгая и въ иныхъ случаяхъ къ услугамъ желѣзнодорожнаго телеграфа, правительство, очевидно, подчиняется весьма мало уменьшающейся до сихъ поръ необходимости, возникающей изъ недостаточнаго развитія его собственной сѣти, что выражается и въ чрезвычайно слабомъ распространеніи полицейскаго и военнаго телеграфа. Далѣе, существуютъ условія, столь же служащія къ усиленію желѣзнодорожнаго телеграфа, сколько къ ослабленію правительственнаго: всѣ 1650 станцій желѣзнодорожнаго телеграфа, принимавшія въ 1885 г. депеши общей корреспонденціи, суть, безъ сомнѣнія, станціи съ постояннымъ дѣйствіемъ, круглый годъ, и днемъ и ночью. Вѣроятно также, на большей части изъ нихъ существуетъ приѣмъ заграничной корреспонденціи. Но изъ 1560 станцій государственнаго телеграфа, на 5 контрольныхъ вовсе не принимается депешъ, только 1497 открыты въ теченіе цѣлаго года, только на 765 принимается международная корреспонденція, только 183 дѣйствуютъ и днемъ и ночью; изъ остальныхъ — 50 ст. съ дневнымъ дѣйствіемъ до полуночи, только съ полнымъ дневнымъ дѣйствіемъ 378 и съ ограниченнымъ дѣйствіемъ — 941... А всѣми этими и другими способами интересъ частныхъ лицъ можетъ быть привлеченъ окончателно къ услугамъ болѣе желѣзнодорожнаго телеграфа, нежели правительственнаго, въ обходъ хотя бы и строгихъ законовъ (не грозящихъ пока не только частнымъ лицамъ, но и управленіямъ жел. дорогъ не только строгими взысканіями, но даже и устанавливавшимися Положеніемъ 21 ноября 1862 г. штрафами въ 10, 20 и 40 руб.).

Къ этому можетъ присоединиться вліяніе весьма быстро совершающагося соединенія почтовыхъ учреждений съ телеграфными, — ибо при такомъ условіи не только не прекратится производство телеграфной операціи въ такихъ пунктахъ, гдѣ она приноситъ одинъ убытокъ, составляя налогъ на всѣхъ въ пользу нѣкоторыхъ, но и число такихъ пунктовъ, и нынѣ многочисленное, даже увеличится. Вѣдь для того чтобы данное захолустное почтовое учрежденіе оказалось соединеннымъ съ телеграфнымъ, нужно провести тел. линію и открыть въ немъ приѣмъ депешъ; тутъ нельзя уже сообразоваться съ предполагаемымъ сборомъ хотя бы въ нѣсколько рублей за цѣлый годъ. Правда, при этомъ будетъ искусственно возбуждаться потребность въ телеграфномъ сообщеніи тамъ, гдѣ о немъ и не слыхивали и гдѣ онъ возбуждаетъ одни курьезныя представленія. Но независимо отъ того, что это вовсе не соотвѣтствуетъ никакимъ государственнымъ видамъ, — этому, къ счастью, воспрепятствуетъ и введенный въ 1886 г., вмѣсто пояснаго, *послов-*

мый тарифъ, при которомъ самая дальняя телеграмма оплачивается также, какъ и идущая всего за нѣсколько верстъ. Между близкими пунктами телеграфное сообщеніе вслѣдствіе этого и не можетъ развиваться. Разовьется болѣе *международная* корреспонденція, ускользящая отъ госуд. телеграфа.

При всѣхъ этихъ условіяхъ телеграфное дѣло, также какъ и почтовое, можетъ ухудшиться еще болѣе, и окончательная побѣда въ борьбѣ между желѣзнодорожнымъ и правительственнымъ телеграфомъ останется на сторонѣ перваго. Въ такомъ случаѣ доходъ отъ телеграфной регалии, незначительный теперь и даже уменьшающійся, несмотря на переходъ за послѣдніе годы въ вѣдѣніе правительства нѣсколькихъ жел. дорогъ и съ телеграфомъ, можетъ окончательно сократиться. Мало того, при возможности доставленія въ сущности громаднаго дохода, телеграфъ въ настоящемъ его положеніи можетъ приносить одинъ большой убытокъ. Самое производство операціи ухудшится, и государственный телеграфъ сдѣлается тяжелой обузой для плательщиковъ, также какъ и для лицъ, обязанныхъ пользоваться его услугами.

XII

Не представляется ли отсюда тѣмъ болѣе не только желательною, но даже и вполне необходимою извѣстная реформа въ телеграфномъ дѣлѣ — возвращеніе къ общему началу закона 17 янв. 1855 г., восстановленіе истиннаго характера телеграфа, какъ государственной регалии? И настоящее время, казалось бы, этому вполне благоприятствуетъ.

Правительство дѣлаетъ вновь, и не безъ успѣха, опыты эксплуатаціи жел. дорогъ; дѣятельность его въ такомъ направленіи общааетъ расширяться. Съ другой стороны, правительство выражаетъ намѣреніе взять въ свое вѣдѣніе производство и продажу табачныхъ издѣлій и крѣпкихъ напитковъ. Положеніемъ Комитета Мин. выс. утв. 16 ноября 1884 г., министру внутр. дѣлъ предоставлено произвести опытъ устройства и эксплуатаціи телефонныхъ сообщеній, начавъ съ г. Кіева. На самое телефонное сообщеніе съ тѣмъ вмѣстѣ, рядомъ выс. утв. положеній Ком. Мин., установлено исключительное право государства, весьма строго и твердо выражающееся: 1) въ правѣ выкупа телефонныхъ линій черезъ семь лѣтъ у лицъ, получившихъ разрѣшеніе на ихъ устройство; 2) въ переходѣ ихъ безвозмездно въ собственность правительства черезъ 20 лѣтъ; 3) въ отчисленіи въ пользу телеграфнаго вѣдомства 10% изъ валоваго дохода; 4) въ учрежденіи надзора и высканій настолько строгихъ, что послѣ трехъ случаевъ неисправности телефонная

сѣтъ переходить безвозмездно въ собственность правительства, и т. д. *)

Вообще мы находимся передъ возрожденіемъ прежнихъ и установленіемъ новыхъ регальныхъ правъ государства. Телефонная регалія также нова, какъ и изобрѣтеніе сообщенія этого рода. Табачной регаліи до сихъ поръ въ Россіи не существовало. Винная регалія господствовала у насъ сравнительно давно въ ея полномъ видѣ, который и предполагается возстановить. Николаевская жел. дорога, устроенная правительствомъ, имъ же самостоятельно и эксплуатировалась до 1868 г., когда была передана Главному Общ. рос. жел. дорогъ. Новое направленіе это можетъ дать вполнѣ плодотворные результаты какъ въ финансовомъ, такъ и въ полицейскомъ отношеніяхъ, если открывающіяся области государственно-промышленныхъ доходовъ будутъ съ тѣмъ вмѣстѣ, находясь въ вѣдѣніи администраціи, твердо, ясно и подробно регулированы закономъ, если исполнительной власти не будетъ предоставлено полномочій, которыми она приравнивалась бы къ власти законодательной, и если ея мѣняющемуся и не руководящемуся достаточно широкими соображеніями усмотрѣнію отведено будетъ наименьшее мѣсто. Начало дѣлу, къ сожалѣнію, придется иное (въ отношеніи винной торговли).

Но даже и при указываемомъ нами условіи — принятіе всѣхъ этихъ операцій на себя не лишено для правительства значительнаго риска и во всякомъ случаѣ сопряжено съ большими затрудненіями.

Ничего подобнаго, никакого переворота, риска, особыхъ затрудненій не повлекло бы за собою возвращеніе государствомъ телеграфной регаліи, принятіе телеграфнаго дѣла въ свое исключительное вѣдѣніе. Въ такомъ случаѣ телеграфная часть была бы только расширена и улучшена. Результаты пользованія ею всецѣло не могутъ быть сомнительны. Наоборотъ, изъ этого могутъ и должны получиться лишь громадныя выгоды какъ для государства, такъ и для частныхъ лицъ. Всѣ телеграммы будутъ передаваться исключительно по проводамъ правительственнаго телеграфа; не будетъ теперешней путаницы взаимныхъ отношеній между желѣзнодорожнымъ и государственнымъ телеграфомъ, отражающейся, между прочимъ, на ходѣ депешъ; государственный телеграфъ будетъ устроенъ тамъ, гдѣ онъ именно нуженъ; сборъ за депеши повысится, увеличится чистый доходъ отъ операціи, и явится возможность пониженія платы, рядомъ съ установленіемъ даже облегченія платежныхъ силъ населенія.

*) См. нашу статью: № 5 „Труда“ за 1889 г. — *Телефонная регалія.*

Само по себѣ телеграфное дѣло весьма удобно для эксплуатаціи его правительствомъ; въ немъ есть даже стороны, благодаря которымъ государство никогда не откажется отъ пользования телеграфомъ самостоятельно въ извѣстной степени; не откажется даже и въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе конкуренціи частнаго телеграфа, собственныя его линіи будутъ приносить одни убытки. Въ мирное время и при нормальномъ теченіи государственной жизни телеграфное сообщеніе имѣетъ для него громадное значеніе; интересы государственнаго управленія связаны съ нимъ неразрывно. Существованіе рядомъ съ правительственнымъ желѣзнодорожнаго телеграфа можетъ уже и тогда заключать въ себѣ извѣстныя опасности и неудобства; во время же войны, при соединеніи телеграфовъ русскихъ жел. дорогъ (находящихся нерѣдко въ не-русскомъ управленіи) между собою и съ заграничными телеграфами, когда надзоръ, столь слабый теперь, еще болѣе ослабляется — это можетъ оказаться гибельнымъ и привести къ неисчислимымъ послѣдствіямъ. Это возможно и въ томъ случаѣ, если само правительство не пользуется вовсе услугами частнаго телеграфа. Опасность еще больше, если по ненадлежащему развитію собственной телеграфной сѣти (задержанной въ этомъ усиленіемъ частнаго телеграфа) пересылаются по проводамъ послѣдняго важныя правительственныя телеграммы, телеграммы главы государства и даже экстренныя депеши о передвиженіи войскъ...

XIII

Итакъ, обращаясь къ вопросу, поставленному въ началѣ — составляетъ ли у насъ телеграфъ государственную регалию? — мы видимъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ слишкомъ серьезныя основанія; что телеграфъ не только значительно утратилъ у насъ характеръ регалии, но что и производящаяся правительствомъ телеграфная операція вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе постепеннаго полнаго предоставленія ея вліянію исполнительной власти и отстраненія отъ нея законодательныхъ опредѣленій, пришла къ весьма печальному состоянію; что положеніе ея грозитъ быстро ухудшиться еще болѣе; что она можетъ даже дойти до полнаго паденія, и что, наконецъ, изъ этого могутъ возникнуть извѣстныя опасности.

Мы видимъ, съ другой стороны, что безотлагательно-необходимая реформа должна заключаться въ полномъ восстановленіи телеграфа, какъ регалии, въ духѣ закона 17 янв. 1855 г. При этомъ можетъ быть оставлено существованіе телеграфныхъ кабелий, принадлежащихъ частнымъ обществамъ, съ установленіемъ въ отношеніи ихъ, и въ особенности Англо-индѣйской

линии, такого надзора, которымъ вполне ограждались бы государственные интересы, и съ предоставленіемъ послѣдней, во всякомъ случаѣ, единственно англо-индѣйской транзитной корреспонденціи, для которой она и предназначалась. Общія выраженія концессіи 16 ноября 1873 г., весьма выгодныя для Индо-европейскаго телеграфнаго общества при одномъ отношеніи правительства къ телеграфному дѣлу, могутъ быть обращены противъ его частныхъ интересовъ и въ достаточное огражденіе интересовъ государственныхъ при новомъ порядкѣ вещей.

Но желѣзныя дороги должны быть лишены того права на телеграфъ, которымъ онѣ такъ долго пользовались, какъ въ отношеніи частныхъ, такъ и въ отношеніи *собственныхъ ихъ надобностей*.

Возможно ли, однако, это юридически? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Прежде всего, еслибы телеграфная регалія была отчуждена въ частное пользованіе и прямо, законодательнымъ путемъ, — и тогда законъ послѣдующій могъ бы отиѣнить предыдущій. Въ области государственной жизни это происходитъ постоянно въ болѣе или менѣе ясныхъ формахъ. Нѣтъ вообще такого приобрѣтеннаго права, которое государство не могло бы парализовать, при извѣстныхъ условіяхъ, въ своихъ высшихъ видахъ, но своимъ широкимъ соображеніямъ. Въ противномъ случаѣ, кромѣ того, оказались бы увѣковѣченными и величайшія несправедливости, и гибельныя постановленія безконечно продолжали бы свое дѣйствіе; въ противномъ случаѣ, наконецъ, государство не могло бы возстановить винную регалію и установить табачную или телефонную.

Въ данномъ же отношеніи и не произошло въ указанной формѣ отчужденія въ частное пользованіе телеграфнаго сообщенія, однажды установленнаго въ характерѣ государственной регаліи. Законодательнымъ порядкомъ было допущено только существованіе телеграфа частныхъ жел. дорогъ и пользованіе имъ на извѣстныхъ условіяхъ. Ограничительная оговорка въ пол. 21 ноября 1862 г. о правѣ правительства прекращать передачу *общей* корреспонденціи по телеграфу частныхъ жел. дорогъ вовсе не закрѣпляла за жел. дорогами навсегда права пользованія телеграфомъ для собственныхъ надобностей. При существованіи въ составѣ дѣйствовавшаго тогда Устава Телеграфическаго ст. 16 и выраженнаго въ ней общаго начала 17 янв. 1855 г. — она не могла служить даже намекомъ на установленіе за жел. дорогами подобнаго отношенія къ телеграфному сообщенію. А и болѣе яснаго намека было бы совершенно недостаточно по предмету столь важному. Затѣмъ, еще менѣе могло бы дать поводъ къ подобнымъ заключеніямъ отсутствіе

въ Положеніи 16 мая 1870 г. указанной оговорки, равно какъ одновременное отсутствіе въ Сводѣ Законовъ общаго начала 17 янв. 1855 г.

Полная свобода дѣйствій государства въ его высшихъ видахъ, безъ сомнѣнія, простирается и на заключаемые имъ договоры. Еслибы вслѣдствіе этого въ актахъ договорнаго свойства, каковы уставы желѣзнодорожныхъ обществъ, за послѣдними было установлено вполнѣ ясно и твердо болѣе прочное право на телеграфное сообщеніе, то и тогда также, несомнѣстное съ другимъ высшимъ правомъ и видами государства, оно могло бы быть безпрепятственно отмѣнено. Но, по уставамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, ихъ право на телеграфное сообщеніе, наоборотъ, опредѣлено въ формахъ гораздо болѣе ограниченныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ оно устанавливалось Положеніемъ 21 ноября 1862 г. и 16 мая 1870 г. Только въ выс. утв. 4 февр. 1857 г. Пол. о варшавско-вѣнскомъ телеграфѣ сказано: „Правительство имѣетъ право прекратить, по усмотрѣнію своему, передачу частной корреспонденціи, по телеграфу варшавско-вѣнской жел. дороги, на всѣхъ станціяхъ или на нѣкоторыхъ изъ нихъ, по усмотрѣнію надобности. При этомъ однако дѣйствіе телеграфа для надобностей жел. дороги не прекращается“... т. е. не прекращается тогда, когда прекращается дѣйствіе его для частныхъ надобностей, но само по себѣ можетъ быть прекращено даже по смыслу и этого постановленія. Въ уставахъ же обществъ выс. утв.: 23 янв. 1858 г. рижско-динабургской ж. д., 19 іюля 1858 г. волжско-донской ж. д. и пароходства, 23 окт. 1859 г. рижско-митавской ж. д., 29 мая 1859 г. московско-ярославской ж. д., 8 янв. 1863 г. московско-рязанской ж. д., 19 марта 1863 г. динабургско-витебской ж. д., 21 марта 1863 г. одесско-кіевской ж. д. и т. д. — при распространеніи уже на жел. дороги Пол. о телеграфѣ царскосельской ж. д. и даже Пол. 21 ноября 1862 г., повторяется одна и та же формула: общество *обязано* (относительно московско-ярославской и московско-рязанской ж. д.: „предоставляется“ и рижско-митавской: „учредитель имѣетъ право“) устроить по линіи желѣзной дороги телеграфъ, но *только для надобностей самой дороги*. Телеграфъ варшавско-вѣнской ж. д. также получалъ назначеніе, за нѣкоторыми дозволявшимися исключеніями, передавать „дешеші, относящіяся *собственно* до жел. дороги“. Наконецъ, и въ выс. утв. 3 ноября 1861 г. новомъ уставѣ Главнаго общества російскихъ жел. дорогъ было повторено приведенное вначалѣ постановленіе Положенія 26 янв. 1857 г.: „Общество имѣетъ право устроить на свой счетъ всѣ приборы, столбы и проводники для телеграфнаго сообщенія, собственно ему нужные, и употреблять сей телеграфъ подъ над-

воромъ чиновъ телеграфной дирекціи, съ тѣмъ чтобы *мы въ такомъ случаѣ не передавать депешъ частныхъ и другихъ, къ потребностямъ жел. дорогъ не относящихся*“.

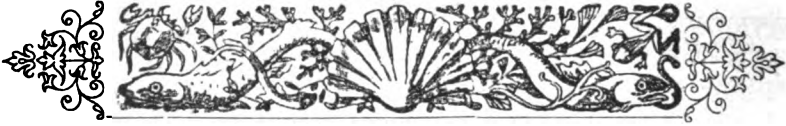
Слѣд., и во всѣхъ этихъ актахъ вовсе не происходило закрѣпленія права пользованія телеграфомъ за жел. дорогами, но лишь вмѣненіемъ въ обязанность *устройства его самимъ жел. дорогамъ* правительство отстраняло отъ себя необходимость *строить для потребностей ихъ свой телеграфъ* на большомъ протяженіи и сразу, — что было бы весьма затруднительно тогда и вовсе незатруднительно теперь; затѣмъ, и частное назначеніе предоставлялось имъ телеграфу жел. дорогъ, очевидно, единственно по недостаточному развитію собственнаго телеграфа, — что опять таки легко можетъ быть устранено теперь.

А за всѣмъ тѣмъ, и законъ 17 янв. 1855 г. *не отмѣненъ* тѣмъ порядкомъ, которымъ это было бы возможно сдѣлать, но устраненъ изъ Свода Законовъ издателями его, порядкомъ кодификаціоннымъ: въ Прод. 1868 г. въ Уставу Телеграфическому сказано, что статьи отъ 2 до 19, слѣд. и ст. 16, *за мѣнены* правилами, ниже къ ст. 1 (по сему Прод.) приложенными... 1866 мая 17“... т. е. *Учрежденіемъ управленія телеграфными линиями*. Но очевидно, что этимъ учредительнымъ закономъ не могъ быть ни отмѣненъ, ни замѣненъ законъ 17 янв. 1855 г., составившій ст. 16: „Никакая телеграфическая линия не можетъ принадлежать частной компаніи или быть въ частномъ управленіи, но должна непременно состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи и управленіи правительства“. Не былъ отмѣненъ этотъ законъ и иначе установленнымъ порядкомъ.

Слѣд., законъ 17 янв. 1855 г. *непреложно существуетъ, и телеграфъ составляетъ у насъ до сихъ поръ — юридически-государственную реалію*, претерпѣвъ описанные болѣе фактическіе перевороты въ своей судьбѣ. Слѣд., въ истинномъ своемъ значеніи и на практикѣ онъ можетъ быть восстановленъ по всѣмъ основаніямъ и по всѣмъ соображеніямъ, къ которымъ можетъ быть присоединено еще и то, что съ новымъ порядкомъ до нѣкоторой степени прекратится все еще истощающая русскій финансово-экономическій организмъ желѣзнодорожная горячка, ставъ менѣе выгодною, и облегчится выкупъ жел. дорогъ правительствомъ.

Н. Дружининъ

ДЕНЬГИ

РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛА

IX. *Продолженіе*

Жантру зло посмѣивался, выражая жестами и гримасами, какъ это будетъ превосходно; онъ отлично зналъ непобѣдимое равнодушіе этого еврея вообще ко всѣмъ женщинамъ; ничего не могло быть труднѣе, какъ соблазнить его въ этомъ отношеніи. Баронесса поняла насмѣшку, но не разсердилась и только молча улыбалась.

— Но зачѣмъ же мнѣ этотъ Гундерманъ? спросила она.

Жантру объяснилъ тогда положеніе дѣлъ на Биржѣ: извѣстно, что Гундерманъ стоитъ во главѣ группы понижателей, которая начала уже свои дѣйствія противъ Всеобщаго банка. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; Жантру имѣеть тому ясныя доказательства. Такъ какъ Саккаръ пересталъ быть любезнымъ съ баронессой, то, очевидно, простая осторожность заставляетъ ее сойтись какъ можно ближе съ его противникомъ, не разрывая совсѣмъ отношеній и съ прежнимъ любовникомъ. Такимъ образомъ, имѣя обезпеченное мѣстечко въ томъ и другомъ лагерѣ, очень легко будетъ, въ случаѣ рѣшительной битвы, перейти внезапно на сторону побѣдителя. Это предательство Жантру предлагалъ самымъ любезнымъ тономъ, просто какъ человѣкъ, подающій добрый совѣтъ. Еслибы такая женщина, какъ баронесса, согласилась помогать ему, Жантру, онъ былъ бы увѣренъ въ успѣхѣ.

— А что? хотите? давайте дѣйствовать вмѣстѣ? спрашивалъ журналистъ. — Мы будемъ другъ друга предупреж-

дать, сообщать одинъ другому все, что удастся намъ гдѣ нибудь разузнать?

Но такъ какъ онъ взялъ баронессу за руку, то она инстинктивно отдернула ее, думая совѣмъ о другомъ.

— Да вы не бойтесь, успокоиваль Жантру свою собеседницу: — я не то чтобы тамъ насчетъ чего нибудь... я просто предлагаю вамъ дружескій союзъ... Впослѣдствіи вы сами меня вознаградите за услугу.

Смѣясь, баронесса протянула ему руку, которую редакторъ поцѣловаль. Все прежнее презрѣніе къ нему исчезло. Она забыла нѣкогда лакейскую роль въ домѣ ея отца, не видѣла даже слѣдовъ беспросыпнаго пьянства и разгула на его истасканномъ лицѣ. А между тѣмъ вся его роскошная борода пропитана была алкоголемъ, новый сюртукъ покрытъ пятнами; даже на шляпѣ виднѣлись слѣды известки, — вѣроятно, отъ посѣщенія какой нибудь грязной лѣстницы.

На слѣдующій день баронесса Сандорфъ отправилась къ Гундерману. Этотъ послѣдній, съ тѣхъ поръ какъ акціи Всеобщаго банка достигли курса въ 2.000 франковъ, повелъ дѣйствительно понижающую атаку, но въ глубочайшей тайнѣ, не появляясь никогда самъ на Биржѣ и не имѣя тамъ даже официальнаго представителя. Его расчетъ заключался въ томъ, что всякая акція, прежде всего, стоитъ той номинальной цѣны, по которой она выпущена; затѣмъ сюда слѣдуетъ накинуть присвоенный ей процентъ и наконецъ имѣть въ виду степень благосостоянія банка и успѣхъ или неуспѣхъ его предпріятій. Такимъ образомъ у каждой акціи должна быть опредѣленная максимальная стоимость, въ предѣлахъ которой она благоразумно должна оставаться. Разъ акція перейдетъ за эту границу, вслѣдствіе увлеченія публики, — повышение бумаги дѣлается уже искусственнымъ, и благоразуміе требуетъ перейти на пониженіе, такъ какъ оно и безъ того должно рано или поздно случиться. Слѣдуя такому правилу и будучи вполне увѣренъ въ безошибочности своей логики, Гундерманъ тѣмъ не менѣе удивлялся быстрымъ успѣхамъ Саккара, этому вдругъ возникшему изъ ничего могуществу, которое начинало страшить самый крупный еврейскій банкъ. Нужно было какъ можно скорѣе повалить этого опаснаго соперника, не только для того, чтобы возратить себѣ 8 милліоновъ, проигранныхъ на другой день послѣ сраженія при Садовой, но главнымъ образомъ для того,

чтобы не раздѣлять владычества на денежномъ рынкѣ съ этимъ ужаснымъ авантюристомъ, отчаянныя операціи котораго, казалось, удались на зло здравому смыслу, точно посредствомъ какого-то волшебства. И Гундерманъ, полный презрѣнія ко всякаго рода страстности, еще усилилъ свою флегматичность математически расчетливаго биржеваго игрока и съ холоднымъ упрямствомъ теоретика продавалъ бумаги, несмотря на ихъ постоянное повышеніе, теряя при каждой мѣсячной ликвидаціи суммы все болѣе и болѣе значительныя, со спокойной увѣренностью мудреца, не обращающаго вниманія на временныя убытки, въ надеждѣ вернуть ихъ потомъ съ лихвой.

Когда баронессѣ удалось наконецъ попасть въ кабинетъ Гундермана, среди толкотни служащихъ и ремизье, подъ градомъ бумагъ, проносимыхъ со всѣхъ сторонъ къ подписи, и телеграммъ, распечатываемыхъ на ходу, она нашла банкира страдающимъ жестокой простудой, заложившей ему грудь и носъ. Однако онъ неизмѣнно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ 6 часовъ утра, кашляя и отхаркиваясь, изнуренный болѣзнью, но спокойный, какъ всегда. Этотъ день какъ разъ былъ кануномъ иностраннаго займа, обширная зала была наводнена толпой досѣтителей по самымъ неотложнымъ дѣламъ, которыхъ поспѣшно принимали двое сыновей Гундермана и одинъ изъ его зятьевъ. Возлѣ узкаго стола въ амбразурѣ окна, обычнаго мѣста самого банкира, трое внуковъ его, двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ, спорили на полу съ пронзительными криками изъ-за куклы, у которой были оторваны уже нога и рука и валялись тутъ же.

Баронесса немедля объяснила причину своего посѣщенія.

— Я рѣшилась, м-г Гундерманъ, лично побеспокоить васъ... Я къ вамъ по поводу одной благотворительной лотереи...

Банкиръ прервалъ ее на первыхъ же словахъ; онъ любилъ благотворительность и бралъ всегда, въ такихъ случаяхъ, по два билета, въ особенности когда свѣтскія дамы, встрѣчаемыя имъ въ аристократическихъ салонахъ, брали на себя трудъ лично доставлять ему эти билеты. Но онъ долженъ былъ извиниться: служащій поднесъ ему цѣлую кипу бумагъ для подписи. Гундерманъ обмѣнялся со своимъ помощникомъ нѣсколькими фразами, въ которыхъ мелькнули огромныя цифры:

— Вы говорите, 52 миллион? а каковъ былъ кредитъ?

— 60 миллионъ.

— Ну, такъ доведете его до 75-ти.

И Гундерманъ обратился снова къ баронессѣ. Но вдругъ одно слово, схваченное имъ въ разговорѣ его зятя съ однимъ изъ ремизье, заставило банкира поспѣшно кинуть имъ замѣчаніе:

— Да совсѣмъ же не то! по курсу въ 587—50, это составитъ 10 су меньше на каждую акцію.

— О ш-г, почтительно отозвался ремизье: — вся разница тутъ будетъ въ 43 франкахъ.

— Какъ, 43 франка? да вѣдь это громадная сумма! Что-жъ вы думаете, что я ворую деньги? Я каждый свой счетъ знаю, какъ свои пять пальцевъ.

Наконецъ, чтобы поговорить съ баронессой безъ перерывовъ, Гундерманъ рѣшилъ провести ее въ столовую, гдѣ уже накрытъ былъ столъ для завтрака. Банкиръ сразу догадался, что благотворительная лотерея была только однимъ предлогомъ; онъ зналъ обо всѣхъ связяхъ баронессы, благодаря бдительности своей собственной полиціи, доносившей ему своевременно обо всемъ интересовавшемъ его. Гундерманъ подозрѣвалъ, что баронесса явилась къ нему по какому нибудь важному дѣлу. Онъ, нисколько не стѣсняясь, прямо спросилъ ее:

— Ну, теперь расскажите, что у васъ тамъ есть сообщить мнѣ?

Но баронесса притворилась удивленной. Ей рѣшительно нечего сообщить ему; она просто хотѣла только поблагодарить его за доброе участіе.

— Значитъ, у васъ нѣтъ никакого порученія ко мнѣ? спросилъ Гундерманъ.

И онъ, казалось, разочаровался, какъ будто надѣялся до сихъ поръ, что баронесса явилась къ нему съ секретнымъ посольствомъ отъ Саккара, съ какой нибудь новой затѣей этого сумасброда.

Теперь, когда они остались наединѣ, баронесса начала бросать взгляды на банкира и улыбаться ему съ той обычной ей напускной страстностью, которая понапрасну вводила въ заблужденіе столькихъ уже мужчинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжала баронесса: — мнѣ рѣшительно нечего сообщить вамъ; но ужъ если вы такъ до-

бры, то я позволю себѣ обратиться къ вамъ съ одной просьбой.

Она наклонилась къ Гундерману, касаясь его своими колѣнями и изящными руками, затынутыми въ перчатки. Ни съ того, ни сего она начала чистосердечную исповѣдь, говорила о своемъ несчастномъ замужствѣ съ иностранцемъ, который не понялъ ни ея характера, ни ея потребностей, объяснила, какъ она принуждена была обратиться къ биржевой игрѣ, чтобы имѣть деньги на необходимые расходы свѣтской жизни. Наконецъ она коснулась своего одиночества, нужды въ совѣтѣ, руководствѣ на этомъ ужасномъ биржевомъ поприщѣ, гдѣ каждый ложный шагъ обходится такою дорогою цѣною.

— Но я думалъ, перебилъ ее Гундерманъ: — что у васъ есть ктонибудь близкій...

— Близкій! проговорила баронесса тономъ глубокаго презрѣнія. — Нѣтъ, у меня никого нѣтъ близкаго, никого... Вотъ васъ я хотѣла бы имѣть своимъ властелиномъ, кумиромъ. И чтѣ бы вамъ стоило, въ самомъ дѣлѣ, оказать мнѣ дружеское содѣйствіе, иногда сообщить мнѣ кое-какое извѣстіе, одно словечко какоенибудь, время отъ времени? Еслибы вы знали, какъ я была бы счастлива тогда, какъ я была бы благодарна вамъ... О! всей душой благодарна!

Она прильнула еще ближе къ Гундерману, обдавая его теплымъ дыханіемъ, тонкимъ и сильнымъ запахомъ духовъ, распространявшимся отъ всей ея особы. Но банкиръ оставался спокойнымъ по прежнему; онъ даже нисколько не отстранился отъ баронессы: онъ былъ совершенно нечувствителенъ къ женской красотѣ, которая не производила на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Покуда она говорила, Гундерманъ, желудокъ котораго былъ непоправимо испорченъ и который могъ питаться однимъ только молокомъ, бралъ съ тарелки компота, стоявшей передъ нимъ, одну ягоду винограда за другой и машинально проглатывалъ ихъ. Это было единственное удовольствіе, которое онъ позволялъ себѣ, и то въ видѣ баловства, расплачиваясь потомъ за это увлеченіе цѣлыми днями мучительной болѣзни.

Гундерманъ насмѣшливо улыбнулся, сознавая себя вполне застрахованнымъ отъ женскихъ чаръ, когда баронесса съ томнымъ видомъ, въ самомъ разгарѣ своей любезной навязчивости, положила ему на колѣно свою маленькую соблаз-

нительную ручку съ тонкими пальцами, гибкими, какъ змѣйки. Онъ вѣжливо взялъ эту ручку и, шутя, отстранилъ ее, признательно склоняя голову, точно снѣ благодарилъ и отказывался отъ ненужнаго ему подарка. И, не теряя своего драгоценнаго времени, Гундерманъ поспѣшилъ перейти прямо къ цѣли:

— Вы такъ любезны, баронесса, ко мнѣ, что я хотѣлъ бы вамъ доставить все, что только отъ меня зависитъ... Въ тотъ день, мой другъ, когда вы мнѣ сообщите какое нибудь интересное извѣстіе, и я постараюсь дать вамъ добрый совѣтъ. Заѣзжайте ко мнѣ и снабжайте меня свѣдѣніями о томъ, что дѣлается тамъ... ну, тогда и я вамъ скажу, что намѣренъ самъ дѣлать... Согласны, а?

Онъ всталъ, и баронесса поневолѣ должна была послѣдовать за нимъ въ сосѣднюю большую залу. Она прекрасно поняла предложенную ей сдѣлку, требовавшую шпионства и предательства. Но она не хотѣла продолжать разговора объ этомъ и намѣренно возвратилась къ благотворительной потерѣ. А Гундерманъ, насмѣшливо кивая головой, казалось, молчаливо давалъ ей понять, что не нуждается ни въ чьей помощи, что логическая роковая развязка все равно наступитъ рано или поздно. Когда наконецъ баронесса уѣхала, Гундерманъ всецѣло погрузился въ свои конторскія дѣла среди страшнаго шума и толкотни денежнаго рынка, среди непрерывной вереницы биржеваго люда, стремительной бѣготни служащихъ, крика и возни маленькихъ дѣтей, которыми удалось наконецъ оторвать голову куклѣ. Банкиръ усѣлся за свой узкій столъ и, углубившись въ размышленія, не слышалъ уже ничего.

Два раза баронесса Сандорфъ навѣдывалась въ редакцію »L'Espérance«, чтобы дать отчетъ Жантру о своемъ посѣщеніи Гундермана; но редактора не оказывалось на мѣстѣ. Дежуа наконецъ провелъ ее въ кабинетъ, между тѣмъ какъ дочь его Натали разговаривала съ м-ше Жорданъ на скамейкѣ въ коридорѣ. Второй день уже, какъ шелъ проливной дождь, и при этой сырой пасмурной погодѣ верхній этажъ стараго дома, въ глубинѣ темнаго двора, отзывался отчаянной меланхоліей. Въ сѣромъ полусвѣтѣ печальнаго коридора горѣлъ газъ. Марсель, ожидавшая мужа, рыскавшего по городу за деньгами, чтобы произвести новую уплату Бушу, грустно слушала болтовню Натали, хвастливо раз-

глагольствовавшей, точно сорока, своимъ сухимъ рѣзкимъ голосомъ, съ порывистыми жестами рано созрѣвшей парижской дѣвушки.

— Понимаете, m-me, трещала Натали: — папа не хочетъ продавать своихъ акцій... Одна особа настаиваетъ на томъ, чтобы онъ продалъ, даже пугаетъ его... Я не называю вамъ этой особы, потому что она вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые на кого нибудь могутъ наводить страхъ... Къ тому же я низачто не позволю папа продавать. Съ какой стати я буду продавать, когда акціи постоянно повышаются! Надо быть окончательно простякомъ, чтобы сдѣлать такую глупость, неправда ли?

— Конечно, задумчиво отвѣтила Марсель.

— Знаете, вѣдь наши акціи дошли уже до 2.500, продолжала Натали. — Я сама веду всѣ счета, потому что папа вѣдь не умѣетъ даже писать... Разсчитайте сами: у насъ 8 акцій — значитъ, теперь это уже составляетъ 20.000 франковъ. А чтѣ? вѣдь это прѣвосходно!.. Папа сначала хотѣлъ остановиться на 18.000. Онъ предполагалъ такъ: 6.000 — на мое приданое и 12.000 — для себя, чтобы получать небольшой доходъ въ 600 франковъ ежегодно, который вполнѣ вознаграждалъ бы его за всѣ пережитые труды и непріятности... Но теперь вышло еще лучше, что онъ не продалъ, — неправда ли? — потому что мы приобрѣли лишннихъ 2.000 франковъ!.. Но теперь мы рѣшили еще увеличить свой капиталъ, мы будемъ добиваться ренты не мѣнѣе 1.000 франковъ. И мы будемъ имѣть ее, намъ m-g Саккаръ ужъ обѣщаль... Онъ такой милый, этотъ m-g Саккаръ!

Марсель не могла удержаться отъ улыбки.

— Значитъ, вы ужъ не выходите замужъ?

— Нѣтъ, какже, выхожу, только послѣ того какъ акціи перестанутъ повышаться... болтала Натали. — Насъ торопятъ, въ особенности отецъ Теодора, чтобы скорѣе открыть заведеніе. Но что-жъ вы хотите? зачѣмъ же отказываться отъ денегъ, когда онѣ сами плывутъ намъ въ руки. О, Теодоръ отлично понимаетъ, что чѣмъ болѣе доходовъ будетъ получать папа, тѣмъ болѣе капиталъ мы получимъ отъ него впоследствии. Да, это надо понимать... Теперь всѣ ждуть, никто не продаетъ. У насъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было 6.000 франковъ, и мы могли бы обвѣнчаться, но лучше же подождать немножко. Вы читаете статьи

объ акціяхъ Всеобщаго банка?.. И, не дожидаясь отвѣта, Натали продолжала: — я читаю по вечерамъ, папа приносить мнѣ газеты... Онъ ихъ самъ читаетъ днемъ, но потомъ всегда желаетъ, чтобы я опять ему прочла... Нельзя просто оторваться, такъ это все хорошо, что тамъ общаются. Когда я ложусь спать, у меня голова переполнена этими статьями, и я всю ночь вижу во снѣ деньги. И папа мнѣ рассказываетъ, что онъ тоже видитъ сны, пророчащіе счастье и богатство. Третьяго дня намъ обоимъ приснился одинъ и тотъ же сонъ, будто мы, на улицѣ, лопатой загребаемъ монеты по сту су. Это было очень забавно.

Она снова остановилась, чтобы задать вопросъ:

— А сколько у васъ акцій?

— У насъ? ни одной, отвѣтила Марсель.

Миньютюрная фигурка Натали, съ ея бѣлокурыми нѣжными прядями волосъ, обрамлявшими блѣдное личико, выразила глубокое сожалѣніе. Ахъ какіе бѣдные люди! у нихъ нѣтъ акцій! Въ это время отецъ позвалъ ее и поручилъ отнести пакетъ съ корректурами къ одному сотруднику на квартиру, когда она будетъ возвращаться въ Батиньоль. И Натали вышла изъ редакціи съ забавной важностью капиталистки, которая время отъ времени приходитъ справляться прежде всего о биржевомъ курсѣ своихъ бумагъ.

Оставшись одна на скамейкѣ, Марсель погрузилась въ печальную задумчивость. Да, эта всегда веселая и бодрая женщина теперь была очень грустна. Боже, какъ сегодня пасмурно, какъ грустно! И ея бѣдный мужъ бѣгаетъ по улицамъ въ такую погоду, подъ проливнымъ дождемъ! Онъ презиралъ деньги и всегда хмурился при одной мысли о добываніи ихъ; ему стоило большихъ усилій требовать уплаты даже того, что ему слѣдовало получить за свою работу. Марсель снова пережила въ воспоминаніи весь сегодняшній день, съ самаго утра, скверный, неудачный день, не обидавшій ничего хорошаго. А между тѣмъ вокругъ нея кипѣла лихорадочная газетная дѣятельность, поминутно приносили и уносили пакеты, двери хлопали, и колокольчикъ звенѣлъ.

Прежде всего, сегодня, въ 10 часовъ, какъ только Жорданъ отправился изъ дому собирать свѣдѣнія объ одномъ происшествіи, о которомъ нужно было написать замѣтку, Марсель, едва умывшись и еще въ капотѣ, съ изумленіемъ

встрѣтила ввалившася въ ея квартиру Буша въ сопровожденіи двухъ другихъ мужчинъ, очень грязно одѣтыхъ, похожихъ не то на судебныхъ приставовъ, не то на воришекъ; въ точности это было трудно рѣшить. Этотъ ужасный Бушъ, пользуясь, безъ сомнѣнія, счастливой для него случайностью, что засталъ въ домѣ одну женщину, заявилъ, что они пришли съ намѣреніемъ захватить все имущество Жордановъ, если долгъ не будетъ тотчасъ же уплаченъ сполна. Марсели пришлось защищаться, не имѣя никакого повятія о судебныхъ формальностяхъ. Бушъ настаивалъ на рѣшеніи суда и на объявленіи о продажѣ вещей съ такимъ упорствомъ, что молодая женщина растерялась и готова была повѣрить въ возможность подобныхъ рѣшеній и объявленій, о которыхъ она никогда не слыхала. Но всетаки она не сразу сдалась и объяснила пришельцамъ, что мужъ ея нескоро вернется домой, а до его прихода она не позволить тронуть ни одной вещи. Тогда между тремя ворвавшимися въ домъ подозрительными личностями и молодой женщиной, полуодѣтой, съ распущенными по плечамъ волосами, началась одна изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ: они принялись тащить вещи, а Марсель запирала шкафы, заслоняла собою двери, какъ бы желая помѣшать расхищенію имущества. Ахъ, эта бѣдная ея маленькая квартирка, которую она такъ гордилась, бѣдная мебель, за которой она такъ ухаживала, бѣдныя драпировки, которыя сама приколачивала! Она съ отчаянной храбростью кричала, что до послѣдней капли крови будетъ защищать свое добро. Она называла Буша канальей и воромъ: да, онъ былъ воръ, потому что не постыдился требовать 730 франковъ 15 сантимовъ, не считая вновь наросшихъ процентовъ, за вексель въ 300 франковъ, купленный имъ за какихъ нибудь сто су, вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и старыми тряпками. Они уже и то переплатили 400 франковъ, а этотъ воръ говорить, что утащить мебель въ уплату 300 съ чѣмъ-то франковъ. просто потому, что хочетъ воровать, сколько можно. Онъ хорошо знаетъ, что Жорданами можно повѣрить на-слово, что они тотчасъ же заплатятъ, какъ только получатъ деньги; но онъ пользуется тѣмъ, что засталъ дома одну женщину, неспособную бороться, не знающую судебной процедуры; и вотъ онъ нарочно пугаетъ ее, доводитъ до слезъ. Каналья! воръ! воръ! Взбѣшенный Бушъ началъ кричать еще громче

и при этомъ отчаянно колотилъ себя въ грудь: развѣ онъ не честный человѣкъ? развѣ онъ не заплатилъ за вексель настоящими деньгами и всю сумму? Онъ поступаетъ по закону и хочетъ покончить съ этимъ дѣломъ. Однако, когда два грязныхъ господина открыли ящики комода, отыскивая тамъ бѣлье, Марсель подняла такой страшный шумъ, угрожая обратить вниманіе всего дома и даже всей улицы, что еврей немного укротился. Наконецъ, послѣ еще получасоваго унижительнаго препирательства, онъ согласился подождать до завтра, давая при этомъ клятву, что заберетъ все, если завтра она не сдержитъ ему обѣщанія. О какой жгучій стыдъ испытывала Марсель до сихъ поръ еще, вспоминая, какъ эти негодяи пришли къ ней, оскорбляли ея деликатность, ея стыдливость, рылись вездѣ, даже въ кровати, заражая ея милую квартиру своимъ гнуснымъ запахомъ, такъ что она должна была раскрыть настежь окно послѣ ихъ ухода.

Но другое, еще худшее горе ожидало Марсель въ этотъ же самый день. Ей пришло въ голову тотчасъ же поспѣшить къ родителямъ, чтобы занять у нихъ нужную для уплаты Бушу сумму денегъ: такимъ образомъ, когда мужъ вечеромъ вернется домой, она не станетъ огорчать его семейными дѣлами, а—напротивъ—пресмѣшно расскажетъ ему всю эту утреннюю сцену. Она представляла уже себя описывающею генеральное сраженіе во время жестокой осады ихъ квартиры и свой героизмъ, съ какимъ она отразила атаку. Сердце ея однако сильно билось, когда она входила въ маленькій отель въ улицѣ Лежандра, въ этотъ зажиточный домъ, гдѣ она выросла и гдѣ теперь рассчитывала встрѣтить почти чужихъ людей—до такой степени отъ родителей ея вѣяло нынѣ враждебностью и холодомъ. Такъ какъ она застала родителей за столомъ, то и приняла приглашеніе вмѣстѣ позавтракать, чтобы расположить ихъ по возможности къ себѣ. Во все время завтрака разговоръ шелъ о повышеніи акцій Всеобщаго банка, курсъ которыхъ еще наканунѣ опять поднялся на 20 франковъ; Марсель удивило, что мать ея еще болѣе возбуждена и проявляетъ еще болѣе жадности, чѣмъ отецъ, тогда какъ прежде она выходила изъ себя при одной мысли о спекуляціи; теперь, съ увлеченіемъ вполнѣ отдавшейся страсти женщины, она еще упрекала мужа за боязливость и поджигала его на

рискованныя предпріятія. Въ разговорѣ она вышла изъ себя, когда мужъ упомянулъ о желаніи продать свои 75 акцій по этому случайному курсу въ 2.520 франковъ, такъ какъ при продажѣ они нажили бы 189.000 франковъ — прекрасный барышъ: болѣе 100.000 сверхъ номинальной стоимости. Жена накинулась на него: продать!? когда »Cote financière« общаетъ курсъ въ 3.000 франковъ? да вѣдь это просто значить съ ума сойти! вѣдь »Cote financière« известна своею испытанною честностью; онъ самъ же повторялъ часто, что, получая эту газету, можно спокойно спать самымъ крѣпкимъ сномъ. Нѣтъ ужъ, этого не будетъ, чтобы она позволила продавать акціи! она скорѣе продастъ свой отель, чтобы купить еще акцій. Марсель, молча, съ бьющимся быстро сердцемъ слухала, какъ они швыряли съ увлеченіемъ громадными суммами; она не знала, какъ и осмѣлиться выпрашивать взаймы 500 франковъ въ этомъ домѣ, охваченномъ биржевой игрой, гдѣ она видѣла вездѣ цѣлыя горы финансовыхъ газетъ, наполненныхъ опьяняющими соблазнами для довѣрчивой публики. Наконецъ, за десертомъ, Марсель отважилась: она объяснила, что имъ нужно 500 франковъ, иначе могутъ продать все ихъ имущество, и, конечно, родители не покинутъ же ихъ безъ помощи въ виду такого бѣдствія. Отецъ тотчасъ же опустилъ голову, бросая смущенные взгляды на свою жену; а мать прямо отказала, самымъ рѣшительнымъ тономъ. 500 франковъ! да гдѣ же найти такія деньги? всѣ ихъ капиталы вложены въ операцію. При этомъ начались старые упреки: когда выходишь замужъ за голыша, за человѣка, сочиняющаго книжки, надо заранѣе рассчитывать на послѣдствія такой глупости и не воображать, что можно будетъ сѣсть на шею родителямъ. Нѣтъ, у нихъ нѣтъ ни одного лишняго су для лѣнтяевъ, которые, прикидываясь такими равнодушными къ деньгамъ, не подумали хорошенько, что нужно же будетъ ѣсть что нибудь, какъ и всѣмъ другимъ людямъ. И мать преспокойно позволила уйти дочери ни съ чѣмъ, хотя у той, окончательно обезнадеженной теперь, сердце обливалось кровью; она не могла узнать теперь своей матери, когда-то разсудительной и доброй.

Очутившись на улицѣ, Марсель безсознательно шла впередъ, смотря подъ ноги, не валяются ли гдѣ нибудь на тротуарѣ случайно оброненныя прохожимъ деньги. Потомъ

ей пришла вдругъ въ голову внезапная идея обратиться къ дядѣ Шаву, и она немедленно поспѣшила въ укромный уголокъ нижняго этажа въ улицѣ Нолле, чтобы застать дядю передъ уходомъ его на Биржу. Тамъ со всѣхъ сторонъ слышались перешептыванья, хихиканья подозрительныхъ дѣвицъ. Однако черезъ отворенную дверь Марсель увидѣла капитана, въ одиночествѣ покуривавшего свою трубочку. При первыхъ же словахъ племянницы онъ очень огорчился и пришелъ въ ярость на самого себя, выкрикивая, что у него никогда нѣтъ въ карманѣ какихъ нибудь ста франковъ свободныхъ, что онъ каждый день проѣдаетъ свои ничтожные биржевые выигрыши, какъ самая подлая, глупая свинья. Потомъ, узнавъ объ отказѣ Можандровъ, онъ обрушился на нихъ, еще худшихъ негодяевъ, чѣмъ онъ самъ, которые ничего теперь не слышатъ и не видятъ, съ тѣхъ поръ какъ повышение курса ихъ четырехъ акцій свело ихъ окончательно съ ума. Развѣ на прошлой недѣлѣ сестра не обозвала его скрягой, не подняла на смѣхъ его скромную биржевую игру, — и все это ради того, что онъ дружески совѣтовалъ ей продать акціи? Вотъ ужъ онъ-то не заплачетъ ни за что, если Можандры когда нибудь сломятъ себѣ шею въ своей безумной погонѣ за наживой!

И снова Марсель увидѣла себя на улицѣ съ пустыми руками. Теперь ей надо было пойти въ редакцію «L'Espérance», чтобы сообщить мужу о всѣхъ происшествіяхъ сегодняшняго утра. Бушу необходимо было заплатить во что бы то ни стало. Жорданъ, романъ котораго еще не былъ принятъ ни у одного издателя, бросился искать денегъ по всему Парижу, — утопавшему въ грязи этого дождливаго дня, — не зная, къ кому обратиться: къ друзьямъ или въ журналы, гдѣ онъ получалъ иногда случайную работу. Хотя онъ умолялъ жену вернуться домой, но она была такъ обезпокоена, что предпочла остаться въ редакціи, на скамейкѣ въ коридорѣ, и ждать его возвращенія.

Послѣ ухода дочери, Дежуа, видя, что Марсель осталась одна, принесъ ей газету.

— Не хотите ли, м-ше, почитать, чтобы убить время?

Но она отрицательно покачала головой. Въ это же время пріѣхалъ Саккаръ, и Марсель, ободрившись, весело объяснила ему, что отправила мужа по одному очень скучному дѣлу, отъ котораго рада была сама избавиться. Саккаръ,

чувствовавшій симпатію къ »голубкамъ«, какъ онъ называлъ Жордановъ, настаивалъ, чтобы Марсель подождала мужа у него въ кабинетъ. Но она отказалась, увѣряя, что ей и здѣсь хорошо. Тогда Саккаръ пересталъ упрашивать молодую женщину и уже направился въ свою комнату, какъ вдругъ столкнулся носъ съ носомъ съ баронессой Сандорфъ, выходившей отъ Жантру. Впрочемъ, они улыгнулись другъ другу со свѣтской любезностью людей, не выдающихъ передъ посторонними своихъ близкихъ отношеній.

Жантру, въ разговоръ съ баронессой, заявилъ ей, что не осмѣливается теперь давать ей какой либо совѣтъ. Ея безпокойство возрастало въ виду непоколебимой прочности Всеобщаго банка, несмотря на усиливающіяся нападенія понижателей: конечно, Гундерманъ одержитъ верхъ, но и Саккаръ можетъ долго продержаться, а потому, можетъ быть, выгоднѣе было бы дѣйствовать покуда заодно съ послѣднимъ. Между Жантру и баронессой рѣшено было выжидать и ладить съ обоими противниками. Самымъ лучшимъ представлялось вывѣдывать отъ Саккара его тайны, прикидываясь любезнымъ съ нимъ, и хранить эти тайны для себя, чтобы во-время воспользоваться ими или продать ихъ Гундерману, смотря какъ будетъ выгоднѣе. Все это обсуждалось не въ видѣ чернаго замысла, а въ самомъ шутовскомъ тонѣ, и баронесса, смѣясь, общала редактору свято хранить договоръ.

— Эге, она теперь ужъ все около васъ трется! пришла и ваша очередь! грубо замѣтилъ Саккаръ, входя въ кабинетъ редактора.

Жантру притворился непонимающимъ и удивленнымъ.

— Кто это она?.. Ахъ да, баронесса! Но она въ васъ до сихъ поръ влюблена. Она мнѣ сейчасъ сама это говорила.

Старый биржевой бандитъ остановилъ его жестомъ челоуѣка, котораго не проведешь. Онъ внимательно оглядѣлъ Жантру, носившаго на себѣ теперь ясные слѣды самаго отчаяннаго кутежа, и подумалъ, что если баронесса увлеклась Сабатани изъ одного только любопытства, то весьма легко она можетъ соблазниться и этой грязной руиной.

— Нечего оправдываться, *mon cher*, сказалъ Саккаръ. — Когда женщина бросается въ биржевую игру, она способна дѣлать глазки всякому посыльному съ улицы, лишь бы узнать отъ него какую нибудь новость.

Жантру былъ глубоко оскорбленъ, но принужденно размѣялся и шуточно отказывался объяснить визитъ къ нему баронессы. Она прѣѣзжала сюда, по его словамъ, по поводу одной газетной замѣтки.

Саккаръ только пожалъ плечами и тотчасъ же оставилъ этотъ разговоръ о женщицѣ, не представлявшей, какъ онъ выразился, для него никакого интереса. Прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатамъ и останавливаясь по временамъ передъ окномъ, за которымъ все лилъ безконечный дождь, Саккаръ радостно волновался. Да, акціи Всеобщаго банка наканунѣ опять повысились на 20 франковъ! Но ради какого дьявола, однако, продажи все усиливаются? Повышеніе дошло бы непременно до 30 франковъ, еслибы не цѣлая пачка акцій, обрушившаяся на рынокъ въ самомъ началѣ биржеваго собранія. Саккаръ и не подозрѣвалъ, что Каролина снова продала 1.000 своихъ акцій, стараясь сама противодействовать безразсудному повышенію и исполняя желаніе брата, высказанное имъ передъ отъѣздомъ. Конечно, Саккаръ не могъ особенно жаловаться на плохія дѣла, въ виду все возрастающаго успѣха, но всетаки онъ волновался и сегодня испыталъ даже впервые нѣкоторое содроганіе, вызванное смутнымъ ощущеніемъ страха и гнѣва. Онъ громко высказывалъ, что подлые жида поклялись добиться его гибели, и что эта каналья Гундерманъ сталъ недавно во главѣ цѣлаго синдиката понижателей, устроеннаго съ цѣлью сокрушить Всеобщій банкъ. На Биржѣ прямо подтверждали этотъ слухъ и даже говорили о суммѣ въ 300 миллионѣвъ, ассигнованной синдикатомъ на поддержку пониженія. Ахъ разбойники! Но Саккаръ не повторялъ во всеуслышаніе другихъ слуховъ, усиливавшихся на Биржѣ день ото дня, а именно слуховъ, заподозрѣвавшихъ солидность Всеобщаго банка, приводившихъ даже факты, указывавшихъ на симптомы будущихъ сильныхъ затрудненій въ операціяхъ этого банка. Правда, эти слухи не могли всетаки до сихъ поръ поколебать слѣпаго довѣрія публики.

Дверь редакторскаго кабинета внезапно отворилась, и вошелъ Гюре со своимъ обычнымъ простодушнымъ видомъ.

— А, вотъ и Іуда наконецъ явился! воскликнулъ Саккаръ.

Гюре, узнавъ, что Ругонъ окончательно отказался поддерживать своего брата, сошелся опять съ министромъ. Де-

путать былъ убѣжденъ, что какъ только Ругонъ выступить противъ Саккара, послѣднему низачто не избѣжать катастрофы. Чтобы вымолить себѣ прощеніе, Гюре рѣшился услуживать министру, исполнять всякіе его капризы, бѣгать по его порученіямъ, рискуя въ этой должности не только быть жестоко выруганнымъ, но и получить хорошую затрещину въ спину.

— Ну, пусть хоть Гуда! согласился Гюре съ тонкой усмѣшкой, освѣщавшей иногда его грубое мужицкое лицо. — Во всякомъ случаѣ, такого Гуду можно назвать молодцомъ, потому что онъ готовъ дать безкорыстно добрый совѣтъ чело-вѣку, которому, какъ вы думаете, онъ измѣнилъ.

Но Саккаръ, какъ бы не желая слушать никакихъ разсужденій, тотчасъ же началъ хвалиться своимъ успѣхомъ:

— А что? 2.520 вчера, а сегодня — 2.525!

— Знаю, я сейчасъ продавалъ, преспокойно отвѣтилъ Гюре.

Гнѣвъ Саккара, до сихъ поръ скрываемый наружной шутивостью, вдругъ разразился.

— Какъ! вы продали? хорошо! это превосходно! Вы бросили меня сначала для Ругона, а теперь сошлись съ Гундерманомъ!

Депутатъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Съ Гундерманомъ? это почему? Я забочусь исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ, только и всего. Я, вы знаете, не изъ числа головорѣзовъ. Нѣтъ, мнѣ не переварить вашихъ штукъ. Я предпочитаю тотчасъ же реализовать свои прибыли. Можетъ быть, благодаря только этому, я и не терялъ никогда денегъ.

И осторожный, благоразумный нормандецъ снова улыбнулся; онъ тихохонько, не суетясь, собиралъ свою жатву.

— И это администраторъ банка! горячо продолжалъ Саккаръ. — Какже вы хотите послѣ этого, чтобы къ намъ имѣли довѣріе? что должна думать публика, видя, что вы продаете свои акціи въ самый разгаръ повышательнаго настроенія? Чортъ возьми, я не удивляюсь теперь слухамъ, что наше благополучіе фантастично, что день нашего крушенія приближается... Разъ такіе господа, какъ вы, продаютъ, — начнутъ продавать и всѣ. Вотъ и паника!

Гюре молча сдѣлалъ неопредѣленный жестъ. Въ сущности теперъ ему было рѣшительно все равно; онъ свое дѣло

сдѣлалъ. Въ настоящее время онъ заботился только о томъ, какъ бы удачнѣе исполнить порученіе, данное ему Ругономъ, и при этомъ испытать самому какъ можно меньше неприятностей.

— Я ужъ вамъ сказалъ, mon cher, началъ онъ: — что пришелъ дать вамъ безкорыстный совѣтъ... Ну такъ вотъ что: будьте осторожны, братъ на васъ сильно золь. Онъ васъ непременно оставитъ на произволъ судьбы, если вамъ не посчастливится.

Саккаръ, сдерживая свой гнѣвъ, спросилъ только:

— Это онъ самъ поручилъ вамъ передать мнѣ?

Послѣ нѣкотораго колебанія депутатъ предпочелъ сознаться:

— Ну да, онъ самъ... О, не предполагайте, чтобы нападки »L'Espréance«
играли какую нибудь роль относительно его раздраженія. Онъ выше этихъ укуловъ самолюбію... Но, по правдѣ сказать, католическое ультрамонтанское направленіе вашего журнала значительно затрудняетъ ему свободу дѣйствій. Со времени этихъ несчастныхъ римскихъ осложненій все духовенство отвернулось отъ него, еще недавно ему пришлось расправиться съ однимъ епископомъ, черезчуръ ужъ зарвавшимся въ своей ненависти... И для своихъ нападений вы выбрали какъ разъ такой моментъ, когда Ругонъ и безъ того съ большимъ трудомъ сдерживаетъ либеральное движеніе, вызванное реформами 19 января, которыя онъ согласился примѣнять, какъ говорятъ, съ единственной цѣлью благоразумнаго ихъ ограниченія... Такъ вотъ видите, вы — братъ его, что-жь онъ — доволенъ долженъ быть всѣмъ этимъ?

— Что и говорить! насмѣшливо отвѣчалъ Саккаръ. — Это очень подло съ моей стороны. Бѣдный мой братецъ, во что бы ни стало желающій остаться министромъ, управлять имперіей во имя принциповъ, противъ которыхъ еще вчера самъ возставалъ, и хватается за меня, потому что не знаетъ, какъ удержаться на своемъ эквилибристическомъ поприщѣ между правой, разозленной его предательствомъ, и центромъ, добивающимся вырвать у него изъ рукъ власть. Вчера еще, чтобы успокоить ультрамонтановъ, онъ бросилъ имъ свое знаменито: никогда! Онъ клялся, что Франція никогда не позволитъ Италіи отнять Римъ у папы. А сегодня, страха ради либераловъ, ему хотѣлось бы и имъ дать

какуюнибудь гарантию; вотъ онъ и выдумалъ зарѣзать меня для ихъ удовольствія... Недавно Эмиль Оливье ловко отхваталъ его въ палатѣ...

— О, прервалъ Саккара Гюре: — онъ пользуется по прежнему полнымъ довѣріемъ въ Тюльери. Императоръ пожаловалъ ему брилліантовую звѣзду.

Но Саккаръ энергическимъ жестомъ далъ понять, что его не такъ-то легко надуть.

— Всеобщій банкъ въ настоящее время слишкомъ могущественъ, не правда ли? Католическій банкъ, который угрожаетъ забрать въ свои руки весь міръ, побѣдитъ его деньгами, какъ нѣкогда католичество побѣждало силой религіи, развѣ вы это можете выносить? Всѣ свободные мыслители, всѣ масоны, надѣющіеся сдѣлаться министрами, дрожатъ отъ ужаса... А, можетъ быть, затѣвается также какойнибудь заемъ съ помощью Гундермана. Что-жъ дѣлать, правительство поневолѣ отдаетъ себя на съѣденіе подлымъ жидамъ!.. И вотъ этотъ дуракъ, мой братъ, чтобы удержать за собою власть еще хоть на полгода, готовъ принести меня въ жертву паршивымъ жидамъ, либераламъ, всякой сволочи, въ надеждѣ, что они оставятъ его на время въ покоѣ, покуда будутъ пожирать меня... Ну хорошо! такъ передайте же ему, что я плюю на него...

Саккаръ выпрямился во весь свой небольшой ростъ; его бѣшенство уже ярко сквозило теперь сквозь иронию, какъ все приближающійся звукъ военной трубы.

— Слышите вы, повторилъ онъ: — я плюю на него. Вотъ мой отвѣтъ, и я хочу, чтобы онъ дошелъ до г. Ругона.

Гюре пожалъ плечами. Когда въ дѣловыхъ разговорахъ доходили до ругани, онъ обыкновенно не продолжалъ спора. Кромѣ того, онъ здѣсь игралъ роль простаго комисіонера.

— Хорошо, хорошо! Будетъ ему сказано... Вы рискуете сломать себѣ шею. Но это ваше дѣло.

Наступило молчаніе. Жантру, все время не вмѣшивавшійся въ разговоръ и притворявшійся всецѣло погруженнымъ въ чтеніе корректуры, поднялъ теперь глаза и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Саккара. И красивъ же былъ этотъ разбойникъ въ своемъ страстномъ порывѣ! Эти геніальные негодяи иногда просто нахрапомъ одерживаютъ верхъ, когда ихъ подхватить внезапный восторгъ. Жантру

въ этотъ моментъ вполнѣ сочувствовалъ Саккару, увлекаясь его стойкостью и безстрашіемъ.

— Ахъ, я и забылъ, замѣтилъ Гюре. — Кажется, Делькамбръ, оберъ-прокуроръ, вашъ врагъ? А вы еще, вѣроятно, не знаете, что императоръ назначилъ его сегодня министромъ юстиціи?

Саккаръ, расхаживавшій по комнатѣ, вдругъ остановился. Лицо его омрачилось. Онъ съ досадой проговорилъ:

— Еще только этого недоставало! А, изъ него сдѣлали министра... Но мнѣ-то какое дѣло до того, что онъ министр?

— Ну, продолжалъ Гюре, стараясь казаться еще простодушнѣе: — если съ вами случится какоенибудь несчастіе, какъ это можетъ случиться со всякимъ дѣловымъ человѣкомъ, такъ вы ужъ не рассчитывайте, что Ругонъ будетъ защищать васъ отъ Делькамбра.

— Да чортъ ихъ поberi! крикнулъ Саккаръ. — Я же сказалъ вамъ, что плюю на всю эту шайку, и на Ругона, и на Делькамбра, и на васъ вмѣстѣ съ ними!

На счастье, въ эту минуту вошелъ Дегремонъ. Онъ никогда не появлялся въ редакціи, а потому эта всѣхъ поразившая неожиданность разомъ прекратила горячій споръ. Всегда изящный Дегремонъ съ любезной улыбкой пожалъ всѣмъ руки, какъ изысканно вѣжливый свѣтскій человѣкъ. Его жена собиралась устроить вечеръ, на которомъ сама будетъ пѣть, и онъ лично пришелъ пригласить на этотъ вечеръ Жантру, чтобы тотъ потомъ помѣстилъ въ газетѣ статью. Присутствіе Саккара, казалось, привело Дегремона въ восторгъ.

— Ну, какъ вы поживаете, великій дѣятель?

— Скажите мнѣ по правдѣ, вы не продавали акціи? спросилъ Саккаръ, не отвѣчая на привѣтствіе Дегремона.

— Продавать? О нѣтъ еще! И Дегремонъ залился самымъ откровеннымъ смѣхомъ. На его преданность банку, казалось, вполнѣ можно было положиться.

— Да въ нашемъ положеніи вовсе нельзя продавать, никогда! вскричалъ Саккаръ.

— Ну, разумѣется, никогда! Я же это самое и хотѣлъ сказать, подтвердилъ Дегремонъ. — Мы всѣ между собою солидарны, и, по крайней мѣрѣ, на меня вы можете вполнѣ рассчитывать.

Его вѣки однако задрожали, и онъ бросилъ на окружаю-

щихъ нѣсколько подозрительный взглядъ, когда ручался за другихъ администраторовъ, за Седилля, Кольба, маркиза де-Богена, какъ за самого себя. Дѣла идутъ превосходно, и, право, такъ приятно, когда всѣ члены товарищества согласны между собою; оттого они и пользуются необыкновеннымъ успѣхомъ, какого на Биржѣ не бывало еще въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Дегремонъ каждому присутствующему въ редакціи сказалъ нѣсколько любезныхъ фразъ и удалился, повторивъ еще разъ, что онъ надѣется всѣхъ троихъ видѣть у себя на вечерѣ. Мунье, теноръ изъ Оперы, будетъ участвовать въ дуэтѣ съ его женою. О, эффектъ будетъ поразительный!

— Итакъ, спросилъ Саккара Гюре, собираясь тоже уходить: — вы больше мнѣ ничего не скажете?

— Рѣшительно ничего! сухо подтвердилъ Саккаръ.

И онъ нарочно даже не пошелъ проводить депутата, какъ это всегда дѣлалъ. Потомъ, оставшись вдвоемъ съ редакторомъ, онъ сказалъ:

— Вотъ и война! Теперь нечего стѣсняться съ ними: отдѣляйте мнѣ хорошенько этихъ мошенниковъ!.. Ахъ, наконецъ-то я могу дать имъ настоящее сраженіе, котораго я такъ давно ожидалъ!

— Во всякомъ случаѣ, это довольно неприятно! возразилъ Жантру, сомнѣнія котораго опять возвратились.

Между тѣмъ Марсель все еще сидѣла въ ожиданіи на скамейкѣ въ коридорѣ. Было еще только 4 часа, но Дежуа уже зажегъ лампы, потому что сумерки быстро наступили при пасмурной погодѣ и неустанно лившемъ дождѣ. Каждый разъ, проходя мимо Марсели, Дежуа старался сказать ей нѣсколько словъ, чтобы чѣмъ нибудь развлечь молодую женщину. Въ это время движеніе сотрудниковъ, входившихъ и выходившихъ изъ редакціи, значительно усилилось; изъ сосѣдней комнаты доносились громкіе голоса; дѣятельность все возрастала, по мѣрѣ того какъ составленіе газеты приближалось къ концу.

Внезапно очнувшись отъ задумчивости и поднявъ глаза, Марсель вдругъ увидала передъ собою мужа. Онъ промокъ насквозь и былъ разстроенъ; губы его тряслись, а взглядъ блуждалъ по сторонамъ, какъ у человѣка, выбившагося изъ силъ послѣ напрасныхъ и безуспѣшныхъ хлопотъ. Марсель поняла все.

— Ты не достала ничего, правда? спросила она мужа, блѣднѣя.

— Ничего, милочка, рѣшительно ничего... Нигдѣ не могъ ничего достать...

Сердце Марсели облилось кровью; она могла только прошептать тихую жалобу: — о Боже мой!

Въ эту минуту Саккаръ вышелъ изъ кабинета Жантру и удивился, что жена Жордана до сихъ поръ еще сидитъ въ коридорѣ.

— Неужели, м-ше, вашъ мужъ еще не вернулся? Я же васъ просилъ войти въ кабинетъ, чтобы тамъ подождать его, замѣтилъ Саккаръ.

Марсель пристально посмотрѣла на него, и вдругъ внезапная идея блеснула въ ея большихъ печальныхъ глазахъ. Безъ всякихъ размышленій, ею овладѣла отчаянная рѣшимость, какая является иногда у женщинъ и увлекаетъ ихъ въ минуты сердечныхъ порывовъ.

— М-г Саккаръ, заговорила она: — у меня есть къ вамъ просьба. Если вамъ угодно выслушать меня, я готова сейчасъ же переговорить съ вами.

— О, разумѣется, м-ше! вѣжливо согласился Саккаръ.

Жорданъ, испугавшійся одной мысли, о чемъ она будетъ просить, хотѣлъ удержать жену. Онъ шепнулъ ей на-ухо: »не надо! не надо!« и растерялся съ обычной ему застѣнчивостью, когда дѣло шло о денежныхъ вопросахъ. Но Марсель тихонько отстранила мужа, и ему поневолѣ пришлось послѣдовать за нею въ кабинетъ издателя.

— М-г Саккаръ, начала Марсель, когда дверь за ними затворилась: — мой мужъ безуспѣшно бѣгалъ по всему Парижу цѣлыхъ два часа, чтобы занять гдѣ нибудь 500 франковъ, а у васъ онъ не осмѣливается попросить... Ну, такъ я у васъ прошу одолжить мнѣ эту сумму...

И, съ порывистостью молодой женщины, смѣлой и рѣшительной, она рассказала свое утреннее происшествіе, грубое вторженіе Буша, нападеніе на ея квартиру троихъ мужчинъ, какъ ей удалось отразить осаду, и какъ она дала обѣщаніе уплатить весь долгъ завтра. Ахъ эти денежные неприятности бѣдныхъ людей! сколько горя наноситъ сознание своего позора и безсилія! вся жизнь проходитъ въ непрестанномъ безпокойствѣ изъ-за какихъ нибудь нѣсколькихъ несчастныхъ монетокъ по сту су!

— Бушь! отозвался Саккаръ. — Такъ это старый плуть Бушь держитъ васъ въ своихъ когтяхъ... И онъ съ чарующимъ добродушіемъ обратился къ Жордану, блѣдному и безмолвному отъ невыносимой для него муки этого объясненія: — Ну что-жъ? Я вамъ выдамъ впередъ 500 франковъ. Вамъ бы слѣдовало безъ церемоніи попросить меня.

Саккаръ сѣлъ уже за столъ, чтобы подписать чекъ, но остановился и задумался. Онъ вспомнилъ о письмѣ Буша, полученномъ имъ недавно, и о необходимомъ визитѣ къ плутоватому еврею, визитѣ, который Саккаръ все откладывалъ со дня на день, подозрѣвая здѣсь какую нибудь грязную исторію. Отчего бы не отправиться сейчасъ же въ улицу Фейдо, пользуясь случаемъ и имѣя такой благовидный предлогъ?

— Знаете чтó? обратился онъ къ Жорданамъ. — Я хорошо знаю этого вашего негодяя... Лучше я самъ поѣду къ нему и заплачу вашъ долгъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ онъ, можетъ быть, уступить ваши векселя за полцѣны.

Глаза Марсели выражали глубокую благодарность.

— О, м-г Саккаръ, какъ вы добры! проговорила она и, обращаясь къ мужу, добавила: — ну вотъ видишь, дурачокъ ты мой, что м-г Саккаръ не сѣлъ насъ.

Жорданъ, въ припадкѣ радости, бросился женѣ на шею и расцѣловалъ ее. Онъ благодарилъ ее за то, что она была энергичнѣе и находчивѣе его въ житейскихъ затрудненіяхъ, которые его всегда ставили втупикъ.

— Не надо! не надо! говорилъ Саккаръ, когда молодой человѣкъ и ему съ благодарностью жаль руку. — Мнѣ очень пріятно доставить вамъ удовольствіе. Вы оба такъ любите другъ друга, что, право, пріятно видѣть... Идите себѣ домой и будьте спокойны!

Карета Саккара, ожидавшая его у подъѣзда, въ двѣ минуты домчала его въ улицу Фейдо, посреди залитыхъ дождемъ улицъ, цѣлой вереницы раскрытыхъ зонтиковъ и грязи, летѣвшей брызгами со всѣхъ сторонъ. Взобравшись въ верхній этажъ, Саккаръ долго звонилъ у старой ободранной двери, на которой была прибита дощечка съ крупной надписью: »Совѣты по тяжбынымъ дѣламъ«. Дверь не открывали, и за нею не слышно было никакого движенія. Саккаръ хотѣлъ уже идти прочь, но попробовалъ еще съ досады постучать въ дверь кулакомъ. Тогда послышалось шлепанье туфель, и появился Сигизмундъ.

— А! это вы! воскликнул молодой человек. — Я думал, что это мой брат вернулся за ключем, который он забыл взять с собою. Я никогда не отворю на звонки... Брат скоро придет. Если вам нужно его повидать, так подождите.

Нетвердой походкой и шатаясь от слабости, Сигизмунд вместе с посетителем вошел в свою комнату, выходящую окнами на Биржевую площадь. Здесь было еще совершенно светло, на этой высоте, господствовавшей над туманом, который стлался по залитым дождем улицам. Стены комнаты были голы, а все ее убранство заключалось в узкой железной кровати, простом столе и двух стульях, да нескольких полках, уставленных книгами. Перед камином стояла маленькая переносная печь, грязная и потухшая.

— Посидите, пригласил Саккара Сигизмунд. — Брат говорил, что он сбегает тут недалеко и сейчас вернется.

Но Саккар отказался сесть, вглядываясь между тем в молодого человека, на бледном лице которого ясно выступали следы прогрессирующей чахотки. Детиски чистые глаза его задумчиво смотрели куда-то вдаль, не гармонируя с высокими энергическим лбом; среди длинных прядей волос, худоба его лица дѣлалась еще поразительнее и прямо напоминала мертвеца.

— Вы были больны? спросил Саккар, не зная, о чем говорить.

Сигизмунд махнул рукой с полнейшим равнодушием.

— Э, я всегда болен. На прошлой недѣль мнѣ было особенно скверно от этой подлой погоды... Но это еще невелика бѣда... Я почти не сплю, зато больше времени остается для работы, а в жарь бросить — тоже удобно, по крайней мѣрѣ не чувствуешь холода... Ахъ, сколько еще у меня неконченнаго дѣла!

И он сѣлъ за столъ, на котором лежала раскрытая книга на нѣмецкомъ языкѣ.

— Вы меня извините, я сяду, продолжалъ Сигизмунд. — Я не спалъ всю ночь, читая эту вотъ книгу, которую вчера только получилъ.....

Саккаръ любопытствовалъ заглянуть въ книгу, но его сейчас же оттолкнулъ видъ готическаго шрифта.

— Я подожду, когда переведутъ эту книгу, сказалъ онъ, улыбаясь.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, какъ бы давая понять, что и въ переводѣ это сочиненіе будетъ доступно только немногимъ посвященнымъ.....

Внезапно раздавшійся грубый голосъ заставилъ вздрогнуть Саккара:

— Эге! это вы! что вы тутъ дѣлаете?

Это былъ вернувшійся Бушъ; онъ съ ненавистью взглянулъ на гостя, точно ревнивый любовникъ, потому что находился въ постоянномъ страхѣ: продолжительный разговоръ могъ вызвать у его брата сильный кашель. Впрочемъ, не ожидая отвѣта, онъ съ материнской заботливостью началъ распекать Сигизмунда:

— Ну какже это можно! ты не поддержалъ даже огня въ печкѣ! Скажите на милость, есть ли тутъ хоть капля здраваго смысла, при такой сырой погодѣ!

Потомъ, несмотря на свою массивную фигуру, онъ сѣлъ на корточки передъ печкой, накололъ растопокъ и развелъ огонь; мало того, пошелъ за щеткой и подмелъ комнату, освѣдомился, принималъ ли больной лекарство, назначенное на каждые два часа, и до тѣхъ поръ не успокоился, покуда не заставилъ брата лечь въ постель и отдохнуть. Тогда только онъ обратился къ гостю:

— М-г Саккаръ, неудобно ли вамъ пройти въ мой кабинетъ...

Мешень была уже тамъ и сидѣла на единственномъ креслѣ, помѣщавшимся въ этой узенькой комнатѣ. Она съ Бушемъ только что совершила по сосѣдству весьма важный набѣгъ, полнѣйшая удача котораго привела ихъ обоихъ въ восторгъ. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ имъ наконецъ посчастливилось обдѣлать одну аферу, давно уже сильно занимавшую ихъ и беспокоившую. Въ теченіе трехъ лѣтъ Мешень рыскала по всему Парижу, отыскивая Леони Кронъ, ту самую дѣвушку, которую обольстил графъ Бовилье и выдалъ ей расписку въ 10.000 франковъ съ обязательствомъ уплатить эту сумму въ день ея совершеннолѣтія. Напрасно Мешень обращалась къ своему кузену Фейѣ, имѣвшему небольшую контору въ Вандомѣ для уплаты доходовъ по процентнымъ бумагамъ, который для Буша купилъ эту расписку въ числѣ разныхъ старыхъ векселей,

оставшихся послѣ Шарпье, хлѣботорговца и нѣкогда ростовщика; Фейё ничего не зналъ о дѣвицѣ Леони Кронъ и отвѣтилъ только, что она, должно быть, находится въ Парижѣ, въ услуженіи у одного судебного пристава, что она уже десять лѣтъ какъ уѣхала изъ Вандома и никогда туда не возвращалась, а родственники ея, къ которымъ можно было бы обратиться за свѣдѣніями, всѣ перемерли. Мешенъ нашла и судебного пристава, о которомъ упоминалъ Фейё, прослѣдила всѣ мѣста, на которыхъ потомъ жила Леони: у мясника, у содержанки, у дантиста; но, начиная съ дантиста, нить изысканій сразу обрывалась, дѣвушка пропала, какъ иголка въ стогъ сѣна, затерявшись въ парижскихъ трущобахъ. Безуспѣшно Мешенъ обѣгала всѣ конторы для найма и услуги, меблированные комнаты, притоны разврата, вездѣ разнюхивая, вслушиваясь и разспрашивая при малѣйшемъ намекѣ на имя какой нибудь Леони. А эта дѣвушка, которую она искала такъ далеко, неожиданно нашлась, совершенно случайно, въ двухъ шагахъ отъ Буша, въ той же улицѣ Фейдо, въ сосѣднемъ домѣ терпимости, гдѣ Мешенъ удалось накрыть одну свою старую жилищку изъ Неаполитанскаго квартала, задолжавшую хозяйкѣ 3 франка. Геніальнымъ соображеніемъ Мешенъ узнала искомую дѣвушку подъ вычурнымъ именемъ Леониды, когда содержательница дома своимъ пронзительнымъ голосомъ вызывала проститутку въ гостинную. Мешенъ тотчасъ же дала знать Бушу, и они вдвоемъ отправились въ веселый притонъ для заключенія сдѣлки. Видъ толстой дѣвки съ жесткими черными волосами, подстриженными надъ самыми бровями, съ плоскимъ и дряблымъ лицомъ, носившимъ слѣды самаго низкаго паденія, сначала поразилъ Буша, но потомъ онъ понялъ причины ея особенной соблазнительности десять лѣтъ назадъ и даже обрадовался, что она дошла до такого отвратительнаго положенія. Онъ предложилъ ей 1.000 франковъ за уступку ему права взысканія по распискѣ. Леони, по глупости, тотчасъ же согласилась на сдѣлку съ дѣтской радостью. Наконецъ-то теперь можно будетъ устроить травлю на графиню Бовилье, — думалось Бушу. Средство для этого было неожиданно отыскано среди грязи и безстыдства.

— А я поджидалъ васъ, г. Саккаръ, заговорилъ Бушъ. — Намъ съ вами нужно переговорить... Вы вѣдь получили мое письмо?

Въ узкой комнатѣ, заваленной тетрадами, полутемной, освѣщавшейся только тусклымъ мерцаніемъ маленькой лампы, Мешень молча и неподвижно возсѣдала на единственномъ креслѣ. Саккару поневолѣ пришлось стоять; и, не желая показать вида, что онъ испугался угрозы, банкиръ рѣзкимъ и презрительнымъ тономъ сразу заговорилъ о дѣлѣ Жордана:

— Извините, я зашелъ къ вамъ, чтобы уплатить долгъ за одного изъ моихъ сотрудниковъ... за Жордана, прекраснаго молодаго человѣка, котораго вы настойчиво преслѣдуете съ жестокостью по истинѣ возмутительной... Еще сегодня утромъ, кажется, вы такъ обошлись съ его женой, что порядочный человѣкъ постыдился бы подобнаго поступка.

Атакванный съ непредвидѣннаго пункта, Бушъ, самъ собиравшійся напасть, растерялся и, забывъ всѣ другія дѣла, пришелъ въ ярость:

— Жорданъ! вы явились по дѣлу Жордана!.. Ни женщинъ, ни порядочныхъ людей въ дѣловыхъ сношеніяхъ не существуетъ. Если долженъ — плати, ничего другаго я знать не хочу... Эти шельмы скрывались отъ меня нѣсколько лѣтъ; наконецъ съ дьявольскимъ трудомъ мнѣ пришлось вытягивать изъ нихъ 400 франковъ, по одному су!.. А, чортъ ихъ возьми, я продамъ ихъ вещи, я вытолкаю ихъ на улицу завтра утромъ, если они не выложатъ мнѣ сегодня же вечеромъ, вотъ на этотъ столъ, 330 франковъ 15 сантимовъ, оставшихся еще за ними.

Саккаръ, руководясь извѣстной тактикой, чтобы вывести окончательно Буша изъ терпѣнья, сказалъ, что Жорданъ уже въ сорокъ разъ оплатилъ свой вексель, который, по всей вѣроятности, достался Бушу за какихъ нибудь 10 франковъ. Тотъ дѣйствительно чуть не лопнулъ отъ злости.

— А! вы такъ думаете? и вы мнѣ это говорите?.. а проценты вы забыли? а мои издержки? Этотъ долгъ съ 300 франковъ дошелъ теперь до 700 слишкомъ... А мнѣ какое дѣло? Мнѣ не платятъ — я взыскиваю. Я не виноватъ, что судебныя пошлины такъ высоки, на то законы! Въ такомъ случаѣ, если я куплю вексель за 10 франковъ, то и долженъ получить за него только 10 франковъ, и дѣлу конецъ? Ого! а мой рискъ? а мои разѣзды? а мое время? наконецъ, мои труды? Нѣтъ, постойте, насчетъ дѣла Жордана вы можете спросить вотъ эту даму. Она сама имъ занималась. Сколько ей пришлось бѣгать по всему городу,

трепать бапки, лазить по лѣстницамъ во всѣ редакціи газетъ: а тамъ передъ ней захлопывали двери, какъ передъ попрошайкой, не давали адреса этого господина. Надъ этимъ дѣломъ мы бились нѣсколько мѣсяцевъ, мы обдумывали его, работали надъ нимъ, какъ надъ самымъ важнымъ процессомъ. Если класть только по 10 су за часъ, такъ и то выйдеть громадная сумма.

Въ сильномъ волненіи, Бушъ порывистымъ жестомъ указаль на связки дѣлъ, загромождавшія комнату.

— У меня вотъ здѣсь болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ векселей всевозможныхъ сроковъ, выданныхъ самыми различными людьми, на ничтожныя и на колоссальныя суммы... Не хотите ли пріобрѣсти ихъ за милліонъ? съ удовольствіемъ уступлю... Подумайте только, что у меня есть должники, которыхъ я разыскиваю уже четверть столѣтій! Чтобы получить съ нихъ какія нибудь жалкія сотни франковъ, даже менѣе иногда, я выжидаю по цѣлымъ годамъ, выжидаю, покауда они разбогачьютъ или получаютъ наслѣдство... Другіе, неразрысканные, самые многочисленныя, покоятся вонъ тамъ — посмотрите — вотъ въ этомъ углу, вся эта огромная куча. Это ничто или хуже, это сырой матеріалъ, изъ котораго надо создать нѣчто, извлечь пользу, но еще Богъ знаетъ послѣ какихъ сложныхъ изслѣдованій и хлопотъ!.. И вы хотите, чтобы я, ухвативъ наконецъ состоятельнаго должника, выпустилъ его изъ рукъ? Ну нѣтъ, вы сами тогда бы меня за дурака, вы сами не сдѣлали бы такой глупости... Да, вы сами!

Чтобы не продолжать спора, Саккаръ вынулъ свой бумажникъ.

— Я вамъ заплачу 200 франковъ, сказалъ онъ: — а вы мнѣ возвратите векселя Жордана и дадите расписку въ полученіи всей суммы.

Бушъ подскочилъ отъ злости.

— 200 франковъ? да никогда въ жизни! Мнѣ надо 330 франковъ 15 сантимовъ. Я не уступлю даже сантимовъ.

Но Саккаръ, со спокойной самоувѣренностью человѣка, знающаго могущество наличныхъ денегъ, повторилъ нѣсколько разъ своимъ ровнымъ голосомъ:

— Я вамъ заплачу 200 франковъ...

Еврей, сознававшій въ душѣ, что благоразумнѣе всего

будеть уступить, согласился наконецъ, хотя и съ бѣшенымъ воплемъ, со слезами на глазахъ.

— Я слишкомъ мягокъ... такая ужъ моя злая судьба!.. Честное слово, меня обкрадываютъ, меня просто грабятъ... Что-жъ! пользуйтесь случаемъ, не церемоньтесь, берите ужъ кстати и другіе векселя, тащите ихъ хоть цѣлую кипу за ваши 200 франковъ!

Потомъ, когда Бушъ выдалъ расписку въ полученіи долга и написалъ еще нѣсколько словъ къ судебному представу, у котораго находились векселя Жордана, — онъ нѣкоторое время пыхтѣлъ у стола и былъ до такой степени взволнованъ, что отпустилъ бы Саккара, еслибы не Мешень, которая до сихъ поръ не вымолвила ни слова и не двинулась съ мѣста.

— А что же дѣло-то наше съ г. Саккаромъ? вмѣшалась теперь она.

Бушъ сразу вспомнилъ все и схватился за мысль о мщеніи. Но все, что онъ заранѣе подготовилъ: изложеніе дѣла, вопросы, ловкое веденіе разговора, — все улетучилось изъ его памяти; онъ торопился только скорѣе придти къ цѣли.

— Да, это дѣло, правда! Я вамъ писалъ, ш-г Саккаръ. Намъ съ вами надо еще свести старые счеты.

Онъ протянулъ руку, чтобы достать тетрадь по дѣлу Саккара; затѣмъ раскрылъ ее передъ собою и началъ:

— Въ 1852 г. вы останавливались въ меблированной квартирѣ въ улицѣ Лагарпа и выдали тамъ 12 векселей, по 50 франковъ каждый, на имя дѣвицы Октавіи Шавайль, 16 лѣтъ, которую вы однажды вечеромъ на лѣстницѣ жестоко оскорбили... Эти векселя — вотъ здѣсь. Вы не заплатили ни по одному изъ нихъ, потому что выѣхали съ квартиры, не оставивъ адреса, до наступленія срока платежа по первому векселю. Но хуже всего, что они подписаны вымышленной фамиліей Сикардо т. е. фамиліей вашей первой жены...

Сильно поблѣднѣвъ, съ остановившимися на одномъ предметѣ глазами, Саккаръ молча слушалъ. Охваченный невыразимымъ волненіемъ при воспоминаніи о прошломъ, вставшемъ передъ нимъ, онъ чувствовалъ, точно какая-то огромная и неопредѣленная масса близится и готова рухнуть на него. Въ первое мгновеніе ужаса, Саккаръ растерялся и могъ только пробормотать:

— Какъ вы узнали это? какъ вы узнали?

Потомъ, дрожащими руками, онъ поспѣшилъ снова вынуть свой бумажникъ, думая только о томъ, какъ бы скорѣе заплатитъ и овладѣть этой опасной тетрадью.

— Конечно, расходовъ вѣдь никакихъ не было съ вашей стороны? спросилъ онъ Буша. — Вотъ 600 франковъ... О, можно было бы много еще сказать по поводу этого, но я предпочитаю заплатитъ безъ всякихъ споровъ.

И Саккаръ выложилъ шесть банковыхъ билетовъ.

— Пойдите крикнѣте Бушъ, отталкивая деньги. — Я еще не кончилъ. Дама, которую вы здѣсь видите, двоюродная сестра Октавіи, и эти документы принадлежатъ ей, а я только отъ нея имени требую уплаты... Бѣдная Октавія осталась навсегда калѣкой вслѣдствіе вашего грубаго обращенія. Она перенесла много несчастій и умерла въ страшной нищетѣ у этой вотъ госпожи, которая ее пріютила... Эта дама, если вамъ угодно, можетъ разсказать нѣчто...

— Ужасныя вещи! воскликнула Мешень своимъ тоненькимъ голоскомъ, нарушая наконецъ упорное молчаніе.

Испуганный Саккаръ обернулся къ ней, забывъ совсѣмъ о присутствіи въ комнатѣ этого мясистаго существа, загромоздившаго кресло, точно полуопорожненный бурдюкъ. Мешень всегда внушала ему нѣкоторое безпокойство своей хищнической торговлей обезцѣненными бумагами. И вотъ опять она встрѣтилась ему на дорогѣ, какъ участница въ этой непріятной исторіи.

— Конечно, эта дѣвушка была несчастна. Мнѣ весьма прискорбно, бормоталъ Саккаръ. — Но если она умерла, то я, право, не вижу... Во всякомъ случаѣ, вотъ вамъ 600 франковъ.

Бушъ вторично отказался отъ полученія денегъ.

— Извините, вы еще не знаете всего; у Октавіи родился ребенокъ... Да, ребенокъ, которому теперь 14 лѣтъ и который до такой степени похожъ на васъ, что вы не можете отказаться отъ него.

Пораженный Саккаръ повторилъ нѣсколько разъ:

— Ребенокъ... ребенокъ...

Затѣмъ, собравъ вдругъ порывистымъ жестомъ шесть банковыхъ билетовъ и положивъ ихъ обратно въ бумажникъ, онъ бодро и заносчиво проговорилъ:

— А! такъ вотъ какъ! Скажите же, пожалуйста, чего

вы хотите отъ меня? Если у Октавіи остался ребенокъ, то я вамъ не дамъ ни одного су... Ребенокъ наследуетъ послѣ своей матери, и только онъ получить отъ меня все то, чего пожелаетъ... Ребенокъ! Да вѣдь это очень мило, совершенно естественно, и ничего нѣтъ дурнаго — имѣть ребенка. Напротивъ, мнѣ это очень пріятно, меня это молодить, честное слово! Гдѣ же я могу его видѣть? отчего вы не доставили его ко мнѣ тотчасъ же?

Ошеломленный, въ свою очередь, Бушъ вспомнилъ свои долги колебанія, прежде чѣмъ затѣять эту исторію, вспомнилъ и безконечныя предосторожности, которыя принимала Каролина, не рѣшавшаяся сразу заявить о существованіи Виктора его отцу. Сбитый съ позпци, Бушъ пустился въ крайне рѣзкія и крайне запутанныя объясненія, говоря сразу и о 6.000 франковъ долгу покойной Октавіи, и о расходахъ на содержаніе мальчика, причитавшихся Мешень, и о 2.000 франковъ задатка, полученнаго отъ Каролины, и объ ужасныхъ наклонностяхъ Виктора, и о его поступленіи въ Домъ трудолюбія. Саккаръ, со своей стороны, срывался съ мѣста при каждой новой подробности. Какъ! 6.000 франковъ? А гдѣ же доказательства? Да, можетъ быть, совсѣмъ наоборотъ: мальчишку ограбили непрошенные опекуны? Задатокъ въ 2.000 франковъ! И они имѣли дерзость выманить у его хорошей знакомой 2.000 франковъ! Да вѣдь это грабежъ, злоупотребленіе довѣріемъ! Этотъ мальчикъ, чортъ возьми, такъ отвратительно воспитанъ, и они еще требуютъ вознагражденія за его порчу, когда они сами отвѣтственны за подобное воспитаніе! Что же, за дурака, что ли, принимаютъ его?

— Ни одного су! кричалъ Саккаръ. — Слышите вы? И не рассчитывайте вытянуть изъ моего кармана хотя бы одно су!

Поблѣднѣвшій Бушъ всталъ изъ-за стола.

— Ну, мы это еще увидимъ, проговорилъ онъ. — Я васъ потащу въ судъ.

— Не говорите, пожалуйста, глупостей, возразилъ Саккаръ. — Вы отлично знаете, что судъ не занимается подобными вещами... А если вы надѣетесь на шантажъ, то это еще глупѣе, потому что я плевать хочу на все. Ребенокъ! Да я вамъ повторю еще разъ, что мнѣ очень лестно слышать это!

И такъ какъ Мешень загоразивала ему выходъ, то Саккару пришлось оттолкнуть ее и пробить себѣ дорогу къ двери. Толстая баба, задыхаясь отъ борьбы, бросилась за нимъ на лѣстницу и крикнула своимъ пискливымъ голосомъ:

— Каналья! безсердечный!

— Вы о насъ услышите! проворчалъ Бушъ, захлопывая дверь.

Саккаръ такъ былъ возбужденъ, что приказалъ своему кучеру ѣхать прямо въ улицу Сень-Лазарь. Ему хотѣлось скорѣе повидаться съ Каролиною. Войдя къ ней, Саккаръ прежде всего безъ церемоніи накинулся на нее съ упреками, зачѣмъ она понапрасну истратила 2.000 франковъ.

— Никогда не слѣдуетъ, мой другъ, бросать деньги такъ неосмотрительно... На кой чортъ вы все это дѣлали, не посоветовавшись предварительно со мною?

Каролина, взволнованная мыслью, что наконецъ-то онъ узналъ всю эту исторію, не отвѣчала ничего. Значить, дѣйствительно на томъ письмѣ она угадала почеркъ Буша, и теперь ей уже не было нужды скрывать что бы то ни было, потому что другой взялъ на себя трудъ сообщить Саккару ея тайну. Однако она все еще колебалась, стыдясь за этого человѣка, который разспрашивалъ ее безъ малѣйшаго стѣсненія.

— Я хотѣла избавить васъ отъ непріятности, оправдывалась Каролина. — Этотъ несчастный ребенокъ находился въ такомъ страшномъ положеніи... Я давно бы вамъ все рассказала, еслибы не чувство...

— Какое чувство? прервалъ ее Саккаръ. — Право, я тутъ ровно ничего не понимаю.

Послѣ этого Каролина уже не пробовала объясняться и не желала даже оправдывать себя; ей стало грустно и горько думать обо всѣхъ этихъ мерзостяхъ, несмотря на свою всегдашнюю житейскую бодрость. А Саккаръ продолжалъ распространяться о своемъ сынѣ, веселый, въ самомъ дѣлѣ молодой:

— Бѣдный мальчишка! Я его навѣрное люблю, вы увидите... Вы отлично сдѣлали, что помѣстили его въ Домъ трудолюбія, чтобы обтесать его немножко. Но мы его возьмемъ оттуда, мы наймемъ ему учителей... Завтра я поѣду посмотреть на него. Да, завтра, если, конечно, не буду очень занятъ.

Но завтра состоялось засѣданіе административнаго совѣта, потомъ прошло два дня, прошла недѣля, а Саккаръ все не находилъ ни одной свободной минуты. Онъ часто воспоминалъ о ребенкѣ, но откладывалъ посѣщеніе Дома трудолюбія, увлекаемый теченіемъ, по которому его несъ быстрый успѣхъ Всеобщаго банка.

Въ первыхъ числахъ декабря курсъ акцій дошелъ до 2.700 франковъ, среди необыкновеннаго увлеченія, болѣзненной горячки дѣлъ, продолжавшей волновать Биржу. Хуже всего было то, что тревожные слухи усиливались, повышеніе принимало бѣшеные размѣры, зло разрасталось и дѣлалось уже невыносимымъ: теперь начали громко говорить о неизбежной катастрофѣ, а между тѣмъ повышались цѣны во что бы то ни стало, и повышали безостановочно, просто неудержимой силой общаго настроенія публики, закрывавшей глаза передъ очевидностью. Саккаръ жилъ теперь въ призрачной обстановкѣ своего скороспѣлаго триумфа, окруженный золотымъ ореоломъ денегъ, рассыпаемыхъ его щедрой рукой по всему Парижу, хотя онъ былъ настолько уменъ, что сознавалъ непрочность почвы подъ собою, угрожавшей вотъ-вотъ провалиться подъ его ногами. Несмотря на то, что онъ въ каждую ликвидацію оставался побѣдителемъ, Саккара всетаки раздражали дѣйствія понижателей, убытки которыхъ становились ужасными. И съ чего эти паршивые жида такъ взбѣленились? Будетъ ли, наконецъ, предѣлъ этой борьбѣ? Но особенно, что пугало его гораздо больше, чѣмъ вражда Гундермана, преслѣдовавшаго свою опредѣленную цѣль, это — другіе мелкіе продавцы изъ числа сторонниковъ Всеобщаго банка, измѣнники, переходившіе въ непріятельскій лагерь, колеблющіе вѣру въ вождя повышателей и соблазнявшіе публику реализовать быстро нажитые капиталы.

Однажды Саккаръ высказалъ Каролинѣ свое неудовольствіе по поводу такихъ поступковъ близкихъ ему людей; тогда она сочла своимъ долгомъ признаться и въ собственной измѣнѣ.

— Такъ знайте же, мой другъ, что и я продала акціи... Я только что реализовала нашу послѣднюю 1000 акцій по курсу въ 2.700.

Саккаръ остолбенѣлъ, услышавъ о такомъ черномъ предательствѣ.

— Вы продали? вы? Боже мой, вы?

Искренно огорченная Каролина взяла его за руки и пожала их, напомнив при этомъ, что она и братъ ея предупреджали его заранѣе. Гамеленъ, который все еще оставался въ Римѣ, писалъ письма, наполненные выраженіями смертельной тревоги по поводу несоразмѣрнаго повышенія акцій, котораго онъ никакъ не могъ объяснить себѣ и которое слѣдовало задержать во что бы то ни стало, подъ страхомъ немедленнаго и непоправимаго крушенія. Еще наканунѣ Каролина получила отъ него письмо съ формальнымъ приказаніемъ продать акціи. Ну, она и продала.

— Вы, вы продали! повторялъ Саккаръ. — Это были вы — тотъ врагъ, котораго я чуялъ спрятавшимся въ уголку! Это ваши акціи я долженъ былъ выкупать на Биржѣ!

Саккаръ не выходилъ изъ себя, по своему обыкновенію, но Каролина вслѣдствіе этого страдала еще болѣе, видя его печаль; ей хотѣлось образумить его, отвлечь отъ безпощадной биржевой борьбы, которая могла закончиться страшнымъ пораженіемъ.

— Другъ мой, послушайте меня, говорила она. — Подумайте только, что наши 3000 акцій дошли до цѣны свыше 7½ милліоновъ. Вѣдь это же невозможный, безумный барышъ, не правда ли? Меня эти деньги просто ужасаютъ; я не могу вѣрить, что онѣ составляютъ мою собственность... Но, кромѣ того, здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ личномъ интересѣ. Вспомните же наконецъ и о всѣхъ тѣхъ, которые вручили вамъ все свое состояніе, обо всей этой милліонной массѣ мелкихъ капиталовъ, которая рискуетъ вмѣстѣ съ вами. Зачѣмъ поддерживать это бессмысленное повышеніе, зачѣмъ постоянно подстрекать еще его? Мнѣ со всѣхъ сторонъ жужжать въ уши, что катастрофа близка, что она неизбежна... Не будете же вы въ состояніи вѣчно повышать свои акціи? И, право, не будетъ никакого позора съ вашей стороны, если вы вернете ихъ къ дѣйствительной стоимости. Вашъ банкъ только выиграетъ отъ этого и спасется отъ паденія.

Но Саккаръ сейчасъ же поднялся на дыбы.

— Я хочу непременно довести курсъ до 3000... Я покупаю и буду покупать дальше, хотя бы мнѣ пришлось прогорѣть. Ну, пускай я прогорю, пусть все рухнетъ вмѣстѣ со мною, если я не добьюсь своего и не доведу курса до 3000!

Послѣ полумѣсячной ликвидаціи 15 декабря курсъ акцій Всеобщаго банка поднялся до 2.800, потомъ до 2.900. Наконецъ 21 числа на Биржѣ былъ объявленъ курсъ этихъ акцій въ 3.020 франковъ; возбужденіе публики дошло до сумасшествія. Отнынѣ не существовало ни истины, ни логики; всякое понятіе о цѣнности исчезло, потеряло дѣйствительный смыслъ. Ходилъ слухъ, что Гундерманъ, вопреки своей обычной осторожности, рисковалъ теперь ужасающими суммами; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, покуда онъ поддерживалъ пониженіе, потери его росли съ каждой полумѣсячной ликвидаціей въ такой же мѣрѣ и такими же страшными скачками, какъ наживались повышатели; начинали даже потихоньку поговаривать, что Гундерманъ весьма легко можетъ лопнуть. Всѣ головы кружились; ожидали необыкновенныхъ событій.

Въ это рѣшительное мгновеніе Саккаръ, на высотѣ своего величія, хотя и чувствовалъ, какъ почва колеблется подъ его ногами, хотя и испытывалъ смутное предчувствіе паденія, но сдѣлался зато настоящимъ владыкою Биржи. Когда его карета останавливалась въ Лондонской улицѣ передъ подъездомъ пышнаго зданія Всеобщаго банка, лакей живо сбѣгалъ со ступенекъ лѣстницы и разстилалъ коверъ, который тянулся изъ передней, черезъ тротуаръ, до самой мостовой. Тогда только Саккаръ соизволялъ выходить изъ кареты и шествовать въ подъездъ, точно какая нибудь владѣтельная особа, которой неприлично ступить ногою на уличную мостовую.

Х

Въ концѣ того же года, въ день декабрьской ликвидаціи, главная зала Биржи съ половины перваго была переполнена посѣтителями; вездѣ царило необыкновенное возбужденіе и въ голосахъ, и въ жестахъ. Впрочемъ, уже за нѣсколько недѣль до того волненіе все возрастало въ ожиданіи этого рѣшительнаго дня, и немудрено, что теперь состоялось шумное собраніе, заинтересованное окончательнымъ исходомъ борьбы. На улицѣ стоялъ сильный морозъ, но яркое зимнее солнце проникало косымъ лучемъ черезъ высокія окна въ залу, весело освѣщая одну изъ голыхъ стѣнъ съ ея суровыми колоннами и печальнымъ сводомъ, разри-

сованнымъ холодными аллегорическими фигурами; отверстія калориферовъ, по всей длинѣ аркады, дышали тепломъ, между тѣмъ какъ изъ-за рѣшетчатыхъ дверей, поминутно отворяемыхъ, несло холодомъ.

Понижатель Мозеръ, болѣе чѣмъ когда нибудь обезпеченный и блѣдный, сѣпился съ повышателемъ Пильеро, презрительно смотрѣвшимъ на своего маленькаго противника съ высоты своихъ длинныхъ журавлиныхъ ногъ.

— Слышали вы? говорятъ, что...

Мозеръ долженъ былъ еще возвысить голосъ, чтобы быть услышаннымъ въ страшномъ шумѣ разговоровъ, въ правильномъ, монотонномъ рокотѣ толпы, похожемъ на гулъ водопада, безконечно низвергающагося на скалы.

— Говорятъ, что въ апрѣлѣ будетъ война... Иначе и быть не можетъ, при такихъ спѣшныхъ вооруженіяхъ. Германія именно не хочетъ дать намъ времени примѣнить новый военный законъ, вотированный палатою... И наконецъ Бисмаркъ...

Пильеро разразился хохотомъ.

— Да оставьте вы меня въ покоѣ со своимъ Бисмаркомъ... Я гораздо лучше васъ знаю его: я цѣлыхъ пять минутъ разговаривалъ съ нимъ. Это было, когда онъ прѣвѣжалъ сюда. Онъ глядитъ очень хорошимъ малымъ... Если ужъ вы недовольны и послѣ подавляющаго успѣха выставки, такъ чего-жъ вамъ, спрашивается, нужно? Эхъ, mon cher, Европа въ нашихъ рукахъ.

Мозеръ безнадежно тряхнулъ головой. Отрывистыми фразами, ежесекундно прерываемыми въ общей толкотнѣ, онъ продолжалъ высказывать свои опасенія. Состояніе рынка на видъ совершенно благополучно, но оно именно слишкомъ благополучно; оно блестяще, но опасно блестяще; это все равно, что обманчивое здоровье полнокровнаго человѣка, которое ничего не стоитъ, какъ полнота страдающаго водяной. Благодаря выставкѣ, развелось слишкомъ много сомнительныхъ предприятий, публика пристрастилась къ биржевой игрѣ и дошла до настоящаго безумія. Развѣ это не сумасшествіе, напримѣръ, возвышеніе курса акцій Всеобщаго банка до 3.030?

— А! вотъ что! воскликнулъ Пильеро.

И, наклонившись къ самому лицу Мозера, онъ рѣзко отчеканилъ ему:

— Сегодня вечеромъ, mon cher, эти акціи дойдутъ до 3.060... Вы всё полетите вверхъ тормашками, я ручаюсь за это.

Понижатель, всегда черезчуръ впечатлительный ко всякаго рода предсказаніямъ, только прошипѣлъ что-то невнятное въ отвѣтъ. Онъ сталъ смотрѣть по сторонамъ, чтобы прикинуться вполне спокойнымъ и равнодушнымъ. На мгновение взоръ его остановился на женскихъ фізіономіяхъ, выглядывавшихъ сверху, съ галлерей, гдѣ помѣщался телеграфъ; оттуда дамы съ удивленіемъ слѣдили за колыхающеюся въ залѣ толпою; сойти внизъ онѣ не могли. Подъ галлереей на особыхъ щитахъ виднѣлись названія городовъ, а еще ниже тянулась скучная перспектива капителей и карнизовъ съ желтыми пятнами отъ сырости.

— А! это вы! воскликнулъ Мозеръ, опустивъ голову и увидавъ Сальмона, улыбавагося передъ нимъ своей неизмѣнно загадочной улыбкой.

Потомъ, смутившись сейчасъ же отъ этой усмѣшки, казавшейся ему какъ бы подтвержденіемъ пророчествъ Пильеро, Мозеръ прибавилъ:

— Скажите же мнѣ наконецъ что нибудь, если вы дѣйствительно имѣете подозрѣнія... Мой расчетъ очень простой. Я заодно съ Гундерманомъ, потому что Гундерманъ вѣдь всегда останется Гундерманомъ... Съ нимъ никогда не проиграешь, въ концѣ концовъ.

— Но кто же вамъ сказалъ, что Гундерманъ за пониженіе? насмѣшливо замѣтилъ Пильеро.

Мозеръ съ испугу вытаращилъ глаза. Уже нѣсколько мѣсяцевъ по Биржѣ ходилъ слухъ, что Гундерманъ преслѣдуетъ Саккара, что онъ поддерживаетъ пониженіе противъ Всеобщаго банка, ожидая случая, при наступленіи каждой мѣсячной ликвидаціи, чтобы проглотить своего врага, употребляя страшныя усилія, чтобы остановить повышательное настроеніе рынка посредствомъ своихъ миллионовъ. Если сегодняшнее собраніе и было такъ шумно, если замѣтно было общее волненіе, то именно потому, что всѣ были увѣрены и передавали другъ другу эту увѣренность, что сраженіе разыграется наконецъ сегодня: произойдетъ одна изъ тѣхъ беспощадныхъ схватокъ, послѣ которой одна сторона непременно будетъ на голову разбита, уничтожена. Но правда ли это? можно ли было вполне вѣрить такому слуху по-

среди этого сборища обманщиковъ и хитрецовъ? Самыя до-
стовѣрныя извѣстія, заранѣе предсказываемыя событія ча-
сто, при малѣйшемъ дуновеніи противнаго вѣтра, разсѣива-
ются на Биржѣ, какъ облако дыма.

— Вы отрицаете очевидность, пробормоталъ Мозеръ. —
Конечно, я не видалъ своими глазами приказовъ Гундер-
мана; утверждать съ увѣренностью, конечно, нельзя... ну, а
вы, Сальмонъ, чтѣ вы объ этомъ скажете? Вѣдь нельзя же
допустить, чортъ возьми, чтобы Гундерманъ лопнулъ!

Теперь Мозеръ уже и самъ не зналъ, чему вѣрить и въ
чемъ сомнѣваться, въ особенности глядя на молчаливую
усмѣшечку Сальмона, сдѣлавшуюся, казалось, еще зага-
дочнѣе.

— Ахъ, прибавилъ онъ, указывая легкимъ движеніемъ
головы на проходящаго мимо толстаго господина: — вотъ
еслибы этотъ захотѣлъ высказать свое мнѣніе, тогда я былъ
бы спокоенъ. Онъ всегда все предвидитъ.

Это былъ знаменитый Амадѣе, сохранившій до сихъ поръ
свое финансовое величіе дальновиднаго человѣка, послѣ из-
вѣстной аферы съ акціями сельзисскихъ рудниковъ, когда
онъ скупилъ ихъ по 15 франковъ за штуку, а потомъ, вслѣд-
ствіе внезапнаго повышенія, продалъ съ барышемъ въ 15
милліоновъ, хотя вовсе ничего не предвидѣлъ и не разчи-
тывалъ, а такъ себѣ, случайно. Амадѣе всѣ уважали за его
громадныя финансовыя способности, и за нимъ ходила цѣлая
свита, подхватывавшая налету самыя ничтожныя его замѣ-
чанія и игравшая всегда въ томъ направленіи, которое какъ
будто совпадало съ его указаніями.

— Глупости! кричалъ Пильеро, всегда ратовавшій за
свою любимую теорію дѣйствій очертя голову. — Самое луч-
шее — поступать по своему, какъ самому кажется выгод-
нымъ... Все дѣло въ успѣхѣ. Иному везетъ, а другому не
везетъ. Ну, значить, какже тутъ быть? А не надо ду-
мать — вотъ чтѣ. Что касается меня, я всякій разъ, какъ
только начиналъ раздумывать, такъ и проигрывалъ... А вотъ
напримѣръ: покуда я буду видѣть этого господина на сво-
емъ обычномъ посту, вонъ тамъ, съ веселымъ, побѣдонос-
нымъ видомъ, я буду постоянно покупать.

И онъ указалъ на Саккара, который только что по-
явился въ залъ и занялъ свое обычное мѣсто противъ ко-
лонны первой аркады слѣва. Какъ всѣ представители зна-

чительныхъ банкирскихъ домовъ, онъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто на Биржѣ, гдѣ его служащіе и кліенты могли всегда найти въ биржевые дни. Одинъ Гундерманъ хвастался, что онъ никогда не посѣщалъ биржевой залы и даже не посылалъ туда официального представителя; зато здѣсь ощущалось всегда присутствіе цѣлой его арміи, которая безпрекословно повиновалась отсутствующему вождю; здѣсь всегда можно было замѣтить безчисленный легіонъ преданныхъ ему ремизье, агентовъ, доставлявшихъ его приказы, не говоря уже о довѣренныхъ, настолько часто встрѣчавшихся, что въ каждомъ присутствующемъ человѣкѣ можно было заподозрить тайнаго пособника Гундермана. И противъ этой-то неосязаемой, но вездѣ разсѣянной арміи боролся Саккаръ лично, открыто. Позади его, у подножія колонны, была скамейка, но онъ никогда не садился на нее, стоя въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ биржеваго собранія; онъ какъ бы презиралъ усталость. Иногда, въ свободныя минуты, онъ только облакачивался на колонну, низъ которой до высоты человеческого роста почернѣлъ и отполировался. Среди скучной безцвѣтности залы, эта полоса сверкающей грязи, проходившая лентой по дверямъ, стѣнамъ, лѣстницамъ, была характеристической чертой, особаго рода украшеніемъ, образовавшимся отъ наслоеній пота цѣлыхъ поколѣній игроковъ и грабителей. Элегантный, франтоватый, какъ всѣ биржевики, въ сюртукѣ тонкаго сукна и въ ослѣпительной бѣлизны сорочкѣ, Саккаръ имѣлъ видъ любезнаго свѣтскаго человѣка, очутившагося среди этихъ грязныхъ стѣнъ вовсе не ради какихъ нибудь дѣлъ, а такъ себѣ, изъ любопытства.

— Знаете, замѣтилъ Мозеръ, понижая голосъ: — про него говорятъ, что онъ намѣренно поддерживаетъ повышеніе крупными покупками. Если Всеобщій банкъ играетъ своими собственными акціями — онъ пропадетъ.

Но Пильеро оживленно протестовалъ:

— Еще что выдумали! Развѣ можно съ увѣренностью указать, кто продаетъ и кто покупаетъ?.. Онъ покупаетъ для кліентовъ своего банка, что весьма естественно, а если даже и за свой счетъ, такъ что за бѣда? — долженъ же онъ играть.

Мозеръ, впрочемъ, не настаивалъ. На Биржѣ никто еще не осмѣливался подтвердить какими нибудь доказательствами

опасную игру, затѣянную Саккаромъ, эти покупки, производимыя имъ за счетъ банка, подъ прикрытіемъ подставнаго лица — Сабатани, Жантру и многихъ другихъ, особенно изъ числа служащихъ въ правленіи. Ходили только слухи, передаваемые потихоньку другъ другу, то опровергаемые, то опять воскресающіе, но безъ всякихъ доказательствъ. Сначала Саккаръ покупалъ осторожно, только для поддержки курса, перепродавая затѣмъ, сколько можно, чтобы не истощить черезчуръ капиталовъ и не завалить кассы банка своими собственными акціями. Но теперь онъ уже увлекся борьбою и предвидѣлъ, что сегодня потребуются усиленные покупки, чтобы остаться побѣдителемъ на полѣ сраженія. Приказы были даны уже заранѣе; Саккаръ только притворялся спокойнымъ и веселымъ, какъ будто это былъ самый обыкновенный биржевой день, а между тѣмъ въ душѣ испытывалъ страшное безпокойство за окончательный результатъ котировки, и смущеніе все болѣе и болѣе овладѣвало имъ, потому что онъ ясно сознавалъ угрожающую опасность.

Вдругъ Мозеръ, долго бродившій позади знаменитаго Амадѣ, совѣщавшагося съ какимъ-то небольшимъ худощавымъ человѣчкомъ, видимо заволновался и началъ бормотать:

— Я слышалъ... слышалъ своими собственными ушами... Онъ сказалъ, что приказы Гундермана на продажу доходятъ до 10 милліоновъ... О, я продаю, я продаю, я все продалъ до послѣдней ниточки!

— 10 милліоновъ, чортъ возьми! проворчалъ Пильеро, немного упавшимъ голосомъ. — Это просто схватка на ножахъ.

И въ шумѣ толпы, усилившемся отъ оживленныхъ разговоровъ разныхъ группъ, только и было слышно о жестокомъ поединкѣ, который долженъ былъ произойти между Гундерманомъ и Саккаромъ. Громкихъ фразъ, опредѣленныхъ выраженій не было слышно, но слухъ о грядущемъ событіи расходился во всѣ стороны, вездѣ толковали о спокойной и логической тактикѣ продающаго понижателя и о страстномъ увлеченіи, о покупкахъ во что бы то ни стало, ожидаемыхъ со стороны повышателя. Противорѣчивыя извѣстія, пронесившіяся изъ конца въ конецъ залы, сначала шопотомъ, превратились наконецъ въ громкое галдѣнье. Всѣ рты раскрылись: одни кричали, чтобы заставить выслушать

себя среди сумятицы; другіе таинственно склонялись къ уху собесѣдника, говорили тихо, даже тогда, когда ничемъ секретнаго не могли сообщить.

— Э, я остаюсь при своемъ прежнемъ повышательномъ направленіи, восклицалъ уже опять ободрившійся Пильеро. — Сегодня такъ ярко свѣтитъ солнце, что, очевидно, курсы повысятся.

— Напротивъ, полетятъ внизъ, возразилъ Мозеръ съ мрачной настойчивостью. — Будетъ оттепель; сегодня ночью у меня всѣ кости ныли.

Между тѣмъ усмѣшечка Сальмона, молча слушавшаго и того, и другаго, сдѣлалась до такой степени иронической, что и Пильеро, и Мозеръ — оба почувствовали неловкость, оба потеряли свою увѣренность. Ужъ не напелъ ли этотъ дьявольски хитрый человѣкъ, такой загадочный и молчаливый, какого нибудь третьяго способа биржевой игры, не прибѣгая ни къ повышенію, ни къ пониженію?

Саккаръ у своей колонны замѣтилъ, что возлѣ него все увеличивается толпа льстецовъ и кліентовъ. Къ нему почти безъ перерыва протягивались руки, а онъ жалъ всѣ съ любезной предупредительностью, какъ бы давая знать каждымъ своимъ рукопожатіемъ, что побѣда несомнѣнна. Многіе подходили къ нему, обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими фразами и отходили уже вполне успокоенные. Многіе приходили въ восторгъ, сразу проникались вѣрой въ успѣхъ своего предводителя и гордились тѣмъ, что принадлежать къ его партіи. Часто Саккаръ, любезно бесѣдуя съ кѣмъ нибудь, никакъ не могъ вспомнить фамиліи человѣка, съ которымъ онъ разговаривалъ. Такъ напр., только когда капитанъ Шавъ назвалъ Можандра, тогда Саккаръ узналъ его: капитанъ, явившійся въ собраніе вмѣстѣ со своимъ зятемъ, подговаривалъ его продавать бумаги, но рукопожатіе директора Всеобщаго банка до такой степени воспламенило Можандра, что тотъ приобрѣлъ безграничную увѣренность въ повышение. Затѣмъ къ Саккару подошелъ Седилль, администраторъ банка и крупный шелковый фабрикантъ, пожелавшій переговорить съ знаменитымъ финансистомъ. Торговый домъ Седилля клонился къ упадку, все его состояніе было вложено во Всеобщій банкъ, и такимъ образомъ возможность пониженія акцій могла довести его до банкротства. Озабоченный, снѣдаемый страстью игрока, имѣя еще

постороннія огорченія по поводу сына своего, Гюстава, не оказывавшаго никакихъ дѣловыхъ способностей въ конторѣ Мазо, Седилль чувствовалъ потребность поддержать себя, ободрить. И однимъ похлопываньемъ по плечу Саккаръ возстановилъ въ фабрикантѣ прежнюю его увѣренность и увлеченіе. Когда Седилль отошелъ въ сторону, за нимъ потянулась къ Саккару цѣлая вереница: банкиръ Кольбъ, который давно реализировалъ свои акціи, но всетаки не упускалъ случая попользоваться какой нибудь выгодой отъ повышательнаго настроенія; маркизь де-Богенъ, который съ любезной свисходительностью большаго барина притворялся, что посѣщаетъ Биржу единственно изъ любопытства и отъ нечего дѣлать; даже Гюре, неспособный долго ссориться и всегда готовый дружить съ людьми сильными до самаго послѣдняго дня ихъ окончательнаго паденія, пришелъ посмотреть, нельзя ли что нибудь здѣсь прикарманить. Но вотъ явился Дегремонъ — и всё ступевались. Онъ имѣлъ громадное значеніе на Биржѣ, и потому сейчасъ же было замѣчено его дружелюбное отношеніе къ Саккару, особая любезность, доходившая до товарищеской близости. Повышатели просіяли, потому что Дегремонъ имѣлъ репутацію человѣка проникательнаго, который умѣлъ всегда во-время уходить изъ финансовыхъ учрежденій, при первомъ малѣйшемъ ихъ потрескиваніи. Его присутствіе о-бокъ Саккара доказывало, что Всеобщій банкъ не имѣетъ еще намѣренія лопнуть. Начали наконецъ подходить къ вождю повышенія люди, вполне преданные ему, такъ сказать, его люди: служащіе въ банкѣ, на которыхъ возложена была обязанность давать приказы, покупали также и за свой собственный счетъ, потому что бѣшеная страсть къ игрѣ, овладѣвшая служебнымъ персоналомъ Лондонской улицы, заставляла ихъ быть постоянно насторожѣ, подслушивать у замочныхъ скважинъ, добиваться всякими способами нужныхъ извѣстій. Сабатани два раза также прошелъ мимо Саккара, со свойственной ему граціей итальянца по происхожденію и восточнаго человѣка по мѣсту рожденія; онъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ своего патрона, а Жантру, стоя спиною къ Саккару, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, казалось, всецѣло погрузился въ чтеніе телеграммъ съ иностранныхъ биржъ, выставленныхъ въ рамкахъ подъ сѣткой на стѣнѣ залы. Ремизье Массіасъ, избѣгавшій всегда присоединяться къ какой нибудь

опредѣленной биржевой группѣ, сдѣлалъ издали чуть замѣтный знакъ головою Саккару, очевидно, давая отвѣтъ на какое-то порученіе, которое сейчасъ же надо было исполнить. По мѣрѣ того какъ часъ открытія Биржи приближался, безконечный топотъ, беспорядочное движеніе толпы, колыхавшейся по залѣ, стали все усиливаться, какъ наступающій морской приливъ. Ждали первыхъ курсовъ.

Въ центрѣ Биржи, такъ называемую корзину, только что вошли Мазо и Жакоби, бокъ-о-бокъ появившіеся изъ кабинета маклеровъ, точно самые близкіе друзья. Они хорошо знали свою взаимную враждебность, хорошо изучили въ продолженіе послѣднихъ недѣль тѣ подвохи, какіе устраивали другъ другу въ безпощадной борьбѣ, которая должна была окончиться разореніемъ кого нибудь изъ нихъ. Мазо, небольшого роста, стройный, красивый, весь проникнутъ былъ молодой веселостью, сознаниемъ своей счастливой карьеры. безпрерывнымъ до сихъ поръ успѣхомъ, который достался ему въ удѣлъ въ тридцать два года, вмѣстѣ съ конторой, унаслѣдованной отъ умершаго дяди. Жакоби, съ своей стороны, проведеншій весь свой вѣкъ въ услуженіи другому, на старость только сдѣлавшійся маклеромъ, благодаря одному изъ своихъ кліентовъ, ссудившему ему капиталъ на открытіе конторы, разжирѣвшій, неповоротливый, плѣшивый шестидесятилѣтній весельчакъ, самоувѣренно поднималъ вверхъ свое широкое лицо неисправимаго гуляки. Оба съ записными книжками въ рукахъ, маклеры беззаботно болтали о погодѣ, точно ихъ совсѣмъ и не касались тѣ страшныя милліонныя суммы, чтò были записаны на листкахъ ихъ книжекъ; этими милліонами они собирались открыть сраженіе, какъ артиллерійскими залпами, и начать такимъ образомъ кровопролитную схватку спроса и предложенія.

— А чтò? морозъ-то прехорошенькій! говорилъ одинъ.

— О, представьте себѣ: я нарочно пѣшкомъ сюда пришелъ; превосходная погода! восхищался другой.

Подошедши къ корзинѣ, представлявшей собою обширный круглый бассейнъ, еще совершенно чистый, безъ маклерскихъ бланковъ, которыя туда бросаютъ, — Мазо и Жакоби остановились на мгновеніе у барьера, обитаго краснымъ бархатомъ, и продолжали отрывочно перекидываться фразами о разныхъ постороннихъ вещахъ, постоянно бросая однако тревожные, выжидающіе взгляды вокругъ.

Четыре прохода, въ формѣ креста, запертые рѣшетками, родъ звѣзды съ четырьмя концами, имѣющей центромъ корзину, считались какъ бы священными для постороннихъ, и публика туда не допускалась. Между двумя концами этой звѣзды, спереди, было устроено особое отдѣленіе для счетчиковъ, среди которыхъ на высокихъ креслахъ помѣщались три котировщика съ громадными списками процентныхъ бумагъ передъ собою; тутъ же было маленькое отдѣленіе, называемое »гитарой«, вѣроятно, вслѣдствіе его формы, посредствомъ котораго служащіе въ конторахъ и спекуляторы могли прямо сообщаться съ маклерами. На противоположномъ углу звѣзды, между проходами, виднѣлась цѣлая толпа представителей маклерскихъ конторъ по специальному отдѣлу французскихъ бумагъ, а также отдѣльныхъ комисіонеровъ по сдѣлкамъ на наличныя деньги, и каждый изъ нихъ имѣлъ свою личную памятную книжку, потому что сами маклеры около корзины исключительно занимались только срочными операціями, всецѣло отдавшись великому дѣлу необузданной биржевой игры.

Замѣтивъ въ лѣвомъ проходѣ своего уполномоченнаго Бертье, дѣлавшаго ему какіе-то условныя знаки, Мазо подошелъ къ нему, чтобы обмѣняться съ нимъ вполголоса нѣсколькими фразами; уполномоченные довѣренныя маклеровъ имѣли право стоять только въ проходахъ, но въ почтительномъ разстояніи отъ краснаго бархатнаго барьера, до котораго ни одна посторонняя рука, кромѣ маклерской, не смѣла прикоснуться. Мазо каждый день являлся на Биржу въ сопровожденіи Бертье и двухъ комисіонеровъ: одного по денежнымъ сдѣлкамъ и другаго по операціямъ съ бумагами, которые чаще всего замѣнялись однимъ ликвидаторомъ; кромѣ того, при Мазо состоялъ еще неизмѣнный маленький Флори по части доставленія телеграммъ; лицо этого чловѣка все болѣе и болѣе заростало бородой, изъ которой только блестѣли живые, выразительныя глазки. Съ тѣхъ поръ какъ онъ выигралъ 10.000 франковъ послѣ Садовой, Флори, понуждаемый все возрастающею требовательностью своей Шюшю, сдѣлавшейся капризной и жадной, пустился въ отчаянную игру за свой счетъ, безъ всякой сообразительности, слѣпо вѣруя въ Саккара и покорно слѣдя за его направлениемъ. Ему достаточно было и тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ получалъ изъ приказовъ и телеграммъ, про-

ходившихъ черезъ его руки. Въ тотъ самый моментъ, когда Мазо, переговоривъ съ Бертье, хотѣлъ уже отойти отъ гитары, его громко окликнулъ Флори, бѣгомъ спускавшійся по лѣсенкѣ изъ верхняго этажа, гдѣ помѣщался телеграфъ; въ обѣихъ рукахъ его были кипы депешъ.

— М-г! кричалъ Флори: — прикажете телеграммы сегодня же разобрать и распредѣлить?

— Разумѣется, отозвался Мазо: — если только онѣ приходятъ въ большомъ числѣ... Ну, а что? какія тамъ требованія?

— О, все насчетъ Всеобщаго банка... приказы на покупку... почти всѣ.

Маклеръ привычной рукой пересмотрѣлъ депеши и видимо остался доволенъ. Войдя въ близкую связь съ Саккаромъ, для котораго онъ репортировалъ уже давно значительныя суммы и даже сегодня еще взялся произвести огромныя покупки, Мазо кончилъ тѣмъ, что сдѣлался специальнымъ маклеромъ Всеобщаго банка. Хотя иногда имъ и овладѣвало нѣкоторое безпокойство за свою будущность, но постоянное неизмѣняющееся увлеченіе публики, безумно громадныя покупки, несмотря на быстрое и чрезмѣрное возвышеніе курса, — его ободряли. Между фамиліями, значащимися на телеграммахъ, Мазо особенно бросилась въ глаза фамилія Фейё, имѣвшаго контору въ Вандомѣ и, очевидно, обладавшаго многочисленными кліентами между мелкими провинціальными покупателями: фермерами, ханжами и священниками; не проходило недѣли, чтобы Фейё не сыпалъ изъ Вандома десятками, сотнями телеграммъ.

— Отдайте это въ отдѣленіе наличныхъ, сказалъ Мазо Флори. — И не дожидайтесь здѣсь, покуда вамъ принесутъ депеши, понимаете? Будьте тамъ, наверху, и принимайте ихъ сами.

Флори подошелъ къ балюстрадѣ, огороживавшей отдѣленіе сдѣлокъ на наличныя деньги, и, облокотившись, закричалъ во весь голосъ:

— Мазо! Мазо!

Къ балюстрадѣ приблизился Гюставъ Седилль. На Биржѣ служащіе въ маклерскихъ конторахъ теряютъ свои собственные имена и называются всѣ по фамиліи того маклера, котораго являются представителями. Флори также назывался здѣсь Мазо. Бросивъ свои занятія въ конторѣ два года на-

задъ, Гюставъ недавно опять поступилъ къ Мазо, чтобы умиловитивить отца, и чтобы этотъ послѣдній заплатилъ его долги. Сегодня, за отсутствіемъ главнаго довѣреннаго, Гюставъ исполнялъ его должность по сдѣлкамъ на наличныя деньги; это его очень занимало. Флори склонился къ уху Седилля, и они потихоньку условились между собою покупать для Фейё по теперешнему курсу, а потомъ играть на суммы, заключающіяся въ его приказахъ, для себя, покупая и перепродавая акціи на имя обычнаго подставнаго лица; такимъ образомъ они могли положить въ свои карманы разницу въ курсѣ, повышеніе котораго представлялось очевиднымъ.

Между тѣмъ Мазо вернулся къ корзинѣ. Однако ему приходилось поминутно отходить въ сторону: то тотъ, то другой кліентъ окликали его и передавали ему через перила бланки, на которыхъ поспѣшно карандашемъ писались приказы. Каждый маклеръ имѣлъ свои особыя, опредѣленнаго цвѣта, бланки: красныя, желтыя, синія, зеленыя, по которымъ сразу можно было угадать, кому онѣ принадлежать. У Мазо были зеленыя бланки, цвѣта надежды; маленькія зеленыя бумажки все увеличивались количествомъ въ его рукахъ; ослики Мазо раздавались почти непрерывно, и онъ едва успѣвалъ собирать бланки въ концахъ проходовъ изъ рукъ своихъ довѣренныхъ и спекуляторовъ, снабженныхъ заранѣе значительнымъ числомъ бланокъ, чтобы выигрывать во времени. Когда Мазо снова возвратился къ бархатному барьеру, онъ замѣтилъ, что Жакоби также держалъ въ рукахъ цѣлыя кипы бланокъ, непрерывно прибывавшихъ, бланокъ красныхъ, цвѣта только что пролитой крови; очевидно, это были приказы Гундермана и его вѣрныхъ слугъ, потому что никто не сомнѣвался въ той роли, которую принялъ на себя Жакоби въ разыгрывавшейся схваткѣ; онъ былъ маклеромъ понижателей, главнымъ исполнителемъ самыхъ секретныхъ намѣреній жидовскаго банка. Теперь онъ разговаривалъ съ другимъ маклеромъ, Деларокомъ, своимъ зятемъ, христіаниномъ, женившимся на жидовкѣ. Деларокъ, толстый, краснощекій и коренастый мужчина, совсѣмъ лысый, вращающійся преимущественно въ клубномъ мірѣ, былъ въ настоящее время довѣреннымъ Дегремона и получалъ его приказы, потому что Дегремонъ недавно поссорился съ Жакоби, также какъ раньше разо-

шелся съ Мазо. Деларокъ разсказывалъ сальную исторію объ одной дамѣ, возвратившейся домой, къ мужу, безъ рубашки, и прищуренные глаза его зажигались огонькомъ, а въ правой рукѣ, которой онъ оживленно размахивалъ, виднѣлась книжка съ вложеннымъ въ нее пакетомъ его бивнокъ, синихъ, такого цвѣта, какого бываетъ яркое апрѣльское небо.

— Г. Массіасъ васъ спрашиваетъ, доложилъ сторожъ Мазо.

Этотъ послѣдній живо повернулся къ концу прохода. Ремизье, состоявшій вполне въ распоряженіи Всеобщаго банка принесъ маклеру извѣстія изъ кулисы, которая уже началъ свои операціи подъ перистилемъ Биржи, несмотря на жесткій морозъ. Нѣкоторые спекуляторы не выдерживали холода и забѣгали на минутку въ залу согрѣться, но дѣятели кулисы въ теплыхъ пальто, въ сюртукахъ, подбитыхъ мехомъ, стойко держались на воздухѣ, собравшись по обыкновенію подъ часами, и съ воодушевленіемъ кричали, жестикулировали, такъ что не чувствовали холода. Низенькій Натансонъ казался самымъ дѣятельнымъ между ними; онъ собирался превратиться въ весьма почтенную особу: ему страшно везло съ того времени, когда онъ, простой мелкій служащій въ обществѣ для заклада движимаго имущества, вздумалъ устроить себѣ собственную лавочку и принялся продавать и покупать процентныя бумаги.

Какъ можно короче и скорѣе Массіасъ объяснилъ, что курсы начали уже ослабѣвать подъ вліяніемъ цѣлой массы акцій, выброшенныхъ понижателями на рынокъ, но Саккаръ пришло въ голову оперировать прежде всего въ кулисѣ, чтобы подѣйствовать сразу на первые официальные курсы въ корзинѣ. Всеобщій банкъ заключилъ вчера курсомъ въ 3.030 франковъ; Саккаръ далъ приказъ Натансону купить 100 акцій, а другому кулисеру поручилъ предложить за нихъ по 3.035. Это уже было повышеніе на 5 франковъ.

— Хорошо! мы добьемся этого курса, сказалъ Мазо.

И онъ отошелъ къ группѣ маклеровъ, собравшихся уже въ полномъ комплектѣ. Ихъ было шестьдесятъ, и они устанавливали между собою, хотя и противъ правилъ, средній курсъ, по которому и производили сдѣлки, выжидая удара колокола, возвѣщавшаго открытіе биржи. Приказы, данные по этому преждевременному, фиктивному курсу, не вліяли

на рынокъ, потому что всетаки приходилось ожидать официального курса. Между тѣмъ приказы, предоставленные въ полное усмотрѣніе маклеровъ, зависящіе отъ ихъ чутя, указывали поминутно продолжающееся еще колебаніе различныхъ котировокъ. Хорошій маклеръ долженъ былъ обладать хитростью и проницательностью, быстрымъ соображеніемъ и проворствомъ даже движеній, потому что очень часто быстрота распоряженій доставляла успѣхъ, не говоря уже о необходимости имѣть связи съ большими банкирскими домами, имѣть свѣдѣнія о разныхъ настроеніяхъ всякихъ партій, которыя приходилось собирать понемногу отовсюду, и знать прежде всего содержаніе телеграммъ, получаемыхъ съ французскихъ и иностранныхъ биржъ. Кромѣ всего этого, надо было имѣть маклеру и сильный голосъ, чтобы его выкрикиванья были ясно слышны всѣми.

Пробилъ часъ. Звукъ колокола торжественно пронесся надъ головами возбужденной толпы. Еще колебанія этого звука не успѣли замереть въ воздухѣ, какъ Жакоби, опершись обѣими руками на бархатный барьеръ, крикнулъ своимъ могучимъ голосомъ, славившимся среди маклеровъ:

— Предлагаю акціи Всеобщаго банка... предлагаю акціи Всеобщаго...

Онъ не назначалъ цѣны, ожидая спроса. 60 маклеровъ подошли ближе къ корзинѣ и образовали кружокъ около нея; въ бассейнѣ уже было брошено нѣсколько бланковъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ. Соперники пытливо смотрѣли другъ на друга, союзники совѣщались между собою, точно передъ дуэлью; всѣ съ нетерпѣніемъ хотѣли узнать, по какой цѣнѣ состоится начальный курсъ.

— Предлагаю Всеобщій, повторилъ гулкимъ басомъ Жакоби. — Предлагаю акціи Всеобщаго.

— По какому курсу Всеобщій? спросилъ Мазо тонкимъ, но такимъ пронзительнымъ голосомъ, что покрылъ низкія ноты своего сотоварища, какъ пѣніе флейты покрываетъ акомпанементъ виолончели.

Деларокъ предложилъ вчерашній курсъ: — По 3.030 я беру Всеобщій.

Но тотчасъ же другой маклеръ надбавилъ цѣну: — По 3.035 присылайте Всеобщій.

Это былъ курсъ кулисы, предложенный съ цѣлью помѣшать Делароку устроить для себя арбитражъ, т. е. ку-

пить въ корзинѣ акціи по вчерашнему курсу и быстро перепродать ихъ кулиссѣ, прикарманивая 5 франковъ разницы на повышеніи. Тогда и Мазо рѣшился набавлять цѣну, будучи увѣренъ, что Саккаръ одобритъ его дѣйствія:

— По 3.040 я беру... Присылайте Всеобщій по 3.040.

— Сколько? долженъ былъ спросить Жакоби.

— 300.

Оба маклера черкнули по строчкѣ въ своихъ книжкахъ, и сдѣлка была заключена, первый курсъ установленъ съ повышеніемъ на 10 франковъ противъ вчерашняго. Мазо отошелъ въ сторону, чтобы заявить эту цифру тому изъ котировщиковъ, у котораго въ списокѣ помѣщены были акціи Всеобщаго банка. Тогда, въ какихъ нибудь 20 минутъ, сдѣлки полились съ такой быстротой, точно вода со спущенныхъ плузовъ: курсы другихъ бумагъ установились, весь запасъ спроса и предложенія, заготовленный маклерами, истощился скоро и безъ колебаній. Только котировщики, съ высоты своихъ сидѣній, среди гвалта, стоявшаго около корзины, и сумятицы въ отдѣленіи сдѣлокъ на наличныя деньги, тоже дѣйствовавшимъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ, — съ большимъ трудомъ едва успѣвали записывать новыя цѣны, выкрикиваемые маклерами и комисіонерами. Назади, въ отдѣленіи французскихъ рентъ, точно также яростно оперировали. Съ тѣхъ поръ какъ рынокъ открылся, къ гулу толпы въ залѣ, напоминавшему ревъ морскаго прилива, примѣшались теперь отдѣльные разноголосые крики спроса и предложенія, особый характеристическій лай, который то сливался съ общимъ гудѣньемъ и ширился во всѣ стороны, то вырывался визгливыми нотами, точно карканье хищныхъ птицъ во время бури.

Продолженіе будетъ

ДРУГЪ

Повѣсть

X

На слѣдующій день, часовъ около 12-ти, Шипиловъ постучался въ нумеръ своей жены. Дверь отворила горничная, прибиравшая комнаты.

— Дома Катерина Андреевна?

Горничная отвѣтила, что Катерины Андреевны нѣтъ дома, и что вообще въ это время ее можно застать развѣ только по праздникамъ, потому что въ будни она уходитъ на уроки.

— Въ которомъ же часу она приходитъ съ уроковъ?

— Часа въ два... въ третьемъ... когда въ три...

Шипиловъ запахнулъ шинель и, вложивъ руки въ рукава, какъ въ муфту, тихо побрелъ обратно. Весь остатокъ вчерашняго вечера и все сегодняшнее утро онъ горько пенялъ себя за то, что велъ себя вчера съ Катериной Андреевной, какъ неразумный мальчишка. Зачѣмъ ему понадобилось выдумывать эту глупую сказку о своемъ двоюродномъ братѣ, который будто бы предлагаетъ ему мѣсто управляющаго? зачѣмъ?.. Положимъ, онъ поймалъ свою жену на эту приманку и получилъ еще одно лишнее подтвержденіе той истины, что Катерина Андреевна хоть сейчасъ воротилась бы къ нему, еслибы у него завелись хорошія деньги. Но зачѣмъ ему нужно было подтвержденіе того, что онъ и

такъ зналъ, какъ »Отче нашъ«?.. что выигралъ и приобрѣлъ онъ этимъ? — только то, что Катерина Андреевна возненавидѣла его еще больше?.. ахъ глупо, глупо!.. И вотъ теперъ, когда было бы нужно немедленно попросить у нея прощенія и вообще всячески постараться какъ можно скорѣе изгладить дурное впечатлѣнiе, произведенное на нее вчерашними сценами, — ея, какъ нарочно, нѣтъ дома...

Часу въ 4-мъ онъ пришелъ въ номера опять, и опять встрѣтившаяся съ нимъ въ коридорѣ горничная объявила ему, что Катерина Андреевна еще не приходила. Шипиловъ посмотрѣлъ на нее недоувѣрчиво, но не сказалъ ни слова и ушелъ, печально думая, что время все уходитъ и уходитъ, враждебное чувство все укореняется и укореняется въ сердцѣ Катерины Андреевны...

Вечеромъ Шипиловъ пришелъ въ гостинницу опять. На этотъ разъ онъ осторожно прошелъ по всему коридору, стараясь ступать какъ можно тише, подкрался почти на цыпочкахъ къ двери въ номеръ жены и сталъ слушать. Ни голосовъ, ни шопота, никакого звука не слышалось за дверью. Постоявъ нѣсколько минутъ, Шипиловъ отступилъ назадъ шага на два и посмотрѣлъ на щель между дверями и поломъ, на замочную скважину, — нигдѣ не видно было ни луча свѣта. Со вздохомъ онъ отошелъ къ лампѣ, горѣвшей на стѣнѣ коридора, и, вырвавъ листокъ бумаги изъ записной книжки, служившей ему бумажникомъ, написалъ карандашомъ слѣдующую записку: »Сегодня приходилъ три раза, чтобы испросить прощенія за все то, что наговорилъ вамъ вчера. Простите! Примите во вниманiе, что я боленъ! Ухожу въ отчаянiи«. Доставъ въ конторѣ конвертъ для записки, онъ передалъ ее горничной и ушелъ дѣйствительно въ полномъ отчаянiи. Нужно же, нужно же было съ перваго шага испортить все дѣло и возстановить противъ себя человѣка, къ которому за тѣмъ именно и шелъ, чтобы, по возможности, примириться съ нимъ!..

На другой день, около трехъ часовъ, Шипиловъ опять

шелъ въ гостинницу. Подходя къ ней и случайно поднявъ глаза, онъ вдругъ увидѣлъ, что его жена только что прошла или, вѣрнѣе, проскользнула въ подъѣздъ. Шипиловъ ускорилъ шаги, надѣясь догнать ее если не на лѣстницѣ, то хоть въ коридорѣ. Но Катерина Андреевна, тоже увидѣвшая его, шла еще скорѣе, и, когда Шипиловъ поднялся въ коридорѣ, она уже входила въ свой номеръ и затворяла за собой дверь.

— Ага!.. увидѣла!.. бѣжить!.. проговорилъ про себя Шипиловъ, начиная волноваться.

Все еще поспѣшными шагами, хотя спѣшить теперь было уже незачѣмъ, онъ подошелъ къ ея двери и постучался. Дверь не отворяли. Подождавъ нѣсколько времени, Шипиловъ постучался еще разъ и громко проговорилъ:

— Катерина Андреевна! отворите!..

Дверь всетаки не отворилась передъ нимъ. Шипилова, успѣвшая только разстегнуть длинный рядъ пуговицъ на своей шубкѣ, но не снять ее, стояла въ трехъ шагахъ за дверью, въ прихожей, и, закусивъ губы, сдвинувъ брови, думала: долго ли еще будетъ онъ стучаться? неужели онъ видѣлъ, что она прошла въ свой номеръ, и въ концѣ концовъ ей всетаки придется впустить этого ненавистнаго челоуѣка?

Шипиловъ постучался въ третій разъ. »А, притаилась!.. не хочеть пустить!..« Вчера онъ цѣлый день таскался сюда, чтобы извиниться передъ нею, написалъ ей самое униженное письмо, а она... не желаетъ видѣться съ нимъ и выслушать его!.. »Не удостоиваетъ!..« думалъ онъ, весь кипя отъ внезапно овладѣвшаго имъ бѣшенства и стуча въ дверь уже не суставами пальцевъ, какъ прежде, а кулакомъ.

Въ это время къ нему подошелъ Леденевъ. Онъ уже минуты двѣ стоялъ въ дверяхъ своего номера, слѣдя за Шипиловымъ, а теперь нашелъ, что пора остановить этого несчастнаго сумасшедшаго, иначе онъ созоветъ сюда своимъ стукомъ чуть не все населеніе гостинницы.

— Послушайте, сдержанно сказалъ Леденевъ: — если Катерины Андреевны нѣтъ дома, то вы напрасно стучитесь...

Шипиловъ мелькомъ взглянулъ на него совсѣмъ обезумѣвшими глазами.

— Знаю!.. дома!.. проговорилъ онъ сквозь стиснутые зубы и, въ тактъ этимъ двумъ словамъ, ударилъ кулакомъ еще два раза въ дверь.

— А если она дома и не хочетъ никого видѣть, то вамъ тоже не слѣдовало бы стучаться, продолжалъ Леденевъ. — Я бы попросилъ васъ лучше зайти на нѣсколько минутъ ко мнѣ въ номеръ. Мнѣ нужно переговорить съ вами.

Шипиловъ, прислушивавшійся не столько къ его словамъ, сколько къ тому, не слышится ли какогонибудь движенія въ номерѣ жены, намѣревался, вмѣсто отвѣта, постучаться въ дверь еще сильнѣе. Но на этотъ разъ Леденевъ удержалъ его.

— Серьезно вамъ говорю: мнѣ нужно очень, очень серьезно поговорить съ вами! повторилъ онъ, волнуясь и крѣпко сжимая его руку.

Шипиловъ посмотрѣлъ на него пристальнѣе, недоумѣвая, чего присталъ къ нему этотъ почти незнакомый молодой человѣкъ и тискаетъ его руку. Но потомъ въ его отуманенной гнѣвомъ головѣ мелькнула мысль, что, можетъ быть, Леденевъ хочетъ говорить съ нимъ по порученію Катерины Андреевны... иначе о чемъ же имъ разговаривать?..

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, пожавъ плечами.

Онъ пошелъ за Леденевымъ въ его номеръ и, не снимая шинели, остановился посреди комнаты.

— Ну хорошо, повторилъ онъ. — Такъ что же вы хотите сказать мнѣ?

На столѣ стоялъ графинъ съ водой и стаканъ. Шипиловъ налилъ себѣ дрожащею рукою полстакана воды и сталъ пить ее маленькими глотками, не сводя глазъ съ Леденева.

— Вотъ что, медленно сказалъ Леденевъ, подбирая въ

умѣ болѣе подходящія слова для выраженія своихъ мыслей. — Я хотѣлъ предупредить васъ... что я далъ себѣ слово... избавить Катерину Андреевну отъ всякихъ сценъ... въ родѣ той, которую вы начали сейчасъ устраивать въ коридорѣ.

Въ глазахъ Шипилова выразилось изумленіе.

— Ого! это комисія! насмѣшливо проговорилъ онъ, ставя стаканъ на столъ. — Какимъ же это способомъ разсчитываете вы избавить ее отъ подобныхъ сценъ?

— Право, я не знаю, отвѣтилъ Леденевъ. — Говоря отъ чистаго сердца, мнѣ не хотѣлось бы ни вмѣшиваться въ ваши отношенія къ Катеринѣ Андреевнѣ, ни дѣлать вамъ хоть малѣйшую непріятность... Но когда дѣло доходитъ до того, что вы позволяете себѣ ломиться въ дверь, которую не хотятъ отворить передъ вами, и, однимъ словомъ, прибѣгаете къ насилію... ну, тогда, мнѣ кажется, я даже не имѣю права оставаться въ сторонѣ... Повторяю вамъ, я далъ себѣ слово избавить Катерину Андреевну отъ подобныхъ сценъ... и избавлю, до чего бы это меня ни довело.

Шипиловъ продолжалъ пристально смотрѣть на Леденева.

— Чтѣ же, вы переломаете мнѣ руки? и ноги? сбросите съ лѣстницы? получите пощечину и вызовете меня на дуэль? спросилъ онъ и тотчасъ же прибавилъ, улыбнувшись насмѣшливою и вмѣстѣ съ тѣмъ очень грустною улыбкой: — да, да, я вижу, вы на все готовы, и, вѣроятно, не ошибусь, если заключу изъ этого, что вы — »другъ«...

— Другъ или не другъ, это все равно, проговорилъ Леденевъ, покраснѣвъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что вы »другъ«, прервалъ его Шипиловъ, засмѣявшись тихимъ и горькимъ смѣхомъ. — Необъяснимое явленіе! Говорятъ, что въ наше время нѣтъ уже рыцарей; а между тѣмъ Катерина Андреевна постоянно находитъ ихъ... У нея всегда есть преданнѣйшіе друзья, которые, также какъ и вы, готовы идти ради нея на что угодно и куда угодно. Одно время такимъ »другомъ« былъ для

нея я. Потомъ, когда она вышла за меня замужъ, она нашла себѣ »друга« въ лицѣ одного прेमиллага юноши, почти мальчика, и играла съ нимъ въ эту »дружбу«, покуда не довела его до сумасшедшаго дома... Теперь, на смѣну намъ, являетесь въ этой роли вы... Неблагодарная, опасная роль, скажу я вамъ точно также отъ чистаго сердца, какъ говорили вы мнѣ!.. Однако вы сказали мнѣ все, что хотѣли сказать?

— Все. Я хотѣлъ только предупредить васъ, отвѣтить Леденевъ.

— Прекрасно. Теперь, когда это предупрежденіе сдѣлано, мы можемъ приняться каждый за свое дѣло. Не знаю, что будете дѣлать вы, а я, разумѣется, пойду и буду стучаться въ дверь къ Катеринѣ Андреевнѣ, покуда она не отворить.

Леденевъ вздохнулъ.

— Всетаки будете стучаться? несмотря ни на что? несмотря даже на то, что Катерина Андреевна, по всей вѣроятности, не стала дожидаться вашего возвращенія къ ея двери и поспѣшила уйти? спросилъ онъ, почти съ тоской думая, что неужели же ему придется заводить серьезную ссору съ этимъ большимъ и несчастнымъ человѣкомъ.

Шипиловъ, уже совсѣмъ собравшійся идти, вдругъ остановился, сообразивъ, что его жена дѣйствительно могла уйти.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ въ раздумьѣ. — Можетъ быть, не ушла, а можетъ быть, и ушла... Во всякомъ случаѣ, я не такой большой охотникъ до скандаловъ и ссоръ, чтобы, на зло вамъ, стучаться въ дверь, за которой, можетъ быть, и нѣтъ никого. Какъ ни хочется мнѣ доказать вамъ, что ваше предупрежденіе не очень перепугало меня, а дѣлать нечего... придется, кажется, подождать до другаго случая... Однако всетаки не мѣшаетъ посмотрѣть: можетъ быть Катерина Андреевна и откликнется на этотъ разъ.

Онъ вышелъ въ коридоръ. Леденевъ опять сталъ въ

дверяхъ своего номера, какъ на часахъ. Шипиловъ постучался въ номеръ своей жены, но уже не кулакомъ, не со злостью вышедшаго изъ себя человѣка, а такъ, какъ постучался бы всякій другой знакомый Катерины Андревны, пришедшій навѣстить ее. Подождавъ нѣсколько времени и видя, что дверь не отворяется, онъ постучался немного погромче. Дверь всетаки не отворялась, и въ номерѣ не слышно было ни малѣйшаго признака жизни. Тогда Шипиловъ отошелъ прочь.

— Нѣтъ отвѣта, съ горькою усмѣшкою проговорилъ онъ, проходя мимо Леденева.

Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, потомъ вернулся обратно и сказалъ Леденеву:

— Послушайте... по всей вѣроятности, вы увидите съ нею раньше, чѣмъ я. Передайте ей, пожалуйста, отъ меня... или, еще лучше, постарайтесь какъ нибудь растолковать ей отъ самого себя, что она напрасно такъ поступаетъ со мной... и жестоко, и неразсчитливо, и неразумно!.. Зачѣмъ она прячется и запирается отъ меня? Развѣ я оскорбилъ ее хоть одинъ разъ, когда мнѣ случалось увидѣться съ нею наединѣ? Никогда этого не было!.. Третьягодня я позволилъ себѣ нѣсколько зло подшутить надъ нею, и вотъ теперь кожу сюда второй день единственно за тѣмъ, чтобы попросить у нея прощенія... Да, единственно за этимъ, и уже изъ одного этого вы можете видѣть, что я самый смиренный баранъ передъ нею... Но когда отъ меня бѣгутъ, прячутся... когда у меня подъ носомъ запираютъ дверь на ключъ, а подученная прислуга, нагло ухмыляясь, говорить мнѣ въ глаза, что барыни нѣтъ дома, — что же мудренаго, если даже и такой смиренный баранъ, какъ я, приходитъ наконецъ въ бѣшенство?.. Пожалуйста, попытайтесь какъ нибудь объяснить ей это... Прощайте!

Слегка поклонившись Леденеву, онъ запахнулъ шинель, нахлобучилъ на брови шапку и пошелъ по направленію къ лѣстницѣ.

Начинало темнѣть. Леденевъ переждалъ еще съ четверть часа, и когда въ коридорѣ стало настолько темно, что изъ одного его конца невозможно было разсмотрѣть, что дѣлается въ другомъ, постучался условленнымъ образомъ въ нумеръ Катерины Андреевны. Тотчасъ же щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и дверь отворилась.

— Ушелъ? спросила шопотомъ Шипилова.

— Ушелъ.

— Однако всетаки надо быть осторожнѣе: онъ — хитрый... Сколько разъ случалось, что онъ дѣлалъ видъ, будто уходитъ домой, а черезъ какихъ нибудь десять минутъ возвращался опять, крадучись, какъ котъ... Не шумите.

Она заперла дверь на ключъ, потомъ взяла Леденева за руку и, еще разъ шепнувъ ему: »тише!«, провела его въ дальнюю комнату, служившую ей спальною. Здѣсь она, все не выпуская изъ своей руки руку Леденева, усѣлась рядомъ съ нимъ на диванъ.

— Ну... что же у васъ вышло? спросила она. — То, что вы говорили сначала, у моей двери, я слышала... а что было у васъ потомъ, когда вы увели его къ себѣ?.. Рассказывайте все по порядку, подробно.

По мѣрѣ того какъ Леденевъ пересказывалъ ей свой разговоръ съ Шипиловымъ, ея нѣжная ручка все слабѣе сжимала его руку и наконецъ совсѣмъ оставила ее. Шипилова встала съ глубокимъ вздохомъ разочарованія. Она была почти увѣрена, что между Ледневымъ и ея мужемъ неминуемо должно было произойти очень, очень крупное объясненіе, которое могло окончиться чѣмъ нибудь весьма серьезнымъ... А между тѣмъ оказывается, что они разстались только что не пріятелями!

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ церемонились съ нимъ! съ досадой сказала она. — Къ чему вы будто нарочно старались подбирать самыя деликатныя выраженія, когда говорили съ нимъ? Стоило съ нимъ церемониться!.. И зачѣмъ, наконецъ, когда онъ собрался опять ломиться ко мнѣ

въ дверь, зачѣмъ вы сказали ему, что я, можетъ быть, ушла?

— Но еслибы я не сказала этого, онъ навѣрное опять поднялъ бы стукъ...

— Ну, и пусть поднялъ бы... Тогда бы вы имѣли самое святое право взять его, какъ забѣсившуюся кошку, и сбросить съ лѣстницы. Вѣдь вы же предупредили его, что не будете съ нимъ шутить. Чего же больше?

Леденевъ печально повѣсилъ голову: до этой минуты онъ думалъ, что ему удалось все устроить самымъ благополучнымъ образомъ для всѣхъ. А теперь выходило, что онъ и говорилъ, и дѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало.

— Можно подумать, что вамъ было жаль обидѣть такого несчастнаго, такого угнетеннаго судьбою бѣдняка, насмѣшливо и со злобой продолжала она. — Не правда ли, жалко, очень жалко?

Леденевъ въ волненіи всталъ.

— Конечно, Катерина Андреевна! сказалъ онъ. — Развѣ это легко... прибѣгнуть къ силѣ съ такимъ человѣкомъ... только что вышедшимъ изъ больницы, еще не выздоровѣвшимъ, разстроеннымъ...

— Слабымъ, смиреннымъ бараномъ, какъ онъ себя называетъ! язвительно прервала она его. — Хорошъ смиренный баранъ, который ломится въ дверь, какъ сорвавшійся съ цѣпи сумасшедшій, и потомъ увѣряетъ, что онъ приходилъ просить прощенія!.. Ха-ха-ха... развѣ такъ приходятъ просить прощенія?.. Полноте!.. Мало ли что онъ можетъ говорить о себѣ и какой несчастной жертвой выставить себя! Повернулся же у него языкъ сказать вамъ, будто онъ третьягодня всего только подшутилъ надо мной... Подшутилъ!.. Онъ нанесъ мнѣ самое жестокое оскорбленіе, какое только можно нанести женщинѣ. Именно, онъ осмѣлился сказать мнѣ, что я — продажная женщина... Слышите ли вы?.. Это у него называется »подшутить«!.. И послѣ этого

у него еще достаёт дерзости удивляться, что я не хочу его видѣть! Онъ осмѣливается спрашивать: »почему она прячется и запирается отъ меня?..«

Шипилова говорила все громче и громче. Теперь она уже не боялась больше, что ея мужъ можетъ воротиться и услышать ее, а, напротивъ, даже хотѣла, чтобы онъ воротился. Пусть приходитъ, пусть начинаетъ опять ломиться въ запертую дверь, — можетъ быть, хоть тогда наконецъ черезъ мѣру разсудительный Леденевъ выйдетъ изъ своей невыносимой флегмы и сдѣлаетъ то, что ему давно слѣдовало бы сдѣлать...

— Отчего я запираюсь, прячусь отъ него? продолжала она, засмѣявшись отрывистымъ и злымъ смѣхомъ. — Да оттого, что я не могу его видѣть — до такой степени онъ мнѣ ненавистенъ. Онъ мнѣ противенъ, какъ какая-то отвратительная гадина, полураздавленная чьими-то ногами и все-таки еще ползающая, угрожающая укусить того, кто приблизится къ ней. Онъ испортилъ мнѣ жизнь и продолжаетъ портить ее. Я не могу сдѣлать шагу безъ того, чтобы не споткнуться объ эту гадину, которая всюду-всюду преграждаетъ мнѣ дорогу... Хотите доказательствъ?.. извольте... Я уже говорила вамъ, что думала было поступить на сцену. Одинъ мой старый знакомый, котораго вы, впрочемъ, встрѣчали у меня, находится въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ здѣшнимъ антрепренеромъ и взялся переговорить съ нимъ обо мнѣ. Антрепренеръ почти съ перваго же слова очень охотно согласился дать мнѣ дебютъ. Все устраивалось какъ нельзя лучше. И вотъ, стоило только этой гадинѣ показаться сюда третьягодня, — тотчасъ же все разстроилось. Теперь антрепренеръ уже колеблется. Ему просто страшно выпустить на сцену женщину, мужъ которой грозитъ отобрать у нея паспортъ и, кромѣ того, позволяетъ себѣ отъ времени до времени вламываться въ чужіе дома... Кто можетъ поручиться за то, что эта безумная гадина не устроитъ цѣлаго ряда скандаловъ и въ театрѣ, если я найду себѣ

пріютъ тамъ?.. Ахъ, лучше не говорить объ этомъ! я дѣлаюсь больна не только тогда, когда вижу этого вашего несчастнаго страдальца, но даже и тогда, когда говорю о немъ!

XI

На другой день, вечеромъ, когда Леденевъ пилъ чай и просматривалъ газету, къ нему въ нумеръ вошелъ Шипиловъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать: гдѣ Катерина Андреевна? спросилъ онъ.

— Я не знаю, гдѣ Катерина Андреевна, довольно сухо отвѣтилъ Леденевъ.

Шипиловъ тотчасъ же замѣтилъ сухость этихъ словъ и вопросительно посмотрѣлъ на Леденева своими меланхолическими глазами.

— Не позволите ли сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: видѣлись вы съ нею вчера или не видѣлись? спросилъ онъ.

— Да, я видѣлся съ нею.

— И, можетъ быть, вамъ представился случай переговорить съ нею о томъ, о чемъ я просилъ васъ?

— Т. е. почему она избѣгаетъ случаевъ встрѣчаться съ вами?.. Да, говорилось и объ этомъ, сказалъ Леденевъ, рѣшивъ въ своемъ умѣ, что самое лучшее будетъ — высказаться откровенно самому и выслушать все, что можетъ возразить ему Шипиловъ.

— Интересно: что же она могла сказать, проговорилъ Шипиловъ.

Онъ снялъ шинель, положилъ ее на стулъ въ уголѣ, а самъ сѣлъ къ столу и, запрятавъ въ рукава костлявыя руки, повторилъ: — интересно, интересно: что такое она сказала...

— Катерина Андреевна многое сказала по поводу этого, отвѣтилъ Леденевъ. — Во-первыхъ, она сказала, что вы несовсѣмъ вѣрно выразились, когда говорили, что только под-

путили надъ нею во время вашего послѣдняго свиданія. По ея словамъ, вы оскорбили ее, и притомъ самымъ непростительнымъ образомъ, потому что позволили себѣ отнестись къ ней, какъ къ продажной женщинѣ... Понятно, что послѣ этого ей тяжело и непріятно васъ видѣть... даже больше чѣмъ тяжело и непріятно, несравненно больше...

— Не до такой, не до такой степени, какъ она говорить! не безусловно! съ горькой усмѣшкой проговорилъ Шипиловъ.

Леденевъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Вы думаете, что ей очень пріятно васъ видѣть? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, этого я не думаю, отвѣтилъ Шипиловъ. — *Теперь* ей дѣйствительно не доставляетъ удовольствія видѣть меня. Но если завтра мои обстоятельства переменятся, она послѣзавтра посмотритъ на меня совсѣмъ другими глазами... Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: — для того чтобы не говорить загадками, я лучше расскажу вамъ, что произошло между мной и Катериной Андреевной въ это послѣднее наше свиданіе. Тогда вы сами увидите — и въ какомъ положеніи я нахожусь относительно ея, и чѣмъ именно оскорбилъ ее. Вотъ послушайте.

Подробно, почти изъ слова въ слово, онъ рассказалъ, какими словами встрѣтила его жена, въ какихъ выраженіяхъ онъ упрекалъ ее за ея жестокосердіе, какъ наконецъ ему вздумалось подшутить надъ нею, сочинивъ, будто въ его дѣлахъ произошла блестящая переменна, и что изъ этого вышло.

— Вотъ видите ли, сказалъ онъ, улыбаясь злою улыбкой и глубже задвигая въ рукава свои руки. — Видите ли!.. стоило только Катеринѣ Андреевнѣ услышать объ этой переменѣ въ моихъ обстоятельствахъ, какъ ея отношенія ко мнѣ тотчасъ же переменялись. Мнѣ можно стало и приблизиться къ ней, и помѣститься у ея ножекъ, и цѣловать, сколько угодно, ея ручки...

— Просто она была такъ удивлена, такъ задумалась, что не обратила на это вниманія! нетерпѣливо прервалъ его Леденевъ, съ досадою кусавшій себѣ губы.

— А, да!.. удивлена, задумалась!.. О чемъ же она такъ задумалась? о сельскохозяйственныхъ вопросахъ, которые мнѣ приходилось разрѣшить, вступая въ управленіе имѣніемъ моего двоюроднаго брата?

— Удивлена неожиданностью... задумалась, можетъ быть, именно надъ тѣмъ, что инстинктивно почувствовала въ вашихъ словахъ что-то фальшивое, сухо сказалъ Леденевъ. — Что же дальше?..

— А дальше: »Я уже сказала вамъ, чтобы вы оставили меня въ покоѣ!« И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ: »Скажите, — у васъ уже заключено съ этимъ господиномъ формальное условіе, или шли только предварительные переговоры?..« Потомъ опять: »Оставьте ли вы меня, наконецъ, въ покоѣ?« И сейчасъ же послѣ этого: »Я васъ спрашиваю: рѣшено это дѣло формально, или не рѣшено?..« Когда я сказалъ, что ничего не рѣшено, потому что нечего было рѣшать, и когда Катерина Андреевна потребовала объясненія, вотъ тутъ-то я и сказалъ ей тѣ оскорбительныя слова, которыхъ она не хочетъ простить мнѣ. Я сказалъ: »Покуда я былъ въ вашихъ глазахъ нищимъ, вы не хотѣли протянуть мнѣ своей руки. А когда вы услышали, что мои дѣла поправились, ваши отношенія ко мнѣ тотчасъ же перемѣнились. Оказывается, что 4.000 съ полнымъ почти содержаниемъ совершенно достаточно, чтобы вы готовы были примириться со мной...«

Леденевъ порывисто всталъ со стула.

— И вы еще удивляетесь, что вамъ не хотятъ простить этого?! воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

— Право, не знаю... Развѣ я говорилъ, что я удивляюсь?.. Пожалуй, и не удивляюсь... Кажется, ничему не слѣдуетъ удивляться, съ горечью проговорилъ Шипиловъ и печально повѣсилъ голову, спрашивая самого себя: »какимъ

же еще языкомъ нужно ему говорить, чтобы люди поняли его и увидѣли то, что онъ видитъ?»

— И неужели Катерина Андреевна была настолько снисходительна, что не велѣла вамъ тотчасъ же идти вонъ? продолжалъ Леденевъ.

— Нѣтъ, не была снисходительна. Велѣла идти вонъ.

— А вы не пошли?.. Ахъ да! должно быть, именно въ это время вы и пригрозили ей, что вытребуете ее къ себѣ черезъ полицію... Не правда ли?..

— Совершенно справедливо: пригрозилъ... именно въ это время...

— Пригрозили!.. Но вѣдь, насколько я знаю, нѣкогда вы дали Катеринѣ Андреевнѣ слово, что если не перестанете пить, то предоставите ей полную свободу жить гдѣ угодно. Пить вы не перестали и добросовѣстно выдали ей отдѣльный паспортъ. Неужели же вы не сознаете, что, угрожая вытребовать къ себѣ Катерину Андреевну, вы больше чѣмъ нарушаете заключенное между вами условіе? несравненно больше: вы измѣняете своему слову!.. Неужели вы этого не понимаете? спрашивалъ Леденевъ, все больше и больше волнуясь.

— Чего же тутъ не понимать? разумѣтся, понимаю.

— И всетаки позволяете себѣ пробѣгать къ подобной угрозѣ?

— И всетаки грозилъ... Ахъ, ничего-то вы не хотите увидѣть и понять, рѣшительно ничего! воскликнулъ Шипиловъ, внезапно тоже заволновавшись. — Скажите: видали вы, какъ человѣкъ, у котораго нестерпимо болить голова или зубы, принимаетъ и то, и другое, и третье положеніе, мечется и туда, и сюда? Вѣдь это-то вы видали... Онъ и самъ, пожалуй, знаетъ, что нисколько не уменьшить боли тѣмъ, что будетъ метаться изъ стороны въ сторону. Однако все-таки мечется. Ему нельзя не метаться. Въ то время, когда я еще заглядывалъ иногда въ книги, мнѣ случилось прочитать, что при очень сильной боли, напримѣръ при мучи-

тельной операціи, человѣку необходимо чѣмъ нибудь облегчить себя — хоть крикомъ, хоть стономъ, хоть скрежетомъ зубовъ, — иначе онъ не вынесетъ боли и умретъ. Точно такъ же и я: повидимому, безъ толку суюсь изъ стороны въ сторону, дѣлаю глупости, грожу... Но это только такъ кажется, что безъ толку, а на самомъ дѣлѣ мнѣ необходимо что нибудь дѣлать, чтобы хоть капельку облегчить себѣ боль. Вѣдь надо мной тоже производить операцію, да еще одну изъ самыхъ ужасныхъ: мнѣ сердце вырѣзаютъ изъ груди... сердце!.. Вотъ этого-то вы не хотите или не можете понять!

И опять Леденевъ почувствовалъ себя почти совершенно обездуреннымъ не столько словами, сколько взглядомъ, голосомъ Шипилова.

— Положимъ, сказалъ онъ задумчиво. — Но для меня вотъ еще что непонятно: какъ человѣкъ, не лишенный гордости, не видитъ, что ему слѣдуетъ, что онъ *долженъ* оставить въ покоѣ женщину, которая... которая... ну, скажемъ такъ: избѣгаетъ встрѣчаться съ нимъ?..

— Которая разлюбила и возненавидѣла его, хотите вы сказать? вы думаете, что она разлюбила меня? съ снисходительной улыбкой спросилъ Шипиловъ.

— А вы думаете, она любить васъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Леденевъ.

— Я думаю, что она любить меня теперь почти такъ же, какъ любила наканунѣ нашей свадьбы. Даже и не думаю — это я невѣрно выразился, а знаю, отвѣчалъ Шипиловъ съ тою же улыбкой.

Леденевъ смотрѣлъ на него, какъ говорится, во всѣ глаза.

— Знаю, убѣжденно повторилъ Шипиловъ, кивнувъ головой. — За все время съ того часа, когда я познакомился съ Катериной Андреевной, и до сегодняшняго дня невозможно найти ни одного факта, который противорѣчилъ бы этому моему убѣжденію... Да вотъ послушайте... Выйти за меня замужъ я просилъ Катерину Андреевну три раза; пер-

выя два предложенія я дѣлалъ ей въ то время, когда былъ простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ своего армейскаго жалованья, — на оба эти предложенія она мнѣ отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ; третье предложеніе я сдѣлалъ ей мѣсяца черезъ четыре послѣ второго, когда я получилъ довольно порядочное наслѣдство, — на этотъ разъ она согласилась... Пожалуйста, не торопитесь и не прерывайте меня возраженіями, потому что этому обстоятельству въ отдѣльности я и самъ не придаю никакого особеннаго значенія... Нужно вамъ сказать, что это происходило какъ разъ въ то время, когда »деревня« начала входить въ нѣкоторую моду, и многіе изъ нашего брата, служилыхъ людей, бросали службу, чтобы жить и работать въ своихъ заброшенныхъ имѣніяхъ. Я тоже вышелъ въ отставку и собрался »потрудиться землѣ«. Имѣніе мнѣ досталось прекрасное, по нашимъ разореннымъ временамъ, такъ какъ могло приносить до 600 рублей дохода чистыми деньгами, не считая того, что давало отличное помѣщеніе въ хорошемъ барскомъ домѣ и всякіе сельскіе продукты. На первое время мнѣ показалось въ деревнѣ, что я попалъ прямо въ царство небесное; однако скоро оказалось, что не совсѣмъ туда. Катерина Андреевна нашла, что жить вдали отъ порядочнаго общества, которое ходитъ во фракахъ и декольтированныхъ платьяхъ, жить безъ всякихъ возвышающихъ душу зрѣлищъ и представленій, — развѣ это жизнь? не жизнь, а ссылка въ очень отдаленныя отъ нея мѣста... Для того чтобы, по мѣрѣ возможности, разогнать тоску, овладѣвшую Катериной Андреевной и начавшую даже разрушать ея здоровье, понадобилось придумывать хоть какія нибудь развлечения: понадобились лошади, верховыя и упряжныя, кабриолеты, лодки, ружья, охотничьи собаки, разумѣется, все — хорошее... Ну, слава Богу, лѣто мы кое-какъ дотянули до конца. Но когда пришла осень, когда послѣдніе сосѣди, хоть сколько нибудь напоминавшіе Катеринѣ Андреевнѣ людей изъ порядочнаго общества, начали разъ-

взжаться по городамъ, я понялъ, что и намъ надо ѣхать, иначе мнѣ будетъ очень, очень худо. Денегъ для городской жизни у меня не было. Пришлось заложить имѣніе. И вотъ, когда, благодаря этой операціи, карманы у меня стали полны денегъ, а Катерина Андреевна переселилась изъ деревни въ свою настоящую родную сферу, — вотъ тогда для меня наступила самая блаженная пора моей семейной жизни. Я былъ для Катерины Андреевны »милый-милый«, она была для меня »дорогая-дорогая«. Тоски въ ея глазахъ какъ не бывало, здоровье сразу поправилось настолько, что она могла танцовать съ вечера до утра, а на слѣдующій вечеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, принимать участіе въ любительскомъ спектаклѣ. Она даже полнѣла. Къ веснѣ у нея началъ образовываться преоборозительный второй подбородочекъ... Къ несчастію, моего имѣнія хватило намъ всего только на два года съ небольшимъ. На третью зиму оказалось необходимымъ отыскивать какіе нибудь новые денежные источники. Еслибы я могъ найти себѣ мѣсто тысячами съ десятью или, по крайней мѣрѣ, восемью жалованья — ну, тогда, конечно, въ нашей жизни не произошло бы никакой особенной перемѣны. Но, къ сожалѣнію, такого мѣста для меня не было приготовлено. Мнѣ нашли, да и то съ трудомъ, мѣсто на 1.800 рублей... Подумайте только, какая несправедливость! 150 рублей въ мѣсяцъ, когда намъ одна квартира стоила 60... какъ вамъ это покажется? Положимъ, я-то могъ бы недурно прожить и на 30 рублей въ мѣсяцъ, но какже государство и общество не подумало о положеніи Катерины Андреевны? а?.. Онъ посмотрѣлъ на Леденева холодными глазами и продолжалъ: — само собою разумѣется, здоровье Катерины Андреевны немедленно разстроилось; въ глазахъ опять появилась тоска, опять заблестѣли слезинки... Она для меня по прежнему была »дорогая-дорогая«, но я-то для нея уже совсѣмъ не былъ »милый-милый«. И вотъ помаленьку, понемножку я началъ пить. Конечно, я и прежде пилъ, какъ пьютъ чуть не всѣ поря-

дочные люди изъ нашего порядочнаго общества, т. е. при подходящихъ обстоятельствахъ и при надлежащей обстановкѣ. Тутъ же я сталъ напиваться, уже не дожидаясь подходящихъ обстоятельствъ и не взирая ни на какую обстановку. Некогда было дожидаться. Иной разъ съ утра нападало на меня такое отчаяніе, что я готовъ былъ, пожалуй, утопиться въ водкѣ, не только что принять ее внутрь... Отчаяніе, полное отчаяніе!.. Въ землю мою я успѣлъ было влюбиться — земля ушла у меня между пальцами, какъ вода... Въ Катерину Андреевну я былъ влюбленъ до безумія — она тоже уходила отъ меня и неминуемо должна была уйти, потому что откуда же я могъ достать ей 10—8 тысячъ въ годъ?.. ну, откуда?

Подавленный этимъ повѣствованіемъ, Леденевъ молчалъ нѣсколько времени наконецъ проговорилъ:

— Однимъ словомъ, вы хотите сказать...

— Да то и хочу сказать, что она никогда меня не любила. Ни даже наканунѣ свадьбы... Когда у меня не было ничего, она отказывалась выйти за меня замужъ; когда у меня явилось состояніе, она пошла за меня. Когда оказалось, что мое состояніе вовсе не такъ велико, какъ ей думалось, она отшатнулась отъ меня; когда я досталъ кучу денегъ, она сдѣлалась очень милой женой. Когда деньги вышли, она стала отходить отъ меня все дальше и дальше, покуда не ушла совсѣмъ; когда я сказалъ ей третьяго дня, что получилъ хорошее мѣсто, она, по вашему выраженію, »задумалась« и тотчасъ же перемѣнила свое обращеніе со мной. А еслибы я дѣйствительно получилъ сегодня такое мѣсто, она завтра же примирилась бы со мной... Вотъ и все...

Леденевъ опять всталъ со стула, волнуясь и негодуя.

— Послушайте... вѣдь вы говорите самыя возмутительныя вещи! сказалъ онъ.

— Печальныя, печальныя, печальныя! протяжно и грустно поправилъ его Шипиловъ. — Чтò возмутительнаго въ моихъ словахъ, если я говорю, что у человѣка, съ которымъ ско-

вала меня судьба, нѣтъ сердца, и поэтому онъ понимаетъ и цѣнить одно только матеріальное положеніе?.. Не возмутительныя, а печальныя, страшно печальныя вещи рассказываю я вамъ...

— Вѣдь, въ сущности, вы презираете женщину, о которой можете говорить такія вещи!.. вы ненавидите ее!.. воскликнулъ Леденевъ.

Шипиловъ улыбнулся неопредѣленной улыбкой.

— Что-жь... есть, есть и это... и презрѣніе есть, и ненависть есть... Но это бы ничего, это было бы даже хорошо, а главное горе въ томъ, что я люблю ее... вотъ въ чемъ горе!

— Любите?!. презираемую и ненавидимую женщину любите?!. что такое вы говорите?

— Ну да, люблю... Пожалуй, что это и въ самомъ дѣлѣ несовсѣмъ понятно въ ваши годы. Но когда вы будете постарше, тогда, можетъ быть, узнаете по горькому опыту, что влюбляемся мы вовсе не въ женскія добродѣтели. Къ добродѣтелямъ мы относимся только съ почительностью, не больше, а влюбляемся мы за что-то другое, — право, не знаю за что, не могу вамъ этого объяснить. Похоже, однако, что это нѣчто въ родѣ привычки къ самоотравленію... какъ, на примѣръ, иные люди привыкаютъ къ опиуму, морфію или водкѣ. Говорятъ, эти несчастные сами превосходно понимаютъ, что идутъ прямою дорогою къ неизбѣжной гибели, прямо къ чорту, и однако-жь не находятъ въ себѣ достаточно силы, чтобы остановиться... Поздно!.. отравы проникла въ каждую каплю ихъ крови, и каждая эта капля неотступно требуетъ, чтобы ей продолжали давать того сладкаго яду, къ которому она такъ привыкла. Ядъ, конечно, остается ядомъ, очень губительною вещью, — объ этомъ нечего и говорить; но что дѣлать, если онъ сдѣялся необходимостью? что дѣлать? что?..

Леденевъ долго молчалъ.

— Можетъ быть, слѣдовало бы постараться пробудить

въ себѣ хотѣ гордость, проговорилъ онъ наконецъ: — сказать себѣ, что вѣдь недостойно порядочнаго человѣка преслѣдовать женщину, которая не хочетъ имѣть съ нимъ дѣло.

— Не хотите! повторилъ Шипиловъ. — Вы все повторяете: »не хотите«. Да мало ли чего человѣкъ иногда не хочетъ! Вы измѣните немножко мое положеніе относительно Катерины Андреевны и представьте себѣ, что она моя должница. Представьте себѣ, что она взяла у меня взаимныя деньги, все мое состояніе, и когда я теперь прихожу къ ней за этими деньгами, она говоритъ, что не хочетъ меня видѣть... Въ этомъ случаѣ вѣдь и вы сказали бы, что мало ли чего она не хочетъ!.. не правда ли? Такъ какъ же вы не хотите понять, что она взяла у меня вѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ деньги или состояніе, — взяла жизнь мою?!. вѣдь у насъ съ нею громадныя, громадныя незаконченныя счеты!..

— Въ концѣ концовъ, чтѣ же вы приобрѣтете тѣмъ, что будете преслѣдовать ее? предложилъ Леденевъ еще одинъ вопросъ.

— Знаю, не задумавшись, отвѣтилъ Шипиловъ: — ненависть и отвращеніе... т. е., въ сущности, я уже давно приобрѣлъ и ненависть ея, и отвращеніе, а теперь буду только выращивать ихъ. Знаю, все знаю!.. знаю также и то, что было бы гораздо лучше оставить ее въ покоѣ... въ миллионъ разъ лучше и достойнѣе, и благороднѣе, и возвышеннѣе... Лучше было бы для Катерины Андреевны; лучше было бы для ея знакомыхъ и сосѣдей, которыхъ я теперь беспокою; лучше было бы для меня, потому что я тогда, можетъ быть, справился бы и поднялся на ноги, тѣмъ болѣе, что мнѣ всего только 35 лѣтъ, и жизни у меня впереди еще довольно. Для всѣхъ было бы лучше. Да дѣло въ томъ, что не могу я! не могу!.. Объявите вы мнѣ сейчасъ, что завтра же отрубите мнѣ голову, если я не оставлю въ покоѣ Катерину Андреевну, — я вамъ отвѣчу, что напрасно будете дожидаться до завтра, рубите теперь же, потому что

я все равно не остану отъ нея: не въ силахъ... Вы обратитѣ вниманіе хоть бы на то, что я сижу у васъ часа два, а говорю объ одной только Катеринѣ Андреевнѣ. Почему это? да потому, что не въ состояніи думать о чемъ бы то ни было другомъ. Не могу... ничто другое меня не интересуетъ...

Пришелъ Шкинскій. Съ появленіемъ незнакомаго ему человѣка, Шипиловъ тотчасъ же замолчалъ. Посидѣвъ еще минуты три и сообразивъ, что теперь разговоръ пойдетъ уже не о Катеринѣ Андреевнѣ, а о другихъ, совершенно неинтересныхъ для него, людяхъ и предметахъ, онъ поспѣшилъ уйти.

— Вы несовсѣмъ вѣрно выразились, когда сказали мнѣ, что это Шипиловъ, замѣтилъ потомъ Шкинскій. — Слѣдовало бы сказать, что это тѣнь Шипилова: вѣдь это одна только тѣнь человѣка, а вовсе не самъ человѣкъ.

— Да, онъ страшно жалкій, задумчиво сказалъ Леденевъ. — Я встрѣчалъ довольно всякихъ людей, но такого несчастнаго мнѣ, кажется, еще не приходилось встрѣчать.

XII

Со времени этого разговора не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы Шипиловъ не заходилъ къ Леденеву хоть на нѣсколько минутъ.

— Чтò, Катерины Андреевны, должно быть, и сегодня нѣтъ дома? обыкновенно спрашивалъ онъ, входя въ номеръ.

— Должно быть, нѣтъ: она теперь рѣдко бываетъ дома.

— Странно... гдѣ она можетъ быть? гдѣ она можетъ быть? задумчиво повторялъ Шипиловъ какъ будто про себя.

Снявъ шинель, онъ усаживался въ уголъ дивана, и тотчасъ же начинался все одинъ и тотъ же безконечный разговоръ — о Катеринѣ Андреевнѣ. Шипиловъ никогда не уставалъ говорить о ней, Леденевъ — слушать. Правда, въ первое время Леденеву было очень больно слышать, что въ

рассказахъ Шипилова Катерина Андреевна являлась далеко не такою женщиной, какою она представлялась ему, Леденеву; но потомъ онъ привыкъ и къ этому. Онъ успокоилъ себя тѣмъ соображеніемъ, что слова Шипилова можно принимать на вѣру не иначе, какъ съ нѣкоторыми оговорками и поправками, потому что онъ не можетъ смотрѣть на свою жену неомраченными глазами и судить о ней безпристрастно.

— Вотъ вы упорно настаиваете на томъ, что для Катерины Андреевны самое важное въ жизни — деньги и обстановка, сказала однажды Леденевъ. — Но какже вы не видите, что факты говорятъ противъ этого?

— Факты? какіе же факты? съ недоумѣніемъ спросилъ Шипиловъ.

— Тѣ факты, что, разойдясь съ вами, она промѣняла сравнительно обеспеченную жизнь на совѣмъ необеспеченную: ушла, куда глаза глядятъ, жила уроками, которые въ первое время давали ей 10—15 рублей въ мѣсяцъ и только потомъ уже стали давать 30. Какъ видите, мѣна далеко не выгодная въ матеріальномъ положеніи.

Шипиловъ энергично повертѣлъ головой, заранѣе отрицая основательность этого возраженія.

— Ничего подобнаго! рѣшительно сказалъ онъ. — Во-первыхъ, теперешняя жизнь для нея не больше, какъ станція на большой дорогѣ: мало ли на какихъ станціяхъ приходится останавливаться даже очень избалованнымъ людемъ... А во-вторыхъ, никогда она не жила ни на 15, ни на 30 рублей въ мѣсяцъ. Помилуйте, мыслимое ли для нея дѣло — жить на такія деньги!?. У нея есть родственники, и одинъ изъ нихъ, довольно богатый старикъ, крестный отецъ ея, даже и въ прежніе годы постоянно высылалъ ей, ко дню рожденія, рублей по 300, по 400; теперь же онъ навѣрное высылаетъ ей вдвое больше. Съ такими ресурсами, право, можно довольно сносно прожить нѣкоторое время на станціи.

— Ну, хорошо... а потомъ? на что она можетъ разсчитывать въ будущемъ?

— Въ будущемъ, въ будущемъ... Да, я частенько задумываюсь о ея будущемъ, со вздохомъ сказалъ Шипиловъ. — Вы говорите: на что она разсчитываетъ... Право, одинъ только Богъ вѣдаетъ, на что могутъ разсчитывать женщины въ родѣ Катерины Андреевны, да и способны ли онѣ чтонибудь разсчитывать... Я скорѣе склоненъ думать, что ничего она не разсчитываетъ, а просто въ ней гнѣздится непоколебимое инстинктивное убѣжденіе, что лежать же гдѣнибудь приготовленные для нея богатства, безъ которыхъ ей и жизнь не въ жизнь. Не можетъ же быть, чтобы судьба и воспитаніе внѣдрили въ нее такую страстную любовь къ богатой жизни, а самого-то богатства и не приготовили на ея долю... На что бы это было похоже?.. Услышала она, что нѣкоторыя женщины служатъ въ телеграфныхъ конторахъ, и бросилась туда: не даютъ ли тамъ хорошихъ денегъ? Сказалъ ей ктонибудь, что нѣкоторые актрисы загребаютъ золото лопатами, и она тотчасъ же прониклась желаніемъ послужить искусству, тѣмъ болѣе, что и прежде уже услуживала ему, участвуя въ любительскихъ спектакляхъ... Ну какая она артистка?!

— Вы думаете, изъ нея не можетъ выработаться хорошая актриса? спросилъ Леденевъ.

— Никогда. Какая она артистка?! Для того чтобы сдѣлаться порядочной актрисой, прежде всего нужно, я полагаю, нѣкоторое умѣнье влѣзть въ чужую душу и шкуру. А именно этой-то способности понимать, что дѣлается въ чужой душѣ, Господь Богъ и не далъ Катеринѣ Андреевнѣ. Вы думаете, она понимаетъ скольконибудь хоть бы мое душевное состояніе, мои мысли и чувства?.. ни чуточки... Вы думаете, она понимаетъ хоть немножечко васъ и ваше положеніе между ею и мной?.. нисколько... Ничего она не понимаетъ... Какже будетъ такая женщина понимать и передавать тѣ роли, которыя ей поручать?.. шиворотъ-на-вы-

воротъ... Положимъ, около нея можетъ случиться какойнибудь понимающій дѣло и проникнутый къ ней участіемъ челоуѣкъ, который будетъ разъяснять ей, что въ этой вотъ роли »отъ сихъ и до сихъ поръ« слѣдуетъ негодовать, а »отъ этого и до этого мѣста« нужно приходить въ отчаяніе; она и будетъ негодовать и приходить въ отчаяніе, но какъ? точно также, какъ ученый попугай выкрикиваетъ слово »дуракъ«, не понимая его смысла... Никогда она не можетъ сдѣлаться хорошей актрисой... И что только изъ нея можетъ сдѣлаться, такъ этого я и представить себѣ не могу... Объ этомъ я задумываюсь иногда до столбняка... Думаю, думаю о томъ, что можетъ предстоять ей въ будущемъ, и сколько ни передумываю, а это будущее все представляется мнѣ до такой степени страшнымъ, что мной овладѣваетъ точно кошмаръ наяву... Ничего-то, ровно ничего хорошаго не вижу я для нея впереди, — одно только гадкое, одно только ужасное...

Голосъ его постепенно понижался и становился все печальнѣе, мягче, нѣжнѣе; въ глазахъ и въ каждой чертѣ лица появилось столько страданія, горя, жалости, что Ледечевъ невольно всмотрѣлся пристальнѣе въ это преобразившееся лице. И вдругъ онъ понялъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что Шипиловъ дѣйствительно любить эту »презираемую« и порою »ненавидимую« имъ женщину, любить такъ сильно, что не остановился бы ни передъ чѣмъ, только бы уберечь ее отъ тѣхъ ужасовъ, которые предвидѣлъ для нея въ будущемъ.

Между тѣмъ разволновавшійся Шипиловъ всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и налилъ себѣ воды изъ графина, стоявшаго на окнѣ. Выпивъ нѣсколько глотковъ, онъ кашлянулъ разъ, потомъ другой и наконецъ проговорилъ съ досадою:

— Опять, опять поднялась эта проклятая...

— Что такое?..

— Да боль... боль у меня вотъ тутъ, сказалъ Шипи-

овъ, положивъ пальцы на верхнюю часть груди, какъ разъ лодъ горломъ. — Вы представьте себѣ, что гдѣ-то тамъ внутри, подъ костями, помѣстилась какая-то рука съ растопыренными пальцами... и какъ только я разволнуюсь или позволю себѣ выпить лишнее, эти растопыренные пальцы нагибаютъ понемногу сжиматься въ кулакъ и затаскиваютъ къ нему все, что тамъ есть внутри: и нервы, и всякіе сосуды... Дьявольски неприятное положеніе!.. Положимъ, я и волновался сегодня достаточно, и выпилъ нѣсколько рюмокъ коньяку... но... всетаки... на этотъ разъ что-то ужъ слишкомъ жестоко.

— Здѣсь живетъ докторъ, сказалъ Леденевъ, вставая. — Я пойду, спрошу, дома ли онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Господь съ нимъ. Пожалуйста, не беспокойте ни себя, ни его. Я не хуже его знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать: положить холодный компрессъ, лечь и постараться заснуть или, по крайней мѣрѣ, дать своимъ мыслямъ снотворное направленіе. Вотъ и все...

Съ помощью Леденева, онъ приготовилъ себѣ компрессъ и наложилъ на грудь, пожавшись всѣмъ тѣломъ, когда холодная и мокрая тряпка коснулась его кожи.

— Это спазмы, вѣроятно, сказалъ Леденевъ, устраивая на диванѣ подушку.

Шипиловъ улегся на диванъ, положивъ одну руку подъ щеку, а другою поддерживая компрессъ на груди. Нѣсколько минутъ онъ не говорилъ ни слова, неподвижно глядя передъ собою большими остеклянившимися глазами и по временамъ раскрывая ротъ, точно собирался простонать или хотѣлъ захватить побольше воздуха. Потомъ боль стала легче.

— Да, вы говорите: спазмы, сказалъ онъ, вспомнивъ замѣчаніе Леденева. — Нѣтъ, не спазмы. Что-то такое съ аортой... расширеніе аорты или что-то въ этомъ родѣ. Доктора нѣсколько разъ принимались мнѣ объяснять, что это такое, да я, признаться, мало интересовался этимъ, потому что, въ сущности, не все ли равно для меня? Что бы тамъ

такое у меня ни разстроилось, я все равно не могу ничего ни устроить, ни отремонтировать заново...

Онъ крѣпче прижался щекой къ подушкѣ и даже закрылъ было глаза, но тотчасъ же открылъ ихъ опять и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Леденева.

— Знаете ли что? сказалъ Леденевъ, вставая: — въ томъ концѣ коридора живетъ мой хорошій знакомый. Мнѣ кажется, будетъ лучше всего, если я пойду и посижу у него: тогда вы скорѣе успокоитесь и заснете.

Шипиловъ поспѣшно высвободивъ руку изъ-подъ щеки, какъ будто хотѣлъ удержать его.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не бѣгите хоть вы отъ меня, сказалъ онъ. — Когда я къ вамъ пришелъ, вы только что собирались читать газету... Сдѣлайте одолженіе, почитайте ее теперь и, пожалуй, хоть не отвѣчайте на вопросы, если я вздумаю предлагать ихъ вамъ.

Леденевъ взялъ газету и сѣлъ къ окну. Шипиловъ нѣсколько времени задумчиво смотрѣлъ передъ собою, потомъ закрылъ глаза. Полежавъ немного, онъ глубже вдвинулъ голову въ подушку и пошевелилъ челюстями, какъ будто силою укладывая на покой свой языкъ, просившійся сказать еще что-то. Послѣ этого наступила глубокая тишина, нарушавшаяся отъ времени до времени только какимъ нибудь движеніемъ въ коридорѣ да шелестомъ газетнаго листа въ рукахъ Леденева.

Прошло около получаса. Вдругъ, среди стоявшаго кругомъ полного безмолвія, послышался условленный двойной ударъ въ дверь, очень осторожный, но совершенно явственный. Леденевъ вздрогнулъ, но не тронулся съ мѣста. Онъ терпѣливо переждалъ нѣсколько времени и только потомъ уже рѣшился какъ можно осторожнѣе встать и пройти черезъ комнату въ коридоръ.

— Развѣ у васъ есть кто нибудь? шопотомъ спросила Шипилова, стоявшая за дверью и съ удивленіемъ посмотрѣвшая на вышедшаго къ ней крадучись Леденева.

— Вашъ мужъ...

— Онъ?!.

— Да... но онъ спитъ.

— О, нынче онъ приходитъ къ вамъ даже спать!.. Или, можетъ быть, онъ пьянъ?

— Нѣтъ... нездоровъ.

Движимая почти неудержимымъ влеченіемъ взглянуть— что такое дѣлается съ этимъ ненавистнымъ ей человѣкомъ, Шипилова пріотворила дверь въ номеръ и неслышными шагами прокралась въ него. Здѣсь она остановилась въ крошечной прихожей и, притаившись между шубами, висѣвшими на вѣшалкѣ, осторожно заглянула изъ-за двери въ приемную комнату. Въ дальнемъ концѣ этой комнаты, около оконъ, оставалось еще настолько свѣта, что можно было, хотя и не безъ напряженія глазъ, читать книгу; вся же остальная часть номера была окутана сумракомъ. Сначала Шипилова не могла разсмотрѣть ничего, но потомъ, когда ея глаза нѣсколько освоились съ окружавшимъ ее мракомъ, она различила на темной поверхности дивана темную же фигуру своего мужа. Подложивъ одну руку подъ щеку, спрятавъ другую гдѣ-то у себя на груди, немного подогнувъ ноги, онъ лежалъ теперь лицомъ къ спицкѣ дивана и спалъ такъ тихо, что не было слышно и видно даже и признаковъ дыханія. Ахъ еслибы вдругъ оказалось, что онъ лежитъ совсѣмъ бездыханенъ и холоденъ!.. Но, конечно, такое неожиданно великое счастье не посѣтитъ ее...

— Гадина... гадина... гадина! почти беззвучно шептала Шипилова, съ ненавистью глядя на него.

Въ рукахъ у нея былъ красивый, изъ слоновой кости, ножъ для разрѣзанія книгъ. Она взмахнула имъ надъ своей головой и, сдѣлавъ видъ, что втыкаетъ его въ грудь мужу, выразительно посмотрѣла на Леденева. Леденевъ медленно покачалъ головой. Взглянувъ еще разъ на мужа, Шипилова тѣми же неслышными шагами крадущейся кошки вышла въ коридоръ.

— Что вы съ такимъ мудрымъ видомъ качаете головой? по прежнему шопотомъ спросила она Леденева, глядя на него насмѣшливыми глазами. — Да, да!.. съ какимъ бы наслажденіемъ я воткнула ножъ ему въ бокъ или въ спину... и, еслибы онъ успѣлъ въ послѣдній разъ открыть глаза, сказала бы ему въ лицо: »Да, да... это я!..«

— Хуже будетъ, сказалъ Леденевъ.

— Чѣмъ же можетъ быть хуже?

— Убитые преслѣдуютъ еще неотступнѣе, чѣмъ живые...

— Убитые преслѣдуютъ!?. А, вотъ что!.. значить, вы боитесь мертвецовъ... И очень? очень они страшны? спрашивала она, засмѣявшись тихимъ, злымъ смѣхомъ и смотря на Леденева лихорадочно блестящими глазами.

— Не мертвецы... мертвецы не страшны... страшны *убитые*... Страшно то, что будетъ говорить потомъ совѣсть...

Шипилова засмѣялась еще болѣе злобно.

— Совѣсть!.. это за него будетъ мучить совѣсть?.. за такую гадину?!

Тревожимая мысляю, что ея мужъ можетъ проснуться и неожиданно выйти въ коридоръ, она безспрестанно поглядывала на дверь въ номеръ Леденева, и наконецъ ей надоѣло это. Она подошла къ двери и осторожно заперла ее.

— Такъ будетъ спокойнѣе, сказала она на вопросительный взглядъ Леденева. — Мы не будемъ уходить далеко отсюда, и если онъ проснется и постучится, то я успѣю уйти къ себѣ въ комнату, а вы тотчасъ же отопрете ему дверь. Теперь, по крайней мѣрѣ, намъ можно отойти куда нибудь... хоть туда, къ окну, и перестать шептаться и ходить на цыпочкахъ... Скажите: чѣмъ это онъ захворалъ у васъ?

Леденевъ передалъ ей, что слышалъ отъ Шипилова.

— Ахъ, это!.. съ видомъ разочарованія произнесла она. — Это началось съ нимъ еще года полтора тому назадъ, если не раньше... Это что-то въ родѣ аневризма. А съ аневризмомъ люди живутъ иногда чуть не до ста лѣтъ и только

дѣлаются отъ него еще несноснѣе... Эта болѣзнь нисколько не мѣшаетъ ему стоять на моей дорогѣ всюду, куда бы я ни повернулась или только задумала повернуться. Какой бы самый хорошій планъ на будущее ни сложился въ моей головѣ, тотчасъ же является все разрушающій вопросъ: »а онъ?..« Какая бы мечта не посѣтила меня хоть въ полуснѣ, сейчасъ же, точно привидѣніе изъ мрака, возникаетъ та же проклятая мысль: »а мужъ?..« Когда мнѣ приходится идти домой, я иду сюда, будто въ какую-то западню, — озираясь, оглядываясь, опрашивая прислугу: »не видѣла ли она его? нѣтъ ли его здѣсь? не сидитъ ли онъ гдѣ нибудь въ конторѣ, въ буфетѣ?..« Проходя по улицѣ, я постоянно ожидаю со страхомъ, что вотъ сейчасъ онъ выйдетъ откуда нибудь изъ-за угла или изъ воротъ, остановитъ меня и затѣетъ скандалъ... Даже въ чужомъ домѣ я не могу быть спокойна. Вчера мнѣ пришлось ночевать у знакомыхъ, и когда, собираясь лечь спать, я взглянула случайно въ окно, я увидѣла, что по срединѣ улицы бродитъ человѣкъ и всматривается въ окна... Это былъ онъ!.. Или онъ, или, можетъ быть, меня начинаютъ преслѣдовать галлюцинаціи... Не стану спорить, можетъ быть, и галлюцинаціи, потому что мнѣ самой иногда кажется, что я начинаю сходить съ ума отъ постоянной тревоги, боязни и злости.

Скрестивъ руки, повѣсивъ голову, Леденевъ печально слушалъ. Ему было безконечно жаль и эту поблѣднѣвшую отъ гнѣва и волненія милую ему женщину, и того изможденнаго болѣзнью, глубоко несчастнаго человѣка, который спалъ тамъ, за запертою дверью, и, можетъ быть, стоналъ во снѣ, какъ привыкъ стонать въ больницѣ.

— Онъ загородилъ мнѣ всѣ дороги къ свѣту и жизни... Онъ держитъ меня за горло... Понимаете ли вы, онъ душилъ, душилъ меня! предсжала Шипилова, стуча ножомъ по подоконнику, у котораго они стояли. — Развѣ я не имѣю права защищаться?.. А когда я думаю объ этой защитѣ и, въ отчаяніи, говорю вамъ, что готова была бы зарѣзать

его, вы начинаете проповѣдывать о совѣсти!.. Причемъ тутъ совѣсть?.. Еслибы я имѣла возможность сію же минуту растоптать его ногами, это не доставило бы мнѣ ровно ничего, кромѣ удовольствія... Непріятно можетъ быть только одно: идти потомъ за этакую гадину на судъ, чего добраго — въ тюрьму или даже въ ссылку. Вотъ объ этомъ только и стоитъ говорить... Это я понимаю...

— А я этого-то и не понимаю, тихо сказалъ Леденевъ.

— Какъ не понимаете? что тутъ непонятнаго?

— Мнѣ кажется, что если у меня спокойна совѣсть, и я считаю себя правымъ, такъ на все остальное не стоитъ и смотрѣть серьезно...

— На судъ, на тюрьму, на ссылку?!

— На все остальное.

— Это все пустяки?

— Конечно.

— Ахъ, полноте! съ досадой и нетерпѣніемъ сказала Шпилова. — Это вы опять принимаетесь за ваши любимые мотивы: богатство — пустяки, все, что составляетъ прелесть жизни — пустяки, жить въ порядочномъ обществѣ или среди мастеровыхъ — все равно... Оставьте, пожалуйста, это до другаго раза. Это, можетъ быть, довольно оригинально въ сантиментальныхъ книгахъ или въ праздномъ разговорѣ отъ-нечего-дѣлать, но не тогда, когда рѣчь идетъ о серьезномъ дѣлѣ — о всей жизни человѣка...

Леденевъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто она ударила его по лицу или назвала его лжецомъ и негоднемъ. Покраснѣвъ, потомъ поблѣднѣвъ, онъ съ укоризной посмотрѣлъ на нее и хотѣлъ что-то сказать въ свою защиту, но не сказалъ ни слова. Къ чему онъ будетъ говорить что бы то ни было? если она до этого времени не вѣрила въ искренность его словъ, то съ какой же стати повѣритъ теперь?

— А, впрочемъ, что же я говорю, продолжала Шпилова, почувствовавъ, что она сказала что-то такое, чего ей лучше было бы не говорить. — Вѣдь все то, изъ-за чего я

къ волнуясь, серьезно только для меня одной. Если *меня* ржать за горло, и если *мнѣ* отравляютъ каждый часъ изни, такъ *другимъ*-то какое до этого дѣло?.. имъ не дѣется отъ этого ни теплѣе, ни холоднѣе... Вѣдь это для *меня* одной тотъ человекъ, о которомъ я говорю, представляется такой отвратительной гадиной; а для другихъ, для *васъ*, напримѣръ, онъ — жалкій, больной, несчастный страдалецъ. Не такъ ли? очень несчастный?

— Очень, очень несчастный, не задумываясь, сказалъ Леденевъ.

Шипилова посмотрѣла на него злыми глазами.

— Вотъ видите, сказала она, отвернувшись. — Къ чему же я излагаю свои жалобы и изъ-за чего волнуясь? Слушая меня, вы, можетъ быть, уже давно думаете, что я совершенно напрасно выхожу изъ себя, потому что вѣдь онъ же не бьетъ меня, не дѣлаетъ мнѣ покуда скандаловъ на лицѣ, не врывается силою въ дома, въ которыхъ я бываю... чего же мнѣ нужно?.. А пройдетъ еще нѣсколько времени, вы, чего добраго, придете даже къ тому заключенію, что на того «несчастливаго» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на жертву, а на *меня* — какъ на его палача... Нѣтъ, ступайте лучше... отоприте его, а то онъ можетъ соскучиться въ своемъ заключеніи.

Отвервъ платкомъ злыя слезы, наворачившіяся на ея глаза, она поспѣшно ушла въ свой номеръ и заперлась въ немъ. Леденевъ подошелъ къ затворившейся за нею двери и хотѣлъ было постучаться и позвать Шипилу, но послѣ короткаго раздумья опустилъ уже поднятую руку и отошелъ прочь. Зачѣмъ онъ будетъ звать ее? что онъ можетъ сказать ей? Опять таки, если она до это времени не вѣрила ему, то съ какой стати повѣритъ теперь?

Онъ осторожно отперъ дверь своего номера и вошелъ въ него. Въ комнатахъ было совсѣмъ темно, и по прежнему не слышалось ни звука. Только когда Леденевъ зажегъ свѣчу, Шипиловъ, лежавшій теперь на другомъ боку, ли-

цомъ къ столу, слегка пошевелился и вздохнулъ, но тотчасъ же опять погрузился въ прежнюю неподвижность.

Леденевъ зажегъ лампу, надѣлъ на нее абажуръ такимъ образомъ, чтобы свѣтъ не беспокоилъ спящаго Шипилова, и, свѣсивъ голову на руку, печально задумался. Что могло нарушить добрыя отношенія къ нему Шипиловой? сказала ли онъ что нибудь обидѣвшее ее? сдѣлалъ ли онъ что нибудь, поставившее ее въ неприятное положеніе? услышала ли она о немъ что нибудь возстановившее ее противъ него? что могло оттолкнуть ее отъ него, — что, что? съ тоской, почти съ отчаяніемъ допытывался онъ у самого себя. Съ минуту онъ остановился было на той мысли, что Шипилова начала чуждаться его какъ разъ съ того времени, когда ея мужъ вышелъ изъ больницы... Однако нѣтъ... никогда Шипилова не была съ нимъ такъ близка, откровенна, нѣжна, какъ именно въ первые дни послѣ появленія ея мужа... И вдругъ, тотчасъ же послѣ этого, ее точно отшатнуло отъ Леденева: она совсѣмъ перестала заходить къ нему или звать его къ себѣ, начала все рѣже бывать дома и, когда Леденевъ, съ тоскою дожидавшійся ея возвращенія, шелъ наконецъ къ ней, — встрѣчала его холоднымъ взглядомъ, вялыми или злыми словами. И вотъ наконецъ теперь она почти прямо высказала ему, что смотритъ на него, какъ на двуличнаго человѣка, разыгрывающаго какую-то роль, которую пора бы бросить... Какую же роль онъ разыгрывалъ, по ея мнѣнію? кого обманывалъ или хотѣлъ обмануть?.. непостижимое дѣло!.. А ему думалось до этого времени, что если за нимъ было что нибудь хорошее, такъ именно то, что онъ никогда ни передъ кѣмъ не разыгрывалъ никакой роли, никогда никого не обманывалъ и всегда, во всѣхъ важныхъ и неважныхъ случаяхъ своей жизни, старался идти по возможности прямой дорогой...

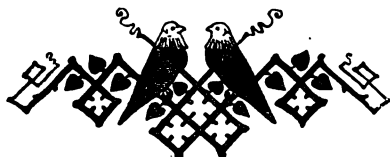
Въ своемъ отчаяніи Леденевъ пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что, можетъ быть, самое лучшее для него теперь было бы: завтра же отказаться отъ мѣста, проститься

со всѣми и уѣхать куда нибудь подальше, откуда было бы не такъ легко воротиться сюда при первомъ желаніи. Но когда онъ только представилъ себѣ, что будетъ гдѣ-то за тысячи верстъ отъ этого длиннаго, постоянно полутемнаго, коридора, гдѣ отъ времени до времени раздаются легкіе шаги ея, которые онъ такъ привыкъ узнавать за послѣднее время, дожидаясь по цѣлымъ часамъ и вечерамъ ея возвращенія домой; когда онъ только подумалъ, что не будетъ больше видѣть ея блѣднаго личика съ печальными глазами, — ему вдругъ почувствовалось, что уѣхать отсюда — свыше силъ его.

И зачѣмъ непременно ѣхать отсюда? отъ чего бѣжать? отъ какихъ опасностей?.. Если она уже не чувствуетъ къ нему ничего похожего на прежнее дружеское расположеніе, если ей непріятно видѣть его и скучно говорить съ нимъ, — онъ не пойдетъ больше къ ней, покуда она сама не позоветъ его. Этого совершенно достаточно. Все-таки онъ останется подлѣ нея, будетъ хоть издали слѣдить за нею, будетъ отъ времени до времени встрѣчаться съ нею на лѣстницѣ, въ коридорѣ, на улицѣ... И, кто знаетъ, можетъ быть, придетъ время, когда ему представится возможность доказать ей, что онъ былъ для нея надежнымъ другомъ и никогда не сказалъ ей ни одного фальшиваго слова.

Н. Бажинъ

Окончаніе будетъ

* *
*

Церковный звонъ и мракъ исповѣдаленъ, —
Приходъ весны — тепло душѣ принесть.
И плачу я раскаяньемъ печаленъ,
И счастливъ тѣмъ, что не стыжуся слезъ.
Живить весна таинственнымъ призывомъ
И радуется молитвенной тоской.
Вновь сумерки съ сиреневымъ отливомъ,
Съ помолодѣвшею луной.
Волнуются въ душѣ моей видѣнья,
Бѣгутъ, тѣснясь, согласныя мечты,
И облакаютъ ихъ живыя вдохновенья
Въ созвучья, краски и цвѣты.
Но холодомъ весну обезоруживъ,
Грозитъ зима безжалостнымъ лицомъ,
И черный лѣсъ, какъ бы изъ темныхъ кружевъ,
По утру весь унизанъ серебромъ.

К. Фофановъ

МИКРОБЫ

ОЧЕРКЪ

Въ послѣдніе годы мельчайшія изъ живыхъ существъ сдѣлались героями минуты въ области біологической и медицинской наукъ. Возникла цѣлая школа врачей, готовая приписывать происхожденіе чуть не каждой болѣзни жизнедѣятельности микроорганизмовъ, которые, попавъ въ тѣло человѣка съ пищею, водою, воздухомъ и иными путями, размножаются въ количествѣ цѣлыхъ миллиардовъ на пространствѣ одного кубическаго миллиметра, пожираютъ весь оборотный запасъ питательныхъ веществъ въ организмѣ, заражаютъ его массою своихъ изверженій и, наконецъ, губятъ его, совершая всю эту недоступную для глаза эпопею разрушенія иногда въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ часовъ. Примѣры, на которые можетъ опираться эта медицинская школа не заставляютъ себя долго отыскивать. Правда, люди противнаго мнѣнія указываютъ на немногочисленность тѣхъ болѣзней, которыя такъ или иначе приведены въ связь съ микроорганизмами; но сторонники новой школы менѣе всего смущаются этимъ доводомъ, и обстоятельство, опять таки, день за днемъ все болѣе и болѣе укрѣпляютъ ихъ въ принятомъ мнѣніи: — сплошь и рядомъ открываются новые типы такъ называемыхъ *патогенныхъ* (болѣзнетворныхъ) микроорганизмовъ, т. е. такихъ, которымъ приписывается происхожденіе болѣзней. Знаменитая коховская холерная „запятая“ извѣстна уже давнымъ-давно; наряду съ нею слѣдовала чахоточная „палочка“, далѣе, кокки, бациллы, вибрионы, спираиллы — цѣлая рать разной микроскопической мелочи, пристроившейся къ сапу, пневмоніи, карбункулу, сибирской язвѣ, тифу и т. д., и т. д. Въ послѣднее время поговариваютъ о патогенныхъ микробахъ рака и дифтерита.

Текущая пресса всего образованнаго міра обилуетъ статьями и цѣлыми трактатами о новоявленныхъ, невидимыхъ, ничтож-

ныхъ и въ то же время ужасающихъ врагахъ нашего здоровья. Наряду со спеціально научнымъ и кабинетнымъ изслѣдованіемъ вопроса идетъ широкая его популяризація. Предпринимаются курсы по бактериологіи, то спеціально научнаго характера, то имѣющіе задачу ознакомленіе съ предметомъ массы публики. Громадная литература этой молодой отрасли знаній даетъ полную возможность сдѣлать небольшой, предлагаемый читателямъ, очеркъ предмета, интересъ къ которому, къ сожалѣнію, по самому существу дѣла, не можетъ отсутствовать въ массѣ читающей публики.

Прежде всего, конечно, нужно отвѣтить на законно-возникающій вопросъ: — что представляютъ собою эти микроскопическіе духи разрушенія, какое мѣсто должно быть имъ отведено въ ряду органическихъ существъ, какъ они живутъ сами и какими путями не даютъ жить другимъ?

Проскользнувъ съ быстротою мысли по лѣстницѣ растительныхъ формъ, съ самой ея вершины, мимо дубовъ и пальмъ, фіалокъ и лилій, ягодъ, плодовъ и зеленыхъ травъ, мы вдругъ наталкиваемся на рѣзкій переломъ въ ботанической систематикѣ. Изъ области растений съ цвѣтами и плодами, мы разомъ попадаемъ въ другую область, гдѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Растенія наверху лѣстницы размножаются сѣменами, а растенія внизу ея — спорами. Природа, по своему краеугольному закону, не дѣлаетъ скачка: — она даетъ искусно подобранныя переходныя формы въ обоихъ отдѣлахъ растительнаго царства. Споровые папоротники для глаза непосвященнаго въ ботаническія тонкости представляются очень обыкновенною травою, а ихъ тропическіе виды — даже большимъ деревомъ, въ родѣ пальмы. Но эти травы и пальмы не цвѣтутъ и не приносятъ сѣмянъ, да и самыя зеленые листья папоротниковъ оказываются уже не листьями, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ ихъ строеніе, порядокъ развитія и роль въ жизни растенія.

Спускаясь по ступенямъ этой лѣстницы еще ниже, мы пропустимъ мимо группы растеній, отличающіяся все возрастающею простотою строенія, каковы хвощи, корнеплодникі, хары, мхи.

Здѣсь проходитъ новый рубежъ между только что промелькнувшими мимо насъ *высшими* споровыми растеніями и тѣми, еще болѣе простыми, формами, которыя занимаютъ послѣднія ступени ботанической лѣстницы. Теперь передъ нами таятся водоросли, лишайники, и наконецъ въ самомъ низу лѣстница заканчивается грибами и плѣсенями. У водорослей еще есть что-то зеленое, что-то въ родѣ листьевъ и стеблей, нѣчто, словомъ, напоминающее растеніе, какъ его обыкновенно себѣ представляютъ. Грибы же и плѣсень лишены послѣднихъ примѣтъ, отличакщихъ растеніе, въ нихъ пропадаетъ весь его обычный

habitus. Не имѣя въ своихъ клѣточкахъ того могучаго, животворящаго зеленого вещества, волшебнаго хлорофилла, силою котораго растеніе создаетъ свою, иногда огромную, массу какъ бы изъ ничего — изъ невидимаго газа углекислоты и воды, нисшіе члены растительной семьи осуждены на паразитное существованіе: они питаются готовымъ матерьяломъ, выработаннымъ другими организмами. Въ средніе вѣка не хотѣли вѣрить, что грибокъ — растеніе; его считали то нисшимъ животнымъ, то животнорастеніемъ, то просто напросто продуктомъ дѣятельности цѣлой колоніи другихъ нисшихъ существъ, чѣмъ-то въ родѣ коралловаго рифа. Не далѣе 30—40 лѣтъ тому назадъ еще были серьезные ученые, рѣшительно недоумѣвавшіе, куда имъ дѣваться съ грибами, въ какую загородку классификаціи ихъ втиснуть.

Бактеріи включены въ самую крайнюю, отличающуюся почти идеальною простотою строенія, группу растительныхъ формъ. Даже между приниженными природою грибами бактеріи занимаютъ послѣднее мѣсто; это не просто грибы, а *нисшіе* грибы, нисшіе изъ нисшихъ. Боровикъ или опенокъ относятся къ бактеріи, какъ лордъ къ трубочисту. Вся эта группировка, впрочемъ, установлена только „пока“, для порядка; она скорѣе—мнемотехнической приѣмъ, нежели научная классификація. Микробы стоятъ на бивуакѣ науки; ихъ еще не развели по постояннымъ квартирамъ.

Въ настоящее время насчитываютъ свыше 30 основныхъ формъ, родовъ бактерій, и въ нѣкоторыхъ родахъ удалось различить до 20, 30, даже 60 формъ, какъ бы видовъ или разновидностей, породъ; общее же число этихъ отдѣльныхъ видовъ можно принять въ 170—180.

Не мѣшаетъ замѣтить, что два слова, принятые для обозначенія микроорганизмовъ, микробы и бактеріи — синонимы. Первое слово принято французами, второе нѣмцами. Оба обозначаютъ одно и то же; но на нейтральной почвѣ, какъ напр. у насъ, въ русской литературѣ, употребляются оба слова, и такъ какъ онѣ не похожи одно на другое, то многихъ вводятъ въ заблужденіе: полагаютъ, что это двѣ вещи разныя.

Внѣшняя форма микробовъ весьма разнообразна; она видоизмѣняется не только въ зависимости отъ видовыхъ особенностей, но также и отъ біологическихъ условий. По одному внѣшнему виду не возможно съ точностью различить породу микробовъ. Увѣренность въ распознаваніи достигается только въ томъ случаѣ, когда были приняты во вниманіе всѣ обстоятельства и данныя, полученные путемъ морфологическаго діагноза, микроскопическихъ реакцій, искусственныхъ разводовъ и, наконецъ, контрольных прививокъ. Итакъ, внѣшняя форма микробовъ

имѣть лишь относительное значеніе при ихъ распознаваніи. Но она не лишена своего интереса, и поэтому мы на ней остановимся.

Разсмотримъ для примѣра микроба сибирской язвы (*Bacillus anthracis*), надъ которой много поработали выдающіеся дѣятели, основатели современной бактериологіи, Пастеръ и Кохъ. Этотъ микробъ проходитъ двѣ стадіи развитія. Въ первой, такъ сказать, младенческой формѣ микробъ представляетъ собой шаровидную спору, а въ зрѣломъ возрастѣ является въ видѣ палочки. Сверхъ того, при искусственныхъ разводкахъ онъ принимаетъ еще третью форму — нитевидную.

Вообще вся сомнительность распознаванія микробовъ по наружному виду зависитъ не отъ разнообразія ихъ формъ, а скорѣе наоборотъ — отъ ихъ однообразія. Въ сущности всѣ бактеріальныя формы могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ фигурамъ: круглой, прямой (нитевидной или палочковидной) и спиральной.

Микробы округлой формы, конечно, не всегда являются въ видѣ правильнаго кружка; иногда они бываютъ неправильнаго болѣе или менѣе угловатаго очертанія, иногда — овальнаго. Вообще типы этого рода принято называть *кокками*. Такъ какъ всѣ эти кокки отличаются самыми субтильнѣйшими размѣрами, то для отличія отъ другихъ кокковъ, надѣленныхъ природою болѣе крупнымъ ростомъ, ихъ принято называть *микрочкокками*. Эти существа въ той средѣ, которая ихъ питаетъ, держатся либо по одиночкѣ, либо собираются въ группы. Извѣстная манера группироваться — нѣчто въ родѣ рудиментарной формы общежитія — служитъ довольно надежнымъ діагностическимъ признакомъ. Если они держатся по одиночкѣ, безъ всякаго видимаго порядка, то за ними остается простое названіе микрочкокковъ. Типомъ этого рода можетъ служить *Micrococcus prodigiosus*. Это тотъ самый микробъ, который придаетъ кроваво-красное окрашиваніе пріотившимъ его веществамъ. Онъ охотно размножается въ яичномъ бѣлкѣ, на хлѣбѣ, на кружочкахъ картофеля, благополучно жительствоетъ также въ различныхъ бульонахъ и въ желатинѣ и всюду вноситъ свой характеристическій кровавый цвѣтъ.

Микрочкоки, собирающіеся въ группочки по двѣ штуки, называются *диплококками*; это самая распространенная форма кокковъ. Бываютъ также группочки по четыре микрочкока, извѣстная у французовъ подъ именемъ *tetradés* — четверокъ. Примѣромъ четверочныхъ кокковъ можетъ служить *Micrococcus tetragenus*, открытый Гафки. Этотъ ученый соскабливалъ гной съ поверхности туберкулезныхъ кавернъ и прививалъ его мышамъ, которыя быстро гибли послѣ прививки. Въ ихъ крови былъ на-

одимъ въ огромномъ количествѣ названный четверочный микрококкъ. Иногда эти четверочки слипаются одна съ другой и образуютъ нѣчто въ родѣ маленькихъ кубиковъ, которые называются *сарцинами*. Такова, напр., сарцина, часто являющаяся испрошеною гостею на искусственныхъ разводкахъ другихъ микробовъ.

Микрококки, собирающіеся въ неправильныя кучки, получили названіе *зооглей*. У зооглей по большей части совершенно неправильное очертаніе, часто вытянутое по одному направленію; иной разъ вся крошечная колонія замкнута въ тоненькую оболочку и въ такомъ видѣ носитъ названіе *аскококка*.

Случается, что микрококки прилипаютъ одинъ къ другому, образуя цѣпочку, чаще всего угловатыхъ и причудливыхъ очертаній; тогда получаютъ такъ называемые *стрептококки*. Примѣромъ этой формы можетъ служить микробъ, развивающійся при воспаленіи молочныхъ железъ у рогатаго скота.

Наконецъ, микрококки группируются иногда на подобіе виноградной кисти; въ этомъ случаѣ ихъ называютъ *стафилококками*. Эти стафилококки по преимуществу любители гнили и всяческой нечисти. Ихъ находятъ въ разномъ гноѣ, въ особенности же въ матеріи, накопляющейся въ вередкахъ.

Въ ряду микробовъ, принимающихъ вытянутую, удлиненную форму, прежде всего отмѣтимъ *палочку*, которая, если она короткая, то обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и прямая, а если длинная, то изогнутая. Въ первомъ случаѣ они называются *бациллами*, во второмъ *лептотриксами*. Обѣ формы весьма распространены. Лептотриксъ чаще всего имѣетъ волнообразное очертаніе, съ геометрически правильными формами. Иной разъ лептотриксъ вытягиваются въ очень длинныя нити, и каждая такая нить много разъ изгибается, образуя пѣлыя космы, какъ бы комки какой-то пряжи. Такой видъ принимаетъ, напр., лептотриксъ карбункула въ искусственныхъ разводкахъ.

Когда прямой длинный микробъ образуетъ колоніи, напоминающія древесную вѣтку съ развѣтвленіями, то ему даютъ названіе *кладотрикса*. Нѣкоторые, въ особенности короткіе, микробы имѣютъ по срединѣ свѣтлую точку, которая остается безцвѣтною при самомъ энергическомъ окрашиваніи. Таковы, напр., бациллы, развивающіеся при гнилокровіи у кроликовъ и при куриной холерѣ.

Встрѣчаются бациллы съ утолщенными концами, по виду напоминающіе гвоздикъ или короткую булавоочку: таковъ, напр., микробъ, которому приписывается болѣзнетворная роль при столбнякѣ. Микробы спиральной формы являются въ трехъ главныхъ видоизмѣненіяхъ: въ видѣ запятой, въ видѣ правильной дуги и, наконецъ, въ видѣ штопорообразной спирали; всѣ

три видоизмѣненія очень распространены и встрѣчаются часто.

Что такое въ сущности представляетъ собою микробъ?

Это ничто иное, какъ простая клѣточка. Въ ней, какъ и во всякой растительной клѣточкѣ, можно различить наружную оболочку, а внутри — безпѣтную протоплазму, сильно преломляющую свѣтъ. Извѣстный бактериологъ Ненцкй изслѣдовалъ эту протоплазму и далъ ей названіе *микопротеина*. Микробы вообще такъ малы, что при самомъ громадномъ увеличеніи они кажутся подь микроскопомъ совершенно однородными тѣльцами, не превышающими по своимъ размѣрамъ точекъ и запятыхъ обыкновеннаго типографскаго шрифта. Только при увеличеніи до 2000 разъ удастся кое-что различить въ ихъ внутреннемъ строеніи. Но даже и при такомъ, предѣльномъ для современныхъ микроскоповъ, увеличеніи оболочки микробной клѣтки представляется въ видѣ тоненькой черты, такъ сказать, только обнаруживая свое присутствіе, но не выдавая ни единого изъ секретовъ своей внутренней структуры. Обыкновенныя растительныя клѣточки — истинные гиганты въ сравненіи съ микробами — обыкновенно заключаютъ въ себѣ явственно различаемое ядро; въ микробахъ такого ядра до сихъ поръ не было замѣчено. и установилось мнѣніе, что они совсѣмъ лишены этого характеристическаго признака растительной клѣтки. Подмѣчена еще другая рѣзкая разница между клѣточками-микробами и обыкновенными растительными клѣтками: въ микробахъ не найдено ни крахмала, ни хлорофилла. Въ этомъ отношеніи сомнѣній не можетъ быть, потому что крахмалъ, какъ извѣстно, обладаетъ въ высшей степени рѣзкимъ признакомъ: — онъ окрашивается отъ іода въ характеристическій сивій цвѣтъ. Всѣ перечисленныя отрицательныя свойства микробныхъ клѣтокъ совершенно понятны; микробы, вообще, принадлежатъ къ тѣмъ нисшимъ растительнымъ формамъ, въ которыхъ нѣтъ ни крахмала, ни хлорофилла.

Нѣкоторыя породы микробовъ отличаются неподвижностью, другія проявляютъ кое-какіе признаки движенія. Изученіе микробовъ съ этой стороны требуетъ деликатнѣйшей наблюдательности. Почти во всякой капелькѣ жидкости, разсматриваемой подь микроскопомъ, наблюдается такъ называемое брауновское движеніе; но этотъ родъ движенія не имѣетъ ничего общаго съ движеніемъ произвольнымъ. Для того чтобы отдать себѣ отчетъ въ этой разницѣ, представимъ себѣ, что мы добыли капельку крови, взятой отъ животнаго, страдающаго карбункуломъ, и разсматриваемъ ее подь микроскопомъ. Мы тотчасъ увидимъ типическіе столбики изъ кровавыхъ шариковъ, пла-

ающіе въ полупрозрачной массѣ кровяной сыворотки. Итакъ, ярики двигаются, но это движеніе вполнѣ совпадаетъ по направленію съ движеніемъ самой сыворотки. Между скопленіями ровныхъ шариковъ мы легко рассмотримъ и типическихъ паочкообразныхъ микробовъ карбункула. Они тоже движутся, но по одному направленію съ кровяными шариками, слѣдовательно, движутся не произвольно, а увлекаются движеніемъ всей капли. Мало по малу по краямъ капли образуется неподвижный бордюрикъ изъ сгустившейся сыворотки; тогда движеніе капли, съ началѣ довольно быстрое, начинаетъ понемногу замирать и наконецъ совсѣмъ приостанавливается; въ то же время останавливаются на мѣстѣ кровяные шарики, а микробы пристраиваются кучками около сгустившагося бордюра капли. Теперь возьмемъ каплю другой крови, а именно отъ субъекта, погибшаго вслѣдствіе пастеровскаго гниловровія. На первый взглядъ картина подѣ микроскопомъ будетъ та же: мы увидимъ тѣ же столбики кровяныхъ шариковъ, быстро несущіеся по направленію потока сыворотки; но относительно микробовъ тотчасъ кинется въ глаза нѣкоторая разница. Мы увидимъ, что ихъ длинныя нити, отдаваясь потоку сыворотки, въ то же время мѣняютъ свое очертаніе. Сыворотка, а съ нею и кровяные шарики наконецъ успокоятся, и тогда станетъ несомнѣннымъ, что микробы совершаютъ самопроизвольныя движенія: то описываютъ круги, быстро проносясь между шариками крови и расталкивая ихъ своимъ натискомъ, то извиваясь на подобіе змѣекъ, мчатся по разнымъ направленіямъ. У нѣкоторыхъ микробовъ существуютъ, повидимому, даже особые органы передвиженія, въ родѣ тѣхъ рѣсничекъ, которыми снабжены инфузоріи. Лептотриксъ описываютъ правильныя геометрическія фигуры при своемъ движеніи; другіе микробы вертятся на мѣстѣ, третьи рѣжутъ по калѣ во всѣхъ направленіяхъ.

Удалось подмѣтить условія, какъ благопріятныя для этихъ движеній, такъ и прекращающія ихъ. Прежде всего, конечно, необходимо, чтобы среда, въ которой движутся микробы, была жидкая; какъ только она начинаетъ густѣть вслѣдствіе испаренія воды, движенія микробовъ замедляются и затѣмъ останавливаются. Температура также оказываетъ несомнѣнное вліяніе; микробы проявляютъ наибольшую энергію движенія при температурѣ крови, т. е. при 37° Ц.

Способы размноженія микробовъ мало изучены. Замѣчено однако два отдѣльныхъ способа; одинъ изъ нихъ извѣстенъ въ наукѣ подѣ именемъ размноженія посредствомъ *артроспорулліи*, другой — *эндоспорулліи*. Насколько можно судить по сдѣланнымъ наблюденіямъ, по первому способу размножаются преимущественно круглыя формы микробовъ, т. е. кокки, а по

второму — удлинённые формы: бациллы, лептотриксы и пр. Читателямъ, совершенно не посвященнымъ въ секреты этихъ темныхъ закоулковъ біологической науки, необходимо дать понятіе о сущности обоихъ способовъ размноженія. При артроспоруляціи микробъ начинаетъ утрачивать свою округленную форму и вытягивается въ продолговатый овалъ; мало по малу по срединѣ этого овала обозначается перетяжка, какъ будто бы спора стянута ниткою. Въ мѣстѣ перетяжки образуется внутренняя перегородка, которая понемногу разслаивается; въ одинъ прекрасный мигъ обѣ половинки микроба внезапно распадаются, и изъ одного существа выходятъ два. Каждому микроскописту навѣрное десятки разъ случалось наблюдать воочию такой способъ размноженія. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ двѣ клѣточки-дочери, образовавшіяся изъ одной клѣточки-матери, представляются нѣкоторое время въ видѣ диплококка; если же микробъ держится колоніями, по двѣ, по четыре штуки вмѣстѣ, то при артроспоруляціи изъ такихъ паръ и четверокъ образуются массы сочетанныхъ кокковъ, т. е. зооглей. Случается, что дѣленіе происходитъ въ одномъ прямомъ направленіи, т. е. что двѣ клѣточки-дочери, прежде чѣмъ они разъединятся, въ свою очередь дѣлятся и опять таки остаются скрѣпленными, и такъ образуется нѣсколько поколѣній клѣточекъ, вытянутыхъ въ одну линію, принимающую фигуру цѣпочки или четокъ, тогда получается форма стрептококка. Можетъ случиться также дѣленіе по двумъ перпендикулярнымъ направленіямъ, и тогда получаютъ четверки. Наконецъ, можетъ быть случай дѣленія, распространяющагося по всевозможнымъ направленіямъ безъ всякаго порядка. Въ каждомъ данномъ видѣ микроба способъ размноженія остается постояннымъ; стрептококки-матери даютъ и дочерей-стрептококковъ, четверки воспроизводятъ новыя четверки и т. д. Правда, случается, что, напр., четверки при энергическомъ дѣленіи сочетаются въ массы, подобныя зооглямъ, но такія „ложныя“ зооглеи легко различаются опытнымъ глазомъ отъ истинныхъ зооглей.

Второй способъ размноженія нѣсколько сложнѣе и, можно сказать, съ біологической точки зрѣнія совершеннѣе. По этому способу „эндоспоруляціи“ воспроизводятся только бациллы. Дѣло происходитъ такъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на длинномъ тѣлцѣ микроба облазуются сгустки протоплазмы, сильно преломляющей свѣтъ; эти сгустки мало по малу вздуваются и закругляются. Пастеръ далъ этимъ пузырькамъ названіе споръ или зародышевыхъ тѣлецъ. Втянувъ въ себя всю протоплазму изъ микроба матери, споры отдѣляются одна отъ другой и начинаютъ совершенно самостоятельное существованіе. Онѣ обладаютъ замѣчательною силою сопротивленія условіямъ вѣшней

среды, легко переносят известныя крайности температуры, полное отсутствіе влажности, перемѣщенія на какія угодно разстоянія и т. д. Попадъ въ неблагопріятныя условія, онѣ не умираютъ, а только замираютъ, и какъ только судьба поставитъ ихъ вновь въ условія, благопріятствующія ихъ развитію, онѣ тотчасъ даютъ начало новымъ поколѣніямъ микробовъ. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ развитыхъ бациллоу, которые обладаютъ весьма ограниченными средствами борьбы съ внѣшними неблагопріятными условіями. Можно провести довольно вѣрную параллель между бациллами и высшими растениями: споры бациллъ относятся къ развитымъ бацилламъ такъ, какъ сѣмена высшихъ растений къ породившимъ ихъ растениямъ. Для примѣра вкажемъ на микроба карбункула: онъ погибаетъ при температурѣ около 65°, если его продержатъ при этой температурѣ хотя бы нѣсколько мгновений; а споры этого микроба безъ вреда выдерживаютъ кипяченіе въ водѣ въ теченіе двухъ часовъ. Будучи высушены, эти споры сохраняютъ свою жизненность при температурѣ 130°, которой не можетъ сопротивляться ничто живое. Но этимъ періодомъ скрытой жизненной энергіи и ограничивается способность споръ къ сопротивленію гибели. Ни въ моментъ своего образованія, ни въ моментъ уже начавшагося развитія споры не обладаютъ этою способностью. Первые стадіи проростанія споръ характеризуются размягченіемъ ихъ оболочки, которая изъ твердой и упругой становится мягкой и студенистою, для того чтобы представлять наименьшее сопротивленіе выходу бацилла, которому спора даетъ начало. Въ этомъ состояніи спора даже чувствительнѣе къ внѣшнимъ условіямъ, чѣмъ развитой бациллъ.

Кромѣ двухъ указанныхъ способовъ размноженія, иногда наблюдаются странныя и причудливыя отклоненія отъ нихъ, известныя подъ общимъ названіемъ *инволютивныхъ*. Эти виды размноженія весьма мало изучены и, какъ полагаютъ, находятся въ связи съ какими-то нарушеніями въ питаніи и нормальномъ развитіи микробовъ.

Вопросъ о формахъ размноженія микробовъ, конечно, относится болѣе къ области теоретической, нежели практической. Но вопросъ объ энергіи ихъ размноженія — уже чисто практическаго свойства. По этой части добыто немало интереснѣйшихъ цифръ. Вычислено, что двѣ бактеріи-дочери расходуютъ всего лишь два часа времени на то, чтобы достигнуть зрѣлости своей родительницы и дать начало двумъ новымъ парамъ. Если все вокругъ, во внѣшней обстановкѣ и питающей средѣ, обстоитъ благополучно, то черезъ *три дня* потомство *одной* бактеріи будетъ представляться въ круглой цифрѣ — 4772 билліоновъ. Отдѣльная бактерія обладаетъ тѣльцемъ въ $\frac{1}{1000}$ долю миллиметра

шириною и $\frac{2}{1000}$ миллиметра длиною; 636 миллионъ такихъ бактерий вѣсятъ 1 миллиграммъ. Колоссальное потомство 1 бактерии-прародительницы, взрослее въ теченіе сутокъ, вѣситъ только $\frac{1}{50}$ долю миллиграмма — вѣсъ ничтожнѣйшей песчинки; но зато черезъ три дня это же потомство, въ случаѣ безпрепятственнаго размноженія, вѣсило бы уже 465.000 пудовъ. Таковы величепріятные выводы простѣйшаго вычисленія.

Въ началѣ этой замѣтки нами уже было установлено, что микробы — существа растительнаго происхожденія, именно низшіе грибы. Какъ и всѣ высшія растенія, они лишены хлорофилла и потому не могутъ добывать себѣ пищу изъ углекислоты воздуха и воды, на подобіе вышнихъ растеній, создающихъ такимъ способомъ почти всю колоссальную массу своей клѣточной ткани. Микробы для своего питанія требуютъ готоваго органическаго вещества, т. е. уже сформированныхъ углеводовъ и азотистыхъ соединений. И они находятъ эту готовую пищу въ тѣхъ тканяхъ животнаго тѣла и въ тѣхъ жидкихъ субстратахъ животнаго и растительнаго происхожденія, на которыхъ они поселяются. Выстъ съ постановкою этого положенія ставится ребромъ вопросъ и о роли микробовъ въ экономіи животнаго организма.

Поэтому прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о питаніи микробовъ. Въ высшихъ растеніяхъ, какъ извѣстно, при образованіи ихъ вещества, господствующую роль играетъ процессъ возстановленія или раскисленія. Растеніе, воспринимая углекислоту (соединеніе углерода и кислорода), обращаетъ въ свою пользу весь углеродъ и только часть кислорода; остальная часть этого послѣдняго выдѣляется растеніями въ свободномъ видѣ. Растенія поглощаютъ углекислоту и выдѣляютъ кислородъ; животныя и низшія растенія — наоборотъ — поглощаютъ кислородъ и выдѣляютъ углекислоту. На этомъ взаимномъ обмѣнѣ услугъ, какъ извѣстно, зиждется все равновѣсіе жизни въ природѣ. Микробы принадлежатъ ко второй группѣ живыхъ существъ, группѣ окислителей, т. е. потребителей свободнаго кислорода. Одни изъ нихъ черпаютъ кислородъ прямо изъ воздуха: такіе получили названіе *аэробовъ*. Другіе — *анаэробы* — расхищаютъ кислородъ среды, въ которой живутъ. Ясное дѣло, что такое расхищеніе сопровождается возстановительнымъ процессомъ; среда, питающая микробовъ претерпѣваетъ глубокое разложеніе; микробы, такъ сказать, искажаютъ ея натуру, даютъ начало образованію въ ней совершенно новыхъ химическихъ соединений, чуждыхъ питающей ихъ средѣ. Съ этой точки зрѣнія роль микробовъ въ живомъ организмѣ, который они населили, сразу выясняется. Оказывается, что они, во-первыхъ, разрушаютъ за-

пасы вещества, входящаго въ составъ организма; такое расхищеніе само по себѣ уже ставитъ организмъ въ ненормальныя условія. Но этого мало; сейчасъ было упомянуто о томъ, что, раскисляя вещество пріютившаго ихъ организма, микробы даютъ начало образованію новыхъ, чуждыхъ организму, химическихъ соединеній. Теперь весь вопросъ въ томъ: какое вліяніе оказываютъ на организмъ эти новообразовавшіяся соединенія? Этотъ вопросъ, очевидно, самый существенный изъ всѣхъ, какіе предстоитъ разработать современной микробиологіи.

Для того, чтобы дать понятіе о всей глубинѣ этого вопроса, бросимъ взглядъ на микроскопическую картину какойнибудь изъ тѣхъ болѣзней, связь которыхъ съ микробами прочно установлена. Возьмемъ для примѣра азіатскую холеру. Многочисленные вскрытія холерныхъ труповъ показали, что ихъ кишечникъ заполненъ мириадами знаменитыхъ коховскихъ „запятыхъ“; о числѣ этихъ мелкихъ тварей, которое образуется въ теченіе двухъ-трехъ дней въ кишечникѣ больного, воображеніе отказывается составить скольконибудь ясное понятіе: для выраженія этого числа понадобились бы космическія цифры, чтонибудь въ родѣ единицы съ десятками нулей. И вся эта невидимая армія живетъ и работаетъ на всѣхъ парахъ, пожирая внутренность кишечнаго канала. Каждый отдѣльный изъ этихъ живыхъ атомовъ, принимая внутрь своего невидимаго тѣла частицу вещества, наполняющаго кишечникъ, подвергаетъ ее переработкѣ по одному и тому же плану. Часть вещества идетъ на образованіе его тѣла, другая часть удаляется изъ микробной клѣтки и примѣшивается къ содержимому кишечника. Что такое именно содержится въ этихъ выдѣленіяхъ микробовъ—на этотъ колоссальной важности вопросъ наука, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не можетъ отвѣтить. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что именно холерныя запятая и вырабатываютъ тотъ таинственный субтильный ядъ, который въ два-три дня на смерть истощаетъ человѣка ужаснымъ холернымъ поносомъ, сводитъ его члены судорогами и прикалываетъ совершенно здоровый организмъ, который почти невозможно ничѣмъ защитить отъ проникшаго въ него невидимаго врага.

Такова несомнѣнно роль микробовъ, жизненная дѣятельность которыхъ приведена въ связь съ различными болѣзнями. Съ этой точки зрѣнія каждая микробная болѣзнь непременно должна представлять такого рода картину, какова приведенная нами картина холеры. Поселившись въ животномъ тѣлѣ, найди въ немъ совершенно благоприятныя условія для своего жизненнаго процесса, микробъ тотчасъ же размножается въ неимоверномъ количествѣ. Пожирая среду, въ которой онъ поселился,

микробъ перерабатываетъ вещества этой среды, выбираетъ изъ нея то, что ему нужно для его собственнаго развитія, и выбрасываетъ изъ себя въ ту же питающую его среду все то, что не пошло на его питаніе. Этотъ-то отбросъ, быстро накапливающийся при дружной работѣ безчисленныхъ миллиардовъ маленькихъ организмовъ, и является специфическимъ ядомъ данной болѣзни. Само собою разумѣется, что разныя породы микробовъ даютъ въ своихъ отбросахъ и различные продукты, особыя химическія соединенія, особенныя яды, оказывающіе свое специфическое дѣйствіе на питающій микробовъ организмъ и, слѣдовательно, причиняющіе извѣстнаго рода болѣзнь, вызываемую именно этимъ микробомъ. Итакъ, каждой микробной болѣзни соответствуетъ своя особенная порода патогеннаго организма, — и, конечно, наоборотъ: извѣстная порода болѣзнетворныхъ микробовъ, производя опредѣленный специфическій ядъ, вызываетъ одну и ту же картину отравленія, т. е. одну и ту же извѣстную болѣзнь.

Микробъ — это всепроницающая, живая, невидимая точка. Микробами наполненъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, вода, которую мы пьемъ, почва, по которой мы ходимъ. Микробъ вступаетъ въ насъ, какъ неизмѣнный и совершенно неустрашимый спутникъ всего, что мы въ себя принимаемъ. Необходимо изучать, глубоко и старательно, во всѣхъ подробностяхъ ея таинственной тактики, эту незримую и безчисленную рать. И для того, чтобы ее изучить, надо овладѣть ею, какъ самымъ обычнымъ матеріаломъ точной науки, какъ объектомъ опытнаго изслѣдованія. — „Тотъ, кто познаетъ природу бродиль, познаетъ и причины болѣзней“, предсказывалъ знаменитый Бейль еще въ XVII столѣтіи. Это смѣлое пророчество начинаетъ сбываться.

Да, въ число многихъ культуръ, которыми занято человечество, вошла и эта оригинальная культура — *воздѣлываніе* микробовъ. Загляните въ любой изъ современныхъ многочисленныхъ курсовъ *бактеріологіи* (у нѣмцевъ) или *микробіи* (у французовъ) — и вы убѣдитесь, что главная часть книги — наставленіе къ разводкамъ чистокровныхъ породъ микробовъ.

Но едва былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости культуръ бактерій — изслѣдователи тотчасъ натолкнулись на камень преткновенія и впади въ уныніе. Нужно развести отдѣльно вотъ эту тоненькую, изящную спириллу; какже, однако, *отдѣлить* ее отъ другихъ, чуждыхъ формъ, которыя живутъ и бродятъ въ той же каплѣ? какую удочку закинуть въ эту каплю, чтобы на нее шли только спириллы? Вопросъ казался неразрѣшимымъ, но дошлый изслѣдователь преодолѣлъ всѣ трудности. Прежде всего, онъ вооружился терпѣніемъ, просиживалъ часы надъ

микроскопомъ и, уловивъ каплю жидкости, въ которой нужный ему микробъ явно преобладалъ надъ всѣми другими, онъ схватывалъ эту драгоценную каплю и ею обмѣнялъ питательную среду — бульонъ или какой нибудь другой отваръ или наваръ. Помѣстившись на это раздольное пастбище, микробы быстро размножались; изслѣдовать караулили это размноженіе. Нужный ему видъ развивался бойчѣе другихъ, потому что подавлялъ своихъ сожителей численностью. Капля этой разводки содержала уже преимущественно нужную породу; обмѣнивъ эту каплю новое пастбище, изслѣдователь получалъ еще болѣе очищенную колонію, и такъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отбирая представителей нужной ему формы, доводилъ эту послѣднюю до полной чистоты. Можно себѣ представить, до какой степени былъ копотливъ этотъ путь, какъ порадовались бактериологи, когда Клебсъ и Кохъ указали свои простые приемы раздѣленія породъ микробовъ. Кохъ беретъ тоненькій ломтикъ картофеля и размазываетъ по немъ обмѣняющую каплю, которая можетъ содержать въ себѣ, что ей угодно. Микробы тотчасъ начинаютъ размножаться; каждая порода, здѣсь, на твердомъ ломтикѣ картофеля, образуетъ *свою особую колонію* — въ этомъ весь секретъ. Въ жидкости вся разношерстая толпа микробовъ живетъ въ разбродъ; здѣсь — каждая порода своимъ гнѣздомъ. Стоитъ только, при сильномъ увеличеніи, внимательно осмотрѣть поверхность картофельнаго ломтика, найти ту колонію, которая нужна, и осторожно снять ее; чистая разводка нужной породы — готова.

Разрѣшивъ такъ успѣшно вопросъ о раздѣленіи породъ, принялись за разработку тонкостей кулинарнаго искусства въ примѣненіи къ продовольствію микробовъ. Наблюденія скоро наставили на путь истинный; для каждой породы подыскали любимую питательную среду, въ которой она развивается съ наибольшою суммою благополучія. Курсы бактериологіи наполнены подробностями о приготовленіи этихъ кушаній и описаніями тѣхъ кропотливыхъ предосторожностей, которыя направляются къ охраненію питательной среды отъ заноса въ нее какой нибудь чуждой пылинки, вносящей цѣлый разгромъ въ мирное развитіе культивируемой породы.

Но этимъ не кончается, а только начинается экспериментальный ходъ изслѣдованія микроба, въ полномъ его составѣ. Надо умѣть разсмотрѣть его подъ микроскопомъ. Капля всякой жидкости, взятой изъ живаго организма представляетъ подъ микроскопомъ такую пеструю картину всевозможныхъ частичекъ, что отыскать въ этой смѣси крошечное тѣльце микроба — дѣло нелегкое. Къ счастью, было замѣчено, что микробы очень легко пронизываются яркими красками и упорно удерживаютъ

эту окраску. На этомъ и основано ихъ распознаваніе подь микроскопомъ. Вся масса, подлежащая изслѣдованію, густо окрашивается растворимою анилиновою краскою, а потомъ тщательно прополаскивается; отъ промывки краска сходитъ со всѣхъ частичекъ массы, а на микробахъ остается. Послѣ того, подь микроскопомъ однообразно окрашенныя тѣльца микробовъ отчетливо выступаютъ на фонѣ безцвѣтной окружающей среды.

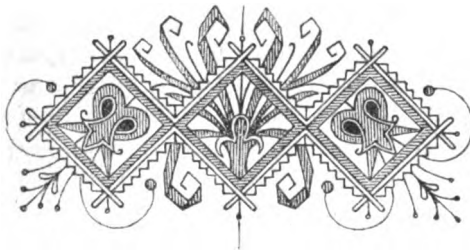
Если изслѣдуемая порода завѣдомо патогенная (болѣзнетворная) или сильно въ этомъ подозрѣвается, то необходимо ее испытать съ этой стороны. Тогда на алтарь науки приносится скромная жертва — кроликъ, птица, морская свинка. Бѣдная тварь заражается полученною микробною культурою и по вызваннѣмъ этою прививкою болѣзненнымъ явленіямъ, и по результатамъ вскрытія животнаго судить о болѣзнетворной способности изслѣдуемаго микроба.

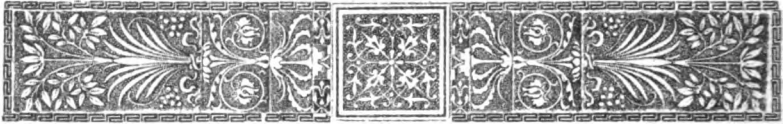
Микробъ—не всегда врагъ; быть можетъ, гораздо чаще онъ бываетъ другомъ человѣка, чѣмъ его убійцею. Вспомнимъ—кто дѣлаетъ намъ вино, пиво и уксусъ, кумысъ и кефиръ? Крошечный грибокъ — *Saccharomyces* расщепляетъ сахаръ на спиртъ и углекислоту, и ему мы обязаны и отми́нными, награжденными безчисленными медалями и гербами, наливками и настоянками, и „очищенною“ вдовы Поповой, и искрометнымъ шампанскимъ. Миниатюрная *Mycoderma aceti* — творить уксусъ; *Dispora caucasica* — превращаетъ молоко въ кефиръ. Да, наконецъ, и самыя лютыя изъ патогенныхъ микробовъ, понавъ въ передѣлку въ такимъ „сихъ дѣлъ мастерамъ“, какъ Пастеръ и Кохъ, посмотрите, какъ круто сдаютъ форсъ и изъ яда превращаются въ лекарство. Ученый разводитъ стадо микробовъ, выдерживаетъ его извѣстное время при опредѣленной температурѣ, ослабляющей его жизнѣдѣтельность, — и получается новое поколѣніе тѣхъ же микробовъ, съ ослабленною патогенною силою. Будучи привиты животному, эти микробы не только благополучно переносятся, далеко не вызывая тѣхъ грозныхъ явленій, какъ ихъ полномочные предки, но и служатъ оплотомъ противъ этихъ послѣднихъ: — организмъ, воспринявшій ослабленную культуру микроба, уже сопротивляется разрушительному эффекту полносильнаго. А послѣднее открытіе Коха, которое еще у всѣхъ на памяти? Пусть опыты съ туберкулиномъ будутъ неудачны; надо помнить, что это только первые опыты, и что самый научный принципъ, выдвинутый Кохомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Заговоривъ о микробахъ—нашихъ друзьяхъ, нельзя не упомянуть добрымъ словомъ только что представленныхъ г. Виноградскимъ научному міру *нитромонадъ*. Значеніе этихъ творцовъ почвеннаго азота можетъ стать по истинѣ громаднымъ

Разсчитывая въ другой разъ подѣлиться съ читателями всѣмъ, что стало извѣстнымъ объ этихъ существахъ, мы теперь дадимъ о нихъ только понятіе. Извѣстно, какую важную роль играетъ азотъ и его соединенія въ питаніи растений. Откуда хлѣбное растеніе беретъ азотъ? — изъ почвы, гдѣ онъ долженъ быть запасенъ въ готовомъ видѣ. Откуда же онъ приходитъ въ почву, если, конечно, хозяинъ не вноситъ его въ видѣ удобренія?.. Вотъ на этотъ-то громадной важности вопросъ и намѣченъ отвѣтъ: — азотъ въ почву вносить нитромолада; она беретъ его прямо изъ воздуха и внутри своего тѣла перерабатываетъ въ такія вещества, которыя служатъ непосредственнымъ пищевымъ матеріаломъ для растений, воздѣлываемыхъ на этой почвѣ. Если эти, какъ мы уже сказали, только что намѣченные, выводы подтвердятся, то мы будемъ имѣть въ рукахъ ключъ къ одной изъ важнѣйшихъ тайнъ растительной физиологіи.

М. А. О.

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ

Э С К И З Ъ

— И такъ, завтра ты ѣдешь?

— Непремѣнно!

Дѣвушка нетерпѣливо передернула плечами, и худенькіе пальчики ея быстрѣе зашевелились, скручивая бахрому платка.

Въ комнатѣ стоялъ мягкій полумракъ апрѣльскихъ сумерекъ. Изъ открытаго въ садъ окна широкой волной лился аромать пробудившейся отъ зимней спячки земли; пахло свѣже-взрытымъ черноземомъ и набухшими почками смолистаго тополя. Вдали, на горизонтѣ, алѣлась узкая полоска вѣдреннаго заката, и ея отсвѣтъ игралъ причудливыми бликами и на стеклахъ оконъ, и на лаковой поверхности стола, и на откинутой головкѣ дѣвушки, золотя ея тяжелыя русыя косы, небрежно разсыпавшіяся по плечамъ. Дѣвушка продолжала нервно теревить платокъ, и во всей ея фигурѣ сквозили плохо скрываемаѣ досада и нетерпѣніе.

Ея собесѣдникъ, шагавшій изъ угла въ уголь, подошелъ къ окну и, высунувшись до половины наружу, полной грудью забралъ воздухъ. Этотъ крѣпкій, опьяняющій аромать заставилъ болѣзненно сжаться его сердце. Ему стало какъ-то больно и стыдно за то, что онъ такъ безмѣрно счастливъ. Казалось ему, что вся природа, пробуждавшаяся къ новой жизни, подобно невидимому могучему оркестру, звенитъ и поетъ чудную симфонію любви и возрожденія. А та?..

Холодный вѣтерокъ, откуда-то сбоку пахнувшій въ лицо, возвратилъ ему сознаніе дѣйствительности; онъ обернулся и, подойдя близко къ дѣвушкѣ, нѣжно взялъ ее за руку.

— Оля, дорогая моя, перестань дуться. Неужели же ты такъ мало вѣришь мнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула дѣвушка: — я не могу дѣлиться своей любовью! Что это за женщина? это, наконецъ, обидно, невыносимо обидно, Василий Николаичъ!.. И въ голосѣ ея задрожали слезы. — Почему ты раньше ничего не говорилъ мнѣ о ней? что это значить? Ты скрываешь отъ меня ея существованіе, потому что любишь ее...

— Оля, ради Бога...

— Любишь, любишь, упрямо повторяла, готовая расплакаться, дѣвушка. — Зачѣмъ бы тебѣ иначе дѣлать изъ этого тайну?

— Да нѣтъ же! Если я до сихъ поръ не говорилъ тебѣ ничего о ней, такъ это простая случайность. Вотъ, прочти ея письмо — и ты увидишь, зачѣмъ я ѣду.

И, вынувъ изъ бокового кармана сложенный листъ бумаги, онъ подалъ его Олѣ.

— Не нужно, отстранила она движеніемъ руки письмо: — я не хочу его читать!

— Но ты должна же знать, въ чемъ дѣло... Оля, это глупо — ревновать къ призраку. Выслушай меня спокойно, и я увѣренъ, что ты иначе отнесешься къ моей поѣздкѣ. О, я знаю твое сердце, знаю, что ты сама мнѣ скажешь: »поѣзжай скорѣй«. Хочешь меня выслушать?

— Говори, нерѣшительно произнесла Оля. — Но прежде зажги свѣчи и закрой окно: мнѣ что-то холодно.

Она плотнѣе завернулась въ платокъ и подобрала подъ себя ноги.

Василій Николаичъ зажегъ свѣчи въ канделябрѣ, затворилъ окно, опустился на кресло рядомъ съ Олей и, помолчавъ немного, заговорилъ.

— Чтобы объяснить отношенія, связывавшія меня съ этой женщиной, я долженъ коснуться обстоятельствъ, при которыхъ произошло наше сближеніе. Придется начать нѣсколько издалика, — будь терпѣлива, и ты поймешь, что къ такимъ женщинамъ не ревнуютъ: это было бы также нелѣпо, какъ еслибы ты вздумала ревновать меня къ сестрѣ. Слушай же.

Года четыре назадъ, едва покинувъ школьную скамью, я перебрался на житье въ деревню. Въ забытовскомъ уѣздѣ послѣ дяди мнѣ досталось небольшое имѣніе, десятинъ въ

200, съ хорошенькой усадьбой, садомъ и клочкомъ строеваго лѣса. Конечно, я могъ бы избрать другую карьеру, такъ какъ золотая медаль и кое-какія связи открывали мнѣ доступъ къ видной служебной дѣятельности, но я предпочелъ зарыться въ медвѣжьемъ углу. Дѣло въ томъ, что мнѣ претила казенная канцелярщина, и я хотѣлъ жить, не завися ни отъ кого. Было, впрочемъ, въ этомъ и кое-что другое: въ то время я своеобразно понималъ служеніе народу и увлекался идеями о производительномъ трудѣ, думалъ, какъ теперь говорятъ, «проститься». На все свое время и своя мода: была пора «ходить въ народъ» съ пропагандой новыхъ идей — и молодежь той эпохи щедро заплатила дань этому увлеченію. Потомъ раздались авторитетные голоса, призывающіе идти въ народъ, но не съ тѣмъ, чтобы учить его, а, напротивъ, самимъ учиться и даже больше: стать частью этого народа, слиться съ нимъ въ его будничной тяжелой работѣ, думать его мыслями, жить его жизнью. Мы почувствовали себя великими должниками сѣрой массы, и, чтобы расплатиться съ этимъ вѣковымъ долгомъ, не оставалось ничего другаго, какъ самимъ стать въ ряды этой массы. Мнѣ это пришлось по душѣ, а исполнить было тѣмъ легче, что у меня былъ собственный клочокъ земли.

Приѣхавъ въ усадьбу, я сталъ реформировать свою жизнь сообразно новому идеалу. Началась ломка привычекъ, возрѣній, обычаевъ... Было нелегко пережить эту ломку; но мое увлеченіе было вполне искренно, и потому всѣ лишенія я переносилъ стойко, видя въ нихъ очистительную жертву за грѣхи мои и моихъ предковъ, оторвавшихся отъ народа. Я не стану рассказывать, какъ я учился пахать, косить, ходить за скотиной, — все это слишкомъ неинтересно, да и мало идетъ къ дѣлу. Скажу только одно, что черезъ годъ мужики, сначала косившіеся и втихомолку подсмѣивавшіеся надъ «чуднымъ баринномъ», вполне привыкли ко мнѣ, и моя особа съ косою или сохой не возбуждала болѣе никакой сенсаціи. Между мной и деревней установились дружескія, безъ тѣни недовѣрчивости, отношенія, и мои знанія приносили мужикамъ немалую пользу. Меня полюбили, какъ полезнаго члена общества, шли ко мнѣ за совѣтомъ и преклонялись передъ моею «ученостью». Были въ деревнѣ у меня, конечно, и враги, люди, которымъ мое присутствіе мѣшало проявлять свои хищническіе инстинкты,

— но все это мелочь: моя жизнь была слишкомъ на виду у всѣхъ, чтобы ктонибудь могъ заподозрить меня въ чемъ либо предосудительномъ. Жилось мнѣ въ общемъ хорошо: къ черной работѣ я попривыкъ, спина больше не ныла за сохой, а скромная обстановка и простой столъ вполнѣ удовлетворяли мои неприхотливыя потребности. Я былъ безмятежно счастливъ, сознавая, что служу идеѣ, и что мое присутствие въ деревнѣ приноситъ реальную пользу этому сѣрому забитому люду, для котораго баринъ до сихъ поръ являлся либо начальствомъ, либо эксплуататоромъ. Я работалъ, учился, успѣвалъ въ то же время толковать съ мужиками о ихъ дѣлахъ, — на все это у меня хватало времени.

Надо сказать, что съ сосѣдями-помѣщиками я почти не знакомился; работа оставляла мнѣ слишкомъ мало досуга, да и интересовъ общихъ не оказалось. Сначала еще занимались мною, какъ нѣкимъ невиданнымъ звѣремъ, а потомъ, попривыкнувъ, перестали: для папенокъ я не представлялъ интереса, потому что не пилъ водки и не игралъ въ карты, а дочекъ пугали мои мозолистые руки и слухи, что я самъ чищу навозъ.

Исключеніе составлялъ только крупный помѣщикъ Чекуновъ, земля котораго подходила почти вплотъ къ моей Горбатовкѣ. Чекуновъ былъ человекъ лѣтъ 40, изъ отставныхъ гусаръ, крайне безалаберный субъектъ, какая-то смѣсь дикаго животнаго, крѣпостника и червоннаго валета, съ прибавкой ханжества и наружнаго добросердечія. То онъ кидаль рублевья бумажки встрѣчному нищему, то таскалъ по судамъ горбатовцевъ за несчастную грошовую потраву въ его лугахъ, причиненную какойнибудь деревенской овцой. Тяжбы съ мужиками и сосѣдами у него не переводились, и, казалось, это сутяжничество было атмосферой, безъ которой онъ не могъ жить. Мнѣ часто приходилось улаживать его столкновения съ мужиками, иногда съ успѣхомъ.

— Подлецы, огрызался онъ на мои доводы. — Вы, Василій Николаичъ, молоды еще, не знаете этого народца: мягкостью да свисхожденіями съ ними ничего не подѣлаете. Нѣтъ-съ, на нихъ нужны плеть да ежовыя рукавицы, — и мнѣ стоило немалыхъ трудовъ, чтобы сломить его упрямство.

Въ семейной жизни Чекуновъ былъ тѣмъ же, если еще не хуже, чѣмъ и въ общественной. Его жена представляла собою типъ забитаго существа, въ которомъ однако внут-

реннй огонекъ не погасъ, а только покрылся толстымъ слоємъ пепла. Ей было уже 30 лѣтъ, хотя на лицо нельзя было дать и 25. Было въ ней что-то дѣвически-чистое, нетронутое, и потому именно, что эта чистота сохранилась въ ней, можно было заключить о сильной волѣ и недюжинной натурѣ этой женщины. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе, и мы какъ-то сразу сошлись съ ней на короткую ногу. Я не былъ влюбленъ въ нее, не ухаживалъ за ней, да и вообще думаю, что даже записной ферлакуръ сложилъ бы передъ ней свое оружіе: такой теплотой и, въ то же время, неприступностью вѣяло отъ Марьи Павловны. Предъ нею можно было преклоняться, но нельзя было и подумать о какихъ нибудь иныхъ отношеніяхъ.

Безъ сомнѣнія, мое знакомство съ Чекуновымъ ограничилось бы только дѣловыми визитами, еслибы не Марья Павловна, быть въ обществѣ которой стало для меня наслажденіемъ. Она такъ умно и тонко понимала вещи, такъ умѣла уловить сущность какого нибудь вопроса, что разговоръ съ ней не могъ надоѣсть собесѣднику. Она вела бесѣду съ такимъ мастерствомъ, не выдаваясь, не споря, что, казалось, она только слушаетъ; а между тѣмъ стояло ей только выйти изъ комнаты, какъ отсутствіе ея въ тотъ же мигъ замѣчалось.

Я не знаю — была ли она хороша собой, такъ какъ никогда не думалъ объ этомъ; но безпорно въ ней было то, что неотразимо привлекаетъ и оставляетъ прочное впечатлѣніе.

Я скоро догадался о разладѣ между мужемъ и женой, разладѣ, длившемся цѣлыхъ 10 лѣтъ и готовомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, разразиться въ катастрофу. Впрочемъ, это было извѣстно всему околodку, несмотря на то, что Марья Павловна, съ чисто-женской гордостью, тщательно скрывала отъ посторонняго глаза свои домашнія дѣла. Въ глуши сплетня всесильна, и — Богъ знаетъ, какими путями — сосѣди знали о незавидномъ положеніи Марьи Павловны и по своему жалѣли ее, не прощая ей только ея скрытности и нежеланія жаловаться на судьбу.

То, что я ожидалъ, случилось.

Какъ сейчасъ помню я всѣ обстоятельства этого вечера, который положилъ прочное основаніе нашей своеобразной связи. Не произошло ничего особеннаго, ничего такого, что

превышало бы обычное безобразіе Чекунова; но, вѣроятно, чаша терпѣнія Марьи Павловны переполнилась, и она, долго сдерживаемая правилами условной морали, рѣшилась наконецъ стряхнуть съ себя рабскія цѣпи.

Чекуновъ только что вернулся изъ города, выигравъ на сѣздѣ судей одинъ изъ своихъ безчисленныхъ процессовъ съ мужиками, и былъ въ особенно-торжествующемъ расположеніи духа. Меня коробила его веселость, и по мрачному огоньку, загоравшемуся по временамъ въ глазахъ Марьи Павловны, я догадался, что ее также не радуетъ выигрышъ дѣла. Мало по малу разговорившись, послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ рюмокъ, Чекуновъ разрѣшился своимъ любимымъ восклицаніемъ.

— Подлецы! ну гдѣ имъ тягаться со мной! Наняли за себя какого-то идиота, который двухъ словъ связать не умѣетъ. Понятно, я его смялъ, съ грязью смѣшалъ. Подлецы!

— Ну, а увѣрены ли вы, вставилъ я: — что выигранное вами дѣло правое?

— Что-съ? прищурился онъ на меня: это была его манера, когда онъ хотѣлъ выразить свое презрѣніе къ противнику. — У меня безспорныя, понимаете ли вы, документальныя доказательства въ рукахъ. Понимаете?!

— Не спорю, продолжалъ я, стараясь не раздражаться: — но правда не всегда бываетъ на сторонѣ документальныхъ доказательствъ.

— А чортъ поberi вашу правду! у меня въ рукахъ ихъ обязательство, больше знать ничего не хочу.

Марья Павловна, сидѣвшая молча за какимъ-то вышиваньемъ, подняла голову и проговорила рѣзкимъ, слегка хриплымъ отъ волненія, голосомъ:

— Вѣдь ты знаешь, что неправъ: обязательство чисто фиктивное.

— А, воскликнулъ Чекуновъ: — и ты туда же! Ну фиктивное, такъ фиктивное, даже спорить объ этомъ не стану. Ну, а какъ ты полагаешь, еслибы такой документикъ былъ въ рукахъ мужиковъ, воспользовались ли бы они имъ противъ меня?

— Не думаю, тихо сказала Марья Павловна. — Да еслибы и такъ, ихъ поступокъ нашель бы себѣ оправданіе въ темнотѣ и невѣжествѣ...

— И прекрасно! значить, они дураки? такъ? Вотъ мы

дураковъ-то и учимъ, авось поумнѣютъ. Учитъ, учить надо!

— Надо учить, но не грабить, отрѣзала Марья Павловна.

— Те-те-те, воскликнулъ Чекуновъ, и лицо его побавровѣло отъ злости. — Новыя рѣчи слышу! Ужъ не ваше ли это просвѣщенное вліяніе? обратился онъ ко мнѣ.

Я вспыхнулъ.

— Полагаю, что Марья Павловна и сама можетъ отличить черное отъ бѣлаго.

— Что-то раньше не слыхать этого было. По моему, жена не должна совать носа въ дѣла мужа, не ея ума это дѣло: ея мѣсто на кухнѣ и въ спальной...

Марья Павловна такъ взглянула на мужа, что онъ опустилъ глаза и не докончилъ фразы, а я невольно вздрогнулъ, предчувствуя грозу. Марья Павловна, оскорбленная и негодующая, встала и вышла изъ комнаты.

Чекуновъ понялъ, что слишкомъ далеко зашелъ при постороннемъ человѣкѣ, и старался всѣми силами изгладить дурное впечатлѣніе, заведя безконечный разговоръ о земствѣ и земскихъ дѣлахъ. Улучивъ минуту, когда онъ прервалъ свою рѣчь, я всталъ и поспѣшилъ откланяться; хозяинъ меня не удерживалъ, и черезъ минуту я съ наслажденіемъ выбрался на свѣжій воздухъ.

Отъ усадьбы Чекуновыхъ до моей было не болѣе 2 версты, и я обыкновенно ходилъ къ нимъ пѣшкомъ. Дорога проходила сначала по полю, а потомъ небольшимъ перелѣскомъ, который почти упирался въ околицу деревни. Стояла теплая осенняя ночь, одна изъ тѣхъ прозрачныхъ ночей, когда луна, прикрытая легкими облаками, даетъ такой фантастическій молочный свѣтъ. Я тихо шелъ по полю, раздумывая о только что разыгравшейся сценѣ. Мнѣ было глубоко жаль Марью Павловну, и жестокость Чекунова возмущала мою душу. Незамѣтно дошелъ я до перелѣска и по знакомой тропинкѣ углубился уже въ кусты, какъ вдругъ кто-то окликнулъ меня по имени. Я вздрогнулъ и сталъ оглядываться по сторонамъ. — »Это я«, раздалось снова, и Марья Павловна закутанная въ большую темную паль, вышла на тропинку.

— Вы здѣсь! вскричалъ я, удивленный этой неожиданной встрѣчей.

— Да, мнѣ нужно переговорить съ вами сейчасъ, сію же минуту. Присядемъ.

Мы опустили на свалившуюся березу, и Марья Павловна, сбросивъ платокъ съ головы, продолжала:

— То, что вы слышали сегодня, повторяется изо дня въ день. Вы не можете себя представить, что это за человекъ. У него нѣтъ ничего святаго, и Богъ знаетъ, что мнѣ приходится выносить отъ него. Я измучилась! Но нѣтъ, довольно, я рѣшила покончить съ этимъ.

— Какимъ же образомъ?

— Я больше не вернусь туда, она кивнула головой по направленію къ усадьбѣ: — довольно!... Если вы честный человекъ, то вы дадите мнѣ пріютъ на первое время и защитите меня отъ мужа. О, я знаю, отъ него всего можно ждать!

Я сидѣлъ, какъ ошеломленный. Съ одной стороны — спасти женщину отъ звѣря-мужа, и еще какую женщину-то, къ которой я относился съ благоговѣніемъ; съ другой — въ мозгу моемъ мгновенно возникло представленіе о возможныхъ послѣдствіяхъ такого поступка: живо представилась мнѣ ожидающая меня масса непріятностей, можетъ быть, даже дуэль или судъ.

— Такъ что-жъ? проговорила Марья Павловна: — согласны вы?

Могъ ли я отказать ей? — Идемте, воскликнулъ я съ жаромъ. — Клянусь, я сдѣлаю все возможное, чтобы защитить васъ.

Мы направились въ деревню; но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ сзади насъ послышался дробный стукъ копытъ и трескъ раздвигаемыхъ вѣтвей. Я оглянулся и увидѣлъ Чекунова. Онъ сидѣлъ на неосѣдланной лошади, безъ шапки, и держалъ въ рукѣ небольшой карманный револьверъ.

— А-а!.. скорѣе прохрипѣлъ, чѣмъ закричалъ онъ: — попались! Эй вы, г. просвѣтитель, вотъ вы чѣмъ занимаетесь, чужихъ женъ сманиваете!

Марья Павловна прижалась ко мнѣ и дрожала, какъ въ лихорадкѣ, судорожно стискивая мнѣ руку.

— Ты, обратился Чекуновъ къ женѣ и прибавилъ при этомъ нѣсколько оскорбительныхъ выраженій: — иди сейчасъ домой! ну, маршъ!

И, спрыгнувъ съ лошади, онъ крѣпко ударилъ Марью Павловну концомъ повода по головѣ. Она взвизгнула отъ боли и стыда и, уклонившись отъ втораго удара, крикнула:

— Никогда, низачто!

— А, такъ ты не хочешь? задыхался Чекуновъ отъ бѣшенства. — Такъ вотъ же тебѣ!

Я увидѣлъ, какъ онъ поднялъ револьверъ, и не успѣлъ я кинуться, чтобы обезоружить его, какъ щелкнулъ выстрѣлъ. Марья Павловна со стономъ рухнула на землю: пуля, скользя по рукаву моего пальто, насквозь пронизала ей мякоть руки повыше локтя. Я бросился на Чекунова, и между нами завязалась борьба. Онъ отбивался отъ меня, кажется, даже успѣлъ еще разъ выстрѣлить; но кончилось тѣмъ, что я, выбивъ у него револьверъ, смялъ его подъ себя и скрутилъ ему руки кушакомъ.

Марья Павловна стонала отъ боли, и я, какъ умѣлъ, перетянулъ ей руку носовымъ платкомъ, чтобы удержать бьющую широкой струей кровь.

Между тѣмъ Чекуновъ притихъ, и, повидимому, чело-вѣкъ проснулся въ немъ, а — можетъ быть — онъ и просто струсиль. Онъ началъ называть жену нѣжными именами, молилъ о прощеніи; уговаривалъ вернуться домой, обѣщаясь никогда не напоминать о случившемся, и даже клялся отпустить ее на всѣ четыре стороны, какъ только она поправится.

Я стоялъ, ожидая, что скажетъ Марья Павловна. Наконецъ она открыла глаза и проговорила едва слышно:

— Домой... иначе скандалъ... его будутъ преслѣдовать...

Вдвоемъ съ Чекуновымъ мы осторожно подняли раненую на лошадь и, поддерживая ее съ обѣихъ сторонъ, довели до дому. Никто изъ прислуги не встрѣтилъ насъ, и мы незамѣтно внесли Марью Павловну въ домъ и уложили на кровать. На утро явился докторъ, для котораго была уже сочинена цѣлая исторія о нечаянномъ выстрѣлѣ, и такимъ образомъ дѣло не приобрѣло огласки.

Послѣ этой ночи я, понятно, не могъ болѣе бывать у Чекуновыхъ. Я освѣдомлялся стороною черезъ прислугу о здоровьѣ Марьи Павловны, и извѣстія, вначалѣ тревожныя, день ото дня становились утѣшительнѣе. Марья Павловна, благодаря своей живучей натурѣ, быстро поправлялась, и недѣли черезъ двѣ ее уже видѣли гуляющей по саду съ подвязанной рукой.

Здоровье ея поправляется — это такъ; но что будетъ съ ней потомъ, когда она окончательно выздоровѣетъ? Эта мысль не давала мнѣ покоя. Я не знаю, любилъ ли я ее тогда; но она была мнѣ безконечно дорога, и ея страдальческій образъ всюду вѣялъ надо мною. Хуже всего было то, что я долженъ былъ пассивно относиться къ ея судьбѣ. Я живо представлялъ себѣ, какъ Чекуновъ снова будетъ оскорблять ее, а она, какъ кроткая голубка, будетъ молча сносить горе, не видя даже конца своимъ страданіямъ.

Въ такомъ положеніи прошло два мѣсяца. Выпалъ уже снѣгъ, установились крѣпкіе морозы. Зима — время мертвое для деревни, и я большую часть дня проводилъ за чтеніемъ газетъ и журналовъ; изрѣдка развѣ зайдетъ кто нибудь съ села переговорить о дѣлѣ. Я привыкъ совершенно къ деревенскому образу жизни и, вставая съ зарей, ложился спать часовъ въ 10 вечера. Въ одинъ изъ такихъ зимнихъ вечеровъ, едва я только улегся въ постель, раздался громкій стукъ въ наружную дверь. Меня удивилъ такой поздній визитъ, и я рѣшительно не могъ угадать, кто бы могъ придти ко мнѣ ночью, да еще въ мятежь. Маланья-кухарка встала и впустила позднего гостя: это была Марья Павловна. Я наскоро одѣлся и вышелъ.

— Вотъ и я, съ аффектированной веселостью проговорила она, между тѣмъ какъ глаза и лицо ея были красны отъ слезъ.

— Что случилось? воскликнулъ я, не будучи въ состояніи сдержать охватившее меня волненіе.

— Я сяду, сказала Марья Павловна, опускаясь на стулъ: — я очень устала, идя сюда. Случилось то, что должно было случиться: онъ опять обидѣлъ меня, ахъ какъ обидѣлъ!.. И она зарыдала, какъ рыдаютъ обиженные дѣти: жалоба, злость, безсиліе — все сказывается въ этихъ слезахъ, которыми эти бѣдныя созданія только и могутъ выразить протестъ противъ силы. — Я не вернусь къ нему, не вернусь, повторяла она, всхлипывая. — Мое терпѣніе кончилось, я не могу больше...

Я поспѣшилъ раздѣть ее и сталъ оттирать посинѣвшія отъ холода руки. Она, какъ ребенокъ, позволяла ухаживать за собой и безпрекословно выпила рюмку вина, которую я поднесъ къ ея губамъ.

— Теперь вамъ надо успокоиться, сказалъ я: — вы

слишкомъ взволнованы. Завтра мы переговоримъ обо всемъ, а теперь ложитесь.

Я отдалъ ей свою постель, а самъ помѣстился въ загѣ на диванѣ. Долго слышалъ я, какъ Марья Павловна беззвучно рыдаетъ, и только подъ утро забылся тяжелымъ тревожнымъ сномъ.

Когда я всталъ и вышелъ въ столовую, Марья Павловна сидѣла уже совсѣмъ одѣтая за самоваромъ. При моемъ появленіи она весело улыбулась:

— Вотъ вамъ и хозяйка въ домѣ: видите, все готово!

— Вы плохо спали? сказала я.

— Лучше, чѣмъ въ послѣдніе два года. Ну-съ, что вы мнѣ посоветуете?

— Я не знаю, отвѣчала я. — Во всякомъ случаѣ, что бы вы ни предприняли, я вашъ помощникъ.

— Такъ слушайте же, вотъ мои планы. Домой я не вернусь ни въ какомъ случаѣ; уѣхать куда нибудь далеко мнѣ тоже не хотѣлось бы: я такъ привыкла къ вамъ, что мнѣ было бы очень тяжело жить, не видя васъ. Вотъ что я придумала: буду я учить деревенскихъ ребятшекъ грамотѣ, кстати же здѣсь нѣтъ школы. Найму гдѣ нибудь на деревнѣ хибарку 'и заживу вольнымъ казакомъ. Мужъ, конечно, мнѣ ничего не дастъ, да и не надо: у меня есть золото, брилліанты; если продать, я думаю, рублей 800 выручить можно — съ меня хватить.

— Но подумали ли вы, — для васъ это будетъ тяжелая жизнь, вѣдь вы привыкли къ комфорту.

— Ахъ, что вы мнѣ говорите! развѣ могутъ сравниться эти лишенія съ постоянной нравственной пыткой, которую я выносила 10 лѣтъ! Наконецъ, вѣдь вы вотъ живете...

— Такъ я хочу такъ жить...

— И я тоже. Вы только помогите мнѣ вначалѣ.

— Съ радостью! Не лучше ли вамъ только будетъ завести школу у меня?

— Нѣтъ, это неудобно...

— Вы боитесь сплетенъ?

— Нисколько! чего мнѣ ихъ бояться, когда я старуха, а вы почти мальчикъ? Вотъ что, мой другъ, проговорила она особенно задушевнымъ тономъ: — это нужно сразу выяснить... Я знаю, что я еще красива, и, пожалуй, вы могли бы увлечься мной; но этого не должно быть. Я слишкомъ

много страдала, чтобы могла цѣликомъ отдаться новому чувству, а вы... вамъ нужно не то. Поэтому пусть наши отношенія останутся такими, какъ они есть; смотрите на меня, какъ на вашу сестру, а я буду любить васъ, какъ сына. Иначе и не можетъ, и не должно быть. Хорошо?

— Хорошо, воскликнулъ я, чувствуя, что въ словахъ Марьи Павловны нѣтъ и тѣни кокетства.

— Итакъ, вы мнѣ помогите только на первыхъ шагахъ; я вѣдь собственно плохо знаю деревню, хоть и много лѣтъ прожила здѣсь, и, пожалуй могу надѣлать промаховъ. Да вотъ что, возьмите-ка это, — и она передала мнѣ узелокъ съ вещами, — когда будете въ городѣ, продайте.

Я отправился на село и, выбравъ удобное помѣщеніе у одной вдовы-старухи, нанялъ его для Марьи Павловны. Возвращаясь домой, я неожиданно у самыхъ воротъ столкнулся съ Чекуновымъ.

— Жена у васъ? крикнулъ онъ, осадивъ лошадь.

— У меня, отвѣтилъ я, считая бесполезнымъ скрывать мѣстопробываніе Марьи Павловны.

— Урвалась-таки! ну, погодите, насолю я вамъ, будете меня помнить!.. и, отпустивъ нѣсколько ругательствъ по моему адресу, онъ поскакалъ къ селу.

Я рассказалъ о встрѣчѣ съ Чекуновымъ Марьѣ Павловнѣ, и она весьма встревожилась этимъ.

— Онъ ни передъ чѣмъ не остановится! надо мнѣ скорѣй перебраться на квартиру, а то онъ вамъ надѣлаетъ неприятностей.

— Ну нѣтъ, энергически протестовалъ я: — теперь-то я васъ не отпущу. Погодите, когда дѣло немножко уляжется, — тогда съ Богомъ: и помѣщеніе для васъ нанято, — а теперь это было бы безуміемъ.

На другой день, когда Марья Павловна еще спала, ко мнѣ заявился урядникъ и прямо обратился съ вопросомъ: какое право я имѣю укрывать бѣглую жену Чекунова?

— Нельзя ли потише, осадилъ я его. — Во-первыхъ, Марья Павловна не бѣглая, а во-вторыхъ, это не ваше дѣло.

— Какъ не мое-съ, помилуйте! Г. Чекуновъ просить водворить ихнюю супругу къ нимъ.

— Г. Чекуновъ глупъ, если рѣшился обратиться къ вамъ съ такой просьбой. Вопросъ о водвореніи жены можетъ

быть рѣшенъ только судомъ, и вы сдѣлали большую ошибку, превышая свою власть.

Урядникъ смякъ. — Но какже, помилуйте: г. Чекуновъ...

— Пустяки! А чтобы г. Чекуновъ въ другой разъ не беспокоилъ васъ подобными порученіями, скажите ему, что исторія въ лѣсу — онъ знаетъ, какая — можетъ всплыть наружу, и тогда ему, пожалуй, не поздоровится...

Урядникъ уѣхалъ, и этимъ окончилось, такъ сказать, официальное преслѣдованіе Марьи Павловны. Но Чекуновъ, какъ человѣкъ мстительный и самодуръ, взялся за дѣло иначе и, боясь обратиться къ суду — такъ какъ въ такомъ случаѣ огласилось бы дѣло о покушеніи на убійство, сталъ вести подпольную борьбу.

Марья Павловна, успокоившись, поселилась въ нанятой мною квартирѣ и стала учить ребятшекъ. Это дѣло пришлось по сердцу и ей, и мужикамъ, которые охотно посылали ребятъ въ «учобу». Бабы, зная положеніе учительницы, носили ей хлѣбъ, куръ, холстины, извиняясь только за то, что не могутъ платить ей деньгами. Марья Павловна какъ будто посвѣжѣла, окунувшись въ разумную дѣятельность; она съ жаромъ относилась къ преподаванію, и ученики ея въ короткое время дѣлали замѣтные успѣхи. Казалось, миръ готовъ былъ сойти въ ея измученную душу; но Чекуновъ не унимался и рѣшилъ доконать жену не мытьемъ, такъ катаньемъ. При участіи волостнаго писаря, строго осуждавшаго «неповиновеніе законному владыкѣ — мужу», былъ сочиненъ доносъ о томъ, что «нѣкая, именующая себя дворянкой Чекуновой, занимается въ деревнѣ Горбатовѣ недозволеннымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, причемъ внушаетъ невиннымъ младенцамъ безбожіе, неповиновеніе властямъ и другія непотребства, вслѣдствіе чего является опасностью для церкви и отечества».

Этотъ нелѣпый доносъ, несмотря на очевидную вздорность, возымѣлъ однако же свое дѣйствіе, и училищный совѣтъ командировалъ одного изъ своихъ членовъ для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Хотя «внушеніе безбожія и неповиновенія» оказалось не болѣе, какъ плодомъ разнузданной фантазіи доносчиковъ, тѣмъ не менѣе Марья Павловнѣ было воспрещено учительство, такъ какъ она, несмотря на солидную образованность, не имѣла диплома, открывающаго доступъ къ педагогической дѣятельности.

Это воспрещеніе, какъ громомъ, поразило бѣдную женщину, и она нѣсколько дней плакала, не осушая глазъ. Она порывалась продолжать ученіе контрабанднымъ путемъ, но я удержалъ ее отъ этого, указавъ на невыгодныя и опасныя послѣдствія такого шага. Потомъ, когда первое впечатлѣніе нанесенной ей несправедливости нѣсколько изгладилось, она мало по малу успокоилась и порѣшила во что бы то ни стало добиться учительскаго диплома. Для этого ей пришлось застѣсть за книги и припомнить многое забытое съ дѣтства. Почти каждый вечеръ мы проводили вмѣстѣ, и чтò за чудные вечера это были! У насъ не было тайнъ; мы повѣряли другъ другу всѣ наши думы, и эта полная откровенность, безъ малѣйшей фальши, создавала вокругъ насъ атмосферу здоровыхъ, чисто человѣческихъ, отношеній.

Я узналъ изъ жизни Марьи Павловны многое такое, чтò было для меня прежде загадкой. Дѣйствительно, трудно было понять, какимъ образомъ эта чистая, идеальная личность могла сойтись съ такимъ животнымъ, какъ Чекуновъ. Оказалось, что это простая, въ тысячу первый разъ повторившаяся, исторія. Марья Павловна воспитывалась сиротой въ домѣ тетки, старой дѣвы, ханжи и лицемерки, которая, не вынося никакого проявленія индивидуальности въ племянницѣ, поѣдомъ грызла беззащитную дѣвушку. Вырваться изъ этого ада можно было только посредствомъ замужства, и Чекуновъ явился въ роли желаннаго освободителя. Какъ неопытная дѣвушка, Марья Павловна замѣтила въ своемъ женихѣ только блестящій ментикъ и красивое лицо, а то, чтò нужно было въ сущности видѣть — проглядѣла. Женившись, Чекуновъ сбросилъ съ себя личину влюбленнаго и чуть ли не съ перваго же года сталъ третировать жену, какъ содержанку. Разрывъ между ними давно сдѣлался неизбеженъ, и мое присутствіе, можетъ быть, только ускорило его.

Наконецъ Марья Павловна, достаточно подготовившись, сдала экзаменъ и получила мѣсто учительницы образцовой школы въ т... губерніи. Это былъ моментъ ея торжества, и я никогда не забуду, съ какимъ, почти дѣтскимъ, восторгомъ получила она приказъ о назначеніи и какіе радужные планы строила о своемъ будущемъ! Вскорѣ обстоятельства заставили меня переѣхать сюда, такъ что вотъ уже два года я не видѣлъ ея.

За это время мы вели дѣятельную переписку, ни на минуту не теряя изъ виду другъ друга. Но въ послѣдніе мѣсяцы Марья Павловна стала писать рѣже, и многія изъ писемъ ея были наполнены жалобами на здоровье и проникнуты, несмотря на видимое желаніе ея скрыть это, какимъ-то грустнымъ, безнадежнымъ настроеніемъ. Жалобы на болѣзнь повторялись все чаще и чаще, меланхолія усиливалась, и наконецъ письма прекратились. Не получая цѣлый мѣсяць отъ нея писемъ, я встревожился и послалъ ей телеграмму, на которую и получилъ вотъ это. Послушай, чтѣ она пишетъ:

»Дорогой другъ. Къ чему волноваться и посылать телеграммы? Вѣдь мы ужъ не дѣти и должны болѣе спокойно смотрѣть на случайности жизни. Да, я очень больна и въ продолженіе трехъ недѣль не вставала съ постели и не могла взяться за перо, чтобы успокоить васъ. Теперь мнѣ стало какъ будто лучше, хотя положеніе мое, я знаю, вполнѣ безнадежно: это же говоритъ и докторъ, который лечитъ меня. Милый этотъ докторъ! такого сердечнаго ухода и внимательности трудно даже ожидать отъ чужаго человѣка. Я къ нему пристала съ разспросами, скоро ли я встану на ноги; онъ сначала хмурился, отмалчивался, а потомъ какъ будто озлился: »Да чтѣ я — Богъ, что ли, по вашему?« а у самого слезы на глазахъ выступили. Эге, думаю, дѣло плохо. Однако хочется знать истину, не отстаю отъ него, увѣряю, что совершенно спокойно выслушаю его приговоръ. »Ну, если такъ, говорить, то лгать не стану: больше двухъ недѣль вамъ не протянуть«. Вотъ какъ! У меня давно грудь побаливала, еще тамъ, да я все думала, что это пустяки. А оказалось, что какая-то скверная, ничтожная бактерія свела себѣ гнѣздо въ моихъ легкихъ и хочетъ, чтобы я умерла. Да, я умру и скоро умру. А какъ хочется пожить, какъ хочется встрѣтить еще хоть одну весну, послушать, какъ шумитъ зеленая листва, погрѣться въ солнечныхъ лучахъ. Вѣдь я, несмотря на сѣдину въ волосахъ, не жила еще! Но нѣтъ, зачѣмъ мечтать о томъ, чего не будетъ, не можетъ быть! Что-жъ, я готова; только тяжело умирать одной. Знаете, школьницы во мнѣ души не чають, и я любила ихъ, какъ своихъ дѣтей, — но теперь они мнѣ чужіе. Ихъ горящіе глазки, веселый смѣхъ и здоровыя лица раздражаютъ меня: всѣ они будутъ жить, долго жить, а

меня черезъ двѣ недѣли стануть глотать черви! Страшно умирать! а еще страшнѣе то, что я одна, одна... Хочется участія родной души, хочется въ послѣдній разъ слышать родное, ласковое слово. Вотъ сейчасъ: высоко-высоко поднимаю грудь, — а воздуху все нѣтъ, и сердце часто колотится, такъ часто, что, я думаю, оно разорвется отъ своей непосильной работы. Это смерть подходитъ. Знаю, что не сейчасъ нанесетъ она рѣшительный ударъ; она медлитъ, увѣренная, что ея жертва не уйдетъ отъ нея. И такъ, одна, среди ночной тишины, я буду умирать; буду чувствовать, какъ кровь по каплямъ застываетъ въ жилахъ, какъ мозгъ прекращаетъ свою работу... О, страшно, страшно! Не дайте мнѣ испытать эту муку, другъ мой, ради всего святаго прїѣзжайте! Я васъ недолго задержу: взгляну на васъ, пожму вашу руку и умру, утѣшенная и спокойная, благословивъ васъ на новую жизньъ съ тою, которую вы въ письмахъ своихъ называете ангеломъ. Ахъ, я хотѣла бы, чтобы и вы, и она были счастливы, и послѣдняя моя молитва будетъ за васъ. Утѣште же умирающую: вѣдь больше никогда и ничего я отъ васъ не потребую».

Василій Николаичъ свернулъ письмо и положилъ его въ карманъ. Оля неподвижно сидѣла, опустивъ голову, и слезы, нечувствительно для нея самой, падали на ея тревожно-колыхавшуюся грудь.

В. Быстренинъ

* *
* *

Милой шуткой дразня и лаская,
Мнѣ шутя говоря: ты любимъ, —
Не играйте съ огнемъ, дорогая,
Не играйте вы съ сердцемъ моимъ.

Пусть давно въ немъ таилось влеченье:
Никогда я любить васъ не смѣлъ.
И предъ вами одно поклоненье
Сохранить навсегда я хотѣлъ.

Съ первой встрѣчи друзьями мы стали,
И съ тѣхъ поръ много лѣтъ мы друзья,
И кругомъ вы найдете едва ли
Безкорыстнѣ друга, чѣмъ я.

Но я вижу, какъ въ сердце безшумно
Вмѣстѣ съ дружбой любовь пробралась,
И боюсь я, чтобъ страстью безумной
Она въ сердцѣ моемъ не зажглась.

Не шалите-жь, меня увлекая,
Не шутите вы чувствомъ такимъ,
Не играйте съ огнемъ, дорогая,
Не играйте вы съ сердцемъ моимъ.

А. Луговой

НЕГРСКІЯ БАСНИ

Изъ собранія д-ра ЭМИНА

1. Ваніоро (Магунго)

Франколинь (птица изъ семейства куриныхъ) насмѣхался надъ черепахой по поводу ея медленности. Эта послѣдняя не разсердилась на него за это и спокойно выслушивала его насмѣшки. Дѣло происходило во время большихъ охотъ съ огнемъ, и, пока они бесѣдовали, охотники со всѣхъ сторонъ подбросили огня въ траву, которая загорѣлась, и пламя быстро, съ трескомъ подвигалось впередъ. Черепаха вскорѣ нашла ямку и залѣзла въ нее, пока пламя не прошло надъ нею; а франколинь не могъ взлетѣть на воздухъ въ густой травѣ, когда же онъ попробовалъ побѣжать по травѣ впередъ, его задушилъ дымъ.

2. Ваніоро (Массинди)

Неподалеку отъ жилища зайца стояла большая постройка термитовъ, откуда онъ во время летка добывалъ избыточную пищу. Слонь, жившій также неподалеку отсюда, пожелалъ принять участіе въ собраніи термитовъ, и заяцъ, хоть и нисколько не желая разрѣшить ему это, былъ однако не въ состояніи запретить по причинѣ своей слабости. Поэтому онъ пустился на хитрости. Ночью онъ пришелъ со своею женою къ дому слона, мимо котораго тянулась твердая, хорошо убитая, дорога; тутъ оба зайца принялись бѣгать взадъ и впередъ и каждый разъ, какъ только пробѣгали передъ дверями слоньяго жилища, сильно стучали лапами о землю. Слонь нѣсколько разъ спрашивалъ изнутри дома: — „Кто тамъ бѣгаетъ?“ Но, получая постоянно все одинъ и тотъ же отвѣтъ, произносимый грубымъ голосомъ: „Мы“, и слыша, что бѣганье и стукъ и не думаятъ прекратиться, — онъ почувствовалъ нѣкоторый страхъ, удалился изъ дому черезъ заднюю дверь и нѣсколько дней про-

былъ въ отсутствіи. Такимъ образомъ заяцъ одинъ распоряжался съ термитами.

3. Ваніоро (Муэнге)

Леопардъ и гіена носили когда-то одноцвѣтную шкуру. Леопардъ, бывшій до нѣкоторой степени щеголемъ, сталъ какъ-то выспрашивать у встрѣчнаго и поперечнаго, не найдется ли въ ихъ округѣ такого искусника, который могъ бы разрисовать ему его одноцвѣтное платье; и когда ему указали на одного человѣка, годнаго на такую работу, леопардъ немедленно отправился къ нему и спросилъ его: согласенъ ли онъ взять на себя эту работу и что потребуетъ за нее. Человѣкъ согласился и пожелалъ получить въ уплату просто запасъ мясной пищи. Леопардъ, чрезвычайно обрадованный, тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и день за днемъ приволакивалъ овецъ, козъ, антилопъ, пока наконецъ человѣкъ остался вполне доволенъ и, въ знакъ благодарности, расписалъ пятнами всю его шкуру. Когда же леопардъ выразилъ сомнѣніе, красиво ли его новое платье, человѣкъ сказалъ ему, чтобы онъ пробѣжалъ черезъ всю деревню и послушалъ, что будутъ говорить о немъ люди. Леопардъ такъ и сдѣлалъ, и услышалъ, что люди завидовали ему и удивлялись его красивому мѣху.

По дорогѣ къ лѣсу онъ встрѣтилъ гіену, которая также выразила удивленіе по поводу его одежды и спросила, не можетъ ли и она также заказать разрисовать себя. Леопардъ отправилъ ее къ тому человѣку, а тотъ поставилъ ей тѣ же самыя условія, что и леопарду. Гіена, увѣренная въ своихъ силахъ, начала охотиться и приносила ему дичь и овецъ. Но насколько былъ щедръ леопардъ, настолько же гіена была скупа: отъ всякой пойманной дичины она предварительно сама съѣдала всѣ лучшія части и приносила художнику лишь остатки. Когда пришло время ее расписывать, человѣкъ разрисовалъ ее такими отвратительными красками и по такому отвратительному узору, что гіена сдѣлалась у людей посмѣшищемъ. Такою осталась она и по сегодня.

4. А-Лури (Гунгуру, озеро Альберта)

Заяцъ насмѣхался надъ землею по поводу ея неподвижности: она постоянно лежитъ на одномъ мѣстѣ, тогда какъ онъ, заяцъ, можетъ бѣгать легко и быстро. Земля возразила, что она готова помѣряться съ нимъ силами, — и какъ бы скоро ни бѣжалъ заяцъ, она бьется объ закладъ, что все же онъ, заяцъ, постоянно будетъ видѣть ее, землю, впереди себя. Заяцъ много

смѣялся надъ этими словами, но принялъ вызовъ на состязаніе. Утромъ онъ приготовился и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, а затѣмъ остановился и нашель впереди себя землю. Онъ опять пустился бѣжать, послѣ долгаго-долгаго бѣга остановился отдохнуть — и нашель впереди себя землю. Такъ дѣло шло нѣсколько разъ, пока наконецъ заяцъ не умеръ отъ истощенія. А земля осталась землей.

5. А-Лури (Мсва, озеро Альберта)

Рубанга-мукетте (верховное существо) собралъ однажды всѣхъ травоядныхъ звѣрей и сказалъ имъ, что онъ хочетъ дать имъ начальника; но слонъ и носорогъ не годятся для такого поста, потому что у нихъ — слишкомъ большое брюхо, и они сами пожрали бы всю траву. Поэтому онъ хочетъ назначить имъ въ начальники льва и запретить ему при этомъ пожирать своихъ подданныхъ. Такъ и случилось. Однако нѣсколько дней спустя левъ, который не смѣлъ убивать звѣрей, проголодался и, не зная — что дѣлать, спросилъ совѣта у гіены. Последняя посоветовала льву, ради спокойствія, пожирать только дѣтенышей его подданныхъ. Какъ разъ въ это время захворала дикая свинья, очень уважаемая среди всѣхъ звѣрей, и была не въ состояніи придти, по обычаю, съ поклономъ ко льву; вмѣсто себя она послала своего дѣтеныша, чтобы спросить о здоровьѣ льва. Левъ былъ очень любезенъ, пригласилъ молодого поросенка къ себѣ въ домъ, сталъ его ласкать и, когда послѣдній совсѣмъ довѣрился ему, убилъ его и сожралъ. Обезпокоенные долгимъ отсутствіемъ своего дѣтеныша, родители послали втораго поросенка — посмотрѣть, что случилось съ первымъ. Но и съ этимъ случилось то же, что и съ тѣмъ. Когда же обезпокоенный отецъ открылъ истину, онъ созвалъ всѣхъ знакомыхъ, и всѣ травоядные звѣри покинули льва. И съ тѣхъ поръ левъ сдѣлался ихъ жесточайшимъ врагомъ и ведетъ съ ними войну.

6. Бари (Редьяфъ)

У одного человѣка были двѣ жены, добрая и злая, и послѣдняя до того выводила мужа изъ терпѣнія, что онъ часто билъ ее. Но она отъ этого не становилась лучше, и потому мужъ приказалъ ей однажды слѣдовать за нимъ и повелъ ее далеко отъ дому, на тропинку гіенъ, построилъ ей тамъ хижину и оставилъ ее, снабдивъ нѣкоторымъ количествомъ състныхъ припасовъ. А самъ вернулся домой. Прошло немного времени, и явились гіены, а одна большая щенная гіена проникла внутрь

дома этой женщины и поселилась въ немъ. Когда женщина варила для себя пищу, гѣна пожирала ее, а когда женщина приносила для себя воду, гѣна ее выпивала; и такимъ образомъ женщина вскорѣ стала страдать отъ голода и жажды. Когда же гѣна родила наконецъ дѣтенышей, ей стало еще хуже: гѣна грозила съѣсть женщину... Однажды гѣна приказала женщинѣ поставить на огонь воду, а сама отправилась въ лѣсъ. Когда вода закипѣла, женщина взяла молодыхъ гѣенъ, бросила ихъ въ кипящую воду и убѣжала. Нѣсколько времени спустя гѣна вернулась домой, увидѣла смерть своихъ дѣтенышей и исчезновеніе женщины, тотчасъ же сплела обручъ изъ прутьевъ и бросила его на слѣдъ женщины. Обручъ сперва отскокилъ нѣсколько разъ назадъ, но потомъ, попавъ на настоящій слѣдъ, быстро покатился впередъ, а гѣна бѣжала вслѣдъ за нимъ. Но она всетаки не могла догнать женщины: послѣдняя раньше нея достигла дома своего мужа, который сидѣлъ на порогѣ, воткнувъ въ землю около себя копье. Пока женщина была еще занята разсказываніемъ своей исторіи, явилась гѣна и хотѣла броситься на нее; однако мужъ ударилъ ее копьемъ, пронзилъ ей сердце и умертвилъ ее. А женщина исправилась и съ тѣхъ поръ жила въ мирѣ со своими домочадцами.

7. Бари (Ладѣ)

Была однажды дѣвушка, которая, несмотря на всѣ упрямства своего отца, не хотѣла выйти замужъ ни за человѣка, ни за звѣря, а забрала себѣ въ голову во что бы то ни стало выйти замужъ за длинную змѣю съ человѣческой головой. Такъ и случилось. Когда обѣ онѣ послѣ свадьбы отправились къ дому змѣи, дѣвушка нашла тамъ двѣ хижины, одну — полную браслетовъ, а другую — полную поясовъ, принадлежавшихъ дѣвушкамъ, которыхъ пожрала змѣя. Тогда ей сдѣлалось страшно, она испугалась и однажды, когда змѣя отправилась въ лѣсъ, убѣжала прочь. По дорогѣ она встрѣтила стадо слоновъ, которые спросили ее: — „Куда ты бѣжишь? почему ты не согласилась выйти замужъ за одного изъ насъ?“ — А она отвѣчала: — „Послушайте, слоны, не тратьте попусту словъ. Я убѣжала отъ длинной змѣи“. Одинъ изъ слоновъ возразилъ ей: — „Она длиннѣе насъ? Я готовъ идти и растоптать ее своими ногами“. Пока они бесѣдовали, змѣя, вернувшаяся тѣмъ временемъ домой и замѣтившая исчезновеніе дѣвушки, пустилась преслѣдовать ее, подошла ближе и еще издали закричала: — „Горе тому, у кого я найду дѣвушку: я убью его!“ Когда слонъ услышалъ эти слова, онъ сказалъ дѣвушкѣ: — „Бѣги! я недостаточно силенъ для змѣи“. И дѣвушка побѣжала дальше,

и вскорѣ наткнулась на стадо буйволовъ и, въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, рассказала имъ свою исторію. Тогда одинъ буйволъ сказалъ: — „Не бѣги! ты видишь длину моихъ роговъ; если змѣя придетъ сюда, я ее проткну этими рогами“. А змѣя опять закричала издали: — „Горе тому, у кого находится дѣвушка: онъ долженъ умереть!“ И буйволъ сказалъ: — „Бѣги, дѣвушка! мы слишкомъ слабы для змѣи!“ И дѣвушка опять побѣжала дальше и встрѣтилась съ старой сѣрой черепахой, женщиной безъ мужа, и эта послѣдняя сказала ей: — „Чего тебѣ надо? поди въ мой домъ и присядь“. Тогда дѣвушка рассказала ей, какъ она убѣжала отъ змѣи, и что сдѣлали слонъ и буйволъ. А черепаха сказала: — „Не бойся, входи“. Между тѣмъ змѣя опять подошла ближе и, какъ и прежде, стала грозить; а дѣвушка опять испугалась и заговорила: — „Пусти меня бѣжать дальше, матушка!“ Но черепаха отвѣтила ей: — „Ступай въ домъ“. Сама же она взяла большой ножъ, наточила его; когда змѣя подкатилась ближе и просунула голову въ домъ, черепаха отрѣзала ее ножомъ, и такъ какъ тѣло змѣи продолжало еще извиваться, разрѣзала и его на куски, бросила ихъ въ яму, сверху навалила дровъ и сожгла. А дѣвушка долгое время оставалась у черепахи.

Однажды въ лѣсъ зашли пастухи, увидѣли дѣвушку и попросили у нея воды напиться; между ними былъ также родной братъ дѣвушки, и онъ влюбился въ нее. По возвращеніи въ деревню онъ сообщилъ о ней своимъ отцу и матери, а на слѣдующій день собрались всѣ родственники и отправились въ лѣсъ, чтобы посватать дѣвушку. Черепаха приняла ихъ со всякимъ почтеніемъ и согласилась на этотъ бракъ, однако подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ее не разлучали съ дѣвушкою, такъ какъ у нея нѣтъ никого близкаго на свѣтѣ, одна эта дѣвушка. Родители жениха изъявили на это согласіе и на третій день вернулись опять въ лѣсъ, чтобы увести съ собою невѣсту и черепаху. Въ деревнѣ новобрачнымъ отвели хижину и расослали на полу шкуру для спанья. Когда женихъ хотѣлъ лечь на нее, шкура вымолвила вдругъ: — „Развѣ есть на свѣтѣ такой обычай, чтобы мужчина женился на своей сестрѣ?“ Женихъ сильно испугался, услыжавъ это, и всю ночь, до утра, пробылъ вдали отъ невѣсты, сидя въ углу хижины; затѣмъ онъ пошелъ къ своему отцу и спросилъ его: — „Скажи, отецъ, говорила ли чтонибудь шкура въ день твоей свадьбы съ моею матерью, и сказала ли она тебѣ, что не въ обычай ли на свѣтѣ жениться на своей сестрѣ?“ Отецъ отвѣчалъ отрицательно, собралъ стариковъ, и послѣ долгихъ разговоровъ всѣ происшествія выяснились; обнаружилось и то, что невѣста приходится сестрой жениху. Впослѣдствіи она вышла замужъ за хорошаго че-

ловѣка изъ той же деревни, и черепаха жила вмѣстѣ съ ними.

8. Шиллукъ (ст. Сობать)

Однажды гіена начала бить въ барабанъ; собрались молодые дѣвушки и, съ одной дѣвушкой маленькаго роста во главѣ, пошли на звукъ барабана, чтобы поплясать. Такъ пришли онѣ къ гіенамъ, остались съ ними и сварили для нихъ ужинъ. Затѣмъ онѣ вошли въ хижину, чтобы переночевать тамъ. Нѣсколько времени спустя къ дверямъ хижины подошла старая гіена, стала драть когтями землю и говорила сама съ собой:— „Доброе мяско! теперь я съѣмъ дѣвушекъ, а затѣмъ хижину сожгу“. Но слова эти услышала маленькая дѣвушка и сказала всѣмъ прочимъ: — „Слышите вы гіену? она хочетъ съѣсть насъ и сжечь хижину“. Гіена, въ свою очередь, тоже услышала слова дѣвушки и спросила ее: — „Почему вы еще не спите?“ На это маленькая дѣвушка отвѣчала: — „Намъ не даютъ спать комары“. Тогда гіена пошла въ степь, принесла оттуда цѣлый ворохъ травы базилики (*Ocimum sanctum*) и отдала ее дѣвушкѣ со словами: — „Сожги это, трава отгонитъ комаровъ“. Нѣсколько времени спустя гіена опять вернулась назадъ, къ хижинѣ, въ надеждѣ, что дѣвушки уже спятъ, опять принялась драть когтями землю и говорить сама съ собою; а когда маленькая дѣвушка опять оказалась не спящею, гіена сказала ей: — „Неужели же ты такъ и не уснешь?“ На это дѣвушка отвѣчала:— „Когда мои домашніе хотѣли, чтобы я уснула, они приносили мнѣ изъ рѣки воду въ куриномъ лукошкѣ; выпивъ воды, я засыпала“. Тогда гіена взяла куриное лукошко и отправилась къ рѣкѣ за водой; но, какъ только она удалилась, маленькая дѣвушка разбудила остальныхъ, и всѣ онѣ поспѣшно побѣжали въ свою деревню и разошлись тамъ по домамъ.

Когда гіена замѣтила наступленіе дня, а воды всетаки не могла зачерпнуть въ лукошко, потому что вода вытекала черезъ отверстіи между лыками, она вернулась назадъ къ хижинѣ, но уже не нашла тамъ дѣвушекъ. Тогда она сплела изъ прутьевъ обручъ, бросила его на слѣды дѣвушекъ и пошла вслѣдъ за нимъ до самой деревни; а тутъ обручъ подкатился къ дому, гдѣ жила та маленькая дѣвушка, и люди тотчасъ же признали обручъ гіены. Два дня спустя явилась и сама гіена, на этотъ разъ въ образѣ юноши, повидимому, явившагося сватать маленькую дѣвушку. Родственники ея не выказали желанія отказать въ его сватовствѣ, пригласили его сѣсть и принесли для него пива, котораго онъ пилъ такъ много, что наконецъ напился пьянъ, плясалъ и пѣлъ: — „Я пришелъ изъ лѣсу и ѣмъ

человѣческой хлѣбъ; я иду въ лѣсъ и буду ѣсть человѣчье мясо". А люди слышали такія рѣчи и, когда солнце зашло, отдали ему дѣвушку, сказавъ ей однако напередъ: — „Когда мужъ захочетъ спать, скажи ему, что ты принесешь сейчасъ свою трубку для табаку, и тогда иди къ намъ“. И вотъ они еще нѣсколько времени сидѣли вдвоемъ; затѣмъ мужу захотѣлось спать, потому что онъ выпилъ слишкомъ много пива; а когда онъ началъ засыпать, дѣвушка вышла къ своимъ родственникамъ и извѣстила ихъ, — они же взяли съ собой горящія голловешки и сожгли домъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

9. Шули (Фатико)

Одинъ леопардъ повадился ходить около какой-то деревни и ежедневно убивать людей, пока наконецъ осталась всего-навсего одна беременная женщина, которая спряталась въ пустомъ дуплѣ. А леопардъ собралъ всѣхъ своихъ родственниковъ съ ихъ женами, и около опустѣвшей деревни они построили новую, кула согнали рогатый скотъ, овецъ и всю прочую собственность убитыхъ людей, и зажили тамъ. Между тѣмъ женщина родила въ дуплѣ мальчика очень маленькаго роста, но съ удивительными способностями, и дала ему имя Отѣить. На третій день послѣ своего рожденія мальчикъ заговорилъ со своей матерью и спросилъ ее: — „Гдѣ мой отецъ и мои родственники? и почему мы остаемся одни здѣсь, въ дуплѣ?“ Тогда мать рассказала ему, какъ леопардъ уволокъ изъ деревни одного за другимъ всѣхъ его родственниковъ, и что теперь только они одни и остались изъ всей деревни. На это мальчикъ сказалъ: — „Сдѣлай мнѣ лукъ и стрѣлы“. И она дала ему лукъ и стрѣлы убитыхъ. Онъ взялъ ихъ, взлѣзъ на дерево и убилъ множество птицъ, которыхъ принесъ своей матери. На слѣдующее утро онъ взялъ стрѣлы и лукъ и отправился къ деревнѣ леопардовъ, гдѣ нашелъ только женщинъ, такъ какъ мужчины работали на поляхъ: однѣ женщины были заняты выдѣлкой масла въ большихъ тыквенныхъ сосудахъ, другія старательно мѣшали похлебку и занимались прочими хозяйственными работами. По дорогѣ мальчикъ застрѣлилъ птицу; онъ положилъ ее на огонь, чтобы изжарить ее. Но одна изъ женъ леопардовъ сняла птицу съ огня и бросила ее на землю. Тогда мальчикъ во второй разъ положилъ птицу на огонь и, прежде чѣмъ жена леопарда успѣла вторично отбросить ее прочь, схватилъ изъ похлебки большую ложку и ударилъ ею жену леопарда между глазъ съ такою силою, что та громко закричала отъ боли; тотчасъ же сбѣжались всѣ остальные жены, и наконецъ всѣ онѣ пустились бѣжать отсюда къ своимъ мужьямъ,

на поля. А мальчикъ взялъ тыквенный сосудъ, полный масла, и другой, наполненный молокомъ, и принесъ ихъ своей матери. Между тѣмъ убѣжавшія жены рассказали своимъ мужьямъ, что случилось съ ними, какъ пришелъ въ деревню маленькій карапузикъ, ударилъ одну изъ нихъ между глазъ, — и тотчасъ же мужья и жены вмѣстѣ отравились въ деревню, но уже не нашли тамъ никого. Они оставались здѣсь до слѣдующаго утра, а когда опять пошли на поля, то оставили въ деревнѣ съ женами одного изъ мужей. Но въ то же самое утро мальчикъ опять приготовился уйти, захвативъ стрѣлы и лукъ. Мать спросила его: — „Куда ты идешь?“ Онъ отвѣчалъ ей, чтобы она оставила его въ покоѣ, и вышелъ, напѣвая по дорогѣ: — „Я маленькій Отѣить, но хожу я всюду, даже въ деревню леопардовъ“. Это услышалъ леопардъ-мужъ, оставшійся въ деревнѣ вмѣстѣ съ женами, и спросилъ ихъ: — „Это и есть тотъ маленькій карапузикъ, о которомъ вы рассказывали вчера?“ Онъ отвѣчалъ: — „Да!“ и хотѣли убѣжать. Однако леопардъ успокоилъ ихъ, и онѣ остались. Тутъ мальчикъ пришелъ въ деревню и опять положилъ на огонь птицу. Леопардъ взялъ ее и бросилъ на землю, а мальчикъ вторично положилъ ее на огонь. Тогда леопардъ замахнулся на мальчика, но не попалъ въ него и ударилъ по воздуху, а мальчикъ на это, при каждой попыткѣ леопарда нанести ударъ, сильно билъ его по мордѣ. Жены вскорѣ увидѣли превосходство мальчика, оставили ихъ продолжать драку, а сами убѣжали. Между тѣмъ мальчикъ схватилъ веревку для вязанья рогатаго скота, связалъ ею леопарда и повѣсилъ его надъ огнемъ, затѣмъ взялъ изъ деревни все, что пришлось ему по вкусу, и ушелъ своей дорогой. Тутъ подошли леопарды, мужья и жены, освободили своего товарища отъ связывавшихъ его путъ и уговорились раньше всего поспать, а рано утромъ вмѣстѣ ждать мальчика. Этотъ пришелъ въ свое время и нашелъ всѣхъ леопардовъ на берегу рѣки погруженными въ выдѣлку крюка изъ сыраго желѣза. Тогда онъ положилъ на огонь птицу, которую застрѣлилъ по дорогѣ. Одинъ изъ леопардовъ швырнулъ ее на землю и хотѣлъ прыгнуть на мальчика, но не могъ попасть на него. Наконецъ мальчикъ сказалъ: — „Будемъ честно вести войну. Я дамъ вамъ стрѣлы и лукъ, и если одинъ изъ васъ будетъ въ состояніи сбить плодъ съ того пальмоваго дерева — вы можете убить меня; въ противномъ случаѣ я убью васъ“. И онъ далъ имъ стрѣлы и лукъ; они стрѣляли одинъ за другимъ, но никто не попалъ въ цѣль. Тогда мальчикъ взялъ стрѣлы и лукъ и выстрѣлилъ такъ удачно, что свалилъ въ рѣку всю вершину пальмы. Леопарды разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, а мальчикъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними и убилъ ихъ всѣхъ,

вмѣстѣ съ женами. Затѣмъ онъ пригналъ къ своей матери рогатый скотъ и овецъ, и сказалъ ей: — „Дай мнѣ литавры“, — и когда получилъ требуемое, сталъ барабанить и пѣть: — „Я всѣхъ ихъ убилъ“. И когда онъ такъ барабанилъ, воскресли отъ смерти всѣ люди, убитые леопардами, и явились сюда. Однако въ гробу у нихъ отросли длинные волосы, и потому Отѣтъ приказалъ матери обрить имъ головы. И когда они собрались всѣ вмѣстѣ, они сдѣлали его своимъ начальникомъ, и онъ женился на дочери прежняго начальника, которая была въ числѣ воскресшихъ. Онъ-то и былъ прародителемъ племени Шули.

ДЕНЬГИ

РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ЗОЛА

Х. Продолженіе

Саккаръ улыбался, стоя у своей колонны. Его свита все увеличивалась; повышение акцій Всеобщаго банка на 10 франковъ смутило Биржу, потому что давно уже пророчили паденіе этого банка именно въ день декабрьской мѣсячной ликвидаціи. Гюре, вмѣстѣ съ Седиллемъ и Кольбомъ, подошелъ къ Саккару, прикидываясь вслухъ весьма огорченнымъ своей осторожностью, которая заставила его продать акціи по курсу въ 2.500; а Дегремонъ съ равнодушнымъ видомъ, расхаживая подъ руку съ маркизомъ де-Богеномъ, весело сообщалъ ему объ успѣшной распродажѣ своихъ лошадей во время осеннихъ скачекъ. Но въ особенности торжествовалъ Можандръ, которому до-нельзя надоѣлъ капитанъ Шавъ своимъ упорнымъ пессимизмомъ, говорившій, что все-таки надо подождать конца собранія. Таже сцена разыгрывалась и между легкомысленнымъ Пильеро и меланхолическимъ Мозеромъ: одинъ восторгался безумнымъ повышеніемъ, а другой, сжимая кулаки, ворчалъ, что это повышеніе глупо, опасно, какъ взбѣсившійся конь, который непремѣнно разобьетъ себѣ голову.

Прошелъ часъ, курсы оставались все тѣ же; въ корзинѣ сдѣлки продолжались, хотя уже не такія частыя и крупныя, а по мѣрѣ поступающихъ новыхъ приказовъ и доставляемыхъ телеграммъ. Такъ всегда бываетъ въ срединѣ каждаго биржеваго собранія: наступаетъ нѣчто въ родѣ за-

тишья, ослабленія кипучей дѣятельности, въ ожиданіи рѣшительной борьбы при заключеніи окончательныхъ курсовъ. По прежнему слышался ревъ Жакоби, прерываемый рѣзкими возгласами Мазо, причемъ ни тотъ, ни другой ни на шагъ не отступали со своихъ позицій. — Предлагаю акціи Всеобщаго по 3.040, 15 преміи! — Беру Всеобщій по 3.040, 10. — Сколько? — 25. — Присылайте!.. Вѣроятно, это были приказы Феѳе, исполняемые маклеромъ Мазо, потому что многіе изъ провинціальныхъ игроковъ, чтобы ограничить свои потери, покупаютъ и продаютъ сначала съ преміей, а потомъ уже отваживаются на срочныя сдѣлки. Вдругъ неожиданно въ толпѣ пробѣжалъ рокоть; отдѣльные голоса стали выдѣляться, сообщая: Всеобщій банкъ понизился на 5 франковъ. Сейчасъ же нервными скачками цѣна пошла внизъ на 10, на 15 франковъ: курсъ акцій Всеобщаго упалъ до 3.025.

Дѣйствительно, въ этотъ моментъ Жантру, появившійся снова послѣ короткаго отсутствія, шепнулъ на ухо Саккару, что баронесса Савдорфъ находится въ своемъ экипажѣ въ улицѣ Броньяръ и поручила ему, Жантру, спросить Саккара, слѣдуетъ ли продавать ей акціи Всеобщаго банка. Этотъ вопросъ, предложенный какъ разъ въ моментъ ослабленія курсовъ, привелъ Саккара въ бѣшенство. Ему живо представились: неподвижный кучеръ на своемъ высококомъ сидѣннѣ, опущенныя въ каретѣ стекла и баронесса, расположившаяся въ своемъ экипажѣ, какъ въ будуарѣ, и запиывающая поспѣшно въ книжкѣ курсовыя извѣстія. Онъ отвѣтилъ Жантру:

— Пусть эта баба убирается къ дьяволу! если она вздумаетъ продавать, я ее задую!

Массіасъ уже бѣжалъ съ извѣстіемъ о пониженіи на 15 франковъ; онъ сознавалъ, что будетъ играть роль роковой трубы, возвѣщающей наступленіе дѣйствія. Да и самъ Саккаръ, подготовившій заранѣе эффектъ для поддержки окончательнаго курса, а именно депешу, которую должны были прислать на парижскую Биржу изъ Ліона, гдѣ состоялось повышение акцій Всеобщаго банка, — начиналъ беспокоиться, такъ какъ эта телеграмма все еще не приходила. Между тѣмъ паденіе на 15 франковъ могло неожиданно привести къ полному крушенію.

Ловкимъ маневромъ Массіасъ на бѣгу, не останавливаясь

передъ Саккаромъ, сдѣлалъ видъ, будто задѣлъ его локтемъ, а тѣмъ временемъ успѣлъ подставить свое ухо и получить приказъ:

— Скорѣе къ Натансону; пусть покупаетъ 400, 500, сколько онъ сочтетъ нужнымъ.

Эти переговоры совершились такъ быстро, что только Пильеро и Мозеръ замѣтили ихъ и пустились слѣдомъ за Массіасомъ, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. Массіасъ, съ тѣхъ поръ какъ поступилъ въ распоряженіе Всеобщаго банка, приобрѣлъ огромное значеніе. Его пытались выпрашивать; старались по его движеніямъ отгадать содержаніе получаемыхъ имъ приказовъ. Онъ самъ теперь тоже имѣлъ прекрасныя прибыли. Съ добродушной улыбкой неудачника, съ которымъ донинѣ судьба обращалась очень сурово, Массіасъ дивился своему счастью и вполне удовлетворялся ролью биржеваго разсылнаго, не говоря уже теперь, что надо быть жидомъ, чтобы имѣть успѣхъ на Биржѣ.

Въ кулиссѣ, продолжавшей свои операціи на морозѣ, подъ перистилемъ Биржи, гдѣ послѣполуденное блѣдное солнце нисколько не грѣло, акціи Всеобщаго банка понижались не съ такой быстротой, какъ въ корзинѣ. Натансонъ, предупрежденный своими »зайцами«, успѣлъ даже совершить для себя арбитражъ, неудавшійся Делароку передъ открытіемъ Биржи: купивъ въ залѣ акціи по 3025, онъ перепродалъ ихъ подъ колоннадой по 3035. На это потребовалось всего 3 минуты времени, и онъ приобрѣлъ 60.000 франковъ. Эта сдѣлка сейчасъ же отразилась въ корзинѣ повышеніемъ на 3030, потому что соревнованіе между обоими рынками, легальнымъ и только терпимымъ, родъ эквилибристическихъ упражненій, всегда вліяло одно на другое. Бѣготня комисіонеровъ изъ залы подъ перистиль и обратно не прекращалась; имъ приходилось постоянно проталкиваться сквозь сплошную массу публики. Однако курсъ кулиссы всетаки неизбѣжно долженъ былъ ослабѣть, когда приказъ, принесенный Массіасомъ Натансону, сразу поддержалъ цѣну въ 3035 и даже довелъ ее до 3040. Тогда вліяніе кулиссы отразилась и въ корзинѣ: стоимость акцій Всеобщаго банка возвратилась къ своему первоначальному курсу. Но трудно было выдержать этотъ курсъ, потому что тактика Жакоби и другихъ маклеровъ, оперировавшихъ отъ имени понижа-телей, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы сохранить

крупныя продажи къ концу Биржи и тогда окончательно раздавить рынокъ массою выкинутыхъ бумагъ и вызвать крушеніе ненавистнаго банка въ сумятицѣ послѣдняго получаса собранія. Саккаръ отлично понялъ угрожающую ему опасность и, подъ видомъ желанія закурить сигарету, приблизился на нѣсколько шаговъ къ Сабатани, дѣлая ему условный знакъ. Женоподобный итальянецъ съ проворствомъ лани пробрался въ «гитару», насторожилъ уши и, слѣдя прилежно за курсами, началъ безостановочно отсылать приказы Мазо на зеленыхъ бланкахъ, которыхъ у него былъ солидный запасъ. Несмотря на все это, атака понижателей была такъ стремительна и жестока, что акціи Всеобщаго банка снова понизились на 5 франковъ.

Пробило три четверти; оставалось только четверть часа до удара колокола, возвѣщавшаго закрытіе собранія. Въ это время толпа особенно волнуется и кричить, точно ее кто хлещетъ бичами, какъ грѣшниковъ въ аду. Корзина лаяла, рычала, голоса трещали... И вотъ тогда-то произошло то событіе, котораго такъ нетерпѣливо ожидалъ Саккаръ.

Маленькій Флори, который съ самаго открытія Биржи не переставалъ бѣгать на телеграфъ, каждыя 10 минутъ возвращаясь оттуда съ цѣлыми кипами депешъ, появился снова, расталкивая толпу и читая на ходу телеграмму, содержаніе которой, казалось, восхищало его.

— Мазо! Мазо! раздался голосъ.

Флори по привычкѣ обернулся, какъ еслибы произнесли его собственную фамилію. Это Жантру звалъ его, чтобы узнать, о чемъ депеша. Но Флори только задѣлъ его локтемъ, спѣша изо всѣхъ силъ, радостный, что могъ къ концу Биржи заявить о новомъ повышеніи Всеобщаго банка; пришедшая депеша сообщала о поднявшихся акціяхъ на лондонской биржѣ, гдѣ были произведены настолько значительныя покупки, что вліяніе ихъ должно было отразиться и на парижской биржѣ. Дѣйствительно, пришли и другія телеграммы съ подобнымъ же извѣстіемъ; многіе маклеры получили уже приказы въ этомъ смыслѣ. Результатъ произошелъ немедленно, настроеніе Биржи измѣнилось.

— По 3040 я беру Всеобщій, повторялъ Мазо своимъ тоненькимъ, пронзительнымъ голоскомъ.

И Деларокъ, закиданный требованіями, надбавилъ 5 франковъ: — по 3045 я беру.

— Предлагаю по 3045, ревѣль Жакоби: — 200 по 3045.

— Присылайте!

Тогда Мазо самъ повысилъ цѣну: — беру по 3050.

— Сколько?

— 500... присылайте!

Но шумъ, сопровождаемый бѣшеной жестикуляціей, становился до такой степени оглушающимъ, что уже сами маклеры не могли слышать другъ друга; тогда, въ порывѣ профессиональнаго увлеченія, они продолжали объясняться между собою знаками; гремящіе басы покрывались гуломъ толпы, а звенящіе тенора исчезали безслѣдно. Виднѣлись только широко раскрытые рты, но они, казалось, не издавали звуковъ; говорили однѣ руки: жестъ рукой отъ себя означалъ предложеніе, а маханіе къ себѣ — спросъ; поднятые пальцы указывали количество, а согласіе или отрицаніе выражалось головою. Все это понятно было только однимъ посвященнымъ въ таинства биржевой игры; вожди только и понимали другъ друга, какъ во времена бѣшенныхъ движеній, овладѣвающихъ массаи. Вверху, на хорахъ, гдѣ было телеграфное отдѣленіе, показались женскія головы, которыя склонялись черезъ перила внизъ, ошеломленные, испуганные необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Въ отдѣлѣ французскихъ бумагъ происходила чуть не драка, всѣ столпились въ кучу, мяли, толкали другъ друга, а противоположныя теченія публики, пересѣкавшія въ этомъ мѣстѣ залу, разбрасывали въ стороны группы биржевиковъ, которыя потомъ опять соединялись и опять раздѣлялись въ непрерывной толкотнѣ. Между отдѣленіемъ операций на наличныя деньги и корзиной, надъ водоворотомъ головъ возвышались только три котировщика, сидящіе на высокихъ креслахъ, точно утопающіе, выкинутые вверхъ бурей; обстрѣливаемые криками курсовыхъ цѣнъ справа и слѣва, они, высоко держа бѣлые реестры, едва успѣвали отмѣчать быстрый приливъ повышенія. Въ отдѣленіи наличныхъ денегъ толкотня достигла своего высшаго предѣла; здѣсь ужъ ничего нельзя было разобрать: кипѣла просто компактная масса причесокъ, безъ фізіономій даже, какая-то безформенная каша, изъ которой сверкали только свѣтлые переплеты записныхъ книжекъ въ порывисто вытягиваемыхъ вверхъ рукахъ. И въ корзинѣ происходило то же самое: вокругъ бассейна, переполненнаго теперь принятыми бланками всевозможныхъ

цвѣтовъ, сомкнулись разныхъ оттѣнковъ головы; плѣши свѣтились, точно блѣдныя, безформенныя лица, руки лихорадочно махали; людскія фигуры изгибались, стараясь объяснить мимикой свои желанія; мѣста здѣсь было сравнительно больше, и маклеры, какъ звѣри, бросали другъ на друга, сдерживаемые только перилами. Бѣшенство биржеви-ковъ въ эти послѣднія минуты собранія сообщилось и пуб-ликѣ, метавшейся по залѣ со страшнымъ топотомъ, кото-рый похожъ былъ на топотъ огромнаго стада, прогоняемаго черезъ узкій проходъ; посреди сплошнаго моря сюртуковъ блестяли тамъ и сямъ шелковые цилиндры при тускломъ свѣтѣ, падавшемъ на нихъ со стекляннаго потолка.

Но вдругъ ударъ колокола пронизалъ весь этотъ шумъ. Вся зала сразу стихла, жесты прекратились, голоса замолкли вездѣ: и въ отдѣленіи наличныхъ денегъ, и въ отдѣленіи французскихъ бумагъ, и въ корзинахъ. Оставалось только глухое рокотанье толпы, подобное протяжному гулу потока, возвратившемуся въ свое прежнее русло. При продолжающемся возбужденіи публики установились окончательные курсы: акціи Всеобщаго банка поднялись до 3060, превысивъ еще, на 30 франковъ вчерашнюю цѣну. Пораженіе понижателей было полное; еще одна ликвидація обратилась для нихъ въ бѣдствіе, такъ какъ потери ихъ за двѣ недѣли возросли до значительныхъ суммъ.

Саккаръ, прежде чѣмъ покинуть залу, поднялся на цыпочки и съ минуту оглядывался вокругъ, какъ бы для того, чтобы лучше окинуть однимъ взглядомъ всю эту многого-ловую толпу. Онъ и въ самомъ дѣлѣ выросъ, возвеличен-ный побѣдою; вся его небольшая фигурка надулась, вытянулась, старалась казаться какъ можно больше. Если кого теперь ему хотѣлось увидеть въ толпѣ, такъ это, разу-мѣется, отсутствующаго Гундермана; Гундермана побитаго, печальнаго, просящаго пощады. Саккаръ оставался на своемъ мѣстѣ нѣкоторое время, чтобы его видѣли всѣ тайные агенты еврейскаго банкира, все паршивое жидовство, находившееся въ залѣ, и чтобы видѣли его торжествующимъ, во всемъ блескѣ его успѣха. Это былъ счастливѣйшій день его жизни, о которомъ сохранились на Биржѣ воспоминанія до сихъ поръ, какъ сохранились преданія объ Аустерлицѣ и Маренго. Клиенты, друзья Саккара спѣшили привѣтствовать его. Мар-кизь де-Богенъ, Седилль, Кольдъ, Гюре хватали его за руки,

чтобы крѣпкимъ пожатіемъ выразить свою радость, а Дегремонъ съ фальшивой любезной улыбкой свѣтскаго чело-вѣка говорилъ ему комплименты, хотя отлично зналъ, что отъ такихъ побѣдъ обыкновенно проваливаются на Биржѣ. Можандръ готовъ былъ расцѣловать Саккара въ обѣ щеки, на зло капитану Шаву, который всетаки по прежнему пожималъ плечами. Но кто выразилъ полнѣйшее, почти благоговѣйное обожаніе Саккару, такъ это Дежуа, прибѣжавшій нарочно изъ редакціи, чтобы поскорѣе узнать окончательные курсы; онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего кумира, неподвижный, онѣмѣвшій преданности и уваженія, и въ глазахъ его блестяли слезы. Жантру исчезъ, вѣроятно, поспѣшивъ сообщить новости баронессѣ Сандорфъ. Массіасъ и Сабатани сіяли, отдуваясь послѣ бѣготни, какъ послѣ продолжительнаго сраженія.

— Ну, что я говорилъ? кричалъ восхищенный Пильеро. Мозеръ, повѣсивъ носъ, тихо ворчалъ свои угрозы.

— Да, да, мы стоимъ на краю пропасти... Надо еще расплатиться за Мексику, римскія дѣла запутаны, начиная съ Ментаны, Германія готова обрушиться на насъ со дня на день... Да, да, а эти сумасшедшіе все еще поднимаютъ курсъ, чтобы свалиться съ возможно болѣе высоты. Ахъ, все полетитъ долой, вотъ вы увидите!

Потомъ, замѣтивъ, что Сальмонъ на этотъ разъ былъ совершенно серьезенъ, Мозеръ обратился къ нему:

— Вѣдь и вы также думаете, неправда ли? Когда дѣла идутъ слишкомъ хорошо, это навѣрное передъ крушеніемъ.

Между тѣмъ зала пустѣла; въ воздухѣ повисло цѣлое синее облако сигарнаго дыма, густое съ желтоватымъ от-тѣнкомъ отъ примѣшавшейся пыли. Мазо и Жакоби, оправившись послѣ своего волненія, вошли вмѣстѣ въ кабинетъ маклеровъ, причемъ Жакоби смущенъ былъ всего болѣе своими личными секретными убытками, чѣмъ несчастіемъ своихъ кліентовъ, тогда какъ Мазо, не игравшій за свой счетъ, весь проникнутъ былъ радостью, что ему удалось такъ храбро отстоять новое повышеніе курса. Они поговорили нѣсколько минутъ съ Деларокомъ о результатахъ сегодняшнихъ сдѣлокъ, держа въ рукахъ записныя книжки, полныя замѣтокъ, которыя ихъ ликвидаторы должны были разобрать вечеромъ того же дня, чтобы выяснитъ всѣ совершенныя операціи. Въ это время въ залѣ комисіонеровъ, низкой, раз-

дѣленной пополамъ толстыми колоннами, похожей на неприбранную классную комнату, съ рядами пюпитровъ и вѣшалкою для платьевъ въ глубинѣ, — Флори и Гюставъ Седилль, пришедшіе сюда отыскивать свои шляпы, шумно смѣялись, въ ожиданіи, когда выяснится средній курсъ, чѣмъ и были заняты служащіе синдиката за однимъ изъ пюпитровъ, выводя этотъ курсъ изъ самага высокаго и самага низкаго. Около половины четвертаго, когда бюллетень приклеили къ одной изъ колоннъ, Флори и Седилль начали возиться, ржать по лошадиному, клохтати, подражать пѣнію пѣтуха, отъ удовольствія, что имъ посчастливилось сдѣлать отличную операцію, пользуясь приказами на покупку акцій, присланными отъ Фейё. На эти деньги предполагалось уже купить брилліантовыя серьги для Шюшю, тиранившей Флори своими капризами, и внести полугодовую плату за квартиру для Жермень Кёръ, которую Гюставъ имѣлъ глупость окончательно отбить отъ Жакоби, успѣвшаго уже замѣнить ее другой содержанкой, наѣздницей изъ Гипподрома. Такимъ образомъ въ залѣ комисіонеровъ все еще стоялъ шумъ, раздавались плоскія шутки, мяли цилиндры и толкались, какъ школьники во время рекреации. Съ другой стороны, подъ перестилемъ, кулисса заканчивала свои операціи, Натансонъ уже спускался по ступенямъ лѣстницы, очень довольный своимъ арбитражемъ, между тѣмъ какъ толпа другихъ спекуляторовъ еще не расходилась, несмотря на холодъ, сдѣлавшійся почти нестерпимымъ. Въ 6 часовъ весь этотъ биржевой людъ, состоявшій изъ игроковъ, маклеровъ, кулиссьеровъ и ремизье, опредѣливъ — одни свои барыши или потери, а другіе свои куртажныя замѣтки, — отправлялся переодѣваться, чтобы весело закончить день, бросая легко наживаемыя деньги въ ресторанахъ и театрахъ, въ свѣтскихъ гостинныхъ или у шикарныхъ содержанокъ.

Въ этотъ вечеръ весь Парижъ, бодрствующій и веселящійся по ночамъ, только и говорилъ о грозной дуэли, разыгравшейся между Гундерманомъ и Саккаромъ. Разныя дамы, увлекающіяся биржевой игрой по страсти къ наживѣ или изъ моды, хвастались употребленіемъ техническихъ выраженій въ родѣ: ликвидація, премія, репортъ, депортъ, иногда даже и не понимая ихъ. Говорили въ особенности много о критическомъ положеніи понижателей, которые въ продолженіи столькихъ уже мѣсяцевъ, при каждой новой ликви-

даціи, платили все большія и большія суммы, по мѣрѣ поднятія акціи Всеобщаго банка, перешедшаго всякія границы благораумія. Конечно, многіе играли безъ обезпеченія и должны были прибѣгать къ репорту, т. е. къ переносу платежей на будущій срокъ, не имѣя чѣмъ покрыть стоимость прибрѣтенныхъ бумагъ и чтобы хоть сколько нибудь уменьшить свои потери; а такъ какъ цѣна репорта, — при которомъ приходилось занимать деньги, необходимыя для выкупа бумагъ въ ликвидацію, когда онѣ продавались по курсу дня, — возвышалась тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже становились деньги, то истощенные, подавленные понижатели должны были неизбѣжно придти къ крушенію, если повышение будетъ продолжаться. Однако Гундерманъ, по общей молвѣ, всемогущій вождь понижателей, находился совершенно въ другомъ положеніи: ему не нужно было прибѣгать къ репорту, имѣя въ своихъ кладовыхъ цѣлый миллиардъ; его неистощимое денежное войско шло на убой легко и строоино, какъ бы долго и кровопролитно ни тянулась биржевая кампанія. Это была непобѣдимая сила; къ услугамъ Гундермана всегда были готовы какія угодно процентныя бумаги; когда онъ нуждался въ нихъ для своихъ цѣлей, онъ могъ заплатить всякую цѣну, потому что деньги у него всегда были подъ рукой. Въ разговорахъ вычисляли значительныя суммы, которыя онъ долженъ былъ уже до сихъ поръ терять, будучи принужденъ каждое 15-е и 30-е число выдвигать все новые и новые запасы денегъ на жертву спекуляціи, точно посылая ряды свѣжихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы. Никогда еще Гундерманъ не подвергался на Биржѣ такой ярой атакѣ враговъ, стремившихся вырвать изъ его рукъ власть, которою онъ желалъ пользоваться безъ соперниковъ. Хотя онъ и былъ простымъ денежнымъ торговцемъ, а не спекуляторомъ, какъ самъ любилъ выражаться, тѣмъ не менѣе онъ ясно сознавалъ, что, если желаетъ остаться первымъ на денежномъ рынкѣ, полномъ властнымъ распорядителемъ общественныхъ богатствъ, то долженъ сохранить за собою и абсолютное господство на Биржѣ. Онъ сражался теперь не изъ-за временной прибыли, а за свое собственное могущество, за свое существованіе. Отсюда-то и происходило холодное упорство, дикое величіе этой борьбы. Его встрѣчали по прежнему на бульварахъ, тянувшихся вдоль улицы Вивьенъ, и его лицо все также

было блѣдно и безстрастно, походка также старчески медленна, и ничто не выдавало въ немъ ни малѣйшаго безпокойства. Онъ вѣрилъ только въ логику. Превысивъ курсъ въ 2000 франковъ, акціи Всеобщаго банка дѣлались игроушкой безумнаго увлеченія; при курсѣ въ 3000 — началось уже настоящее бѣшенство; эти акціи должны были упасть по такому же закону, по какому подброшенный кверху камень неизбѣжно падаетъ внизъ. И Гундерманъ ждалъ роковаго паденія. Будетъ ли онъ бороться до полного истощенія своего милліарда? съ содроганіемъ и любопытствомъ думали всѣ вокругъ Гундермана, интересуясь также видѣть, какъ онъ будетъ изводить своихъ соперниковъ. Между тѣмъ Саккаръ, возбуждавшій къ себѣ болѣе пылкій энтузіазмъ въ публикѣ, имѣлъ на своей сторонѣ женщинъ, аристократическіе салоны, весь людъ, играющій на Биржѣ и наживавшій теперь отличные барыши, именно съ тѣхъ поръ какъ директоръ Всеобщаго банка сталъ спекулировать общественнымъ довѣріемъ, пуская въ ходъ и гору Кармель, и Іерусалимъ. Приближающееся паденіе самага крупнаго еврейскаго банка уже возвѣщалось во всеуслышаніе; католицизмъ готовился къ денежному владычеству вдобавокъ къ своему владычеству надъ душами вѣрующихъ. Однако, если сторонники Саккара имѣли крупные барыши, то самъ онъ тратилъ уже послѣднія свои средства, истощивъ банковскія кассы постоянными покупками. Изъ 200 милліоновъ, состоявшихъ въ его распоряженіи, растрчено было уже около двухъ третей; успѣхъ банка превосходилъ его средства, триумфъ угрожалъ задавить самага триумфатора. Всякое кредитное общество, желающее господствовать на Биржѣ только для поддержки курса своихъ акцій, этимъ самымъ дѣйствіемъ уже влечетъ себя къ гибели. Зная это, Саккаръ сначала игралъ съ большою осторожностью; но онъ всегда отличался пылкимъ воображеніемъ, всегда мечталъ о грандіозныхъ предпріятіяхъ и обращалъ въ поэмы всѣ свои самыя подзрительныя, рискованныя операціи. На этотъ разъ, устроивъ предпріятіе дѣйствительно колоссальное и удачное, онъ ударился въ нелѣпныя мечты о завоеваніи чуть ли не всего міра, увлекся идеей настолько обширной и безумной, что не могъ хорошенько формулировать ее даже въ своемъ собственномъ сознаніи. О еслибы у него были милліоны, милліоны безъ конца, какъ у этихъ паршивыхъ жидовъ! А

между тѣмъ, къ прискорбію своему, Саккаръ видѣлъ, что запасы денегъ все убываютъ, что у него остается всего нѣсколько милліоновъ для послѣдняго жертвоприношенія. Къ тому же, если наступитъ пониженіе, ему придется, въ своей очередь, платить убытки, и, не имѣя возможности выкупить свои бумаги, онъ по неволѣ долженъ будетъ прибѣгнуть къ репорту. При всѣхъ побѣдахъ его, малѣйшая песчинка могла теперь испортить всю его громадную машину. Смутное сознаніе такой опасности уже бродило въ сознаніи даже самыхъ преданныхъ Саккару людей, тѣхъ, которые вѣрили въ повышеніе акцій Всеобщаго банка, какъ въ царство небесное. Особенно возбуждала весь Парижъ загадочность и сомнительность исхода борьбы между Саккаромъ и Гундерманомъ, въ которой побѣдитель истекалъ кровью; публику доводилъ до страстнаго волненія видъ этой схватки грудъ съ грудью двухъ легендарныхъ страшилищъ, давившихъ около себя маленькихъ людей, которые рисковали принимать участіе въ ихъ поединкѣ, и угрожавшихъ задушить другъ друга на грудѣ нагроможденныхъ ими же развалинъ.

Внезапно, 3-го января, на другой же день послѣ того какъ сведены были итоги послѣдней ликвидаціи, акціи Всеобщаго банка понизились на 50 франковъ. Это событіе произвело сильное замѣшательство. Правда, и всѣ другія бумаги понизились; рынокъ, слишкомъ долго надрывавшійся, чрезмерно раздутый, трещалъ по всѣмъ швамъ; два или три мошенническихъ предпріятія шумно сокрушились. Впрочемъ, за послѣднее время бѣшеные скачки сдѣлались весьма обыкновенными, привычными; цѣны иногда мѣнялись на цѣлыя сотни франковъ въ одно и то же биржевое собраніе; эти уклоненія то въ ту, то въ другую сторону были похожи на повороты стрѣлки въ буссоли во время бури. Но по страшному содроганію, пронесемуся изъ конца въ конецъ, всѣ поняли, что начинается крушеніе. Акціи Всеобщаго банка понижались, и стонъ раздавался повсюду, ширясь во всѣ стороны; публика заволновалась, мучимая и удивленіемъ, и надеждой, и ужасомъ.

На другой же день Саккаръ, спокойный и улыбающійся на своемъ обычномъ посту, довелъ курсъ до повышенія въ 30 франковъ, благодаря значительнымъ покупкамъ. Однако 5 января, несмотря на всѣ его усилія, оказалось вновь пониженіе на 40 франковъ. Акціи Всеобщаго банка стояли

уже только на 3000. Съ этихъ поръ каждый день происходили сраженія. 6 числа Всеобщій поднялся. 7, 8, акціи понизились снова. Стремленіе внизъ было неудержимо и увлекало курсъ мало по малу; паденіе совершалось медленно. Всеобщему банку предстояло сдѣлаться козломъ отпущенія, искупить собою грѣхи всѣхъ другихъ банковъ, преступленія другихъ аферистовъ, стоявшихъ не на такомъ видномъ мѣстѣ, всю массу подозрительныхъ предпріятій, раздутыхъ рекламами, расплодившихся, какъ чудовищные шампиньоны на почвѣ, удобренной второй имперіей. Но Саккаръ, не смыкавшій отнынѣ глазъ, каждый день акуратно послѣ полудня появлялся на своемъ мѣстѣ, на полѣ сраженія, около своей колонны въ биржевой залѣ, все еще живя мечтою о возможности побѣды. Какъ полководецъ, убѣжденный въ превосходствѣ своихъ диспозицій, онъ уступалъ своимъ врагамъ не больше одной пяди земли каждый разъ, жертвуя послѣдними ресурсами, опоражнивая кассы своего банка отъ послѣднихъ мѣшковъ съ деньгами, чтобы этими мѣшками преградить путь осаждающему непріятелю. 9 числа Саккаръ еще одержалъ верхъ; понижатели испугались и отступили; они уже стали думать, что ликвидація и 15 января еще разъ оберетъ ихъ дотла и ихъ потерями обогатитъ повышателей. Между тѣмъ побѣдитель, уже лишенный всякихъ средствъ, пустилъ въ ходъ послѣднія свои бумаги, и наконецъ сознался передъ самимъ собою, что онъ, какъ голодный, видящій во снѣ роскошный пиръ отъ сильнаго ощущенія своего голода, тѣшилъ себя чудной, но невозможной мечтой, гигантской идеей выкупить всѣ акціи, чтобы держать продавцовъ въ своихъ рукахъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ и просящихъ пощады. Это самое сдѣлано было недавно однимъ небольшимъ желѣзнодорожнымъ обществомъ; оно поручило банку, выпустившему его акціи, скупить ихъ всѣхъ на рынкѣ; продавцы не могли пріобрѣсти бумагъ этого общества и сдались. Ахъ еслибы ему удалось затравить, замучить Гундермана, довести его до необходимости играть въ открытую! еслибы онъ дождалъ до той минуты, когда Гундерманъ, въ одно прекрасное утро, принесъ бы ему свой миллиардъ, умоляя не отнимать всѣхъ денегъ, а оставить хоть на десять су ренты на молоко, которымъ только и питался еврейскій банкиръ. Для этого послѣдняго удара только и нужно было какихъ нибудь 700—800 мил-

люоновъ. Онъ, Саккаръ, уже бросилъ 200 милліоновъ въ пропасть; теперь нужно было выдвинуть на непріятеля еще 500 или 600. Имѣя 600 милліоновъ, онъ смелъ бы съ лица земли всѣхъ жидовъ и сдѣлался бы денежнымъ королемъ, властителемъ міра. Какая мысль! и какъ это было просто: понятіе о настоящей цѣнности денегъ пропало при такомъ лихорадочномъ настроеніи; онѣ превращались въ покорныхъ пѣшекъ, которыя по произволу можно было двигать по всей шахматной доскѣ. Въ безсонныя ночи Саккаръ мысленно распоряжался 600 милліонами и радостно ухлопывалъ ихъ для своей славы, видя уже себя побѣдителемъ среди общаго бѣдствія и триумфаторомъ на развалинахъ вражескихъ дворцовъ.

10 января, къ несчастію, для Саккара выдался ужасный день. На Биржѣ онъ по прежнему поражалъ всѣхъ веселостью и спокойствіемъ. А между тѣмъ никогда еще борьба не доходила до такой нѣмой жестокости, выражавшейся въ ежечасныхъ схваткахъ, въ ловушкахъ, подставляемыхъ повсюду. Въ этихъ денежныхъ сраженіяхъ, молчаливыхъ и безсовѣстныхъ, гдѣ безъ шума рѣжутъ слабыхъ, не существуетъ ни родственныхъ, ни дружескихъ связей; здѣсь царить одно право сильнаго, уничтожаютъ противниковъ, чтобы самимъ не быть уничтоженными. Саккаръ чувствовалъ себя вполнѣ одинокимъ, не имѣющимъ другой поддержки, кромѣ своего ненасытнаго аппетита, который заставлялъ его бороться съ врагами и истреблять ихъ. Онъ въ особенности боялся 14 числа, когда должна была происходить уплата премій. Но у него хватило еще денегъ на три предшествующихъ этому числу дня, и 14 января, вмѣсто того чтобы привести Всеобщій банкъ къ крушенію, значительно укрѣпило его положеніе, и акціи его 15 числа, при полумѣсячной ликвидаціи, заключились по курсу въ 2860, съ пониженіемъ всего на 100 франковъ сравнительно съ курсомъ въ концѣ декабря. Саккаръ опасался несчастія, а дѣлалъ видъ, что вѣритъ въ побѣду. Въ дѣйствительности теперь въ первый разъ понижатели получили прибыль, тогда какъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду несли одни убытки. Позиціи борющихся радикально измѣнились; теперь Саккару пришлось прибѣгнуть къ репорту у Мазо, который съ этихъ поръ сильно втянулся въ роковую борьбу. Вторая половина января должна была рѣшить все.

Съ тѣхъ поръ какъ Саккаръ всецѣло погрузился въ борьбу, въ ежедневныя схватки съ противниками, то бросавшія его, казалось, уже въ пропасть, то выносившія опять на свѣтъ, — онъ каждый вечеръ чувствовалъ неперемѣнную потребность развлеченій. Онъ не могъ оставаться наединѣ съ самимъ собою и потому обѣдалъ въ гостяхъ, а ночи проводилъ въ объятіяхъ женщинъ. Никогда еще онъ не прожигалъ такъ свою жизнь, вездѣ бывая, посѣщая театры, ужиная въ дорогихъ кабакахъ, бросая деньги съ обманчивой расточительностью слишкомъ богатаго человѣка. Онъ избѣгалъ Каролины, которая стѣсняла его своими совѣтами, постоянно напоминая о тревожныхъ письмахъ, получаемыхъ ею отъ брата; она дѣйствительно приходила въ отчаяніе, видя, что вся эта игра на повышеніе угрожаетъ неминуемой опасностью. Зато Саккаръ чаще сталъ видѣться съ баронессой Сандорфъ, какъ бы переносясь совсѣмъ въ другую сферу, въ область одного бездушнаго разврата, когда входилъ въ маленькую секретную квартирку въ нижнемъ этажѣ въ улицѣ Комартенъ, гдѣ онъ могъ забыться на нѣсколько часовъ, найти отдыхъ своему утомленному мозгу. Иногда онъ удалялся сюда, чтобы пересмотрѣть свои замѣтки, обдумать кое-какія дѣла, довольный тѣмъ, что здѣсь ужъ никто и никоимъ образомъ не могъ помѣшать ему. Здѣсь онъ порою и засыпалъ на часъ, на два, и это время только и забывалъ свои неотвязчивыя думы; а баронесса тогда не считала позорнымъ для себя порыться въ его карманахъ, прочесть письма, хранившіяся въ его портфелѣ. Саккаръ теперь сдѣлался совершенно несообщительнымъ, баронесса не могла вытянуть уже изъ него ни одного полезнаго извѣстія; она даже подозрѣвала, что Саккаръ нарочно обманываетъ ее, и потому, если ему и случалось обронить какое нибудь словечко о биржевыхъ дѣлахъ, баронесса не рѣшалась слѣдовать его указаніямъ. Воруя потихоньку такимъ образомъ секреты Саккара, баронесса узнала, между прочимъ, и о денежныхъ затрудненіяхъ, которыя начали появляться при совершеніи операцій Всеобщаго банка, и о цѣлой обширной системѣ обращенія дутыхъ векселей, учитываемыхъ банкомъ за границей, съ большою, впрочемъ, осторожностью. Однажды вечеромъ Саккаръ проснулся нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и накрылъ баронессу какъ разъ за изслѣдованіемъ своего портфеля. Онъ надавалъ ей оплеухъ,

какъ простой дѣвкѣ, ворующей мелкія деньги изъ хозяйскаго жилета, и съ этихъ поръ часто билъ ее. Такія сцены приводили ихъ обоихъ въ ярость; потомъ они чувствовали себя совсѣмъ разбитыми и наконецъ обыкновенно кончали примиреніемъ.

Однако послѣ январской полумѣсячной ликвидаціи, когда баронесса потеряла около 10.000 франковъ, у ней явился нѣкоторый проектъ. Она долго обдумывала его и наконецъ обратилась за совѣтомъ къ Жантру.

— Знаете чтó? отвѣтилъ ей редакторъ »L'Espérance«:— право, мнѣ кажется, что вы хорошо придумали; теперь самое время перейти въ лагерь Гундермана. Побѣжайте къ нему и расскажите, въ чемъ дѣло. Вѣдь онъ обѣщалъ же вамъ, какъ только вы дадите ему хорошій совѣтъ, взаимнѣнъ этой услуги сообщить и вамъ вѣрный способъ дѣйствій?

Гундерманъ въ это утро, когда его посѣтила баронесса, находился въ самомъ озлобленномъ настроеніи. Еще наканунѣ акціи Всеобщаго банка опять поднялись. »Вѣрно, не придетъ конца на это прожорливое животное«, думалось ему: — »которое проглотило уже столько моего золота и не думаетъ вовсе издыхать«. Весьма возможно, что Всеобщій банкъ способенъ опять стать на ноги и 31 числа снова кончить повышеніемъ. И Гундерманъ злился на самого себя, что затѣялъ это несчастное соперничество, когда, можетъ быть, гораздо выгоднѣе было бы принять участіе въ операціяхъ новаго кредитнаго общества. Усомнившись въ своей обычной тактикѣ, потерявъ вѣру въ логику, всегда одерживавшую до сихъ поръ верхъ, онъ готовъ былъ въ эту минуту даже къ отступленію, еслибы только это можно было совершить безъ полнаго разоренія. Такіе моменты упадка духа бывали рѣдко у Гундермана; всѣ великіе полководцы испытывали подобное настроеніе, даже иногда наканунѣ громкихъ побѣдъ, когда и люди, и событія — все, кажется, способствуетъ ихъ успѣху. Это временное затмѣніе такихъ зоркихъ глазъ, пронизательныхъ обыкновенно, происходило отъ тумана, застилавшаго уже долгое время таинственныя операціи парижской биржи, такъ что наконецъ нельзя было съ увѣренностью сказать, кто и какъ игралъ тамъ. Известно было, что Саккаръ покупалъ, игралъ. Но дѣлалъ ли онъ это для своихъ крупныхъ кліентовъ или для самого банка? Въ концѣ концовъ Гундерманъ сбился съ толку

среди сплетенъ и противорѣчивыхъ слуховъ, доносившихся до него со всѣхъ сторонъ. Двери его кабинета поминутно хлопали, служащіе трепетали его гнѣва, а ремизѣ встрѣчали такой грубый приемъ, что ихъ обычная процессія превратилась въ беспорядочное бѣгство.

— А, это вы, сказали Гундерманъ баронессѣ безъ всякихъ любезностей. — Сегодня у меня нѣтъ свободнаго времени, чтобы терять его на разговоры съ дамами.

Баронесса смѣшалась и, забывъ обо всѣхъ предварительныхъ тонкостяхъ, сразу выложила свое важное извѣстіе:

— А что бы вы сказали, еслибы я доказала вамъ, что денежные средства Всеобщаго банка истощены сдѣланными имъ значительными покупками, что онъ прибѣгнулъ уже къ учету дутыхъ векселей за границей, чтобы только продолжать биржевую борьбу?

Еврей едва сдержалъ радостную дрожь, пробѣжавшую по его тѣлу. Взглядъ его остался по прежнему потухшимъ, и онъ отвѣчалъ баронессѣ тѣмъ же ворчливымъ голосомъ:

— Это неправда.

— Какъ? неправда? обидѣлась баронесса. — Да я слышала это своими собственными ушами, видѣла своими глазами.

И, желая убѣдить Гундермана, она объясняла ему, какъ у нея были въ рукахъ векселя, подписанные подставными лицами. Она называла этихъ лицъ по именамъ, называла и имена банкирскихъ фирмъ въ Вѣнѣ, во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ, которыя учитывали эти векселя. Корреспонденты Гундермана могли подтвердить ея сообщеніе, и онъ убѣдится самъ, что она не говоритъ ему какіе нибудь пустяки, сказки. Кромѣ того, баронесса утверждала, что Всеобщій банкъ покупаетъ свои акціи для самого себя съ единственной цѣлью поддержать повышательное настроеніе, и что онъ уже истратилъ на эту игру 200 милліоновъ.

Гундерманъ, слушавшій свою собесѣдницу съ обычнымъ мрачнымъ видомъ, обдумывалъ уже про себя завтрашнюю кампанію, съ присущимъ ему быстрымъ соображеніемъ всѣхъ подробностей предпріятія, причемъ въ нѣсколько секундъ опредѣлилъ размѣры своихъ будущихъ приказовъ и даже точныя ихъ цифры. Теперь онъ былъ вполне увѣренъ въ побѣдѣ, зная, изъ какого грязнаго источника происходили сообщенія баронессы, и проникаясь полнымъ презрѣніемъ

къ этому шалопаю Саккару, до такой степени глупому, чтобы довѣриться женщинѣ и допустить ее продать его тайны.

Когда баронесса окончила свои разоблаченія, Гундерманъ поднялъ голову и, взглядываясь въ нее своими большими потухшими глазами, проговорилъ:

— Ну, хорошо! А какое же мнѣ дѣло до всего, что вы мнѣ рассказали?

Баронесса остолбенѣла — до такой степени Гундерманъ показался ей равнодушнымъ и спокойнымъ.

— Но мнѣ кажется, сказала баронесса: — что ваше положеніе въ партіи понижателей...

— Мое? удивился Гундерманъ. — Да кто вамъ сказалъ, что я принадлежу къ понижателямъ? Я никогда не бываю на Биржѣ и не спекулирую... Мнѣ рѣшительно все равно, что бы тамъ ни происходило!

И его голосъ отзывался такою искренностью, что баронесса, сбитая съ толку, смущенная, готова была уже повѣрить ему, еслибы въ его тонѣ не слышались нотки насмѣшливости. Очевидно, онъ потѣшался надъ нею, какъ чловѣкъ, вполне обезпеченный отъ женскаго очарованія и потому презирающій женщинъ.

— Однако, *ma bonne amie*, заговорилъ опять банкиръ: — я очень занятъ, и если вы не имѣете сообщить мнѣ ничего болѣе интереснаго...

Онъ выгонялъ ее. Тогда взбѣшенная баронесса не выдержала:

— Я довѣрилась вамъ, я первая высказалась, начала она съ раздраженіемъ: — вы разставили мнѣ ловушку... Вы мнѣ, наконецъ, обѣщали, если я буду вамъ въ чемъ нибудь полезнаю, отплатить мнѣ тѣмъ же, обѣщали дать совѣтъ...

Гундерманъ поднялся съ кресла и прервалъ ее. Онъ, который никогда не смѣялся, улыбнулся теперь слегка — до того ему показалось забавною штучка, которую онъ подстроилъ этой молодой и красивой женщинѣ.

— Да я вамъ и не отказываю въ совѣтѣ, проговорилъ еврей. — Только послушайте меня: не играйте на Биржѣ, не играйте никогда. Вы подурнѣете отъ этого занятія. Отвертительно видѣтъ, когда женщина играетъ.

Когда баронесса, окончательно вышедшая изъ себя, удалилась, Гундерманъ заперся въ кабинетѣ съ двумя сыновьями

и зятемъ, распредѣлилъ имъ роли въ будущемъ генеральномъ сраженіи и послалъ тотчасъ же за Жакоби и другими маклерами, чтобы приготовить завтрашнее рѣшительное нападеніе. Его планъ былъ очень простъ: теперь предстояло сдѣлать тотъ шагъ, на который онъ изъ осторожности до сихъ поръ не рѣшался, не зная истиннаго положенія дѣлъ Всеобщаго банка, а именно: завалить рынокъ огромными предложеніями на продажу акцій этого банка, такъ какъ онъ теперь былъ увѣренъ, что ресурсы банка истощились, и Саккаръ не въ состояніи поддержать курса. Гундерманъ, какъ полководецъ, двигалъ свой грозный резервъ, свой миллиардъ, на поле сраженія, которое должно было непременно увѣнчаться побѣдой, такъ какъ развѣдчики сообщили о слабости пунктовъ непріятельской арміи. Логика восторжествуетъ: каждая акція, поднимающаяся выше своей настоящей стоимости, обречена на неизбежную гибель.

Казъ разъ въ этотъ же самый день, около пяти часовъ, Саккаръ, чутьемъ угадавшій опасность, отправился къ Дегремону. Саккаръ былъ въ страшно возбужденномъ настроеніи; онъ чувствовалъ, что наступилъ часъ нанести окончательный ударъ понижателямъ, иначе они теперь разобьютъ его въ пухъ и прахъ. Въ головѣ его возникла гигантская идея добыть еще 600 милліоновъ, чтобы завоевать ими міръ. Дегремонъ принялъ его съ обычной любезностью въ своемъ княжески роскошномъ отелѣ, среди дорогихъ картинъ и блестящей обстановки, поддерживаемой прибылями отъ каждой полумѣсячной биржевой ликвидаціи; конечно, въ прочности всего этого декорума онъ не могъ быть вполне увѣренъ; ему всегда угрожала какая нибудь капризная случайность, которая могла въ одно мгновеніе уничтожить его волшебный дворецъ. До сихъ поръ Дегремонъ не измѣнялъ Всеобщему банку, не продавалъ своихъ акцій и дѣлалъ видъ, что имѣетъ абсолютное довѣріе къ операціямъ Саккара; ему даже нравилась эта роль счастливаго игрока на повышеніе, которая къ тому же доставляла и крупные барыши. Дегремонъ не поколебался въ своемъ расположеніи къ банку даже и послѣ неблагоприятной ликвидаціи 15 января, убѣжденный, какъ онъ вездѣ самъ рассказывалъ, что акціи снова повысятся, а между тѣмъ смотрѣлъ въ оба и готовъ былъ перейти въ противоположный лагерь при первыхъ же тревожныхъ симптомахъ. Посѣщеніе Саккара, необыкновенная

энергія, съ которой обыкновенно умѣлъ проводить свои убѣжденія директоръ Всеобщаго банка, широкій планъ, предложенный имъ, скупить всѣ акціи на рынкѣ, — все это пріятно удивило Дегремона. Планъ Саккара немножко отзвучался безуміемъ, но вѣдь всѣ великіе люди, какъ военные, такъ и финансовые, очень часто только безумными, отважными предпріятіями и выигрываютъ. Дегремонъ формально обѣщалъ Саккару свое содѣйствіе на завтрашнемъ биржевомъ собраніи: онъ уже сдѣлалъ большіе заказы на покупку, а теперь отправится къ Делароку, своему маклеру, чтобы отдать ему еще новыя распоряженія; кромѣ того, онъ обѣщалъ повидаться съ нѣкоторыми своими друзьями и устроить нѣчто въ родѣ синдиката для поддержки Всеобщаго банка. По словамъ Дегремона, можно будетъ рассчитывать на сотню милліоновъ, какъ на подкрѣпленіе для немедленной помощи. Этого было довольно. Сіяющій Саккаръ, увѣренный въ побѣдѣ, тотчасъ же набросалъ планъ сраженія, обходное движеніе въ тылъ непріятелю, отчаянной смѣлости, заимствованной имъ у самыхъ знаменитыхъ полководцевъ: сначала, при самомъ открытіи Биржи, маленькая аванпостная схватка, чтобы завлечь понижателей въ наступленіе и внушить имъ самоувѣренность; потомъ, когда они одержатъ первый успѣхъ, когда курсы понизятся, появится Дегремонъ и его друзья съ тяжелой артиллеріей, съ неожиданными милліонами, точно изъ-подъ земли, обойдетъ понижателей сзади и опрокинетъ ихъ. Это будетъ пораженіе, настоящая рѣзня. И оба они, Дегремонъ и Саккаръ, разстались, дружески пожимая руки, съ веселымъ, торжествующимъ смѣхомъ.

Чась спустя, когда Дегремонъ, собиравшійся въ гости на обѣдъ, пошелъ въ уборную переодѣваться, къ нему явилась другая посѣтительница, баронесса Сандорфъ. Находясь въ затруднительномъ положеніи, она вѣдумала съ нимъ посоветоваться. Одно время баронессу считали любовницей Дегремона, но въ дѣйствительности между ними существовала только дружба — правда, очень близкая для мужчины и женщины. Оба они были слишкомъ лукавы и слишкомъ хорошо знали одинъ другаго, чтобы обмануть другъ друга призрачной связью. Баронесса рассказала свои опасенія, поѣздку къ Гундерману, его отвѣтъ, умолчавъ только о предательской поспѣшности, съ какою она перешла въ не-

пріятельскій лагерь. Дегремонъ посмѣялся и даже, ради шутки, сбиль еще болѣе съ толку баронессу, притворившись увѣреннымъ, что Гундерманъ не лгалъ, когда заявлялъ, что не принадлежитъ къ партіи понижателей. Развѣ ктонибудь можетъ утверждать противное? Вѣдь Биржа — это настоящій лѣсъ, да еще лѣсъ въ темную зимнюю ночь, когда всякій идетъ по немъ ощупью. Въ этихъ дебряхъ попробуй только слушать всякія нелѣпости и сплетни, — навѣрное расквасишь себѣ физиономію.

— Въ такомъ случаѣ, тревожно спросила баронесса: — мнѣ не надо продавать своихъ акцій?

— Продавать? зачѣмъ? удивился Дегремонъ. — Вотъ глупости! Завтра мы непременно одержимъ верхъ, и акціи Всеобщаго банка поднимутся до 3.100. Держитесь за акціи крѣпко, чтѣ бы ни случилось: послѣдній курсъ васъ вполне удовлетворить... Болѣе я не могу вамъ сказать ничего.

Баронесса уѣхала, а Дегремонъ началъ наконецъ одѣваться, какъ опять звонокъ возвѣстилъ третьяго посетителя. Ну нѣтъ, довольно ужъ! рѣшилъ Дегремонъ: теперь онъ никого не приметъ. Но когда ему подали карточку Деларока, онъ тотчасъ же велѣлъ пригласить гостя въ уборную. Покуда маклеръ, очевидно, взволнованный, собирался еще заговорить, Дегремонъ выслалъ лакея и самъ сталъ повязывать себѣ бѣлый галстукъ передъ высокимъ зеркаломъ.

— Ну вотъ, mon cher, началъ Деларокъ съ фамиліярностью человѣка, принадлежащаго къ тому же кругу. — Я рассчитываю на вашу дружбу — неправда ли? — потому что сейчасъ коснусь очень щекотливаго вопроса... Представьте себѣ: Жакоби, мой зять, былъ такъ любезенъ, что предупредилъ меня о готовящемся для насъ жестокомъ ударѣ. Завтра, на Биржѣ, Гундерманъ и его сторонники рѣшили наброситься на Всеобщій банкъ. Они хотятъ пустить въ продажу весь свой запасъ акцій... Жакоби уже получилъ приказы и прибѣжалъ ко мнѣ...

— Вотъ такъ чертовщина! воскликнулъ Дегремонъ, поблѣднѣвъ.

— Понимаете, продолжалъ Деларокъ: — у меня большія обязательства на повышеніе отъ кліентовъ... да, милліоновъ на 75; вѣдь тутъ можно провалиться съ руками и ногами. Ну, что-жъ мнѣ было дѣлать? Я взялъ карету и отправился объѣзжать всѣхъ крупныхъ кліентовъ. Это, конеч-

но, несовсѣмъ правильно, но вѣдь у меня же доброе на-
мѣреніе...

— Вотъ чортъ! повторилъ Дегремонъ.

— Наконецъ, mon bon ami, такъ какъ вы играете безъ
обеспеченія, такъ я ужъ попрошу васъ или снабдить меня
залогомъ, или перемѣнить направленіе.

Дегремонъ, не задумываясь, крикнулъ:

— Перемѣнить, перемѣнить, разумѣется, mon cher...
Тутъ нечего и спрашивать! Я никогда не остаюсь въ
учрежденіяхъ, которыя готовы лопнуть; это было бы беспо-
лезнымъ геройствомъ... Покупать не надо, разумѣется; про-
давайте. У меня почти на 3 милліона бумагъ на вашемъ
счету; продавайте, продавайте все!

И когда Деларокъ собрался уходить, говоря, что ему
надо навѣстить еще другихъ кліентовъ, Дегремонъ взялъ
его за обѣ руки и энергически пожалъ ихъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ. — Я никогда не за-
буду вашей услуги. Продавайте, продавайте все!

Оставшись одинъ, онъ позвалъ лакея, чтобы тотъ при-
чесалъ ему голову и бороду. »Какой урокъ!« думалось Де-
гремону. Онъ чуть-чуть было не допустилъ одурачить себя,
какъ маленькаго мальчика. Вотъ чтѣ значить связаться съ
такимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, какъ Саккаръ!..

Вечеромъ, на малой Биржѣ, въ 8 часовъ началась па-
ника. Эта Биржа собиралась тогда на тротуарѣ бульвара
des Italiens, при входѣ въ пассажъ Оперы; здѣсь присут-
ствовала только кулисса, производившая свои операціи по-
среди подозрительнаго сборища биржевыхъ зайцевъ, ремизье
и явно недобросовѣстныхъ спекуляторовъ. Около нихъ шмы-
гали блузники; любители сигарныхъ окурковъ бросались
иногда на четверенькахъ между группами дѣльцовъ, тол-
пившихся на одномъ мѣстѣ. Собраніе кулиссьеровъ загора-
живало бульваръ съ упрямствомъ стада барановъ; вереница
прохожихъ поминутно раздѣляла ихъ и отталкивала по сто-
ронамъ, но они опять сходились въ кучу. Въ этотъ вечеръ
здѣсь набралось до 2.000 человѣкъ, благодаря теплой по-
годѣ, при пасмурномъ небѣ, обещавшемъ дождь послѣ же-
стокихъ морозовъ. Операціи шли очень оживленно, акціи
Всеобщаго банка предлагались со всѣхъ сторонъ, курсы па-
дали быстро. Вслѣдствіе этого начали ходить разные слухи,
понемногу распространялась тревога. Чтѣ случилось? спра-

шивали другъ друга. Вполголоса называли предполагаемыхъ продавцовъ, судя по тѣмъ ремизьѣ, которые передавали приказы, и по тѣмъ кулисьерамъ, которые исполняли ихъ. Если ужъ крупные владѣльцы начали продавать, значитъ — готовится, очевидно, вѣчто важное. Съ 8 до 10 часовъ продолжалась толкотня; всѣ игроки, обладавшіе вѣрнымъ чутьемъ, перемѣнили направленіе; были даже такіе, которые тутъ же, на мѣстѣ, изъ покупателей обратились въ продавцовъ. Въ эту ночь многие легли спать въ сильномъ безпокойствѣ, какъ наканунѣ генеральнаго сраженія.

На другой день погода была отвратительная; дождь шелъ всю ночь, потомъ посыпался на городъ мокрый снѣгъ, превратившійся отъ оттепели въ желтоватую жидкую грязь. Биржа съ половины перваго зашумѣла среди потоковъ грязной воды на площади. Громадная толпа наполнила залу и приютилась подъ перистилемъ; стеченіе публики особенно велико было въ залѣ, гдѣ отъ стекавшей съ зонтиковъ воды образовалась почти сплошная лужа. Грязныя стѣны залы покрылись потомъ, а свѣтъ, тусклый и желтоватый, падавшій со стекляннаго потолка, наводилъ безысходную тоску.

Вслѣдствіе дурныхъ слуховъ, ходившихъ съ вечера, необыкновенныхъ исторій, занимавшихъ умы всѣхъ посѣтителей Биржи каждый вновь появляющійся въ залѣ сейчасъ же отыскивалъ взглядомъ Саккара, присматривался къ выраженію его лица. Саккаръ находился на своемъ посту, у своей колонны; онъ имѣлъ тотъ же видъ, что и въ дни своего торжества, видъ бодрой веселости и полной самоувѣренности. Ему не безызвѣстно было, что акціи Всеобщаго банка понизились на 300 франковъ вчера вечеромъ, на малой Биржѣ; онъ чуюлъ страшную опасность и ожидалъ жестокаго нападенія со стороны понижателей, но свой планъ сраженія онъ считалъ безукоризненнымъ: обходное движеніе Дегремона, неожиданное появленіе на рынкѣ свѣжаго подкрѣпленія въ нѣсколько милліоновъ должно было поразить враговъ и доставить ему еще разъ побѣду. Самъ онъ отнынѣ находился безъ всякихъ ресурсовъ, кассы Всеобщаго банка были пусты, выскреблены до послѣдняго сантима. Однако Саккаръ не отчаивался; онъ прибѣгнулъ къ репорту у Мазо и склонилъ этого маклера на свою сторону до такой степени, что тотъ, надѣясь на обѣщанную ему поддержку изъ синдиката Дегремона, безъ обезпеченія принялъ

приказы на покупку на многіе милліоны. Между банкиромъ и маклеромъ условлена была такая тактика, чтобы не допускать курсы до чрезмѣрнаго паденія въ началѣ биржеваго собранія и поддерживать ихъ, бороться съ противниками, выжидая дегремоновскаго подкрѣпленія. Общее смятеніе было настолько сильно, что Массіасъ и Сабатани, отказавшись отъ бесполезныхъ хитростей, такъ какъ истинное положеніе дѣлъ стало очевиднымъ для всѣхъ, открыто переговаривались съ Саккаромъ и затѣмъ прямо отправились съ его послѣдними распоряженіями, одинъ — къ Натансону, подъ перистиль, а другой — къ Мазо, не выходившему еще изъ кабинета маклеровъ.

Безъ десяти минутъ часъ прибылъ Мозеръ, блѣдный послѣ приступа болѣзни печени, страданія которой не давали ему всю предыдущую ночь ни на минуту сомкнуть глазъ. Онъ замѣтилъ Пильеро, что сегодня всѣ присутствующіе глядятъ желтыми и имѣютъ нездоровый видъ. Пильеро, котораго приближеніе катастрофы дѣлало еще болѣе самоувѣреннымъ, какъ истиннаго героя съ большой дороги, разразился хохотомъ.

— Это вы сами, *mon cher*, пожелтѣли, а всѣ мы, напротивъ, очень веселы. Вотъ погодите, мы устроимъ вамъ такую каверзу, что долго насъ будете помнить.

На самомъ же дѣлѣ господствовала всеобщая тревога въ этой сумрачной залѣ, еле озаряемой желтоватымъ отблескомъ пасмурнаго дня; тоскливое настроеніе сказывалось прежде всего въ ослабѣвшемъ гулѣ голосовъ. Не было уже возбужденнаго рокота дней повышательной горячки, не было мощнаго шума, напоминавшаго морской приливъ, гудѣвшаго прежде. Теперь не суетились, не кричали уже, а молча продавались сквозь толпу, шептались, точно въ комнатѣ, гдѣ лежитъ опасно больной. Хотя стеченіе публики было весьма значительное, и становилось все тѣснѣе и многочислнѣе, но слышался только шопотъ, боязливыя недоговариваемыя фразы, робкія сообщенія тревожныхъ слуховъ, печальныхъ новостей, передаваемыхъ другъ другу на ухо. Многіе совсѣмъ молчали, блѣдные, разстроенные, съ широко раскрытыми глазами, вглядывавшимися печально въ лица окружающихъ.

— Что-жъ вы ничего не скажете, Сальмонъ? спрашивалъ Пильеро тономъ вызывающей ироніи.

— Чортъ возьми! бормоталъ Мозеръ. — Да онъ не лучше другихъ; ему тоже нечего сказать. Онъ просто труситъ.

Дѣйствительно, сегодня загадочная молчаливость Сальмона никого не интересовала, потому что и всѣ молчали въ тяжеломъ ожиданіи.

Только вокругъ Саккара толкалась цѣлая группа его кліентовъ, мучимыхъ неизвѣстностью, ожидавшихъ отъ него успокоительнаго слова. Послѣ замѣтили, что Дегремонъ все не явился на Биржу, также какъ и Гюре, безъ сомнѣнія, уже предувѣдомленный заранѣе и обратившійся снова въ преданнаго слугу Ругона. Кольбъ, среди группы банкировъ, дѣлалъ видъ, что онъ очень занятъ крупной операціей арбитража. Маркизь де-Богенъ, равнодушный къ капризамъ счастья, преспокойно прохаживался, высоко закинувъ блѣдную маленькую аристократическую голову; онъ былъ увѣренъ въ несомнѣнномъ выигрышѣ, потому что далъ приказъ Мазо купить акцій Всеобщаго банка на такую же сумму, на какую поручилъ Жакоби продать ихъ. А Саккаръ, осаждаемый толпою вѣрующихъ и простодушныхъ кліентовъ, казался особенно любезнымъ и разговорчивымъ съ Седиллемъ и Можандромъ, которые съ дрожащими губами, умоляющими взглядами силились отыскать въ выраженіи лица своего патрона надежду на торжество. Саккаръ крѣпко жалъ имъ руки, какъ бы желая подтвердить этимъ пожатіемъ свое обѣщаніе непременно побѣдить враговъ. При этомъ, какъ человѣкъ вполнѣ счастливый, застрахованный отъ всякихъ крупныхъ бѣдствій, Саккаръ жаловался друзьямъ на постигшую его непріятность:

— Сегодня я очень огорченъ. Представьте себѣ, во время послѣднихъ морозовъ забыли убрать со двора мою превосходную камелію, и она пропала.

Эта фраза облетѣла всю залу; многіе пожалѣли камелію. Какой человѣкъ — этотъ Саккаръ! какая твердая увѣренность въ себѣ! какое умѣнье подъ всегда улыбающимся лицомъ скрывать свои ощущенія! На немъ постоянно какъ бы маска, заслоняющая всѣ его тяжелыя заботы, которыя другаго давно бы скрючили въ дугу.

— Ахъ подлець! какъ онъ красивъ! проворчалъ Жантру на ухо Массіасу, вернувшемуся въ залу.

Въ эту минуту какъ разъ Саккаръ подовалъ Жантру къ себѣ, вспомнивъ, при всѣхъ своихъ тяжелыхъ думахъ,

что, когда они съ Жантру вмѣстѣ шли послѣ полудня на Биржу, то видѣли экипажъ баронессы Сандорфъ, стоявшій въ улицѣ Броньяръ. Тамъ ли она теперь, въ это критическое мгновеніе? неужели и теперь кучеръ по прежнему неподвижно возсѣдаетъ на высокихъ козлахъ, сохраняя и подъ дождемъ свое каменное величіе, а баронесса за опущенными стеклами нетерпѣливо выжидаетъ курсовъ?

— Разумѣется, онъ тамъ, вполголоса подтвердилъ Жантру. — Она всѣмъ сердцемъ предана вамъ и рѣшилась ни на шагъ не отступать отъ васъ... Мы всѣ непоколебимо стоимъ на своихъ мѣстахъ.

Саккаръ остался доволенъ такой преданностью, хотя и сомнѣвался въ безкорыстїи какъ баронессы, такъ и многихъ другихъ. Впрочемъ, въ слѣпомъ увлеченїи, онъ вѣрилъ еще въ возможность побѣды, заодно со всей толпой акціонеровъ, сгруппировавшихся позади его, пестрой толпой, заключавшей въ себѣ и простыхъ людей, и свѣтскихъ, одинаково проникнутыхъ фанатической вѣрой, одинаково увлеченныхъ, начиная съ важныхъ барынь и кончая служанками.

Наконецъ раздался ударъ колокола; звукъ его пронесся надъ головами биржевиковъ, точно жалобный вой набата. Мазо, дававшій приказы Флори, быстро вернулся къ корзинѣ, а молодой комисіонеръ бросился на телеграфъ; онъ былъ сильно озабоченъ самъ, потому что, неся потери за послѣднее время и будучи принужденъ раздѣлять судьбы Всеобщаго банка, рисковалъ сегодня на крупную сумму; онъ понадеялся на вмѣшательство Дегремона, о коромъ случайно подслушалъ подъ дверьми. Корзина находилась тоже въ большой тревогѣ, такъ какъ маклеры ясно чувствовали, послѣ январской полумѣсячной ликвидаціи, непрочность почвы подъ своими ногами и при своей опытности сознавали хорошо опасность нѣкоторыхъ грозныхъ симптомовъ. Произошли уже многіе частные провалы, рынокъ былъ въ сильномъ напряженїи, потому что черезчуръ переполнился бумагами и началъ уже трещать со всѣхъ сторонъ. Неужели наступаетъ одна изъ тѣхъ страшныхъ катастрофъ, которыя происходятъ неизмѣнно на Биржѣ каждыя 10—15 лѣтъ, одинъ изъ тѣхъ роковыхъ кризисовъ, вызываемыхъ игрою, которые каждое десятилѣтіе опустошаютъ Биржу, какъ моровое повѣтріе? Въ отдѣленїяхъ французскихъ рентъ, на-

личныхъ денегъ, крики казались теперь какъ бы придавленными, толкотня усиливалась, а надъ этой сумятицей возвышались черные силуэты котировщиковъ, съ перомъ въ рукахъ ожидавшихъ курсовыхъ отмѣтокъ. Мазо, ухватившійся руками за красный бархатъ периль, увидалъ по другую сторону круглаго бассейна Жакоби, прокричавшаго густымъ басомъ:

— Предлагаю акціи Всеобщаго... По 2.800 предлагаю Всеобщаго...

Это былъ послѣдній вчерашній курсъ на малой биржѣ. Чтобы немедленно затормозить пониженіе, Мазо счелъ благо-разумнымъ привяты эту цѣну. Его звучный голосъ покрылъ всё остальные:

— По 2.800 я беру... 300 Всеобщаго присылайте!

Первый курсъ такимъ образомъ былъ установленъ. Но Мазо невозможно было его поддержать. Со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія. Онъ отчаянно боролся въ продолженіе получаса, не достигая никакого другаго результата, кромѣ замедленія быстроты паденія. Онъ удивлялся, что его до сихъ поръ и не думаетъ поддерживать кулисса. Что же дѣлаетъ Натансонъ, отъ котораго Мазо ожидалъ приказовъ на покупку? Маклеръ только потому узналъ ловкую тактику Натансона, который, продолжая покупать для Саккара, въ то же время продавалъ за свой счетъ, угадавъ настоящее положеніе дѣлъ своимъ жидовскимъ чутьемъ. Массіасъ, сильно самъ запутавшійся въ повышеніи большими покупками, прибѣжалъ, запыхавшись, сообщить Мазо о перемѣнѣ направленія въ кулиссѣ. Мазо растерялся и выпустилъ свои послѣдніе патроны, затребовавъ сразу акцій по всѣмъ приказамъ, тогда какъ долженъ былъ производить покупки понемногу до прибытія подкрѣпленія. Требованіе Мазо повысило немного курсы: съ 2.500 они возвратились къ 2.650, порывисто, рѣзкими скачками, какъ въ самые бурные дни. На одно мгновеніе безграничная надежда воскресла и у Мазо, и у Саккара, и у всѣхъ тѣхъ, кто посвященъ былъ въ секретную диспозицію сегодняшняго сраженія. Если курсъ повысился теперь, въ началѣ собранія, значитъ компанія выиграна, побѣда грянетъ внезапно, когда подойдетъ резервъ и ударить во флангъ понижателей; они сейчасъ смѣшаются и обратятся въ беспорядочное бѣгство. Около Саккара, кліенты его радостно задвигались, Седилль и Можандръ готовы

были цѣловать ему руки, Кольбъ подвинулся ближе, а Жан-тру исчезъ, послѣшивъ въ ту же минуту сообщить баронессѣ Сандорфъ пріятную новость. Въ это мгновение маленький Флори, сіяя восторгомъ, на виду у всѣхъ, отыскивалъ по залѣ Сабатани, служившаго ему теперь посредникомъ, чтобы дать итальянцу новый приказъ на покупку.

Прошло уже 2 часа, и Мазо, которому пришлось вынести на себѣ весь натискъ вражеской атаки, снова началъ ослабѣвать. Его недоумѣніе возрастало: отчего запоздало подкрѣпленіе, до сихъ поръ не явившееся на поле сраженія? Теперь какъ разъ время, чего же медлятъ выручить его изъ невыносимаго положенія, когда онъ уже совсѣмъ изнемогъ? Хотя изъ профессиональной гордости Мазо и сохранялъ въ лицѣ своемъ выраженіе стойкаго хладнокровія, но онъ чувствовалъ, какъ краска сбѣгала съ его щекъ, и боялся блѣдностью выдать свою тревогу. Рычащій Жакоби продолжалъ бросать ему методически цѣлыми кипами предложенія, и Мазо пересталъ уже принимать ихъ. Онъ не смѣлъ взглянуть на врага, зато взоры его поминутно обращались на Деларока, дегремоновскаго маклера, сдержанности котораго онъ не могъ понять. Толстый и коренастый, рыжебородый, съ блаженнымъ и улыбающимся лицомъ послѣ вчерашняго кутежа, Деларокъ оставался спокойнымъ и чего-то ждалъ. Неужели онъ не приметъ всѣхъ этихъ предложеній, не спасетъ акціи отъ паденія посредствомъ приказовъ на покупку, которыхъ, повидимому, накопилась цѣлая масса, судя по бланкамъ въ его рукахъ?..

Вдругъ, своимъ гортаннымъ, слегка охрипшимъ голосомъ Деларокъ выступилъ на поле битвы:

— Предлагаю акціи Всеобщаго банка... предлагаю акціи Всеобщаго...

И въ нѣсколько минутъ онъ выкинулъ на рынокъ этихъ акціи на нѣсколько милліоновъ. Голоса другихъ маклеровъ начали вторить ему. Курсы стали рушиться.

— Предлагаю по 2400... предлагаю по 2300... Сколько?.. 500, 600... Посылайте!

Что же онъ говорить? что случилось? Въмѣсто ожидаемой помощи, новая непріятельская армія показалась изъ сосѣдняго лѣса. Точно при Ватерлоо, когда неявившійся Груши своей измѣной довершилъ поражение. При видѣ густой массы

новыхъ продавцовъ, бѣгомъ спѣшившихъ на подмогу пони-
жателямъ, биржевиками овладѣла паника.

Въ это мгновеніе Мазо почувствовалъ, какъ смерть за-
глянула ему въ лицо. Онъ репортировалъ для Саккара на-
стоятько значительныя суммы, что ясно созналъ неизбеж-
ность своей гибели вмѣстѣ съ крушеніемъ Всеобщаго банка.
Однако его красивая смуглая фигурка съ тонкими усиками
осталась на видъ спокойною и бодрою. Мазо продолжалъ
еще покупать, расходуя послѣдніе полученные имъ приказы,
и его пѣвучій голосъ былъ также звученъ, какъ и во дни
успѣха. Соперники его, стоявшіе прямо противъ него, ры-
чащій Жакоби и толстый Деларокъ, несмотря на усилія
Мазо казаться равнодушнымъ, начали сильно беспокоиться,
потому что понимали всю опасность теперешняго его поло-
женія и старались угадать, заплатитъ ли онъ свои убытки
послѣ пораженія. Ихъ руки тревожно хватались за бархат-
ныя перила, ихъ голоса машинально выкрикивали цѣны по
привычкѣ, но въ то же время въ ихъ горѣвшихъ волне-
ніемъ глазахъ отражался весь ужасъ созерцанія денежной
драмы.

Въ продолженіе послѣдняго получаса биржеваго собранія
наступила настоящая сумятица, полнѣйшее разстройство въ
публикѣ, обратившейся въ беспорядочное отступленіе, еще
болѣе ухудшившее положеніе дѣлъ. Послѣ безграничнаго до-
вѣрія, слѣпаго увлеченія, произошла общая реакція въ сто-
рону безумнаго страха: всѣ бросились продавать, куда не
ушло еще время. Градъ приказовъ на продажу посыпался
въ корзину, куда бланки полетѣли дождемъ. Громадныя кипы
бумагъ, брошенныя очертя голову, ускорили пониженіе и
вызвали настоящую катастрофу. Курсы стали стремительно
падать на 1500, на 1200, на 900. Покупателей уже не было,
и поле битвы пустѣло, застилаясь трупами. Надъ мрачнымъ
водоворотомъ сюртуковъ три котировщика глядѣли могиль-
щиками, записывающими покойниковъ въ свои реестры. Съ
тѣхъ поръ какъ вѣяніе бѣдствія пронеслось по залѣ, всякое
возбужденіе пропало, шумъ толпы затихъ; публика была
ошеломлена страшнымъ крушеніемъ. Грозное молчаніе во-
царилось, когда послѣ удара колокола, возвѣщавшаго за-
крытіе собранія, объявленъ былъ окончательный курсъ ак-
цій Всеобщаго банка въ 830 франковъ. А между тѣмъ дождь
упрямо стучалъ въ стеклянную крышу Биржи, пропускав-

шую теперь въ залу только слабый полусвѣтъ погасающаго дня. Зала превратилась въ сплошную клоаку отъ воды, лившей съ зонтиковъ, и отъ грязи, нанесенной ногами съ улицы. Теперь здѣсь образовалось нѣчто въ родѣ неопрятной конюшни, усѣянной всякаго вида рваными бумажками, а въ корзинѣ пестрѣла гряда бланокъ: зеленыхъ, красныхъ, синихъ, набросанныхъ туда сегодня съ такимъ усердіемъ, что бассейнъ былъ заполненъ до самыхъ краевъ.

Мазо вернулся въ кабинетъ маклеровъ въ одно время съ Жакоби и Деларокомъ. Онъ подошелъ къ буфету, выпилъ стаканъ пива, чтобы утолить жгучую жажду, и долго оглядывалъ обширную комнату съ ея вѣшалкой, длиннымъ столомъ по срединѣ, обставленнымъ рядами креселъ для 60 маклеровъ, съ ея красной бархатной обивкой мебели, — всю эту банальную обветшалую роскошь; кабинетъ похожъ былъ по его мнѣнію, на гостинную перваго класса какого нибудь большаго желѣзнодорожнаго вокзала. Мазо смотрѣлъ вокругъ съ недоумѣвающимъ видомъ человѣка, попавшаго въ первый разъ въ жизни въ подобную обстановку. Потомъ онъ, уходя, молча пожалъ руки Жакоби и Делароку, и всѣ трое поблѣднѣли, несмотря на то, что, казалось, ничего по наружности не перемѣнилось, и они каждый день такъ разставались въ этой же самой комнатѣ. Мазо заранѣе попросилъ Флори подождать его у подъѣзда. Здѣсь онъ засталъ своего комисіонера разговаривающимъ съ Гюставомъ Седилемъ, который недѣлю тому назадъ окончательно покинулъ занятія въ маклерской конторѣ и пришелъ сегодня на Биржу просто изъ любопытства. Этотъ молодой человѣкъ находился въ неизмѣнно веселомъ настроеніи, ведя праздную жизнь, полную удовольствій, и нисколько не интересуясь вопросомъ, хватить ли денегъ у его отца уплатить всѣ долги веселящагося сына. Между тѣмъ Флори дѣлалъ страшныя усилія надъ собою, чтобы поддерживать шутиливую бесѣду о разныхъ пустякахъ; онъ только что потерпѣлъ убытокъ, доходившій до 100.000 франковъ, и не зналъ, откуда достать для уплаты этой суммы хотя бы нѣсколько су. Мазо и его помощникъ отправились вмѣстѣ домой подъ проливнымъ дождемъ.

Тѣмъ временемъ въ залѣ Биржи паника въ особенности разразилась около Саккара, потому что здѣсь сраженіе прозвело самыя сильныя опустошенія. Не понимая въ первый

моментъ, что такое случилось, Саккару потомъ пришлось присутствовать при крушеніи своего предпріятія, глядя прямо въ лицо надвигавшейся бѣдѣ. Что это за смятеніе? думалъ сначала онъ. Не выступилъ ли ужь Дегремонъ съ своимъ подкрѣпленіемъ? Потомъ, когда онъ услышалъ быстрое пониженіе курсовъ, все еще не понимая причины бѣдствія, — онъ рѣшился погибнуть геройски. Холодъ пробѣжалъ по его спинѣ; Саккаръ почувствовалъ, что проваливается, и проваливается безповоротно, навсегда. Но онъ сожалѣлъ не о деньгахъ, не о роскошной жизни, которую велъ за послѣднее время, — нѣтъ, все это мало трогало его; его терзало больше всего униженіе побѣжденнаго, его сердце обливалось кровью при видѣ торжествующаго Гундермана, который опять, и на этотъ разъ окончательно, пріобрѣталъ денежное всемогущество, дѣлался опять владыкой Биржи. Въ эту минуту Саккаръ дѣйствительно былъ величественъ, вся его худощавая маленькая фигурка гордо противостояла роковой судьбѣ, глаза смотрѣли прямо, вызывающе, въ лицѣ выражалось упрямство; онъ одинъ выступалъ противъ волнъ отчаянія и озлобленія, готовыхъ хлынуть и снести его прочь. Вся толпа, наполнявшая залу, устремила къ колоннѣ, около которой стоялъ виновникъ крушенія. Съ сжатыми кулаками, съ проклятіями ринулись кліенты на своего бывшего патрона, а на его лицѣ играла безсознательная улыбка, которую можно было принять за дерзкій вызовъ.

Прежде всего среди тумана, заставшаго глаза Саккару, онъ различилъ смертельно блѣднаго Можандра, котораго подѣруку выводилъ капитанъ Шавъ, повторяя зятю, что онъ давно предвидѣлъ роковой конецъ; капитанъ торжествовалъ съ жестокостью мелкаго игрока, довольнаго, что наконецъ-то крупные спекуляторы сломили себѣ шею. Потомъ Саккару бросился въ глаза Седилль съ искаженнымъ лицомъ, имѣвшій видъ коммерсанта, сошедшаго съ ума отъ банкротства своей фирмы; и этотъ несчастный человекъ еще протянулъ своему убійцѣ дрожащую руку, какъ будто заявляя, что онъ и не думаетъ сердиться. При первыхъ же симптомахъ приближающейся катастрофы маркизь де-Богенъ удалился изъ свиты Саккара и перешелъ въ ряды торжествующихъ понижателей, рассказывая Кольбу, который тоже благоразумно отошелъ къ сторонкѣ, что Саккаръ давно внушалъ ему подозрѣніе, еще со времени послѣдняго общаго

собранія. Растерявшійся Жантру снова исчезъ изъ залы, спѣша сообщить объ окончательныхъ курсахъ баронессѣ Сандорфъ, а та, по всей вѣроятности, подверглась истерическому припадку въ своей каретѣ, какъ съ ней это бывало всегда послѣ проигрыша крупныхъ суммъ. Наконецъ передъ Саккаромъ мелькнули и неизбѣжныя фигуры понижателя Мозера и повышателя Пильеро. Они снова сошлись передъ молчаливымъ и загадочнымъ Сальмономъ, и Пильеро по прежнему храбрился, гордо поднявъ голову, несмотря на полное разореніе, а Мозеръ, выигравшій теперь цѣлое состояніе, упорно жаловался на судьбу и продолжалъ пугать окружающихъ своими безконечными опасеніями:

— Вотъ вы увидите, что весной у насъ будетъ война съ Германіей. Скверные слухи приходятъ отовсюду, Бисмаркъ намъ устраиваетъ ловушку.

— Ахъ, оставьте вы эти глупости! гремѣлъ Пильеро.— Вотъ я, напримѣръ, опять попался впросакъ именно потому, что все раздумывалъ, какъ вы. А это-то и скверно: раздумывать. Теперь придется игру начинать сызнова. И, конечно, я все поправлю.

До сихъ поръ Саккаръ еще не падалъ духомъ. Правда, при упоминаніи о Фейё, котораго кто-то называлъ въ толпѣ, объ этомъ вандомскомъ мѣнялѣ, имѣвшемъ крупныя дѣла съ Всеобщимъ банкомъ, Саккару живо представилась вся вереница его кліентовъ, мелкихъ акціонеровъ, вся эта безчисленная масса бѣдныхъ людей, убогихъ капиталистовъ, которымъ предстояла неминуемая гибель подъ развалинами банка. Но вдругъ онъ увидалъ Дежуа, посинѣлаго, шатающегося, и Саккаръ сразу почувствовалъ всю глубину своего несчастія; въ этомъ хиломъ старикѣ передъ нимъ олицетворились всѣ невинно страдающіе, загубленные имъ бѣдняки. Въ то же время, какъ бы вслѣдствіе галлюцинаціи, передъ Саккаромъ возникли блѣдныя печальныя лица графини Бовилье и ея дочери, съ выраженіемъ отчаянія смотрѣвшія на него глазами, полными слезъ. Вотъ въ эту-то минуту Саккаръ, этотъ безжалостный авантюристъ, закаленный двадцатью годами своей разбойничьей дѣятельности, гордившійся тѣмъ, что никогда еще не дрожалъ ни передъ какой опасностью, никогда не испытывалъ усталости въ биржевыхъ схваткахъ, — этотъ самый Саккаръ почувствовалъ упадокъ силъ и опустился на скамейку, стоявшую

возлѣ колонны. А толпа раздраженныхъ кліентовъ все еще подступала къ нему съ угрозами и проклятіями. Онъ поднялъ голову, какъ бы отыскивая выхода, — и вскочилъ, увидя наверху, на галереѣ телеграфа, перевѣсившуюся черезъ перила тучную фигуру Мешень, которая какъ бы оглядывала поле сраженія. Ея старый сакъ изъ черной кожи лежалъ возлѣ нея на перилахъ. Въ ожиданіи, когда онъ наполнится обезцѣненными акціями, Мешень обнюхивала трупы падшихъ въ борьбѣ, какъ прожорливый воронъ, дожившій наконецъ до радостнаго для него дня кровопролитной войны.

Тогда Саккаръ твердой походкой удалился изъ залы. У него было въ этотъ моментъ ощущение какой-то внутренней пустоты, но необыкновеннымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ себя идти медленно и спокойно. Только чувства его точно притупились; онъ не сознавалъ, что идетъ по тротуару, а какъ будто это былъ мягкій коверъ. Глаза тоже какъ будто подернулись дымкой, а въ ушахъ стоялъ странный шумъ. Пока онъ выходилъ изъ Биржи и спускался по ступенямъ входа, онъ смотрѣлъ на знакомыхъ людей и не узнавалъ ихъ, точно это были призраки, неясно колебавшіеся въ пространствѣ и издававшіе какіе-то глухіе, сдавленные звуки. Кажется, это промелькнуло широкое злобное лицо Буша? Кажется, онъ, Саккаръ, остановился тогда на минутку поговорить съ Натансономъ, но о чемъ — неизвестно; да и голосъ Натансона какъ будто доносился откуда-то издалека. Сабатани и Массіасъ, помнится, провожали его, Саккара, черезъ осwirѣпѣвшую, бушующую толпу. Посреди многочисленныхъ группъ совѣщавшихся биржевиковъ, очень можетъ быть, что были и Седиль, и Можандръ, да и много другихъ, но всѣ эти лица поминутно мѣнялись: то исчезали, то опять появлялись. И когда Саккаръ прощался съ ними, чтобы удалиться туда, въ слякоть и подъ дождь, затопившій весь городъ, — онъ повторилъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ всему сборищу призраковъ, желая показать имъ величіе своего непобѣдиимаго духа:

— Ахъ, какъ огорчила меня сегодня эта бѣдная камелія, забытая на дворѣ и погибшая отъ мороза!

XI

Встревоженная Каролина въ тотъ же вечеръ телеграфировала брату, находившемуся тогда въ Римѣ и рассчитывавшему остаться тамъ еще недѣлю. Три дня спустя, Гамеленъ прибылъ въ Парижъ, спѣша узнать подробности катастрофы.

Объясненіе, довольно рѣзкое, между Саккаромъ и инженеромъ произошло въ улицѣ Сень-Лазарь, въ той самой комнатѣ, украшенной чертежами и акварелями, гдѣ впервые, нѣкогда, затѣяно было основаніе Всеобщаго банка и рѣшено съ такимъ энтузіазмомъ. Въ теченіе трехъ дней положеніе Биржи страшно ухудшилось, акціи Всеобщаго банка упали постепенно ниже своей номинальной стоимости, дошли до 430 франковъ, а пониженіе все еще продолжалось; все предпріятіе трещало и рушилось съ каждымъ часомъ.

Каролина молча слушала, какъ спорили между собою близкіе ей люди, избѣгая всякаго вмѣшательства. Она чувствовала сильныя укоры совѣсти, потому что обвиняла себя въ соучастіи съ Саккаромъ, потому что сама же общала слѣдить за его дѣйствіями и, тѣмъ не менѣе, предоставляла ему полную свободу. Въмѣсто того чтобы удовольствоваться одною продажей своихъ акцій съ цѣлью помѣшать ихъ повышенію, ей слѣдовало бы другимъ какъ нибудь способомъ открыть публикѣ глаза, наконецъ дѣятельно противиться биржевой игрѣ. Каролина обожала брата, и ея сердце обливалось кровью при видѣ его до такой степени скомпрометированнымъ, пораженнымъ страшной новостью какъ разъ среди самаго разгара его грандіозныхъ предпріятій; мечты всей его жизни поставлены были теперь на карту. Каролина страдала еще болѣе, чувствуя, что не можетъ сурово осуждать Саккара: вѣдь она любила же его и даже связана была съ нимъ тайными узами, которыхъ теперь такъ стыдилась. Положеніе ея между этими двумя людьми, борьба противоположныхъ чувствъ терзали ее. Вечеромъ, послѣ катастрофы, въ порывѣ откровенности, она напала на Саккара и высказала ему прямо все, что давно уже накопилось въ ея сердцѣ: всѣ упреки и разочарованія. Но, видя его улыбающимся, стойкимъ и непоколебимымъ по преж-

нему, она спохватилась, вспомнивъ, что именно теперь-то его и нужно, напротивъ, поддержать, а не добивать окончательно, что она не имѣетъ даже права теперь такъ яро нападать на него, когда прежде сама же поддакивала ему. Оттого она и молчала въ настоящее время, оставаясь только свидѣтельницей горячаго спора и сохраняя холодное равнодушіе.

Зато Гамеленъ на этотъ разъ не выказалъ обычной уступчивости человѣка, занятаго исключительно своей спеціальностью, — и увлекся. Сильно волнуясь, онъ порицалъ биржевую игру, которой Всеобщій банкъ предавался съ безумной неосторожностью, прямо съ какимъ-то сумасшедшимъ упрямствомъ. Несомнѣнно, Гамеленъ не причислялъ себя къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что банкъ не долженъ поддерживать на Биржѣ своихъ бумагъ, и, въ видѣ примѣра, указываютъ на нѣкое общество желѣзныхъ дорогъ; это, конечно, пустяки: желѣзнодорожныя общества имѣютъ громадное имущество, въ видѣ подвижнаго состава, и получаютъ крупныя доходы, тогда какъ все имущество любого банка заключается въ его кредитъ; кредиту стоять колебаться — и банкъ рушится. Но однако надо же знать и мѣру кредита. Если представлялось необходимымъ и даже благоразумнымъ поднять курсъ акцій до 2000 франковъ, то становилось бессмысленнымъ, прямо преступнымъ желать довести этотъ курсъ до 3000 и выше. Тотчасъ же по приѣздѣ изъ Рима Гамеленъ потребовалъ, чтобы ему сообщили правду о банковскихъ операціяхъ, всю правду. Теперь ужъ нечего лгать, болтать публично всякій вздоръ, какъ это пришлось ему выслушать на послѣднемъ общемъ собраніи, когда въ его присутствіи смѣло заявили, что банкъ не оставилъ за собою ни одной акціи. Гамеленъ разсмотрѣлъ книги и тотчасъ же нашелъ въ нихъ массу лжи, и прежде всего счетъ Сабатани; подъ этимъ подставнымъ лицомъ, какъ было извѣстно Гамелену, скрывались всѣ операціи, дѣлаемые банкомъ за свой счетъ. Инженеръ могъ легко прослѣдить, мѣсяць за мѣсяцемъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, постепенное возрастаніе саккаровскаго увлеченія: сначала скромныя, осторожныя покупки, потомъ все болѣе и болѣе значительныя и наконецъ въ результатѣ огромная цифра: двадцать семь тысячъ акцій, стоившихъ банку почти сорокъ во семь милліоновъ. Ну, развѣ это не было сумасшествіемъ,

непростительной глупостью, какой-то насмѣшкой надъ людскою довѣрчивостью — прикрывать подобныя крупныя дѣла именемъ какого-то Сабатани? Но Сабатани былъ не единственнымъ подставнымъ лицомъ, были и другія, разные служащіе въ банкѣ, даже администраторы общества, покупки которыхъ на наличныя деньги, записанныя на репортъ, доходили до двадцати тысячъ акцій, представлявшихъ собою еще капиталъ приблизительно въ сорокъ восемь милліоновъ. Но это еще все идутъ покупки кое-какъ оплаченныя, а къ нимъ надо еще прибавить покупки на сроки, произведенныя въ теченіе послѣдней январской ликвидаціи и составляющія болѣе двадцати тысячъ акцій на сумму въ шестьдесятъ семь милліоновъ, которыя остались непокрытыми банкомъ. Потомъ, на ліонской биржѣ еще куплено десять тысячъ акцій — значитъ, еще на двадцать четыре милліона. А если сложить все это, оказывается, что банкъ имѣлъ въ своихъ рукахъ около четверти своихъ же собственныхъ акцій и заплатилъ за эти акціи ужасную сумму въ двѣсти милліоновъ. Такимъ образомъ онъ самъ себя вырылъ яму, въ которую и провалился.

Отъ печали и гнѣва слезы стояли въ глазахъ Гамелена. А онъ только что еще такъ удачно положилъ основаніе въ Римѣ крупному католическому банку, Сокровищницѣ Гроба Господня, съ помощью котораго папа, въ виду грозившаго ему преслѣдованія, могъ бы переселиться въ Іерусалимъ и тамъ возсѣсть на тронъ, среди вѣковыхъ святынь. Этотъ новый банкъ предназначался для обезпеченія существованія папской власти въ Палестинѣ, независимости ея отъ политическихъ переворотовъ, основавъ бюджетъ новаго государства, подъ гарантіей всѣхъ доходовъ страны, на цѣлой серіи выпусковъ акцій, которыя христіане всего міра разбирали бы нарасхватъ. И все это сокрушилось разомъ изъ-за глупѣйшей биржевой игры! Уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Парижа, Гамеленъ оставилъ балансъ общества въ превосходномъ состояніи, цѣлыя милліоны въ кассахъ, банкъ быстро и успѣшно оперирующимъ до того, что всѣ кругомъ удивлялись, — и менѣе чѣмъ мѣсяць спустя, когда онъ возвратился, милліоны исчезли, общество рушилось въ прахъ, осталась одна черная смрадная пропасть. Волненіе Гамелена все возросло, онъ рѣзко требовалъ объясненій, хотѣлъ узнать, наконецъ, какая таинственная сила заставила

Саккара съ такимъ ожесточеніемъ заняться разрушеніемъ имъ же воздвигнутаго колоссальнаго зданія, вытаскивать изъ его фундамента камень за камнемъ, воображал, что онъ этими камнями достраиваетъ верхушку.

Саккаръ отвѣчалъ очень опредѣленно и безъ всякой злости. Послѣ первыхъ часовъ смущенія и упадка духа, онъ ободрился, снова пришелъ въ себя и снова возвратился къ прежней энергіи, къ прежней непоколебимой надеждѣ. Настоящую ужасную катастрофу вызвала измѣна союзниковъ банка, но, въ сущности, ничего еще не потеряно, все можно поправить. Если Всеобщій банкъ имѣлъ такой быстрый и блестящій успѣхъ, то развѣ онъ не обязанъ этимъ именно тѣмъ самымъ средствамъ, за которые теперь упрекаютъ его талантливаго директора? Созданіе синдиката, послѣдовательныя увеличенія капитала, преждевременный балансъ послѣдняго отчета, акціи, оставленные за банкомъ, и, повдѣе, покупка ихъ массами, уже безъ всякой осторожности—развѣ все это не было настоятельно необходимо? Развѣ участвуешь въ успѣхѣхъ предпріятія, нужно быть готовымъ и на рискъ. Если слишкомъ разжигаютъ топку въ паровой машинѣ, она, конечно, можетъ и лопнуть. Но вообще онъ, Саккаръ, не признаетъ за собой никакой вины; онъ просто, какъ сметливый и энергическій чловѣкъ, поступалъ съ большею широтою взгляда, но такимъ же образомъ, какъ поступаютъ всѣ директора всякаго банка. При этомъ Саккаръ не высказалъ своей геніальной идеи, своего гигантскаго плана выкупить всѣ акціи и побѣдить Гундермана. У него не хватило денегъ—вотъ и все. Теперь приходится начинать сызнова. Чрезвычайное общее собраніе будетъ созвано въ будущій понедѣльникъ, и онъ, Саккаръ, вполне увѣренъ въ своихъ акціонерахъ; онъ непремѣнно добьется отъ нихъ необходимыхъ жертвъ и убѣжденъ въ томъ, что стоитъ ему сказать одно слово—и они довѣрятъ банку все свое состояніе. А въ ожиданіи этого можно будетъ кое-какъ продержаться, заимствуясь небольшими суммами у другихъ крупныхъ банковъ, которые съ охотою откроютъ кредитъ Всеобщему банку на ежедневные необходимые расходы изъ одной ужъ боязни слишкомъ быстрого его крушенія, могущаго поколебать вообще денежный рынокъ. Когда пройдетъ кризисъ, все пойдетъ по прежнему, и дѣла снова примутъ блестящій оборотъ.

— Но, возразилъ Гамеленъ, нѣсколько успокоенный непоколебимой самоувѣренностью Саккара: — не опасны ли эти одолженія, которыя такъ охотно предлагаютъ намъ наши соперники? не скрывается ли въ этой предупредительности ихъ особой тактики? не хотятъ ли они сначала обезпечить себя отъ крупныхъ потерь, чтобы потомъ тѣмъ вѣрнѣе уничтожить насъ и отрѣзать намъ уже всякій путь къ успѣху?.. Особенно меня беспокоитъ то обстоятельство, что въ теперешней поддержкѣ нашего банка участвуетъ Гундерманъ.

Дѣйствительно, Гундерманъ одинъ изъ первыхъ открылъ кредитъ Всеобщему банку, чтобы избѣгнуть немедленнаго объявленія его несостоятельности, и тѣмъ проявилъ свой необыкновенный практическій смыслъ. Онъ поджегъ домъ своего сосѣда, но тотчасъ же заготовилъ и воду для тушенія пожара, чтобы не сгорѣло его собственное жилище. Гундерманъ стоялъ выше мелкой мстительности; ему довольно было и того, чтобы остаться первымъ въ свѣтѣ ростовщикомъ, самымъ богатымъ и самымъ ловкимъ, пожертвовавшимъ всѣми своими личными страстями ради постоянного увеличенія своего состоянія.

Саккаръ нетерпѣливымъ жестомъ прервалъ разсужденія Гамелена; его и такъ уже давило сознание удивительной предусмотрительности и такта, съ которымъ держалъ себя его счастливый соперникъ.

— О, Гундерманъ хвастается своимъ великодушіемъ! воскликнулъ онъ. — Онъ думаетъ окончательно уничтожить меня своими благодѣяніями.

Продолженіе будетъ

ДРУГЪ

Повѣсть

XIII

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Шипилова, писавшая письмо въ своей спальнѣ, вдругъ услышала, что въ прихожую какъ будто вошелъ кто-то. Она невольно подняла голову и прислушалась, спрашивая сама себя: заперла ли она дверь? Конечно, заперла; она ни на минуту не оставляетъ дверь открытой... По всей вѣроятности, это кто нибудь прошелъ по коридору или вошелъ въ одинъ изъ сосѣднихъ номеровъ... Однако, прежде чѣмъ она успѣла перечитать послѣднія написанныя ею слова и обмакнуть перо въ чернильницу, шаги послышались уже въ сосѣдней комнатѣ, и на этотъ разъ совершенно отчетливо. Оттолкнувъ кресло, въ которомъ сидѣла, и схвативъ лампу, Шипилова поспѣшно подошла съ нею къ двери въ приемную комнату. Шагахъ въ двухъ отъ этой двери, держа въ одной рукѣ шапку, а въ другой платокъ, стоялъ Шипиловъ и вытиралъ усы. Увидѣвъ жену, онъ улыбнулся съ нѣсколько смущеннымъ видомъ и низко поклонился ей.

— Это еще чтѣ такое? вскричала Шипилова, отступивъ назадъ. — Какъ могли вы попасть сюда, когда я очень хорошо знаю, что заперла дверь!..

— Заперли, заперли, подтвердилъ Шипиловъ, настолько же подвинувшись впередъ, насколько она отступила назадъ. —

Я самъ видѣлъ, что дверь заперта, даже на два оборота ключа. Только... вы не потрудились прежде притворить ее, какъ слѣдуетъ; поэтому задвижка замка такъ и осталась въ пустомъ пространствѣ, ничего не заперевъ... только оцарапала мнѣ руку...

Дверь въ коридоръ дѣйствительно затворялась нѣсколько туго. Съ Шипиловой уже случилось мѣсяца два назадъ, что, когда она заперла дверь и хотѣла идти спать, эта запертая, какъ ей казалось, дверь внезапно растворилась настежь отъ порыва сквознаго вѣтра, ворвавшася въ отворенную форточку. Вспомнивъ этотъ случай, Катерина Андреевна не сказала ничего, но посмотрѣла на мужа недобѣрчивымъ и враждебнымъ взглядомъ.

— Кажется, вы думаете, я способенъ на то, чтобы поддѣлывать ключи къ чужимъ дверямъ или отпирать ихъ отмычкой? спросилъ Шипиловъ.

Она поставила на столъ лампу, оттянувшую ей руки, и, нахмутивъ брови, кусая губы, думала: какъ ей теперь выжить отсюда эту блѣдную гадину съ лихорадочно свѣтящимися глазами? развѣ пойти и позвать сюда Леденева? Но ей не хотѣлось обращаться къ помощи Леденева; потому что она и его тоже начала почти ненавидѣть.

— Да? считаете способнымъ даже и на это? повторилъ Шипиловъ, истолковывая ея молчаніе въ смыслѣ утвердительнаго отвѣта.

— Кого?.. на что?.. съ досадой проговорила она сквозь зубы, глядя не на него, а на свои карманные часы, показывавшіе половину 9-го.

— Считаете меня способнымъ даже и на то, чтобы поддѣлывать ключи къ дверямъ?..

— Ахъ, право же, мнѣ не приходилось размышлять о томъ, на что вы способны или неспособны! пренебрежительно отвѣтила она, отмахнувшись рукой отъ его вопросовъ, какъ отъ назойливыхъ мухъ. — Знаю только, что вламываться въ запертыя для васъ двери — на это вы способны... всюду

преслѣдовать женщину, которой эти преслѣдованія въ высшей степени тяжелы и неприятны, — на это вы тоже способны... а впоследствии, быть можетъ, окажется, что вы способны и на нѣчто еще лучшее.

И сегодня, какъ почти всегда, Шипиловъ шелъ къ женѣ съ самыми миролюбивыми намѣреніями разъяснить ихъ положеніе и откровенно поставить вопросъ: неужели существующія между ними тягостныя отношенія невозможно замѣнить иными, если не дружескими, не товарищескими, то хоть добрыми отношеніями старыхъ знакомыхъ, которые, несмотря на временно разъединившія ихъ недоразумѣнія, все же сохранили нѣкоторую привычку другъ къ другу? Но стоило ему только стать лицомъ къ лицу съ Катериной Андреевной и услышать первыя же обращенныя къ нему слова ея, какъ въ немъ тотчасъ же начало, что называется, кипѣть сердце... Не хочеть смотрѣть на него!.. не хочеть слушать!.. относится къ нему съ такимъ пренебреженіемъ, какъ будто онъ таскалъ у нея деньги съ помощью подобранныхъ ключей!.. Какъ смѣетъ обращаться съ нимъ такимъ образомъ она... она?.. Сейчасъ онъ объяснить ей, что такое она...

— А, вамъ не нравятся эти преслѣдованія! сказалъ онъ задрожавшимъ голосомъ. — Неприятны!.. даже въ высшей степени неприятны!.. И однако-жъ вы еще не доискались до того источника, изъ котораго они происходятъ, и продолжаете клясть за нихъ меня... меня!.. Ну, дѣлать нечего, придется объяснить вамъ, что клясть должны вы не меня, а саму себя...

Катерина Андреевна съ безпокойствомъ замѣтила, что на блѣдныхъ щекахъ его выступили красныя пятна, а въ лихорадочно блестящихъ глазахъ появилось что-то угрожающее. Нѣтъ, какъ это ни неприятно, а придется, должно быть, позвать Леденева...

— Можете не трудиться: мнѣ не нужно вашихъ объясненій. Я не расположена ихъ слушать, отрывисто сказала

она, какъ бы въ раздумьѣ проходя по комнатѣ, и вдругъ быстро повернула къ двери.

Шипиловъ не ожидалъ этого, однако почти машинально загородилъ ей дорогу.

— Какъ! вы не хотите пропустить меня?! съ видомъ величайшаго удивленія спросила она.

— Извините, нѣтъ... прежде я скажу вамъ то, что давно собирался сказать... Нужно же когда нибудь объясниться.

— Вы хотите, чтобы я закричала и позвала прислугу?!

— Попробуйте, угрюмо сказалъ онъ, затворяя у себя за спиной дверь въ приемную комнату.

Шипиловъ хотѣлъ сказать только то, что врядъ ли кто нибудь услышитъ ее сквозь стѣны, сквозь затворенныя двери, да притомъ еще въ этомъ постоянно безлюдномъ концѣ коридора. Но Катеринѣ Андреевнѣ подумалось, что онъ ей угрожаетъ... Въ самомъ дѣлѣ, чего только нельзя ожидать отъ этого сумасшедшаго человѣка, въ особенности въ такія минуты, когда у него кровь бросается въ голову и проступаетъ такими яркими пятнами на щекахъ. При первой же попыткѣ позвать на помощь возьметъ за горло — вотъ и все... Сосѣдніе номера стоятъ пустыя; прислуга вѣчно занята въ другомъ концѣ коридора; Леденева, можетъ быть, нѣтъ дома... Катеринѣ Андреевнѣ стало дѣлаться страшно. Неувѣренными шагами, косясь въ сторону мужа, она отошла въ дальній уголъ комнаты, къ окну, около котораго стояли этажерка и раскрытый ломберный столъ. Тамъ она стала за кресло и, положивъ локти на его спинку, закрыла лицо руками. Нечего больше дѣлать — приходится покориться и предоставить этому негодяю безнаказанно говорить все, что онъ ни вздумаетъ. Ахъ еслибы у нея была сила, простая, грубая физическая сила!

— Кажется, вы плачете? спросилъ Шипиловъ.

Она быстро отняла ладони отъ глазъ и взглянула на него полнымъ ненависти взглядомъ.

— И не думаю!

— Мнѣ показалось, плачете... Все таки ваше положеніе теперь весьма »тяжело и непріятно«, »даже въ высшей степени непріятно«, какъ вы изволили выразиться, насмѣшливо сказалъ Шипиловъ. — Ну, что дѣлать! Повторяю: не меня надо винить въ этомъ, не я создалъ странное и неопредѣленное ваше положеніе — вы его создали... Поймите же наконецъ, что всѣ эти непріятности, всѣ преслѣдованія и тревоги, которыя вамъ приходится испытывать, — все это неизбежная казнь... казнь за ложь, которую вы себѣ позволили, за преступленіе, которое вы совершили... Конечно, вы не понимаете, о чемъ я говорю... вы не находите, чтобы совершили какое нибудь преступленіе... Гдѣ же вамъ понять!.. А между тѣмъ это преступленіе несомнѣнно существуетъ, и заключается оно въ томъ, что вы пошли за меня замужъ, не только не любя меня, но даже не чувствуя ко мнѣ ни тѣни... ну, хоть привязанности, что ли, или дружескаго, добраго расположенія. Вы пошли за меня единственно со злости на то, что человѣкъ, за котораго вы рассчитывали выйти, обманулъ ваши ожиданія и женился на другой... Или, можетъ быть, вы станете отрицать это?

Катерина Андреевна не отвѣчала и, казалось, даже не слушала его, а была вся поглощена разыскиваньемъ какой-то понадобившейся ей вещи. Она заглянула въ ящикъ стола, отперла и открыла одну шкатулку, стоявшую на этажеркѣ, потомъ другую, наконецъ сняла со стѣны висѣвшую на гвоздѣ дорожную сумку и въ ней отыскала то, что ей было нужно. Опустивъ эту найденную вещь въ карманъ, Катерина Андреевна по прежнему оперлась локтями на спинку кресла и опять полузакрыла лицо руками. Ахъ какъ она ненавидѣла, какъ ненавидѣла этого отвратительнаго человѣка, подло пользующагося тѣмъ, что его некому вышвырнуть за дверь! »Казнь«, онъ говоритъ... Дѣйствительно, онъ является для нея истиннымъ божескимъ наказаніемъ, какимъ-то злымъ духомъ, который преграждаетъ ей путь на

каждомъ шагу, портить всякое начинаніе, отравляетъ всю жизнь. Умри онъ теперь отъ своего аневризма — и съ нея тотчасъ же словно свалились бы оковы, передъ нею въ ту же минуту открылись бы самыя блестящія перспективы, потому что — вѣдь несомнѣнно — она, еслибы только захотѣла, могла бы хоть на другой же день послѣ этого выйти замужъ за одного изъ самыхъ богатыхъ людей въ этомъ богатомъ городѣ. Говорятъ, что у этого влюбившагося въ нее чудака до 40.000 годового дохода... до 40.000!.. Съ нею дѣлается что-то въ родѣ головокруженія всякій разъ, когда она думаетъ объ этой страшной массѣ денегъ и о томъ, что, повидимому, такъ легко могла бы сдѣлаться ея обладательницей... Ахъ, но что объ этомъ думать!.. Ей нѣтъ ни въ чемъ, ни въ чемъ счастья и, какъ видно, никогда не будетъ!.. Одно время она надѣялась было, что такой влюбленный и преданный другъ, какъ Леденевъ, такъ или иначе освободитъ ее наконецъ отъ этого злаго духа; но, разумѣется, и эти надежды оказались напрасными. Къ какимъ только средствамъ она ни прибѣгала, чтобы расшевелить этого »друга«, вдохнуть въ него хоть частицу своей ненависти, — нѣтъ, Леденевъ только вздыхалъ и повторялъ свои противныя сантиментальныя глупости... Ни въ чемъ, ни въ чемъ ей нѣтъ счастья и, какъ видно, никогда не будетъ!..

Между тѣмъ Шипиловъ, напрасно дожидавъ отвѣта, продолжалъ еще угрюмѣе и злѣе:

— Нѣтъ? не станете отрицать?.. и хорошо сдѣлаете, потому что странно было бы отрицать очевидное... Вѣдь еслибы вы хоть немного любили меня, наша жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе... Еслибы вы чувствовали ко мнѣ хоть сколько нибудь привязанности, развѣ вы бросили бы меня именно въ то время, когда я очутился, что называется, на краю гибели: потерялъ состояніе, упалъ духомъ, началъ пить... Еслибы у меня была въ то время не жена, а просто какая нибудь наемная экономка или квартирная хозяйка, такъ и та не рѣшилась бы бросить меня, сказала

бы сама себѣ: »ну какъ его оставить одного въ такое время, вѣдь жалъ!..« Но по вашему разумѣнію именно тогда-то и слѣдовало меня бросить, потому что какая же радость жить съ человѣкомъ, который разорился, совсѣмъ потерялъ голову и, въ довершеніе всего, началъ еще пить... какъ разъ самое настоящее время бросить, его и поискать себѣ чего нибудь другаго... Вы такъ и сдѣлали... Вамъ не пришло только, да, разумѣется, и не могло придти въ голову простое, повидимому, соображеніе, что вѣдь я не вещь, а живой человѣкъ, и меня, можетъ быть, не такъ легко бросить, какъ вышедшій изъ моды зонтикъ или старую перчатку. Вѣдь вы прожили со мной не три дня, а три года... Три года—много, много времени, Катерина Андреевна; когда два человѣка прожить столько времени почти неразлучно, то ничего нѣтъ мудренаго, если одинъ изъ нихъ привыкнетъ къ другому. Вотъ въ чемъ дѣло, Катерина Андреевна: привыкнетъ... Вы совершенно искренно изволите теперь возмущаться тѣмъ, что я преслѣдую васъ и не даю вамъ покоя. Да развѣ мнѣ доставляетъ какое нибудь особенное счастье — преслѣдовать васъ? — никакого счастья, ничего, кромѣ тоски и страданія... Я преслѣдую васъ единственно потому, что, на мое несчастіе, успѣлъ привыкнуть къ вамъ... Зачѣмъ вы позволили укорениться во мнѣ этой привычкѣ? зачѣмъ вы прожили со мной не три дня, а три года? зачѣмъ вы выходили за меня замужъ, когда не чувствовали ко мнѣ ни любви, ни расположенія? зачѣмъ лгали и обманывали?..

Замѣтивъ, что она вдругъ приподняла опущенную голову и взглянула на него, какъ будто собиралась что-то сказать, Шипиловъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. Но она ничего не сказала, только начала нетерпѣливо постукивать ногой.

— Привычка... привычка... есть что-то ужасное въ этой привычкѣ! съ отчаяніемъ въ голосѣ продолжалъ Шипиловъ. — Вѣдь я вижу васъ насквозь... знаю, кажется, достаточно: знаю, что у васъ нѣтъ ни сердца, ни ума, ни даже того, что называется тактомъ, — ничего... Знаю, что чѣмъ дальше

отъ васъ, тѣмъ лучше... И, несмотря ни на что, эта проклятая привычка тянетъ меня къ вамъ, тянетъ противъ моей воли, насильно, какъ воротомъ... Я безпрестанно тревожусь вопросами: гдѣ теперь Катя? съ кѣмъ она? что собирается дѣлать? что задумываетъ?.. Порою я терзаюсь ревностью, порою мнѣ безконечно жаль васъ... Нѣтъ, нѣтъ, Катерина Андреевна!.. остерегитесь на будущее время и примите какія нибудь серьезныя мѣры, чтобы люди не привыкали къ вамъ. Самое лучшее, если вамъ вздумается съ кѣмъ нибудь сойтись, сходитесь на три дня или на три часа...

У Шипиловой не стало больше силъ молчать.

— Кончите ли вы наконецъ? вскричала она, оттолкнувъ кресло, за которымъ стояла.

— Ага, заговорили!.. Вы хотите что нибудь возразить? спросилъ Шипиловъ.

— Нѣтъ... я хочу только знать: скоро ли вы оставите меня въ покоѣ? когда вы перестанете меня оскорблять, пользуясь моею беззащитностью? Вѣдь это гнусно, подло!..

— Ага, ага, заговорили!.. Однако вы не желаете возражать, а желаете только заявить, что я оскорбляю васъ гнусно и подло. До какой степени вы чувствительны къ оскорбленіямъ! до какой степени вы привыкли думать, что люди должны относиться къ вамъ не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ! насмѣшливо говорилъ Шипиловъ. — Да за что уважать-то васъ?! Катерина Андреевна!.. чѣмъ приобрѣли вы право на уваженіе, а ужъ въ особенности на мое уваженіе? Помилуйте! какое тутъ уваженіе!.. На меня иногда находятъ минуты такой ненависти и такого презрѣнія къ вамъ, что я готовъ съ вами сдѣлать не знаю что... не знаю что...

Мертвенно блѣдный отъ дѣйствительно овладѣвшей имъ ненависти къ этой женщинѣ, которая истерзала все его сердце, Шипиловъ сдѣлалъ шага три впередъ.

— Не смѣйте подходить ко мнѣ, не смѣйте! закричала

Катерина Андреевна, подвинувъ кресло, чтобы оно стояло между нею и мужемъ, и протянувъ впередъ руку —

Шипиловъ остановился и посмотрѣлъ на эту руку — на чернѣвшій въ ней маленькій карманный револьверъ съ бѣлою костяною ручкою.

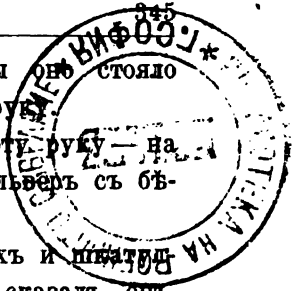
— А, такъ вы вотъ что искали въ столахъ и шкафахъ, беззащитная женщина! саркастически сказалъ онъ, сощуривъ глаза. — И нашли... Вѣдь это тотъ самый, изъ котораго вы чуть было не застрѣлили меня, — помните, — когда мы стрѣляли въ цѣль... помните? — я пошелъ къ мишени, а онъ у васъ нечаянно выстрѣлилъ и продырявилъ мнѣ шляпу... помните?.. Ну, теперь я прежде всего отберу его у васъ, беззащитная женщина...

Да, да, онъ прежде всего отберетъ у нея револьверъ, чтобы она не воображала, что можетъ напугать его этою дрянью... Потомъ онъ затиснетъ обѣ ея руки въ одну свою, и когда она такимъ образомъ будетъ дѣйствительно беззащитна и въ его власти, ну, тогда онъ... оттолкнетъ ее въ уголь и, пожалуй, уйдетъ... захохочетъ ей въ помертвѣвшее лицо, оттолкнетъ ее и уйдетъ...

— Я выстрѣлю! прерывающимся голосомъ сказала Шипилова.

— Да, хорошо, хорошо, проговорилъ онъ сквозь стиснутые зубы, отодвигая въ сторону кресло, за которымъ она стояла.

Въ умѣ Катерины Андреевны промелькнули одна за другою три мысли: первая — что револьверъ, такъ долго валявшійся въ сумкѣ, можетъ быть, не выстрѣлитъ; вторая — что хорошо было бы ранить этого озвѣрѣвшаго негодяя такъ, чтобы онъ долго-долго не могъ выйти изъ больницы; и наконецъ третья — что онъ, по всей вѣроятности, не захочетъ подвергать ее преслѣдованію со стороны полиціи или суда и скажетъ, что ранилъ себя самъ... Съ этою послѣднею мыслью Катерина Андреевна спустила курокъ. Раздался выстрѣлъ и точно толкнувъ Шипилова въ грудь. Откинувъ

пись нѣсколько назадъ, онъ посмотрѣлъ на жену серьезными, чрезвычайно серьезными глазами, будто собирался сказать ей что-то въ высшей степени важное; но затѣмъ вдругъ у него подогнулись ноги, и онъ тихо свалился на полъ, какъ падаетъ шинель или шуба, сорвавшаяся съ вѣшалки.

Косясь на него, Катерина Андреевна машинально поспѣшила проскользнуть къ двери. Онъ упалъ послѣ выстрѣла такъ постепенно, такъ легко и почти безшумно, какъ люди падаютъ, по всей вѣроятности, только нарочно. Что же онъ молчить? и не стонеть... и даже не двигается... Неужели ему могла взбрести на умъ нелѣпая фантазія притвориться мертвымъ и напугать ее?.. или, можетъ быть, онъ въ обморокѣ?

Прошла минута, другая, — Шипиловъ лежалъ по прежнему неподвижно, и по прежнему жена его съ недоумѣніемъ смотрѣла на него издали отъ двери. Не можетъ же быть, чтобы она его убила, — невозможное это дѣло, думалось ей. Наконецъ она рѣшилась подойти къ нему ближе и, остановившись шагахъ въ трехъ отъ него, нагнувшись и вытянувъ впередъ шею, стала пристально всматриваться въ его лицо. Въ тѣни, падавшей отъ стола, она увидѣла все то же мертвенно-блѣдное лицо, все тѣ же расширившіеся глаза, смотрѣвшіе необычайно серьезно и озабоченно, все тѣ же нѣсколько раскрытыя губы, казалось, собравшіяся произнести что-то въ высшей степени важное... Она видѣла съ ужасомъ, что эти глаза, губы, всѣ черты лица остаются совершенно неподвижными, и съ каждою секундою ужась ея все увеличивался и увеличивался. Неужели она убила его?

XIV

Только что возвратившійся домой и зажегшій у себя лампу, Леденевъ вѣшалъ на вѣшалку шубу, какъ вдругъ въ дверь номера послышался уже давно не раздававшійся

условный двойной ударъ, но до того слабый и неопредѣленный, что Леденевъ, по всей вѣроятности, не услышалъ бы его, еслибы не стоялъ въ прихожей. Весь вспыхнувъ отъ неожиданной радости, онъ поспѣшно отворилъ дверь. Шипилова вошла въ нее, но не сейчасъ и совѣтъ не такъ, какъ входила обыкновенно. Теперь она шла точно ощупью, ничего не видя или съ трудомъ передвигая ноги: придерживалась руками за дверь, когда входила въ нее, и потомъ тотчасъ же прислонилась спиною и плечами къ стѣнѣ, выставивъ впередъ ноги.

— Что съ вами, Катерина Андреевна? въ испугъ вскричалъ Леденевъ, первую мысль котораго было то, что она очень-очень больна.

Шипилова медленно приподняла руку и указала ему на дверь.

— Подите туда, невнятно проговорила она.—Посмотрите... я, кажется, убила его... Посмотрите... можетъ быть, онъ еще живъ... Не позвать ли доктора...

Леденеву показалось, что откуда-то прошелъ порывъ пронизывающаго до костей ледянаго вѣтра и охватилъ его съ головы до ногъ. »Убила его!« »Можетъ быть еще живъ!..« Какъ ни часто приходилось ему слышать отъ Шипиловой, что она съ наслажденіемъ убила бы, растоптала бы ногами, растерзала бы своего мужа, — теперь, когда эти слова перестали быть одними только словами, ему всетаки продолжало казаться, что это совершенно невозможное дѣло, и что онъ просто видитъ какой-то слишкомъ тягостный сонъ.

— По-смо-три-те же по-жа-луй-ста! повторила она тѣмъ раздражительно слезливымъ и исполненнымъ нетерпѣнія тономъ, какимъ говорятъ иногда тяжело больные, когда они не въ состояніи сами чего нибудь сдѣлать и принуждены просить объ этомъ другихъ.

Леденевъ торопливо пошелъ въ ея нумеръ. Приемная комната была на половину темна; свѣтъ въ нее проходилъ только черезъ растворенную дверь изъ второй комнаты. Леденевъ

прошелъ по свѣтлой полосѣ въ эту вторую комнату. Въ ней пахло духами и порохоми. Между двумя окнами стоялъ раскрытый ломберный столъ, заставленный письменными принадлежностями, альбомами, маленькими шкатулками и коробками. На краю его горѣла лампа съ темнымъ абажуромъ. Около стола стояло кресло, повернутое передними ножками къ стѣнѣ, а подлѣ него, на полу, какъ большая черная собака, свернувшаяся въ клубокъ у кресла своего хозяина, неподвижно лежалъ Шипиловъ съ подогнутыми въ колѣняхъ ногами.

Леденевъ долго старался отыскать пульсъ на болѣе свободной лѣвой его рукѣ, но потомъ только съ грустью пожалъ эту несовсѣмъ еще похолодѣвшую, совершенно безжизненную руку и оставилъ ее въ покоѣ. Послѣ этого онъ взялъ со стола маленькое овальное зеркальце съ серебряною ручкою и поднесъ его почти къ самымъ губамъ Шипилова.

— Чтò? спросила за его спиной Катерина Андреевна, когда онъ наконецъ взглянулъ на оставшуюся совершенно чистою поверхность зеркальца. Погруженный въ свои печальныя изслѣдованія и мысли, Леденевъ не слышалъ, какъ она вошла въ комнату, не узналъ ея измѣнившагося голоса и, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, испуганно оглянулся на нее.

— Вы заперли дверь? тревожно спросилъ онъ, поднявшись на ноги.

— Нѣтъ.

Стараясь ступать какъ можно тише, Леденевъ прошелъ въ прихожую, заперъ входную дверь, потомъ затворилъ дверь изъ пріемной въ спальную и опять воротился на прежнее мѣсто. Онъ взялъ изъ рабочей корзинки обрывокъ нитки, туго перевязалъ ею по срединѣ послѣдній суставъ одного изъ пальцевъ Шипилова и, свѣсивъ голову на руку, ждалъ— не прилетѣтъ ли кровь къ перевязанному имъ концу пальца, не покраснѣетъ ли и не припухнетъ ли онъ, какъ крас-

нѣтъ и припухаетъ въ этомъ случаѣ у всякаго живаго человѣка. Прошли двѣ, три, четыре минуты, но палецъ оставался совершенно одинаковымъ какъ по ту, такъ и по другую сторону перевязывавшей его нитки: очевидно, сердце перестало биться, и кровь стояла неподвижно въ жилахъ.

— Что? опять спросила Шипилова.

— Умеръ, отвѣчалъ Леденевъ, вздохнувъ.

Онъ положилъ руку Шипилова, какъ она лежала прежде, всталъ съ пола и, отойдя въ сторону, прислонился къ стѣнѣ.

— Умеръ таки! сказала Шипилова, ломая пальцы.— А, видите Богъ, я не хотѣла его убивать... я хотѣла только защититься, ранить его... чтобы онъ опять ушелъ въ больницу и оставилъ меня въ покоѣ...

Леденевъ молчалъ и не смотрѣлъ на нее. Онъ былъ весь полонъ надрывающей душу печали и объ этомъ несчастномъ, лежавшемъ черной массой на стертomъ ногами полу, и объ этой, какъ ему казалось, еще болѣе несчастной, которая столько разъ говорила, что она «съ наслажденіемъ убила бы эту гадину»... Что же она не наслаждается теперь?

— Такъ-то я освободилась наконецъ! такую-то цѣною! съ горечью продолжала Шипилова.— Ахъ, моя звѣзда, звѣзда! ты закатилась съ самаго того дня, какъ умерла моя мать... Съ тѣхъ поръ моя жизнь шла все хуже, хуже, и вотъ наконецъ теперь все кончено... впереди не можетъ быть уже ничего хорошаго.

Леденевъ молчалъ и съ грустью соглашался, что, конечно, очень-очень немного хорошаго можетъ быть впереди у человѣка, передъ умственными очами котораго вѣчно будетъ носиться печальною тѣнью мертвенно-блѣдное лицо того, чью жизнь онъ отнял.

— Ничего, ничего хорошаго! съ отчаяніемъ повторила Шипилова.

Конечно, можетъ случиться, что ее даже и оправдаютъ, потому что вѣдь она, въ сущности, только защищалась отъ

изступленнаго человѣка, который бросился на нее, какъ звѣрь, можетъ быть, съ намѣреніемъ задушить ее. Пожалуй, даже и оправдаютъ, въ особенности если она возьметъ хорошаго адвоката. Но всетаки радости въ этомъ очень немного; всетаки ее будутъ судить... публично... на глазахъ всего города... ея дѣло будетъ печататься въ газетахъ... на ней навсегда останется клеймо убійцы, которое не сотрешь и не скроешь ничѣмъ... На что же хорошее можетъ рассчитывать она, отмѣченная этимъ ужаснымъ клеймомъ? Ясно, что ни на что, никогда; ясно, что отнынѣ для нея все кончено...

— Чтò же... конечно, такъ конечно! рѣзко сказала она, взглянувъ на черную массу, лежавшую на полу, и нервно передернувъ плечами. — Не знаю только: пойти ли, сказать объ этомъ, чтобы по крайней мѣрѣ взяли отсюда и его, и меня... или, можетъ быть, не идти никуда, а спокойно остаться здѣсь?..

Она сдѣлала шага два по направленію къ трупу, но Леденевъ, замѣтившій ея взглядъ и по нему догадавшійся, чтò она намѣревалась дѣлать, — предупредилъ ее. Онъ схватилъ револьверъ, валявшійся на полу, и положилъ его къ себѣ въ боковой карманъ.

— Нѣтъ? по вашему, мнѣ не слѣдуетъ этого дѣлать? насмѣшливо спросила она. — По вашему, мнѣ слѣдуетъ теперь пойти и предать себя въ руки правосудія... а потомъ постараться искупить мое преступленіе... смиреніемъ и добрыми дѣлами... не такъ ли?

— Тише!.. пожалуйста, говорите тише! тревожно оставилъ ее Леденевъ, которому показалось, что кто-то шель по коридору.

— Чтò такое? зачѣмъ я буду говорить тише? не все ли равно теперь? съ досадой спрашивала она и вдругъ, понизивъ голосъ, прибавила: — или, можетъ быть, вы думаете, что можно скрыть это?

Для нея точно блеснулъ свѣтъ въ подавлявшемъ ее

мракъ. Съ оживившимся лицомъ, съ заблестѣвшими глазами она подошла къ Леденеву и, вопросительно глядя на него, шептала:

— А въ самомъ дѣлѣ?.. неужели это невозможное дѣло?.. Другіе скрываютъ же...

Леденевъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на ея совершенно преобразившееся лицо, спрашивая самого себя: »неужели же для нея все дѣло заключается только въ томъ, чтобы уйти отъ суда и огласки?«

— Неужели это невозможное дѣло? повторила она.

— Отчего же невозможное, сказалъ Леденевъ.

Шипилова взяла его руки и, съ мольбой заглядывая ему въ глаза, заговорила страстнымъ, прерывающимся шопотомъ:

— Такъ неужели же вы откажетесь помочь мнѣ?.. Попробуйте какънибудь спасти меня... подумайте... Вѣдь у меня могла бы быть впереди цѣлая свободная жизнь... вѣдь мнѣ всего только 22 года — я хочу жить, а не страдать... вѣдь еслибы удалось это скрыть, тогда все могло бы устроиться хорошо... Подумайте... неужели нельзя найти никакого средства?.. Времени у насъ много... выстрѣла никто не могъ слышать; искать этого несчастнаго никому не придетъ въ голову раньше какъ черезъ нѣсколько дней—кому онъ нуженъ? — а въ нѣсколько дней можно десять разъ уничтожить всякіе слѣды... Подумайте...

Леденевъ долго думалъ и, наконецъ, покачалъ головой.

— Нѣтъ? нельзя?.. дрогнувшимъ голосомъ спросила она. — Вы отказываетесь? Вы обѣщали быть для меня другомъ, братомъ — и однако отказываетесь теперь помочь мнѣ... Послѣ этого на кого же и на что могу я надѣяться?.. зачѣмъ же вы взяли револьверъ?

Леденевъ опять задумался, но, сколько онъ ни думалъ, ему всетаки видѣлось только одно средство спасти Шипилову. Другаго не было... нѣтъ, другаго не было... И какъ ни тяжело и неприятно было прибѣгать къ этому единствен-

ному средству, но что же больше оставалось дѣлать? Не могъ же онъ отойти подальше въ сторону и оставить на произволь судьбы эту несчастную, для которой онъ дѣйстви- тельно обѣщалъ быть другомъ и братомъ...

— Я вовсе не отказываюсь помочь вамъ, сказалъ онъ.— Я только не вижу возможности помочь вамъ тѣмъ путемъ, на который указываете вы. Очень можетъ быть, что чело- вѣку болѣе ловкому и удалось бы схоронить всѣ концы, но я не чувствую себя на это способнымъ... не берусь за это... Да, мнѣ кажется, и не стоитъ браться: достаточно одного какого нибудь неосторожнаго шага или самой пустой слу- чайности, чтобы все дѣло раскрылось, и мы очутились бы въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ находимся теперь. Нѣтъ, нѣтъ, это негодится... Можно все устроить несрав- ненно проще.

У Шипиловой замерло сердце отъ радостнаго волненія.

— Да говорите же... говорите... какимъ образомъ? шеп- тала она, сжимая его руки своими дрожащими и холодными руками.

— Я возьму это на себя.

— Что возьмете на себя? спросила она, не понимая.

— Да все. Я скажу, что это я застрѣлилъ его... раз- умѣется, нечаянно...

Всетаки ничего не понимая, Шипилова продолжала смот- рѣть на него во всѣ глаза.

— Что же изъ этого выйдетъ? спросила она.

— То, что вы останетесь совсѣмъ въ сторонѣ отъ этого дѣла, какъ будто бы были сегодня не здѣсь, а за тысячи верстъ отсюда. Прежде всего я, разумѣется, перенесу этого несчастнаго къ себѣ въ номеръ, а потомъ пойду и заявлю полиціи, что вотъ что случилось: нечаянно застрѣлилъ че- ловѣка. Такимъ образомъ васъ могутъ только спросить: не слышали ли и не знаете ли вы чего нибудь. А вы отвѣ- тите, что ничего не слышали и ничего не знаете... Вотъ и все...

Шипилова наконецъ поняла. Она отступила отъ Леденева шага на два, продолжая смотрѣть на него широко раскрытыми отъ удивленія глазами. Что это такое пришло ему въ голову? какая ему необходимость идти прямо подъ обухъ? или, можетъ быть, у него есть какіе нибудь особенные расчеты, о которыхъ онъ покуда умалчиваетъ?

— Это что-то неслыханное... невозможное... проговорила она наконецъ. — Никогда я не могу согласиться на это!

— Почему же? спросилъ Леденевъ. — За это несчастное дѣло кому нибудь нужно же отвѣчать, — мнѣ кажется, это неизбежно. Но если отвѣчать будете вы, то, по вашимъ же собственнымъ словамъ, вся ваша жизнь будетъ испорчена до того, что лучше и не жить. Если же я возьму эту отвѣтственность на себя, то... говоря откровенно, мнѣ кажется, что въ моей жизни не произойдетъ никакой особенной перемѣны. Что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ мнѣ сдѣлать? будутъ говорить, что я убилъ его не случайно, а умышленно? — да пусть ихъ говорятъ, что имъ вздумается... Во-первыхъ, свидѣтели скажутъ, что отношенія между мной и покойнымъ были самыя хорошія, и, слѣдовательно, мнѣ не изъ-за чего было убивать его; во-вторыхъ, моя прошлая жизнь тоже, я полагаю, будетъ говорить за меня; наконецъ, въ-третьихъ, допустимъ даже, что мои судьбы окажутся почему нибудь предубѣжденными противъ меня и очень строгими, — что же мнѣ могутъ сдѣлать? ну, продержатъ въ тюрьмѣ нѣсколько времени до суда... ну, приговорятъ потомъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ... ну, допустимъ даже почти невозможное, — соплютъ на поселеніе... Что же изъ этого? не все ли мнѣ равно, гдѣ ни жить? развѣ стоитъ говорить серьезно о такихъ пустякахъ!..

— Тюрьма, судъ, ссылка — пустяки!..

— Ну да. Я говорилъ вамъ это уже съ недѣлю назадъ, но вы тогда подумали, что я говорю не серьезно. Или, можетъ быть, вы думаете, что я и теперь шучу? съ горечью спросилъ Леденевъ.

Шипилова съ недоумѣніемъ смотрѣла на него. Чтѣ такое говорилъ онъ съ недѣлю назадъ? какъ онъ могъ съ недѣлю назадъ говорить о тюрьмѣ, о судѣ и ссылкѣ?.. Она все перезабыла и ничего не понимала, кромѣ того только, что, значить, этотъ странный человѣкъ дѣйствительно очень-очень любитъ ее, если готовъ идти ради нея на что угодно. При этой мысли у нея даже навернулись слезы на глаза.

— Никогда, никогда я не приму подобной жертвы! воскликнула она.

Леденевъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Да никакой серьезной жертвы и нѣтъ, съ досадой сказалъ онъ. — Поймите: я не жертвую ровно ничѣмъ, кромѣ развѣ моего мѣста, которое мнѣ уже давно не нравится. Какимъ я былъ, такимъ и останусь; чтѣ у меня было въ настоящемъ и въ будущемъ, то при мнѣ и останется... И наконецъ подумайте: вѣдь вы же сами просили меня, чтобы я искалъ какое нибудь средство скрыть этого несчастнаго...

— То совсѣмъ другое дѣло...

— Да, другое; но другое только въ томъ отношеніи, что оно въ тысячу разъ труднѣе и грозитъ несравненно болѣе тяжелыми послѣдствіями для насъ обоихъ. Вы только представьте себѣ, что, перевозя куда нибудь трупъ, я попался бы съ нимъ... Чтѣ тогда?

— Разумѣется, я тогда созналась бы во всемъ, быстро сказала она.

— Да прекрасно... только чтѣ же изъ этого вышло бы? То, что и ваше положеніе было бы несравненно хуже, чѣмъ даже въ томъ случаѣ, еслибы вы сейчасъ пошли и прямо повинились во всемъ. И мое положеніе, въ качествѣ вашего сообщника, было бы до крайности скверное... Обоимъ было бы худо... Поймите: я и въ вашихъ, и въ моихъ собственныхъ интересахъ выбираю только то, чтѣ легче, проще, безопаснѣе...

Шипилова задумалась. Теперь ей начинало уже казаться,

что такому человѣку, какъ Леденевъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ нетрудно вынести все то, на что онъ собирается идти. Но только какже ей согласиться на это? какъ сказать, что: »ну хорошо, возьмите на себя мое преступленіе и раздѣлывайтесь за него, какъ знаете, а я отойду подальше въ сторону«. Какъ сказать это? какъ? спрашивала она сама себя, ломая свои пальцы, и наконецъ заплакала.

— Да неужели, неужели же нѣтъ никакого другаго средства? Подумайте! со слезами говорила она, прижимаясь къ Леденеву. — Ну, только подумайте: какъ могу я согласиться на это?.. чѣмъ я буду въ состояніи заплатить вамъ за это? Вѣдь вы мнѣ возвращаете жизнь, всю жизнь, которую я было погубила! вѣдь вы дарите мнѣ ее!

Онъ съ грустною улыбкою посмотрѣлъ въ ея заплаканное блѣдное лицо, поднятое къ нему, слабо пожалъ ея руку и тотчасъ же опять отвелъ свои глаза въ тотъ дальній уголъ, гдѣ должно было виднѣться еще болѣе блѣдное лицо, наполнявшее сердце Леденева глубокою печалью. Все можно было пережить, перенести, исправить; нельзя было только воскресить ни этого несчастнаго, ни той юношеской любви, которую Леденевъ былъ еще вчера полонъ къ этой красивой женщинѣ, прижимавшейся къ его груди. Пожалуй, онъ и теперь еще любилъ ее; но теперь онъ уже не могъ не видѣть, что она безсердечная, совершенно безсердечная женщина. Выстрѣлила въ человѣка, который такъ недавно былъ для нея »милый-милый«, и объясняетъ, что »хотѣла только ранить, чтобы онъ опять ушелъ въ больницу и оставилъ ее въ покоѣ«... убила человѣка и тотчасъ же начала жаловаться, что теперь *она* погибла, теперь *ея* жизнь разбита и испорчена... Леденевъ почти брезгливо отсторонился отъ нея.

— Пора, пора, Катерина Андреевна, сказалъ онъ по прежнему шопотомъ.

— Чтѣ пора? спросила она, удивленная тѣмъ, что онъ избѣгаетъ смотрѣть на нее и вообще какой-то странный.

— Пора за дѣло. Прежде всего, конечно, нужно будетъ перенести его въ мою комнату.

— Развѣ вы хотите это сдѣлать теперь?..

— Кажется, что теперь это будетъ безопаснѣе, чѣмъ ночью, въ раздумьѣ сказалъ Леденевъ. — Кажется, что такъ... Въ это время мало ли въ гостинницѣ ходьбы, шума, и никто не обращаетъ на нихъ вниманія, тогда какъ ночью будетъ совсѣмъ другое дѣло... Къ тому же, нашъ конецъ коридора опустѣлъ еще больше: докторъ выѣхалъ. Теперь здѣсь только и остались вы, я, да еще въ 30-мъ номерѣ старикъ, который всѣ вечера проводитъ въ клубѣ... Только бы выбрать удобный моментъ, да еще убавить огня въ коридорной лампѣ, и тогда въ какуюнибудь одну минуту все будетъ кончено.

— А кровь?

Леденевъ опять подумалъ.

— Крови не останется. Пойдите, вы сейчасъ увидите, какъ я думаю это сдѣлать.

Опять стараясь ступать по возможности тише, онъ сходилъ въ прихожую, принесъ шинель Шипилова и разостлалъ ее на полу, подлѣ трупя.

— Понимаете, чтѣ я хочу сдѣлать? Я переложу его на шинель, заверну въ нее и такъ и перенесу къ себѣ. Кровь не успѣетъ просочиться.

— Да, да, также шопотомъ отвѣчала Шипилова, у которой опять начало жестоко биться сердце при мысли, что можетъ встрѣтиться какаянибудь случайность и испортить все дѣло, принимающее такой неожиданно счастливый оборотъ. — Но не лучше ли подождать до ночи? не безопаснѣе ли?

— Нѣтъ... Сейчасъ я стоялъ у двери и слушалъ. Въ нашемъ концѣ коридора такъ пусто и тихо, что нечего и ждать болѣе удобнаго времени. Къ тому же, откровенно говоря, мнѣ хочется поскорѣе покончить все это... Нѣтъ, нѣтъ, я не стану больше откладывать.

Онъ уже наклонился было надъ трупомъ, чтобы переложить его на шинель, но вдругъ опять выпрямился и съ испугомъ повернулъ къ Шипиловой свое еще больше поблѣднѣвшее лицо.

— Послушайте: вѣдь вы не заперли мой номеръ, когда уходили изъ него? спросилъ онъ.

Теперь Шипилова уже не могла говорить отъ волненія и, дрожа всѣмъ тѣломъ, только покачала отрицательно головой.

— Что если тамъ сидитъ ктонибудь и ждетъ меня... а я бы явился туда съ этой ношей! сказалъ Леденевъ. — Прежде я пойду, посмотрю; кстати убавлю огня въ коридорной лампѣ, если будетъ можно. А вы покараульте у своей двери...

Черезъ минуту онъ воротился и на ходу шепнулъ Шипиловой, стоявшей въ прихожей:

— Стойте, стойте здѣсь... слушайте — не идетъ ли ктонибудь...

Еще черезъ минуту онъ появился изъ спальни, неся въ рукахъ тяжелую ношу, обернутую въ черную шинель, и, когда приблизился къ двери, глухо спросилъ: — никого?.. Шипилова молча растворила передъ нимъ дверь. Леденевъ вышелъ со своей ношей въ коридоръ, на секунду приостановился, чтобы перевести стѣснившееся дыханіе, и потомъ быстро прошелъ въ свой номеръ, какъ будто прихрамывая, потому что одной ногой шагаль шире, чѣмъ другой, которой мѣшала ноша. Шипилова, едва державшаяся на ногахъ отъ овладѣвшаго ею волненія, продолжала слѣдить изъ-за неплотно притворенной двери своего номера за тѣмъ, что происходило въ коридорѣ. Въ дальнемъ концѣ его, около лѣстницы, было свѣтло, слышались голоса, шаги, безпрестанно появлялись люди и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по коридору, тотчасъ же проходили либо вверхъ, либо внизъ по лѣстницѣ, либо въ которыйнибудь изъ номеровъ, расположенныхъ вблизи ея. Ни одинъ человѣкъ не остановился,

чтобы посмотрѣть въ этотъ конецъ коридора, да еслибы и вздумалъ взглянуть сюда, то, конечно, не увидѣлъ бы ровно ничего, потому что единственная горѣвшая здѣсь лампа теперь едва-едва мерцала. Нѣтъ, никто ничего не замѣтилъ, да и нельзя было замѣтить... все кончено благополучно... Шипилова вздохнула глубокимъ-глубокимъ вздохомъ, точно освободившись отъ страшной тяжести, мѣшавшей ей дышать, потомъ прижала ладонь къ щекамъ, начавшимъ горѣть, и наконецъ отерла слезы, внезапно выступившія на ея глазахъ. О Боже, Боже! неужели же она теперь совсѣмъ-совсѣмъ свободна?..

Пришелъ Леденевъ, по прежнему блѣдный, печальный и озабоченный. Не сказавъ ни слова, онъ взялъ со стола лампу и внимательно осмотрѣлъ съ нею, — не упало ли гдѣнибудь на полъ капель крови. Нигдѣ, ни въ которой изъ комнатъ, не видно было ни одной.

— А въ коридорѣ? замѣтила Шипилова, опять почувствовавшая нѣкоторое безпокойство.

— Здѣсь нѣтъ ни капли, въ моемъ номерѣ — тоже; невѣроятное дѣло, чтобы оказалось чтонибудь въ коридорѣ, отвѣчалъ Леденевъ. — Заприте дверь и перейдемте въ ту комнату: я боюсь, чтобы ктонибудь не пришелъ и не засталъ меня здѣсь... Что такое я хотѣлъ еще сдѣлать? да... гдѣ его шапка и шарфъ? Нужно ихъ взять, чтобы не забыть перенести ко мнѣ.

Онъ взялъ шапку Шипилова и, чтобы не забыть, засунулъ ее къ себѣ за пазуху, за жилетъ.

— Потомъ продолжалъ онъ: — есть у васъ какіянибудь принадлежности къ револьверу? Патроны, отвертка, пистоны... Пожалуйста, отыщите: это все должно быть у меня... Да еще вотъ что: дайте мнѣ тряпокъ. Покуда вы будете отыскивать вещи, я смою кровь на полу, около кресла.

— Куда же дѣвать потомъ эти тряпки? тревожно спросила Шипилова, начиная думать, что не будетъ конца всѣмъ

этимъ ускользящимъ отъ вниманія и однако же очень опаснымъ мелочамъ.

— Не беспокойтесь, я унесу ихъ съ собой... уничтожу.

Когда вещи, принадлежащія къ револьверу, были отысканы, а кровь на полу смыта, Леденевъ сѣлъ въ кресло и, свѣсивъ голову на руку, старался припомнить, не забылъ ли онъ еще что нибудь сдѣлать или въ чемъ нибудь условиться съ Шипиловой.

— Въ случаѣ, если васъ спросятъ — видѣлись ли вы со мной сегодня, скажите, что не видѣлись, сказалъ онъ наконецъ.

— Давно не видѣлись, съ недѣлю, прибавила она.

— Да. Такъ и скажите, что уже нѣсколько дней не видѣлись. А потомъ, когда меня арестуютъ, не пишите ко мнѣ ничего, не ищите случая увидѣться со мной — однимъ словомъ, отрекитесь отъ меня.

Опять онъ задумался, стараясь сообразить: не нужно ли еще чего нибудь сказать или сдѣлать? Нѣтъ, должно быть, все. Кажется, его роль кончена. Все, что онъ могъ сдѣлать для своего »друга«, все имъ сдѣлано, и теперь ему остается только проститься и уходить со сцены.

— Ну, мнѣ, кажется, нечего больше дѣлать. Пора идти, сказалъ онъ, вставая.

Шипилова тоже встала и печально смотрѣла на него.

— Какими глазами... какими недобрыми глазами вы на меня смотрите! грустно произнесла она.

Леденевъ пожалъ плечами.

— Что вы хотите, Катерина Андреевна, сказалъ онъ. — Трудно имъ быть добрыми, когда передъ нами постоянно находится... вонъ та ноша, что сложена теперь въ моемъ номерѣ... Вѣдь я говорилъ вамъ, что убитые преслѣдуютъ еще неотвязнѣе, чѣмъ живые... Я и не убивалъ его, а онъ мнѣ не даетъ покоя: смотреть и смотреть на меня своими мертвыми глазами.

Шипилова расплакалась.

— И ничего... кромѣ укоризны... у васъ не нашлось сказать мнѣ... на прощанье! говорила она, вдрагивая плечами отъ приступавшихъ къ ея горлу рыданій.

Леденевъ молчалъ и, хмурясь, нажималъ рукою на ручку двери, около которой стоялъ. Что, въ въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ сказать ей теперь, когда передъ его глазами дѣйствительно неотступно находился образъ убитаго ею человѣка?

Дѣло Леденева пошло несовсѣмъ такъ, какъ онъ рассчитывалъ. Городъ не хотѣлъ вѣрить, что Шипиловъ былъ застрѣленъ нечаянно. Отношенія Шипиловой къ ея мужу были извѣстны очень многимъ. Вырвавшееся какъ-то у нея восклицаніе, что »неужели же ни Богъ, ни люди не избавятъ ее отъ этого человѣка?!« — было теперь вспомнуто слышавшими его людьми и передавалось изъ устъ въ уста. Что Леденевъ былъ влюбленъ въ нее — это тоже узнали всѣ, и такимъ образомъ само собою, какъ прямой выводъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ, складывалось заключеніе, что Леденевъ въ ссорѣ или въ минуту гнѣва убилъ Шипилова, чтобы избавить любимую женщину отъ преслѣдованій со стороны этого сумасшедшаго человѣка. Конечно, это было не больше, какъ предположеніе, но оно переходило изъ дома въ домъ, вездѣ представлялось наиболѣе правдоподобнымъ, западало въ душу будущихъ присяжныхъ и въ концѣ концовъ ложилось довольно тяжелымъ грузомъ на ту чашку вѣсовъ, на которую складывалось все, что говорило противъ Леденева.

Правда, это предположеніе было значительно поколеблено свидѣтельскими показаніями. Всѣ, кто только могъ сказать хоть что нибудь объ отношеніяхъ Леденева къ Шипилову, въ одинъ голосъ говорили, что эти отношенія были самыя дружескія: Шипиловъ въ послѣднее время почти жилъ у Леденева — пилъ у него чай, обѣдалъ, спалъ послѣ обѣда на диванѣ, читалъ газету... Шкинскій показалъ, что Леденевъ отзывался о Шипиловѣ, какъ о самомъ несчастномъ

человѣкъ, какого только онъ встрѣчалъ въ своей жизни. Шипилова заявила въ присланномъ ею письменномъ показаніи, что Леденевъ смотрѣлъ на покойнаго ея мужа, какъ на больного человѣка, котораго слѣдуетъ щадить, и постоянно защищалъ его, когда ей случалось жаловаться или нападать на него. Представлялось совершенно невѣроятнымъ, чтобы у такого добраго, прямого, безхитростнаго человѣка, какимъ обрисовывали Леденева всѣ свидѣтельскія показанія, могла подняться рука на льнувшего къ нему дѣйствительно больного и въ высшей степени несчастнаго бѣдняка. И не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что присяжные признали бы убійство Шипилова несчастною случайностью, еслибы... еслибы Леденевъ съ самаго же начала не испортилъ все дѣло своими показаніями. Онъ необдуманно показалъ на предварительномъ слѣдствіи, а потомъ, изъ упрямаго нежеланія брать назадъ свои слова, продолжалъ утверждать и на судѣ что револьверъ, бывшій у него въ рукахъ, случайно выстрѣлилъ въ то время, когда Шипиловъ вошелъ въ комнату и подошелъ къ нему шага на три или на четыре. Между тѣмъ оказалось, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ, и пуля прошла не снизу вверхъ, какъ она должна бы была пройти, еслибы Шипиловъ дѣйствительно стоялъ передъ сидѣвшимъ въ креслѣ Леденевымъ, а сверху внизъ, и притомъ почти отвѣсно, по направленію отъ ключицы къ сердцу. Это было доказано обвинителемъ до такой степени наглядно, что для всѣхъ присутствовавшихъ на судѣ стало совершенно очевиднымъ, что Леденевъ говоритъ неправду. Но зачѣмъ бы ему понадобилось говорить неправду, еслибы онъ не былъ ни въ чемъ виноватъ?

Однако же въ высшей степени благопріятныя для Леденева свидѣтельскія показанія всетаки сдѣлали свое дѣло. Присяжные не рѣшились обвинить его въ предумышленномъ убійствѣ. Они признали его виновнымъ въ томъ, что онъ выстрѣлилъ въ Шипилова подъ вліяніемъ гнѣва, но при этомъ сдѣлали оговорку, что онъ совершилъ это безъ намѣ-

ренія лишить покойнаго жизни и потому заслуживаетъ снисхожденія. Судъ приговорилъ Леденева къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ ссылкѣ въ томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучаться изъ мѣста жительства въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двухъ лѣтъ.

— Къ чему вы посматриваете на меня, точно на приговореннаго къ мучительной казни? спросилъ Леденевъ приходшаго повидаться съ нимъ Шкинскаго. — Могу васъ завѣрить, что на совѣсти у меня совершенно легко и спокойно. А что касается до поѣздки въ томскую губернію, такъ неужели же вы думаете, что я не сумѣю найти себѣ тамъ работы, хорошихъ знакомыхъ, друзей — всего, что мнѣ нужно?

— Мнѣ хотѣлось бы знать только одно, обратился къ нему Шкинскій. — Вѣдь во всей этой исторіи есть какая-то непостижимая тайна... Скажите мнѣ всего только одно слово: есть тайна, или нѣтъ ея?

Леденевъ вздохнулъ.

— Никакой тайны нѣтъ, отвѣчалъ онъ, смотря куда-то вдаль, черезъ окно, задѣланное желѣзной рѣшеткой. — Какъ я говорилъ, такъ все и было...

— Ну вотъ, больше мнѣ ничего и не нужно, сказалъ Шкинскій, сдѣлавшись еще болѣе угрюмымъ. — Изъ вашихъ словъ я дѣлаю безошибочное заключеніе, что существующая въ этомъ дѣлѣ тайна — *чужая* тайна. Иначе вы бы сказали правду.

Леденевъ пожалъ плечами.

— Иначе вы бы, *какъ всегда*, сказали правду, выразительно повторилъ Шкинскій и, посмотрѣвъ на него, спросилъ: — кстати, скажите, пожалуйста, давно вы видѣлись съ м-ше Шипиловой?

Леденевъ, видѣвшій, что у его пріятеля зародились и бродятъ какія-то смутныя подозрѣнія, постарался отвѣчать какъ можно спокойно: — Очень давно. Я не видѣлся съ нею съ тѣхъ поръ, какъ началось это дѣло...

— Но, можетъ быть, переписывались?

— Нѣтъ, и не переписывался.

— О... ну, въ такомъ случаѣ, я могу сообщить вамъ, по всей вѣроятности, небезъинтересную новость. Оказывается, что если вашъ нечаянный выстрѣлъ сослужилъ кому нибудь службу, такъ именно этой блѣдной дамѣ съ тоскующими глазами. Она опять выходитъ замужъ... и знаете ли за кого? за Озаревского...

— Чтò это за Озаревскій? спросилъ Леденевъ.

— Какъ! вскричалъ Шкинскій. — Я хотѣлъ васъ поразить этимъ именемъ, а оказывается, что вы никогда его не слышали?!

— Никогда не слыхаль.

— Вотъ чтò называется жить за печкой... Во-первыхъ, это одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ городѣ. Во-вторыхъ, у него домъ на Александровской улицѣ, мимо котораго ни одинъ новый человѣкъ не можетъ пройти безъ того, чтобы не спросить: чей это домъ? Въ-третьихъ, его всѣ знаютъ, какъ предводителя здѣшняго дворянства. Говорятъ, что онъ добрый, весьма неглупый, хорошо образованный господинъ, свободно изъясняющійся на пяти или шести языкахъ... И вообще онъ являлся бы въ высшей степени завиднымъ женихомъ, еслибы не былъ немножко старъ: ему около 70 лѣтъ... Что голова у него по временамъ трясется, это я видѣлъ своими глазами, ядовито прибавилъ Шкинскій.

Леденевъ покраснѣлъ со стыда за все еще любимую имъ женщину. Ему вспомнилось все, чтò рассказывалъ о ней покойный Шипиловъ, — вспомнилось, въ какихъ страстныхъ и исполненныхъ тоски выраженіяхъ говорила она о богатствѣ, о деньгахъ, о милліонахъ, — вспомнились ея горькія и гнѣвные жалобы на то, что мужъ »загораживаетъ ей всѣ дороги къ свѣту и жизни...« Такъ неужели же »свѣтъ и жизнь« заключались для нея именно въ возможности выйти замужъ за этого богатого старика съ трясущею головою?.. можетъ быть, это второе замужство уже было у нея въ

виду, когда она собиралась »ранить« своего перваго мужа, »чтобы онъ опять ушелъ въ больницу«?.. И неужели наконецъ онъ, Леденевъ, принялъ на себя ея преступленіе единственно ради того, чтобы расчистить ей дорогу къ этому богатству, къ этому позорному богатству?..

— Но, можетъ быть, это не больше, какъ сплетни, сумрачно сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно отвѣчалъ Шкинскій. — Я узналъ эту новость изъ такого источника, который можно назвать вполне достовернымъ. Это не сплетни.

Леденевъ пожалъ плечами.

— Ну, въ такомъ случаѣ, остается думать, что у этого старца самая возвышенная, рыцарская душа, и за эту душу его и полюбила Катерина Андреевна, съ горькою ироніею сказалъ онъ.

Н. Бажинъ

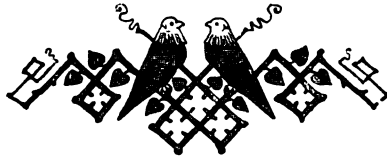

* * *

»Вчера« прошло, а »завтра« не настало,
»Сегодня« — мигъ! чрезъ мигъ его не стало!
Нашъ путь земной — натянутый канатъ,
А съ двухъ сторонъ двѣ пропасти лежатъ:
Тѣ пропасти — минувшее съ грядущимъ...
Мы, внявъ судьбы велѣнья въ всемогущимъ,
Идемъ... и всѣхъ одна волнуетъ страсть,
Одна мечта: въ грядущее упасть,
Подольше не входите во мглу и тишь забвенья,
Какъ будто сто вѣковъ — не то же, что мгновенье?!

В. Величко

РУССКАЯ КНИГА О ВЕЛИКОМЪ НѢМЦѢ

По истинѣ трагическую судьбу представляет собой жизнь и дѣятельность русскаго ученаго. Его обвиняють въ полной непроизводительности, въ отсутствіи самостоятельности, въ нежеланіи или неумѣннн трудиться въ спеціальной сферѣ своей науки. „Посмотрите, — говорятъ обыкновенно ненавистники русскихъ ученыхъ (а такихъ ненавистниковъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы подозрѣвать), — посмотрите, чѣмъ занимаются наши ученые мужи: скопировавъ диссертацию по нѣмецкимъ книжкамъ, получивъ офиціальное званіе ученаго россійской имперіи, онъ занимаетъ кафедрѣ и успокаивается. Читаетъ кое-какъ свои лекціи по запискамъ и ничего другаго знать не хочетъ; онъ даже не слѣдитъ за ученой литературой своего предмета и въ теченіе всей своей жизни не можетъ сподобиться написать — не то что дѣйствительно самостоятельный ученый трудъ, но даже и обыкновенную популярную статью для обыкновеннаго русскаго журнала, и вся его учено-литературная дѣятельность ограничивается, за всю жизнь, тремя-четырьмя замѣтками въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, написанными къ тому же необыкновенно неуклюже“.

Необходимо сознаться, что такого рода обвиненія отчасти справедливы. Русскій ученый за весьма малыми исключеніями необыкновенно мало производителенъ. Я бы могъ указать на дѣльный рядъ именъ нашихъ ученыхъ, занимавшихъ или теперь еще занимающихъ кафедры въ русскихъ университетахъ, которые въ теченіе всей своей жизни (жизни, по большей части, весьма продолжительной) не написали ни одной книги, ни одного руководства по своему предмету, за исключеніемъ, можетъ быть, пресловутыхъ записокъ, составленныхъ ими въ началѣ ихъ карьеры, и по которымъ они читаютъ свои лекціи въ продолженіе двадцати-тридцати лѣтъ своей профессуры, да кромѣ того двухъ-трехъ переводовъ иностранныхъ книгъ, сдѣланныхъ необыкновенно небрежно.

Все это, несомнѣнно, справедливо; наши ученые не только не совершаютъ „открытій“ въ своей наукѣ, но подь конецъ своей жизни даже и не интересуются ею и почти никогда ничего не пишутъ. Въ особенности по части самостоятельныхъ трудовъ наши ученые, что называется, швахъ: выходъ въ свѣтъ какого либо самостоятельнаго труда по какой либо отрасли человѣческаго знанія у насъ считается событiемъ; молодой человекъ, желающій учиться, образованный читатель, желающій обогатить свой умъ и сердце новыми знанiями, должны обращаться или къ иностраннымъ источникамъ, или къ русскимъ переводамъ иностранныхъ источниковъ, но почти ни по какому отдѣлу знанiя они не найдутъ въ русской литературѣ соответственныхъ самостоятельныхъ трудовъ. Поэтому вполне „объялять“ русскаго ученаго за такой порядокъ вещей едва ли представляется возможнымъ; но, и не объяля его, можно указать на одну причину, которая, по крайней мѣрѣ отчасти, извиняетъ его въ этомъ отношенiи. Русскiй образованный читатель, который, какъ мы только что видѣли, такъ горько жалуется на ничегонеделанiе русскаго ученаго, — и самъ, можетъ быть, не лучше его, ибо онъ и не думаетъ поощрять труды ученаго; купить книгу для русскаго образованнаго читателя — сущее наказанiе, а ужъ если покупать, то лучше, разсуждаетъ онъ, покупать иностранную книгу: всетаки почетнѣе и импозантнѣе. Зная это свойство русскаго образованнаго читателя, русскiй ученый имѣетъ передъ собой мрачную перспективу: вздумай онъ издать свой „самостоятельный“ трудъ (если таковой существуетъ) — онъ едва ли можетъ разсчитывать на покрытие издержекъ по изданiю. Такимъ образомъ происходитъ нѣчто совершенно необычайное: образованный читатель не покупаетъ ученыхъ трудовъ, потому что ученый не работает, слѣдовательно, и трудовъ у него нѣтъ; а ученый не работает и не создаетъ ученыхъ трудовъ, потому что образованный читатель ихъ не покупаетъ. По истинѣ положенiе трагикомическое. Конечно, выходъ изъ такого положенiя могъ бы представиться въ посторонней помощи, которая бы споспѣшествовала примиренiю или, вѣрнѣе, устраненiю недоразумѣнiй между образованнымъ читателемъ и ученымъ, ибо такъ ужъ у насъ ведется испоконъ вѣку: безъ посторонней помощи мы все равно не въ состоянiи сдѣлать ни одного шагу; мы даже и русскую исторiю начали съ того, что обратились за помощью къ варягамъ, прося ихъ „владѣть и княжить нами“, потому что „порядка у насъ нѣтъ“. Такъ и въ данномъ случаѣ, въ нашихъ недоразумѣнiяхъ между образованнымъ читателемъ и ученымъ намъ бы слѣдовало ожидать помощи отъ западной Европы, — не непосредственной, конечно, а косвенной. Еслибы, напри-

мѣръ, западная Европа, познакомившись въ теченіе послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ съ нашей изящной литературой и весьма облюбовавъ ее, захотѣла познаться также и съ нашей ученой литературой, тогда дѣло приняло бы другой оборотъ: для нашей ученой литературы открылся бы рынокъ въ западной Европѣ, и русскому ученому можно было бы работать. Но и тутъ дѣло пока представляется въ очень неблагоприятномъ видѣ: въ западной Европѣ читаютъ произведенія русской изящной литературы въ плохихъ переводахъ, но знаніе русскаго языка за границей явленіе до такой степени рѣдкое, что рассчитывать на сбытъ русской книги внѣ Россіи не представляется никакой возможности. Такимъ образомъ все остается по прежнему: образованный читатель не покупаетъ ученыхъ трудовъ, потому что не любитъ покупать книгъ вообще, а въ особенности ученыхъ; а русскій ученый не создаетъ ихъ, потому что облѣнился, да и впередъ знаетъ, что изъ его „трудовъ“ ничего не выйдетъ: пропадай ты пропадомъ, — говоритъ онъ въ отчаяніи. Для проявленія своей ученой индивидуальности у него есть только одно средство: писать на иностранныхъ языкахъ — французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ; и къ этому отчаянному средству онъ иногда прибѣгаетъ, надо отдать ему справедливость.

Впрочемъ, по нѣкоторымъ симптомамъ можно судить, что въ самое послѣднее время образованный читатель сдѣлался милостивѣе къ русскому ученому и выказываетъ намѣреніе поощрять его. Можетъ быть, этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что за послѣдніе годы русскій книжный рынокъ нѣсколько расширился, и въ книжной торговлѣ стали — правда, робко — появляться самостоятельные труды русскихъ ученыхъ. Съ однимъ изъ такихъ трудовъ я бы хотѣлъ познакомить людей, интересующихся исторіей литературы въ строгомъ значеніи этого слова. Трудъ этотъ — „Гёте и его время“, лекціи, читанныя А. А. Шаховымъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ.

Авторъ этихъ лекцій, составляющихъ однако же не просто профессорскія записки, а вполне самостоятельный, цѣльный и блестящій трудъ, — умеръ сравнительно давно уже, въ 1877 году, еще очень молодымъ человѣкомъ, — двадцати семи лѣтъ. Изданіе его „лекцій“ о Гете сдѣлано въ нынѣшнемъ 1891 году его родными, которые въ предисловіи заявляютъ, что они издадутъ и другой его курсъ: „Общій очеркъ литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка“, если только, — прибавляютъ они, — „напечатанный нынѣ первый курсъ лекцій Шахова будетъ сочувственно встрѣченъ читающей публикой“. Ради русской науки и ради читающей публики слѣдуетъ надѣяться, что ихъ ожиданія осуществятся. Къ книгѣ про-

фессоръ Стороженко предпослалъ небольшой некрологъ Шахова, читанный имъ въ собраніи московскаго университета 12 ноября 1878 года. Въ Москвѣ имя Шахова, конечно, хорошо знакомо; но его ученая дѣятельность была такъ коротка (1875—1877), что за предѣлами Москвы его имя почти совершенно неизвѣстно. А между тѣмъ это имя заслуживаетъ полнаго, самаго сочувственнаго вниманія со стороны русскихъ образованныхъ людей. Послѣ окончанія университета Шаховъ отправился за границу, работалъ въ парижскихъ бібліотекахъ и бралъ частные уроки старо-французскаго языка у Дармстетера; затѣмъ въ 1875 году онъ защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Французская литература XIX вѣка“. „Обширная начитанность, — прибавляетъ г. Стороженко, — замѣчательная способность обобщенія и рѣшительный литературный талантъ, выказавшіяся какъ въ мѣткихъ характеристикахъ, такъ и въ необыкновенномъ изяществѣ изложенія, составляютъ достоинства этой книги, написанной такъ живо и занимательно, какъ рѣдко пишутся ученыя разсужденія. Какъ литературный критикъ, Александръ Александровичъ принадлежалъ къ той новой литературной школѣ, лучшими представителями которой на западѣ служатъ Тенъ и Брандесъ. Живыми и яркими чертами онъ рисовалъ ту общественную почву, изъ которой выросли изучаемыя имъ литературныя типы, тщательно слѣдилъ за характеромъ отражавшагося въ нихъ общественнаго настроенія“. Свой некрологъ г. Стороженко заканчиваетъ слѣдующими словами, которымъ нельзя не сочувствовать: „Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ; челоуѣкъ принципа прежде всего, Александръ Александровичъ не былъ способенъ ни на какія сдѣлки съ тѣмъ, что онъ признавалъ зломъ и ложью. Онъ могъ переломиться, но не согнуться. Глубокая и ѣдкая скорбь охватываетъ сердце, когда подумаешь, что эта многообѣщавшая жизнь оборвалась такъ рано. Смерть не дала А. А. оправдать вполнѣ тѣ надежды, которыя на него вправѣ было возлагать общество. Но онъ жилъ недаромъ; въ предѣлахъ отмѣренной ему жизни онъ совершилъ свой подвигъ честно и вѣрно. Въ три года своей преподавательской дѣятельности онъ успѣлъ заронить въ молодыя и воспримчивыя души своихъ слушателей и слушательницъ много сѣмянъ истины и добра, которыя не замедлятъ принести свои плоды. Къ Шахову можно съ полнымъ правомъ примѣнить слова Грановскаго о Фроловѣ, что отсутствіе его будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія ввѣрила знамя своей образованности“.

Эти слова такого компетентнаго судьи, какъ г. Стороженко, конечно, весьма знаменательны. Но его краткій некрологъ, вѣроятно, составленный наскоро, далеко не вполнѣ знакомитъ

насъ съ личностью Шахова, какъ ученаго и какъ человѣка. Эта физиономія отчасти пополняется чтеніемъ его лекцій о Гёте. Что прежде всего поражаетъ при чтеніи этой книги, это — замѣчательная талантливость автора, какъ писателя и литературнаго критика. тѣмъ болѣе, что, покончивъ свое земное поприще такимъ молодымъ человѣкомъ, Шаховъ въ своихъ лекціяхъ выступаетъ не только во всеоружіи знанія, но и съ значительной литературной опытностью, которая не дается, конечно, сразу. Въ этомъ отношеніи Шаховъ составляетъ пріятное и чрезвычайно рѣдкое исключеніе между нашими учеными профессорами. Между ними, бесспорно, встрѣчаются люди высоко даровитые и дѣйствительно „ученые“. Но въ большинствѣ случаевъ и ихъ даровитость, и ихъ ученость остаются какъ-то внѣ времени и пространства; литераторами, т. е. писателями въ обширномъ и лучшемъ значеніи этого слова, они рѣдко бываютъ; они рѣдко умѣютъ излагать свои знанія въ литературныхъ и доступныхъ формахъ; они въ большинствѣ случаевъ узкіе педанты и пишутъ такимъ неуклюжимъ, нелитературнымъ языкомъ, что читать ихъ — истинный трудъ и истинное божеское наказаніе, вслѣдствіе чего, вѣроятно, образованный читатель, о которомъ я говорилъ раньше, и не одобряетъ ихъ. Не таковъ былъ Шаховъ. Онъ не столько ученый, сколько литературный критикъ, т. е. писатель, который заботится главнымъ образомъ не о формальной сторонѣ дѣла, который интересуется не столько фактическими подробностями, сколько общими идеями и общими выводами, которые можно сдѣлать на основаніи ученыхъ изслѣдованій. Я думаю, что въ этомъ и заключается истинная функція литературнаго критика, къ которому нашъ русскій ученый въ большинствѣ случаевъ относится съ недовѣріемъ и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Конечно, бываютъ всякіе критики, какъ бываютъ и всякіе ученые; но въ общемъ трудъ критика, хотя и менѣе выгодный, чѣмъ трудъ ученаго, гораздо сложнѣе и самостоятельнѣе; настоящій литературный критикъ не только обязанъ знать исторію литературы и философіи также обстоятельно, какъ знаетъ ученый историкъ литературы и историкъ философіи, но кромѣ того обязанъ, по возможности, *скрывать* это свое знаніе и излагать только общіе результаты науки и философіи въ литературной и общедоступной формѣ, до которой собственно ученому нѣтъ никакого дѣла.

Вотъ почему я думаю, что Шаховъ былъ не столько ученый, сколько писатель. Живой, блестящій умъ, прекрасное *литературное* образованіе, полное отсутствіе педантства, общіе взгляды, широкое міровоззрѣніе, даже нѣкоторая, можетъ быть, и ненужная тенденціозность прямо указываютъ, что изъ него

съ теченіемъ времени могъ образоваться чрезвычайно талантливый литературный критикъ, — вѣроятно, школы Тена, еслибы онъ, однако-жъ, не измѣнилъ этой школы и не создалъ свою.

Шаховъ посвятилъ себя неблагодарному для русскаго ученаго и писателя дѣлу разработки исторіи западно европейскіихъ литературъ. Въ этомъ дѣлѣ такъ громадна конкуренція, что требуется самое обширное знаніе, самый широкій и самостоятельный умъ, чтобы съ успѣхомъ бороться съ многочисленными изслѣдованіями западно-европейскіихъ ученыхъ. Чтò можно, въ самомъ дѣлѣ, русскому ученому, и притомъ еще очень молодому, сказать что либо новое, интересное, *свое*, на примѣръ, о Гёте, о которомъ написаны не сотни, а тысячи томовъ, которому посвящено цѣлое ученое общество, котораго литературная дѣятельность изслѣдована и изучена со всѣхъ, можно сказать, сторонъ? Конечно, Шаховъ, какъ лекторъ и ученый, не сдѣлалъ какихъ либо новыхъ, неожиданныхъ открытій, — я думаю даже, что онъ не сдѣлалъ и никакихъ открытій; но въ качествѣ литературнаго критика, при его обширныхъ знаніяхъ и въ особенности при его замѣчательномъ литературномъ талантѣ, онъ намъ далъ такую *самостоятельную* книгу о Гёте, такъ ярко и блестяще очертилъ фізіономію великаго поэта, что его книга могла бы занять очень почетное мѣсто даже въ западно-европейской литературѣ по этому предмету, и, еслибы была переведена, на примѣръ, на нѣмецкій языкъ (слѣдуетъ надѣяться, что это будетъ сдѣлано), то встрѣтила бы въ Германіи гораздо большее, разумѣется, сочувствіе и распространенность, чѣмъ этого можно ожидать въ Россіи.

Въ первой же лекціи Шаховъ очень своеобразно и оригинально опредѣляетъ обязанности и задачи историка литературы. Изъ наблюденія надъ отдѣльными фактами, — говоритъ онъ, — изъ изученія частныя явленій, а всего чаще — просто изъ опыта, изъ повседневныхъ жизненныхъ столкновеній и случаевъ образуется въ человѣкѣ *общій* взглядъ на жизнь, на отношеніе къ окружающему міру, къ людямъ вообще, на добро и зло, пользу и вредъ, на свои жизненные задачи, иногда на задачи всего народа и всего человѣчества. Этотъ общій взглядъ въ человѣкѣ, вырабатываемый мыслью и практикой, называемъ мы *мировоззрѣніемъ*. По большей части люди довольствуются имъ въ этой первоначальной, грубой, иногда даже отрывочной формѣ; они пользуются имъ для своихъ будничныхъ нуждъ, какъ домашней, обиходной философіей. Но иногда человѣкъ стремится осмыслить эти вопросы, отдать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своемъ мировоззрѣніи, стремится сообщить его другимъ. Это сообщеніе можетъ произойти въ двухъ формахъ: 1) или извѣстное мировоззрѣніе складывается въ отвлеченную

систему, ищетъ для себя подтвержденія и оправданія въ строгой логикѣ, опирается или старается опираться на научные факты, — тогда въ результатѣ получается философское ученіе; 2) или извѣстное міровоззрѣніе *воспроизводится*, т. е. выливается въ живые образы, изображается на примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни, на различныхъ людскихъ типахъ, служитъ какъ бы общимъ фономъ цѣлой картины, — и тогда является поэтическое произведеніе. На этомъ основаніи исторія литературы, по Шахову, опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „она есть исторія постоянного видоизмѣненія общихъ коренныхъ понятій или идей человѣчества, есть исторія метаморфозъ въ міросозерцаніи народовъ, исторія, которую мы возобновляемъ на основаніи великихъ произведеній человѣческой мысли и творчества“. При такомъ взглядѣ историкъ литературы, само собой разумѣется, обязанъ включать въ свой анализъ поэтическихъ произведеній не только великія философскія доктрины, но и крупныя научныя изслѣдованія по общимъ вопросамъ. Говоря вообще, такова именно и есть точка зрѣнія Тена. При этомъ взглядѣ исторія литературы превращается въ исторію вообще, въ исторію умственного движенія въ обширномъ смыслѣ слова, и собственно спеціально литературная точка зрѣнія неизбежно уходитъ на второй планъ. Въ рукахъ очень талантливаго человѣка-систематика, какимъ является, напримѣръ, Тенъ, такой приемъ и взглядъ приводятъ къ блестящимъ результатамъ, — къ такимъ результатамъ, къ какимъ дошелъ Тенъ, напримѣръ, въ своей „Histoire de la litterature anglaise“. Но это только въ рукахъ очень крупнаго таланта. Я не думаю, чтобы подобную систему можно было положить въ основу критической дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова. Въ самой системѣ, хотя и въ скрытомъ видѣ, существуютъ противорѣчія, недомолвки и недоразумѣнія. Прежде всего, эта система, на мой взглядъ, приводитъ къ злоупотребленію такъ называемыми общими характеристиками. Критикъ, не стѣсненный изложеніемъ фактической стороны дѣла, которой онъ можетъ коснуться только въ общихъ чертахъ, обязанный, по самой сущности системы, рисовать картину общаго умственного движенія, по необходимости принужденъ останавливаться на общемъ умственномъ *типѣ*, на характеристикѣ цѣлыхъ теченій и эпохъ. Хорошо, если критикъ настолько трезвъ, сдержанъ, благоухаруменъ, что въ своихъ характеристикахъ будетъ держаться фактической стороны дѣла, будетъ переводить на общую философскую и теоретическую формулу только то, что ему дало точное изслѣдованіе. Но соблазнъ характеристикъ, къ несчастію, такъ великъ, что критикъ почти никогда не въ состояніи удержать себя въ надлежащихъ границахъ, и тогда его

характеристики являются или недостаточно обоснованными, или совершенно фантастическими. Этот недостаток замѣтенъ въ значительной степени даже у Тена, а у его послѣдователей, какъ напримѣръ, у Брандеса, онъ слишкомъ бросается въ глаза и ясно обнаруживаетъ несостоятельность системы. Шаховъ, который въ этомъ отношеніи является ученикомъ Брандеса и Тена, далеко не лишенъ этого же самаго недостатка.

Другой недостатокъ системы, построенной Теномъ и принятой Шаховымъ, заключается въ томъ, что, несмотря на свою вѣдшую объективность, она приводитъ къ самымъ печальнымъ эксцессамъ субъективизма. Вся она вышла изъ скрытаго признанія философіи эволюціонизма, изъ философіи безконечнаго развитія, впервые провозглашенной въ своей опредѣленной и законченной формѣ Гегелемъ и нашедшей свое дальнѣйшее развитіе въ эволюціонизмъ Герберта Спенсера. Въ сущности философія эта не есть философія по содержанію, это — только философскій методъ, въ который еще необходимо вложить то или иное содержаніе. Поэтому она приводитъ, смотря по человѣку, къ самымъ разнообразнымъ результатамъ. Комично и безотрадно было, напримѣръ, явленіе, когда, послѣ смерти Гегеля, его ученики раздѣлились на множество философскихъ толковъ, отъ самаго крайняго матеріализма до самаго крайняго идеализма и даже мистицизма. Тотъ же разладъ отчасти виденъ уже среди послѣдователей и Спенсера. Въ примѣненіи къ литературной критикѣ, система Тена, основанная на эволюціонизмѣ, приводитъ къ большимъ неудобствамъ. Критикъ, по вѣдшности, остается совершенно безучастнымъ зрителемъ вѣчно мѣняющихся формъ жизни и мысли; по вѣдшности, ему все равно — какими движеніемъ, умственнымъ и нравственнымъ, охвачена изслѣдуемая имъ эпоха; повидимому, онъ совершенно безучастно только описываетъ переживаніе или выживаніе одной формы мысли въ другую. На первый взглядъ онъ объективенъ и даетъ не фантастическое, а дѣйствительное объясненіе причинъ и слѣдствій извѣстнаго движенія. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Если это умъ формальный, безъ широкихъ горизонтовъ, — другими словами, если это не самостоятельный и не-талантливый умъ, — то онъ остановится на этомъ формализмѣ, чисто вѣдшнемъ, и въ сущности ровно ничего не объяснитъ. Въ противномъ же случаѣ, если это умъ самобытный и живой, онъ непремѣнно постарается вложить въ эти пустыя формы эволюціонизма содержаніе и такимъ образомъ неизбежно придетъ или къ догматизму, или къ тенденціозности, — иногда очень узкой тенденціозности. Собственно говоря, противъ догматизма и даже тенденціозности я ровно ничего не имѣю, если только они являются безъ маски и от-

кровенно. Я могу съ удовольствіемъ читать автора, съ которымъ я не имѣю ничего общаго въ философскомъ отношеніи; его заключеній я не стану раздѣлять, разъ у меня сложился собственный самостоятельный взглядъ. Но не то бываетъ, когда тенденція скрыта подъ маской объективности; объективность внушаетъ мнѣ довѣріе къ автору, и я, самъ не замѣчая этого, оболоченный его объективностью, т. е., другими словами, его безпристрастіемъ, въ концѣ концовъ оказываюсь безоружнымъ передъ его тенденціей. Въ особенности такая система вредна въ преподаваніи, потому что она очень сильно дѣйствуетъ на молодые умы, еще недостаточно самостоятельныя, чтобы во-время подмѣтить узкую тенденцію.

Система эта или методъ вредны еще въ томъ отношеніи, что они пагубно дѣйствуютъ на самихъ, слишкомъ увлекающихся, преподавателей. Увлеченный стройностью метода и кажущимися большими результатами, къ которымъ онъ приводитъ, молодой талантливый преподаватель самъ не замѣчаетъ того, какъ въ пустыя формы эволюціонизма онъ вкладываетъ *свое* содержаніе, — въ большинствѣ случаевъ совершенно необоснованное или обоснованное недостаточно. Онъ самъ себя, такимъ образомъ, обманываетъ и, думая, что служитъ наукѣ, — наукѣ чистой и объективной, — въ дѣйствительности является проповѣдникомъ опредѣленнаго мировоззрѣнія. Мнѣ кажется, что нѣчто подобное случилось и съ Шаховымъ. По всему видно, что онъ искренно вѣрилъ въ полную научную состоятельность метода Тена; онъ его примѣнялъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, а между тѣмъ онъ, какъ историкъ литературы, болѣе субъективенъ, чѣмъ кто бы то ни было. Онъ является проповѣдникомъ предвзятаго взгляда, и не только взгляда на исторію литературы, но и вообще въ философскомъ отношеніи. Во многомъ онъ является просто позитивистомъ, что, впрочемъ, совершенно понятно, потому что въ ту эпоху, когда онъ самъ развивался, т. е. въ началѣ семидесятихъ годовъ, позитивизмъ еще господствовалъ не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ; то философское движеніе, которое теперь начинаетъ рѣшительно и окончательно вытѣснять позитивизмъ, въ его время еще только начиналось и не представляло собой ничего законченнаго. Даже самый эволюціонизмъ считался въ то время не болѣе, какъ англійскимъ отпрыскомъ; контизма и метафизическихъ сторонъ ученія Спенсера еще никто почти не подозревалъ.

Замѣчательно, что Шаховъ теоретически вполне вѣрно понималъ подводные камни эволюціонизма, но въ дѣйствительности онъ сплошь и рядомъ натыкался на нихъ, несмотря на весь свой талантъ. Онъ, между прочимъ, приводитъ слова *нози-*

тивиста Льюиса: „Замѣчательна современная роль изученія развитія какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи. Прежде удовлетворялись *даннымъ*: сформированнымъ животнымъ, достигшимъ совершенства искусствомъ, сложившимся обществомъ; но не обращали вниманія на ступени развитія и законы роста. Теперь изслѣдованія проникнуты новымъ духомъ. Въ геологіи, физиологіи, исторіи и искусствѣ стремятся обозначить ступени развитія; чтобы понять нѣчто совершившееся, мы стараемся понять тотъ процессъ, по которому оно совершалось“. Приводя эти слова Льюиса, Шаховъ какъ бы не желаетъ видѣть въ нихъ намекъ на доктрину и подчеркиваетъ въ нихъ только историческій методъ, который внѣшнимъ образомъ стремится, конечно, оправдать доктрину. „Эти прекрасныя слова біографа Гёте характеризуютъ общій историческій принципъ новаго времени, который проникаетъ и въ область творчества. Личность въ современномъ литературномъ произведеніи изображается не въ отрѣшимости ея отъ условій извѣстнаго времени и мѣста, но въ тѣсной зависимости отъ обстановки. Стремятся объяснить дѣйствія людскія не одной игрой психологическихъ мотивовъ и одною внутреннею борьбою духа; указываютъ на общественныя и историческія обстоятельства и на физиологическія условія, давшія возможность развиться извѣстному типу; въ подробностяхъ изслѣдуется историческая атмосфера даннаго общественнаго явленія. Когда личность ступевывалась передъ силами космическими, ею мало занимались (какъ въ былинѣ); когда она, развиваясь, выросла до центра вселенной и вѣнца творенія, ею и занимались, какъ самостоятельною величиною, управляемою собственными чувствами и свободно распоряжающеюся надъ своими влеченіями. Когда, наконецъ, она стала естественнымъ звеномъ въ ряду твореній, тогда типы стали воспроизводиться, какъ продукты обстановки, какъ результаты множества вліаній и причинъ“. Я нарочно привожу эти слова, потому что они отличаютъ скрытый позитивизмъ Шахова; въ нихъ нетрудно замѣтить указаніе на извѣстный законъ Огюста Конта трехъ періодовъ въ развитіи человѣчества, — законъ, несостоятельность котораго въ настоящее время вполне доказана: фазисъ теологическій, фазисъ метафизическій и фазисъ позитивный. Примѣненіе его Шаховымъ столь же неудачно; въ сущности, слова его составляютъ только указаніе на то, что существуютъ различныя *школы* въ искусствѣ, но распредѣленіе этихъ школъ въ какомъ либо опредѣленномъ *историческомъ* порядкѣ совершенно произвольно и не соотвѣтствуетъ фактической истинѣ; школы эти, въ дѣйствительности, существуютъ *одновременно*, и не только въ наше время, но и во всѣ времена, и слѣдовательно не могутъ служить за *типы* развитія, которому искус-

ство въ своей исторической эволюціи подчиняется. Если „личность въ современномъ литературномъ произведеніи изображается не въ отрѣшимости ея условій извѣстнаго времени и мѣста, но въ тѣсной зависимости отъ обстановки“, — то это есть не болѣе, какъ одна изъ литературныхъ школъ, существующихъ въ настоящее время (реализмъ); но существуютъ другія школы, не менѣе распространенныя, не менѣе вліятельныя, въ которыхъ нѣтъ ни одного изъ признаковъ, принадлежащихъ, по Шахову, исключительно современному литературному произведенію.

Изъ этого однако же вовсе не слѣдуетъ, чтобы историческій методъ самъ по себѣ былъ негоденъ; напротивъ того, въ изученіи литературъ онъ приводитъ обыкновенно къ самымъ благотворнымъ результатамъ, и Шаховъ, конечно, былъ безусловно правъ, когда отдавалъ ему предпочтеніе передъ всякимъ другимъ методомъ. Этотъ методъ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что ставить на одну доску эпическую пѣсню, Данте, Шекспира, Мольера, Гёте и Гейне, относится ко всѣмъ нимъ съ одинаковыми требованіями, искать во всѣхъ нихъ отвѣта на одни и тѣ же вопросы — по меньшей мѣрѣ странно. Чѣмъ дальше подвигаемся мы на историческомъ пути, тѣмъ болѣе удаляются для насъ Гомеръ и Данте, Шекспиръ и Мольеръ; мы живемъ уже другими интересами, насъ волнуютъ уже другіе вопросы, другія задачи. Потому-то оцѣнка литературнаго произведенія при его изученіи должна быть какъ можно болѣе объективна. На поэта прошедшихъ вѣковъ мы должны смотрѣть съ точки зрѣнія его столѣтія и его современниковъ“. Все это совершенно вѣрно; но попробуйте примѣнить этотъ взглядъ цѣликомъ, прямолинейно, не уклоняясь ни въ одну сторону отъ намѣченнаго пути, и вы придете къ довольно любопытнымъ результатамъ; критикъ, озабоченный только тѣмъ, чтобы по возможности объективно изслѣдовать литературное произведеніе и разсматривать его *только* въ связи съ его эпохой и его современниками, дастъ вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, много фактическихъ матеріаловъ для историческаго сужденія, но совершенно упуститъ изъ виду эстетическую сторону дѣла, потому что эстетически обсуждать произведеніе независимо отъ историческихъ условій его возникновенія, цѣнить его на основаніи общихъ эстетическихъ формулъ, находящихся въ связи съ цѣльнымъ философскимъ міровоззрѣніемъ, окажется уже субъективизмомъ, котораго не можетъ допустить *объективный* историческій методъ. При этихъ условіяхъ, при крайнемъ формализмѣ метода, роли вскорѣ измѣнятся; критикъ, не желающій смѣшивать какую нибудь былинку съ Данте, или какую нибудь средневѣковую новеллу съ

Шекспиромъ, лишенный эстетической мѣрки, упустить возможность выдѣлить ихъ по существу; онъ ихъ будетъ разсматривать, какъ одинаковые продукты исторической эволюціи, и новеллѣ удѣлится столько же мѣста, сколько онъ удѣляетъ Шекспиру. Это-то именно въ большинствѣ случаевъ и бываетъ съ формалистами-историками; вотъ почему среди историковъ литературы большинство посвящаютъ всю свою жизнь средневѣковой, на примѣръ, литературѣ, въ эстетическомъ отношеніи не имѣющей никакого значенія, но зато представляющей богатый матеріалъ для примѣненія историческаго метода.

Шаховъ, какъ человекъ молодой и живой, не окончательно еще превратившійся въ заправскаго ученаго, не впалъ въ эту грубую ошибку, но въ концѣ концовъ и на немъ вліяніе сухаго, формальнаго историческаго метода оставило свои слѣды. Въ своей книгѣ о Гётѣ, на примѣръ, рядомъ съ блестящими страницами, посвященными историческимъ характеристикамъ, Шаховъ не нашелъ возможности удѣлить мѣста эстетической оцѣнкѣ *an und für sich* произведеній великаго поэта. Хорошо, что мы и безъ него знаемъ огромное, не только историческое, но и эстетическое, значеніе Гётѣ. Но, не будь этого, его книга для насъ представила бы довольно странное явленіе. Нельзя себя посягать изученію произведеній человека, который заведомо бездаренъ или глупъ, — ибо въ этомъ случаѣ овчинка не стоитъ выдѣлки. Свой трудъ и знанія можно посвятить только значительному и важному явленію. Такимъ образомъ, когда приступаешь и къ изученію Гётѣ, надо оправдать трудъ, который вносишь въ это изученіе, — другими словами, надо прежде всего и главнымъ образомъ выяснить эстетическое значеніе великаго поэта, и вовсе не съ исторической точки зрѣнія, въ смыслѣ, на примѣръ, вліянія его на современниковъ или на потомство, а въ смыслѣ того значенія, которое великій поэтъ имѣетъ для насъ теперь, въ настоящую минуту, хотя бы онъ и былъ отдѣленъ отъ насъ цѣлыми вѣками, какъ на примѣръ, Гомеръ, Данте, Шекспиръ. Къ сожалѣнію, этого Шаховъ не сдѣлалъ, онъ пренебрегъ эстетической оцѣнкой и остановился лишь на историческомъ изслѣдованіи; то, что онъ предпринялъ сдѣлать — сдѣлано прекрасно, но мы не можемъ не прибавить, что вопросъ о Гётѣ далеко не исчерпывается его историческимъ значеніемъ, и что необходима еще другая, эстетическая оцѣнка.

Теперь, сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, коснемся вкратцѣ нѣкоторыхъ частей книги Шахова.

Приступая къ изученію Гётѣ, нашъ авторъ дѣлаетъ очень вѣрную характеристику XVIII вѣка, прозваннаго, какъ извѣстно, просвѣтительнымъ. Къ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ онъ, обстоятельства измѣняются. Мы вступаемъ въ періодъ ли-

тературнаго и общественнаго броженія. Германія принимается за работу надъ просвѣдательными началами XVIII вѣка; она знакомится съ результатами, добытыми Франціей и Англійей, и вноситъ съ своей стороны въ европейское движеніе XVIII вѣка самостоятельныя специфически-германскіе элементы. Это такъ называемое просвѣдательное движеніе XVIII в. отмѣчено въ Германіи совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ въ Англии и Франціи. Въ Англии оно шло болѣе или менѣе равномѣрно; теоретическія идеи старались мириться съ практикою, которая въ свою очередь къ нимъ прилаживалась, и обѣ стороны успокаивались на компромиссѣ. Во Франціи умственное движеніе вступило въ борьбу съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, контрастъ былъ рѣзче, сталкивались начала почти дѣйствительно противоположныя; имъ нельзя было такъ легко вступить въ сдѣлку: съ одной стороны — католицизмъ, съ другой — свободная мысль Вольтера и энциклопедистовъ; съ одной стороны — абсолютизмъ, съ другой — пропаганда всеобщаго братства и равенства. Въ результатѣ получилась французская революція. Въ Германіи просвѣдательное движеніе почти не заходитъ въ область политическихъ вопросовъ. Нѣкоторые историки приписывали это, между прочимъ, политическому несовершеннѣйшю нѣмцевъ, тому, что нѣмецъ отъ природы не былъ тѣмъ „общественнымъ животнымъ“, о которомъ говоритъ Аристотель. Но это равнодушіе къ политическимъ интересамъ, которое мы замѣчаемъ въ Германіи прошлаго вѣка, лучше объясняется крайней политической разрозненностью самой страны. Общественный, публичный, политическій интересъ не могъ сознаться тамъ, гдѣ онъ приравнивался къ частному, домашнему интересу князя-помѣщика: отдѣльныя германскія политическія единицы походили скорѣе на хозяйства, чѣмъ на государства. Отсюда такое, почти полное, безучастіе къ общественнымъ дѣламъ, такое отсутствіе политическихъ взглядовъ. Но если просвѣдательное движеніе въ Германіи мало касалось вопросовъ политическихъ, зато тѣмъ съ большей силой оно захватило вопросы философіи вообще и, преимущественно, задачи литературныя и художественныя. Вторая половина XVIII вѣка въ Германіи представляетъ для насъ специально-литературный періодъ. Въ параллель къ девяностымъ годамъ прошлаго вѣка Франціи, Германія можетъ указать на два великія явленія нѣмецкаго XVIII вѣка: на „Фауста“ Гете и на „Критику чистаго разума“ Канта.

Въ литературѣ, которая такимъ образомъ возникла въ Германіи, замѣчаются въ половинѣ вѣка три разнородныхъ теченія. Во-первыхъ — буржуазное, бюргерское; потребители этой литературы, которые набирались въ средѣ образованнаго мѣщанства, не могли уже больше интересоваться искусственно вы-

строеной и выглаженной трагедіей, дворцовой одой, монотонными посланіями, выросшими въ атмосферѣ куртизановъ. Новыхъ людей, расположившихся на историческую авансцену, интересовала ихъ собственная обыденная жизнь, ея незатѣйливая обстановка, ея радости и горе, даже ея мелочи и подробности. Салонный тонъ, изысканная приличность и придворная торжественность классической школы должны были уступить мѣсто сравнительно большей простотѣ, естественности и искренности новаго литературнаго направленія. Естественное отрицаніе псевдо-классической торжественности и сухости, вторыхъ, привело эту буржуазную литературу къ другому важному элементу — къ сентиментальности. XVIII вѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ вѣкъ чувствительный; въ мѣщанскомъ кружкѣ лицо не стѣснено этикетомъ и „не испорчено“ лицемѣрною обстановкою двора. Оно не только не скрываетъ своихъ чувствъ и впечатлѣній, но и впадаетъ въ другую крайность: навязываетъ ихъ всѣмъ и каждому, тѣшится ими, фантазируетъ и мечтаетъ. По мнѣнію Шахова, въ этомъ сентиментализмѣ слышится разочарованіе, сомнѣніе въ идеяхъ. Сентиментализму, конечно, еще далеко до „мировой“ скорби, до разрыва съ дѣйствительностью; но этотъ сентиментализмъ уже въ тѣсной связи съ „Новою Элоизою“ Руссо и съ гётевскимъ „Вертеромъ“. Завершеніемъ всего этого потока является Лессингъ. „Подобно Лютеру, — говоритъ Гейне, — Лессингъ имѣетъ значеніе не только вслѣдствіе тѣхъ особенныхъ опредѣленныхъ задачъ, которыя онъ преслѣдовалъ, но и потому, что онъ до глубины возбудилъ интересы нѣмецкаго народа и своей критикой и полемикой вызвалъ благотворную дѣятельность умовъ. Онъ былъ живой критикой своего времени, и вся его жизнь была полемикой: эта критика распространялась на всѣ области мысли и чувства, на религію, науку и искусство. Эта полемика побуждала всѣхъ противниковъ и укрѣплялась послѣ каждой побѣды“. Третьимъ направленіемъ была такъ называемая *серафическая* поэзія, которая нашла себѣ полное выраженіе въ „Мессіадѣ“ Клопштока. Развитію религіозной поэзіи содѣйствовало знакомство съ Мильтономъ, но нельзя упустить изъ виду, что серафическое направленіе нашло себѣ почву, подготовленную распространеніемъ съ одной стороны протестантскаго пѣтизма, съ другой — сентиментальности.

Такова была умственная почва, на которую выступилъ молодой Гёте. Гёте выступилъ почти въ то самое время, когда въ Германіи возникъ такъ называемый Sturm und Drang Periode. Это — очень любопытное явленіе. Принципы Руссо, ученіе объ индивидуализмѣ, о природѣ и чувствѣ, получило въ Германіи самостоятельное, оригинальное развитіе. Во Франціи въ теоріи

о природныхъ правахъ человѣка, въ изслѣдованіи первобытнаго состоянія человѣка стали искать подтвержденія ученія о политической свободѣ личности; въ Германіи это самое движеніе противъ авторитетовъ сосредоточилось въ литературѣ и на вопросахъ частнаго быта. „Для нѣмца прошлаго вѣка, говоритъ Шаховъ, политическая сфера была безынтересна, между тѣмъ какъ, благодаря подготовительнымъ работамъ буржуазнаго правленія, благодаря трудамъ Лессинга, Клопштова и ихъ послѣдователей, въ націи было возбуждено участіе къ литературнымъ вопросамъ. Въ семидесятихъ годахъ это движеніе достигло высшаго напряженія, увлекло за собою всю образованную бюргерскую молодежь и разрослось въ цѣлую литературную революцію. Было попираемо все, что напоминало правило и искусственность: не одни лжеклассическіе образцы, но и вообще всякій догматизмъ, всякая формалистика; а извѣстно, на примѣръ, какую крупную роль играла эта формалистика въ протестантизмѣ. За субъектомъ стали признавать неограниченное право свободно выражать свои мысли и ощущенія; но при этомъ доходили до самой необузданной игры мыслями и установили культъ безпредѣльнаго чувства. Лейхсенрингъ учредилъ тайный союзъ подъ названіемъ ордена чувствительности; боготворили дружбу и тайную симпатію душъ. Новыми литературными идеалами сдѣлались Гомеръ, какъ представитель народной первобытной поэзіи, Оссіанъ — поэтъ чувства и „неиспорченной“ старины, Шекспиръ — какъ полная противоположность лжеклассикамъ и какъ высшій выразитель естественности“. „При всемъ комизмѣ выходовъ бурныхъ геніевъ, нельзя отрицать великое значеніе этого періода въ исторіи нѣмецкаго развитія. Послѣ эпохи литературнаго и общественнаго броженія, когда улеглись дикіе порывы молодого поколѣнія, мы встрѣчаемся съ крупными результатами, выработанными этимъ временемъ. Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка мы застаемъ нѣмецкую литературу уже вполне сблизившуюся съ жизнью и выросшею до значенія общественной силы. Мы застаемъ поэтовъ и мыслителей, свободно относящихся къ такимъ литературнымъ и научнымъ вопросамъ, обсужденіе которыхъ возможно только тамъ, гдѣ принципы традиціи и авторитета уже утратили свою неприкосновенность и свое обязательное значеніе. Тотъ мыслитель, который зачитывался Руссо, является передъ нами съ великимъ твореніемъ, въ которомъ прочитана отходная всякой метафизикѣ (Кантъ); тотъ поэтъ, который предавался дикимъ и необузданнымъ порывамъ въ кружкахъ 70-хъ годовъ, даетъ міру величайшее литературное произведеніе, изобразившее всѣ стремленія, всѣ муки, всѣ страданія, всю сложную внутреннюю жизнь новаго человѣчества (Фаустъ)...“ Но еще гораздо раньше

„Фауста“, который принадлежит не бурному періоду, а является лишь его окончательнымъ результатомъ, Гёте отдалъ дань этимъ крайнимъ и часто нелѣпымъ увлеченіямъ тогдашней нѣмецкой молодежи въ двухъ первоклассныхъ произведеніяхъ: въ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и въ „Вертеръ“. У Шахова при разсмотрѣніи этого періода, столь важнаго для характеристики самого Гёте, является цѣлый рядъ превосходныхъ характеристикъ Якоби, Лафатера, Канта, Лессинга. Я даже думаю, что, предпосылая „Фаусту“ двѣ лекціи о Кантѣ, Шаховъ преувеличиваетъ значеніе ученія Канта по отношенію къ Гёте; если въ „Фаустѣ“ и можно отыскать основныя положенія кантовой критики чистаго разума, то лишь эпизодически, какъ совпаденія. Кантъ никогда не имѣлъ особеннаго вліянія на Гёте; если между ними есть нѣкоторое сходство въ основныхъ положеніяхъ, то только потому, что оба они подчинялись одному и тому же умственному движенію. Съ другой стороны Шаховъ, преувеличивая значеніе Канта для Гёте, почти совершенно умалчиваетъ о необыкновенномъ вліяніи на Гёте Спинозы. „Этика“ Спинозы въ теченіе всей жизни была любимой книгой Гёте, и въ лучшихъ, наиболѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ великаго поэта можно легко найти слѣды этихъ чтеній. Натура конкретная, реалистическая, съ темпераментомъ по преимуществу поэтическимъ, Гёте увлекался пантеистической тенденціей. Изъ всѣхъ метафизиковъ Гёте больше всего интересовался Спинозой. Подобно Спинозѣ, Гёте былъ склоненъ къ пантеизму. Для него недоступны были отвлеченныя дѣйствскія понятія, выработанныя англійскими и французскими мыслителями прошлаго вѣка. Онъ не могъ отдѣлить Бога отъ міра, наполнялъ міръ божествомъ, видѣлъ во всей природѣ его проявленіе, словомъ, сливалъ во единое Бога и природу. Впослѣдствіи Гёте выразилъ въ „Фаустѣ“, въ бесѣдѣ его съ Гретхенъ, краснорѣчивое признаніе пантеистическихъ убѣжденій. Но, на мой взглядъ, наиболѣе ярко выразилось вліяніе Спинозы въ „Прометей“ Гёте. Въ разборѣ Шахова гётевскій Прометей является въ слѣдующемъ видѣ: „Прометей въ фрагментѣ Гёте — самоубытный, дерзкій титанъ, который съ помощью Минервы, независимо отъ Зевса, творить людей и помогаетъ имъ устроиться на землѣ. Грозно звучитъ его заключительный монологъ противъ Зевса: „Мнѣ почитать тебя? за что это? облегчилъ ли ты кому нибудь страданія, осушалъ ли ты когда либо слезы скорбящаго? А меня не сотворили ли мужемъ всемогущее время и вѣчная судьба — мои и твои владыки? — Или ты воображалъ, что я возненавижу жизнь и убѣгу въ пустыню оттого, что не осуществяются всѣ радужныя сновидѣнія? — Здѣсь сажу я, создаю людей по моему образу, — поколѣніе, которое, подобно мнѣ, будетъ страдать и плакать, наслаждаться жизнью и радо-

ваться, которое, подобно мнѣ, не будетъ чтить тебя“. Во фрагментѣ Гёте, проникнутомъ неукротимымъ титанизмомъ, сквозитъ вліяніе Спинозы. Прометей не подчиняется богамъ, потому что онъ признаетъ высшее начало, высшую силу, которой повинуются и отъ которой зависитъ все существующее. Когда Меркурій упрекаетъ его въ неповиновеніи богамъ, Прометей говоритъ ему о нихъ: „Вы — безконечны? вы всемогущіе? А что можете вы? можете вы все небо и всю землю сжать мнѣ въ кулакъ? или разлучить меня съ самимъ собой, или расширить меня въ цѣлый міръ?“ Онъ склоняется передъ *необходимостью* мировыхъ законовъ, которыхъ не можетъ измѣнить ни онъ самъ, ни Зевсъ, которыхъ вѣчное теченіе не можетъ быть нарушено прихотливой волей какого нибудь Меркурія, которымъ безусловно должно подчиняться всякое явленіе, всякая тварь, всякое отдѣльное бытіе. Прометей творитъ свой міръ, и въ его отношеніяхъ къ этому міру опять обнаруживается вліяніе пантеизма Спинозы: „Вотъ мой міръ, мое *всё!* Въ этомъ я чувствую самого себя; здѣсь всё мои желанія воплотились въ тѣлесные образы. Здѣсь мой духъ, имъ проникнуто мое дорогое потомство“. Таково представленіе Гёте о божествѣ, наполнявшемъ и проникавшемъ природу. Прометей Гёте имѣетъ еще одну сторону, которая обозначена въ немъ рѣзче, чѣмъ въ аналогическихъ ему произведеніяхъ. Онъ — художникъ, онъ наслаждается процессомъ своего творчества, формами, которыя онъ сообщаетъ своимъ созданіемъ, онъ погруженъ въ художественное воспріиженіе своего подобія, своихъ идей — если хотите. Этой стороной онъ еще ближе подходитъ къ самому Гёте, который самъ объясняетъ происхождение „Прометея“ отчасти тѣмъ страстнымъ желаніемъ „творить“, тѣмъ стремленіемъ къ художественному созиданію, которымъ онъ былъ въ то время охваченъ и которому онъ предавался вполне самостоятельно, рассчитывая на свои собственныя дарованія и отклоняя внѣшнюю помощь“. Достаточно простаго вниманія, чтобы въ гётевскомъ „Прометей“ замѣтить совершенно ясно выраженными всё характеристическія черты „Этики“ Спинозы. Шаховъ дѣлаетъ совершенно вѣрное заключеніе, говоря, что по крайней мѣрѣ отчасти философіи Спинозы онъ обязанъ своимъ примиреніемъ съ жизнью послѣ пережитой имъ умственной тревоги; разумѣется, еще большую роль играла въ этомъ самая натура Гёте и его разсудительность. Какъ бы то ни было, но философія Спинозы способствовала въ значительной мѣрѣ его душевному успокоенію; она дала готовыя формы для его философскихъ воззрѣній и этимъ самымъ сообщила имъ стройность, закрѣпила ихъ. Въ Спинозѣ, — пишетъ Эккерманъ, — Гёте находилъ самого себя, и такимъ образомъ ему легко было на немъ обосноваться. Съ

того времени начинаютъ стихать юношескіе порывы Гёте. Правда, еще впереди остается нѣсколько бурныхъ годовъ веймарской жизни, но въ эти первые годы пребыванія Гёте въ Веймарѣ, если онъ и предается вмѣстѣ съ молодымъ герцогомъ необузданнымъ шуткамъ и выходкамъ дикаго генія, — уже незамѣтна та меланхолическая сентиментальность, которая находила на него въ 1772—73 году, уже прошла та вертеровская лихорадка, которая въ то время подчасъ наводила его на мысль о самоубійствѣ. Вотъ почему я думаю, что, удѣляя такое обширное мѣсто Канту, влияние котораго на Гёте было гораздо менѣе значительно, Шаховъ напрасно не предпослалъ болѣе или менѣе связанный очеркъ философіи Спинозы, которому въ развитіи новѣйшей мысли слѣдуетъ отвести по меньшей мѣрѣ мѣсто рядомъ съ Кантомъ.

Обращаясь къ разбору „Фауста“ (лекторъ посвятилъ этому разбору три лекціи), Шаховъ главнымъ образомъ указываетъ на то, что въ образѣ Фауста въ самомъ чистомъ видѣ выразилась такъ называемая міровая скорбь. Міровой скорбникъ страдаетъ какъ бы за все человѣчество, за все свое поколѣніе; сама природа человѣка, его ограниченность, его конечность — мотивы его страданій. Не личное несчастье — корень пессимизма Фауста; это не результатъ его практическихъ неудачъ или ударовъ судьбы, не продуктъ какой нибудь несчастной страсти, не находящей себѣ удовлетворенія, не слѣдствіе житейскихъ невзгодъ и промаховъ. Міровая скорбь есть исключительный результатъ умственной внутренней борьбы, глубокаго разлада въ мировоззрѣніи. Міровая скорбь, какъ литературное явленіе, есть одно изъ самыхъ любопытныхъ и интересныхъ явленій всемірной литературы. Она возникла, какъ мы уже знаемъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, въ „Фаустѣ“; и съ тѣхъ поръ она является типической чертой всей послѣдующей всемірной литературы включительно до Генриха Гейне, который почему-то (на мой взглядъ, ложно) считается наиболѣе яркимъ представителемъ этой міровой скорби. Такимъ образомъ это любопытное психическое состояніе прошло чрезъ горнило такихъ поэтовъ, какъ Леопарди, Ламартинъ, Гете, Шиллеръ, Байронъ, Мицкевичъ, Лермонтовъ, Гейне. Это есть своего рода болѣзнь, которою страдали всѣ великіе поэты первой половины XIX вѣка. Тенъ такъ объясняетъ эту болѣзнь, заканчивая свой мастерской этюдъ о Байронѣ: „Такъ жилъ и умеръ этотъ несчастный великій человѣкъ (Байронъ); болѣзнь вѣка не имѣла болѣе великой жертвы. Вокругъ него, какъ гекатомбы, лежатъ другіе, пораненные величіемъ своихъ способностей и невоздержанностью желаній, одни — потухшіе въ ступѣнн и пьянствѣ, другіе — истасканные наслажденіемъ и трудомъ; одни — въ без-

уміи и самоубійствѣ, другіе — въ сознаніи своего безсилія; всѣ — въ отчаяніи или въ страданіяхъ, самыя сильныя нося въ сердцѣ рану до самой старости. Голоса ихъ наполнили цѣлое столѣтіе, и мы стоимъ вокругъ нихъ, прислушиваясь, какъ наше сердце тихонько вторитъ ихъ голосамъ. Мы были столь же печальны, какъ и они, и столь же склонны къ возмущенію. Демократія возбуждала наше честолюбіе, не удовлетворяя его; философія воспламеняла въ насъ любопытство, не давая ничего положительнаго... Изъ этого всеобщаго настроенія возникла одна идея, — центръ литературы, искусства, религіи вѣка: — идея, что есть какое-то уродливое несоотвѣтствіе между частями нашего организма, и что судьба человѣка испорчена, искажена этимъ несоотвѣтствіемъ...”

На этомъ воспоминаніи о великихъ скорбникахъ, между которыми Гёте былъ однимъ изъ самыхъ великихъ, я закончу мой этюдъ о книгѣ Шахова. Повторяю, она заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читающей публики, какъ превосходный, полный и законченный этюдъ о Гёте и какъ превосходнѣйшая характеристика исторіи умственнаго движенія во второй половинѣ XVIII вѣка и въ первой — XIX. Послѣднія лекціи Шахова имѣютъ спеціальныи интересъ: въ нихъ онъ указываетъ тѣ черты, въ которыхъ видна гениальная прозорливость Гёте, тѣхъ новыхъ настроеній, изъ которыхъ должна возникнуть новая поэзія. Ту же самую мысль мы встрѣчаемъ у Тена: „Существуетъ, — говоритъ онъ, — другой отвѣтъ, болѣе глубокий, отвѣтъ, которой Гёте далъ первый, и который мы начинаемъ теперь подозрѣвать, отвѣтъ, къ которому стремится весь трудъ и весь опытъ вѣка и который составитъ содержаніе будущей литературы: „Старайся познать себя и познать также окружающее“. Отвѣтъ странный, который даже не кажется отвѣтомъ, но все значеніе котораго будетъ понято только впоследствии“.

В. Чуйко

СВИДАНІЕ

Медленно ѣду я рошей березовой,
Ѣду, не зная куда.
Гаснетъ и гаснетъ закатъ блѣднорозовый,
Первая блещетъ звѣзда.
Мѣсяць украдкой всплываетъ надъ рошею,
Путь предо мной серебра.
Вправо — чернѣютъ кустарники тошіе,
Влѣво — пылаетъ заря.

Шире и сумрачнѣи тѣни вечернія,
Гуще цвѣтовъ аромать...
Думы безсмѣнныя, грезы безсонныя
Дальше и дальше манятъ.
Вотъ миновалъ я и рошу, и медленно
Ѣду, не зная куда.
Ну же, мой конь! — и, ударивши шпорами,
Я отпустилъ повода.

Ѣду... А сердце мечтой непонятною
Сжалось и больно стучить.
Ночь благовонная, ночь благодатная,
Что-то она мнѣ сулитъ?..
Чѣмъ-то знакомымъ вдругъ въ душу повѣяло —
Силы нѣтъ ѣхать... пойду...

Тутъ мое счастье. — что сердце лелѣяло, —
Въ этомъ тѣнистомъ саду.

Грустный, стою, опершися на загородь,
Липы чуть-чуть шелестятъ...
О, неужели моя ненаглядная
Выйдетъ въ задумчивый садъ?
Чу! будто хрустнуло!.. вонъ что-то бѣлое
Мнѣ закивало, маня...
Боже! ужели?.. о счастье! о молодость! —
— Жизнь моя! радость моя!

И. Лялечкинъ

Американское государственное устройство

О ЧЕРКЪ

А. ШЁНБАХА

Англійская литература обогатилась не такъ давно новымъ замѣчательнымъ произведеніемъ — мы говоримъ о книгѣ Джемса Брайса (*The American Commonwealth*, by James Bryce, 3 vols), члена англійскаго парламента отъ Абердина. Профессоръ Брайсъ, шотландецъ по происхожденію, обратилъ на себя впервые вниманіе образованнаго міра своимъ превосходнымъ сочиненіемъ „Священная Римская имперія“, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1874 году, и послѣ этого не разъ еще выступалъ передъ публикою въ качествѣ политическаго писателя или путешественника; съ 1870 года онъ состоялъ профессоромъ гражданскаго права (*Regius Professor of Civil Law*) въ оксфордскомъ университетѣ, съ 1880 года занялъ мѣсто въ парламентѣ, а въ послѣднемъ министерствѣ Гладстона исполнялъ обязанности товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ принадлежитъ къ числу талантливейшихъ англійскихъ политиковъ молодаго поколѣнія; его образованіе широко и разносторонне, и въ парламентѣ онъ игралъ всегда выдающуюся роль.

Въ своей новой превосходной книгѣ Брайсъ вводитъ насъ въ суть государственнаго устройства Сѣверной Америки — отъ организаціи ея центрального правительства до устройства управленія отдѣльныхъ штатовъ. У насъ едва ли особенно распространены свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Можно даже смѣло утверждать, что мы имѣемъ лишь весьма смутныя представленія даже и о такомъ важномъ актѣ для внутренней и международной жизни великой заатлантической республики, каково избраніе президента Штатовъ. Поэтому будетъ небезынтересно и нелишне дать въ краткихъ словахъ изложеніе важнѣйшихъ органовъ американскаго государственнаго организма.

I

Основу всѣхъ законовъ въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ конституція 1787 г., разработанная представителями 13-ти штатовъ, образовавшихъ тогда Сѣверо-Американскій Союзъ, и утвержденная и принятая затѣмъ каждымъ штатомъ въ отдѣльности. Эта конституція содержитъ всего семь параграфовъ, къ которымъ впоследствии были добавлены пятнадцать дополнительныхъ пунктовъ, 1—10 уже въ 1794 г.; три послѣдніе, относящіяся къ освобожденію негровъ и къ урегулированію отношеній послѣ гражданской войны, были написаны лишь въ 1865—1870 гг. Этотъ документъ есть не только плодъ соображеній упомянутыхъ представителей 13-ти штатовъ, — онъ находится въ связи какъ съ настоящей конституціей штатовъ, такъ и съ служившими ему первообразомъ англійскими установленіями, и въ то же время въ общемъ своемъ духѣ проникнуть монтеस्कьевскимъ „*Esprit des lois*“, авторитетнѣйшимъ произведеніемъ XVIII вѣка. Отсюда прежде всего исходитъ тщательное раздѣленіе власти законодательной, исполнительной и судебной.

Законодательная власть Союза передана въ вѣдѣніе двухъ учреждений, которыя оба избираются народомъ, хотя неодинаковымъ путемъ. *Сенатъ* состоитъ изъ представителей штатовъ, по два отъ cadaго, которые избираются на шесть лѣтъ, и притомъ такъ, что каждые два года истекаетъ срокъ полномочій третьей части сенаторовъ. Такое постепенное обновленіе сената имѣетъ цѣлью дать ему большую прочность и сохранить извѣстную традицію въ веденіи дѣлъ. Такъ какъ въ февралѣ прошлаго года въ составъ Союза вошли четыре новыхъ штата, — именно Сѣверная и Южная Дакота, Вашингтонъ и Монтана, — то въ настоящее время Союзъ состоитъ изъ 42 штатовъ, слѣдовательно, всѣхъ сенаторовъ — 84. Вицепрезидентъ Союза есть въ то же время президентъ сената. Это учрежденіе принимаетъ участіе во всѣхъ трехъ родахъ государственной власти: въ законодательной, поскольку въ сенатѣ могутъ быть предлагаемы и принимаемы законы, если имѣется согласіе палаты представителей и президента; въ исполнительной, такъ какъ назначеніе президентомъ чиновниковъ и заключаемые имъ договоры съ иностранными державами нуждаются въ утвержденіи сената; наконецъ сенату ввѣрено въ то же время судебное разбирательство всѣхъ, возбужденныхъ представителями, обвиненій противъ президента, высшихъ чиновниковъ и правительственныхъ судей.

Если сенатъ представляетъ отдѣльные штаты, какъ равноправныхъ членовъ Союза, то *палата представителей* или просто „палата“ составляется по непосредственнымъ выборамъ на-

селения, однако по мѣрѣ распредѣленія его по штатамъ. Первоначально былъ установленъ такой порядокъ, что на каждыя 30.000 жителей штата избирался одинъ представитель; но такъ какъ число представителей при этомъ порядкѣ со временемъ выросло выше всякой мѣры, и это начало ставить много серьезныхъ препятствій плодотворной дѣятельности палаты представителей, то пришлось ограничить ихъ количество, не давая точнаго отношенія ихъ къ массѣ населенія (въ среднемъ теперь приходится одинъ представитель на 150.000 жителей, но въ отдѣльныхъ случаяхъ это отношеніе сильно измѣняется въ ту и другую сторону): въ настоящее время всѣхъ представителей полагается 325. Многие штаты имѣютъ всего по одному депутату, у другихъ ихъ нѣсколько, у Нью-Йорка — 34, у Пенсильваніи — 28. Представители избираются гражданами Союза на два года, и если выборы ихъ совпадутъ однажды съ выборомъ президента, то въ слѣдующій разъ они придутся въ концѣ половины срока президентскихъ полномочій. Въ палатѣ предсѣдательствуетъ избираемый ею „ораторъ“ (спикеръ). Онъ обладаетъ очень большимъ вліяніемъ, такъ какъ не сама палата назначаетъ комисіи, въ которыхъ происходитъ предварительное обсужденіе дѣлъ, — какъ это происходитъ въ сенатѣ, — а „ораторъ“. Прежде всего палатѣ присвоено право и обязанность утверждать всѣ расходы по управленію Союзомъ и вообще на всѣ потребности Союза. Затѣмъ, какъ и сенату, ей предоставлена инициатива въ дѣлѣ законодательства.

Сенатъ и палата представителей вмѣстѣ образуютъ *конгрессъ*, но иногда это имя даютъ и одной палатѣ. Сенаторы и представители получаютъ ежегодное жалованье въ размѣрѣ 5000 долларовъ, т. е. почти 6500 мет. руб., такъ какъ повышение его до 7500 долларовъ = 9750 мет. руб. не было одобрено конгрессомъ; однако въ послѣднее время замѣтно желаніе установить это увеличенное жалованье, такъ какъ перерывъ въ постоянныхъ занятіяхъ и дороговизна жизни въ столицѣ Союза, Вашингтонѣ, не даютъ никакой возможности просуществовать на меньшія средства. Каждый конгрессъ имѣетъ двѣ сессіи: долгую, которая начинается въ концѣ выборнаго года и тянется до іюля или августа слѣдующаго года, и короткую — отъ сентября этого втораго года до слѣдующаго 4-го марта. Такимъ образомъ представители въ продолженіе своихъ полномочій работаютъ фактически 10—12 мѣсяцевъ.

Высшею властью Союза является *президентъ*, избираемый на четыре года, въ концѣ ноября, но вступающій въ исполненіе своихъ обязанностей лишь съ 4-го марта слѣдующаго года. Онъ выбирается не непосредственно народными избирателями, — граждане Штатовъ для этой цѣли назначаютъ особыхъ

электоровъ (electors), число которыхъ равняется количеству представителей каждаго штата въ конгрессѣ; такъ Пенсильванія назначаетъ 30 электоровъ, ибо она имѣетъ 28 представителей и 2 сенаторовъ. Президентъ служитъ представителемъ единства Штатовъ предъ иностранными державами; онъ сносится съ ними чрезъ посредство посланниковъ и, съ согласія сената, заключаетъ съ ними договоры. И внутри Союза онъ представляетъ союзную власть, такъ какъ отъ него исходитъ весь авторитетъ союзныхъ чиновниковъ; онъ назначаетъ ихъ, какъ скоро сенатъ одобритъ предлагаемыхъ имъ кандидатовъ. Онъ блюдетъ за исполненіемъ законовъ и, въ случаѣ необходимости, созываетъ конгрессъ въ экстренныя засѣданія. Каждый изготавленный конгрессомъ законопроектъ, чтобы сдѣлаться закономъ, долженъ получить утвержденіе президента. Если президентъ отклоняетъ его, налагаетъ свое veto, то конгрессъ можетъ, конечно, уничтожить это veto, если тотъ же законопроектъ будетъ снова предложенъ и принятъ въ обѣихъ палатахъ большинствомъ двухъ третей голосовъ; тогда онъ дѣлается закономъ и безъ утвержденія президентомъ. Ограниченная власть главы Союза дѣлается чрезвычайно большою во время войны, такъ какъ президентъ есть высшій главнокомандующій арміею и флотомъ; войну, впрочемъ, объявляетъ конгрессъ. Президентъ можетъ быть избранъ во второй разъ, и это случалось уже не разъ (Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ, Монро, Джексонъ, Линкольнъ, Грантъ). Согласно конституціи, онъ могъ бы быть избранъ и въ третій, и въ четвертый разъ, и т. д., — но отказъ Вашингтона послѣ вторичнаго исполненія президентскихъ обязанностей налагаетъ на всѣхъ его преемниковъ ограниченіе, котораго не могли нарушить и въ недавнее время, когда большинство голосовъ высказалось за третье президентство Улисса С. Гранта. Президентъ получаетъ 50.000 долларовъ = 65.000 мет. руб. годоваго содержанія и живетъ въ „Бѣломъ домѣ“ въ Вашингтонѣ.

Вицепрезидентъ избирается одновременно съ президентомъ; постъ этотъ обыкновенно не пользуется никакимъ значеніемъ, такъ какъ даже въ сенатѣ, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, онъ имѣетъ только одинъ рѣшающій голосъ. Онъ вдругъ становится могущественнымъ лицомъ, когда умираетъ президентъ, — потому что тогда вицепрезидентъ исполняетъ обязанности главы Союза до истеченія срока выборовъ, и это въ первое столѣтіе жизни республики случилось уже четыре раза.

Судебную власть Союза представляютъ три рода учрежденій: окружные союзные суды (Federal district courts), затѣмъ такъ называемые Circuit courts, т. е. суды, мѣняющіе мѣсто своего пребыванія, и наконецъ верховный союзный судъ (Supreme Court), состоящій теперь изъ девяти членовъ и засѣдаю-

щей въ Вашингтонѣ. Въ кругъ дѣйствія союзныхъ судовъ входятъ всѣ дѣла, при рѣшеніи которыхъ получаютъ силу союзные законы: дѣла, касающіяся иностранныхъ посланниковъ; все, что относится къ морскому судебному вѣдомству; дѣла, въ которыхъ на одной сторонѣ стоитъ Союзъ; дѣла между двумя штатами или гражданами различныхъ штатовъ, или между однимъ штатомъ и гражданами другаго штата, или между подданными иностранныхъ державъ. Не всѣ эти дѣла *должны* разбираться союзными судами, но во всѣхъ нихъ дозволяется апелляція къ союзнымъ судамъ на суды отдѣльныхъ штатовъ. Верховный союзный судъ есть въ то же время апелляціонная инстанція во всѣхъ дѣлахъ Союза. Дѣла, не подходящія подъ вышеприведенныя рубрики, — а таково большинство юридическихъ случаевъ повседневной жизни, — разбираются судами отдѣльныхъ штатовъ (State courts), въ предѣлахъ которыхъ есть свой рядъ инстанцій. Союзные судьи назначаются президентомъ съ согласія сената и могутъ быть отставлены отъ должности только по жалобамъ въ сенатъ, а слѣдовательно, назначаются пожизненно. Жалованье въ различныхъ категорияхъ судовъ очень различно; члены верховнаго союзаго суда получаютъ по 10.000 долларовъ = 13.000 мет. руб. въ годъ.

Документъ конституціи — прочное зданіе, внутри котораго воздѣйствуютъ другъ на друга силы, изъ которыхъ состоитъ управленіе Союза. Она прочна, потому что ея положенія составлены не слишкомъ точно и позволяютъ толкованія, какъ того требуютъ измѣняющіяся обстоятельства времени. Она должна быть прочна, чтобы ея постановленія не такъ легко уступали давленію всемогущихъ, въ сущности, народныхъ массъ. Поэтому-то она нѣкоторымъ образомъ и предохранена отъ измѣненій: ибо вѣдь очень трудно получить требуемое для этой цѣли большинство двухъ третей голосовъ конгресса, одобреніе президента, но прежде всего — утвержденіе по крайней мѣрѣ двумя третями всѣхъ штатовъ. Если не смотрѣть на тѣ дополненія, которыя оказались необходимыми въ первые же годы ея дѣйствія и которыя исправили недостатки ея первоначальной редакціи, то конституція оказалась гораздо болѣе долговѣчной, чѣмъ того можно было ожидать. Только разрѣшеніе вопроса о невольничествѣ, осуществленное путемъ гражданской войны, потребовало существенныхъ добавленій. Наше столѣтіе самымъ блестящимъ образомъ засвидѣтельствовало мудрость ея составителей, не желавшихъ разъ навсегда предначертать всѣ ея пути въ будущемъ и оставившихъ свободную дорогу для непредвидѣннаго развитія государства. Передъ націей встали громадныя задачи; отчасти она ихъ преодолѣла, отчасти приступила къ ихъ разрѣшенію; четырехлѣтняя гражданская война, стоим-

шая жизни милліона мужчинъ и нагромоздившая колоссальный государственный долгъ, потрясла націю во всѣхъ ея слояхъ; Соединенные Штаты раскинулись чрезъ всю ширину континента и занимаютъ теперь такое пространство, въ сравненіи съ которымъ ихъ первоначальная территория кажется незначительной; число ея обитателей поднялось до шестидесяти милліоновъ; изобрѣтенія и средства сообщенія измѣнили весь ходъ жизни: — но конституція въ ея немногихъ печатныхъ листкахъ оказалась достаточно прочной, чтобы сдержатъ народныя волны, и притомъ достаточно гибкой, чтобы не препятствовать успѣшному развитію всѣхъ силъ страны.

Конечно, и сама конституція въ настоящее время уже не та, что была въ дни ея написанія, хотя буква ея осталась неприкосновенной. Значеніе словъ мѣстами измѣнилось; въ ея положенія, гдѣ это можно было сдѣлать безъ искаженія смысла, было внесено много такого, чего она прежде не заключала въ себѣ, ибо была написана раньше. Но главнымъ образомъ измѣнилось отношеніе народа къ этому документу: политическое образованіе слагается нынѣ совсѣмъ изъ другихъ элементовъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, и потому многія изъ ея общихъ опредѣленій понимаются въ настоящее время совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ они были тогда написаны. Это ничего не значитъ и свидѣтельствуетъ только о цѣльности конституціи; но все же отцы конституціи, еслибы они могли увидѣть теперь свое произведеніе, пришли бы въ изумленіе отъ переменъ, происшедшихъ въ ней.

Положеніе *президента* основатели республики обставили множествомъ загорождокъ и мѣръ предосторожности, ибо они боялись, что власть высшаго чиновника Союза можетъ противозаконно расширяться и превратиться въ тираннію. Это опасеніе не сбылось, но, несмотря на ревнивое противодѣйствіе конгресса, положеніе президента въ общемъ окрѣпло — уже по тому одному, что въ настоящее время измѣнился характеръ различныхъ способовъ назначенія союзныхъ властей, установленный конституціею. Въ то время какъ сенатъ, по характеру своего избранія, служить представителемъ отдѣльныхъ штатовъ, какъ равноправныхъ членовъ Союза, а палата представителей представляетъ самый народъ вслѣдствіе непосредственнаго своего выбора этимъ народомъ, — президентъ, поставленный по срединѣ, долженъ былъ избираться націей же, но чрезъ посредство особыхъ электоровъ. Разумѣется, такой порядокъ имѣлъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока эти электоры оставались совершенно независимы въ своемъ голосованіи отъ народныхъ избирателей; но лишь только появились въ странѣ большія политическія партіи, которыя стали предлагать для избранія сво-

ихъ кандидатовъ, электоры оказались просто-напросто голосующими курами; благодаря этому избраніе президента происходитъ непосредственно отъ народныхъ избирателей, и счетъ голосовъ электоровъ обращается въ праздную церемонію, которая могла бы совершенно уничтожиться. Такое обстоятельство усиливаетъ положеніе президента, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи, ибо авторитетъ его возвращается прямо къ народу, какъ и авторитетъ избирателей. Впрочемъ, и въ избраніи сенаторовъ воля націи имѣетъ теперь большее значеніе, чѣмъ это было установлено въ свое время. Именно, обѣ главнѣйшія американскія партіи, республиканская и демократическая, раскинулись по всей территоріи Союза, и составъ отдѣльныхъ законодательныхъ собраній штатовъ, изъ которыхъ выходятъ сенаторы, до такой степени совершенно зависитъ отъ народныхъ избирателей, что послѣдніе на практикѣ сами опредѣляютъ и выборъ сенаторовъ. Дѣло не измѣнилось бы и въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто большихъ политическихъ партій на сцену выступили мѣстные интересы отдѣльныхъ штатовъ или группъ штатовъ.

Власть президента, впрочемъ, достаточно стѣснена, ее ограничиваетъ уже короткій срокъ президентскихъ полномочій. Правда, президентъ руководитъ иностранной политикой страны и могъ бы проводить въ ней самостоятельные взгляды; но каждое государственное дѣяніе, опредѣляемое договоромъ, связано съ одобреніемъ сената, а всѣ необходимыя для того расходы должны получить согласіе палаты представителей. Президентъ можетъ, конечно, сильно обострить столкновенія съ иностранными державами, даже сдѣлать невозможнымъ мирное улаженіе ихъ, но едва ли будетъ увѣренъ при этомъ въ одобреніи народа. Войну объявляетъ конгрессъ; но разъ война объявлена, власть президента вдругъ вырастаетъ до крайнихъ предѣловъ; тогда онъ на дѣлѣ менѣе связанъ, чѣмъ древне-римскій диктаторъ. Завѣдываніе всѣми государственными интересами на время войны, само собою разумѣется, соединяется въ рукахъ президента, — иначе не могло бы быть общности въ веденіи дѣлъ. Такая громадная власть была въ рукахъ Абрагама Линкольна, и лучшимъ доказательствомъ ея объема можетъ служить то обстоятельство, что его прокламація объ освобожденіи цвѣтныхъ въ то время фактически и совершенно послѣдовательно вынудила появленіе 13—15 дополнительныхъ пунктовъ конституціи. И преемникъ его, Андрю Джонсонъ, тоже показалъ обращеніе такой же, почти неограниченной, власти: когда, во время полувоеннаго состоянія, конгрессъ нападалъ на его мѣропріятія, Джонсонъ оказался въ состояніи по крайней мѣрѣ временно приостановить своимъ противодѣйствіемъ дѣятельность

государственной машины, — конечно, долгое время такой поря-
докъ не могъ продолжаться.

Вліяніе президента на внутреннія дѣла страны обусловлено, прежде всего, находящимся въ рукахъ его правомъ назначенія громадной массы союзныхъ чиновниковъ. Важнѣйшіе изъ нихъ образуютъ кабинетъ президента, который совсѣмъ не предусмотрѣнъ конституціей. При старыхъ простыхъ отношеніяхъ президентъ являлся непосредственнымъ руководителемъ союзаго управленія и лишь ставилъ своихъ замѣстителей во главѣ различныхъ департаментовъ. Такой порядокъ съ вѣшной стороны сохранился и донынѣ, но эти секретари иностранныхъ дѣлъ (Secretary of State), внутреннихъ дѣлъ, казначейства, военный, флота и т. д. — настоящіе министры и, хотя въ непосредственной зависимости отъ президента, все же обладаютъ значительнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла при современномъ широкомъ развитіи всѣхъ сторонъ государственной дѣятельности и при значительномъ количествѣ чиновниковъ. Такъ, на-
примѣръ, въ теченіе долгаго времени тяжелыя задачи американской финансовой политики дѣлали секретаря казначейства однимъ изъ важнѣйшихъ совѣтчиковъ президента. Только передъ президентомъ министры несутъ отвѣтственность; правда, за злоупотребленія своею властью они могутъ быть преданы суду, какъ и каждый союзный чиновникъ и союзный судья; но до сихъ поръ только одинъ разъ — во время втораго президентства Гранта — была сдѣлана подобная угроза, да и тогда дѣло осталось только при одной угрозѣ. Фактически президентъ при выборѣ своего кабинета и въ своемъ сужденіи относительно образа дѣйствій послѣдняго ограниченъ лишь своими отношеніями къ партіи, въ рядахъ которой онъ стоитъ.

Главный атрибутъ президентской власти составляетъ право протеста противъ законодательной дѣятельности конгресса. Именно, послѣдній, подъ вліяніемъ партій, часто занимается разработкою законовъ, заключающихъ въ себѣ много незрѣлаго и иногда даже положительно вреднаго. Въ такихъ случаяхъ veto президента является драгоцѣннымъ препятствіемъ, и частое употребленіе его (напр. недавно оставившимъ этотъ постъ Гроверомъ К. Клевеландомъ) не только не вредитъ президенту въ общественномъ мнѣніи, но даже увеличиваетъ уваженіе къ нему, ибо такой образъ дѣйствій президента производитъ на массу впечатлѣніе личнаго мужества, — а къ нему американцы всегда были очень чувствительны. Лишь очень рѣдко — только въ томъ случаѣ, если взгляды народа или, по крайней мѣрѣ, находящейся у кормила правленія партіи рѣшительно высказались за то или другое мѣропріятіе — конгрессъ рѣшается провести его прямо, не взирая на veto президента.

У президента и его кабинета нѣтъ инициативы въ законодательствѣ, составляющей такую существенную прерогативу правительствъ европейскихъ государствъ. Слишкомъ жалкимъ возмѣщеніемъ такого пробѣла является то, если президентъ въ своемъ посланіи къ конгрессу обратитъ его вниманіе на важные политическіе вопросы и изложитъ тутъ же свои взгляды на нихъ, или если министры, напр. секретарь казначейства или General Attorney — нѣчто въ родѣ министра юстиціи, — въ своихъ отчетахъ президенту изложатъ современное положеніе вещей. Ни на то, ни на другое конгрессъ вовсе не обязанъ обращать вниманіе, да часто онъ такъ и дѣлаетъ. Лишь изрѣдка удастся какомунибудь президенту вынудить своимъ посланіемъ общее вниманіе. Такъ энергическій Клевеландъ поставилъ на очередь вопросъ объ урегулированіи таможеннаго тарифа и объ остаткахъ въ финансовомъ управленіи, который не могъ быть отложенъ теперь въ сторону безъ какого бы то ни было разрѣшенія: этимъ онъ далъ внутренней политикѣ страны сильное, опредѣленное движеніе, которое пережило и его собственную отставку.

Если значеніе президентскаго поста выросло за истекшее столѣтіе въ глазахъ американскаго народа, или — по крайней мѣрѣ — не упало, то нельзя сказать того же о законодательныхъ учрежденіяхъ страны — о *конгрессѣ*. Сенатъ считается, правда, — и вполнѣ справедливо, — опорой конституціи и политической жизни Союза, но его составъ и дѣятельность уже выказываютъ признаки наступающихъ измѣненій. Когда въ 1787 г. образовался Союзъ, всѣ отдѣльные штаты выразили желаніе, чтобы интересы ихъ представлялись чрезъ посредство особыхъ уполномоченныхъ, и именно такимъ образомъ, чтобы суверенность ихъ оставалась вполнѣ обезпеченной. Поэтому каждый штатъ получилъ по два сенатора, не смотря на разницу въ количествѣ ихъ населенія, — и въ настоящее время Нью-Йоркъ съ его почти шестимилліоннымъ населеніемъ, Пенсильванія съ пятимилліоннымъ безъ малаго, большіе штаты запада, Огіо, Индіана, Илинойсъ стоятъ въ этомъ отношеніи на одной ступени съ Делаваромъ, насчитывающимъ 150.000 жителей, съ Родъ-Эйландомъ, имѣющимъ неполныхъ 300.000, или съ пришедшимъ въ упадокъ горнопромышленнымъ штатомъ Невадой, спустившимся уже до 40.000 населенія. Если такой порядокъ устройства сената былъ льготой, данной штатамъ меньшей величины съ цѣлью привлечь ихъ къ вступленію въ Союзъ, то съ другой стороны было стремленіе сдѣлать сенатъ, какъ верхнюю или первую палату, консервативной силой въ государственномъ хозяйствѣ. Эта цѣль была достигнута уже однимъ тѣмъ, что срокъ сенаторскихъ полномочій былъ уста-

новленъ въ шесть лѣтъ; ибо шесть лѣтъ — очень немного, суда по европейской точкѣ зрѣнія, но очень много, если сравнить его съ двухлѣтнимъ срокомъ полномочій палаты представителей и законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Въ то время какъ составъ послѣднихъ двухъ учрежденій измѣняется съ каждымъ колебаніемъ общественнаго мнѣнія, и вслѣдствіе того ихъ дѣятельность въ продолженіе каждой сессіи становится непрочною и зависимою отъ настроенія народа, — шесть лѣтъ сенаторскихъ полномочій представляютъ довольно долгій промежутокъ времени, чтобы предоставить сенаторамъ возможность дѣйствовать болѣе по собственному убѣжденію. Если сенаторъ избирается на второй срокъ, то, уже благодаря своей опытности, онъ занимаетъ мало по малу прочное и почетное положеніе среди своихъ собратьевъ. Въ прежнее время это случалось чаще, чѣмъ теперь: стоитъ только вспомнить имена Кальгуна, Клея и Вебстера; но и за наши десятилѣтія нѣтъ недостатка въ такихъ примѣрахъ: такъ Генри Б. Антони съ 1859 г. въ теченіе долгаго ряда годовъ былъ представителемъ Родъ-Эй-ланда; Джорджъ Ф. Эдмундсъ извѣстенъ всему міру, какъ „великій сенаторъ“ изъ Вермонта; Симонъ Камеронъ изъ Пенсильваніи въ продолженіе восемнадцати лѣтъ былъ, по меньшей мѣрѣ, очень вліятельнымъ членомъ сената.

Дебаты въ этомъ учрежденіи прежде имѣли своеобразный характеръ, потому что маленькій кружокъ сенаторовъ могъ лично перезнакомиться другъ съ другомъ, и у нихъ было притомъ достаточно времени, чтобы всѣ важные вопросы обсуждать со всѣхъ сторонъ, такъ полно и глубоко исчерпывая предметъ, что народъ могъ уяснить себѣ изъ этихъ обсужденій все положеніе дѣла. Пренія велись съ жаромъ, но въ то же время съ извѣстнымъ спокойствіемъ и знаніемъ дѣла; они были проникнуты достоинствомъ. Въ настоящее время поблекли яркія краски старой картины, и однотонный дѣловой сѣрый цвѣтъ, покрывающій палату представителей, протянулся и надъ сенатомъ. Большое количество сенаторовъ вынуждаетъ къ сокращенію дебатовъ, и прежнее личное сближеніе отдѣльныхъ лицъ замѣняется ихъ группировками. Качества членовъ сената также уже не тѣ, чтѣ были прежде. Въ него проникли профессиональные политики низшаго сорта, съ грубыми манерами (какъ, напр., до недавняго времени часто напивавшійся пьянымъ-пьяно Риддльбергеръ изъ Виргиніи), и число милліонеровъ, обязанныхъ своимъ участіемъ въ засѣданіяхъ сената лишь своему богатству, увеличивается въ самой печальной прогрессіи. Добрая традиція еще сдерживаетъ этихъ людей, но уровень знанія дѣла и политическаго образованія въ сенатѣ теперь уже не такъ высокъ, какъ прежде.

Сенатъ былъ созданъ въ видѣ противовѣса монархическимъ тенденціямъ президента и демократическому произволу палаты депутатовъ: и въ первомъ отношеніи онъ исполнилъ свою задачу гораздо лучше, чѣмъ во второмъ, потому что противо-дѣйствіе его законодательной дѣятельности представителей въ большинствѣ случаевъ уничтожается, какъ скоро при слѣдующихъ выборахъ составъ „палаты“ обновится такимъ образомъ, какъ будто нація выскажется въ пользу задержаннаго сенатомъ законопроекта. Однако нужно добавить, что и теперь еще сенатъ иногда съ успѣхомъ сдерживаетъ законодательный пылъ второй палаты и, благодаря болѣе спокойному разсмотрѣнію дѣла, препятствуетъ узаконенію опрометчивыхъ мѣропріятій. При замѣщеніи союзныхъ должностей сенатъ долженъ давать совѣты президенту, т. е. препятствовать нѣкоторымъ, слишкомъ рѣзко замѣтнымъ, личнымъ его протекціямъ; но на дѣлѣ Бѣлый домъ сдѣлался въ настоящее время, при вступленіи во власть новаго президента, настоящимъ *luogo di traffico*, гдѣ сенаторы и представители соперничаютъ другъ передъ другомъ въ погонѣ за должностями, чтобы удовлетворить аппетиты политиковъ по профессіи, сообразно интересамъ отдѣльныхъ штатовъ и смотря по степени своего собственного значенія.

Менѣе всего удовлетворительнымъ является вліяніе сената въ области иностранной политики страны. Веденіе дипломатическихъ дѣлъ значительно затрудняется и замедляется въ этой странѣ тѣмъ, что президенту приходится увѣдомлять о всѣхъ важнѣйшихъ стадіяхъ своей иностранной политики такое многолюдное учрежденіе, какъ сенатъ; при этомъ соблюденіе дѣла въ тайнѣ оказывается совершенно немислимымъ. Положимъ, согласно конституціи, сенату должны представляться для утвержденія исключительно лишь договоры, заключаемые съ иностранными державами; однако фактически неудобно оставлять его безъ всякихъ свѣдѣній о происходящихъ переговорахъ. Особая комисія по иностраннымъ дѣламъ (*for foreign affairs*) предназначена для установленія связи между сенатомъ и президентомъ. Вѣдь если случится такъ (какъ, напр., въ 1869 году съ трактатомъ, который Джонсонъ заключилъ съ Англіей), что сенатъ не утвердитъ готоваго уже трактата, то и союзное правительство, и иностранная держава, съ которою велось дѣло, окажутся въ очень тяжеломъ положеніи, и репутація Союза должна сильно пострадать за границей. Если американцы желали отшибить у президента вкусъ къ иностранной политикѣ путемъ установленія этого рѣшительнаго вліянія сената на политику страны, то они вполнѣ достигли своей цѣли. Конечно, они всетаки еще не застраховали себя этимъ отъ шальныхъ выходовъ исполнительной власти, и знаменитый Джемсъ Г. Бленъ,

напр., нынѣ опять занимающій постъ Secretary of State (министра иностранныхъ дѣлъ), во время короткаго періода управленія Гарфильда успѣлъ довести дѣло до того, что Соединенные Штаты едва-едва не были вовлечены въ войну, по меньшей мѣрѣ, съ Чили, которая могла окончиться для нихъ плохо, такъ какъ Чили послѣ побѣды надъ Перу была вооружена гораздо лучше, чѣмъ Союзъ, особенно на морѣ. Иностранная политика вообще является большимъ мѣстомъ въ государственномъ устройствѣ Америки, которая не имѣетъ къ тому же дипломатовъ по профессіи; и несостоятельность американскаго устройства съ этой стороны потому лишь не бросается въ глаза обществу, что интересы Соединенныхъ Штатовъ почти никогда и нигдѣ не сталкиваются съ интересами прочихъ державъ внѣ американскаго континента. Если же такое столкновение случится когда нибудь въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ, то американцы должны будутъ иначе организовать свои сношенія съ иноземными націями, если пожелаютъ выдерживать наступившія столкновенія безъ большаго вреда для себя.

Палата представителей пользуется нынѣ въ Америкѣ лишь небольшою репутацией. Это зависитъ отъ весьма многихъ причинъ. Число ея членовъ достигаетъ теперь 325-ти, и этого, вмѣстѣ съ огромной залой, галереи которой вмѣщаютъ въ себѣ три съ половиной тысячи человѣкъ, совершенно достаточно, чтобы сдѣлать невозможными настоящіе дебаты и развитіе политическаго краснорѣчія. Этого не позволила бы, впрочемъ, и масса дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію палаты. Болѣе восьми тысячъ законопроектовъ самаго разнообразнаго содержанія (bills) проходитъ черезъ палату въ продолженіе обѣихъ ея сессій, а въ періодъ 1885—1887 гг. общее число ихъ въ конгрессѣ доходило до 12.906-ти. Они были переданы для предварительной разработки въ пятьдесятъ четыре комисіи. Затѣмъ, менѣе чѣмъ одна тридцатая деля всей этой массы законопроектовъ была принята палатой; остальные были или отвергнуты еще въ комисіяхъ, или не одобрены этими послѣдними передъ палатой, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ не были подвергнуты ея обсужденію. Многие изъ нихъ были даже представлены вовсе безъ цѣли придать имъ силу закона: тотъ или другой представитель просто-напросто желалъ доставить удовольствіе своимъ избирателямъ или произвести давленіе на то или другое лицо представленнымъ имъ биллемъ. Такъ какъ обѣ сессіи палаты въ общей сложности длятся — какъ уже упомянуто выше — не больше года, то легко себѣ представить, что дѣйствительное, обстоятельное обсужденіе законопроектовъ въ полномъ составѣ рѣшительно немыслимо для палаты представителей.

Эта работа — притомъ важнѣйшая работа палаты — исполняется въ комисіяхъ (committees). Но тамъ всѣ обсуждения происходятъ тайно и, слѣдовательно, ускользаютъ отъ общественнаго контроля. Среди этихъ комисій важнѣйшими являются тѣ, которыя занимаются ассигнованіемъ средствъ на текущіе расходы по союзному управленію и утвержденіемъ смѣтъ департаментовъ. Предсѣдатели этихъ комисій и еще нѣсколькихъ другихъ, какъ, напр., по вопросамъ таможеннаго тарифа и тому под., оказываются лицами чрезвычайно вліятельными. На нихъ можно смотрѣть, какъ на второй рядъ министровъ, но только еще болѣе могущественныхъ, чѣмъ секретари президента, потому что ихъ нельзя сдѣлать ответственными. Самымъ крупнымъ недостаткомъ такого порядка вещей надо признать то, что эти комисіи требуютъ себѣ необходимыя свидѣнія изъ кабинета президента, получаютъ также отчеты министра финансовъ, — а другъ съ другомъ не сообщаются, работаютъ безъ всякой связи одна къ другой, не извѣщаютъ другъ друга о своихъ работахъ. Такъ напр., committee for appropriations ассигнуетъ вообще средства на управленіе странною, однако нисколько не интересуется дѣятельностью другой комисіи, committee for ways and means, которая обязана доставить эти средства, равно какъ эта послѣдняя и не думаетъ наводить справки у тарифной комисіи, отъ предложеній которой по поводу повышенія или пониженія таможенныхъ пошлинъ зависитъ, однако, въ огромномъ большинствѣ случаевъ величина государственныхъ доходовъ. Разумѣется, при такихъ порядкахъ невозможно установить правильнаго, точнаго бюджета; въ финансовомъ управленіи постоянно оказываются противорѣчія и разницы, которыя, если они не слишкомъ велики, переносятся терпѣливо и должны быть покрываемы отдѣльными дополнительными кредитами. Въ то время какъ committee for appropriations скупится со своими денежными ассигновками, доводя иногда свою скупость почти до глупости и вреда общему дѣлу, лишь бы произвести на массу народныхъ избирателей впечатлѣніе особенной экономности въ расходованіи государственныхъ средствъ. — другія комисіи, какъ committee for ways and means и тарифная, доставляютъ богатый избытокъ денегъ, а committee for rivers and harbors, т. е. комисія рѣчныхъ сооруженій и гаваней, выбрасываетъ миллионы, чтобы этимъ путемъ удовлетворить тѣмъ или другимъ претензіямъ отдѣльныхъ штатовъ и общинъ въ данномъ направленіи или доставить выгодную работу дружественнымъ предпринимателямъ и промышленникамъ. Европейскій министръ финансовъ пришелъ бы, конечно, въ ужасъ отъ такого плана хозяйничанья, въ которомъ отдѣльныя статьи не покрываютъ одна другую.

Плокія послѣдствія такого хозяйства, разумѣется, не могутъ не отражаться на всей жизни страны. Они выражаются раньше всего въ широкой и все болѣе расширяющейся расточительности въ расходованіи государственныхъ средствъ, которая выносится Союзомъ лишь потому, что общее благосостояніе, царящее здѣсь, дѣлаетъ эти чрезмѣрные расходы менѣе чувствительными для населенія, равно какъ и потому, что доходы Союза образуются главнымъ образомъ изъ таможенныхъ пошлинъ, и слѣдовательно отдѣльные жители страны не сознаютъ во всей полнотѣ этой расточительности. Если, несмотря на все сказанное выше, вызванный гражданской войною государственный долгъ въ 3.000 милліоновъ долларовъ = 3.900 милліоновъ мет. руб. съ 1865 года уменьшился до 1.200 милліоновъ долларовъ = 1.550 милліоновъ мет. руб. и теперь не уменьшается дальше въ еще болѣе сильной прогрессіи лишь для того, чтобы не затруднить денежнаго обращенія въ странѣ, не отнять вѣрнаго помѣщенія для частныхъ капиталовъ и не лишить денежный рынокъ необходимой опоры, — то заслуга въ данномъ случаѣ должна быть приписана не конгрессу, а необычайному матеріальному подъему страны и прозорливому управленію образцовыхъ министровъ финансовъ. Если доходы Союза превышаютъ нынѣ его расходы почти на 200 милліоновъ долларовъ = 260 милліоновъ мет. руб. ежегодно, то въ этомъ нельзя видѣть его процвѣтанія, — напротивъ, это является для него тяжкимъ вредомъ. Такіе избытки доходовъ ясно указываютъ на нездоровую финансовую политику страны; къ тому же, они постоянно производятъ сильный соблазнъ для политиковъ конгресса, и попытки сбыть съ рукъ государственныя деньги съ пользою для интересовъ друзей-пріятелей народныхъ представителей или ихъ собственнаго кармана умножаются до безконечности. Единственнымъ средствомъ помочь въ этой бѣдѣ было бы уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ; но съ какого конца начать? Представители каждой значительной отрасли промышленности, а также и наличнаго сырья, всегда съумѣютъ доказать, и съ очень большимъ шумомъ притомъ, какъ сильно должны пострадать ихъ собственные интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и національное благосостояніе, благодаря пониженію тѣхъ или иныхъ пошлинъ; и они имѣютъ достаточно сильное вліяніе на конгрессъ, чтобы помѣшать необходимымъ мѣропріятіямъ. Они идутъ еще дальше, требуя повышенія ввозныхъ пошлинъ вмѣсто ихъ пониженія; и къ началу нынѣшняго года старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ: принятый конгрессомъ „билль Макъ-Кинлея“ увеличилъ всѣ пошлины до громадныхъ размѣровъ. Однако превращеніе американскихъ покровительственныхъ пошлинъ въ пошлины финансовыя (tarifs for revenue only) есть только дѣло времени.

Какъ скоро для массы населенія Союза станеть ясно, что избытки союзныхъ доходовъ извлекаются непосредственно изъ его кармановъ, — пошлины упадутъ, и тогда вступить въ силу та программа, ради которой не былъ выбранъ вторично на постъ президента Союза Клевеландъ.

Изъ выше изложеннаго легко понять, почему второе законодательное собраніе Союза, палата представителей, пользуется въ странѣ такимъ малымъ уваженіемъ, почему ей оказывается такъ мало довѣрія. Сенаторы до сихъ поръ еще продолжаютъ пользоваться довѣріемъ населенія; даже въ самомъ Вашингтонѣ они образуютъ часть его официальной аристократіи, — а въ то же время „конгрессменъ“ является мало почитаемою личностью: онъ долженъ сперва доказать, что обладаетъ выдающимися способностями, если хочеть добиться уваженія со стороны общества; его званіе народнаго представителя скорѣе вредитъ, чѣмъ помогаетъ его общественному положенію. Это находится, пожалуй, въ связи и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сенатъ, во всемъ своемъ объемѣ, отличается бѣльшимъ количествомъ образованія, его члены держатъ себя лучше и тактичнѣе, чѣмъ это можно сказать, въ видѣ общаго правила, о представителяхъ.

Въ механизмѣ союзнаго управления *верховный союзный судъ* является очень важной составною частью въ качествѣ представителя судебной власти. На немъ лежитъ обязанность, въ послѣдней инстанціи, блюсти за исполненіемъ конституціи. Его компетенція довѣрено рѣшительное, окончательное толкованіе этого документа: если какой нибудь законъ конгресса, противорѣчащій конституціи, добьется президентскаго утвержденія или преодолѣть президентское veto, то за этимъ верховнымъ судомъ остается еще возможность исправить допущенное нарушеніе закона. Разумѣется, онъ можетъ воспользоваться своими правами лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ вынужденъ изложить свое мнѣніе о дѣлѣ путемъ внесеннаго въ него процесса; но въ Америкѣ никогда не бываетъ недостатка въ процессахъ, вчинаемыхъ исключительно съ тою цѣлью (test cases), чтобы затребовать рѣшеніе верховнаго союзнаго суда. Въ тяжелыя времена Союза этотъ институтъ зарекомендовалъ себя вѣрнымъ хранителемъ союзной конституціи, отринувъ многія преувеличенія конгресса, также какъ и законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Члены верховнаго суда пользуются высокимъ уваженіемъ общества, назначаются президентомъ изъ числа самыхъ выдающихся юристовъ страны, и такъ какъ фактически они несмѣняемы, то въ странѣ всегда найдется достаточное количество „лучшихъ людей“, готовыхъ занять высокій постъ членовъ этого суда, хотя жалованье ихъ, по американскому масштабу, неособенно велико.

Окончаніе будетъ

МОГИЛА ВЪ БУЗЕНТО

Изъ Платена

На Бузенто, близъ Козенца, ночью пѣснь слышна
глухая,
Изъ воды несется откликъ, смутно звуки повторяя.

Тѣни готовъ надъ рѣкою все мелькаютъ блѣднымъ
роемъ,
По Аларихѣ тоскуютъ и рыдаютъ надъ героемъ.

Слишкомъ рано на чужбинѣ здѣсь его похоронили:
Молодой и свѣтлокудрый, онъ лежитъ въ сырой
могилѣ.

На Бузенто собралися храбрыхъ готовъ ополченья
И могилу ископали, отведя рѣки теченье;

Здѣсь, на днѣ рѣчномъ, зарыли полководца и героя
На конѣ его любимомъ; и оружье боевое,

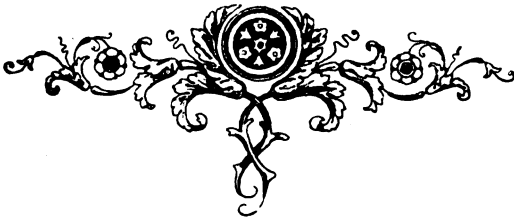
И несчетныя богатства, и одежды положили;
Сотни плѣнницъ на могилѣ въ честь могучаго из-
били.

И направили Бузенто вновь въ обычное теченье,—
Надъ погибшимъ зашумѣло вновь обычное волненье.

Пѣли готы надъ рѣкою: »Спи, товарищъ неза-
бвенный!
Твоего одра не смѣетъ тронуть римлянинъ пре-
зрѣнный«.

И хвалебной пѣсни звуки все росли и въ даль не-
слися...
Такъ греми же, валь Бузенто, изъ морей въ моря
катися!

П. Порфиоровъ

ДЕНЬГИ

РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ВОЛА

XI. *Продолженіе*

Послѣ воцарившагося на нѣкоторое время молчанія Каролина, не вмѣшивавшаяся до сихъ поръ въ разговоръ, рѣшилась наконецъ высказаться:

— Другъ мой, я предоставила брату изложить вамъ все то, что онъ долженъ былъ поставить вамъ на видъ, потому что и печаль его, и гнѣвъ вполне справедливы. Онъ слишкомъ много горя перенесъ самъ, получивъ извѣстіе о крушеніи своего любимаго предпріятія... Но наше собственное положеніе, положеніе мое и брата, мнѣ представляется совершенно яснымъ; мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы насъ запутали въ это дѣло, если оно приметъ дурной оборотъ, не правда ли? Вы знаете, по какому курсу я продавала акціи, поэтому насъ нельзя обвинить въ умышенномъ повышеніи курса съ цѣлью воспользоваться наибольшимъ барышемъ отъ своихъ бумагъ. Впрочемъ, если разразится катастрофа, мы заранѣе уже обдумали свои поступки... Признаться сказать, я вовсе не раздѣляю вашей непоколебимой надежды. Въ одномъ только вы правы, что нужно бороться до послѣдней минуты, и будьте увѣрены, что братъ мой не станетъ васъ обезкураживать.

Каролина была взволнована, чувствуя, что вновь склоняется на сторону этого человѣка, оказывавшаго такую непреклонную энергію. Однако она не хотѣла обнаружить своей слабости къ Саккару, тѣмъ болѣе, что теперь уже не

могла себя обманывать относительно его дѣяній, его безремонтныхъ стремленій къ обиранию ближнихъ.

— Конечно, заявилъ въ свою очередь Гамеленъ, утомленный споромъ и готовый уже къ уступкамъ: — я не стану парализовать вашу дѣятельность, покуда вы будете бороться для нашего общаго спасенія. Можете рассчитывать на меня, если я могу быть въ чемъ нибудь вамъ полезнымъ.

И еще разъ въ эти послѣднія мгновенія, въ виду грозныхъ событій въ будущемъ, Саккаръ съумѣлъ успокоить своихъ друзей, убѣдить ихъ, и на прощанье сказалъ имъ таинственнымъ и многообѣщающимъ тономъ:

— Будьте спокойны... Я еще не могу открыть вамъ всѣхъ своихъ намѣреній, но вполне убѣжденъ, что поправлю положеніе банка къ концу будущей недѣли.

Эту загадочную фразу онъ повторялъ всѣмъ своимъ друзьямъ, всѣмъ кліентамъ, которые являлись, испуганные, ошеломленные, просить у него совѣта. Уже три дня двери кабинета его въ Лондонской улицѣ не запирались отъ наплыва посѣтителей. Графини Бовилье, Можандры, Седиллы, Дежуа — всѣ перебивали тамъ по очереди. Саккаръ принималъ ихъ со спокойнымъ, храбрымъ видомъ, и его пылкія рѣчи вливали бодрость въ сердца. Когда струсившіе акціонеры заговаривали о продажѣ бумагъ, о реализаціи своихъ капиталовъ, хотя бы и съ большимъ убыткомъ, Саккаръ сердился, кричалъ на нихъ, чтобы они и не думали дѣлать подобныхъ глупостей, ручаясь своимъ честнымъ словомъ, что вскорѣ подыметъ курсъ до 2.000 и даже до 3.000 франковъ. Несмотря на явные промахи въ операціяхъ банка, всѣ кліенты Саккара продолжали слѣпо довѣрять ему: только бы онъ остался на своемъ мѣстѣ, только бы предоставили ему свободу обобрать ихъ дочиста, и онъ распутаетъ всѣ дѣла, всѣхъ обогатитъ въ концѣ концовъ, согласно своему общанію. Если до понедѣльника не произойдетъ никакой случайности, если ему дадутъ время созвать чрезвычайное общее собраніе, — никто не сомнѣвался, что онъ выведетъ Всеобщій банкъ изъ затрудненій и возстановитъ его прежнее величіе.

Саккаръ вспомнилъ о своемъ братѣ Ругонѣ и рассчитывалъ именно на его могущественную поддержку, когда говорилъ всѣмъ и каждому о лучшемъ будущемъ, не объясняя причины своихъ надеждъ. Встрѣтившись разъ лицомъ къ

лицу съ измѣнникомъ Дегремонъ и осыпавъ его горькими упреками, Саккаръ услышалъ отъ него такой отвѣтъ: »Mon cher, это вовсе не я измѣнилъ вамъ, это вашъ братъ!« Очевидно, этотъ человѣкъ былъ вполне правъ: онъ принялъ участіе въ основаніи Всеобщаго банка именно съ условіемъ, чтобы Ругонъ поддерживалъ это предпріятіе; поддержка Ругона ему формально была обѣщана, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что Дегремонъ устранился отъ саккаровскаго товарищества съ того самаго момента, когда узналъ, что министръ не только не помогаетъ банку, но даже находится въ открытой враждѣ съ его директоромъ. На такое оправданіе нечего было и возразить. Сильно пораженный, Саккаръ тотчасъ же понялъ страшную свою ошибку, понялъ, что совсѣмъ не слѣдовало ссориться съ братомъ, единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы защитить его, сдѣлать почти неприкосновеннымъ; никто не осмѣлился бы посягнуть на разрушеніе Всеобщаго банка, зная, что за него заступится всемогущій министръ. Въ одинъ изъ самыхъ печальныхъ дней этого времени, нанося жестокой ударъ своему самолюбію, Саккаръ всетаки рѣшился обратиться къ Гюре и просить его ходатайства передъ Ругонъ. Тѣмъ не менѣе Саккаръ не оставлялъ и своихъ прежнихъ угрозъ, отказываясь отъ обѣщанія бросить свою финансовую дѣятельность и требовалъ помощи Ругона, какъ чего-то должнаго, утверждая, что министръ еще болѣе имѣетъ поводъ избѣгать скандала, чѣмъ онъ. На другой день, вмѣсто ожидаемаго визита Гюре, Саккаръ получилъ просто записку, въ которой въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ предлагалось ему подождать и рассчитывать на благопріятный исходъ, если дальнѣйшія обстоятельства не будутъ служить препятствіемъ тому. Онъ удовольствовался этими строками и принялъ ихъ за обѣщаніе нейтралитета.

Но на самомъ дѣлѣ Ругонъ принялъ энергическое участіе въ томъ, чтобы рѣшительно покончить съ зараженнымъ членомъ своего семейства, стѣснявшимъ его уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно угрожавшимъ ему какими нибудь позорными продѣлками. Министръ предпочелъ разомъ отдѣлаться отъ подобнаго брата. Если съ его банкомъ случится катастрофа, Ругонъ рѣшилъ не мѣшать событіямъ. Такъ какъ онъ не могъ рассчитывать на добровольное удаленіе Саккара отъ дѣлъ, то проще всего было

предоставить ему неизбежнымъ ходомъ вещей убѣдиться въ необходимости покинуть Францію, даже облегчить ему побѣгъ въ случаѣ суроваго судебного приговора. Мгновенный скандалъ, правда, — но зато потомъ братецъ будетъ удаленъ навсегда, и судьба его окончательно рѣшена. Къ тому же и положеніе самого министра сдѣлалось весьма затруднительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ порывѣ обычнаго своего краснорѣчія объявилъ въ Законодательномъ корпусѣ, что Франція никогда не позволитъ Италіи завладѣть Римомъ. Привѣтствуемый клерикалами и атакуемый центромъ, становившимся все болѣе могучимъ, Ругонъ предвидѣлъ, что наступитъ моментъ, когда центръ, въ союзѣ съ либеральными бонапартистами, заставитъ его сложить портфель, если онъ не согласится на какую нибудь уступку. Вотъ этой-то уступкой и могло быть преданіе на произволь судьбы Всеобщаго банка, покровительствуемаго Римомъ и пріобрѣвшаго довольно грозное значеніе. Наконецъ, что окончательно склонило Ругона въ пользу такого рѣшенія — это секретное сообщеніе его сотоварища по кабинету, министра финансовъ, который, собираясь выпустить новый заемъ, нашелъ Гундермана и другихъ еврейскихъ банкировъ несомнѣнно расположенными поддержать этотъ выпускъ и дававшими понять, что они не рѣшаются рисковать своими капиталами, пока рынокъ остается въ неопредѣленномъ положеніи и даже склоняется въ сторону сомнительныхъ предпріятій. Гундерманъ торжествовалъ. И Ругонъ подумалъ, что лучше ужъ пусть властвуютъ евреи посредствомъ золота, чѣмъ допустить ультрамонтановъ до всемірнаго господства, если они сдѣлаются хозяевами биржи.

Позднѣе рассказывали, что хранитель печатей Делькамбръ, ожесточенный противъ Саккара со времени ихъ столкновенія, старался вывѣдать у Ругона, насчетъ его мнѣнія, какъ слѣдовало бы поступить съ его братомъ въ случаѣ возбужденія судебного преслѣдованія по дѣлу о крахѣ Всеобщаго банка. И министръ юстиціи получилъ такой откровенный отвѣтъ: »Ахъ, если вы избавите меня отъ этого родственника, я готовъ буду вѣкъ за васъ Бога молить!« Съ этихъ поръ, какъ только Ругонъ окончательно покинулъ Саккара, гибель его была неизбежна. Делькамбръ, подстергавшій его постоянно со времени вступленія своего въ должность министра, нашелъ наконецъ возможность подве-

сти его дѣянiя подѣ карательныя статьи закона и приготовлялся уже опутать врага сѣтью судебного процесса. Онъ ждалъ только удобнаго предлога, чтобы напустить на Саккара своихъ жандармовъ и своихъ судей.

Однажды утромъ Бушъ, упрекавшiй себя въ продолжительной бездѣятельности относительно преслѣдованiя директора Всеобщаго банка по векселямъ Сикардо, отправился наконецъ въ зданiе суда. Онъ сообразилъ, что если теперь не поторопится, то никогда уже не вытянетъ отъ Саккара 4.000 франковъ, которыя онъ былъ долженъ Мешенъ по знаменитому счету расходовъ на воспитанiе маленькаго Виктора. Планъ Буша заключался въ томъ, чтобы поднять громогласный скандалъ, обвинивъ Саккара въ похищенiи ребенка, что давало бы потомъ поводъ опубликовать грязныя подробности объ отношенiяхъ банкира къ Октави и о брошенномъ сынѣ его. Подобный процессъ противъ директора Всеобщаго банка, при сильномъ возбужденiи общества вслѣдствiе кризиса, постигшаго банкъ, конечно, заинтересовалъ бы весь Парижъ. Но Бушъ надѣялся также, что Саккаръ, при первой угрозѣ, заплатитъ долгъ. Между тѣмъ товарищъ прокурора, которому пришлось принимать жалобу Буша, родной племянникъ Делькамбра, выслушалъ разсказъ еврея съ нетерпѣнiемъ и досадой. »Нѣтъ, нѣтъ, заявилъ судья:— изъ подобныхъ сплетенъ нельзя построить серьезнаго обвиненiя: подобные проступки не подходятъ ни подѣ какую статью закона!« Растерявшiйся Бушъ началъ горячиться, жаловаться на свое долготерпѣнiе, но юристъ рѣзко прервалъ его, услышавъ, что проситель до того довелъ свое протодушии относительно Саккара, что помѣстилъ у него въ банкѣ свои деньги на текущiй счетъ. Какъ! у него вложенъ капиталъ въ банкъ, который находится наканунѣ банкротства, и онъ ничего не предпринимаетъ! Это такъ просто: стоить подать жалобу на мошенническiя операцiи банка, потому что судъ уже предупрежденъ о недобросовѣстной дѣятельности директора и ищетъ только предлога объявить его банкротомъ. Вотъ это будетъ настоящiй ударъ ему, а не какая-то тамъ сказка, мелодрама о дѣвушкѣ, умершей отъ пьянства, и о ребенкѣ, выросшемъ въ грязномъ притонѣ. Бушъ слушалъ внимательно, съ серьезнымъ выраженiемъ лица: очевидно, его увлекали на новый путь, заставляли дѣлать то, о чемъ онъ и не думалъ прежде и что можетъ

вызвать важныя послѣдствія; Саккаръ будетъ арестованъ, и Всеобщій банкъ пораженъ на смерть. Страхъ потерять свои деньги заставлялъ его немедленно рѣшиться на этотъ шагъ; къ тому же всяческія банковыя крушенія были выгодны ему, чтобы удить рыбу въ мутной водѣ. Однако онъ колебался; онъ заявилъ судѣ, что подумаетъ, что придетъ въ другой разъ. Тогда товарищъ прокурора почти насильно всунулъ ему въ руку перо и заставилъ его тутъ же, въ своемъ кабинетѣ, на своемъ столѣ, написать жалобу на мошенническія дѣйствія директора Всеобщаго банка. Отпустивъ просителя, племянникъ Делькамбра, въ пылу усердія, немедленно поспѣшилъ съ жалобой Буша къ своему дядѣ, хранителю печатей. Предлогъ для преслѣдованія Саккара былъ найденъ.

На другой день въ Лондонской улицѣ, въ помѣщеніи Всеобщаго банка, Саккаръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ членами наблюдательнаго комитета и съ юрисконсультъ, чтобы вмѣстѣ составить балансъ, который директоръ хотѣлъ представить общему собранію. Несмотря на суммы, занятыя у другихъ финансовыхъ учреждений, пришлось закрыть кассы, пріостановить платежи въ виду все возрастающихъ требованій о возвратѣ капиталовъ. Банкъ, который мѣсяцъ тому назадъ обладалъ капиталомъ въ 200 милліоновъ, находившимся въ его кассахъ наличными деньгами, могъ выплатить своимъ перепуганнымъ кліентамъ только въ началѣ катастрофы какихъ нибудь нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ. Комерческій судъ объявилъ официально его несостоятельность вслѣдствіе краткаго отчета, сдѣланнаго наканунѣ экспертомъ, присланнымъ въ банкъ отъ суда для обозрѣнія конторскихъ книгъ. Несмотря на все это, Саккаръ упорно обѣщаль поправить положеніе дѣлъ: онъ находился въ состояніи какого-то ослѣпленія надеждой и необыкновенной, необъяснимой храбрости. Именно сегодня онъ ожидалъ извѣстій изъ совѣта маклеровъ о назначеніи зачетнаго курса, когда сторожъ вошелъ съ докладомъ, что трое какихъ-то господъ ожидаютъ его въ сосѣдней залѣ. Вотъ, можетъ быть, здѣсь-то и будетъ спасеніе! Саккаръ поспѣшилъ выйти къ посѣтителямъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Но въ сосѣдней залѣ онъ нашель полицейскаго комисара съ двумя помощниками, которые немедленно и арестовали его. Приказъ объ арестѣ былъ выданъ

на основаніи донесенія эксперта, заявившаго о неправильномъ веденіи банковыхъ книгъ, и въ особенностѣ по жалобѣ Буша на злоупотребленія Саккара довѣріемъ его кліентовъ; въ жалобѣ упоминалось, что капиталы, внесенные въ банкъ на текущей счетъ, получали совершенно другое назначеніе. Одновременно съ Саккаромъ былъ арестованъ и Гамеленъ въ его квартирѣ, въ улицѣ Сень-Лазарь. На этотъ разъ дѣйствительно уже наступалъ конецъ, такъ какъ на Саккара и его сообщниковъ обрушились всѣ несчастія, вся ненависть ихъ противниковъ. Общее собраніе не могло уже состояться. Всеобщій банкъ прекратилъ свое существованіе.

Каролины не было дома въ моментъ ареста ея брата, который успѣлъ оставить ей только нѣсколько строкъ, наскоро написанныхъ. Вернувшись къ себѣ, она была поражена. Никогда ей и въ голову не приходила ни на одну минуту мысль о преслѣдованіи брата судебнымъ порядкомъ — до такой степени онъ казался ей чистымъ отъ всякихъ подозрѣній въ двусмысленныхъ продѣлкахъ и неприкосновеннымъ къ операціямъ Всеобщаго банка уже вслѣдствіе своего постоянного отсутствія. На другой же день послѣ объявленія несостоятельности банка, братъ и сестра отказались въ пользу его актива отъ всего своего состоянія, желая остаться бѣдными послѣ неудачи всего предпріятія, какъ они были бѣдны, вступая въ члены товарищества. А между тѣмъ сумма, пожертвованная ими, была весьма крупная, около 8 милліоновъ, причемъ въ нее вошли и 300.000 франковъ, полученныхъ Гамеленами въ наслѣдство отъ тетки. Узнавъ объ арестѣ брата, Каролина тотчасъ же принялась хлопотать, просить вездѣ объ улучшеніи его участи; вмѣстѣ съ тѣмъ она начала готовить матеріалы для защиты своего бѣднаго Жоржа, обливаясь слезами, несмотря на все свое мужество, при одной мысли, что честный братъ ея безвинно сидитъ теперь за тюремной рѣшеткой, что онъ замаранъ теперь громкимъ скандаломъ, что жизнь его разбита, и репутація испорчена навсегда. И кто же страдаетъ — онъ, такой кроткій, слабохарактерный, дѣтски набожный, «дурачекъ», какъ она называла его, въ практическихъ дѣлахъ, если только они не имѣли отношенія къ его техническимъ знаніямъ. Прежде всего гнѣвъ Каролины обрушился на Саккара, единственнаго виновника бѣдствія всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе довѣриться ему; она всегда строго относилась

лась и осуждала его пагубную дѣятельность, начиная съ первыхъ дней основанія банка, когда Саккаръ такъ ѣдко подшучивалъ надъ ея юридическими познаніями, и до самаго послѣдняго времени, когда наступили неудачи, и пришлось расплачиваться за всѣ неправильности саккаровскихъ операцій, которыя она всегда сознавала и всетаки допускала. Потомъ, мучимая угрызеніями совѣсти за сообщничество съ биржевымъ авантюристомъ, Каролина рѣшила совсѣмъ выкинуть изъ своего сердца этого человѣка и дѣйствовать такъ, какъ будто его совершенно не существовало. Когда ей случалось произносить его фамилію, ей казалось, что она говоритъ о комъ-то чужомъ, принадлежащемъ къ враждебной партіи, интересы которой не имѣютъ никакого отношенія къ ея интересамъ. Навѣщая почти ежедневно своего брата въ Консьержери, Каролина даже не испросила дозволенія видѣться съ Саккаромъ. При этомъ она сохраняла присущую ей бодрость духа, продолжала жить въ своей прежней квартирѣ и принимала всѣхъ, кто только хотѣлъ ее видѣть, даже и тѣхъ, кто приходилъ изливать передъ ней свое негодованіе. Превратившись, такимъ образомъ, всецѣло въ дѣловую женщину, она рѣшилась спасти, насколько возможно, честь своего брата.

Въ долгіе дни, которые Каролина проводила у себя въ кабинетѣ, увѣшанномъ чертежами, гдѣ она пережила столько хорошихъ трудовыхъ часовъ и испытала столько счастливыхъ мгновеній, особенно беспокоило ее одно обстоятельство: когда она подходила къ окну и бросала взглядъ на сосѣдній отель, сердце ея болѣзненно сжималось при видѣ тѣсной комнатки, въ стѣнахъ которой обрисовывались иногда блѣдные профили графини Бовилье и ея дочери Алисы. Въ эти февральскіе дни, уже довольно теплые, на длинной аллеѣ заглохшаго сада, еще не ожившаго послѣ зимнихъ холодовъ, можно было часто увидать обѣихъ женщинъ, тихо бродившихъ съ тоскливо опущенными головами. Послѣдняя катастрофа жестоко отозвалась на этихъ двухъ существахъ. Несчастныя графини, еще двѣ недѣли тому назадъ обладавшія состояніемъ въ 1,800.000 франковъ, заключавшемся въ нихъ 600 акціяхъ, остались теперь всего съ 18.000, съ тѣхъ поръ какъ цѣна акцій упала съ 3.000 франковъ на 30. Весь ихъ капиталъ былъ вложенъ въ кассу Всеобщаго банка и разомъ съ банкомъ разлетѣлся въ прахъ. Все ис-

чезло: и 20.000, отложенныхъ въ приданое Алисъ, собранныхъ тяжкими трудами старой графини, и 70.000, занятыхъ подъ залогъ фермы Обле, и сама ферма Обле, проданная за 240.000 франковъ, тогда какъ въ дѣйствительности стоила 400.000. Чтò онѣ теперь сдѣлають, когда одни проценты по заложенному отелю доходили уже до 8.000 франковъ въ годъ, а содержаніе дома стоило не менѣе 7.000, несмотря на всю ихъ скарედность, на всѣ чудеса экономіи, совершаемыя ими для поддержанія наружныхъ приличій и высоты своего званія? Даже и продавъ свои акціи, какъ Бовилье станутъ жить отнынѣ, какъ покроютъ всѣ свои расходы, имѣя всего 18.000 франковъ — жалкій обломокъ, уцѣлѣвшій отъ бури? Оставалось одно средство, но графиня не могла еще рѣшиться на это: нужно было покинуть отель, оставить его на съѣденіе кредиторамъ, потому что платить проценты по закладнымъ дѣлалось невозможнымъ, не дожидаясь продажи этого имущества за долги, и переѣхать тотчасъ же въ какую нибудь маленькую квартирку, чтобы влачить тамъ безвѣстное, тягостное существованіе, покуда хватить денегъ на кусокъ хлѣба. Но графиня упорствовала: для нея выѣздъ изъ отеля былъ равносильенъ смерти, окончательной гибели ихъ величаваго рода, честь котораго столько лѣтъ поддерживали ея дрожащія руки съ героической стойкостью. Бовилье на частной квартирѣ, лишенная крова своихъ предковъ, живущія въ чужомъ домѣ, въ нищетѣ, признавая себя побѣжденными — да можно было умереть отъ одного стыда при такой обстановкѣ! И графиня продолжала бороться.

Однажды утромъ Каролина увидала, что обѣ дамы стирали бѣлье въ сараѣ, выходившемъ въ садъ. Старая кухарка ихъ, едва двигавшаяся отъ дряхлости, не могла уже помогать имъ; во время сильныхъ морозовъ прошлой зимы онѣ сами должны были еще ухаживать за больной старухой; мужъ кухарки, исполнявшій сразу должности сторожа, кучера и камердинера, былъ не лучше своей жены и съ трудомъ могъ подмести комнаты да присмотрѣть за лошадей, тоже древней и дряхлой, какъ и ея кучеръ. Такимъ образомъ графинямъ пришлось серьезно заняться хозяйствомъ: дочь иной разъ бросала свои акварели, чтобы состряпать какой нибудь жиденькій супъ, которымъ по большей части только и существовали всѣ они вчетверомъ; мать стирала

пыль съ мебели, чинила платья и обувь, утѣшая себя мыслью, что всетаки съ тѣхъ поръ, какъ она сама стала работать, у нихъ уменьшились расходы на метелки, иголки и нитки. Но лишь только появлялся кто нибудь изъ гостей, надо было видѣть, съ какой поспѣшностью объ графини сбрасывали съ себя передники, бѣжали переодѣваться и появлялись черезъ нѣсколько минутъ уже настоящими свѣтскими дамами съ нѣжными, выхоленными руками. При выѣздахъ вся обстановка еще не измѣнялась, и честь фамилиі поддерживалась по прежнему: карета была, какъ и всегда, прилично запряжена, когда графинѣ и ея дочери приходилось съѣздить куда нибудь въ гости; на обычныхъ званыхъ обѣдахъ, два раза въ мѣсяцъ зимою, по прежнему собиралось такое же количество посѣтителей, и при этомъ не было убавлено ни одного блюда за столомъ, ни одной свѣчки въ канделябрахъ. Только Каролина на своемъ наблюдательномъ посту у окна, выходящаго въ садъ, могла знать, какими страшными лишеніями искупались эти званые обѣды, какимъ продолжительнымъ постомъ поддерживалась вся эта парадная обстановка, живая декорація, прикрывавшая исчезнувшее богатство. Когда Каролина заглядывала въ глубину сыраго, вѣчно мрачнаго, двора съ садомъ, стиснутаго со всѣхъ сторонъ сосѣдними домами, она видѣла, съ какою отчаянной тоскою бродили графини подъ полувысохшими вѣтвями вѣковыхъ деревьевъ, и сердце Каролины охватывала глубокая жалость; она отходила отъ окна, мучимая угрызениями совѣсти, чувствуя, что виновницею этой нищеты была отчасти и она сама, какъ сообщница Саккара.

Но однажды утромъ Каролинѣ пришлось испытать еще болѣе чувствительное и еще ближе затронувшее ее горе. Ей доложили о приходѣ Дежуа, и она отважно рѣшилась принять его.

— Ну что, мой бѣдный Дежуа?..

Но испуганная Каролина тотчасъ же замолкла, увидавъ страшную блѣдность бывшаго редакціоннаго сторожа. Глаза его, казалось, помертвѣли, лицо измѣнилось. Высокій и бравый Дежуа даже какъ будто сдѣбался ниже ростомъ, точно его согнула какая-то тяжесть.

— Э, не надо такъ поддаваться горю! начала Каролина. — Я еще надѣюсь, что ваши деньги не пропадутъ.

Тогда Дежуа заговорилъ медленно, какъ бы черезъ силу:

— О, madame, совсѣмъ не въ томъ дѣло... Конечно, въ первую минуту я едва перенесъ жестокой ударъ, потому что привыкъ было уже думать, что мы разбогатѣли. Знаете, какъ выигрываешь, такъ по неволѣ голова кружится, точно у пьянаго... Боже мой! я ужъ рѣшился опять приняться за работу и работать такъ усердно, чтобы вернуть потерянные деньги... Но вы не знаете... Крупныя слезы покатались по щекамъ старика. — Вы не знаете еще... вѣдь она ушла.

— Ушла? кто ушла? спросила удивленная Каролина.

— Натали, дочь моя... отвѣчалъ Дежуа. — Ея свадьба разстроилась; она просто вышла изъ себя, когда отецъ Теодора пришелъ къ намъ заявить, что сынъ его уже достаточно дожидался и теперь намѣренъ жениться на дочери разнощицы съ приданнымъ около 8.000 франковъ. Я очень хорошо понимаю, что моей Натали было отъ чего разозлиться: у ней теперь не было ни одного су и приходилось оставаться въ старыхъ дѣвахъ... А каково мнѣ это! Вѣдь я такъ любилъ ее! Еще прошлой зимой я вставалъ ночью, чтобы поправить ей одѣяло. Я отказался отъ табаку, чтобы только у нея были хорошенькія шляпки. Я замѣнилъ ей мать, воспитывалъ ее, я только и жилъ однимъ наслажденіемъ видѣть ее веселенькой въ нашей маленькой квартиркѣ.

Слезы душили его; онъ готовъ былъ разрыдаться.

— А во всемъ виновато мое самолюбіе... Еслибы я продалъ свои 8 акцій, когда онѣ стоили 6.000 франковъ, вотъ и было бы приданое Натали, и она теперь была бы уже замужемъ. Только акціи-то эти все поднимались въ цѣнѣ, правда вѣдь? Ну, я и началъ думать о себѣ; захотѣлось обезпеченія для себя на старость: сначала захотѣлось 600 франковъ въ годъ, потомъ — 800, а потомъ — и всей 1.000. Тѣмъ болѣе, что вѣдь дочка все равно получила бы потомъ, послѣ меня, всѣ эти деньги... Какъ подумаю только, что было время, когда по курсу въ 3.000 у меня въ рукахъ находились 24.000: тутъ бы хватило и на приданое въ 6.000 франковъ, да и мнѣ еще осталось бы на ренту въ 900 франковъ. Такъ нѣтъ же, мнѣ захотѣлось 1.000; ну, не глупо ли это? А теперь эти акціи не стоятъ и 200 франковъ... Да, во всемъ моя вина. Ужъ лучше бы мнѣ взять да и утопиться!

Каролина, сильно взволнованная отчаяніемъ Дежуа, дала

ему время немного успокоиться. Однако ей всетаки хотѣлось поразспросить его:

— Какже это ушла ваша дочь, мой бѣдный Дежуа?

Онъ не сразу отвѣтилъ, и слабая краска проступила на его блѣдномъ лицѣ.

— Да, ушла, скрылась, вотъ ужъ третій день... Она познакомилась съ однимъ господиномъ, жившимъ какъ разъ напротивъ нашихъ оконъ... очень порядочный господинъ лѣтъ сорока... Ну, вотъ она и сбѣжала.

Пока Дежуа передавалъ подробности своего горя, путаясь въ словахъ и сбиваясь, Каролина вспоминала Натали, худенькую блондинку, граціозное и слабое созданіе парижской улицы. Въ особенности припомнились ей большіе глаза Натали, ея спокойный и холодный взглядъ, свѣтившійся самымъ бездушнымъ эгоизмомъ. Она милостиво предоставляла отцу обожать ее, какъ божество, и держала себя съ невозмутимымъ благоразуміемъ именно столько времени, сколько было нужно въ ея интересахъ. Она неспособна была къ опрометчивому паденію, покуда надѣялась на приданое, на замужство, наконецъ на свою собственную лавочку, въ которой она опять таки была бы царицей. Но продолжать тянуть ляжку, не имѣя ни одного су въ карманѣ, жить кое-какъ со своимъ добрякомъ-отцомъ, собиравшимся снова взяться за работу — о нѣтъ, ей ужъ достаточно опротивѣло такое глупое существованіе, да еще безъ всякой надежды впереди. И она ушла; она прехладнокровно надѣла свои ботинки, свою шляпку и отправилась искать чего нибудь лучшаго.

— Боже мой, продолжалъ бормотать Дежуа. — Конечно, ей не очень-то весело было у меня, это правда. А хорошенькой дѣвушкѣ обидно проводить свою молодость въ подобной скукѣ.. Но всетаки съ ея стороны это было жестоко. Подумайте только! Она не сказала мнѣ даже «прощай», ничего не написала! Хоть бы пообѣщала, что зайдетъ когда нибудь навѣстить меня... Просто отворила дверь, вышла — и баста. Посмотрите только: вѣдь у меня руки трясутся, я совсѣмъ одурѣлъ теперь. Это выше силъ моихъ: я не могу переломить себя, я все ищущу ее около себя, мнѣ все кажется, что она тутъ, дома. Послѣ столькихъ лѣтъ, Боже мой! Возможно ли, чтобы я уже не увидалъ ее болѣе, чтобы я никогда не увидалъ мою бѣдную дѣвочку!

Онъ пересталъ плакать, но его убитый видъ былъ такъ трогателенъ, что Каролина схватила его за обѣ руки и, не зная, чѣмъ утѣшить старика, только повторяла:

— Мой бѣдный Дежуа, мой бѣдный Дежуа...

Потомъ, желая развлечь его, Каролина завела рѣчь о несостоятельности Всеобщаго банка. Она обвиняла себя въ томъ, что допустила Дежуа приобрести акціи этого банка, и строго осуждала Саккара, не упоминая его имени. Но какъ только разговоръ коснулся акцій, старый редакціонный сторожъ воодушевился. Искусившись въ биржевой игрѣ, онъ и до сихъ поръ готовъ былъ увлекаться ею.

— М-г Саккаръ! живо подхватилъ Дежуа. — Э, онъ былъ вполне правъ, не позволяя мнѣ продавать акцій. Дѣло было превосходное, и мы уничтожили бы всѣхъ враговъ, еслибы предатели не подвели насъ... Ахъ, ш-ше, еслибы ш-г Саккаръ былъ между нами въ настоящее время, все пошло бы иначе. Насъ совсѣмъ погубили, засадивъ его въ тюрьму. Онъ одинъ только и могъ бы еще насъ спасти... Я сказала судьѣ: «Возвратите намъ Саккара, милостивый государь, и я снова довѣрю ему все свое состояніе; я за него отдамъ даже свою жизнь, потому что это рѣдкій человѣкъ, онъ все можетъ сдѣлать, понимаете? Онъ все можетъ сдѣлать, что только захочетъ!»

Пораженная Каролина только смотрѣла на старика. Вотъ тебѣ на! ни гнѣва, ни упрековъ противъ виновника своего несчастья! Такую пламенную вѣру можетъ обнаруживать только истинно преданный человѣкъ. Значить, какую силу убѣжденія имѣлъ Саккаръ, какъ умѣлъ вліять на неразумную толпу, чтобы такъ подчинить ее себѣ, наложить на нее такое ярмо слѣплаго довѣрія.

— Итакъ, ш-ше, сказалъ Дежуа: — я только и пришелъ къ вамъ за тѣмъ, чтобы высказать все это... Вы ужъ меня извините, что я заговорилъ о своемъ собственномъ несчастьи: у меня, право, голова кругомъ... Когда вы увидите ш-г Саккара, скажите ему, что мы всѣ неизмѣнно преданы ему.

И старикъ ушелъ нетвердой походкой, а Каролина, оставшись одна, испытала на мгновеніе чувство страха передъ ничтожностью человѣческой жизни. Этотъ несчастный Дежуа растерзалъ ей сердце, и она тѣмъ сильнѣе вооружилась противъ другаго несчастнаго, противъ того, кого она не хо-

тѣла называть. Ея гнѣвъ противъ него разрастался. Однако пришлось принимать новыхъ посѣтителей; въ это утро наплывъ ихъ не прекращался.

Между прочимъ разговоръ съ Жорданами въ особенности взволновалъ Каролину. Поль и Марсель, какъ нѣжные супруги, явились вмѣстѣ, потому что всѣ важныя дѣла принимали вдвоемъ. Они пришли узнать, есть ли какая нибудь возможность родственникамъ ихъ, Можандрамъ, получить хотя что нибудь за ихъ акціи Всеобщаго банка. Въ этомъ семействѣ несчастіе также было непоправимо. Передъ двумя рѣшительными биржевыми сраженіями на послѣднихъ ликвидаціяхъ бывшій владѣлецъ парусинной фабрики имѣлъ въ своихъ рукахъ уже 75 акцій, которыя стоили ему около 80.000 франковъ; операція казалась превосходною, потому что одно время, по курсу въ 3.000 франковъ, эти акціи представляли собою капиталъ въ 225.000. Но ужаснѣе всего было то, что въ увлеченіи борьбою Можандръ сталъ играть безъ обезпеченія, вѣря въ геній Саккара и постоянно покупая; такимъ образомъ ему пришлось нести страшныя убытки, болѣе 200.000 франковъ, которые лишили его послѣднихъ остатковъ прежняго состоянія, всѣхъ 15.000 франковъ годоваго дохода, нажитыхъ тяжелымъ 30-лѣтнимъ трудомъ. У Можандра не осталось ничего, и можно было даже сомнѣваться, расплатится ли онъ какъ слѣдуетъ съ долгами, даже продавъ свой маленькій отель въ улицѣ Лежандръ, которымъ онъ такъ гордился всегда. Въ этомъ бѣдствіи жена Можандра несомнѣнно была виновнѣе своего мужа.

— Ахъ, m-me Каролина, рассказывала Марсель, симпатичная фигурка которой осталась по прежнему свѣжей и веселой, даже посреди задѣвшей ея катастрофы: — вы не можете себѣ представить, чтѣ теперь дѣлается съ моей мамашей! Она, такая осторожная прежде, экономная, строгая къ прислугѣ, входившая сама во всѣ подробности хозяйства, повѣрявшая всѣ счета, за послѣднее время только и бредила сотнями тысячъ франковъ и постоянно подстрекала папа. Онъ вовсе не изъ рѣшительныхъ и храбрыхъ людей и готовъ былъ бы слушаться совѣтовъ дяди Шава, еслибы татапа не вскружила ему голову мечтами о громадныхъ выигрышахъ, о миллионныхъ прибыляхъ... Все началось съ чтенія финансовыхъ газетъ, и папа первый увлекся ими, но прежде скрывалъ свою страсть; потомъ же, когда и татапа

присоединилась къ нему, хотя до сихъ поръ, какъ хорошая хозяйка, всегда высказывала ненависть къ биржевой игрѣ, — ну, тогда въ короткое время они все спустили на спекуляцію. Просто удивительно, какъ страсть къ наживѣ измѣняетъ самыхъ порядочныхъ людей.

Жорданъ, развеселившись при одномъ воспоминаніи о фигурѣ дяди Шава, вмѣшался въ разговоръ:

— Ахъ, еслибы вы видѣли невозмутимо-спокойную мину дяди посреди всѣхъ этихъ катастрофъ! Онъ все предвидѣлъ заранѣе и торжествовалъ, гордо поправляя свой волосяной галстухъ... Ни одного дня онъ не пропускалъ, чтобы не побывать на Биржѣ, ни одного дня не прекращалъ своей ничтожной игры на наличныя деньги и каждый вечеръ вполнѣ былъ доволенъ, прикарманивая 15—20 франковъ, точно какойнибудь добропорядочный чиновникъ, честно исполнившій свою ежедневную работу. Вокругъ него сыпались милліоны со всѣхъ сторонъ, гигантскія богатства возникали и исчезали въ теченіе всего какихънибудь двухъ часовъ, золотой дождь лился, какъ изъ ведра, а онъ, безъ всякаго волненія, продолжалъ вести скромную жизнь и получать свои маленькіе доходы для удовлетворенія маленькихъ прхотей... Онъ вѣдь до сихъ поръ проказитъ напропалую и снабжаетъ всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ улицѣ Нагле своими конфектами и тортами.

Этотъ добродушный намекъ на шалости стараго капитана размѣшилъ и Марсель, и Каролину. Но тотчасъ же воспоминаніе о печальномъ положеніи Можандровъ прекратило общую веселость.

— Къ сожалѣнію, заявила Каролина: — я не думаю, чтобы ваши родные могли чтонибудь получить за свои акціи. Мнѣ кажется, что всѣ эти деньги погибли. Акціи дошли теперь до 30 франковъ, а потомъ упадутъ до 20 франковъ, до 100 су... Боже мой! что будетъ съ этими бѣдными людьми въ ихъ года и при ихъ привычкѣ къ довольству?

— Э, возразилъ Жорданъ: — нужно будетъ намъ позаботиться о нихъ... Мы, конечно, не очень еще богаты, но дѣла наши начинаютъ поправляться, и мы не оставимъ своихъ родныхъ безъ пристанища.

Въ послѣднее время Жорданъ имѣлъ успѣхъ. Послѣ столькихъ лѣтъ неблагодарнаго труда его первый романъ, помѣщенный сначала въ журналѣ, а затѣмъ изданный от-

дѣльно, произвелъ неожиданно сильное впечатлѣніе среди читающей публики. Жорданъ, получивъ за романъ нѣсколько тысячъ франковъ, вдругъ разбогатѣлъ; передъ нимъ открылся доступъ во всѣ журналы и газеты, и отнынѣ онъ горѣлъ нетерпѣніемъ приняться за работу, въ увѣренности приобрести и состояніе, и славу.

— Если намъ нельзя будетъ помѣстить стариковъ у себя, продолжалъ Жорданъ: — то мы наймемъ имъ маленькую квартирку. Можно все устроить: это еще не бѣда!

Марсель, смотрѣвшая на мужа съ выраженіемъ безпредѣльной любви, была растрогана до глубины души:

— Поль, Поль! какой ты добрый!

И она залилась слезами.

— Успокойтесь, дитя мое, прошу васъ, нѣсколько разъ повторила Каролина, тоже расчувствовавшаяся и растерявавшаяся. — Не надо такъ огорчаться.

— Ахъ, оставьте меня! возразила Марсель: — я плачу не отъ горя... Но какъ это все странно измѣнилось, право!.. Подумайте сами: когда я выходила замужъ за Поля, развѣ шатап и папа не должны были дать мнѣ приданое, какъ и обѣщали прежде? Но подъ предлогомъ, что у Поля нѣтъ ни одного су за душою, и что я дѣлаю большую глупость, не измѣняя данному мною слову, — они не дали намъ ни одного сантимала... Ахъ; и что же теперь вышло! Мое приданое уцѣлѣло бы въ нашихъ рукахъ, а у нихъ оно все пошло прахомъ изъ-за глупой биржевой игры!

Каролина и Жорданъ не могли удержаться отъ улыбки. Но ихъ веселость не могла утѣшить Марсель. Она заплакала еще сильнѣе.

— И это еще не все, продолжала молодая женщина. — Когда Поль былъ бѣденъ, я всегда мечтала только объ одномъ... да, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, я воображала себя доброй феей, которая, въ одинъ прекрасный день, принесетъ обѣднѣвшему принцу много-много денегъ, чтобы помочь ему сдѣлаться великимъ поэтомъ... И вотъ теперь онъ не нуждается во мнѣ, теперь я ему приношу только лишнюю обузу, сваливая на его шею еще и своихъ родителей! На немъ лежатъ теперь всѣ заботы; онъ одинъ долженъ содержать всѣхъ насъ... Ахъ, у меня просто сердце надрывается, какъ только я подумаю объ этомъ!

Быстрымъ движеніемъ Жорданъ обнялъ жену.

— Что ты тутъ намъ городишь, дурочка ты моя! заговорилъ онъ. — Развѣ жена должна заботиться о доставленіи какихъ нибудь средствъ мужу? съ тебя довольно и того, что ты принесла мнѣ свою молодость, свою любовь, веселость: ни одна принцесса въ мірѣ не можетъ доставить большаго счастья.

Марсель сейчасъ же и успокоилась. Она такъ счастлива была сознаниемъ, что мужъ горячо любить ее, и что дѣйствительно глупо было плакать изъ-за пустяковъ. А Жорданъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Если твои отецъ и мать захотятъ, мы помѣстимъ ихъ въ Клиши, гдѣ я видѣлъ недорогія квартирки въ нижнемъ этажѣ, и даже съ отдѣльнымъ садомъ... У насъ, въ нашей клѣткѣ, и безъ того заставленной мебелью, конечно, очень мило, но и такъ ужъ черезчуръ тѣсно. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ нужно будетъ мѣсто еще для одного чело-вѣка...

И, улыбнувшись снова, Жорданъ обратился къ Каролинѣ, глубоко растроганной этой семейной сценой:

— Да, насъ скоро будетъ уже трое. Теперь можно въ этомъ признаться, когда я сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, особой и приобрѣлъ вѣсь въ обществѣ! Не правда ли, м-ше, вѣдь жена мнѣ этимъ дѣлаетъ еще новый подарокъ, а она еще плачетъ, что не можетъ доставить мнѣ какихъ-то тамъ сказочныхъ сокровищъ!

Каролина, постоянно сокрушавшаяся о своей бездѣтности, пристально оглядѣла слегка покраснѣвшую Марсель и только теперь замѣтила ея уже замѣтно пополнѣвшую талию. Въ свою очередь, Каролина готова была расплакаться.

— Ахъ, милыя вы дѣти мои, сказала она: — любите другъ друга. Ваше счастье — единственное разумное счастье на свѣтѣ.

Затѣмъ, передъ уходомъ, Жорданъ передалъ нѣкоторыя подробности о редакціи газеты »L'Espérance«. Шутливо, съ инстинктивнымъ отвращеніемъ ко всякаго рода спекуляціямъ, онъ называлъ редакцію воровскимъ притономъ и очагомъ ложныхъ извѣстій. Весь составъ редакціи, начиная съ редактора и кончая сторожемъ, спекулировалъ напропалую; только онъ одинъ, — говорилъ, смѣясь, Жорданъ, — не игралъ на Биржѣ и за это находился въ общемъ презрѣніи. Впрочемъ, крушеніе Всеобщаго банка и особенно арестъ Сак-

кара убили наповаль газету. Сотрудники тотчас же разбѣжались, и только одинъ Жантру упрямо оставался еще на своемъ посту, какъ капитанъ, цѣпляющійся за обломки своего корабля послѣ роковой для него бури. Жантру за послѣдніе три года своего благополучнаго существованія окончательно спустился и дошелъ до чудовищной распущенности, пользуясь всѣмъ, что только можно было купить за деньги; онъ погибъ, какъ гибнуть голодные, набрасывающіеся на ѣду. Но интереснѣе всего было окончательное паденіе баронессы Сандорфъ, которое, конечно, можно было предвидѣть заранѣе. Она кончила таки тѣмъ, что попала въ любовницы къ Жантру, растерявшись въ сумятицѣ биржевой катастрофы и думая связью съ редакторомъ вернуть свои пропавшія деньги.

При имени баронессы Каролина слегка поблѣднѣла, между тѣмъ какъ Жорданъ, не знавшій ничего о соперничествѣ этихъ двухъ женщинъ, продолжалъ свой рассказъ:

— Я, право, не понимаю, зачѣмъ она связалась съ Жантру. Можетъ быть, она рассчитывала на то, что редакторъ будетъ доставлять ей важныя свѣдѣнія, благодаря его общественному положенію. А, можетъ быть, она дошла до подобной унижительной роли просто по закону паденія, спускаясь все быстрѣе и быстрѣе на самое дно пропасти. Въ страсти къ биржевой игрѣ лежитъ уже зародышъ разложенія, — какъ мнѣ часто случалось наблюдать, — который подтачиваетъ и гноитъ cadaго, заразившагося этой страстью. Она изъ существа наилучше воспитаннаго, самаго благороднаго происхожденія, дѣлаетъ какое-то человѣческое отрѣбье и неудержимо влечетъ его въ помойную яму... Во всякомъ случаѣ, если этотъ потаскушка Жантру не забылъ о тѣхъ пинкахъ, которыми награждалъ его, какъ говорятъ, отецъ баронессы, когда выгнанный профессоръ выпрашивалъ у него какихъ нибудь порученій, то онъ, этотъ Жантру, хорошо отомстилъ теперь за свои оскорбленія. Я самъ былъ очевидцемъ одной сцены. Когда однажды я зашелъ въ редакцію, чтобы потребовать причитавшійся мнѣ гонораръ, и безъ доклада прямо вошелъ въ кабинетъ, я какъ разъ попалъ на горячія объясненія редактора съ его любовницей и видѣлъ своими глазами, какъ онъ хлесталъ по щекамъ баронессу Сандорфъ... Можете себѣ представить, что этотъ

пьяница, погрязшій въ водкѣ и развратѣ, колотилъ, какъ извощикъ, свѣтскую даму!

Умоляющимъ жестомъ Каролина попросила Жордана перекратить свой рассказъ. Ей казалось, будто грязь этой кабацкой сцены долетаетъ до нея и забрызгиваетъ ее.

Собираясь уходить, Марсель нѣжно взяла за руку Каролину.

— Не подумайте, что мы пришли только надоѣдать вамъ своей болтовней, сказала она. — Поль именно хотѣлъ выразить свое сочувствіе къ горю, постигнутому г. Саккара.

— О, разумѣется! воскликнулъ молодой человѣкъ. — Онъ всегда былъ очень любезенъ со мною. Я никогда не забуду той услуги его, когда онъ избавилъ насъ отъ преслѣдованій ужаснаго Буша. И, во всякомъ случаѣ, это человѣкъ весьма умный. Когда вы увидите его, м-ше, передайте ему пожалуйста, что молодые супруги, голубки, какъ онъ насъ называлъ, питаютъ къ нему живѣйшую признательность.

Когда Жорданы ушли, Каролина не могла воздержаться отъ порыва нѣмой досады. Они питаютъ къ нему признательность? за что? за разореніе Можандровъ? Эти Жорданы, какъ и Дежуа, ушли съ одинаковыми выраженіями сожалѣнія и добрыхъ пожеланій виновнику столькихъ несчастій. А между тѣмъ они, Жорданы, люди развитые, не какіе нибудь простачки, онъ — писатель, изучившій основательно финансовый міръ и полный такого благороднаго презрѣнія къ деньгамъ. Чувство протеста противъ саккаровскихъ дѣяній все болѣе возрастало въ Каролинѣ. Нѣтъ, ему не можетъ быть никакихъ извиненій: онъ слишкомъ глубоко погрязъ въ плутовствѣ. Пощечина Жантру баронессѣ не можетъ отомстить за всѣ прошедшія страданія ея, Каролины. Саккаръ всюду вносилъ заразу и разрушеніе.

Въ этотъ же самый день Каролина должна была зайти къ Мазо по поводу нѣкоторыхъ документовъ, которые она хотѣла присоединить къ дѣлу своего брата. Она желала также узнать, каково будетъ показаніе маклера на судѣ, въ случаѣ если защита вызоветъ его въ качествѣ свидѣтеля. Свиданіе съ нимъ могло произойти не ранѣе четырехъ часовъ, послѣ биржеваго собранія. Оставшись наконецъ одна, Каролина употребила болѣе полутора часа на приведеніе въ порядокъ свѣдѣній и справокъ относительно предстоящаго процесса, уже приобрѣтенныхъ ею. Она начинала уже ориен-

тироваться въ грудѣ развалинъ послѣ катастрофы. Такъ, на другой день послѣ пожара, когда дымъ разсѣется и тлѣющія бревна погаснутъ, начинаютъ раскапывать обломки зданія въ надеждѣ найти тамъ расплавившееся золото и серебро.

Сначала Каролина спрашивала себя, куда могли дѣваться капиталы банка. Когда крушеніе поглотило двѣсти милліоновъ, то вѣдь это значило ничто иное, какъ опустошеніе однихъ кармановъ и наполненіе другихъ. Однако, казалось очевиднымъ, что въ когти понижателей не попала вся сумма: добрая треть ея утѣкла неизвѣстно куда и исчезла. На Биржѣ, въ моменты катастрофъ, говорятъ, что деньги проваливаются сквозь землю; онѣ исчезаютъ по мелочамъ, прилипаютъ понемногу ко всѣмъ пальцамъ. Одному Гундерману, должно быть, попало въ карманъ около пятидесяти милліоновъ. Потомъ Дегремонъ досталось отъ двѣнадцати до пятнадцати милліоновъ. Указывали еще на маркиза де-Богенъ, которому и на этотъ разъ удался его обычный маневръ: по обязательствамъ на повышеніе у Мазо онъ отказался платить, а по обязательствамъ на пониженіе у Жакоби онъ получилъ около двухъ милліоновъ; только на этотъ разъ Мазо, обезумѣвъ отъ своихъ потерь и зная отлично, что маркизъ, какъ самый обыкновенный мошенникъ, всю свою движимую собственность перевелъ на имя жены, обещалъ подать на него ко взысканію. Впрочемъ, почти всѣ администраторы Всеобщаго банка захватили себѣ львинныя доли; одни изъ нихъ, какъ Гюре и Кольбъ, продали свои акціи по самому высокому курсу еще до крушенія; другіе, какъ маркизъ де-Богенъ и Дегремонъ, перешли на сторону понижателей съ обычной тактикой всѣхъ предателей; кромѣ того, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта, когда банку приходилось ужъ очень плохо, этотъ самый административный совѣтъ потребовалъ открытія кредита каждому изъ членовъ на сто и болѣе тысячъ франковъ. Наконецъ, на Биржѣ, у корзины, Деларокъ и Жакоби въ свою собственную пользу выиграли громадныя суммы, хотя вскорѣ и поглощенные безъ остатка ихъ безумными расходами, на которые не хватило бы никакихъ самыхъ колоссальныхъ капиталовъ: одинъ бросалъ деньги на женщинъ, другой страстно увлекался биржевой игрою. Ходили слухи также, что Натансонъ сдѣлался однимъ изъ вождей кулиессы, бла-

годаря выигрышу въ три милліона, который достался ему благодаря игрѣ на пониженіе за свой счетъ въ то самое время, когда онъ же игралъ на повышеніе за счетъ Саккара. Необыкновенно счастливою случайностью для Натансона было то обстоятельство, что весь долгъ по значительнымъ закупкамъ, сдѣланнымъ кулиссою за счетъ Всеобщаго банка, болѣе ста милліоновъ, не надо было погашать, за признаніемъ банка несостоятельнымъ. Этотъ маленькій Натансонъ дѣйствительно оказался счастливымъ и ловкимъ человѣкомъ. Невольно всякій удивлялся, слыша о такой превосходной операціи, посредствомъ которой можно было не платить долговъ и приобретать барыши.

Но цифры всѣхъ этихъ барышей, приобретенныхъ побѣдителями, всетаки оставались неопредѣленными. Каролина никакъ не могла опредѣлить точно сумму выигрыша, доставшагося покупателямъ, потому что всѣ биржевыя операціи вообще производятся подъ покровомъ тайны, и профессиональный секретъ строго охраняется маклерами. Тутъ ничего нельзя узнать, даже рассматривая ихъ записныя книжки, куда имена клиентовъ вовсе не вносятся. Напрасно также Каролина пыталась узнать сумму, похищенную, по всей вѣроятности, Сабатани, который исчезъ тотчасъ же послѣ ликвидаціи. Этотъ поступокъ прибавилъ новую тяжесть на плечи Мазо. Подобныя исторіи часты на биржѣ: сомнительный клиентъ заручается прежде всего довѣріемъ къ себѣ, внося небольшія обезпеченія въ двѣ или три тысячи франковъ; играя благоразумно въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ до того рѣшительнаго дня, когда незначительность гарантіи его будетъ забыта, онъ войдетъ въ дружескія отношенія съ маклеромъ и исчезнетъ послѣ какой либо мошеннической продажки. Мазо собирался наказать Сабатани исключеніемъ, также какъ нѣкогда онъ исключилъ Шлоссера, негодяя изъ подобной же шайки, всегда неизмѣнно существующей на каждомъ денежномъ рынкѣ, какъ прежде существовали грабители на большихъ дорогахъ. Но хитрый левантинецъ, этотъ итальянецъ восточнаго происхожденія съ бархатными глазами, которому слухи приписывали необыкновенный успѣхъ между женщинами сомнительной нравственности, отправился баламутить биржи другихъ государствъ, и прежде всего въ Берлинъ, какъ говорили, въ ожиданіи, покуда забудутъ его подвиги на парижской биржѣ, и онъ снова вер-

нется туда съ готовностью продолжать плутовскую игру подъ прикрытіемъ всеобщей терпимости.

Потомъ Каролина составила списокъ всѣхъ послѣднихъ банкротствъ. Катастрофа съ Всеобщимъ банкомъ произвела одно изъ тѣхъ ужасныхъ потрясеній, которыя отзываются по всему Парижу. Въ это время, ни одно учрежденіе не могло похвалиться своей устойчивостью; третины показались во всѣхъ домахъ, сосѣднихъ съ лопнувшимъ банкомъ; каждый день приносилъ извѣстія о новыхъ крушеніяхъ. Банки рушились одинъ за другимъ съ тою внезапностью, съ какою падаютъ стѣны, уцѣлѣвшія послѣ пожара. Въ нѣмомъ страхѣ населеніе столицы прислушивалось къ грохоту этихъ обваловъ, спрашивая другъ друга взглядомъ, когда же остановится это землетрясеніе. Каролинѣ всего меньше было жалъ банкировъ, товариществъ, финансовыхъ дѣятелей и учрежденій, погибавшихъ и уносимыхъ вихремъ, — ея сердце болѣло за бѣдныхъ людей, за мелкихъ акціонеровъ и даже мелкихъ спекуляторовъ, которыхъ она знала и любила и которыхъ тоже увидѣла въ числѣ жертвъ. Послѣ бѣдствія она сосчитала эти знакомыя ей жертвы. И въ этомъ спискѣ были не только ея бѣдный Дежуа, глупые и жалкіе Можандры, но и печальныя графини Бовилье, внушавшія трогательное чувство. Каролину потрясла и еще одна драма: объявленная вчера несостоятельность шелковаго фабриканта Седилля. Этого человѣка она видѣла и знала по его дѣятельности, какъ члена административнаго совѣта; по ея словамъ, это былъ единственный членъ совѣта, которому она повѣрила бы на десять су; его она считала самымъ честнымъ человѣкомъ въ мірѣ. И какая страшная вещь — эта страсть къ биржевой игрѣ! Человѣкъ, посвятившій тридцать лѣтъ своей жизни, полной честнаго труда, на основаніе одного изъ солиднѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Парижѣ, меньше чѣмъ въ три года подорвалъ свое собственное дѣло и до того распаталъ свое созданіе, что оно отъ одного толчка рухнуло въ прахъ. Какія горькія сожалѣнія долженъ былъ испытывать теперь Седилль о тѣхъ невозвратимыхъ дняхъ трудовой жизни, когда онъ вѣрилъ еще, что богатство пріобрѣтается только медленной упорной работой. Первый случайный выигрышъ внушилъ ему презрѣніе къ труду, его охватила жажда завоевать на биржѣ миллионъ сразу, въ одинъ часъ захватить цѣлое состояніе, ко-

торое честному торговцу стоитъ всей жизни. И биржа все отняла у него; несчастный Седилль былъ разбитъ нравственно, упалъ духомъ, сдѣлался неспособнымъ и недостойнымъ возвратиться на прежнюю дорогу; къ тому же съ такимъ сыномъ, котораго бѣдность легко могла сдѣлать мошенникомъ. Гюставъ, вѣчный гуляка, привыкшій прожигать сорокъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ, и притомъ въ долгъ, уже успѣлъ скомпрометировать себя въ грязной исторіи съ векселями на имя Жермены Кёръ. Еще одинъ бѣдняга внушалъ собою сожалѣніе Каролинь, это — ремизье Массіасъ, хотя она обыкновенно относилась не очень-то нѣжно къ подобнымъ посредникамъ обмана и грабежа. Тѣмъ не менѣе, она хорошо знала этого Массіаса съ его большими веселыми глазами и видомъ только что отхлестанной собаки, бѣгающаго по всему Парижу для какихъ нибудь ничтожныхъ порученій. Если онъ на одну минуту и вообразилъ, что пришло его время наконецъ сдѣлаться важной особой на рынкѣ, добиться успѣха, слѣдуя по стопамъ Саккара, то какое страшное паденіе прервало его мечту, и какъ низко свалившимся увидѣлъ онъ себя. Убытки его простирались до семидесяти тысячъ франковъ, и онъ уплатилъ ихъ, хотя могъ бы отказаться отъ платежа, какъ сдѣлали многіе другіе; онъ занялъ денегъ вездѣ, гдѣ только могъ, навалилъ на себя обузу на всю жизнь; но кругомъ всѣ считали это, хотя и великодушной, но бесполезной глупостью, никто не похвалилъ его, и только за спиною его съ сожалѣніемъ пожимали плечами. Негодованіе Массіаса обрушилось исключительно на одну биржу, онъ опять проклиналъ свое грязное ремесло, крича вездѣ, что надо быть жидомъ, чтобы имѣть успѣхъ въ биржевыхъ операціяхъ; но все-таки остался на своемъ мѣстѣ и даже питалъ еще надежду заработать когда нибудь хорошій барышъ, покуда еще зорки его глаза и проворны ноги.

Но въ особенности сердце Каролины чувствовало безконечную жалость къ безвѣстнымъ, безъимяннымъ жертвамъ. Ихъ былъ цѣлый легионъ. Онѣ были вездѣ: въ глухихъ закоулкахъ, въ далекихъ дебряхъ, валялись забытые трупы, хрипѣли и корчились раненые, недобитые въ горячей свалкѣ. Сколько ужасающихъ нѣмыхъ драмъ, какая масса мелкихъ капиталистовъ-бѣдняковъ, мелкихъ акціонеровъ, вложившихъ все свое состояніе, всѣ свои сбереженія въ какую нибудь

одну акцію, сколько отставныхъ швейцаровъ, желтыхъ высохшихъ дѣвъ съ собачками и кошками, провинціальныхъ отставныхъ чиновниковъ, привыкшихъ къ унылой однообразной жизни, сельскихъ священниковъ, обобравшихъ себя ради помощи бѣднякамъ, — вѣдь вся эта мелкота приучена къ самому скромному бюджету, высчитанному только на молоко да на хлѣбъ, бюджету настолько точному и неизмѣнному, что недостатокъ двухъ су могъ привести всѣхъ этихъ людей уже къ катастрофѣ. И вдругъ исчезаетъ все, послѣдній грошъ, жизнь прерывается, становится невозможной; дрожащія старческія руки растерянно ищутъ опоры въ потемкахъ и не находятъ ее; работать онѣ уже неспособны. Всѣ эти смиренныя и тихо прозябающія существа сброшены вдругъ однимъ толчкомъ въ смрадную яму нищеты. Сотни отчаянныхъ писемъ пришли изъ Вандома, гдѣ мѣняла Фейѣ усугубилъ еще бѣдствіе внезапнымъ своимъ бѣгствомъ. Получая деньги и бумаги своихъ кліентовъ для операцій на биржѣ, онъ самъ пустился въ отчаянную игру и, потерпѣвъ убытки, не захотѣлъ покрывать ихъ, а убѣждалъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ, находившимися у него на рукахъ. Вокругъ Вандома, въ самыхъ отдаленныхъ фермахъ, онъ оставилъ послѣ себя нищету и слезы. Крушеніе банка вообще отозвалось даже въ самыхъ убогихъ лачугахъ. Какъ послѣ большихъ эпидемій, самыми жестокими потерями, оказалось, поплатились люди средняго состоянія, мелкіе собственники, которыхъ благосостояніе могло быть возстановлено только долгими годами упорнаго труда ихъ сыновей.

Наконецъ Каролина вышла изъ дому, чтобы повидаться съ Мазо. Идя пѣшкомъ по направленію къ Банковской улицѣ, она думала о цѣломъ рядѣ несчастій, обрушившихся на Мазо въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль. Фейѣ обокралъ его на триста тысячъ франковъ, Сабатани оставилъ ему неуплоченный счетъ на сумму почти вдвое большую, маркизь де-Богенъ и баронесса Сандорфъ отказались платить свои убытки вмѣстѣ болѣе чѣмъ на миллионъ, банкротство Седилля лишило его почти такой же суммы, да кромѣ того Всеобщій банкъ остался должнымъ своему маклеру восемь миллионъ; эти восемь миллионъ, составлявшіе репортъ Саккара, были страшною потерей, пропастью, въ которую, какъ ожидала биржа, съ часу на часъ долженъ былъ провалиться неосторожный Мазо. Уже два раза

распространялись слухи о его паденіи. И надо же было, чтобъ къ этому преслѣдованію судьбы присоединилось еще одно, послѣднее несчастье, та капля, которая должна была переполнить чашу его бѣдствій: вчера арестовали служащаго въ конторѣ Мазо — Флори, обвиняемаго въ растратѣ ста восьмидесяти тысячъ франковъ. Понемногу требованія m-lle Шюню, бывшей акробатки, ловкой стрекозы парижскихъ улицъ, возрасли до чрезмѣрности: сначала были только недорогія веселенькія прогулки, потомъ квартира въ улицѣ Кандорсе, а тамъ и пошли подарки драгоценныхъ вещей, кружевъ. Чтò въ особенности вскружило голову слабохарактерному Флори, такъ это первый выигрышъ его въ десять тысячъ франковъ послѣ Садовой; эти деньги, лишнія и такъ легко нажитыя, онъ быстро истратилъ; явилась потребность опять приобрести денегъ для удовольствій, а потомъ еще, и эта погоня за легкой наживой обратилась въ страсть, ради удержанія за собою милостиваго вниманія дорого стоящей женщины. Но вся эта исторія дѣлалась совершенно непонятною съ того момента, когда Флори обокралъ своего хозяина для того только, чтобы заплатить свой проигрышъ другому биржевому маклеру: это ужъ былъ особый родъ честности, или просто молодой человѣкъ ошалѣлъ передъ страхомъ немедленнаго ареста, въ сомнительной надеждѣ какъ нибудь скрыть растрату и заткнуть дыру какой нибудь фантастической операціей. Въ тюрьмѣ онъ рыдалъ отъ ужаснаго сознанія своего позора и отъ отчаянія. Рассказывали, что мать его, пріѣхавшая въ день ареста сына изъ Сента повидаться съ нимъ, слегла въ постель у знакомыхъ, пріютившихъ ее.

Какая странная вещь — успѣхъ! думала Каролина, переходя черезъ площадь биржи. Необыкновенный успѣхъ Всеобщаго банка, быстрое возвышеніе его до блестящаго триумфа, приобретение имъ вліянія и власти менѣе чѣмъ въ четыре года существованія, потомъ внезапное паденіе этого колоссальнаго сооруженія, которое въ одинъ мѣсяць рассыпалось въ прахъ — все это постоянно поражало Каролину. Не такова ли была судьба Мазо? Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, которому до такой степени улыбалось бы счастье. Маклеръ въ тридцать два года, весьма состоятельный послѣ смерти своего дяди, счастливый мужъ очаровательной женщины, обожавшей его и подарившей ему двухъ

прелестныхъ ребятъ, онъ самъ былъ красавцемъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе на биржѣ своими связями, своею дѣятельностью, своимъ истинно удивительнымъ чутьемъ, даже своимъ провозительнымъ голосомъ, похожимъ на флейту, голосомъ, который сдѣлался также извѣстенъ, какъ и ревъ Жакоби. И вотъ вдругъ все это завидное положеніе лопається: Мазо находится на краю пропасти; достаточно самаго незначительнаго толчка, чтобы онъ свалился туда. А между тѣмъ самъ онъ не игралъ; его спасала отъ игры ревность къ труду, юношеская жажда дѣятельности. Онъ палъ въ разгарѣ законной борьбы, только вслѣдствіе неопытности и увлеченія, по излишней довѣрчивости къ людямъ. Впрочемъ, на его сторонѣ остались общія симпатіи, и всѣ думали, что онъ можетъ еще съ честью выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Когда Каролина вошла въ контору, она сейчасъ же почувствовала, что этотъ домъ посѣтило несчастье; вездѣ царствовалъ трепеть скрытаго отчаянія; тоска выглядывала изъ-за каждаго письменнаго стола. Проходя черезъ кассу, Каролина замѣтила, что человѣкъ двадцать ждетъ своей очереди передъ рѣшеткою, и что кассиры наличныхъ денегъ и процентныхъ бумагъ поддерживаютъ еще репутацію конторы полнымъ удовлетвореніемъ просителей, но вяло, точно они выдаютъ послѣднія деньги изъ кладовой. Черезъ полуоткрытую дверь видѣлось отдѣленіе ликвидацій, застывшее въ бездѣйствіи; семеро служащихъ тамъ читали газеты, зная, что ихъ нескоро побезпокоютъ, потому что на Биржѣ господствовалъ полный застой. Только отдѣленіе текущихъ счетовъ проявляло нѣкоторую жизнь. Тамъ встрѣтилъ Каролину Бертье, уполномоченный маклера; онъ былъ очень взволнованъ и блѣденъ, въ виду несчастья, постигшаго контору.

— Не знаю, м-ше, приметъ ли васъ г. Мазо, заявилъ Бертье. — Онъ немного нездоровъ... онъ простудился, работая всю прошлую ночь въ холодной комнатѣ... забылъ приказать затопить каминъ... Онъ только что ушелъ домой, внизъ, чтобы немного отдохнуть.

Тогда Каролина стала настаивать на свиданіи:

— Прошу васъ, м-г, сдѣлайте для меня такое одолженіе... мнѣ очень нужно переговорить съ вашимъ хозяиномъ... Дѣло идетъ, можетъ быть, о спасеніи моего брата. М-г Мазо

очень хорошо знаетъ, что мой братъ никогда не занимался биржевыми операціями, и его показаніе на судѣ будетъ имѣть громадное значеніе... Съ другой стороны, я хочу попросить у него, чтобы онъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя цифровыя данныя, которыя онъ одинъ можетъ доставить мнѣ, обладая извѣстными документами.

Бертъе, послѣ большой нерѣшительности, попросилъ наконецъ Каролину войти въ кабинетъ маклера.

— Подождите здѣсь минутку, сказалъ онъ: — я схожу къ г. Мазо.

Въ этой комнатѣ Каролину охватило уже ощущеніе настоящаго холода. Огонь въ каминѣ, должно быть, не разводился еще со вчерашняго дня; никто и не думалъ разводить его. Но чтò особенно поразило ее, такъ это образцовый порядокъ въ кабинетѣ, точно какъ будто всю ночь и все утро кто-то употребилъ здѣсь на опорожниванье письменныхъ столовъ, на уничтоженіе ненужныхъ бумагъ и на приведеніе нужныхъ документовъ въ наглядную извѣстность. Ничто тутъ не лежало какъ нибудь: каждая тетрадка, каждое письмо занимали свое мѣсто. На бюро маклера методически разставлены были чернильница, подставка для перьевъ и большой бюварь, въ который былъ вложенъ пакетъ съ бланками Мазо, зелеными бланками цвѣта надежды. Въ пустотѣ прибраннаго кабинета, въ этой тяжелой тишинѣ, чуялась безысходная печаль.

Черезъ нѣсколько минутъ Бертъе вернулся.

— Могу васъ увѣрить, м-ше, сказалъ онъ: — я два раза звонилъ въ квартирѣ г. Мазо и безуспѣшно... я не осмѣливаюсь больше беспокоить его. Можетъ быть, вы сами потрудитесь, спустившись въ первый этажъ, позвонить еще разъ. Но я совѣтовалъ бы вамъ лучше придти въ другое время.

Каролинѣ пришлось покориться такому рѣшенію. Однако на площадкѣ перваго этажа она остановилась и уже протянула руку къ пуговкѣ звонка. Она хотѣла уже уходить, какъ вдругъ ее остановили крики, рыданія, глухой шумъ за дверями. Внезапно дверь отворилась, и выскочилъ лакей, растерянный, блѣдный. Онъ быстро побѣжалъ по лѣстницѣ, бормоча:

— Боже мой, Боже мой!.. баринъ...

Каролина остановилась въ недоумѣніи передъ настѣжъ

растворенной дверью, изъ-за которой явственно теперь доносились раздирающіе душу стоны. Холодъ пробѣжалъ по тѣлу Каролины: она стала догадываться и рисовать себѣ ясно картину того, что должно было происходить тамъ, въ квартирѣ. Сначала она хотѣла бѣжать прочь, однако ноги ея не двигались. Чувство сожалѣнія къ чужому горю влекло ее впередъ—взглянуть на случившееся несчастье и оплакать его. Она вошла въ квартиру и увидѣла, что двери растворены; такимъ образомъ она очутилась въ гостиной.

Двѣ служанки, вѣроятно, кухарка и горничная, заглядывали въ комнату съ выраженіемъ ужаса на лицахъ и шептали:

— Ой, баринъ-то, ахъ Боже мой, Боже мой!

Потухающій свѣтъ сѣраго зимняго дня слабо пробивался сквозь толстыя шелковыя занавѣски. Въ комнатѣ было очень тепло; большія полѣнья дровъ догорали въ каминѣ, и раскаленные уголья бросали на стѣны красноватый отблескъ. На столѣ возвышался цѣлый снопъ изъ розъ: роскошный и дорогой по сезону букетъ, который вчера еще маклеръ принесъ своей женѣ, распускался въ тепличной жарѣ и благоухалъ на всю комнату. Это былъ какъ бы запахъ утонченной роскоши обстановки, ароматъ счастья, богатства, любви, всего, что цвѣло здѣсь въ продолженіе четырехъ лѣтъ. И въ красномъ отблескѣ потухающихъ угольевъ Мазо лежалъ, склонившись на край дивана, съ прострѣленной головой, а рука его судорожно сжимала рукоятку револьвера. Передъ нимъ стояла его молодая жена, только что прибѣжавшая на выстрѣлъ, и громко стонала; это и былъ тотъ протяжный дикій вой, что слышался даже на лѣстницѣ. Въ моментъ выстрѣла она держала на рукахъ своего маленькаго четырехлѣтняго сына, который въ испугѣ крѣпко упѣпился рученками за ея шею, а шестилѣтняя дѣвочка повисла, схватившись за платье матери, и прижалась къ ней; дѣти тоже отчаянно кричали, слыша крикъ матери.

Каролинѣ тотчасъ же пришло въ голову увести ихъ отъ страшнаго зрѣлища.

— М-ме, я умоляю васъ, заговорила она. — М-ме, не оставайтесь здѣсь...

Она сама вся дрожала, чувствуя, что готова упасть въ обморокъ. Она видѣла, какъ изъ прострѣленной головы Мазо сочилась еще кровь и капля за каплей падала на бархат-

ную обивку дивана, откуда струилась на коверъ. На полу уже образовалось широкое пятно, постоянно увеличивавшееся. Каролинѣ казалось, что эта кровь течетъ къ ней и вотъ сейчасъ зальетъ ей руки и ноги.

— Я умоляю васъ, м-ше, повторяла она: — уйдемте отсюда!

Но несчастная женщина, вмѣстѣ съ сыномъ, повиснувшимъ на ея шеѣ, и дочерью, охватившею ее за талию, не слышала ничего и не двигалась съ мѣста. Ее, окаменѣвшую отъ горя, никакая сила въ эту минуту не могла бы оторвать отсюда. Всѣ трое были бѣлокуры, молочной бѣлизны, и мать была также нѣжна и свѣжа, какъ и дѣти. Съ отчаяніемъ глядя на погибшее счастье, на внезапно исчезнувшее блаженство, которому, казалось, не должно было быть конца, они всѣ вмѣстѣ кричали, и въ этомъ страшномъ воѣ слышалось невыносимое физическое страданіе.

Тогда Каролина упала на колѣни. Она сама рыдала и вмѣстѣ съ тѣмъ уговаривала плачущихъ:

— О, м-ше, вы раздираете мнѣ сердце... умоляю васъ: не смотрите на это, пойдите со мною въ сосѣднюю комнату. Позвольте мнѣ хоть немного облегчить вамъ это ужасное горе...

Но суровая и печальная группа матери съ двумя дѣтьми, точно слившимися съ нею въ одно цѣлое, оставалась неподвигною и какъ бы осѣненной длинными бѣлокурыми волосами. И страшный вой не прекращался, этотъ голосъ крови, раздающійся порою въ лѣсу, когда охотники застрѣляютъ самца.

Каролина поднялась на ноги; сознание ея помутилось. Раздались шаги, голоса: вѣроятно, явился врачъ, чтобы констатировать самоубійство. Каролина не могла дольше оставаться здѣсь и убѣжала, преслѣдуемая безконечнымъ, невыносимымъ стономъ, который отдавался въ ея ушахъ даже и на тротуарѣ, среди грохота экипажей.

День угасалъ; было холодно, но Каролина шла тихо изъ боязни, что ее могутъ арестовать, принявъ за убійцу по ея растерянному виду. Негодование подымалось въ ней при воспомнаніи обо всей этой исторіи чудовищнаго исчезновенія двухсотъ милліоновъ, которое повлекло за собою столько разореній и погубило столько жертвъ. Какая таинственная сила могла такъ быстро воздвигнуть золотую

башню, съ такую же быстротою разрушить ее. Тѣ же руки, которыя созидали ее, казалось, съ особенной яростью, съ безумнымъ ожесточеніемъ старались не оставить теперь камня на камнѣ. Повсюду раздавались крики отчаянія, состоянія рушились съ такимъ грохотомъ, какъ еслибы изъ телѣги вываливали кирпичи, привезенные съ разобранныхъ зданій. Тутъ были свалены въ кучу и послѣднія земельная собственность графовъ Бовилье, и полуистертыя су, собранныя съ великимъ трудомъ бѣднымъ Дежуа, и барыши обширной торговли Седилля, и ежегодные доходы Можандровъ, промѣнявшихъ свое обезпеченное спокойствіе на биржевую горячку — все это, перемѣшанное какъ нибудь, брошено было на самое дно помойной ямы, которую всетаки трудно было наполнить. Сюда же попали и Жантру, утонувшій въ алкогольъ, баронесса Сандорфъ, погрузившаяся въ тину разврата, Массіасъ, попавшій опять въ унизительное положеніе охотничьей ищейки, прикованный навсегда къ биржѣ своимъ неоплатнымъ долгомъ; здѣсь былъ Флори — воръ, въ тюрьмѣ искупавшій свое малодушіе и увлеченіе; Сабатани и Фейѣ, спасающіеся бѣгствомъ изъ страха быть пойманными жандармами; и наконецъ самыя жалкія и горемычныя безвѣстныя жертвы, цѣлое безымянное стадо бѣдняковъ, которыхъ катастрофа обрекла на холодъ и голодъ. Среди общаго бѣдствія появилась и смерть; pistolетные выстрѣлы начали раздаваться со всѣхъ концовъ Парижа; Каролинѣ живо представилась раздробленная голова Мазо, изъ которой кровь капля за каплей, среди роскоши обстановки и аромата розъ, струилась на несчастную женщину съ двумя дѣтьми, и они, казалось, все еще отчаянно выли.

И тогда все видѣнное и слышанное Каролиною въ теченіе послѣднихъ недѣль слилось въ растерзанномъ сердцѣ ея въ одинъ негодующій крикъ противъ Саккара. Она не могла уже болѣе молчать, обходить это имя, какъ бы не существующее нынѣ для нея, чтобы не разсматривать его преступленія и чтобы не осуждать ихъ. Нѣтъ, онъ одинъ былъ виновникомъ всего; это подтверждалось каждымъ новымъ несчастіемъ, прибавлявшимся къ массѣ прежнихъ, ужасавшихъ Каролину. Она проклинала Саккара; ея гнѣвъ и презрѣніе, сдерживаемые такъ долго, обратились въ жажду мщенія, въ ненависть къ источнику зла. Развѣ она уже

разлюбила своего брата, что колеблется еще до сих порь возненавидѣть того ужаснаго человѣка, который былъ единственной причиною его несчастія? Ея бѣдный братъ, этотъ безупречно чистый, великій труженикъ, честный и прямодушный, запятнанъ теперь несмыаемымъ клеймомъ тюремнаго заключенія. Вотъ еще жертва, совѣмъ забытая Каролиною, а между тѣмъ самая дорогая и самая близкая изо всѣхъ другихъ! Ахъ, пусть Саккаръ не встрѣтитъ ни въ комъ прощенія своимъ грѣхамъ, пусть никто не осмѣлится защищать его поступки, даже тѣ, кто продолжаетъ вѣрить въ него, кто знаетъ его только съ хорошей стороны, и пусть онъ умретъ въ одиночествѣ, среди общаго презрѣнія!

Каролина подняла глаза. Она была на площади, и передъ нею возвышалось зданіе Биржи. Наступили сумерки, и Биржа вырисовывалась своими контурами на фонѣ сѣраго зимняго неба съ красноватымъ отблескомъ заката, напоминавшимъ дымъ и зарево пожара, точно тамъ, позади, горѣлъ осажденный непріателемъ городъ. Сѣрая и мрачная Биржа, казалось, погрузилась въ глубокую печаль послѣ катастрофы; уже цѣлый мѣсяцъ она оставалась пустынною, необитаемою, подобною рынку во время голода. Это была роковая эпидемія, періодическая, опустошенія которой выметають дочиства биржевое населеніе каждыя десять, пятнадцать лѣтъ; тѣ »черныя пятницы«, какъ ихъ называютъ, которыя оставляють послѣ себѣ кругомъ однѣ развалины. Нуженъ цѣлый рядъ годовъ, чтобы вернулось общее довѣріе, чтобы вновь воскресли крупныя банкирскія фирмы, и все это опять только до того дня, когда вострепнувшаяся страсть къ биржевой игрѣ, понемногу разжигая охоту къ рискованнымъ предпріятіямъ, снова приведетъ къ кризису, снова разрушить все и породить новыя бѣдствія. Но на этотъ разъ, за багровымъ дымомъ, стлавшимся на горизонтѣ, въ отдаленномъ шумѣ городской жизни, чуялся какой-то глухой трескъ, что-то какъ будто готово было рухнуть, что-то громадное, неизмѣримое. Можетъ быть, это былъ призракъ кончины котораго нибудь изъ міровъ.

XII

Предварительное слѣдствіе двигалось такъ медленно, что прошло уже семь мѣсяцевъ со времени ареста Саккара и

Гамелена, а дѣло ихъ все еще не могло быть назначено къ слушанію. Въ половинѣ сентября, въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Каролина, которая навѣщала своего брата два раза въ недѣлю, должна была отправиться къ тремъ часамъ въ Консьержери. Она теперь никогда не произносила имени Саккара и десять разъ отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на его убѣдительныя просьбы посѣтить его. Для нея, возвратившей теперь себѣ снова чувство справедливости, онъ не существовалъ. Но зато она все еще надѣялась спасти своего брата; въ дни свиданій съ нимъ она была всегда весела и съ удовольствіемъ передавала ему о своихъ послѣднихъ хлопотахъ по его дѣлу. При этомъ Каролина приносила каждый разъ брату большой букетъ любимыхъ имъ цвѣтовъ.

Въ этотъ понедѣльникъ, утромъ, она готовила Гамелену букетъ изъ красныхъ гвоздикъ, какъ вдругъ явилась старая Софья, заслуженная нянька княгини Орвьедо, и передала ей, что барыня желаетъ тотчасъ же переговорить съ нею. Удивленная и нѣсколько встревоженная, Каролина поспѣшила подняться наверхъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ она не видала княгиню, отказавшись отъ должности секретаря въ Домѣ трудолюбія послѣ катастрофы съ Всеобщимъ банкомъ. Время отъ времени она заходила только на бульваръ Бино, чтобы повидать Виктора, который, казалось, подчинился теперь суровой дисциплинѣ заведенія. Глаза его теперь были опущены внизъ, лѣвая щека замѣтно была толще правой, а ротъ скривился на сторону, что придавало его лицу выраженіе свирѣпаго лукавства. У Каролины тотчасъ же явилось предчувствіе, что княгиня зоветъ ее непременно по поводу Виктора.

Княгиня Орвьедо, наконецъ, разорилась. Съ большими усиліями въ теченіе десяти лѣтъ удалось ей отдать бѣднымъ триста милліоновъ, полученныхъ ею въ наслѣдство отъ мужа и украденныхъ имъ изъ кармановъ довѣрчивыхъ акціонеровъ. Если княгинѣ нужно было сначала пять лѣтъ, чтобы спустить на безумную благотворительность первую сотню милліоновъ, то въ остальные четыре съ половиною года она постаралась истратить другіе двѣсти милліоновъ на учрежденія, обставленные съ еще болѣею, чрезмѣрною роскошью. Къ Дому трудолюбія, къ Яслямъ Пресвятой Дѣвы, Сиротскому дому св. Іосифа, Убѣжищу въ Шатильонѣ и

госпиталю Сентъ-Марсѣ прибавились теперь образцовая ферма близъ Эврѣ, два заведенія для выздоравливающихъ дѣтей на берегахъ Ламанша, другое заведеніе для стариковъ въ Ниццѣ, госпитали, колоніи для рабочихъ, библіотеки и школы во всѣхъ концахъ Франціи, не считая еще крупныхъ пожертвованій на благотворительныя учрежденія, уже существующія. И при этомъ княгиня всегда желала широкой щедрости; она не бросала кусокъ хлѣба бѣднымъ изъ состраданія или страха передъ ними, но доставляла имъ полное наслажденіе жизнью, избытокъ, все то прекрасное и полезное, что сильные похитили у слабыхъ; всѣ ея учрежденія были дворцами, обителями счастливыхъ людей, отворенными настежь для уличныхъ нищихъ, чтобы и они тоже спали на шелку и ѣли золотыми ложками. Въ теченіе десяти лѣтъ, дождь милліоновъ не переставалъ, и возникали мраморныя столовыя, веселые дортуары съ яркими фресками, монументальныя фасады, подобныя Лувру, цвѣтущіе сады съ рѣдкими растеніями; десять лѣтъ длились эти превосходныя работы при одуряющемъ увлеченіи подрядчиковъ и архитекторовъ. И вотъ, наконецъ, княгиня была счастлива; сердце ея замирало отъ восторга, что руки ея отнынѣ чисты, въ нихъ не было болѣе ни одного сантима. Она дошла даже до удивительнаго результата: у ней были долги, и напрасно повѣренный ея и адвокатъ старались найти средства пополнить недостатокъ, доходившій до нѣсколькихъ сотъ тысячъ франковъ; колоссальное богатство дошло до роковаго финала, оно было развѣяно на всѣ четыре стороны посредствомъ безконечной милостыни. Теперь на главныхъ воротахъ отеля княгини было прибито объявленіе о продажѣ его съ аукціона; такимъ образомъ должны были исчезнуть послѣдніе слѣды проклятыхъ денегъ, собранныхъ въ грязи и крови финансоваго грабежа.

Наверху, въ квартирѣ княгини, старуха Софья уже ожидала Каролину, чтобы провести ее къ барынѣ. За послѣднее время преданная нянька ворчала по цѣлымъ днямъ. О, она заранѣе предвидѣла, что госпожѣ ея придется умереть на соломѣ! Развѣ княгиня не должна была выйти замужъ снова, имѣть дѣтей отъ другаго мужа, потому что въ сущности ей только и хотѣлось во всю жизнь сдѣлаться матерью? Ей самой, Софьѣ, не на что жаловаться и не о чемъ беспокоиться; она давно уже получала ренту въ двѣ

тысячи франковъ и съ этими деньгами уѣдетъ себѣ на покой въ свою сторону, около Ангулема. Но ее брала злость, когда она вспоминала, что барыня не оставила себѣ даже и какихъ нибудь нѣсколькихъ су на самое необходимое, хоть бы на молоко и на хлѣбъ, которыми она теперь только и существовала. Между княгиней и ея служанкой безпрестанно возникали ссоры. Княгиня со своею святой, спокойной улыбкой отвѣчала старой нянѣ, что черезъ мѣсяць ей ничего не будетъ нужно, кромѣ савана, потому что она поступитъ въ монастырь, гдѣ уже давно ей оставлено мѣсто, въ монастырь кармелитокъ, уединенный отъ всего свѣта. Здѣсь наступитъ для нея отдыхъ, вѣчный отдыхъ!

Каролина нашла княгиню такою же, какою привыкла видѣть въ продолженіе четырехъ лѣтъ; она была одѣта въ свое вѣчное черное платье, волосы прикрывала кружевная косынка; еще очень недурная собою въ тридцать девять лѣтъ, съ полнымъ лицомъ и жемчужными зубами, княгиня, однако, имѣла желтый цвѣтъ кожи, почти мертвенный, какъ будто она уже лѣтъ десять провела въ монастырѣ. Тѣсная комватка, похожая на контору провинціального адвоката, была завалена бумагами, планами, замѣтками, счетами, всѣмъ этимъ хламомъ, оставшимся отъ усерднаго разграбленія трехсотъ милліоновъ.

— М-ме, заговорила княгиня своимъ мягкимъ и тягучимъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни малѣйшаго волненія: — я хотѣла сообщить вамъ одно извѣстіе, которое мнѣ доставили сегодня утромъ... Оно касается Виктора, того мальчика, который помѣщенъ вами въ Домъ трудолюбія.

Сердце Каролины болѣзненно сжалось. Ахъ, несчастный ребенокъ! Отецъ такъ и не успѣлъ видѣть его, несмотря на свои постоянныя обѣщанія, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ о существованіи своего сына до заключенія въ Консьержери. Чтѣ съ этимъ мальчикомъ станется теперь? Стараясь не думать о Саккарѣ, Каролина, тѣмъ не менѣе, постоянно возвращалась къ нему, движимая чувствомъ материнской любви къ Виктору.

— Вчера произошли ужасныя вещи, продолжала княгиня: — совершено преступленіе, которое ничѣмъ нельзя загладить.

И она рассказала, съ ледянымъ спокойствіемъ, возмути-

тельное происшествіе. За три дня до этого, Викторъ отпра-вился въ лазаретъ, жалуясь на нестерпимую головную боль. Врачъ сильно подозрѣвалъ мальчика въ притворствѣ изъ-лѣности; однако случилось, дѣйствительно, что этотъ воспитанникъ страдалъ припадками невралгіи. На этотъ разъ, въ послѣполуденное время, Алиса де-Бовилье находилась въ заведеніи безъ своей матери, явившись помогать сестрѣ милосердія въ провѣркѣ инвентаря лекарствъ, находившихся въ аптечномъ шкафу; такая провѣрка производилась четыре раза въ годъ. Аптечный шкафъ стоялъ въ комнатѣ, раздѣлявшей два дортуара, одинъ изъ которыхъ предназначался для дѣвочекъ, а другой для мальчиковъ. Въ послѣднемъ, въ это время, спалъ одинъ только Викторъ, уложенный, въ качествѣ больного, въ постель. Сестра милосердія, отлучившись на нѣсколько минутъ, по возвращеніи очень удивилась, не найдя Алисы, и, подождавъ немного, отправилась ее искать. Изумленіе ея еще болѣе возросло, когда она замѣтила, что дверь въ дортуаръ мальчиковъ была заперта изнутри. Что могло тамъ происходить? Монахиня должна была сдѣлать обходъ черезъ коридоръ, чтобы попасть въ эту комнату, и, войдя туда, остолбенѣла, пораженная страшнымъ зрѣлищемъ: полузадушенная Алиса, съ завязаннымъ салфеткой ротомъ, чтобы заглушить ея крики, лежала на кровати.... На полу валялся пустой кошелекъ. Викторъ исчезъ. Происшествіе это можно было объяснить такимъ образомъ: Алиса, вѣроятно позванная мальчикомъ, вошла въ комнату съ кружкой молока и хотѣла дать пить пятнадцатилѣтнему звѣрю; тотъ однимъ прыжкомъ набросился на дѣвушку, завязалъ ей ротъ, бросилъ на кровать, какъ тряпку, и, обво-ровавъ, переодѣлся на скорую руку и бѣжалъ. Но было тутъ много и загадочныхъ обстоятельствъ, необъяснимыхъ и неизбѣжныхъ вопросовъ. Какимъ образомъ ничего не было слышно: ни шума борьбы, ни стонувъ?.... Наконецъ, какимъ путемъ могъ убѣжать Викторъ, испарившись, такъ сказать, безъ всякихъ слѣдовъ? Самые тщательные поиски привели къ убѣжденію, что его не было уже теперь въ заведеніи. Вѣроятно, онъ бѣжалъ черезъ ванную, смежную съ коридоромъ, въ которой окно оказалось отвореннымъ, а это окно вело на цѣлый рядъ крышъ, спускавшихся этажами до са-мага бульвара. Однако путь этотъ представлялъ столько опасностей, что многіе отказывались вѣрить, чтобы какому

бы то ни было человѣку удалось пробраться на улицу такимъ образомъ. Отвезенная къ матери, Алиса слегла въ постель; она рыдала и металась, какъ помѣшанная; впоследствии у ней открылась горячка.

Каролина слушала этотъ разсказъ съ такимъ волненіемъ и ужасомъ, что, казалось, въ ней вся кровь оледѣнѣла.....

— Я не хочу ни въ чемъ упрекать васъ, madame, сказала въ заключеніе княгиня: — потому что было бы несправедливо возлагать на васъ какую либо отвѣтственность. Тѣмъ не менѣе, покровительствуемый вами оказался вполне страшилищемъ.

И какъ бы по непонятной на первый взглядъ ассоціаціи идей, княгиня прибавила:

— Нельзя жить безнаказанно въ извѣстной средѣ. Я сама чувствовала сильные упреки совѣсти, чувствовала себя соучастницей преступленія, когда недавно рушился этотъ банкъ, произведя столько разореній и столько подлостей. Да, я не должна была позволить, чтобы мой домъ сдѣлался колыбелью подобной мерзости... Но зло совершилось, домъ мой очистится отъ позорнаго клейма, а я... О, я уже не существую для жизни, и Богъ проститъ мнѣ.

Блѣдная радостная улыбка появилась на губахъ княгини; она жестомъ еще дополнила свои слова о выходѣ своемъ изъ мірской суеты, объ исчезновеніи навсегда съ парижскаго горизонта доброй невидимой феи.

Каролина схватила княгиню за руки, жала ихъ и цѣловала. Она до того была потрясена упреками совѣсти и сожалѣніемъ, что могла только бормотать безсвязныя слова:

— Напрасно вы меня извиняете, я виновна... Эта несчастная дѣвушка..... Я хочу ее видѣть... Я побѣгу сейчасъ... Мнѣ нужно сейчасъ видѣть ее...

И Каролина ушла, оставивъ княгиню, вмѣстѣ со своей старой нянюшкой, Софьей, продолжать сборы въ далекій путь. Послѣ сорока лѣтъ совмѣстной жизни старухъ и ея воспитанницъ приходилось, наконецъ, разставаться навсегда.

Третьяго дня, въ субботу, графинѣ де Бовилье пришлось отказаться отъ своего отеля и предоставить его своимъ кредиторамъ. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ она перестала вносить проценты по залогу; положеніе графини сдѣлалось критическимъ посреди всевозможныхъ расходовъ, на кото-

рые нехватало денегъ, и подъ постоянной угрозой продажи отеля съ публичнаго торга. Повѣренный ея далъ совѣтъ бросить все и переѣхать въ маленькую квартирку, гдѣ можно будетъ жить очень скромно, а онъ въ это время постарается покончить какъ нибудь съ кредиторами. Графиня, пожалуй, не послѣдовала бы благоразумному совѣту и попробовала бы, можетъ быть, во что бы то ни стало поддерживать честь своей фамиліи, продолжать притворяться богатой, до окончательнаго паденія своего рода, до разрушенія отъ ветхости своего отеля, еслибы ее не постигло новое несчастіе. Сынъ ея Фердинандъ, послѣдній изъ графовъ Бовилье, не способный ни къ чему молодой человекъ, не будучи въ состояніи занять какое нибудь мѣсто на родинѣ, поступившій въ папскіе зуавы, чтобы только приткнуться куда либо, умеръ въ Римѣ, въ полной неизвѣстности; его малокровная натура не выдержала знойнаго солнца; онъ не могъ даже участвовать въ битвѣ подъ Ментаной, потому что страдалъ уже лихорадкой и поражениемъ легкихъ. Послѣ смерти сына, графиня почувствовала сразу пустоту своего существованія, всѣ идеи ея рухнули, воля, наконецъ, ослабла послѣ столькихъ лѣтъ упорнаго труда, посвященныхъ на гордую поддержку чести своей фамиліи. Въ двадцать четыре часа старинный домъ графовъ Бовилье пересталъ существовать, и на развалинахъ его воцарилась неумолимая, мрачная нищета. Продали старую лошадь; при графиняхъ осталась одна кухарка, ходившая на рынокъ въ засаленномъ передникѣ, чтобы купить на два су масла да литръ сушеныхъ бобовъ. Графиня стала появляться на улицѣ въ потертомъ платьѣ, въ стоптанныхъ ботинкахъ, пропускавшихъ воду. Это уже была настоящая нищета, бѣдствіе, унизившее даже гордую графиню, вѣрившую прежде въ лучшіе дни и храбро боровшуюся противъ новаго вѣка. Она съ дочерью переселилась въ улицу *Tout des Dames*, къ бывшей модисткѣ, сдѣлавшейся ханжой и отдававшей меблированныя комнаты въ наемъ священникамъ. Тамъ обѣ графини помѣстились въ одной большой пустынной комнатѣ съ закрытымъ альковомъ въ глубинѣ, которую убрали бѣдно и печально, но съ достоинствомъ. Двѣ узкихъ кровати стояли въ альковѣ, и когда перегородка, оклеенная обоями, запиралась наглухо, то передъ комнаты обращался въ нѣчто похожее на гос-

тинную. Это счастливое устройство утѣшало немного графиню.

Но не прошло и двухъ часовъ послѣ переѣзда графини Бовилье въ новую квартиру, какъ въ субботу неожиданный и необычайный визитъ подвергъ ее новымъ неприятностямъ. Алиса, къ счастію, только что ушла куда-то. Посѣтителемъ оказался Бушъ со своимъ плоскимъ и грязнымъ лицомъ, въ засаленномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстукѣ, скрученномъ въ веревку; онъ, конечно, пронюхалъ своимъ чутьемъ, что наступила благопріятная минута для дѣйствій, и рѣшилъ пустить въ ходъ, наконецъ, старое дѣло о распискѣ на десять тысячъ франковъ, выданной графомъ на имя дѣвицы Леони Кронъ. Окинувъ однимъ взглядомъ помѣщеніе, Бушъ сейчасъ же мысленно взвѣсилъ положеніе вдовы графа: ужъ не опоздалъ ли онъ только? Какъ человекъ, способный при случаѣ показать свою галантность и терпѣніе, онъ основательно и пространно изложилъ сущность своего дѣла пораженной изумленіемъ графиню. Вѣдь подпись-то мужа ея, въ самомъ дѣлѣ, была на документѣ. Этимъ вполне разъяснилась старая исторія: графъ увлекся молодой особой и сначала прельстилъ ее деньгами, а потомъ выдалъ ей расписку, чтобы отдѣлаться отъ нея. Бушъ не скрылъ даже того, что по закону черезъ пятнадцать лѣтъ онъ не можетъ заставить графиню уплатить деньги по этому обязательству. Но въ этомъ случаѣ онъ является только представителемъ своей довѣрительницы, а та непременно хочетъ подать въ судъ просьбу о взысканіи и поднять страшный скандалъ, если ей добровольно не выплатятъ всей суммы. Графиня, поблѣднѣвшая, пораженная въ самое сердце этимъ внезапно возникшимъ передъ нею напоминаніемъ ужаснаго прошлаго, высказала удивленіе, что молодая особа такъ долго ждала и не обращалась ни къ кому со своими претензіями. Тогда Бушъ выдумалъ цѣлую исторію о пропажѣ документа, найденнаго на днѣ чемодана; когда же графиня рѣшительно отказалась изслѣдовать это дѣло, то Бушъ сейчасъ же собрался уходить и все въ томъ же крайне вѣжливымъ тонѣ объявилъ, что придетъ въ другой разъ со своей довѣрительницей, но во всякомъ случаѣ не завтра, потому что дѣвица Кронъ по воскресеньямъ не можетъ отлучаться изъ того заведенія, гдѣ она имѣетъ занятія, а по всей вѣроятности въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Въ понедѣльникъ, среди хлопотъ по поводу ужаснаго приключенія, происшедшаго съ Алисой, когда ее привели домой безъ памяти, и пришлось ухаживать за нею, графиня де-Бовилье, выплакавъ всѣ глаза свои отъ безысходнаго горя, совсѣмъ и забыла о неряшливо одѣтомъ господинѣ съ его отвратительной исторіей. Алиса, наконецъ, немного успокоилась и заснула, а мать присѣла въ первый разъ послѣ суматохи, обесиленная, разбитая преслѣдованіями судьбы,— какъ вдругъ снова является Бушъ, и на этотъ разъ въ сопровожденіи Леониды.

— Madame, вотъ моя довѣрительница, распаркался грязный адвокатъ. — Нужно какъ нибудь покончить...

При видѣ этой дѣвицы, графиня содрогнулась. Она не могла оторвать глазъ отъ этой особы, разодѣтой въ яркое платье, съ черными жесткими волосами, напущенными на самыя брови, съ ея широкимъ истасканнымъ лицомъ, на которомъ отражалась вся грязь ея жизни, всѣ десять лѣтъ ея развратной жизни. И графиня почувствовала страшную муку; вся ея женская гордость, подавленная столькими годами прощенія и забвенія, — возмутилась теперь. Боже мой, вотъ для какихъ тварей, обреченныхъ на паденіе, измѣнялъ ей мужъ!

— Нужно какъ нибудь покончить, настаивалъ Бушъ: — потому что моя довѣрительница очень занята въ улицѣ Фейдо.

— Въ улицѣ Фейдо? повторила графиня, ровно ничего не понимая.

— Да, она тамъ... Она тамъ, знаете, въ такомъ заведеніи.

Растерявшись, графиня бросилась дрожащими руками затворять наглухо альковъ, потому что одна изъ дверей перегородки была немного открыта. Алиса въ забытьѣ начала ворочаться подъ одѣяломъ. Хоть бы уснула она опять, чтобы не видѣть и не слышать происходящаго здѣсь.

Бушъ между тѣмъ продолжалъ:

— Потрудитесь, madame, выслушать... Эта вотъ дѣвица поручила мнѣ вести свое дѣло, и я въ данномъ случаѣ только ея повѣренный. Поэтому я хочу, чтобы она самолично объяснила вамъ сущность своихъ требованій... Ну, Леонида, объясните же.

Но та оробѣла, чувствовала неловкость своего положе-

ня, въ которое ее насильно поставили, и только смотрѣла на Буша своими большими смущенными глазами, точно прибитая собака. Однако надежда получить обѣщанную тысячу франковъ оживила ее. Она заговорила хриплымъ, надтреснутымъ отъ водки голосомъ, а Бушъ въ это время снова выложилъ и развернулъ расписку графа.

— Это вѣрно... эту бумагу написалъ мнѣ господинъ Шарль... Я дочь работника Крона, рогоносца, какъ его называли, вы его помните, падаме?.. Господинъ Шарль тогда постоянно увивался около меня и все говорилъ мнѣ разныя глупости. Надоѣлъ даже онъ мнѣ... Когда молода, такъ—не правда ли? — ничего не понимаешь... и старики не нравятся. Тогда господинъ Шарль написалъ мнѣ бумажку... вечеромъ... еще когда онъ меня затянулъ въ конюшню...

Стоя, какъ у позорнаго столба, графиня молча слушала, какъ вдругъ ей показалось, что изъ за алькова раздался стонъ. Съ повелительнымъ жестомъ она шепнула дѣвицѣ Кронъ:

— Молчите!

Но у Леониды уже развязался языкъ, и она хотѣла докончить:

— Это не очень-то честно развращать молоденькую, неопытную дѣвочку, а потомъ не платить денегъ... Да, ш-ше, вашъ господинъ Шарль былъ порядочный мошенникъ. Всѣ дѣвицы наши говорятъ то же самое, кому я ни рассказывала... А я могу смѣло сказать, что стоила денегъ, было за что заплатить.

— Молчите, молчите! въ бѣшенствѣ кричала графиня, махая обѣими руками, точно желая раздавить эту дѣвку, если она осмѣлится продолжать.

Леонида испугалась и подняла даже руку, какъ бы защищая свое лицо, инстинктивнымъ движеніемъ челоуѣка, привыкшаго къ пощечинамъ. Воцарилось грозное молчаніе, среди котораго раздавался какъ бы слабый стонъ; заглушаемые рыданія донеслись изъ глубины алькова.

— Чего вамъ нужно наконецъ? тихо спросила, дрожа отъ волненія, графиня.

Тогда вмѣшался Бушъ:

— Видите ли, ш-ше, эта дѣвица хочетъ, чтобы ей уплатили по распискѣ. И эта несчастная особа вполне права, утверждая, что господинъ графъ Бовилье очень дурно поступилъ съ нею. Вѣдь это просто мошенничество.

— Никогда я не стану уплачивать подобнаго долга, отвѣтила графиня.

— Тогда мы, по выходѣ отсюда, возьмемъ карету и отправимся въ судъ, возразилъ Бушъ: — гдѣ я подамъ жалобу, которую я уже составилъ и которая вотъ здѣсь, при мнѣ. Всѣ обстоятельства дѣла, только что рассказанныя дѣвицею Кронъ, изложены здѣсь подробно.

— Это будетъ самымъ отвратительнымъ шантажемъ... Вы не сдѣлаете этого, милостивый государь.

— Извините, m-me, напротивъ, я сдѣлаю это сію же минуту. Въ серьезныхъ дѣлахъ не до вѣжливости.

Глубокое изнеможеніе, полное отчаяніе овладѣли графиней. Остатокъ гордости, который поддерживалъ еще ее до сихъ поръ, сломился. Какъ гнѣвъ, такъ и силы оставили ее. Она сложила руки и съ трудомъ прошептала:

— Но посмотрите же, каково наше положеніе. Посмотрите на эту комнату... У насъ ничего не осталось; завтра намъ, можетъ быть, нечего будетъ ѣсть... Откуда же вамъ желательно, чтобы я взяла деньги, десять тысячъ франковъ, Боже мой!

Бушъ улыбнулся, какъ человѣкъ, привыкшій находить ресурсы среди самаго нищенскаго положенія:

— О, такія аристократическія дамы, какъ вы, всегда найдутъ источники. Стоитъ только поискать хорошенько, — всегда можно отыскать.

Онъ уже давно присматривался къ камину, на которомъ стоялъ старинный ящичекъ съ фамильными драгоценностями, который графиня оставила тамъ утромъ, окончивъ разборку вещей изъ чемодана. Бушъ чуюлъ тамъ найти драгоценные каменья, онъ инстинктивно увѣренъ былъ въ этомъ. Его взглядъ загорѣлся такимъ огнемъ, что графиня, прослѣдивъ этотъ взглядъ, сейчасъ же все поняла.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она. — Наши драгоценности... никогда!

И она схватила ящичекъ, какъ бы желая защитить его. Тамъ хранились послѣднія драгоценности, много лѣтъ переходившія изъ рода въ родъ въ ихъ фамиліи, драгоценности, которыя графиня сохранила, несмотря на крайнія денежныя затрудненія, какъ единственное приданое ея дочери, оставшееся въ настоящее время, какъ единственный и послѣдній ихъ ресурсъ.

— Никогда! повторила графиня. — Я готова скорѣе разстаться съ жизнью!

Но въ это время споръ внезапно прекратился. Кто-то постучалъ въ дверь, и вопля Каролина. Она была очень взволнована, и какъ разъ еще попала на такое возмутительное зрѣлище. Она сейчасъ же попросила графиню не беспокоиться и готова была даже удалиться, еслибы не умоляющій жестъ старушки. Каролина поняла его въ смыслѣ приглашенія остаться и тихо усѣлась въ сторонкѣ.

Бушъ взялся уже за шляпу, а все болѣе и болѣе тяготившаяся своею ролью Леонида направилась къ выходу.

— Въ такомъ случаѣ, madame, сказала Бушъ: — намъ остается только удалиться...

Тѣмъ не менѣе, онъ всетаки не уходилъ. Онъ вновь принялся излагать свое дѣло въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ бы нарочно стараясь унижить графиню передъ постороннимъ лицомъ, притворяясь, будто онъ совѣмъ не знаетъ Каролину, что онъ всегда практиковалъ во время своихъ дѣловыхъ визитовъ.

— Прощайте, madame, продолжалъ Бушъ: — отсюда мы прямо отправляемся въ судъ. Не пройдетъ и трехъ дней, какъ подробный докладъ о вашемъ дѣлѣ будетъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ. Вы сами этого хотѣли.

Напечатано въ газетахъ! Такой страшный скандалъ въ довершеніе полному упадку рода Бовилье! Точно мало еще было того, что древнее благосостояніе этой фамиліи уже рассыпалось въ прахъ; нужно было еще втоптать ее въ грязь. Ахъ, хоть бы честь-то этого имени удалось спасти! Графиня безсознательно открыла ящичекъ. Тамъ хранились серьги, браслетъ, три перстня, брилліанты и рубины въ старинныхъ оправкахъ.

Бушъ быстрымъ движеніемъ приблизился къ камину. Взоръ его смягчился и сталъ даже привѣтливымъ.

— О, здѣсь не будетъ на десять тысячъ франковъ, — сразу оцѣнилъ онъ. — Позвольте мнѣ взглянуть.

Онъ сталъ вынимать драгоценности, одну за другою, рассматривалъ ихъ, вертѣлъ въ своихъ дрожащихъ отъ жадности громадныхъ пальцахъ; въ немъ разгорѣлась при-сущая ему страсть къ драгоценнымъ камнямъ. Чистота рубиновъ, казалось, въ особенности приводила его въ вос-

торгъ. А старинные-то брилліанты! Если они и не очень хорошо гранены, зато какой превосходной воды!

— Шесть тысячъ франковъ! сказалъ онъ грубымъ тономъ присяжнаго оцѣнщика, скрывая свое волненіе надъ этой наскоро опредѣленной имъ цифрой. — Я цѣню одни камни, потому что золото годно только въ ломъ. Впрочемъ, мы согласны удовлетвориться и шестью тысячами франковъ.

Но эта жертва была слишкомъ тяжела для графини. Къ ней возвратилось прежнее негодованіе; она взяла драгоценности отъ Буша и судорожно сжала ихъ въ своихъ рукахъ. Нѣтъ, нѣтъ! это уже слишкомъ! Требовать отъ нея, чтобы она и эти послѣднія вещи бросила въ пропасть, эти вещи, которыя носила еще ея мать, и дочь ея должна была надѣть въ день своей свадьбы, — нѣтъ! Жгучія слезы брызнули изъ ея глазъ и потекли по щекамъ въ порывѣ такого глубокаго горя, что даже Леонида тронулась и, почувствовавъ жалость, стала тянуть Буша за сюртюкъ, чтобы заставить его уйти. Она непременно хотѣла сейчасъ же уйти; ей наконецъ было и совѣстно причинять столько горя этой почтенной дамѣ, выглядѣвшей такой доброй старушкой. Но Бушъ спокойно слѣдилъ за движеніями графини, вполне увѣренный теперь въ успѣхѣ, зная по долготнѣму опыту, что за приступомъ слезъ у женщинъ всегда слѣдуетъ размягченіе чувствъ. И онъ выжидалъ.

Можетъ быть, эта тяжелая сцена еще и продолжалась бы, но въ этотъ же моментъ раздался слабый, еле слышный голосъ, прерываемый рыданіями. Это Алиса отозвалась изъ глубины алькова:

— О, мама, они убьютъ меня! Отдай имъ все, пусть берутъ все!.. О, мама, еслибы только они ушли! Они убьютъ меня, убьютъ!..

Тогда графиня отчаянно махнула рукой, какъ будто теперь ей уже было все равно, хоть бы умереть сейчасъ. Дочь слышала все, она умирала отъ стыда. И графиня швырнула вещи Бушу, едва дала ему время положить на столъ оплаченную расписку графа и вытолкала ростовщика за дверь, вслѣдъ за Леонидой, успѣвшей уже раньше исчезнуть. Потомъ графиня отворила альковъ и, склонившись передъ постелью Алисы, упала головой на подушку. Обѣ онѣ были окончательно уничтожены; имъ оставалось только вмѣстѣ плакать.

Каролина, возмущенная всѣмъ тѣмъ, что ей пришлось видѣть, одно время чуть-чуть не вмѣшалась. Неужели предоставить этому мерзавцу Бушу ограбить несчастныхъ женщинъ? Но, услышавъ грязную исторію расписки, Каролина не могла придумать, какииъ образомъ можно было бы избѣжать скандальной огласки. Она знала хорошо этого чело-вѣка, знала, что онъ не остановится передъ исполненіемъ своихъ угрозъ. Она сама стѣснялась его, вслѣдствіе секретныхъ сношеній, происходившихъ между ними. Ахъ, сколько страданій, сколько грязи! Смущеніе до такой степени овладѣвало Каролиной, что она стала даже сожалѣть, что пришла сюда: къ чему было ея присутствіе здѣсь, когда она ни однимъ словомъ не могла помочь бѣднымъ женщинамъ? Всѣ фразы утѣшенія, которыя приходили ей въ голову, вопросы, легкіе намеки на вчерашнее происшествіе, казались ей оскорбительными, грубыми, невозможными въ присутствіи жертвы преступленія, не успѣвшей еще опомниться, мучившейся своимъ позоромъ. И какую помощь могла бы она оказать этимъ дамамъ? Предложеніе денегъ онъ сочли бы за обидную для нихъ милостыню; да, наконецъ, у Каролины и не было денегъ; она тоже лишилась всего и затрудинаясь даже, какъ прожить до окончанія судебного процесса. Наконецъ она подошла къ плачущимъ Бовиле съ открытыми объятіями, съ глазами, полными слезъ, дрожа отъ полноты скорбнаго чувства.

Въ глубинѣ самаго обыкновеннаго, мѣщанскаго алькова меблированныхъ комнатъ, два несчастныхъ, убитыхъ горемъ, созданія представляли собою все, что осталось отъ древняго рода графовъ Бовиле, нѣкогда могущественнаго и величаваго. Они владѣли землями, равнявшимися по величинѣ цѣлому королевству; пространство на двадцать лѣ по теченію Луары принадлежало имъ; у нихъ были замки, луга, поля и лѣса. Потомъ эта громадная земельная собственность постепенно уменьшалась, съ вѣками ускользала изъ ихъ рукъ, и наконецъ графинѣ пришлось отдать послѣдній обломокъ былого величія, вырванный отъ нея бурями современной спекуляціи, въ которой она ровно ничего не понимала. Сначала эта самая спекуляція похитила у нея двадцать тысячъ франковъ, скопленныхъ по одному су посредствомъ всякихъ лишеній для приданаго Алисѣ; потомъ шестьдесятъ тысячъ франковъ, взятыхъ подъ залогъ фермы Обле,

а наконецъ и самую ферму. Отель въ улицѣ Сень-Лазаръ не могъ удовлетворить всѣхъ кредиторовъ. Сынъ графини безславно умеръ вдали отъ матери. И вотъ графиня, нѣкогда высокая, стройная, сѣдая, державшая себя гордо и величаво, — превратилась въ жалкую старуху, согнувшуюся отъ цѣлаго ряда невзгодъ. Некрасивая Алиса, преждевременно состарившаяся, со своей длинной шеей, неуклюже выступавшей изъ ворота разстегнутой рубашки, лихорадно уставилась въ пространство своими помутившимися глазами, въ которыхъ отражалась смертельная тоска. И обѣ онѣ, мать и дочь, рыдали вмѣстѣ, рыдали безъ конца.

Каролина, не говоря ни слова, просто обняла ихъ обѣихъ и крѣпко прижала къ сердцу. Она не нашла другого способа сочувствія, какъ только плакать вмѣстѣ съ ними. Несчастныя графини поняли ее; и слезы ихъ потекли обильнѣе, но имъ было уже легче на душѣ. Если для нихъ и не существовало уже полного утѣшенія, то всетаки надо было еще чѣмъ нибудь жить, во что бы то ни стало жить.

Окончаніе будетъ

ОСКОЛОКЪ

ОЧЕРКЪ

Лѣтъ десять назадъ заѣхалъ я въ одинъ изъ большихъ южно-русскихъ городовъ. Заѣхалъ я туда по дѣлу, дней на пять — не больше, но судьба рѣшила иначе: дѣло мое затянулось, и мнѣ пришлось прожить почти все лѣто.

Скука была сначала невыносимая. Знакомыхъ никого, жара адская, на улицахъ пыль, въ садахъ все сожжено, а тутъ еще мой стряпчій изводилъ меня. Аккуратно каждое утро являлся онъ ко мнѣ въ номеръ и неизмѣнно приносилъ самыя неутѣшительныя извѣстія. Придетъ, бывало, красный, мокрый, словно его сейчасъ въ бульонъ окунули, молча стиснетъ мнѣ руку, потомъ, сопя и кряхтя, опустится на диванъ и флегматичнѣйшимъ образомъ заявить:

— А вѣдь опять отложили!

— Да скоро ли наконецъ? возопіешь къ нему.

— Да вотъ Сахарова ждемъ... какъ пріѣдетъ, сейчасъ и приступимъ.

На первыхъ порахъ я ужасно волновался и выходилъ изъ себя, но потомъ привыкъ мало по малу и уже спокойнѣе выслушивалъ его заявленія о томъ, напр., что «справку» никакъ не могутъ достать, или что Сахаровъ пріѣхалъ, да Куликовъ уѣхалъ, и т. п.

Единственнымъ спасеніемъ для меня былъ театръ. Повадился я туда ходить чуть не каждый вечеръ. Труппа была довольно сносная, смѣшанная — оперетно-драматиче-

ская. Были въ ней два-три недурныхъ исполнителя, наѣзжали гастролеры... но главной приманкой для меня служилъ очень порядочный театральнй садикъ. Тамъ было всегда оживленно и даже прохладно — относительно, конечно. Въ саду помѣщался сносный буфетъ, гдѣ я обыкновенно ужиналъ... Днемъ ѣсть совсѣмъ не приходилось: отъ жары кусокъ въ горло не лѣзъ.

Однажды — это было еще въ самомъ началѣ моего пребыванія въ N—скѣ — взялъ я себѣ билетъ на какую-то оперетку и, занявъ свое мѣсто въ партерѣ, принялся осматривать окружавшую меня публику. Народу на этотъ разъ собралось много. Физиономіи были преимущественно смуглыя, горбоносые, чернородыя... Хорошенькія женскія головки попадались заурядъ. Костюмчики лѣтніе, не роскошные, но и не безъ претензіи на моду. Прямо передо мной усѣлась какая-то юная парочка — по всѣмъ признакамъ молодожены. Они все время безъ умолку болтали, улыбались, переглядывались и даже украдкой пожимали другъ другу руки.

— Смотри, смотри, Катя, Ордынцевъ-то опять появился!

— Гдѣ? заинтересовалась молодая супруга, приподнямаясь даже слегка со своего мѣста.

— Да вонъ во второмъ ряду, третье кресло отъ прохода. Видишь?

— Вижу... Чтѣ же это онъ сегодня не въ первомъ?

— Да, вѣроятно, всѣ билеты распроданы...

— А его ужъ давно не видно было... съ недѣлю, поди.

— Кажется, прихворнулъ малость.

— А онъ, Костя, въ молодости, должно быть, былъ очень красивъ...

— Да онъ и теперь недуренъ, т. е., по крайней мѣрѣ замѣчательно представительнъ, именно, чтѣ называется, настоящимъ русскій баринъ.

Мнѣ захотѣлось взглянуть на «настоящаго русскаго барина», и я сталъ отыскивать глазами третье мѣсто отъ про-

хода во второмъ ряду, но кромѣ сѣдаго затылка и необъятно широкой спины ничего не разглядѣлъ.

— Неужели, Костя, у него такъ таки ни копѣйки и не осталось? продолжала молоденькая барынька.

— Ни гроша! голь, какъ соколъ, сообщалъ ей мужъ.

— А много было?

— Хо! милліоны! у него...

Но въ это время оркестръ грянулъ увертюру, и я уже не разслышалъ дальнѣйшаго разговора.

Кончился первый актъ. Публика стала подниматься со своихъ мѣстъ; поднялся и Ордынцевъ. Его сейчасъ же окружили со всѣхъ сторонъ. Мощная фигура его возвышалась на цѣлую голову надъ суетившейся возлѣ него толпой. Приветливо улыбаясь и раскланиваясь на всѣ стороны, медленно пробирался онъ къ выходу и наконецъ поровнялся и со мной. Дѣйствительно онъ былъ очень представительнъ. Рѣдкіе и довольно коротко подстриженные волосы его вились серебряными кудрями. Полное, слегка красноватое, лицо дышало неподдѣльнымъ добродушіемъ, сѣрые еще не померкшіе глаза смотрѣли ласково; эффектнымъ контрастомъ его сѣдой головѣ темнѣли лихо закрученные почти черные усы и маленькая бородка — *fer à cheval*.

— Я говорю... я говорю, юлилъ возлѣ него какой-то черноватенькій штатскій: — что сегодня въ театрѣ перваго ряда нѣтъ...

Ордынцевъ, недоумѣвая, посмотрѣлъ на него.

— Да, да, нѣтъ, потому что вы, Ипполитъ Васильевичъ, сидите во второмъ! И, довольный своей остротой, штатскій расхохотался во все горло. Но старику острота эта, очевидно, несовсѣмъ понравилась — онъ сконфузился очень замѣтно.

— Ипполитъ Васильевичъ, а когда начнутся гастроли Всеславиной? обратился къ нему юный офицерикъ.

— Вѣроятно, послѣзавтра или въ четвергъ, пріятнымъ, хотя нѣсколько хрипловатымъ, баритономъ отоявался Ордынцевъ.

И примкнулъ къ толпѣ, и мы мало по малу выбрались въ садъ. Тамъ на просторѣ я невольно обратилъ вниманіе на опрятный костюмчикъ Ордынцева. Коротенькій свѣтло-сѣрый пиджачекъ изъ легонькой и очень дешевенькой матеріи былъ застегнутъ на одну верхнюю пуговицу; изъ-подъ него виднѣлась бѣлая пикейная жилетка (цѣпочки на ней не было), на ногахъ какіе-то башмаки, почти незакрывавшіе голубыхъ чулокъ. Голубенькій галстукъ былъ ловко завязанъ въ легкій бантъ. Изъ боковаго кармана пиджака выглядывалъ кончикъ голубаго же фуляра. Въ петлицѣ ленточка какого-то иностраннаго ордена. Маленькая шляпа сѣрой соломы едва покрывала его серебряные кудри... Все это носило отпечатокъ какой-то щеголеватой бѣдности.

Въ саду я скоро потерялъ его изъ виду, но во второмъ антрактѣ встрѣтился опять. Онъ велъ подъ руку высокую и плотную брюнетку съ красивымъ, но нѣсколько вульгарнымъ лицомъ и одѣтую съ тѣмъ претенціознымъ »шикомъ«, съ какимъ одѣваются только опереточныя гастролерши, да содержательницы модныхъ магазиновъ подъ вывѣской »M-me Esther« или »M-me Louise«.

Ордынцевъ шелъ очень бодро, весело улыбался и, очевидно, старался занимать свою даму. Нѣсколько разъ онъ сбивался на французскій, очень изящный французскій языкъ, но дама его отвѣчала ему такимъ сомнительнымъ »вуй«, что старикъ замѣтно конфузился и старался уже придерживаться болѣе отечественнаго говора.

— Вонъ, вонъ она, Всеславина-то, заговорилъ кто-то сзади меня.

— Гдѣ? гдѣ? любопытствовалъ другой голосъ.

— Да вонъ съ Ордынцевымъ подъ руку идетъ.

Спектакль кончился. Выждавъ, когда толпа порѣдѣтъ, направился и я къ выходу. Ужинать мнѣ на этотъ разъ не хотѣлось, и я рѣшилъ отправиться прямо къ себѣ въ номеръ.

Проходя мимо »актерскаго« подъѣзда, я наткнулся на

На другой день я опять былъ въ театрѣ. Публики собралось мало, и партеръ на половину пустовалъ. Ипполитъ Васильевичъ Ордынцевъ сидѣлъ въ первомъ ряду.

Послѣ спектакля я остался ужинать въ театральномъ буфетѣ. Не успѣлъ я занять мѣсто, какъ къ сосѣднему столику подошелъ капельмейстеръ опереточнаго оркестра, красивый и еще очень молодой итальянецъ Торіани. Онъ спросилъ себѣ бутылку мѣстнаго вина, закурилъ сигару и, полуразвалившись на низенькомъ деревянномъ диванчикѣ, принялся мурлыкать что-то себѣ подъ носъ. Немного спустя, грузная фигура Ордынцева показалась при входѣ въ буфетъ.

— А я васъ жду! крикнулъ ему Торіани по французски. — Ну что, готово у васъ?

— Готово, отозвался старикъ и, опустившись возлѣ него на стулъ, сталъ доставать изъ боковаго кармана своего неизмѣннаго сѣренькаго пиджачка какіе-то листки исписанной бумаги.

— Ну, вы прочтите сами, предложилъ ему капельмейстеръ. Ордынцевъ осѣдлалъ свой массивный русскій носъ черепаховымъ пенсне и принялся читать:

„Здѣсь, подѣ знойнымъ небомъ юга...
 „Встрѣтили меня, какъ друга...
 „Вашъ восторгъ меня чаруетъ,
 „Пробуждаетъ въ сердцѣ жаръ.
 „Перикола васъ цѣлуетъ —
 „Мадлобели-варь!“

— Эге! проговорилъ Торіани, выслушавъ эту рифмованную белиберду, и, взявъ изъ руки Ордынцева листки, началъ самъ уже разбирать его, стараясь подобрать какойнибудь мотивчикъ.

— Всѣ куплеты написаны въ этомъ же размѣрѣ и оканчиваются словами »мадлобели-варь« *)), поясняя ему Ордынцевъ.

*) По грузински — очень благодаренъ.

— Я у васъ этотъ листокъ возьму, мнѣ безъ словъ трудно будетъ подобрать музыку.

— Возьмите, возьмите... согласился старикъ.

— Ну, а что, вчера хорошо кутнули?

— Да!.. Очень недурно... Лидія Николаевна пѣла... у нея прекрасный голосъ.

— Ну, прекрасный! Это очень много! улыбнулся итальянецъ. — Нѣтъ, у нея есть своя манера... довольно оригинальная, и больше ничего. Ну, мнѣ пора, закончилъ онъ, приподнимаясь. — Хотите вина? Бутылка почти полная, я только что началъ... велите подать себѣ чистый стаканъ... До свиданья!

Пожавъ руку Ордынцеву и крикнувъ буфетчику — »запишите бутылку за мной«, онъ вышелъ изъ буфета.

Когда Ипполиту Васильевичу подали чистый стаканъ, онъ очень внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, потомъ, сполоснувъ виномъ, вылилъ ополоски въ стаканъ, оставшійся послѣ Торіани, и послѣ этого ужъ принялся пить — медленно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ. Замѣтивъ, что онъ вынулъ папиросу и уже въ третій разъ тщетно обращается къ человѣку съ просьбой дать ему огня, причемъ того каждый разъ отвлекаютъ куда-то въ сторону болѣе важныя обязанности, я предложилъ ему мою спичечницу.

— Merci bien! вѣжливо поблагодарилъ Ордынцева, дотрогиваясь рукой до шляпы.

— Простите мнѣ мою нескромность, началъ я: — эти куплеты, что вы сейчасъ передали капельмейстеру, вѣроятно, предназначаются для дебюта Всеславиной?

— Да, да... это такъ, пустячки... я набросалъ ихъ по просьбѣ Лиди Николаевны, страшно конфузясь, объяснялъ мнѣ Ипполитъ Васильевичъ: — она думаетъ вставить ихъ въ послѣднемъ актѣ Периколы... Это, знаете, такая очаровательная женщина, и притомъ прекрасная артистка.

— Да, я слышалъ про нее... Она, кажется, даже пѣла на столичныхъ сценахъ.

— И съ большимъ успѣхомъ! подтвердилъ Ордынцевъ.

Слово за слово мы разговорились. Я пригласилъ его пересѣсть за мой столикъ и спросилъ еще бутылку вина. Но бесѣду вести съ нимъ было довольно трудно: то и дѣло къ нему подходилъ кто нибудь, здоровался, спрашивалъ о театральныхъ новостяхъ, о его здоровьѣ или просто перекидывался дарой ничего незначащихъ фразъ. Очевидно, Ордынцева знала вся посѣщавшая театръ публика и относилась къ нему съ отъѣнкомъ какого-то снисходительнаго почтенія. Самъ Ипполитъ Васильевичъ обращался со всѣми одинаково вѣжливо, мягко, но почему-то часто конфузясь и даже слегка краснѣя... По его глазамъ можно было замѣтить, что онъ не знаетъ даже и по имени, по крайней мѣрѣ, половину лицъ, здоровавшихся съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ.

Изъ нашего разговора я узналъ только, что онъ всего третій годъ какъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ прямо изъ-за границы и живетъ въ квартирѣ антрепренера мѣстнаго театра Ивана Львовича Лоскутнаго.

Понравился ли я ему, или ужъ такова была его манера, но онъ очень любезно попросилъ меня навѣстить его какъ нибудь.

— Это какъ разъ рядомъ съ театромъ, можно даже и черезъ садъ пройти, объяснялъ онъ свой адресъ.

Я со своей стороны сообщилъ ему, въ какой гостиницѣ я остановился.

— Приходите, побесѣдуемъ, поговоримъ о Петербургѣ, о Москвѣ, давно ужъ я тамъ не бывалъ, съ легкимъ вздохомъ проговорилъ между прочимъ Ордынцевъ.

— Пожалуйте ужинать! обратился къ нему какой-то довольно грязноватаго вида лакей, невѣсть откуда появившійся въ буфетѣ.

— А развѣ уже сѣли? заторопился Ипполитъ Васильевичъ.

— Да, давно ужъ... Иванъ Львовичъ сердится, что за вами все посылать приходится... грубо, отвѣтилъ тотъ.

— Такъ до свиданья, голубчикъ; значить, я надѣюсь видѣть васъ у себя, распрощался со мной старикъ и то-ропливо послѣдовалъ за лакеемъ.

На другое утро, когда явился ко мнѣ мой стряпчій и флегматично сообщилъ, что опять »отложили«, я спросилъ его, знаетъ ли онъ Ордынцева.

— Знать-то знаю, хотя лично незнакомъ. Да кто его здѣсь не знаетъ — фигура! довольно небрежно отослався дѣлецъ.

— Кто онъ такой? полюбопытствовалъ я.

— Такъ, промотавшійся баринъ — осколокъ былаго времени.

— А зачѣмъ онъ живетъ здѣсь?

— Да потому, вѣроятно, что больше жить негдѣ. Приютися на хлѣбахъ изъ милости у этого Лоскутнаго, ну, и доживаетъ свой вѣкъ.

— Да онъ, вѣроятно, не старъ еще.

— Вѣроятно, не старъ, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ нибудь... Ну, да пожито, надо полагать, было сильно, такъ что организмъ-то по всѣмъ швамъ трещить. А вѣдь еще франтить — туда же! усики да бородку подкрашиваетъ, фулярчики цвѣтные изъ кармана показываетъ.

— Почему же именно Лоскутный приютить его?

— Ну, да вѣдь и у волка совѣсть есть: говорить, что Ордынцевъ выручилъ его разъ изъ очень сквернаго положенія. Тотъ, видите ли, заѣхалъ со своей труппой въ Парижъ, да и сѣлъ тамъ на мель, такъ что хоть въ петлю подѣзай... Да, на счастье, наткнулся на Ордынцева; ну, сей усскій меценатъ и помогъ имъ щедрой рукой, денегъ далъ, ну, и тамъ все прочее... Однако вотъ что — намъ ѣхать надо по дѣлу, а то какъ бы и не опоздать, заключилъ стряпчій, берясь за шляпу.

Когда я часа через три вернулся къ себѣ обѣдать, швейцаръ передалъ мнѣ небольшой четырёхугольничекъ почтовой бумаги, на которомъ старательно, но старческимъ и дрожащимъ почеркомъ было выведено: »Ипполитъ Васильевичъ Ордынцевъ«.

— Къ вамъ заходили съ визитомъ, пояснилъ онъ при этомъ.

Спектакля въ этотъ вечеръ не было. Въ виду завтрашняго дебюта Всеславиной шли усиленныя репетиціи — пояснила афиша. Въ театрѣ я, слѣдовательно, попасть не могъ и отправился прокатиться за городъ, рѣшивъ завтра же отплатить Ордынцеву его визитъ.

Квартира антрепренера Лоскутнаго занимала цѣлый большой деревянный флигель, выходявшій одной изъ своихъ сторонъ прямо въ театральнй садъ. Проходить нужно было черезъ дворъ, гдѣ меня встрѣтила съ громкимъ лаемъ цѣлая свора разношерстныхъ собакъ. Я былъ поставленъ въ самое скверное положеніе, не смѣя двинуться ни взадъ, ни впередъ и каждую минуту опасаясь за цѣлость моего платья. На дворѣ — ни души, такъ что и заступиться за меня было некому. Я уже рѣшилъ было постыдно ретироваться, какъ изъ отвореннаго настежъ крылечка выбѣжалъ самъ Ордынцевъ и съ крикомъ:

— Тубо »Кунакъ«, тубо »Змѣйка«, »Казбекъ«! — бросился мнѣ на выручку. Собаки слушались его плохо и продолжали свое наступательное движеніе.

Онъ былъ вынужденъ бросить какой-то щепкой въ одного изъ болѣе рьяныхъ псовъ.

— Осторожнѣй, вы!.. Ипполитъ Васильевичъ — этакъ вы имъ ноги перебьете! раздался откуда-то рѣзкій окликъ.

Я поднялъ глаза: у раскрытаго окна во второмъ этажѣ стояла какая-то необъятно пухлая женщина въ самомъ откровенномъ утреннемъ negligé.

— Да вотъ пройти не даютъ, Василица Платоновна...

какъ-то сконфуженно началъ оправдываться передъ ней Ордынцевъ.

— Такъ что-жь, калѣчить ихъ, что ли, за это надо? огрызнулась она и потомъ, сама уже прикрикнувъ на собаку, обратилась ко мнѣ:

— Вамъ кого?

— Это ко мнѣ, Василиса Платоновна, ко мнѣ, пояснилъ старикъ, пожимая мою руку.

— Ахъ, къ вамъ! — и, окинувъ меня довольно небрежнымъ взглядомъ, растрепанная дама отошла отъ окна.

— Милости просимъ! пожалуйста! суетился Ипполитъ Васильевичъ, указывая мнѣ дорогу. — Собаки — это, знаете, страсть Василисы Платоновны, и она такъ нѣжно ихъ любить...

— А кто эта Василиса Платоновна? любопытствовалъ я.

— А это супруга Ивана Львовича, madame Лоскутная...

Комната, куда ввелъ меня Ордынцевъ, была довольно тѣсна и неуютна. Передъ единственнымъ ея окномъ росло какое-то старое дерево, загоразивавшее своими развѣсистыми вѣтвями всякій свѣтъ.

— Немножко темновато у меня... какъ бы оправдывался хозяинъ: — но зато прохладно, а лѣтомъ это чистая благодать. Не правда ли?

Прохлады я особенной не замѣчалъ, но зато запахъ какой-то залежавшейся пыли давалъ знать о своемъ присутствіи довольно явственно.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, что вы навѣстили меня! Садитесь же, пожалуйста... Чѣмъ мнѣ только васъ угощать... Надѣюсь, что вы не откажетесь отъ чашки кофе? хлопоталъ Ипполитъ Васильевичъ.

Я пробовалъ было отказаться, но онъ такъ настойчиво упрашивалъ меня, что пришлось согласиться. Послѣ этого, усадивъ меня предварительно на одинъ изъ трехъ стульевъ, составлявшихъ почти всю обстановку его помѣщенія, и чрез-

вычайно вѣжливо извинившись за то, что онъ оставить меня на »нѣсколько мгновений« одного, Ордынцевъ вышелъ изъ комнаты.

Къ тремъ стульямъ можно было еще прибавить узенькую желѣзную кровать, покрытую старымъ байковымъ одѣяломъ, небольшой подаранный ломберный столъ съ разбросанными на немъ лоскутками писчей бумаги и маленькимъ пузырькомъ чернилъ, да самодѣльную висячую этажерку съ двумя какими-то французскими томиками и четверткой недорогого табаку. Вотъ и вся обстановка, среди которой обиталь этотъ бывшій миллионеръ и жуиръ добраго и еще недавняго времени.

Прошло съ четверть часа, а Ордынцевъ все не возвращался. Я уже начиналъ скучать и раскаиваться, что рѣшительно не отказался отъ какого бы то ни было угощенія, какъ послышались шаги и скрипъ ступенекъ по примыкавшей къ его комнатѣ лѣстницѣ, и черезъ минуту онъ появился, но не одинъ уже, а въ сопровожденіи самого Ивана Львовича Лоскутнаго, которому я сейчасъ же былъ представленъ самымъ предупредительнымъ образомъ.

— А у васъ на сегодня билетъ имѣется? съ первыхъ же словъ огорошилъ меня кругленькій импрессарио.

— Нѣтъ еще... я не успѣлъ.

— Такъ чего же вы, батенька, зѣваете! Вѣдь дебютъ Всеславиной — событіе, можно сказать! Рискуете и безъ мѣста остаться. Да вотъ что — я сейчасъ иду въ театръ, такъ могу прислать вамъ сюда... Вамъ въ первомъ ряду, что ли?.. Три съ полтиной — сегодня цѣны немного увеличены...

Мнѣ, конечно, ничего не оставалось болѣе, какъ вынуть кошелекъ и передать предприимчивому антрепренеру требуемые три съ полтиной. Послѣ этого тотъ немедленно удалился, предупредивъ, впрочемъ, что намъ сейчасъ подавать чай.

Ордынцевъ былъ замѣтно сконфуженъ. Наступило довольно неловкое молчаніе.

— Да, да... такъ вотъ... Ну, что новенькаго теперь въ Петербургѣ? началъ немного спустя Ипполитъ Васильевичъ, поглядывая на меня какими-то виноватыми глазами.

— Да что новенькаго... выдающіяся новости вамъ, вѣроятно, изъ газетъ извѣстны, а такъ, въ мелочахъ, Петербургъ довольно постояненъ.

— Хе-хе-хе! это вы совершенно вѣрно замѣтили... Я помню, что, когда мнѣ въ Парижѣ пришлось прочитать лекцію «о русскомъ обществѣ», такъ, перерывая разные мемуары, замѣтки и т. п., я наткнулся на описаніе петербургскаго общества Георги, сдѣланное еще при Екатеринѣ; меня поразили вѣкоторыя характеристики — какъ будто это говорится не о екатерининской эпохѣ, а о вчерашнемъ днѣ...

— Какъ? развѣ въ Парижѣ вы читали лекціи? удивился я.

— Ну... лекціи... положимъ, я это слишкомъ громко выразился, поправился Ордынцевъ: — а такъ, маленькія сообщенія въ интимныхъ кружкахъ, случалось. Я былъ хорошъ съ Дюма...

— Съ которымъ?..

— Да и съ тѣмъ, и съ другимъ. Ну, вотъ они-то меня и заставляли иногда провѣтриваться... Двѣ-три моихъ работы были даже напечатаны ими. Ну да, впрочемъ, все это было такъ... шалости... Мнѣ было не до того. Я былъ занятъ другимъ болѣе серьезнымъ дѣломъ: я проживалъ деньги

— Занятіе пріятное!

— Да... и вдобавокъ нетрудное... съ легкой ироніей въ голосъ добавилъ Ипполитъ Васильевичъ.

Въ это время грязный лакей, тотъ самый, что приходилъ звать Ордынцева ужинать, подаль на желѣзномъ подносѣ два стакана мутнаго и жидкаго чая.

— А что... отчего же не кофе? обратился къ нему Ипполитъ Васильевичъ.

— А ужъ не знаю, отчего не кофе... видно, потому что

чаю налили, грубо отрѣзалъ лакей и, поставивъ поднось на качавшійся ломберный столикъ, вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ чтѣ... погодите... я васъ угощу вареньемъ... здѣшнимъ, мѣстнымъ. засуетился Ордынцевъ по уходѣ лакея.— У меня есть баночка... самъ варилъ! и, кряхтя и охая, онъ вытащилъ изъ-подъ кровати небольшой сѣрый чемоданчикъ. Содержимаго въ чемоданчикѣ было немного, но зато оно представляло изъ себя нѣчто чрезвычайно разнообразное и разнохарактерное: носовые платки, потрепанныя книжки, какіе-то пустые флакончики, банка съ вареньемъ, бѣлый жилетъ, маленькая картонка, перевязанная голубой ленточкой, порывѣвшій портфель, головная щетка, жестянка съ икрой, лайковыя перчатки — все это пріютилось вмѣстѣ и какъ бы свидѣтельствовало о неособенно высокой нравственности грязнаго антрепренерскаго лакея.

— Это моя кладовая, посмѣивался старикъ, роясь въ этомъ хламѣ:—*omnia mea mecum porto*... Здѣсь все мое имущество, да и то, изволите видѣть, нельзя сказать, чтобъ было драгоценнымъ... Впрочемъ, нѣкоторыя вещички дороги мнѣ по воспоминаніямъ... Ага! вотъ оно... Вотъ попробуйте-ка — это орѣховое и приготовлено по здѣшнему методу...

Варенье оказалось довольно оригинальнаго вкуса, съ легкой горчинкой, но пріятно.

— Да, мнѣ остались уже только одни воспоминанія, вздохнулъ старикъ, прихлебывая чай и глядя на незакрытый чемоданчикъ.

— Но зато, я думаю, много ихъ! вставилъ я.

— Какъ вамъ сказать: и да, и нѣтъ! Яркихъ, выдающихся событій — два-три за всю мою жизнь... А такъ, всякихъ пустяковъ, и вспомнить нѣтъ возможности... Жизнь катилась быстро, но безъ частыхъ толчковъ; вся задача состояла въ томъ, чтобы не думать о заврашнемъ днѣ... И я это умѣлъ... отлично умѣлъ... Вотъ я вамъ про Дюма упомянулъ, хотите взглянуть на автографы?..

— Ахъ, пожалуйста.

Ордынцевъ вынулъ изъ чемодана портфель и, порывшись въ немъ, передалъ мнѣ пачку старыхъ пожелтѣвшихъ писемъ.

— Тутъ разныя есть! прибавилъ онъ при этомъ.

Я началъ пересматривать. Очевидно, знакомство Иполита Васильевича было обширно и разнообразно... Попадались нѣсколько громкихъ именъ, но письма были всѣ очень незначительны: приглашенія зайти, напоминанія о завтрашнемъ обѣдѣ, благодарность за оказанныя любезности и т. п.

— А вотъ еще—не хотите ли взглянуть на нѣсколько уцѣлѣвшихъ у меня фотографій? любезно предложилъ онъ, подавая мнѣ связку портретовъ.

Тутъ преобладали уже женскія головки. Многія были красивы, но почти всѣ носили какой-то бульварно-театральный отпечатокъ.

— Это Lucie, моя послѣдняя подруга! пояснилъ Ордынцевъ, видя, что я особенно остановился на одномъ очень пикантномъ и задорномъ личикѣ. — Она мексиканка. Очень милая женщина.

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ нѣсколько вещичекъ въ родѣ сломаннаго вѣера, помятаго башмачка, нескромнаго брелока, имѣвшихъ цѣнность дѣйствительно только по однимъ воспоминаніямъ. Между этими реликвіями какъ-то — едва ли, впрочемъ, случайно — попалъ пустой флаконъ изъ-подъ духовъ Lubin'a подъ названіемъ: »Bouquet Ordyntzeff«.

Перебирая всѣ эти »воспоминанія«, Иполитъ Васильевичъ оживился и довольно откровенно рассказалъ мнѣ почти всю свою прошлую жизнь. Сынъ богатаго и родовитаго барина, онъ воспитывался въ одномъ изъ привилегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. По окончаніи курса онъ былъ опредѣленъ на службу по дипломатической части и отправленъ при какой-то миссіи за границу. Служилъ онъ недолго — пока живъ былъ его отецъ. Послѣ же его смерти, унаслѣдовавъ большое состояніе, онъ вышелъ

въ отставку, поселился въ Парижѣ, принялся очень утонченно проматывать деньги и въ какихъ нибудь десять лѣтъ ухитрился спустить все до копѣйки... Но тутъ, кстати, подошло наследство послѣ сметри его бездѣтнаго дяди, давшее ему возможность протянуть еще десятокъ лѣтъ безпечальнаго прожиганія жизни. Ипполиту Васильевичу было уже лѣтъ сорокъ, когда грозная нищета неумолимо надвинулась на его, не думавшую о завтрашнемъ днѣ, голову... Но и тутъ судьба выручила своего любимчика. Графиня N, скучавшая послѣ смерти своего мужа и искавшая развлеченія въ парижскихъ салонахъ, влюбилась въ представителя и еще очень красиваго соотечественника и едва ли не сама первая сдѣлала ему предложеніе. Къ чести Ипполита Васильевича нужно сказать, что бракъ этотъ былъ совершенъ не по расчету... Графиня N была еще настолько интересна, что и онъ полюбилъ ее... какъ умѣлъ. Состояніе графини было громадно, легкомысліе ея было еще громаднѣе... Черезъ три года странствованія по разнымъ этапнымъ пунктамъ благоденствующаго челоѣчества, они разошлись. Выговоривъ себѣ полную и вѣчную свободу, madame d'Ordynzeff не забыла и своего мужа, предоставивъ въ его распоряженіе очень значительный капиталъ. Ипполитъ Васильевичъ и тутъ остался джентльменомъ: онъ довольно долго и упорно отказывался отъ какихъ бы то ни было денегъ, но потомъ согласился и принять. Прошло еще лѣтъ десять... Приближался закатъ. Мексиканка Люсіе доканчивала работу своихъ предшественницъ... Отяжелѣвшій виверъ понемногу примирялся съ судьбой и уже предвкушалъ горькіе одинокіе дни въ какомъ нибудь родномъ уѣздномъ захолустѣ... Догорать онъ рѣшилъ почему-то непремѣнно на родинѣ, подальше отъ растрavляющаго раны шума и всякихъ соблазновъ.

Въ одно прекрасное утро, подсчитавъ при помощи своего «личнаго секретаря» оставшіяся у него деньги, онъ слегка похолодѣлъ: оказалось всего-навсего десятокъ тысячъ

франковъ. На это, конечно, и »догорать« не представлялось ни малѣйшей возможности, но секретарь очень любезно напомнилъ своему патрону, что хорошенькая вилла, въ которой обитаетъ теперь mademoiselle Lucie, въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, представляетъ изъ себя довольно значительную цѣнность и полную собственность господина Ордынцева. Это напоминаніе значительно ободрило Ипполита Васильевича. Виллу можно было продать minimum тысячь за пятьдесятъ франковъ — деньги, положимъ, не Богъ вѣсть какія, но всетаки на »щи да кашу« хватить. Пригласили комисіонера и поручили ему продать виллу наискорѣйшимъ образомъ; затѣмъ оповѣстили всѣхъ добрыхъ друзей, что Ипполитъ Васильевичъ проситъ ихъ пожаловать на прощальный пикникъ. Мѣстомъ сбора была назначена квартира прекрасной мексиканки, т. е. продаваемая, но еще не проданная вилла.

Прощанье было веселое и обильное, поглотившее у отѣзжавшаго хорошую половину остававшихся у него десяти тысячь. Когда Ипполита Васильевича спрашивали, зачѣмъ онъ ѣдетъ на родину, онъ довольно спокойно, даже весело отвѣчалъ: »умирать!« Этому, конечно, не вѣрили, а о разореніѣ его никто не зналъ, потому что »личный секретарь« былъ человекъ преданный и умѣлъ хорошо хранить тайны своего патрона. За роскошнымъ ужиномъ кто-то изъ добрыхъ друзей задалъ Ипполиту Васильевичу вдругъ неожиданный и очень щекотливый вопросъ: какъ думаетъ онъ распорядиться съ этимъ милымъ домикомъ, въ которомъ они теперь такъ весело прощаются со своимъ амфитріономъ. Ордынцевъ слегка замялся, стыдясь сознаться, что онъ вынужденъ продать его.

— Вотъ вопросъ! воскликнулъ на это другой добрый другъ. — Конечно, не такой джентльменъ, какимъ мы привыкли видѣть м-г Ордынцева, рѣшится разорить чье либо гнѣздышко... Птичка, вѣроятно, можетъ быть покойна: ее не спугнуть отсюда.

Поднялись шумныя восклицанія. Всѣ привѣтствовали широкое сердце настоящаго русскаго барина. Запѣнились бокалы, начались поздравленія. Lucie даже прослезилась слегка и бросилась на шею своему »доброму медвѣженку«.

Конечно, Ипполиту Васильевичу не оставалось ничего больше, какъ подтвердить, что онъ даритъ эту виллу той, которая вносила столько жизни въ его усталую старческую душу.

У красивой мексиканки оказался тоже свой »личный секретарь«, и онъ на другой же день необычайно энергично обдѣлалъ всѣ формальности.

Уѣзжая изъ Парижа съ какими нибудь тремя уже тысячами франковъ, Ипполитъ Васильевичъ очень глупо улыбался, подавлялъ невольные вздохи и всѣми силами старался не думать о завтрашнемъ днѣ.

Въ Вѣнѣ онъ столкнулся съ однимъ такимъ же, какъ и онъ, промотавшимся бариномъ, и черезъ недѣлю отъ трехъ тысячъ франковъ оставался только билетъ втораго уже класса до Одессы да какая-то мелочь.

Пріѣхавъ въ Одессу, Ипполитъ Васильевичъ занялъ небольшой номеръ въ лучшей, впрочемъ, гостинницѣ, спросилъ себѣ бутылку содовой воды и началъ думать, но все-таки не о завтрашнемъ, а уже о сегодняшнемъ днѣ. Грустно ходилъ онъ взадъ и впередъ по узенькой комнаткѣ и довольно сомнительно посматривалъ на ввинченный въ потолокъ крюкъ. Одно очень характерное явленіе въ его жизни пришло ему въ эти минуты на мысль: онъ ни разу еще, ни при какихъ обстоятельствахъ и ни у кого не занималъ денегъ. Не представлялось ни малѣйшей надобности. Насталъ моментъ, когда онъ охотно бы нарушилъ, такъ сказать, дѣвственность этого положенія, но... увы! не представлялось ни малѣйшей возможности: не было ни одной души, къ которой онъ могъ бы обратиться хоть за пятью рублями. Въ Россіи у него знакомыхъ почти не имѣлось совсѣмъ, а если и былъ кое-кто, то онъ не зналъ ихъ адре-

совъ. Если написать въ Парижъ, то онъ настолько хорошо зналъ своихъ заграничныхъ »добрыхъ друзей«, что не рѣшился бы даже потратиться на почтовые марки. Жена! но гдѣ она — эта жена? Да и съ какой стати обращаться къ ней, вѣдь между ними уже давно все покончено... Положеніе несомнѣнно безвыходное, а тутъ еще крюкъ въ потолокъ такъ назойливо привлекаетъ его вниманіе.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. День былъ пасмурный и вѣтренный, мелкая пыль кружилась по мостовой. Пѣшеходы шли съ хмурыми и недовольными лицами. На противоположной панели топтались какихъ-то два еврея, неистово жестикулируя и встряхивая своими пейсами. Очевидно, они спорили о чемъ-то. »Вѣроятно, о деньгахъ!« подумалъ Ипполитъ Васильевичъ и повернулся на звукъ скрипнувшей двери.

Въ нумеръ вошелъ коридорный и подаль ему визитную карточку. »Иванъ Львовичъ Лоскутный« — прочиталъ Ордынцевъ и, недоумѣвая, посмотрѣлъ на коридорнаго. Кто такой Лоскутный? Онъ положительно не помнилъ такой фамиліи.

— Театръ здѣсь содержитъ, пояснилъ коридорный, понавъ взглядъ Ордынцева.

— А! И Ипполитъ Васильевичъ вдругъ вспомнилъ маленькаго и кругленькаго антрепренерчика, заѣхавшаго лѣтъ пять назадъ въ Парижъ съ цѣлой труппой русскихъ драматическихъ артистовъ и попавшаго въ самое безвыходное положеніе вслѣдствіе скверныхъ сборовъ. Ордынцевъ щедрой рукой помогалъ тогда своимъ соотечественникамъ, и они, благословляя его и клянясь въ вѣчной преданности, покинули негостепріимно встрѣтившую ихъ Францію.

— Просить! просить! какъ-то обрадованно даже распорядился Ордынцевъ, словно ему казалось, что вмѣстѣ съ этимъ вѣчно сіяющимъ импрессарио лучъ солнца ворвется и въ его унылый нумерокъ. Лоскутный не заставилъ себя долго ждать.

— Ипполитъ Васильевичъ! патетически воскликнулъ онъ, переступая порогъ и горячо потрясая протянутую ему руку. — А я, знаете, случайно увидалъ вашу фамилію на доскѣ въ швейцарской и подумалъ — да неужели это тотъ Ордынцевъ, тотъ нашъ незабвенный Ипполитъ Васильевичъ, который, можно сказать, спасъ когда-то меня изъ мертвой петли... восторженно ворковалъ Лоскутный, умиленными глазами всматриваясь въ нѣсколько сконфуженнаго Ордынцева. Но, по мѣрѣ того какъ глазки зоркаго импрессарио чаще и чаще перебѣгали отъ лица стоявшаго передъ нимъ старика къ окружавшей ихъ довольно скромной обстановкѣ, восторженный тонъ его становился все неувѣреннѣе и неувѣреннѣе и перешелъ наконецъ уже въ совсѣмъ грустный и разочарованный.

— Такъ, стало быть, все пропало, кромѣ чести! уныло проговорилъ антрепренеръ, постигая настоящее положеніе Ордынцева.

— Все! печально улыбаясь, подтвердилъ тотъ.

— Скверная штука! Ну, да мы васъ не выдадимъ! обмолвился сгоряча Лоскутный и не разъ, вѣроятно, потомъ въ этомъ раскаялся...

Съ этого дня Ипполитъ Васильевичъ окончательно попалъ на иждивеніе труппы Лоскутнаго.

— Что-жъ такое! острилъ иногда комикъ Дубровинъ: — вѣдь бываютъ же у военныхъ »дочери полковъ«, отчего же и актерамъ не завести »театральнаго папашу«.

Изъ Одессы труппа Лоскутнаго перекочевала въ Н-скъ; перекочевалъ съ ней и Ипполитъ Васильевичъ. Актеры обращались со старикомъ снисходительно-вѣжливо. Иванъ Львовичъ отводилъ ему комнатку въ своей квартирѣ, питалъ его, чѣмъ Богъ пошлетъ, и за его представительную наружность и громкую фамилію разрѣшалъ пользоваться свободнымъ кресломъ въ партерѣ, причемъ ему даже рекомендовалось садиться въ первый рядъ: въ первомъ ряду чаще оставались непроданныя мѣста, да и вообще — »виду боль-

ше». Артистки любили прогуливаться съ нимъ по театральному садику — во-первыхъ, потому, что Ордынцевъ умѣлъ ходить подъ руку съ дамой, какъ никто; а во-вторыхъ, было замѣчено, что въ этихъ случаяхъ поклонники настойчивѣе и горячѣе преслѣдовали ихъ своимъ вниманіемъ.

Со своею участію Ипполитъ Васильевичъ примирился довольно легко и какъ-то незамѣтно перешелъ изъ амфи-тріоновъ въ приживальщики. Немало, конечно, способствовало этому и то обстоятельство, что атмосфера, охватившая его въ новой жизни, имѣла много общаго съ тѣмъ, къ чему онъ такъ привыкъ: тѣ же бульварно-театральные нравы, то же обиліе молодыхъ женщинъ въ откровенно-опереточныхъ костюмахъ, тѣ же кутежи и безсонныя ночи въ клубахъ и кабакахъ, тѣ же мотивы въ оркестрѣ и недвусмысленные анекдоты въ интимномъ кружкѣ... Конечно, все это въ крайне полинявшемъ видѣ, зачастую даже жалко и убого, но, въ сущности, все-таки то же самое. И наконецъ опять таки являлась самая широкая возможность не думать о завтрашнемъ днѣ! а это главное...

Было бы несправедливо сказать, что Ордынцевъ проводилъ все свое время въ полномъ ничегонеделаньѣ. Нѣтъ, напротивъ, онъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы быть хоть чѣмъ нибудь полезнымъ пріютившимъ его людямъ: такъ, онъ сочинялъ для нихъ неважные куплетцы на злобы дня, дѣлалъ имъ разныя указанія по постановкѣ нѣкоторыхъ пьесъ, видѣнныхъ имъ въ Парижѣ, и переводилъ даже цѣлыя оперетки. За нѣкоторыя большія работы случалось, что ему выдавали маленькій гонораръ. Онъ обыкновенно сначала усиленно отказывался отъ него, потомъ соглашался и принималъ. Получивъ деньги, Ипполитъ Васильевичъ на нѣкоторое время впадалъ въ безпокойство: онъ положительно не зналъ, какъ распорядиться съ этими двадцатью—двадцатью пятью рублями. Но это продолжалось недолго: купивъ себѣ флакончикъ духовъ, свѣжія перчатки и дѣлавъ небольшой запасъ табаку, на остальныя онъ устраи-

валъ пирь. Пригласивъ въ какой нибудь ресторанчикъ средней руки человекъ пять актериковъ побѣднѣе, онъ заказывалъ скромный ужинъ и принимался угощать эту голодную братію. Нужно было видѣть, съ какой разумной улыбкой, съ какой ловкой, мастерской манерой подливалъ онъ въ изъ стаканы дешевенькое мѣстное вино. Со стороны можно было, пожалуй, подумать, что тутъ происходитъ настоящій лукулловъ пирь, что изысканнѣйшія яства всѣхъ странъ свѣта имѣютъ своихъ представителей за этимъ скромнымъ столикомъ, что сокъ благороднѣйшихъ лозъ міра струится здѣсь изъ-подъ руки опытнаго виночерпця... Кончались эти пиры обыкновенно печально: подвыпившіе гости начинали сначала подсмѣиваться, а потомъ и просто глумиться надъ своимъ амфитріономъ, и Ипполитъ Васильевичъ, обиженный и оскорбленный, удалялся въ свою каморку и въ продолженіе нѣсколькихъ дней даже совсѣмъ не показывался въ театрѣ... Но потомъ все забывалось, и онъ снова появлялся за кулисами и занималъ пустое кресло въ первомъ ряду. Актрисы обращались съ нимъ лучше. Онъ нерѣдко приглашали его къ себѣ на чашку чая, предупреждая, впрочемъ, что послѣ такого-то часа онъ долженъ уходить, потому что имъ всегда почему-то представлялась крайняя необходимость поговорить объ очень важномъ и серьезномъ дѣлѣ съ какимъ нибудь «гостемъ изъ публики», встрѣчавшимся обыкновенно съ Ордынцевымъ на этихъ «чашкахъ чаю». И Ипполитъ Васильевичъ покорно удалялся, — онъ хорошо зналъ эти важные и серьезные разговоры: вѣдь и самъ онъ еще не такъ давно былъ такимъ же «гостемъ изъ публики».

Дебютъ Всеславиной прошелъ самымъ блестящимъ образомъ. Оваціямъ конца не было. Особенную же бурю восторговъ вызвали сочиненные Ордынцевымъ пріветственные куплеты съ рефреномъ «мадлобели варъ»; я замѣтилъ, между прочимъ, что въ первой строфѣ Всеславина сдѣлала малень-

кую поправку и вмѣсто: »встрѣтили меня, какъ друга« спѣла — »встрѣчена я, какъ подруга«... Очевидно, знаменитая актриса нашла это болѣе подходящимъ.

Послѣ спектакля вся улица передъ театромъ освѣтилась бенгальскимъ огнемъ, и »несравненную диву« буквально вынесли на рукахъ и усадили въ спеціально для нея приготовленную коляску. Больше всѣхъ хлопоталъ и суетился толстый армянскій князь... Цѣлый кортежъ колясокъ и фазтоновъ подъ его предводительствомъ тронулся за коляской Всеславиной и, сопровождаемый неистовыми криками публики, направился куда-то въ загородный садъ на предстоящій тамъ ужинъ. Въ одномъ изъ фазтоновъ я замѣтилъ и Ипполита Васильевича; онъ сидѣлъ съ букетомъ въ рукахъ и улыбался...

Прошло нѣсколько дней. Успѣхи Всеславиной все росли и росли. Я нѣсколько разъ встрѣчался въ театрѣ съ Ордынцевымъ, но онъ такъ озабоченно и быстро исчезалъ изъ партера за кулисы, что намъ положительно некогда было перекинуться и парой словъ. Однажды, впрочемъ, какъ-то онъ, улучивъ минутку, схватилъ меня подъ руку и какъ-то необычайно восторженно шепнулъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, мой другъ, я совсѣмъ очарованъ!..

— Кѣмъ? удивился я.

— Ахъ, ей! Всеславиной! Чтò за дивная женщина! Заходите какъ нибудь, поговоримъ... у меня есть кое-что вамъ рассказать!.. И, крѣпко пожавъ мнѣ локоть, онъ съ несвоейственной его возрасту и фигурѣ быстротой исчезъ за кулисами.

Пикники, прогулки, обѣды, ужины въ честь дивы совершались чуть ли не ежедневно, и Ипполитъ Васильевичъ неизмѣнно присутствовалъ на нихъ. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ наперника и друга толстаго князя съ одной стороны и Всеславиной съ другой.

Неоднократно заходилъ я къ нему въ гости, но не заставалъ дома. Очевидно, Ипполитъ Васильевичъ порхалъ;

но какъ-то разъ мнѣ посчастливилось, и старикъ встрѣтилъ меня положительно съ распростертыми объятіями.

— Ахъ, мой другъ, какъ я радъ видѣть васъ... Знаю, знаю, что были. Но такая досада, всегда я отлучался куда нибудь... Позвольте васъ познакомить, артистъ нашей труппы Александръ Ѳедоровичъ Грачъ-Стремнинскій.

Тутъ только я замѣтилъ, что въ комнатѣ онъ не одинъ: какой-то черномазый господинъ съ бритой фізіономіей что-то дѣлалъ, сидя на корточкахъ около затопленной печки...

— Бывшій гусаръ, прекрасный собесѣдникъ и лихой собутыльникъ, дополнилъ свою рекомендацію Ордынцевъ, показывая на черномазаго господина и какъ-то необычайно весело улыбаясь.

Тотъ не счелъ нужнымъ приподняться, а только молча протянулъ мнѣ руку.

— Что это вы такое дѣлаете? спросилъ я, съ недоумѣніемъ глядя на топившуюся печку.

— Хе-хе-хе! легонькую закусточку... Вотъ Александръ Ѳедоровичъ мастерить, онъ вѣдь по части кулинарнаго искусства неподражаемъ. Мы съ нимъ рѣшили слегка поправиться послѣ вчерашняго ужина...

— А что, развѣ сильное возліяніе было?

— Охо! еще какое! Этотъ князь просто заливаетъ насъ всѣхъ... настоящее, знаете, восточное хлѣбосольство.... Ну вотъ-съ бранныя тѣлеса наши и запросили сегодня легонькаго ремонтника! Такъ, что ли, Александръ Ѳедоровичъ?

Ордынцевъ былъ какъ-то необычайно веселъ, улыбался, повертывался на одной ножкѣ и даже подмигивалъ зачѣмъ-то. На человѣка »съ похмѣлья« онъ походилъ мало; скорѣе казалось, что вчерашній хмѣль еще крѣпко сидитъ въ его головѣ.

На ломберномъ столикѣ на этотъ разъ была накрыта довольно чистая скатерть, стояла бутылка англійской горькой, бутылки двѣ вина и разныя незатѣйливыя закуски.

— Надѣюсь, что вы не откажитесь повяствовать намъ по маленькой? любезно пригласилъ меня хозяинъ.

— Отчего же!

— Ну что же, милѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, скоро у васъ?

— Давайте тарелку! отозвался эксъ-гусарь, и черезъ минуто на столѣ появилась сковородка съ какой-то снѣдью, довольно непривлекательною на видъ, но, какъ потомъ оказалась, очень вкусною.

— Ну-съ, теперь пожалуйста по водочкѣ, господа! по водочкѣ! суетился старикъ, наливая рюмки съ какой-то несвойственной ему размашистой манерой.

— За жениха, что ли? обратился къ нему Стремнинскій, приподнимая рюмку.

Ордынцевъ вдругъ сконфуженно захихикалъ и посмотрѣлъ на меня робкимъ, заискивающимъ взглядомъ.

— Вѣдь вы еще, мой другъ, ничего не знаете, проговорилъ онъ при этомъ, словно извиняясь въ чемъ-то.

— А что такое? дѣйствительно недоумѣвалъ я.

— Женится! буркнулъ Стремнинскій, указывая рюмкой на Ордынцева.

— Вы женитесь? вы? да на комъ же?

— На Всеславиной! совсѣмъ уже виновато прошепталъ Ипполитъ Васильевичъ и опустилъ глаза.

— На Всеславиной!.. Да позвольте, какже... вѣдь вы женаты, кажется?

— Да... да... но тутъ разводъ... Князь беретъ все это устроить... Онъ все это... Онъ даже знаетъ, гдѣ моя жена, и...

— Князь Всеславиной въ видѣ бенефиснаго подарка женишка подносить! пояснилъ бывшій гусарь.

— Что-жъ... въ такомъ случаѣ, конечно, слѣдуетъ выпить за жениха... согласился я, протягивая свою рюмку.

— И за невѣсту!.. поправилъ меня Ордынцевъ.

Мы чокнулись и выпили.

— Да, да, мой другъ, я, наконецъ, рѣшился пристать къ моей тихой пристани... Пора ужъ! заговорилъ Ипполитъ

Васильевичъ, наливая намъ по второй и принимаясь за закуску.

— Да, пора ужъ... Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, я долженъ сознаться, что я дѣйствительно глубоко люблю и уважаю эту очаровательную женщину... Моя пѣсня, конечно, сдѣла ужъ... и мнѣ лично ждать нечего, но теперь я буду весь жить ея жизнью, ея интересами. Ея слава, ея успѣхи— это для меня все! Какъ старый, опытный менторъ, я буду направлять ее... помогать ей моими совѣтами... дамъ ей свое имя...

— Да! Ордынцева - Всеславина — это недурно будетъ, вставилъ Стремнинскій.

— Я буду любоваться ей, охранять ее, продолжалъ все болѣе и болѣе разнѣживающійся старикъ: — буду лелѣять ее, покоить... наблюдать, чтобы пышинка не сѣла на это чудное существо... Я, конечно, старъ, но я не загорожу ея дороги: пусть она живетъ, пока молода... жить всѣмъ нужно, и всѣ мы жили. Пусть же и она пользуется жизнью.

— Ну, жизнью-то она, я думаю, и безъ того попользовалась! довольно цинично замѣтилъ »лихой собутыльникъ«.

— Да, но... Ипполитъ Васильевичъ, вѣдь разводъ... это такая хлопотливая вещь, требующая такихъ громадныхъ издержекъ! вмѣшался я.

— Князь берется все устроить; онъ увѣряетъ, что это легче будетъ сдѣлать, чѣмъ мы думаемъ. Онъ немножко знаетъ мою жену и полагаетъ, что та особенно противиться не станетъ; онъ говоритъ, что жена моя теперь въ такомъ положеніи, что... однимъ словомъ, онъ берется за это, и всѣ хлопоты...

— Князь можетъ! У этого бурдюка мошна-то толстая... А наша дива совсѣмъ растопила его своими пламенными взглядами... въ огонь и въ воду полѣзаетъ! не унимался Стремнинскій.

Мнѣ сдѣлалось несовсѣмъ ловко отъ этой цинично-откровенной бесѣды, и я былъ очень радъ, когда два пріятеля,

порядкомъ таки захмѣлѣвъ, мало по малу отвлеклись отъ этой щекотливой темы и глубокомысленно заспорили о томъ, что вкуснѣе — »тюрбо« ли въ поджаренныхъ сливкахъ или »соль« подъ бѣлымъ виномъ. На этомъ поприщѣ они оба оказались очень свѣдущи, и потому споръ обѣщаль сдѣлаться безконечнымъ.

— Нѣтъ, а вотъ еще *gaie au beurre noir!* хрипѣлъ немного спустя гусарь, хлопая рюмку за рюмкой...

— Нѣтъ, *gaie* что! *gaie*, по моему, жирень... Нѣтъ, а вотъ, если, положимъ, взять *saumon* и каперсами ее... откликнулся Ордынцевъ, прихлебывая уже вино.

— Кто говоритъ — *saumon!* Конечно, и *saumon*...

Я взялся за папку и, несмотря на настойчивыя упрививанія Ипполита Васильевича, покинул ихъ гастрономическую бесѣду. На дворѣ до меня въ послѣдній разъ еще донесся хриплый голосъ Стремнинскаго, патетически восклицавшаго: »А, напримѣръ, *moule à la roulette!* Что вы на это скажете? а?«

Слухъ о томъ, что Ордынцевъ разводится и женится на Всеславиной, быстро разнесся по городу. Всѣ, конечно, глумились и остряли надъ старикомъ. Впрочемъ, были и такіе, которые находили это очень естественнымъ. Напримѣръ, мой стряпчій довольно ясно высказался, что это единственное умное дѣло, которое можетъ сдѣлать Ордынцевъ, конечно, если онъ только не прозѣваетъ и съумѣетъ взять съ князя хорошее »отступное«.

Пикники и попойки въ честь загостившейся гостролерши продолжались все съ возрастающей силой. Князь такъ и сыпалъ деньгами. Прошло такимъ образомъ еще недѣли три; я за это время ни разу не былъ у Ордынцева и только мимоходомъ встрѣчался съ нимъ въ театрѣ.

Былъ назначенъ бенефисъ Всеславиной. Ставилась, новая еще въ то время, оперетка »Бокаціо«. Я взялъ билетъ и отправился въ театръ.

— А знаете ли, батенька, новость? встрѣтилъ меня въ партерѣ одинъ изъ театральныхъ вѣстовщиковъ, съ которымъ я какъ-то случайно завелъ шапочное знакомство. — Ордынцевъ-то нашъ — вѣдь капуть!

— Какъ капуть?! не понялъ я сразу.

— Да-съ! Кондратій Ивановичъ хватилъ! Говорятъ, ужъ чуть дышитъ... Ъздили они куда-то сегодня послѣ репетиціи обѣдать... ну, старецъ-то клюнулъ, конечно, зашибать онъ сталъ порядочно — только на обратномъ пути, знаете, кувыркъ! и изъ фэтона на мостовую... бросились поднимать, а онъ ужъ ни папу, ни маму!... Да-съ! достукался старичина... И вѣстовщикъ, очень довольный, что онъ первый сообщилъ мнѣ эту новость, побѣждалъ дѣлиться ею и съ другими.

Въ первый же антрактъ весь театръ уже зналъ, что Ордынцева сегодня разбилъ параличъ, и что надежды на выздоровленіе нѣтъ никакой. Однако это нисколько не отозвалось ни на успѣхѣ оперетки, ни на восторженныхъ оваціяхъ, оказанныхъ публикой обворожительной бенефицианткѣ. Да и надо отдать ей полную справедливость: красивая фигура ея была очень эффектна въ мужскомъ костюмѣ. Пѣла она, какъ всегда... пожалуй, даже на этотъ разъ и лучше. Очевидно, успѣхъ разжигалъ ее... Послѣ спектакля улица опять освѣтилась бенгальскимъ огнемъ, и цѣлая вереница фэтоновъ и колясокъ отбыла въ какой-то загородный садъ вспрыскивать театральныя именины Всеславиной. Она ѣхала въ передней коляскѣ съ неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ княземъ. Ипполитъ Васильевичъ, конечно, отсутствовалъ.

На другой день я отправился въ больницу, куда свезли Ордынцева, справиться о его здоровьѣ. Мнѣ сказали, что онъ еще живъ, но надежды нѣтъ никакой. Видѣть его мнѣ тоже не удалось.

Ипполитъ Васильевичъ отдышался. И когда я недѣли черезъ двѣ снова навѣстилъ его, къ нему уже возвратилось

сознаніе, и онъ началъ узнавать нѣкоторыхъ знакомыхъ. Но, Боже, какой жалкій видъ представлялъ изъ себя этотъ еще не такъ давно представительный мужчина: похудѣлъ, осунулся, обвалился какъ-то весь. Говорить онъ еще не могъ, а только безпомощно мычалъ и уныло поводилъ потускнѣвшими глазами. Меня онъ узналъ и хотѣлъ, кажется, даже улыбнуться въ видѣ привѣтствія, но, вмѣсто улыбки, вышла мучительная, болѣзненная гримаса.

Выходя изъ больницы, я почти на порогѣ встрѣтился съ тѣмъ самымъ театральнымъ вѣстовщикомъ, который первый сообщилъ мнѣ о параличѣ Ипполита Васильевича.

— Вы откуда? отъ Ордынцева? Ну что онъ? обратился онъ ко мнѣ.

Я сообщилъ, что поправляется.

— Ну, и отлично! Значить, можно и не заходить. А вы слышали, батенька, новость? Князь-то нашъ тю-тю!

— Т. е. какъ тю-тю?

— Да такъ-съ! Всеславиному бросилъ! Тутъ какая-то премированная красавица въ загородный садъ пріѣхала... шансонеточница, понимаете... Ну-съ, такъ онъ за ней теперь... Поторопилась Всеславина-то, рано немножко размякла... нужно бы подольше князька-то за носъ поводить... ну, а теперь ужъ поздно, конечно. Теперь ужъ, очевидно, о разводѣ Ордынцева онъ хлопотать не станетъ.

Въ этотъ же вечеръ ко мнѣ въ гостинницу явился мой стряпчій.

— Ну, скажите слава Богу! улыбаясь, предложилъ онъ.

— А что такое?

— Ваше дѣло кончено! Завтра можете всѣ бумаги получить.

Я бросился къ нему на шею и ни къ селу, ни къ городу потребовать изъ буфета бутылку шампанскаго.

На другой же день я съ легкимъ сердцемъ мчался на милый и далекій сѣверъ...

Въ прошломъ году зимой мнѣ опять пришлось заглянуть на югъ; на этотъ разъ уже не въ N, а въ другой, но тоже большой и оживленный городъ. Тамъ меня встрѣтилъ одинъ мой старинный пріятель и въ первый же вечеръ затасилъ въ циркъ. Пришли мы довольно поздно, кажется, ко второму отдѣленію. Ломались какіе-то акробаты на трапеціяхъ. Я терпѣть не могу этого вступительнаго зрѣлища и потому все время ихъ представленія просидѣлъ, полуотвернувшись отъ арены. Акробаты, наконецъ, сдѣлали свое дѣло и, пославъ публикѣ нѣсколько пошлѣйшихъ воздушныхъ поцѣлueвъ, удалились въ конюшню или куда тамъ они удаляются — ужъ не знаю. Слѣдующій номеръ анонсировалъ верховую ѣзду съ обручами и лентами дѣвицы Жильберты. Трапеція были подняты кверху, турникеты убраны, а вмѣсто нихъ на арену вышли шесть какихъ-то субъектовъ въ черныхъ фракахъ со свѣтлыми пуговицами, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ сапогахъ. Какъ называются эти господа на цирковомъ жаргонѣ — я положительно не знаю, не понимаю даже ихъ назначенія, но замѣтилъ въ тѣ немногія посѣщенія мною разныхъ цирковъ, что каждый разъ передъ выѣздомъ наѣздницы или наѣздника господа эти неизмѣнно появляются на аренѣ, выстраиваются шпалерами при выѣздѣ изъ конюшни и пропускаютъ сквозь строй сначала визжащихъ и кувыркающихся клоуновъ, которые иногда даютъ этимъ глупо стоящимъ господамъ звонкія пощечины, потомъ такого же, какъ и они, господина во фракѣ, но почище одѣтаго, съ хлыстомъ въ рукахъ, и затѣмъ ужъ скачущую на конѣ дѣвицу. Пропустивъ всѣхъ этихъ артистовъ, они обыкновенно удаляются за кулисы. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ остаются на аренѣ и бессмысленно ходятъ сзади господина съ хлыстомъ.

Все это неизмѣнно было продѣлано, конечно, и на этотъ разъ.

— Вотъ, братъ, посмотри-ка въ бинокль на этого старика, вонъ чтò вторымъ съ краю сталъ. Видишь? обра-

тился ко мнѣ пріятель, указывая на выстроившихся при въѣздѣ фрачниковъ.

— На котораго?

— Да вотъ, такой высокій, сѣдой, съ черными усами и бородкой. Видишь теперь?

— Вижу!

— А знаешь ли ты, другъ мой, что это за птица? большимъ бариномъ былъ, говорятъ, милліоны имѣлъ, а теперь вотъ конюхомъ сдѣлался, да и то Христа ради держать, такъ, для декораціи больше за представительную наружность. Зовутъ его здѣсь monsieur Hippolyte, а полное его имя Ипполитъ Васильевичъ Ордынцевъ. Хочешь, я тебя съ нимъ познакомлю? Его послѣ представленія можно пригласить въ ресторанаъ поужинать. Очень радъ и благодаренъ будетъ, и поразкажетъ намъ за это кое-что изъ своей прошлой жизни. Онъ довольно забавный, только привираетъ, кажется, порядочно, да и языкъ-то у него ужъ плохо слушается, а то ничего... держать себя старается настоящимъ джентльменомъ. Потѣха! Такъ хочешь, что ли, познакомиться-то?

Я отказался...

В. Тихоновъ

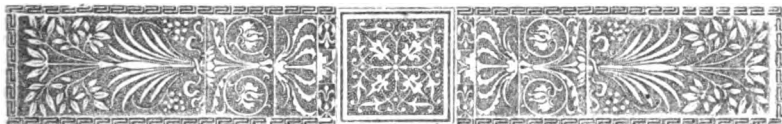

* *
* *

Всѣ спать, а я одинъ не сплю, —
Я не страдаю, не люблю,
Но отчего же въ часъ полночный
Живѣе мракъ души порочной?
Тревожнѣй бездна прошлыхъ дней
Для гордой памяти моей?
Ужель ее, какъ все земное,
Въ ночи пугаетъ роковое, —
Ужели поздніе огни
Свѣтлѣй, чѣмъ прожитые дни?
Но, озаря мракъ сердечный,
Зачѣмъ пугаютъ бездной вѣчной,
Гдѣ око совѣсти луной
Надъ бездыханной глубиной
Горить, одно непобѣдимо,
Межъ тѣмъ какъ все несется мимо —
Пороки, страсти и мечты,
Какъ дымъ надъ вихремъ суеты?...

К. Фофановъ

Американское государственное устройство

О Ч Е Р К Ъ

А. ШЁНБАХА

Окончаніе

II

Такова организациа центрального управленія Союза. Имъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки связаны въ одно цѣлое въ вопросахъ какъ иностранной, такъ и внутренней политики. Однако такое единство представляется лишь кольцомъ, обнимающимъ большое число самостоятельныхъ земель — штатовъ, настоящихъ государствъ въ государствѣ. Союзъ является, въ концѣ концовъ, соединеніемъ отдѣльныхъ штатовъ, которые, ради выгодъ, представляемыхъ имъ ихъ общностью, отказались отъ извѣстной части своихъ суверенныхъ правъ, — но лишь отъ нѣкоторой ихъ части: власть Союза распространяется на отношенія государства къ иностраннымъ державамъ и на нѣкоторыя общія учрежденія Союза, каковы армія и флотъ, пошлины, торговое движеніе между штатами вмѣстѣ съ наблюденіемъ за сухопутными и водяными путями сообщенія, монеты, мѣры и вѣса, почтовое дѣло, расходы по союзному управленію и много еще другихъ отраслей управленія, задѣвающихъ интересы всѣхъ или большинства штатовъ; на этомъ основаніи было создано и нѣчто въ родѣ министерства земледѣлія, въ качествѣ органа Союза. Всѣ прочія отрасли управленія и атрибуты суверенности остались во власти отдѣльныхъ штатовъ, а именно: урегулированіе частно-правовыхъ отношеній, законодательство торгово-промышленное, гражданское и уголовное судопроизводство, поддержаніе общественнаго порядка, мѣстное управленіе, наблюденіе за учебнымъ дѣломъ и благотворительная дѣятельность, обложеніе населенія налогами для всѣхъ

этихъ цѣлей. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ законодательства союзное управление и отдѣльные штаты дѣйствуютъ сообща.

Далѣе, конституціей ограничиваются въ извѣстныхъ случаяхъ какъ союзная власть, такъ и суверенность отдѣльныхъ штатовъ путемъ нѣкоторыхъ общихъ опредѣленій; это касается: охраненія религіозной и гражданской свободы, избирательнаго права, суда присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, республиканской формы правленія. Но въ указанныхъ предѣлахъ каждый штатъ является совершенно свободнымъ, и такимъ образомъ открывается широкое поле для крупныхъ различій въ законодательствѣ отдѣльныхъ штатовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда является сомнѣніе — кому принадлежитъ использование права управленія, союзной власти или отдѣльному штату, — дѣло рѣшается каждый разъ въ пользу послѣдняго: ему разрѣшено все, что не воспрещено, т. е. все, что конституціей не передано категорически въ руки союзнаго управленія, принадлежитъ штатамъ. Союзная власть имѣетъ очень мало дѣла съ отдѣльными штатами: всѣ они, какъ отдѣльные кольца, вращаются вокругъ своихъ собственныхъ центровъ внутри большаго союзнаго кольца, обхватывающаго ихъ. Каждый отдѣльный штатъ есть созданіе его гражданъ, которые одни только имѣютъ право разбираться въ своихъ дѣлахъ; если они управляются дурно, допускаютъ крупныя беспорядки, устанавливаютъ непосильные налоги, бросаютъ на вѣтеръ свои доходы, плохо заботятся о своихъ школахъ и т. д., то они же сами раньше всего несутъ на себѣ всѣ вредныя послѣдствія такого управленія, а союзной власти нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла. Такой порядокъ вещей приводитъ иногда къ поразительнымъ результатамъ: въ рядомъ лежащихъ штатахъ можно видѣть иногда полную противоположность. Одинъ штатъ управляется превосходно, другой — какъ нельзя хуже; для однихъ и тѣхъ же гражданскихъ отношеній (напр., бракъ, разводъ) существуютъ самыя разнообразныя опредѣленія въ различныхъ штатахъ, — и то единство права во всѣхъ частяхъ государства, которое является въ нашихъ глазахъ основнымъ условіемъ упорядоченія гражданскихъ отношеній, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки осуществляется лишь мало по малу, и не потому, чтобы на отдѣльные штаты производилось какое нибудь давленіе въ этомъ смыслѣ, а просто потому, что такое единство оказывается выгоднымъ для нихъ.

На дѣлѣ управление штатами организовано всюду почти одинаково. Конституціи тринадцати старѣйшихъ штатовъ развились изъ старыхъ колониальныхъ конституцій, а вновь вступившіе въ Союзъ штаты выработали себѣ конституціи уже по имѣющимся образцамъ. Эти конституціи обыкновенно содержатъ раньше всего указанія на границы штата, общія положенія о

гражданскихъ вольностяхъ, устройство правительства штата, затѣмъ различныя опредѣленія, касающіяся управления штата, наконецъ постановленія относительно измѣненія или дополненія конституціи. Эти конституціи отдѣльныхъ штатовъ далеко не обладаютъ той прочностью и продолжительностью, какую мы видѣли въ конституціи Союза: они часто обновляются и перерабатываются, и при этомъ обыкновенно сфера могущества народнаго представительства ограничивается, а компетенція непосредственно отъ народа избираемыхъ гражданъ расширяется. Кромѣ того, во многихъ новыхъ конституціяхъ, отдѣльные штаты занимаютъ боевое положеніе противъ акціонерныхъ компаній и монополій, особенно же противъ развращающаго вліянія профессиональныхъ политиковъ.

Во главѣ управленія штатомъ стоитъ губернаторъ съ вице-губернаторомъ и нѣсколькими чиновниками, въ числѣ которыхъ обыкновенно находится секретарь штата, нѣсколько чиновниковъ финансоваго вѣдомства, прокуроръ, комисиіи по школьному, санитарному дѣлу и общественнымъ работамъ штата. Всѣ эти чиновники назначаются непосредственно избирателями на сроки отъ одного до пяти лѣтъ; губернаторъ по общему праву избирается на два года. Всѣ штаты передаютъ свою законодательную власть двумъ представительнымъ собраніямъ — сенату и палатѣ представителей, которые вмѣстѣ образуютъ конгрессъ своего штата. Избирательные округа сенаторовъ бывають вдвое или втрое больше депутатскихъ округовъ, поэтому сенатъ соотвѣтственно меньше второй палаты. Срокъ полномочія сенаторовъ долже, чѣмъ представителей, — по большей части четыре года, — и въ большинствѣ штатовъ сенатъ при каждаыхъ выборахъ обновляется лишь отчасти, такъ что за нимъ сохраняется то же постоянство состава, какое мы видѣли у союзнаго сената. Продолжительность сессій урегулирована конституціей каждаго штата и рѣдко гдѣ превышаетъ пять мѣсяцевъ.

Пассивное избирательное право въ различныхъ штатахъ связано съ различными условіями, даже активное не всюду организовано одинаково: такъ напр., Родъ-Эйландъ устанавливаетъ небольшой имущественный налогъ, а большинство штатовъ имѣетъ избирательную таксу въ одинъ-два доллара. Всѣ чиновники штатовъ — за исключеніемъ развѣ завѣдующихъ школьнымъ дѣломъ или общественными постройками — оплачиваются, но, конечно, соотвѣтственно ниже союзныхъ чиновниковъ, хотя губернаторы большихъ штатовъ получаютъ очень значительное жалованье.

Управленіе штата помѣщается обыкновенно не въ столицѣ или самомъ большомъ его городѣ, а въ одномъ изъ мелкихъ

мѣстечекъ (напр. Альбани въ штатѣ Нью-Йоркъ, Гаррисбургъ въ Пенсильваніи и т. д.). Это должно предохранить законодателей отъ развращающаго вліянія большихъ городовъ, но зато дѣлаетъ невозможнымъ участіе въ законодательныхъ собраніяхъ многихъ даровитыхъ политиковъ, которыхъ удерживаетъ въ городахъ ихъ дѣятельность. Рядомъ съ конгрессомъ и чиновниками всюду стоятъ судьи штата, по большей части назначаемые на общихъ выборахъ и притомъ на опредѣленные сроки; поэтому среди нихъ находится сравнительно меньше дѣльныхъ людей, чѣмъ въ составѣ созныхъ судовъ.

Въ общемъ отдѣльные органы управленія штатовъ функционируютъ также, какъ соотвѣтственные органы союзнаго правительства. Губернаторъ и его чиновники представляютъ исполнительную власть; онъ имѣетъ право veto въ своемъ конгрессѣ, которое, однако, можетъ потерять свою силу посредствомъ вторичнаго голосованія; онъ долженъ блюсти за общественнымъ порядкомъ, и потому онъ состоитъ также командиромъ милиціи штата. Въ конгрессѣ вырабатываются законы штата, утверждаются текущіе расходы, устанавливаются налоги, регулируются долги штата — впрочемъ, послѣднее не всегда, потому что нѣкоторые штаты, особенно на югѣ, просто-напросто отrekliсь (repudiated) отъ своихъ черезчуръ разросшихся долговъ, иными словами — обанкрутились. Настоящая работа конгресса и здѣсь производится въ комисіяхъ, и вся его дѣятельность встрѣчаетъ тѣ же затрудненія, вызываетъ тѣ же возраженія, какія мы нашли у союзнаго конгресса. Однако здѣсь легче помочь дѣлу, потому что легче отнестись къ непосредственному сужденію избирателей и легче улучшить конституцію.

Принципъ самоуправленія отъ штатовъ переходитъ къ болѣе мелкимъ общинамъ, ихъ составляющимъ, будь это сельскіе округа (town) или графства (county). Общія опредѣленія по этому поводу содержатся въ конституціи штата, измѣненія производитъ конгрессъ штата. Къ сожалѣнію, послѣднему предоставлено по большей части и право организовать управленія городовъ штата: такъ, кучка законодателей, собирающихся въ Альбани, даетъ могущественному городу Нью-Йорку свой порядокъ управленія и можетъ измѣнять его по произволу, а нью-йоркскіе граждане имѣютъ возможность вліять на организацію своего управленія лишь черезъ своихъ представителей въ конгрессѣ штата. А конституція каждаго штата обыкновенно сильно ограничиваетъ представительство городовъ, чтобы не задѣть интересовъ сельскаго населенія. Но такъ какъ управленіе большихъ городовъ распоряжается очень значительными суммами налоговъ, то вышательство конгресса въ городскую администрацію открываетъ широкое поле для подкуповъ и всевозмож-

ныхъ правонарушеній. Лишь въ самое послѣднее время американцы, искуганные кричащими злоупотребленіями, стали пытаться устранить такое вмѣшательство и съ большей самостоятельностью избирать городское управленіе, особенно же мэровъ. Мелкія общественныя единицы штата сами блюдутъ за всѣми дѣлами своего округа, именно устраиваютъ общественныя дороги, школы, ведутъ санитарный надзоръ, устанавливаютъ общинные налоги и т. д. Въ опредѣленное время граждане сходятся въ собранія (meetings), на которыхъ обсуждаются всѣ эти дѣла и избираются общинные чиновники. Въ городахъ рядомъ съ бургомистромъ избирается родъ общиннаго совѣта (board of aldermen), вѣдающій дороги, общественныя работы города и т. п. Но онъ часто состоитъ изъ профессиональныхъ политиковъ низшаго сорта и способенъ на всякія злоупотребленія.

Доходы Союза со временъ сильнаго уменьшенія союзнаго долга образуются исключительно лишь изъ пошлинъ и нѣкоторыхъ потребительныхъ налоговъ. Но штаты, города и общины взимаютъ черезъ оплачиваемыхъ чиновниковъ прямыя налоги и притомъ, какъ и въ Европѣ, всѣ роды налоговъ вмѣстѣ. Штатъ оплачиваетъ своими налогами законодательныя собранія, своихъ чиновниковъ, добровольную милицію, поддерживаетъ университеты, тюрьмы, сумасшедшіе дома и другія учрежденія штата, назначаетъ субсидіи для начальныхъ школъ и выплачиваетъ проценты по долгамъ штата. Въ 1880 году долги всѣхъ штатовъ равнялись 250 милліонамъ долларовъ—325 мил. руб.; но они постоянно уменьшаются, а отдѣльные штаты обезпечили себя отъ ихъ чрезмѣрнаго увеличенія установленіемъ опредѣленнаго максимума своихъ долговъ.

Налоги штата невысоки сравнительно съ налогами, которые взимаютъ со своихъ гражданъ города и сельскія общины, имѣющія опять таки свои собственные долги; къ особенно сильному обложенію вынуждаютъ школы, и часто устанавливаются налоги исключительно въ пользу школьнаго округа. Всѣ налоги — подоходные, за исключеніемъ немногихъ, — уплачиваемыхъ за особыя льготы, напр., за право продажи спиртныхъ напитковъ; это ведетъ, конечно, къ крупнымъ несправедливостямъ, потому что очевидное, дѣйствительное имущество всегда будетъ обложено налогомъ, тогда какъ состояніе, заключающееся въ цѣнныхъ бумагахъ, акціяхъ, долговыхъ обязательствахъ и т. д., чрезвычайно часто ускользаетъ отъ контроля. Такимъ образомъ какъ разъ самые состоятельные граждане оказываются въ неравномерно болѣе льготномъ положеніи, потому что недобросовѣстность при показаніи своего имущества все увеличивается, и обходы налоговъ учащаются. Поэтому въ нѣкоторыхъ штатахъ, напр. въ Массачузетсѣ, принялись за мѣропріятія, из-

вѣстныя и въ западной Европѣ: тамъ налоги повышаются съ году на годъ до тѣхъ поръ, пока плательщикъ не доставитъ подкрѣпленной присягою описи своего имущества. Однако желательные результаты до сихъ поръ не достигнуты вполне, и этого зла не могли умѣрить и комисіи, учрежденныя штатами специально для равномернаго распредѣленія налоговъ. Отдѣльные штаты опредѣляютъ высшій размѣръ подоходнаго налога, напр., въ $\frac{1}{2}$ процента, но за всѣмъ тѣмъ на населеніи лежитъ еще значительная тяжесть, которая въ новыхъ штатахъ больше, чѣмъ въ старыхъ, потому что первые должны производить множество расходовъ на первоначальное устройство: на дороги, на желѣзнодорожныя субсидіи, общественныя постройки и т. д.—расходовъ, которыхъ не несутъ послѣдніе штаты.

III

Слѣдя за развитіемъ американскаго государственнаго устройства, мы ясно видимъ его главнѣйшее теченіе: вліяніе самого народа на управленіе государствомъ становится все болѣе непосредственнымъ, рѣшительный голосъ въ политическихъ дѣлахъ все болѣе переходитъ къ волѣ народа. Замѣщеніе всѣхъ должностей Союза и штатовъ, производившееся прежде путемъ посредственныхъ выборовъ, измѣнило свой характеръ именно въ этомъ направленіи — начиная съ президента и сенаторовъ Союза и кончая чиновниками отдѣльныхъ штатовъ. Эта же тенденція видна и въ другихъ областяхъ государственной жизни страны. Законодательныя собранія ограничены въ своей дѣятельности, становятся все болѣе зависимыми отъ взглядовъ народа, при короткомъ срокѣ своихъ полномочій все рѣже отваживаются самостоятельно рѣшать важные вопросы и предпочитаютъ подождать, пока ближайшіе выборы дадутъ имъ возможность узнать мнѣніе народа. Союзная конституція, какъ и конституціи штатовъ, демократизируются все сильнѣе; правительство исходитъ изъ народа, какъ и работаетъ въ пользу народа. Правда, въ большихъ городахъ стремятся довѣрить ответственное управленіе небольшому числу чиновниковъ; но это — не исключеніе изъ общаго правила, а лишь актъ самозащиты противъ развращающей дѣятельности профессиональныхъ политиковъ.

Но чтò приводитъ народныя массы въ движеніе? какія силы движутъ весь этотъ громаднй организмъ? — раньше всего *partii*.

Когда основывался союзъ, никакихъ партій не было; но онѣ появились очень скоро и оставались въ однихъ и тѣхъ же рамкахъ вплоть до гражданской войны. Въ основаніи этихъ пар-

тѣмъ лежало отношеніе различныхъ штатовъ къ Союзу. При своемъ основаніи Союзъ встрѣтилъ сильное сопротивление отдѣльныхъ штатовъ, которые желали уступить союзному правительству по возможности меньшую долю своей суверенности, были очень ревнивы къ своимъ правамъ и опасались ущерба въ своихъ частныхъ интересахъ. Тогда среди выдающихся дѣятелей страны наплась группа людей, съ Александромъ Гамильтономъ, Джономъ Адамсомъ и др. въ главѣ, которая, путемъ усиленія центральной власти на счетъ правъ отдѣльныхъ штатовъ, стремилась ввести порядокъ въ разстроенные финансы Союза, установить прочное представительство за его предѣлами и поднять общее благосостояніе страны; они назвались *федералистами*. Съ другой стороны, вокругъ Томаса Джефферсона, воспитаннаго на французскихъ идеяхъ, образовалась вторая группа, названная *республиканцами*, которая въ усиленіи союзнаго авторитета видѣла грядущую тираннію, начало монархіи, и потому съ большимъ жаромъ отстаивала суверенныя права штатовъ. Эта партія одержала побѣду, благодаря избранію въ 1800 году Джефферсона на президентскій постъ, — хотя онъ именно впоследствии, при покупкѣ Луизианы, довелъ свою власть до такихъ предѣловъ, о которыхъ не смѣлъ и подумать ни одинъ изъ его преемниковъ. Федералисты мало по малу разбрелись и исчезли, но руководящій ихъ принципъ воплотился въ партіи „виговъ“. Подъ влияніемъ все болѣе и болѣе выдвигавшагося на первый планъ вопроса о рабствѣ въ южныхъ штатахъ, становилось все важнѣе точное установленіе отношеній между отдѣльными штатами и союзною властью. Рабовладѣльцы и защитники рабовладѣнія естественно оказались на сторонѣ возможной большей автономіи штатовъ, потому что лишь при такомъ условіи являлась возможность отстоять существованіе этого „великаго учрежденія“ отъ нападокъ союзнаго авторитета; они толковали конституцію по ея буквальному смыслу (*strict constructionists*), между тѣмъ какъ „виги“, составлявшіе большинство населенія сѣверныхъ и среднихъ штатовъ, выводили смыслъ этого документа по общему его духу (*loose constructionists*). Гражданская война рѣшила споръ въ пользу центральной власти. Послѣ этой катастрофы старинная борьба длилась еще нѣкоторое время, причемъ *республиканцы*, т. е. уніонисты, и *демократы*, т. е. приверженцы автономіи штатовъ или сепаратисты, спорили о вліяніи союзной власти на восстановленіе въ южныхъ штатахъ упорядоченныхъ отношеній между гражданами. Теперь этотъ вопросъ разрѣшенъ, поскольку это зависитъ отъ законодательной власти, и взаимное отношеніе бѣлой и цвѣтной расъ на югѣ Союза должно развиваться дальше уже само собой.

Съ расширеніемъ союзной власти названія партій, да и сами

партіи потеряли мало по малу свое содержаніе и значеніе, и продолжаютъ существовать лишь въ видѣ историческихъ остатковъ, да еще потому, что существованіе ихъ нужно профессиональнымъ политикамъ. Вопросы, стоящіе на очереди въ настоящее время, представляютъ главнымъ образомъ экономической интересъ, и обѣ партіи могутъ обсуждать ихъ совместно, не стѣсняясь раздѣляющими ихъ политическими границами. Среди республиканцевъ есть защитники и свободной торговли, и покровительственныхъ пошлинъ; то же самое относится и къ демократамъ, — хотя покровительственныя пошлины должны бы рассчитывать главнымъ образомъ на первыхъ, а свободная торговля — на вторыхъ.

По численности своей эти двѣ главнѣйшія партіи страны неособенно разнятся другъ отъ друга. Когда разразилась гражданская война, въ территоріи, оставшейся вѣрною Союзу, долгое время первенство было на сторонѣ уніонистскихъ республиканцевъ; но по окончаніи войны, вслѣдствіе плохого хозяйства республиканцевъ, демократы опять усилились; на президентскихъ выборахъ 1876 года (Гейсъ противъ Тильдена) они фактически одержали побѣду, хотя и не воспользовались ея плодами; въ 1884 году ихъ кандидатъ Клевелендъ былъ избранъ президентомъ и онъ же на выборахъ 1888 года получилъ большинство голосовъ народныхъ избирателей, хотя голоса электоровъ раздѣлились не въ его пользу. Причина такого страннаго явленія заключается въ томъ, что правильное отношеніе между количествомъ народонаселенія и числомъ электоровъ теперь нарушена: въ нѣкоторыхъ большихъ штатахъ республиканцы и демократы располагаютъ почти одинаковыми силами, тогда какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ меньшей величины республиканцы являются господствующей партіей; поэтому ни при однихъ выборахъ нельзя заранѣе точно предсказать побѣду, — это обстоятельство должно напоминать господствующей въ каждый данный моментъ партіи о необходимой осторожности.

Мало по малу главнѣйшія партіи страны превратились въ замкнутыя организациі, одновременно съ появленіемъ *профессиональныхъ политиковъ*. Президентъ Андрю Джексонъ (1829—1837) первый произнесъ формулу, что добыча принадлежитъ побѣдителю (to the victor belong the spoils), т. е. что союзныя должности должны замѣщаться членами партіи, побѣдившей на президентскихъ выборахъ; вслѣдствіе этого правила установился такой порядокъ, что при смѣнѣ господствующей партіи, и даже при смѣнѣ президента, измѣняется весь составъ союзныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ была создана почва для появленія профессиональныхъ политиковъ. Правда, она

сдѣлались необходимы и по другимъ причинамъ. Теоретически, каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ былъ принимать участіе во всѣхъ выборахъ, происходившихъ въ его округѣ, и въ подготовительныхъ къ нимъ работахъ. Но этихъ выборовъ слишкомъ много: президентъ, союзный конгрессъ, конгрессъ штата, чиновники штата, городскіе и общинные чиновники; иногда выборы скопляются въ такомъ количествѣ, что становятся положительно тягостны для населенія. Дѣятельность американца направлена къ добыванію новыхъ цѣнностей, къ зарабатыванію денегъ, и притомъ съ такимъ усердіемъ, что у него уже не остается свободнаго времени относиться къ своимъ обязанностямъ на всѣхъ этихъ выборахъ, какъ слѣдуетъ, т. е. слѣдить за тѣмъ, чтобы голосъ народа всюду выразился точно и правильно. Небрежность, недостаточное участіе избирателей дѣлаютъ необходимыми посредниковъ, которые взяли бы на себя организаторскую работу для партій. Такими посредниками и явились профессиональные политики.

Ихъ дѣятельность слагается слѣдующимъ образомъ. Каждая изъ двухъ большихъ партій страны имѣетъ вполне выработанную, до послѣднихъ мелочей, организацію выборовъ. Основу ея составляютъ собранія народныхъ избирателей (*primary meetings*). Профессиональные политики того или другаго избирательнаго округа соединяются въ одно общество; они знаютъ всѣхъ приверженцевъ своей партіи въ предѣлахъ округа, ведутъ списки тѣмъ, которыхъ они считаютъ безусловно вѣрными ихъ партіи, и созываютъ на предварительныя собранія исключительно этихъ гражданъ и никого больше. На этихъ сходкахъ выбираютъ представители, которые собираются передъ ближайшими выборами штата, чтобы согласиться другъ съ другомъ и предложить кандидатовъ своей партіи. Такъ какъ народные избиратели — какъ республиканцы, такъ и демократы — высказываются на избирательныхъ собраніяхъ за тѣхъ кандидатовъ, которые будутъ предложены имъ по соглашенію выше названныхъ представителей округовъ, то фактически выборы чиновъ штата и дальше, до союзныхъ чиновъ, всецѣло зависятъ отъ политиковъ, которые руководятъ собраніями окружныхъ представителей. Такое руководство требуетъ отъ профессиональныхъ политиковъ непрерывной дѣятельности, они вѣчно заняты заботою держать своихъ вѣрныхъ приверженцевъ въ хорошемъ настроеніи, т. е. въ готовности поддержать кандидатовъ партіи. Наградой этимъ политикамъ, развившимъ свою профессію въ истинное искусство, служатъ отчасти разныя должности, выпадающія на ихъ долю, отчасти денежныя суммы, выплачиваемыя имъ кандидатами за прибыльные мѣста, отчасти наконецъ неправильное расходованіе общественныхъ денегъ,

выдаваемыхъ имъ на потребности выборовъ. Разумѣется, они могутъ вести дѣла лишь съ вѣрными приверженцами партіи; люди, имѣющіе самостоятельный взглядъ на предложенныхъ имъ кандидатовъ, могутъ быть опасны, и ихъ надо держать вдали отъ выборовъ, по крайней мѣрѣ отъ подготовительныхъ выборовъ представителей. Такимъ образомъ эти выборы все болѣе и болѣе выражаютъ мнѣніе не всей партіи, а лишь той ея части, которая занимается организаціей выборовъ по своей профессіи. Главную роль на выборахъ играетъ не то обстоятельство, годятся ли на ту или другую должность предлагаемые кандидаты, а ихъ покорность планамъ профессиональныхъ политиковъ. А, съ другой стороны, лица, избранныя на ту или другую должность, рѣдко приносятъ съ собой необходимыя для своего новаго положенія знанія и очень часто добиваются мѣста лишь для того, чтобы вернуть затраченныя на выборы деньги и, сверхъ того, отложить про запасъ еще малую толику. Такимъ образомъ открывается широкій просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ по общественнымъ должностямъ.

Какими мѣрами можно противодѣйствовать этому злу, кладущему свою печать на все управление страны, отъ мельчайшихъ городскихъ должностей до президентскаго поста? Раньше всего слѣдовало бы установить такой порядокъ, чтобы различныя должности не раздавались въ награду членамъ той или другой партіи за оказанныя ей политическія услуги, а, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, замѣщались лицами, специально подготовленными для того или иного рода дѣятельности, и чтобы лица эти занимали свои мѣста до тѣхъ поръ, пока они въ состояніи исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности. Этого же требуютъ и тѣ независимыя американскіе политики, которые думаютъ, что стоитъ отнять у профессиональныхъ политиковъ ихъ добычу, чтобы совершенно уничтожить это сословіе. Въ такомъ именно смыслѣ они и хотятъ реформировать свое чиновничество (*civil service*). Однако для проведенія такой реформы они встрѣчаютъ множество препятствій. Въ американскомъ народѣ до сихъ поръ еще очень широко распространено мнѣніе, унаслѣдованное ими отъ давнопрошедшихъ временъ, что для занятія какой нибудь должности вообще нѣтъ нужды въ специальной подготовкѣ, и даже многіе вполне почтенные граждане считаютъ совершенно справедливымъ, что жалованье отъ Союза и штатовъ, благодаря смѣнѣ чиновниковъ (*rotation of offices*), выпадаетъ на долю большаго числа претендентовъ. Многіе американцы еще и донныи сохранили боязнь передъ господствомъ чиновничьей аристократіи; вѣдь до сихъ поръ еще здѣсь найдутся люди, которые, несмотря на весь опытъ перваго столѣтія

жизни Союза, видят опасность для республики в лицѣ президента, нынѣ сильно ограниченнаго въ своей власти, и страстно желаютъ упраздненія этой высшей союзной должности. Поэтому нечего удивляться, если призракъ чиновничьей іерархіи кружить въ Америкѣ доврчивыя головы.

Но еще важнѣе другое обстоятельство. Чтобы убить значеніе профессиональныхъ политиковъ, раньше всего граждане Союза должны питать настолько большой интересъ къ чистотѣ своего управленія, чтобы избиратели взяли на себя, по доброй волѣ и безъ помощи предварительныхъ сходокъ (primary meetings), подготовленіе выборовъ, назначеніе кандидатовъ и т. д. Профессиональные политики окажутся ненужными лишь въ томъ случаѣ, если всю эту работу будутъ производить сами избиратели. Но въ настоящее время до такого положенія вещей еще далеко. Реформа въ замѣщеніи должностей (civil service reform) останется открытымъ вопросомъ все время, пока американская промышленность будетъ оплачивать вложенный въ нее трудъ такъ высоко, что лучшіе граждане страны будутъ отдавать ей всѣ свои силы, предоставляя другимъ менѣе прибыльную политическую дѣятельность. Къ тому же массы эмигрантовъ, прибывающихъ сюда въ настоящее время, очень легко и скоро попадаютъ въ руки профессиональныхъ политиковъ, которые вертять ими вполнѣ по своему произволу, особенно въ большихъ городахъ. Когда прекратится такой порядокъ вещей, когда американская промышленность потеряетъ характеръ спекуляціи и войдетъ въ спокойную колею, — тогда у профессиональныхъ политиковъ не будетъ подъ ногами почвы. А до тѣхъ поръ придется мириться съ ними: вѣдь стремленія американцевъ къ реформѣ обязаны своими теперешними успѣхами лишь тому обстоятельству, что обѣ главныя партіи страны во многихъ мѣстахъ Союза совершенно уравновѣшиваютъ другъ друга, и маленькая группа независимыхъ избирателей достаточно дорога обѣимъ этимъ партіямъ, которыя наперерывъ стараются приобрѣсти на выборахъ ихъ голоса обѣщаніемъ поддерживать ихъ требованія.

Итакъ, мы видѣли, что управленіе Соединенныхъ Штатовъ страдаетъ многими недостатками, которыя нелегко будетъ искоренить; но все же каждый безпристрастный человекъ долженъ согласиться съ американцами, что ихъ конституція, все устройство и дѣятельность ихъ правительства или правительствъ съ честью выдержали испытаніе. Положеніе, которое въ Европѣ, съ ея болѣе тяжелыми экономическими и иными условиями, повело бы къ невыносимымъ тяготамъ, — съ такимъ положеніемъ здѣсь еще можно мириться. Общее оживленіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, проявившееся уже давно и до сихъ

порь еще все возрастающее, значительно облегчает это положение: такъ какъ каждый, кто умѣетъ работать, можетъ заработать деньги, то личные интересы здѣсь сталкиваются рѣдко. Вещи, занимать которыми пока нѣтъ возможности, оставляютъ идти по прежнему; если дѣло пойдетъ плохо, если вредъ отъ его неустройства скажется слишкомъ сильнымъ, то всегда можно принять противъ него надлежащія мѣры. Американскіе граждане и въ будущемъ рассчитываютъ на счастливый случай, не оставлявшій до сихъ поръ Соединенныхъ Штатовъ. „Со временемъ все попадетъ въ настоящую колею“, думаютъ здѣсь — потому что американцы нерушимо вѣрятъ въ то, что въ республикѣ, при господствѣ народа, лечебныя средства противъ всякаго зла, вытекающаго изъ народа, должны исходить изъ того же народа. И потому здѣсь не торопятся искоренять имѣющееся въ наличности зло. Этого и не требуется отъ законодателей и народныхъ представителей: имъ нечего быть умнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ самъ народъ. Собственно народъ и царствуетъ здѣсь, и все управление исполняется лишь его органами. Отсюда и вытекаетъ общераспространенное въ Соединенныхъ Штатахъ и глубоко укоренившееся здѣсь уваженіе къ большинству во всѣхъ политическихъ столкновенияхъ. Здѣсь храбро бьются за успѣхъ, не теряютъ мужества послѣ поражения, но раньше всего подчиняются результатамъ выборовъ. Лучшимъ доказательствомъ такого отношенія къ мнѣнію большинства можетъ послужить отступление побѣдоносной демократической партіи въ 1876 году, когда у нея, помощью всевозможныхъ уловокъ и происковъ, но съ соблюденіемъ виѣшней законности, былъ отнятъ слѣдующій ей призъ — президентскій постъ. Немного поменьше добродушія съ ея стороны — и споръ перешелъ бы въ новую гражданскую войну.

Но добродушіе — отличительная черта характера американскаго народа; эта дѣятельная нація терпѣливо сноситъ много несправедливостей, прежде чѣмъ соберется покончить съ обидчикомъ. Въ этомъ отношеніи сильно грѣшатъ противъ нея и профессиональные политики. Замѣчательно при этомъ, что американскіе граждане терпятъ очень сильное вмѣшательство законодательства въ свои частныя дѣла: по этому поводу Брайсъ приводитъ въ своей книгѣ, въ очень поучительной таблицѣ, разницу между Англіей и Соединенными Штатами (рабочій вопросъ, фальсификація жизненныхъ припасовъ и т. д.), откуда видно, что отдѣльные штаты Союза дѣйствительно въ гораздо большей степени играютъ роль провидѣнія для народа, чѣмъ это можно было бы предполагать, судя по демократическому характеру ихъ конституцій.

Если принять во вниманіе, сколько усилій, физическихъ и

нравственных, вложил американскій народъ въ проведение своей великой цивилизаторской задачи, — по неволѣ придется быть снисходительнымъ ко всѣмъ недостаткамъ американской общественной жизни, къ недостойному тону ея политики, къ безучастію многихъ образованныхъ людей въ области ея государственныхъ интересовъ, къ ея расточительному и нерѣдко беспорядочному управленію, и мн. др. Во всемірной исторіи нѣтъ втораго примѣра такого подвига, какъ цивилизація этихъ необозримыхъ земель, протянувшихся черезъ весь материкъ, отъ моря до моря, въ короткій періодъ одного столѣтія. И при этомъ страшномъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ американская демократія выказала такія качества, которыя невольно вызываютъ уваженіе къ ней: ея правительство гораздо устойчивѣе, чѣмъ можно было ожидать, ходъ политическихъ перемѣнъ очень спокоенъ, уваженіе къ закону развито повсемѣстно, несмотря на нѣкоторую неустойчивость населенія, особенно въ западныхъ и южныхъ штатахъ; общее политическое образованіе сравнительно гораздо выше, чѣмъ въ западной Европѣ, и глубже проникаетъ въ самые низшіе слои населенія; поэтому американская республика, собравъ всѣ свои силы, можетъ создать величайшія дѣла. Мы стоимъ еще слишкомъ близко къ эпохѣ четырехлѣтней гражданской войны, чтобы правильно оцѣнить ея историческое значеніе, но нѣтъ сомнѣній, что передъ судомъ будущаго многія катастрофы современной европейской исторіи покажутся ничтожными рядомъ съ этой гигантской борьбой.

Теперь нельзя еще очертить задачъ, предстоящихъ въ будущемъ Соединеннымъ Штатамъ. Имъ не удастся избѣжать сильныхъ потрясеній, которыя должны оказаться послѣдствіемъ социальныхъ движеній настоящаго времени, потому что накопленіе богатствъ въ отдѣльныхъ пунктахъ Союза вскорѣ получитъ себѣ противовѣсъ въ видѣ воцаренія пауперизма въ тѣхъ же самыхъ или какихъ либо другихъ его пунктахъ. Распредѣленіе свободныхъ земель скоро придетъ къ концу, но притязанія на нихъ не уничтожаются, — и стоитъ вспомнить картину занятія Оклегомы, чтобы не сомнѣваться въ необходимости энергическаго дѣйствія союзной власти для подавленія страсти къ наживѣ. Еще важнѣе вопросъ — удастся ли Соединеннымъ Штатамъ и въ будущемъ попутить къ общей работѣ на пользу Союза центральныя силы, проявляющіяся въ совершенно исключаящихъ другъ друга центрахъ различныхъ интересовъ: стоитъ только вспомнить промышленные штаты Новой Англии, выпящій неграми югъ, далекіе тихо-океанскіе штаты. Брайсі, повидимому, не ждетъ въ этомъ отношеніи бѣды, онъ даже особенно налагаетъ на однообразность жизни въ различныхъ

американскихъ городахъ, мѣшающую путешественнику найти существенную разницу между Чикаго или Цинцинатти, или Сентъ-Полеми (Миннесота), или Портлендомъ (Орегонъ). Это замѣчаніе совершенно вѣрно; однако оно не относится къ обширнымъ заселеннымъ землямъ вообще. Еслибы общественное образованіе и дѣятельность и были въ силахъ положить на опредѣленное время извѣстный однообразный лакъ по всей территоріи Союза, онъ не могъ долго держаться: различія, основанныя на составѣ населенія, на свойствахъ почвы и климата, разрушатъ этотъ поверхностный слой и будутъ развиваться самостоятельно. Въ гостиницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ судахъ, конечно, замѣчается отчасти эта однообразность; но въ американской литературѣ, которая и до сихъ поръ еще не представляетъ обще-національнаго интереса, ясно выступаютъ впередъ мѣстныя краски и особенности.

Поэтому величайшимъ испытаніемъ живучести американскаго государственнаго устройства надо признать вопросъ, удастся ли Союзу ассимилировать въ будущемъ испанцевъ, негровъ, китайцевъ и прочую смѣсь народовъ его населяющихъ, какъ ему удалось это сдѣлать съ нѣмцами и ирландцами. Извѣстно, что романскіе выходцы на югъ и западъ Союза оказываютъ сильнѣйшее сопротивленіе этому единообразію. Въ Америкѣ повторяется старый фактъ, извѣстный и въ Европѣ: болѣе старая культура побѣждаетъ болѣе молодую. Потому-то дальновидные американцы и не торопятся подумывать о расширеніи своихъ владѣній на счетъ Канады и Мексики: и тамъ, и тутъ имѣется уже своеобразная цивилизація съ совершенно выработанными особыми формами въ жизни и политикѣ, которыя не такъ-то легко будетъ согнуть и подчинить организму Соединенныхъ Штатовъ.

Отъ будущаго Америки вернемся, однако, къ ея настоящему. Излишнее указывать, какъ поучительно современное развитіе великой американской республики для европейскихъ политиковъ — больше того, для всякаго, кто интересуется общимъ прогрессомъ культурныхъ народовъ. Очевидно, что отношенія между Европою и Америкой становятся все опредѣленнѣе, влияние этихъ могущественныхъ культурныхъ областей другъ на друга выражается все интенсивнѣе. Поэтому трудъ въ родѣ сочиненія профессора Брайса заслуживаетъ глубокой благодарности всего образованнаго міра, ибо вмѣсто общаго полужананія онъ даетъ точныя опредѣленные свѣдѣнія, вмѣсто ничего незначащихъ фразъ — основательное сужденіе о предметѣ.

ФОРУМЪ

Базами бѣлѣя,
Яркая аллея
Выситя колоннѣ.
Многолюдный форумъ
Бойкимъ разговоромъ
Тѣшитъ гистріонѣ.
Зноенѣ, быстрѣ и пылокъ,
Изъ цвѣтныхъ носилокъ
Жжетъ римлянки взглядѣ...
Тамъ съ улыбкой лести
Весь въ эффектномъ жестѣ
Виденъ адвокатъ;
Тамъ суровый стоикъ,
Врагъ ночныхъ попоекъ,
Наслажденій врагъ —
Мудрымъ Эпиктетомъ,
Персіемъ-поэтомъ
Дышитъ каждый шагъ —
Молчаливый, строгій,
Небогатой тогой
Скромно облеченъ,
И на мраморъ статуи
И на домъ богатый
Хмуро смотритъ онѣ...

Жарко... Въ знойномъ блескѣ
Горельефы, фрески—
И среди гирляндъ
Болтовней и споромъ
Полонъ людный форумъ,
Мраморный гигантъ...

В. Лебедевъ

ДЕНЬГИ

РОМАНЪ

ЭМИЛЯ ВОЛА

ХII. Окончаніе

Когда Каролина снова вышла на улицу, она увидала Буша, занятого важнымъ совѣщаніемъ съ Мешенъ. Онъ нанялъ карету, пихнулъ въ нее Леониду и исчезъ. А Мешенъ, замѣтивъ, что Каролина спѣшитъ пройти мимо, направилась прямо къ ней. Безъ сомнѣнія, Мешенъ поджидала ее, потому что сейчасъ же заговорила о Викторѣ, зная уже подробно обо всемъ, что происходило вчера въ Домѣ трудолюбія. Съ тѣхъ поръ какъ Саккаръ отказался отъ уплаты четырехъ тысячъ франковъ, она не переставала элиться на эту потерю и изыскивала способы извлечь какую нибудь пользу изъ дѣла Сикардо. Мешенъ узнала о вчерашнемъ происшествіи, зайдя въ Домъ трудолюбія, который часто навѣщала въ надеждѣ ухватиться за какой нибудь благопріятный случай. Теперь планъ ея дѣйствій былъ выработанъ, и она заявила Каролинѣ, что немедленно отправится на поиски за Викторомъ. Несчастный ребенокъ! Было бы ужасно бросить его на произволь судьбы, предоставить его дурнымъ инстинктамъ! Надо найти его, а иначе онъ въ одно прекрасное утро очутится на скамьѣ подсудимыхъ. Покуда Мешенъ говорила это, ея маленькіе глазки, утонувшіе въ раздутыхъ щекахъ, впивались въ Каролину. Она наслаждалась, видя замѣшательство этой простодушной дамы, и уже соображала, что стоитъ только отыскать мальчишку — и опять можно будетъ вытягивать изъ нея монеты во сто су.

— Итакъ, рѣшено, говорила Мешень: — я примусь за это дѣло... Въ случаѣ, если вы захотите узнать чтонибудь, такъ не трудитесь отправляться въ такую даль, въ улицу Меркаде, а просто заходите къ Бушу, въ улицу Фейдо, гдѣ вы навѣрняка всякій день можете застать меня около четырехъ часовъ.

Каролина вернулась въ улицу Сень-Лазарь, мучимая новымъ безпокойствомъ. Этотъ Викторъ, на самомъ дѣлѣ оказавшійся чудовищемъ, блуждаетъ теперь, преслѣдуемый полиціей, и неизвѣстно, какимъ еще новымъ злодѣйствомъ удовлетворить онъ свои наслѣдственные злыя наклонности, рыская въ толпѣ, какъ кровожадный волкъ? Каролина наскоро позавтракала и наняла карету, рассчитывая успѣть еще, до пріемныхъ часовъ въ Консьержери, заѣхать на бульваръ Бино; она сгорала нетерпѣніемъ скорѣе узнать подробности вчерашняго происшествія. Дорогой, все въ томъ же возбужденномъ состояніи, ей пришла въ голову идея, всецѣло овладѣвшая ею: отправиться сначала къ Максиму, свезти его въ Домъ трудолюбія и уговорить озаботиться судьбою Виктора, который всетаки былъ ему роднымъ братомъ. Онъ одинъ, этотъ Максимъ, оставался въ настоящее время богатымъ, онъ одинъ могъ принять полезное участіе въ дѣлѣ спасенія несчастнаго мальчишки.

Но, доѣхавъ до аллеи Императрицы, войдя въ изящный вестибюль роскошнаго маленькаго отеля, Каролина почувствовала охлажденіе. Обойщики снимали обивки со стѣнъ и ковры, лакеи прилаживали чехлы къ кресламъ и къ люстрамъ; разныя вещицы, разложенныя на мебели, на этажеркахъ, издавали слабый ароматъ, точно букеты, выброшенные на другой день послѣ бала. Каролина нашла Максима въ спальнѣ, между двумя громадными чемоданами, въ которые камердинеръ укладывалъ платья своего барина, богатыя и нарядныя, точно приданое новобрачной.

Увидя неожиданную посѣтительницу, Максимъ первый заговорилъ, но очень холоднымъ, сухимъ тономъ:

— А! это вы! Вы явились очень кстати; по крайней мѣрѣ, мнѣ не надо писать къ вамъ... Я ужъ рѣшилъ, я уѣзжаю.

— Какъ, вы уѣзжаете?

— Да, сегодня же вечеромъ. Я намѣренъ отправиться въ Неаполь, гдѣ и проведу всю зиму.

Потомъ, жестомъ выславъ изъ комнаты камердинера, онъ продолжалъ:

— Что-жъ вы думаете? Приятно мнѣ, что отецъ шесть мѣсяцевъ сидитъ въ Консьержери? Я вовсе не желаю оставаться здѣсь, чтобы еще дожидаться, когда онъ будетъ фигурировать на судѣ исправительной полиціи... А я терпѣть не могу путешествій! Впрочемъ, тамъ хорошій климатъ, и я беру съ собою почти все необходимое. Можетъ быть, я и не слишкомъ соскучусь тамъ.

Каролина молча смотрѣла на безукоризненно изящнаго Максима, такого красиваго и вѣжнаго; она смотрѣла и на эти переполненные верхомъ чемоданы, куда не попало ни одной женской тряпки — ни жены, ни любовницы, но гдѣ заключалась единственно парадная обстановка эгоистическаго культа. Тѣмъ не менѣе, она всетаки рискнула заговорить о дѣлѣ:

— А я, признаться сказать, къ вамъ съ просьбой оказать мнѣ большую услугу.

И она рассказала всю исторію про Виктора — злодѣя и вора, про Виктора, убѣжавшаго изъ заведенія и способнаго теперь на всякое преступленіе.

— Намъ нельзя такъ оставить его, прибавила Каролина. — Поѣдемте со мною, употребимъ вмѣстѣ всѣ наши усилія...

Максимъ не далъ ей докончить. Блѣдный, дрожащій отъ негодованія, чувствующій, какъ будто чья-то злодѣйская грязная рука легла ему на плечо, — онъ живо заговорилъ:

— Прекрасно! Только этого недоставало!.. Отецъ — воръ, братъ — убійца... Значитъ, я опоздалъ уже, мнѣ слѣдовало уѣхать на прошлой недѣлѣ. Однако вѣдь это же отвратительно, отвратительно ставить такого человѣка, какъ я, въ подобное положеніе!

Когда же Каролина продолжала настаивать, Максимъ вышелъ изъ себя:

— Оставьте же наконецъ вы меня въ покоѣ, крикнулъ онъ. — Если вамъ такъ нравятся всѣ эти скандалы, такъ и занимайтесь ими. Я васъ предостерегалъ. Если вы теперь очутились въ скверномъ положеніи, такъ на себя пеняйте. Что касается меня, то если даже ихъ всѣхъ будутъ вѣшать у меня передъ окнами, я не шевельну пальцемъ...

Каролина встала.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте! сказала она.

— Прощайте! холодно отозвался Максимъ.

Выходя, Каролина видѣла, какъ онъ позвалъ опять камердинера и началъ внимательно слѣдить за укладкой своего туалетнаго прибора, въ которомъ каждая вещь серебряная, вызолоченная, была художественной работы, и особенно выдѣлялась умывальная чашка съ вырѣзанными на ней изображеніями амуровъ. Смотря на Максима, собиравшагося для развлечения и привольной жизни удалиться подъ ясное неаполитанское небо, Каролина живо представила себѣ фигуру другаго брата, блуждающаго въ темную ненастную ночь, голоднаго, съ ножомъ въ рукѣ, по какому нибудь отдаленному закоулку Ла-Виллеты или Шаронны. Не заключается ли въ этомъ сопоставленіи отвѣтъ на вопросъ о значеніи денегъ, на которыя приобрѣтается и воспитаніе, и здоровье, и умственное развитіе? Пусть одна и та же грязь остается на днѣ каждого человѣческаго существа, но цивилизація всетаки даетъ преимущество умѣнья держать себя и комфортабельную обстановку.

Приѣхавъ въ Домъ трудолюбія, Каролина почувствовала особенный приливъ негодованія противъ чрезмѣрной роскоши этого учрежденія. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, эти два величественныхъ флигеля, одинъ для мальчиковъ и другой для дѣвочекъ, а по срединѣ — монументальный корпусъ для администраціи? Къ чему эти сады, обширные, какъ парки, изразцовая обшивка кухонь, мраморныя столовыя, пышныя лѣстницы, широкіе коридоры, точно во дворцѣ? Къ чему вся эта грандіозная благотворительность, если она не можетъ, даже и среди этой привольной и здоровой обстановки, исправить природное уродство, сдѣлать изъ развращеннаго ребенка нормальнаго человѣка со здоровымъ умомъ и тѣломъ? Каролина тотчасъ прошла къ директору Дома и засыпала его вопросами, желая знать всѣ самыя мельчайшія подробности вчерашняго событія. Но происшествіе оставалось до сихъ поръ несовсѣмъ яснымъ; директоръ могъ только повторить то, чтó рассказала княгиня Орвьедо. Со вчерашняго дня поиски бѣглеца продолжались въ самомъ домѣ и по всей мѣстности вокругъ, но не привели ни къ какому результату. Викторъ, очевидно, былъ уже далеко и рыскалъ гдѣ нибудь по городу, въ страшныхъ темныхъ закоулкахъ. Денегъ у него, по всей вѣроятности, не было,

потому что опорожненный имъ кошелекъ Алисы заключалъ въ себѣ три франка и четыре су. Къ тому же, директоръ избѣгалъ содѣйствія полиціи въ этихъ поискахъ, чтобы не сдѣлать несчастныхъ графинь Бовилле предметомъ открытаго скандала. Каролина поблагодарила его за это и со своей стороны обѣщала, что не будетъ заявлять въ префектурѣ, несмотря на горячее желаніе узнать что нибудь о мальчикѣ. Затѣмъ, не желая уходить изъ заведенія ни съ чѣмъ, Каролина вздумала подняться въ лазаретъ и разспросить тамъ сестеръ милосердія. Но и тамъ нельзя было узнать ничего опредѣленнаго, и Каролина удовольствовалась только нѣсколькими минутами глубокаго успокоенія въ маленькой тихой комнаткѣ, отдѣлявшей спальню мальчиковъ отъ спальни дѣвочекъ. Веселый шумъ еле слышно доносился туда; это былъ часъ рекреаціи, и Каролина почувствовала себя неправой относительно бесполезности чистаго воздуха, благосостоянія и труда въ дѣлѣ исправленія больныхъ существъ. Между этими дѣтьми несомнѣнно были такія, изъ которыхъ выростутъ здоровые и сильные люди. Если и попадется одинъ негодяй на четырехъ или на пять человѣкъ нормальной нравственности, — то это будетъ еще очень хорошо, принимая во вниманіе случаи, ухудшающіе или смягчающіе наслѣдственные пороки.

Оставленная на мгновеніе дежурною сестрою милосердія наединѣ, Каролина подошла къ окну, чтобы посмотрѣть на дѣтей, играющихъ во дворѣ, какъ вдругъ ее привлекли мелодичные голоса маленькихъ дѣвочекъ, донесшіеся изъ соседней лазаретной комнаты. Дверь туда была полуоткрыта, и такимъ образомъ Каролина могла наблюдать ихъ, не будучи сама замѣченною. Этотъ свѣтлый лазаретъ съ бѣлыми стѣнами былъ очень веселой комнаткой съ четырьмя кроватями подъ бѣлыми же пологами. Широкій солнечный лучъ золотилъ бѣлизну комнатки, и кровати выглядели цвѣтущими лиліями въ оранжереинномъ теплѣ. На первой кровати слѣва Каролина узнала сейчасъ же Маделену, ту самую дѣвочку, которая находилась въ числѣ выздоравливающихъ и ѣла тартинки съ вареньемъ въ день поступленія Виктора. Дѣвочка часто хворала; организмъ ея былъ подточенъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ; она была малокровна, худощава и блѣдна, и своими не по возрасту умными большими глазами напоминала изображенія юныхъ мученицъ на ико-

нахъ. Ей было тринадцать лѣтъ, и она была уже одинока на свѣтѣ, потому что мать ея умерла отъ удара ногой въ животъ, нанесеннаго ей однимъ изъ возлюбленныхъ въ пьяномъ видѣ; этотъ господинъ рѣшительно отказывался уплатить шесть су, обѣщанныя по предварительному условію. Маделена, въ длинной бѣлой рубашкѣ, стояла на колѣняхъ на своей кровати; бѣлокурые волосы ея разсыпались по плечамъ; она учила молиться трехъ другихъ маленькихъ дѣвочекъ, занимавшихъ остальные три кровати.

— Сложите ваши руки, какъ я, приказывала Маделена. — Откройте ваши сердца передъ Господомъ...

Три маленькія дѣвочки тоже стояли на колѣняхъ на своихъ кроватяхъ. Двумъ изъ нихъ было отъ восьми до десяти лѣтъ, третьей же — не болѣе пяти. Въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, сложивъ свои маленькія ручки, онѣ серьезными и восторженными личиками своими походили на херувимовъ.

— Повторяйте за мною то, что я буду говорить, продолжала Маделена. — Слушайте же хорошенько... Господи! вознагради господина Саккара за его благодѣянія, подай ему долгіе дни и сдѣлай его счастливымъ!

Тотчасъ же вѣжные голоса маленькихъ херувимовъ, очаровательно, по дѣтски шепелявившіе, голоса всѣхъ четырехъ дѣвочекъ вмѣстѣ, съ набожнымъ порывомъ, охватившимъ всецѣло ихъ маленькія непорочныя существа, повторили:

— Господи! вознагради господина Саккара за его благодѣянія, подай ему долгіе дни и сдѣлай его счастливымъ!

Взволнованная Каролина готова была войти въ комнату и заставить замолчать этихъ дѣтей, запретить имъ эту молитву, казавшуюся ей кощунственной, неприличной шуткой. Нѣтъ, нѣтъ! Саккаръ не имѣлъ права на ихъ любовь; позволять имъ молиться за его счастье — значитъ осквернять эту дѣтскую чистоту. Но какая-то непонятная дрожь, смутное колебаніе остановило Каролину; въ глазахъ ея показались слезы. Зачѣмъ она будетъ навязывать свое негодованіе, свою злобу челоуѣка, помятаго жизнью, этимъ невиннымъ существамъ, не знающимъ еще вовсе жизни? развѣ Саккаръ не былъ добръ для нихъ? развѣ онъ не былъ отчасти творцомъ этого учрежденія и развѣ не посылалъ дѣтямъ каждый мѣсяцъ новыхъ игрушекъ? Глубокое недоумѣ-

не охватило Каролину; она снова воочию убѣдилась, что нѣтъ вполнѣ виновнаго, не заслуживающаго оправданія, человѣка, что сколько бы зла онъ ни надѣлалъ, къ этому злу непременно примѣшается и частица добра. И Каролина вышла въ тотъ самый моментъ, когда дѣвочки опять начали свою молитву, и въ ухахъ ея долго отдавались эти ангельскіе голоса, призывавшіе небесное благословеніе на человѣка, безсознательно вызвавшаго катастрофу, на человѣка, безумныя руки котораго только что разрушили имъ же созданный міръ.

Когда Каролина отпустила свой фіакръ, наконецъ, на Дворцовомъ бульварѣ, передъ зданіемъ Консьержери, она замѣтила, что, разволновавшись, забыла у себя дома букетъ гвоздики, приготовленный ею утромъ для брата. Здѣсь нашла торговка, продававшая маленькіе букеты розъ по два су; Каролина взяла у ней одинъ такой букетъ и потомъ заставила Гамелена, обожавшаго цвѣты, улыбнуться, слушая рассказъ о ея разсѣянности. Сегодня, однако, Каролина застала брата очень печальнымъ. Сначала, въ продолженіе первыхъ недѣль своего заключенія, Гамеленъ не могъ допустить мысли, чтобы противъ него существовали серьезныя обвиненія. Самозащита казалась ему совершенно легкою: предсѣдателемъ онъ былъ избранъ противъ своего желанія, все время не вмѣшивался ни въ какія финансовыя операціи и, почти постоянно находясь въ отсутствіи, не могъ контролировать дѣйствій банка въ Парижѣ. Но разговоры съ адвокатомъ, хлопоты Каролины, оказавшіяся совершенно безплодными, дали понять ему впоследствии, что на немъ тяготеетъ страшная отвѣтственность. Онъ оказывался солидарнымъ съ другими дѣятелями банка во всѣхъ, самыхъ мелочныхъ, отступленіяхъ отъ закона. Ему никогда не повѣрятъ, чтобы онъ не зналъ хотя бы одного изъ этихъ нарушеній правилъ; Саккаръ втянулъ его въ самое позорное соучастіе. Въ эти дни только искренняя вѣра Гамелена, его покорность волѣ провидѣнія доставляла ему то душевное спокойствіе, которое всегда такъ удивляло его сестру. Когда она являлась къ нему съ улицы, послѣ своихъ тяжелыхъ хлопотъ, изъ міра свободнаго человѣчества, погруженнаго въ мелочи жизни, она всегда поражалась спокойнымъ видомъ брата, его ясной улыбкой среди непріютной камеры, на голыхъ стѣнахъ которой этотъ набожный,

простодушный Гамеленъ развѣсилъ четыре картинки религіознаго содержанія, ярко раскрашенныя, окружавшія маленькое распятіе изъ чернаго дерева. Какъ только человѣкъ предастъ себя на волю Божію, онъ смиряется сердцемъ и принимаетъ всякое незаслуженное страданіе, какъ залогъ будущаго спасенія. Единственно, что опечаливало въ настоящее время Гамелена, это была несчастная приостановка его предпріятій. Кто будетъ теперь продолжать его дѣло? кто будетъ заботиться о воскрешеніи востока, такъ удачно начатомъ главнымъ обществомъ соединенныхъ каботажей и товариществомъ для разработки серебряныхъ рудниковъ на Кармелѣ? кто выстроитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ отъ Бруссы до Бейрута и до Дамаска, изъ Смирны въ Треспезундъ? кто вольетъ новую, молодую кровь въ жилы стараго свѣта? Сидя въ заключеніи, Гамеленъ все еще вѣрилъ, что предпринятое имъ дѣло не можетъ пропасть, и высказывалъ только сожалѣніе, что не его провидѣніе выбрало для осуществленія великой миссіи. Въ особенности голосъ его звучалъ скорбью, когда онъ искалъ въ своемъ сознаніи того тяжкаго грѣха, въ наказаніе за который Богъ не дозволилъ ему осуществить основаніе большаго католическаго банка, для преобразованія современнаго общества, созданіе этой Сокровищницы Святаго Гроба — фундамента папскаго господства и сліянія всѣхъ народовъ; это учрежденіе должно было вырвать могущество, основанное на деньгахъ, изъ рукъ евреевъ. Гамеленъ уже руководилъ разъ въ жизни созданнымъ его мечтою великимъ, непобѣдимымъ банкомъ, онъ уже разсылалъ по всему міру вѣсть о наступленіи царства справедливости, созидаемаго чистыми руками. И если сегодня Гамеленъ казался озабоченнымъ, если сегодня всегдашнее спокойствіе этого подсудимаго, а вскорѣ и формальнаго преступника, было нарушено, то единственно потому, что онъ ясно видѣлъ себя опозореннымъ: даже по выходѣ изъ тюрьмы онъ не будетъ уже достоинъ взяться загрязненными спекуляціей руками за священное дѣло.

Разсѣянно слушалъ Гамеленъ рассказъ сестры о томъ, что въ газетныхъ статьяхъ замѣтенъ поворотъ общественнаго мнѣнія нѣсколько въ пользу лицъ, косвенно замѣшанныхъ въ дѣло Всеобщаго банка. Вдругъ онъ, точно очнувшись послѣ сна, спросилъ Каролину:

— Отчего ты не хочешь повидаться съ нимъ?

Каролина вздрогнула; она поняла тотчасъ же, что онъ говорить о Саккарѣ, и сдѣлала отрицательный жестъ головою. Она рѣшительно отказывалась. Тогда Гамеленъ смущенно, пониженнымъ голосомъ проговорилъ:

— Послѣ тѣхъ отношеній, которыя существовали между имъ и тобою, тебѣ не слѣдовало бы отказываться. Сходи-ка къ нему, право!

Боже мой! Братъ, значить, знать про ихъ отношенія. Густая краска залила щеки Каролины, и она бросилась въ объятія брата, чтобы скрыть на груди его свое замѣшательство. Путаясь, заикаясь, она спросила его, кто же ему ска-залъ про эту тайну, какъ онъ могъ узнать ее, когда она, казалось, такъ тщательно скрывалась, и отъ него въ особенности.

— Э, бѣдненькая ты моя Каролина, я давно знаю, тихо отвѣчалъ Гамеленъ. — Ко мнѣ приходили анонимныя письма отъ какихъ-то негодяевъ, завидовавшихъ намъ... Я никогда не говорилъ тебѣ объ этомъ, потому что ты свободна въ своихъ поступкахъ, и, наконецъ, мы нѣсколько различно смотримъ на вещи... Я знаю, что ты всетаки самая лучшая женщина въ мѣрѣ. Только, право, сходи къ нему.

И, весело улыбнувшись, Гамеленъ взялъ букетикъ розъ, заткнутый уже было имъ за распятіе, вложилъ его въ руки Каролины и прибавилъ еще:

— Вотъ, отнеси ему этотъ букетъ и скажи, что теперь я уже не сержусь на него.

Каролина, взволнованная такою трогательною нѣжностью брата, чувствуя въ одно и то же время и стыдъ, и удивительное облегченіе, не сопротивлялась уже болѣе. Впрочемъ, она съ утра уже испытывала сегодня какое-то смутное влеченіе повидаться съ Саккаромъ. Надо же было сообщить ему о бѣгствѣ Виктора и о возмутительномъ происшествіи въ Домѣ трудолюбія, при воспоминаніи о которомъ она до сихъ поръ содрогалась. Въ первыхъ же дняхъ послѣ ареста. Саккаръ внесъ имя Каролины въ списокъ лицъ, съ которыми онъ просилъ свиданія; ей стоило только назвать себя, и сторожъ тотчасъ же провелъ ее въ камеру заключеннаго.

Когда она вошла, Саккаръ сидѣлъ спиною къ дверямъ передъ маленькимъ столикомъ и писалъ цѣлые ряды цифръ на листѣ бумаги.

Увидя Каролину, онъ быстро вскочилъ и радостно воскликнулъ:

— Это вы!.. О, какъ вы добры, и какъ я счастливъ!

И онъ сжалъ ея руку въ своихъ рукахъ. Застѣнчиво улыбаясь, въ большомъ смущеніи, Каролина не находила словъ, какія слѣдовало бы сказать ей при этой встрѣчѣ. Свободной рукой она положила свой букетикъ розъ въ два су на листы бумаги, испещренные цифрами, наваленные какъ попало на столъ.

— Вы — ангелъ! прошепталъ восхищенный Саккаръ, цѣлуя ея пальцы.

Наконецъ Каролина заговорила:

— По правдѣ сказать, между нами все кончено; я вычеркнула васъ изъ своего сердца. Но мой братъ хотѣлъ, чтобы я навѣстила васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такихъ вещей! живо возразилъ Саккаръ. — Скажите лучше, что вы такъ умны и такъ бесконечно добры, что вполне поняли меня, оцѣнили по справедливости мои поступки и простили мнѣ...

Но Каролина прервала его:

— Пожалуйста, не приписывайте мнѣ такихъ достоинствъ. Я и сама хорошенько не знаю, чтѣ я такое. Но развѣ вамъ не довольно того, что я пришла сюда?.. А я должна вамъ сообщить одну очень печальную новость...

Вполголоса Каролина коротко рассказала ему о пробужденіи звѣрскихъ инстинктовъ въ Викторѣ, о его злодѣйскомъ поступкѣ съ Алисой Бовилье, о его поразительно ловкомъ бѣгствѣ, о безуспѣшности до сихъ поръ всѣхъ поисковъ его и, наконецъ, о весьма слабой надеждѣ когда нибудь найти этого мальчика. Пораженный Саккаръ слушалъ, не задавая вопросовъ, не двигаясь съ мѣста. Когда же Каролина замолчала, двѣ крупныя слезы навернулись на его глазахъ и скатились по щекамъ, а губы прошептали:

— Несчастный... несчастный...

Каролина никогда не видала Саккара плачущимъ. Она была глубоко тронута и даже ошеломлена этими слезами. до того странно было видѣть ихъ на лицѣ Саккара. Слезы его были особенныя, выжатыя имъ изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ его загрубѣлаго сердца, закаленного долгими годами темныхъ и грязныхъ походовъ. Впрочемъ, горе его тотчасъ же выразилось довольно шумно:

— Это ужасно! Мнѣ такъ и не удалось даже обнять этого бѣднаго мальчишку... Вы вѣдь знаете, что я такъ и не видалъ его. Боже мой, я почти каждый день давалъ себѣ слово отправиться въ Домъ трудолюбія, навѣстить мальчика, но рѣшительно не имѣлъ времени, ни одного свободного часа, съ этими проклятыми дѣлами, которыя и погубили меня... Ахъ, это всегда такъ бываетъ: когда чего нибудь не сдѣлаешь сейчасъ, такъ можно быть увѣреннымъ, что никогда этого не сдѣлаешь. Ну, а теперь, развѣ вы вполнѣ убѣждены, что его не отыщутъ? Хоть бы привели его ко мнѣ сюда.

Каролина покачала головой.

— Кто знаетъ, гдѣ онъ теперь, замѣтила она: — въ какихъ закоулкахъ безпредѣльнаго Парижа скрывается онъ.

Съ минутой еще Саккаръ порывисто расхаживалъ по комнатѣ, бросая стрывистыя фразы:

— Нашелся этотъ ребенокъ... и вотъ опять я теряю его... Никогда я его не увижу... Вотъ, во всемъ такъ... ни въ чемъ нѣтъ успѣха, ни въ чемъ!.. Ахъ, Боже мой, это такая же исторія, какъ и съ Всеобщимъ банкомъ.

Наконецъ онъ усѣлся передъ столикомъ, а Каролина взяла стулъ и расположилась противъ него. Роясь въ бумагахъ, въ обширныхъ замѣткахъ своихъ, приготовленныхъ во время заключенія для оправдательной рѣчи на судѣ, — Саккаръ перешелъ теперь къ исторіи своего процесса и сталъ излагать, какимъ образомъ онъ будетъ защищать себя, какъ бы чувствуя необходимость очистить себя передъ Каролиной. Обвинительный актъ упрекалъ его въ безпрестанномъ увеличеніи основнаго капитала съ цѣлью насильственно повысить курсъ своихъ бумагъ и увѣрить публику, что банкъ обладаетъ въ дѣйствительности крупными ресурсами; затѣмъ его обвиняютъ въ ложномъ заявленіи о подпискѣ на акціи и о полномъ покрытіи взносами выпущенныхъ акцій, тогда какъ, благодаря Сабатани и другимъ подставнымъ лицамъ, оплата производилась только фиктивная, на бумагѣ; ставятъ ему въ вину еще распределение мнимыхъ дивидендовъ, подъ видомъ очищенія отъ долговъ акцій первыхъ выпусковъ, и наконецъ покупку банкомъ своихъ собственныхъ акцій, отчаянную и безумную спекуляцію ими, которая вызвала непомѣрное и искусственное повышение курса, въ концѣ концовъ истощившее средства Всеобщаго банка и

убившее его. На эти обвиненія Саккаръ отвѣчалъ простран-ными и пылкими объясненіями. Онъ поступалъ такъ, какъ поступаетъ всякій директоръ банка, только велъ дѣла по-шире, со смѣлостью опытнаго и умнаго человѣка. Каждаго директора любого изъ самыхъ солиднѣйшихъ кредитныхъ учрежденій Парижа слѣдовало бы точно также посадить въ тюрьму; стоитъ только внимательно прослѣдить ихъ финан-совыя операціи. Такъ нѣтъ же, рѣшили его, Саккара, сдѣ-лать козлищемъ отпущенія за неправильныя дѣйствія всѣхъ банковъ. Съ другой стороны, какой странный способъ опре-дѣлять отвѣтственность! Отчего же не преслѣдуютъ адми-нистраторовъ Всеобщаго банка, всѣхъ этихъ Дегремоновъ, Гюре, Богеновъ, которые, помимо своихъ пятидесяти ты-сячъ франковъ за присутственные жетоны, получали еще десять процентовъ съ прибылей и участвовали во всѣхъ незаконныхъ сдѣлкахъ? отчего также допущена полная без-наказанность повѣрочной комисіи, Лавиньера, между про-чимъ, которые бездѣйствовали, ссылаясь на свою неспособ-ность и на довѣріе къ директору банка? Очевидно, этотъ процессъ будетъ самой чудовишной несправедливостью, по-тому что жалобу Буша на мошенничество Саккара придется оставить безъ послѣдствій, какъ несогласную съ дѣйстви-тельными фактами, а докладъ, составленный экспертомъ на основаніи бѣглаго осмотра банковыхъ книгъ, полонъ оши-бокъ. Но тогда къ чему же было объявлять официально не-состоятельность, опираясь на эти два документа, между тѣмъ какъ ни одно су изъ числа принятыхъ банкомъ на хра-неніе не было истрачено, и всѣ кліенты банка могли бы получить полное удовлетвореніе? Развѣ не ясно отсюда, что намѣреніе было просто разорить этой несостоятельностью акціонеровъ? Въ такомъ случаѣ, цѣль судебной власти до-стигнута: бѣдствіе приняло широкіе размѣры и распростра-няется все дальше, безъ конца. Саккаръ и не думалъ обви-нять себя въ этомъ бѣдствіи; истинными виновниками были магистратура, правительство, всѣ тѣ, кто составилъ цѣлый заговоръ, чтобы задавить и уничтожить Всеобщій банкъ.

— Ахъ, негодяи! восклицалъ Саккаръ. — Еслибъ они оставили меня на свободѣ, то вы увидѣли бы, вы увидѣли бы!..

Каролина молча смотрѣла на Саккара, пораженная его безсовѣстностью, доходившею до настоящаго величія. Ей вспомнились теперь прежнія его теоріи о необходимости бир-

жевой игры для осуществленія великихъ предпріятій, — потому что, въ такихъ случаяхъ, справедливое распредѣленіе выгодъ невозможно, — о спекуляціи, подобно человѣческому разврату, необходимому удобренію почвы, способствующей прогрессу. Не онъ ли самъ, своими безцеремонными руками, безумно разжегъ огромную машину до того, что она разлетѣлась въ куски и поранила всѣхъ, кто стоялъ вблизи? Развѣ не самъ онъ жаждалъ этого курса въ три тысячи франковъ — безумнаго, нелѣпаго по своей чрезмѣрности? развѣ можно оправдать это созданіе фиктивного общества съ основнымъ капиталомъ въ полтора мѣлліона, стоимость трехсотъ тысячъ акцій котораго, по курсу въ три тысячи франковъ, дошла до девятисотъ мѣлліоновъ? Страшная опасность гнѣздилась уже въ распредѣленіи колоссальнаго дивиденда, каково требовалъ подобный оборотъ, хотя по расчету изъ обыкновенныхъ пяти процентовъ.

Саккаръ всталъ и началъ расхаживать взадъ и впередъ по тѣсной комнаткѣ нервной походкой великаго завоевателя, посаженнаго въ клетку.

— Ахъ, негодяи! повторялъ онъ. — Они хорошо знали, что дѣлаютъ, связывая меня по рукамъ и по ногамъ и сажая сюда... Я уже готовъ былъ восторжествовать, раздавить ихъ.

Каролина не могла воздержаться отъ выраженія удивленія и протеста:

— Какъ восторжествовать? Но у васъ же вѣдь не осталось ни единого су, вы были побѣждены?

— Разумѣется, я былъ побѣжденъ, продолжалъ съ горечью Саккаръ: — я сразу превратился въ ничтожество, въ дрянь... Честность, слава—все дается только успѣхомъ. Не надо допускать своего пораженія; иначе на другой же день васъ сочтутъ дуракомъ и мошенникомъ... О, я отлично знаю, что про меня говорили; вамъ не нужно повторять мнѣ ихъ ругательства. Меня называютъ воромъ — правда? меня смѣло обвиняютъ теперь въ томъ, что я попросту прикарманилъ всѣ эти мѣлліоны? Меня задушили бы, еслибы я попался имъ въ руки! Но, — что всего хуже, они съ сожалѣніемъ пожимаютъ плечами и считаютъ меня за дурачка, за неумѣлаго... А еслибы я восторжествовалъ, представьте себѣ? Да, еслибы я побѣдилъ Гундермана, завоевалъ бы весь рынокъ, еслибы я въ настоящую минуту былъ един-

ственнымъ властителемъ золота, тогда что? а? Какой триумфъ! Я былъ бы героемъ; весь Парижъ былъ бы у моихъ ногъ.

Каролина рѣзко и опредѣленно возразила ему:

— Въ васъ не было ни правды, ни логики; вы не могли восторжествовать.

Саккаръ съ размаху остановился передъ нею и вышелъ изъ себя:

— Не могъ восторжествовать? Скажите, пожалуйста! Денегъ у меня не хватило — вотъ и все. Еслибы Наполеонъ при Ватерлоо имѣлъ лишнюю сотню тысячъ людей на убой, онъ одержалъ бы верхъ, и вся карта Европы измѣнилась бы. И я, будь у меня нѣсколько сотенъ милліоновъ, которыя надо было непременно бросить въ пропасть, — я былъ бы теперь повелителемъ всего міра.

— Но это же наконецъ ужасно! воскликнула возмущенная Каролина. — Какъ!? Вы находите, что мало еще произошло разореній, мало пролилось слезъ и крови! Вамъ хотѣлось бы еще новыхъ бѣдствій, еще нѣсколько семействъ пустить по міру, еще ограбить несчастныхъ простаковъ и обратить ихъ въ нищихъ!

Саккаръ снова бѣшено заметался по камерѣ; съ самымъ холоднымъ презрѣніемъ крикнулъ онъ на ходу:

— Да развѣ жизни есть дѣло до всего этого! Каждый шагъ природы давить цѣлыя тысячи мелкихъ существъ.

Воцарилось молчаніе. Каролина слѣдила за движеніями этого человѣка, и холодъ охватывалъ ея сердце. Мошенникъ это или герой? Она невольно содрогалась, задавая себѣ мысленно вопросъ, какіе замыслы роились въ головѣ этого авантюриста, запертаго теперь на замокъ, обезсиленнаго въ продолженіе шести мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ четырехъ стѣнахъ этой кельи. Только теперь Каролина догадалась осмотрѣться вокругъ себя: четыре голыя стѣны, узкая желѣзная кровать, некрашеный деревянный столъ, два соломенныхъ стула... И это обстановка человѣка, жившаго еще недавно среди ослѣпительной роскоши!

Вдругъ Саккаръ снова сѣлъ къ столу, точно ноги его подкосились отъ усталости. И онъ началъ говорить вполголоса, какъ бы ощущая неодолимую потребность высказаться откровенно, прямо:

— Гундерманъ дѣйствительно былъ правъ. Ничего не стоитъ эта горячка... биржевая игорная горячка... Ахъ, не-

годий! Онъ счастливъ, у него нѣтъ теперь уже ни крови, ни нервовъ. Онъ не въ состоянїи уже ни увлечься женщиной, ни выпить бутылки бургонскаго! Я думаю, впрочемъ, что онъ всегда былъ таковъ, какъ теперь: въ его жилахъ течетъ не кровь, а лимонадъ... Я слишкомъ пылокъ, это очевидно. Это единственная причина всѣхъ моихъ промаховъ; оттого-то я такъ часто и прогораю. Но надо прибавить, что если пылкость убиваетъ меня, то она же и способна всегда оживить меня. Да, страсть увлекаетъ меня, возвеличиваетъ, возноситъ на самый верхъ и потомъ сбрасываетъ внизъ, разрушаетъ однимъ толчкомъ все раньше созданное. Наслаждаться жизнью — это, пожалуй, то же, что медленно сгорать... Правда, когда я вспоминаю объ этихъ четырехъ годахъ борьбы, я вижу ясно все, что погубило меня; и это было то, чего я желалъ, чѣмъ обладалъ... Такова ужъ моя натура; ее не передѣлаешь. Плохо я созданъ, вотъ что.

Тутъ имъ овладѣлъ гнѣвъ противъ своего побѣдителя.

— О, этотъ Гундерманъ, паршивый жидъ, торжествующій потому, что у него нѣтъ никакихъ страстей!.. Съ нимъ вмѣстѣ торжествуетъ и все жидовство, настойчиво и холодно добивающееся господства надъ всѣмъ міромъ. Они всѣ народы подкупали одного за другимъ своимъ всемогущимъ золотомъ. Вотъ уже цѣлыя столѣтїя, какъ это племя наводняетъ понемногу всѣ страны и всюду одерживаетъ верхъ, несмотря на всѣ пинки и плевки. Теперь у нихъ миллиардъ, будетъ и два, будетъ и десять, будетъ и сто миллиардовъ, и въ одинъ прекрасный день они овладѣютъ землею... Я нѣсколько лѣтъ уже кричу объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, но никто не хочетъ меня слушать, думаютъ, что во мнѣ говоритъ просто зависть биржеваго дѣятеля. А между тѣмъ это вопль изъ глубины души. Да, ненависть къ жидамъ у меня врожденная. Она глубоко коренится во мнѣ, она исходитъ прямо изъ моего сердца.

— Какая странная вещь! спокойно прошептала Каролина, всегда отличавшаяся терпимостью ко всякимъ народностямъ вслѣдствіе своей начитанности: — для меня такъ евреи такіе же люди, какъ и всѣ другіе.

Между тѣмъ Саккаръ, не обративъ никакого вниманія на эти слова, продолжалъ съ еще большей яростью.

— И что меня приводитъ въ бѣшенство, такъ это ви-

димое участіе къ нимъ всякихъ правительствъ; власти просто благоговѣютъ передъ этими мерзавцами. Напа теперешняя хоть бы имперія: она готова все, что угодно, продать Гундерману! Какъ будто совершенно невозможно царствовать безъ гундермановскихъ денегъ! А Ругонъ-то, мой знаменитый братецъ! Въдъ его поведеніе относительно меня — просто отвратительно! Я вамъ не говорилъ еще, что передъ катастрофой, я имѣлъ глупость обратиться къ нему, думалъ помириться съ нимъ, и вотъ результаты — если я нахожусь теперь здѣсь, то, разумѣется, по его милости. Впрочемъ, это вздоръ, пусть его преслѣдуетъ меня! Я знаю, онъ хочетъ отъ меня отдѣлаться какънибудь. Но чего я ему никогда не прощу, такъ это его дружбы съ паршивыми жидами... Подумайте хорошенько! Для чего задавленъ Всеобщій банкъ? Да разумѣется для Гундермана, чтобы не стѣснять его коммерческихъ оборотовъ! Стоитъ какомунибудь христіанскому банку возвыситься и пріобрѣсти значеніе, — и онъ непременно будетъ уничтоженъ, его непременно сочтутъ опаснымъ для общественнаго спокойствія, а этимъ, конечно, достигается торжество жидовства, которое и сожретъ насъ, въ концѣ концовъ, и скоро сожретъ!.. Но берегись, Ругонъ! И тебя сожрутъ они, тебя перваго они прогонятъ съ твоего министерскаго стула, за который ты держишься обѣими руками, для котораго ты отрёкся отъ всѣхъ человѣческихъ привязанностей. Онъ хитеръ, правда, этотъ Ругонъ; умѣетъ балансировать: сегодня кинетъ подачку либераламъ, завтра — угодить властямъ; но такое акробатство всегда кончается плохо; онъ непременно сломаетъ себѣ шею... Да и пусть все полетитъ къ чорту, пусть исполнится желаніе Гундермана! Въдъ онъ пророчилъ, что Франція будетъ побѣждена, если мы затѣмъ войну съ Германіей? Ну, вотъ мы и приготовились къ этой войнѣ отлично: пруссакамъ остается только перейти наши границы и забрать наши земли.

Испуганнымъ умоляющимъ жестомъ Каролина просила Саккара замолчать, точно слова его въ самомъ дѣлѣ могли накликать грозу.

— Нѣтъ, нѣтъ! не говорите такихъ ужасовъ, перебила она его. — Вы не имѣете права говорить это. Вашъ братъ, въ дѣйствительности, совсѣмъ не причемъ въ дѣлѣ вашего ареста. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что васъ погубилъ министр юстиціи — Делькамбръ.

Гнѣвъ Саккара мгновенно утихъ; онъ самодовольно улыбнулся.

— О, этотъ Делькамбръ мститъ мнѣ.

И, въ отвѣтъ на вопросительно-удивленный взглядъ Каролины, онъ прибавилъ:

— Да, между нами было одно столкновеніе... Я знаю заранее, что онъ меня засудитъ.

Каролина, вѣроятно, догадалась, что это было за столкновеніе, потому что далѣе не спрашивала. Воцарилось на минуту молчаніе, во время котораго Саккаръ снова сталъ перебирать свои бумаги на столѣ. Онъ опять всецѣло погрузился въ свои предположенія.

— Вы были такъ любезны, заговорилъ онъ: — что посѣтили меня, снѣге аміе... Надѣюсь, что вы и еще разъ зайдете ко мнѣ... Ваши совѣты всегда мнѣ приносили большую пользу... Я хотѣлъ бы васъ посвятить въ мои планы, въ мои будущія предпріятія... Ахъ, еслибъ у меня были деньги!

Каролина поспѣшила воспользоваться случаемъ, чтобы уяснить себѣ наконецъ вопросъ, занимавшій ее и мучившій въ продолженіе уже цѣлыхъ мѣсяцевъ. Куда Саккаръ дѣлъ свои милліоны, находившіеся въ его распоряженіи? перевелъ онъ ихъ за границу или, можетъ быть, закопалъ гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ, извѣстномъ ему одному?

— Но у васъ же вѣдь есть деньги! возразила Каролина. — Два милліона, выигранные на Биржѣ послѣ Садовой, девять милліоновъ по вашимъ тремъ тысячамъ акцій, если вы ихъ продали по курсу въ три тысячи!

— У меня, ма снѣге, нѣтъ ни одного су! крикнулъ Саккаръ.

И онъ сказалъ это такимъ искреннимъ и грустнымъ тономъ, что Каролина удивленно посмотрѣла на него и повѣрила.

— Когда мои дѣла идутъ плохо, когда я прогараю, у меня никогда не остается ни единого су... Поймите же, что, разоряя другихъ, я и самъ разоряюсь... Конечно, я продалъ свои акціи, но зато я выкупалъ другія, и куда ушли мои девять милліоновъ, да еще два другіе въ придачу, право, я затрудняюсь точно объяснить вамъ... Знаю только определенно, что долгъ мой по счетамъ бѣднаго Мазо—до тридцати, сорока тысячъ франковъ... Да, у меня нѣтъ ни одного су, все улетѣло, чисто-гладко, какъ и всегда!

Каролину такъ облегчило это признаніе Саккара, что она даже развеселилась и начала подшучивать надъ собственнымъ своимъ, заодно съ братомъ, разореніемъ:

— Мы тоже прогорѣли дотла. Покуда тянется этотъ процессъ, я не знаю, хватитъ ли намъ денегъ даже и на мѣсяць... Ахъ, эти деньги, эти девять милліоновъ, что вы намъ обѣщали! Помните, какъ я боялась ихъ? Никогда еще въ жизни я не испытывала такой тревоги, какъ обладая этими милліонами, и какое облегченіе я почувствовала въ тотъ день, когда отдѣлалась наконецъ отъ нихъ въ пользу актива вашего банка!.. Даже триста тысячъ франковъ нашего наслѣдства послѣ тетки, и тѣ пошли туда. Конечно, это было несомнѣнно справедливо, но я вамъ и прежде говорила, что къ случайнымъ, на улицѣ поднятымъ деньгамъ я не имѣю никакой охоты... Вы видите: я по прежнему весела и даже могу теперь смѣяться.

Саккаръ порывисто прервалъ Каролину и, схвативъ свои бумаги со стола, началъ ими размахивать.

— Бросьте всѣ эти разсужденія! воскликнулъ онъ. — Мы опять будемъ богаты...

— Какъ это богаты?

— Такъ неужели же вы думаете, что я оставилъ навсегда свои предпріятія?.. Я всѣ шесть мѣсяцевъ работалъ здѣсь, я не спалъ ночи напролетъ, чтобы придумать способъ поправить свои дѣла. Дураки, которые ставятъ мнѣ въ особенное преступленіе мой преждевременный балансъ, ровно ничего не смыслятъ, воображая, что изъ трехъ великихъ предпріятій: соединенныхъ каботажей, Кармеля и національнаго турецкаго банка, только первое принесло мнѣ ожидаемые барыши! Чорта съ два! Если два другихъ дѣла погибли, то это потому, что я не могъ помочь имъ во-время... Но когда меня освободятъ, о! когда я снова возьму возжи въ свои руки, тогда вы увидите, вы увидите...

Умоляющимъ жестомъ Каролина хотѣла остановить саккаровское краснорѣчіе. Но онъ уже вошелъ въ азартъ; вся его фигурка натопырилась, и онъ продолжалъ кричать своимъ пронзительнымъ голосомъ:

— Вычисленія всѣ сдѣланы; вотъ цифры, смотрите!.. Кармель и турецкій національный банкъ—это только игрушки! Нѣтъ, намъ нужно устроить обширную сѣть желѣзныхъ дорогъ на востокъ, намъ нужно добиться конечныхъ цѣлей:

Иерусалима, Багдада, покорить всю Малую Азію, совершить то, чего не могъ достигнуть Наполеонъ со всѣми своими арміями. А мы сдѣлаемъ это своими заступами и... золотомъ. Какъ вы могли подумать даже, что я проигралъ свое дѣло? Наполеонъ вѣдь вернулся же съ острова Эльбы? Я точно также; стоитъ мнѣ только показаться, и всѣ деньги Парижа потекутъ вслѣдъ за мною. Но на этотъ разъ у меня не будетъ Ватерлоо, я вамъ за это отвѣчаю, потому что мой планъ выработанъ съ математической точностью; въ немъ предвидѣлось все, до послѣдняго сантима... Наконецъ-то мы задавимъ этого несчастнаго Гундермана! Мнѣ нужно только четыреста, ну — пятьсотъ миллионовъ, ужь такъ и быть, — и я покорю весь міръ!

Каролинѣ удалось наконецъ схватить Саккара за руки, и она прижалась къ нему.

— Молчите, молчите, шептала она. — Вы наводите на меня ужасъ!

И вдругъ невольно, противъ ея желанія, она почувствовала уваженіе къ этому человѣку. Внезапно, въ этой убогой кельѣ съ голыми стѣнами, замкнутой, уединенной отъ жизни, отъ волнующагося міра, она ощутила непобѣдимую силу, разсвѣтъ этой самой жизни, вѣчную иллюзію вѣчной надежды, непреоборимое упрямство человѣка въ виду смерти. Она и хотѣла бы негодовать, хотѣла бы возставать противъ пороковъ, несправедливостей жизни, но не могла; она не видѣла уже этихъ пороковъ. Развѣ она не осудила разъ навсегда Саккара послѣ всѣхъ этихъ непоправимыхъ бѣдствій, которыхъ онъ былъ причиною? развѣ она не призвала на него справедливаго возмездія, не хотѣла, чтобы онъ кончилъ свои дни въ одиночествѣ, среди общаго презрѣнія? Она сохранила въ себѣ только безпредметную ненависть къ пороку вообще, сохранила только сожалѣніе къ человѣческому горю, откуда бы оно ни происходило. Эта безсознательная и вѣчно дѣятельная сила жизни снова подчинила Каролину себѣ, какъ тяжкая, но неизбѣжная, вѣроятно, потребность существованія. Если въ этомъ случаѣ и сказывалась женская слабость, то Каролина съ наслажденіемъ отдавалась ей, охваченная скорбью о своей бездѣтности, охваченная стремленіемъ любить кого нибудь, любить слѣпо, не разбирая, при всемъ ея умѣ и большой житейской опытности.

— Кончено, все кончено, повторяла она, не переставая сжимать руки Саккара въ своихъ рукахъ. — И неужели вы не можете наконецъ успокоиться, отдохнуть? .

И когда Саккаръ приподнялся, чтобы поцѣловать ее въ голову, въ эти сѣдые волосы, вившіеся на вискахъ, какъ у молодой женщины, она обняла его, но вмѣстѣ съ тѣмъ тономъ безповоротной рѣшимости, придавая своимъ словамъ особенную значительность, проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, все кончено, конечно навсегда... Я очень довольна, что увидалась съ вами послѣдній разъ, чтобы между нами не осталось никакихъ упрековъ другъ другу... Прощайте!..

Когда Каролина уходила, она замѣтила, что Саккаръ стоялъ около своего стола, очевидно, взволнованный разлукою, но уже раскладывавшій привычною рукою свои бумаги, которыя разбросалъ въ моментъ увлеченія. А маленький букетъ розъ въ два су обсыпался на исписанныя страницы, и Саккаръ встряхивалъ одинъ листъ за другимъ, сметая рукою розовые лепестки.

Только черезъ три мѣсяца, около половины декабря, дѣло о несостоятельности Всеобщаго банка начало, наконецъ, разбираться передъ судебнымъ трибуналомъ. Оно заняло пять длинныхъ засѣданій суда исправительной полиции и возбудило всюду самое живое любопытство. Печать надѣлала много шуму по поводу крушенія Всеобщаго банка; страннныя слухи ходили въ публикѣ относительно продолжительности судебного слѣдствія. Замѣчено было въ особенности, что обвинительный актъ, составленный прокуроромъ, представлялъ собою верхъ совершенства неумолимой логики, гдѣ всѣ мельчайшія подробности были сгруппированы, изслѣдованы и объяснены съ беспощадною ясностью. Кромѣ того, вездѣ говорили, что приговоръ былъ постановленъ заранѣе. И дѣйствительно, ни очевидная крайняя доврчивость Гамелена, ни героическая выдержка Саккара, который боролся съ обвиненіемъ въ продолженіе всѣхъ пяти дней, ни великолѣпныя защитительныя рѣчи, раздававшіяся со стороны адвокатовъ, — не помѣшали судьямъ приговорить обоимъ обвиняемыхъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію и уплатѣ трехъ тысячъ франковъ штрафа. Однако, выпущенные изъ заключенія на поруки за мѣсяць до начала процесса и представшіе передъ трибуналомъ уже безъ на-

сильственнаго привода въ судъ, обвиненные могли подать на апелляцію и покинуть Францію въ двадцать четыре часа. Это Ругонъ устроилъ такой исходъ, не желая навязать себѣ брата, подвергнутаго продолжительному тюремному заключенію. Полиція сама позаботилась о скорѣйшемъ отбѣдѣ Саккара, который укатилъ въ Бельгію съ ночнымъ поѣздомъ желѣзной дороги. Въ тотъ же день и Гамеленъ отправился въ Римъ.

Протекло еще три мѣсяца, наступили уже первыя числа апрѣля, а Каролина все еще находилась въ Парижѣ, гдѣ она принуждена была устраивать неотложныя дѣла. Она по прежнему занимала маленькую квартирку въ отелѣ княгини Орвьедо, у воротъ котораго все еще были прибиты объявленія о назначеніи дома въ продажу съ аукціоннаго торга. Впрочемъ, Каролина уже окончила самыя затруднительныя хлопоты и могла уѣхать, хотя, конечно, безъ денегъ, но зато и безъ долговъ послѣ себя. Завтра она уже рассчитывала покинуть Парижъ и отправиться къ брату въ Римъ, гдѣ этому послѣднему удалось получить скромное мѣстечко инженера. Онъ писалъ сестрѣ, что приготовилъ ей также нѣсколько уроковъ тамъ. Имъ приходилось снова начинать жизнь.

Вставая съ постели въ утро послѣдняго дня, который проводила Каролина въ Парижѣ, ей пришло въ голову желаніе еще разъ попытаться узнать что нибудь о Викторѣ. До сихъ поръ всѣ розыски его остались тщетными, но Каролина вспомнила обѣщанія Мешень и подумала, что, можетъ быть, эта женщина и знаетъ что нибудь о пропавшемъ мальчикѣ. Разспросить ее было очень нетрудно: стоило только зайти къ Бушу около четырехъ часовъ. Сначала Каролина старалась отогнать отъ себя эту мысль: къ чему все это, развѣ Викторъ не умеръ навсегда въ ея сердцѣ? Но потомъ она почувствовала сильную потребность узнать о немъ; ей всетаки жалко было его, какъ роднаго ребенка. Точно она потеряла своего собственнаго сына, да еще забыла его, не потрудилась принести даже вѣнка на его могилу. Въ четыре часа Каролина отправилась въ улицу Фейдо.

Обѣ двери, выходящія на площадку лѣстницы, оказались раскрытыми; въ темной, безъ оконъ, кухнѣ клокотала кипящая вода, а съ другой стороны, въ тѣсномъ кабинетѣ,

Мешенъ сидѣла въ креслѣ Буша, и кругомъ ея возвышались цѣлыя кучи процентныхъ бумагъ, которыя она вытаскивала громадными связками изъ своего стараго кожанаго сака

— Ахъ, это вы, милѣйшая! отозвалась она, увидя входящую Каролину.— Ну, вы попали несовсѣмъ-то во-время. Нашъ Сигизмундъ при смерти. Бѣдный Бушъ просто голову потерялъ, буквально обезумѣлъ, до того онъ любитъ своего брата. Бѣгаетъ все изъ угла въ уголъ, какъ сумасшедшій... Вотъ и теперь отправился за докторомъ. Вотъ извольте видѣть: теперь мнѣ приходится завѣдывать его дѣлами, потому что восемь дней прошло, а онъ не только что не купилъ ни одной бумаги, но даже и за векселями пересталъ слѣдить. Къ счастью, мнѣ удалось сейчасъ одно дѣльце, о! — славная штука. Она утѣшитъ его хоть немного въ горѣ; порадуется мой Бушъ, какъ немного войдетъ въ разсудокъ.

Пораженная Каролина совсѣмъ и забыла, что она пришла сюда ради Виктора, потому что въ бумагахъ, которыя цѣлыми связками Мешенъ вынимала изъ своего сака, она сразу признала обезцѣненные акціи Всеобщаго банка. Старая кожа сака трещала, едва сдерживая напиханное въ него богатство, а Мешенъ все вынимала и вынимала оттуда акціи; подъ вліяніемъ радости она сдѣлалась теперь необыкновенно болтливой.

— Смотрите! Все это я приобрѣла за двѣсти пятьдесятъ франковъ, а ихъ тутъ болѣе пяти тысячъ; значитъ, по су за штуку... А? Одно су за акцію, которая вотировалась въ три тысячи франковъ! Теперь онѣ упали почти до стоимости простой писчей бумаги, макулатуры, которую покупаютъ на фунты... Но все-таки онѣ стоятъ дороже, мы перепродадимъ ихъ по крайней мѣрѣ по десяти су; онѣ въ спросѣ для несостоятельныхъ должниковъ. Понимаете: эти акціи пользовались такой хорошей репутаціей, что отъ нихъ и теперь еще иные не откажутся. Ихъ, напримѣръ, не лишнее имѣть въ пассивѣ; вѣдь это такъ трогательно—выставить себя жертвою катастрофы... Вообще, я имѣла тутъ удивительный успѣхъ; я пронюхала одно заповѣдное мѣстечко, гдѣ хранилась послѣ крушенія цѣлая куча этого товару, цѣлый непочатый уголь, а одинъ дурачекъ мнѣ и сбывъ ихъ за ничто. Понимаете, я сейчасъ же туда. Ну, и безъ всякихъ околичностей живо все подобрала!

И Мешенъ сіяла, какъ хищная птица, попавшая нако-

нець на обильно усѣянное трупами поле финансовой рѣзни; ея тучная фигура была облита пѣтомъ отъ усердныхъ хлопотъ надъ мертвечиной, а короткія и цѣпкія руки ея жадно копались въ грудѣ обезцѣненныхъ акцій, успѣвшихъ уже пожелтѣть и издававшихъ запахъ затхлости.

Вдругъ тихій безсвязный лепетъ раздался изъ сосѣдней комнаты, двери которой были точно также настежь отворены, какъ и на лѣстницу.

— Ну, вотъ тебѣ и на! встрепенулась Мешень. — Сигизмундъ опять заговорилъ. Онъ сегодня съ самаго утра все говоритъ самъ съ собой... Батюшки, а вода-то моя кипить, воду-то я и забыла... А вѣдь это для питья... Будьте такъ добры, милѣйшая, ужъ если вы сюда зашли, такъ взгляните кстати, не нужно ли чего нибудь больному.

Мешень прошла въ кухню, а Каролина, чувствительная вообще ко всякаго рода человѣческимъ страданіямъ, отправилась въ сосѣднюю комнату. Пустоту этого помѣщенія скрашивало теперь яркое апрѣльское солнце, падавшее прямо на маленькій некрашеный столъ, заваленный бумажками, толстыми тетрадами, результатами десятилѣтняго труда. Въ комнатѣ по прежнему было только два соломенныхъ стула да нѣсколько книгъ на полкѣ. На узкой желѣзной кровати, откинувшись на три подушки, сидѣлъ Сигизмундъ въ красной фланелевой рубашкѣ и говорилъ, говорилъ безъ умолку, подъ вліяніемъ особеннаго возбужденія, всегда бывающаго у чахоточныхъ передъ смертью. Онъ бредилъ, но бредъ этотъ прерывался моментами замѣчательнаго просвѣтлѣнія. На страшно исхудаломъ лицѣ его, обрамленномъ длинными вьющимися волосами, неестественно раскрытые глаза его вопросительно смотрѣли въ пространство.

Какъ только Каролина появилась на порогѣ комнаты, Сигизмундъ, казалось, узналъ ее, хотя они никогда въ жизни не встрѣчались.

— А, это вы! проговорилъ онъ. — Я васъ видѣлъ недавно и звалъ, громко звалъ, насколько силъ хватило... Подойдите, подойдите поближе... Я не могу кричать.

Несмотря на ощущеніе страха, овладѣвшаго Каролиною, она подошла къ больному и сѣла на стулъ, стоявшій около самой постели.

— Я не зналъ до сихъ поръ, но теперь знаю... продолжалъ Сигизмундъ. — Мой братъ торгуетъ процентными бу-

магами, и, я слышалъ, къ нему приходили... и плакали тамъ, въ его кабинетѣ... Мой братъ! О, мнѣ точно пронзили сердце раскаленнымъ желѣзомъ. Да, это желѣзо такъ и осталось въ моей груди; оно жжетъ меня постоянно, потому что отвратительная вещь — эти деньги, и сколько бѣдныхъ людей страдаетъ изъ-за нихъ... Значить, какъ только я умру, братъ сейчасъ же продастъ мои замѣтки, а я не хочу, я не хочу!

Голосъ его понемногу возвышался, переходя въ мольбу:

— Будьте такъ добры, ш-ше... онѣ вонъ тамъ, на столѣ, мои замѣтки. Дайте мнѣ ихъ сюда, мы запечатаемъ ихъ въ конвертъ, и вы унесете ихъ, вы все унесете... О, я васъ давно звалъ, я васъ дожидался! Охъ, пропадутъ мои тетрадки! Тутъ вѣдь труды всей моей жизни; всѣ усилія мои пойдутъ прахомъ!

Видя, что Каролина еще колеблется, дать ли ему то, что онъ просилъ, Сигизмундъ умоляюще сложилъ руки.

— Сжальтесь, просилъ онъ: — дайте мнѣ убѣдиться въ томъ, что все цѣло; хоть передъ смертью. Моего брата тамъ нѣтъ; онъ не скажетъ, что я убиваю себя... Умоляю васъ...

Наконецъ Каролина уступила, тронутая горячностью его мольбы.

— Смотрите только, мнѣ не слѣдовало бы давать вамъ бумагу, сказала она. — Братъ вашъ говорить, что вамъ вредно заниматься.

— Вредно? О, нѣтъ, возразилъ Сигизмундъ. — Да впрочемъ, что за бѣда! Какъ жаль, что мнѣ не будетъ уже времени пересмотрѣть эту работу и сдѣлать необходимыя дополненія! Но вотъ мои замѣтки цѣликомъ, приведенныя въ порядокъ. Вы ихъ спасете вѣдь, не правда ли? чтобы ктонибудь впоследствии составилъ изъ нихъ настоящую книгу и выпустилъ ее въ свѣтъ...

Онъ взялъ бумаги своими длинными исхудалыми руками и съ любовью перелистывалъ ихъ, а въ большихъ тускнѣвшихъ уже глазахъ его загорѣлся огонь. Онъ говорилъ быстро, отрывисто и монотонно, точно однообразное тиканье часовъ, вызываемое равномернымъ опусканіемъ гири. Здѣсь слышался также и хаосъ мозгового расстройства; механизмъ испортился, и мысль работала теперь порывисто, неправильно и лихорадочно торопливо.

Сигизмундъ все болѣе увлекался своимъ видѣніемъ, и голосъ его дѣлался нѣжнѣе, глуше, точно уходилъ куда-то

вдаль, терялся на тѣхъ высотахъ, куда онъ мысленно улеталъ, мечтая о будущемъ.

Руки его уже блуждали ощупью по его разбросаннымъ вокругъ тетрадамъ, а глаза потухали, ослѣпленные яркимъ видѣніемъ смерти; зато съ тѣмъ большею отчетливостью, казалось, онъ прозрѣвалъ безконечное совершенство за предѣлами жизни, и лицо его сіяло неземнымъ восторгомъ.

Глаза Сигизмунда померкли; послѣднія слова прозвучали глухо, невнятнымъ шопотомъ; голова его откинулась на подушки, а на лицѣ блуждала восторженная улыбка. Онъ умеръ.

Глубоко потрясенная, охваченная скорбью, Каролина смотрѣла на усопшаго, какъ вдругъ она почувствовала сзади себя какъ бы ворвавшійся въ комнату ураганъ. То былъ Бушъ, вернувшійся безъ доктора, запыхавшійся, страшно взволнованный. Въ то время какъ Мешень, слѣдуя за нимъ, объясняла, почему она до сихъ поръ не заварила питья, что у нея упалъ съ тагана чугунокъ съ водой, Бушъ всматривался въ своего брата. Его любимое дѣтище, Сигизмундъ лежалъ, запрокинувъ голову, неподвижный, съ открытымъ ртомъ, остановавшимся глазами. Бушъ понялъ все и взвылъ, какъ раненый звѣрь. Однимъ прыжкомъ онъ бросился къ трупу, схватилъ его на руки, началъ трясти, точно стараясь разбудить его, оживить. Этотъ безпощадный ростовщикъ, способный убить человѣка за десять су, искусившійся во всѣхъ грязныхъ продѣлкахъ среди парижскихъ трущобъ, вылъ теперь отъ нестерпимой боли. Его дорогое дѣтище, Боже мой, которое онъ лелѣлъ, какъ нѣжная мать, — его нѣтъ уже на свѣтѣ, нѣтъ у него брата. Въ порывѣ бѣшеннаго отчаянія Бушъ собралъ всѣ тетради, валявшіяся по постели, и началъ рвать ихъ, разбрасывать, какъ бы желая уничтожить этотъ нелѣпный трудъ, къ которому онъ всю жизнь чувствовалъ отвращеніе и который убилъ его брата.

У Каролины и сердце упало. Несчастный Бушъ! Вотъ, и его пришлось отъ души пожалѣть. Но гдѣ же она слышала такой же душу раздирающей вой? Помнится, однажды такой же вопль человѣческаго горя глубоко поразилъ ее. И она вспомнила: это было у Маю, когда мать съ дѣтми рыдала передъ трупомъ своего мужа. Будучи не въ состояніи оставить безъ выраженія какого нибудь сочувствія такое страданіе, Каролина пребыла еще нѣкоторое время у

Буша и старалась помочь ему. Наконецъ, передъ уходомъ оставшись наединѣ съ Мешенъ въ тѣсномъ кабинетѣ Буша Каролина вспомнила, что она пришла сюда единственно для того, чтобы узнать о Викторѣ. И она спросила объ немъ. О, Викторъ далеко, если онъ до сихъ поръ все удираетъ изъ Парижа, отозвалась Мешенъ. Она цѣлыхъ три мѣсяца употребила на его отысканье, исходила Парижъ вдоль и поперекъ, и всетаки ничего не достигла. Да больше и не стоить искать его, все равно этотъ мошенникъ рано или поздно попадетъ на эшафотъ. Каролина слушала Мешенъ, молча и холодѣя отъ ужаса. Да, съ Викторомъ покончено; этотъ нравственный уродъ вырвался на свободу и рыскаетъ теперь по трущобамъ, какъ бѣшеный звѣрь, кусающій всякаго встрѣчнаго и укусомъ своимъ передающій отъ одного къ другому ядъ своего бѣшенства.

По выходѣ отъ Буша, на тротуарѣ улицы Вивьенъ, Каролину поразила удивительная теплота воздуха. Было пять часовъ, солнце садилось на ясномъ небѣ и золотило вдаль вывѣски бульвара. Жизнь воскресала всюду среди этого превосходнаго апрѣльскаго вечера, и Каролина чувствовала, какъ обновленіе природы проникаетъ все ея существо до самаго сердца. Она полной грудью вдохнула, какъ бы послѣ душнаго заключенія, и была счастлива ужъ тѣмъ, что новая, вѣчно оживающая надежда на будущее возвратилась къ ней и овладѣла ею. Несомнѣнно, это прекрасная смерть мечтателя Сигизмунда, принесшаго свой послѣдній вздохъ въ жертву абсолютной справедливости и любви къ ближнему, настроила такъ ее, потому что вѣдь и она сама мечтала также о спасеніи человѣчества отъ пагубной жажды къ наживѣ, къ деньгамъ. Да и рыданія другаго брата подѣйствовали на нее: могла ли она думать, что этотъ кровожадный звѣрь, Бушъ, способенъ былъ проявить столько нѣжности, такое трогательное отчаяніе, такіа искреннія горючія слезы! Однако нѣтъ, всетаки Каролинѣ не удалось уйти отъ Буша подъ полнымъ впечатлѣніемъ неуничтожимаго въ человѣкѣ чувства любви, воскресающаго при ударахъ несчастія, всетаки въ концѣ концовъ ее огорчила безнадежная судьба маленькаго чудовища, убѣжавшаго въ беспросвѣтную даль и сѣющаго теперь вокругъ себя задатки порчи и гибели, задатки, отъ которыхъ трудно будетъ освободиться и безъ того зараженному человѣчеству.

Къ чему же послѣ всего этого весна снова зоветъ къ жизни, къ чему она наполняетъ надеждой все существующее на землѣ?

Достигнувъ бульвара, Каролина повернула налѣво и замедлила шаги, потому что здѣсь уже была цѣлая масса гуляющихъ. На минуту она остановилась передъ маленькой телѣжкой съ букетами сирени и гвоздики, сильный аромат которыхъ пахнулъ на нее дыханіемъ весны. И когда она пошла дальше, радость жизни все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала ею; эта радость вырывалась изъ какого-то невидимаго источника и могущественно покоряла Каролину, хотя та и старалась напрасно остановить свои бессмысленные порывы, задушить ихъ всѣми силами. Ужасныя катастрофы послѣдняго времени еще такъ живы были въ ея памяти; она не должна была бы веселиться, Богъ знаетъ отчего, не должна отдаваться лѣниво потоку жизнерадостной силы. Каролина старалась сохранить свой трауръ, старалась напомнить себѣ весь ужасъ недавнихъ впечатлѣній. Какъ? Она смѣется всетаки и послѣ крушенія всѣхъ своихъ надеждъ, послѣ столькихъ несчастій, поразившихъ близкихъ ей людей? развѣ она забыла свое соучастіе въ грязныхъ операціяхъ Всеобщаго банка? Факты, одинъ хуже другаго, вереницей проносились въ ея головѣ; ей слѣдовало бы оплакивать ихъ всю остальную жизнь свою. Но какъ ни старалась она заглушить свое трепещущее сердце, ощущеніе безпредметной радости становилось все неудержимѣе; потокъ жизни пробивался сквозь случайныя преграды, разбрасывалъ ихъ въ стороны и побѣдоносно сверкалъ среди угрюмыхъ, неподвижныхъ, мертвыхъ призраковъ прошлаго.

Съ этой минуты Каролина была побѣждена и должна была покорно отдаться неодолимой силѣ вѣчнаго обновленія. Она не могла быть печальной, — въ этомъ Каролина всегда признавалась. Опытъ былъ сдѣланъ, она, казалось, дошла до самой глубины безнадежнаго отчаянія, и вотъ опять въ ней возникаетъ жажда жизни; разбитая, окровавленная, она чувствуетъ съ каждой минутой все сильнѣе возвращеніе своей неистребимой живучести. Правда, иллюзій уже не оставалось, кругомъ, царили неправда и грязь, свойственные природѣ. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, эта потребность, глупая потребность, любить природу, жаждать общенія съ нею, стремиться къ пользованію ея благами, какъ ребенокъ,

которому обѣщано удовольствіе, ждетъ—не дождется исполненія обѣщанія, обладанія приманкой, виднѣющейся въ далекой, туманной неизвѣстности? Повернувъ наконецъ въ улицу Шоссе-д'Антенъ, Каролина перестала уже и разсуждать. Вся философія этой образованной и начитанной женщины истощилась; она просто устала отъ бесполезныхъ поисковъ причинъ и была теперь обыкновеннымъ существомъ, наслаждающимся яснымъ небомъ, теплымъ воздухомъ, крѣпкимъ здоровьемъ своего тѣла, даже бодрымъ стукомъ своихъ ботинокъ по тротуару. О, радость жизни! да развѣ на самомъ дѣлѣ есть что нибудь лучшее? Жизнь хороша и такъ, какъ она есть, во всей своей современной неприглядности: если существуетъ отвратительное, то рядомъ съ нимъ всегда есть и надежда на прекрасное.

Возвратившись въ свою квартиру въ улицѣ Сень-Лазаръ, откуда завтра же надо было уѣхать, Каролина привялась за укладку своихъ чемодановъ. Прохаживаясь по кабинету Гамелена, уже опустѣвшему теперь, она замѣтила на стѣнахъ чертежи и акварели, которые она хотѣла снять и упаковать на самый конецъ, передъ отъѣздомъ. Но воспоминанія задерживали ее передъ каждымъ рисункомъ, прежде чѣмъ выдернуть гвоздики, прикрѣпившіе его по четыремъ угламъ. Каролина оживила въ своей памяти былые дни путешествія по востоку, по этой любимой ею странѣ, яркое солнце которой, казалось, оставило на ней неизгладимый слѣдъ. Она пережила мысленно и тѣ четыре года, что провела въ Парижѣ, всѣ свои ежедневныя волненія, лихорадочную дѣятельность и этотъ чудовищный ураганъ миллионъ, пронесшійся надъ нею и задѣвшій ее. Но и среди этихъ свѣжихъ еще развалинъ, казалось, уже пускала ростки веселая зелень и тянулась къ яркому солнцу. Если турецкій національный банкъ и рухнулъ вслѣдъ за Всеобщимъ, то всетаки главное общество соединенныхъ каботажей уцѣлѣло и преуспѣвало. Передъ нею развернулась очаровательная панорама Бейрута, гдѣ среди обширныхъ складовъ возвышалось зданіе для дирекціи: этотъ чертежъ Каролина свертывала въ настоящую минуту. Марсель овладѣлъ торговлею портовъ въ Малой Азіи, Средиземное море было завоевано, націи сблизились, узнали другъ друга. А ущелье-то Кармеля; теперь приходилось и эту акварель снять со стѣны; недавно писали что эта глушь быстро залюдняется. Де-

ревня въ пятьсотъ обитателей, возникшая сначала возлѣ разрабатываемыхъ серебряныхъ рудниковъ, превратилась теперь уже въ городъ съ тысячами жителей, и въ городъ благоустроенный, съ мощеными улицами, съ фабриками, школами, оживившими этотъ мертвый и тихій уголокъ. Послѣ акварели, Каролина начала снимать другіе чертежи, нивелировки и профили для желѣзнодорожной линіи отъ Бруссы до Бейрута, черезъ Ангору и Алеппо, цѣлый рядъ громаднхъ листовъ, покидавшихъ стѣны кабинета одинъ за другимъ. Конечно, пройдутъ годы, прежде чѣмъ поѣзда понесутся по вершинамъ Тавра; но жизнь тамъ возникаетъ уже повсюду, почва древней колыбели человѣчества производила уже новыя поколѣнія людей, прогрессъ былъ очевиденъ и быстро росъ подъ жгучимъ солнцемъ, какъ вообще тамъ все растетъ изумительно скоро. Цѣлый міръ возникалъ сызнова; человѣчеству открывался просторъ и новое поле для счастливой жизни.

Наконецъ Каролина свернула всѣ планы и связала ихъ крѣпкой веревкой. Братъ ея, ожидавшій сестру въ Римѣ, гдѣ оба они рассчитывали начать новую жизнь, — особенно просилъ хорошенько упаковать свои чертежи. Пока Каролина затягивала узлы, ей пришелъ на умъ Саккаръ, который, — какъ она слышала, — находился теперь въ Голландіи и затѣялъ тамъ снова колоссальное предпріятіе, осушку громаднхъ болотъ, чтобы отвоевать у моря цѣлое маленькое царство, съ помощью сложной системы каналовъ. Да, Саккаръ былъ правъ: деньги до сихъ поръ служатъ удобреніемъ для будущаго роста человѣчества; деньги, отравляющія все живое и разрушающія самыя крѣпкія сооруженія, становятся корнемъ социальныхъ произрастаній, необходимой почвой для грандіозныхъ построекъ, съ цѣлью облегчить существованіе людей. На этотъ разъ Каролина увидала ясно, что ея непоколебимая надежда основывалась на увѣренности, что всякое усиліе должно приносить пользу. Боже мой, надъ всей этой взбаламученной грязью, надъ грудой всѣхъ этихъ раздавленныхъ жертвъ, надъ всѣмъ этимъ ужаснымъ страданіемъ, которымъ человѣчество платится за каждый шагъ впередъ, развѣ не свѣтится, хотя и тусклая, отдаленная цѣль жизни, нѣчто высокое, доброе, справедливое, опредѣленное, къ чему мы стремимся, не зная даже его, и что наполняетъ сердца наши упорной жаждой жить и надѣяться?

И Каролина была весела, несмотря на всё свои разочарованія; лицо ея по прежнему было молодо, хотя и обрамленное вѣнцомъ изъ свѣдхъ волосъ; казалось, каждая весна, являясь на обветшалую землю, имѣла свойство молодить одну Каролину. Вспоминая со стыдомъ о своихъ отношеніяхъ къ Саккару, она думала всегда и объ ужасающей грязи, которая примѣшивается ко всякой любви. Зачѣмъ же сваливать на деньги всю вину за обманы и преступления, совершаемыя посредствомъ ихъ? Любовь тоже загрязнена, а вѣдь она и есть источникъ жизни.

МОЯ ЖЕНА

РОМАНЪ

Райдера Геггерда

I. Дѣтство

Я сынъ миссіонера. Мой отецъ прежде былъ священникомъ въ маленькомъ приходѣ, въ Оксфордшайрѣ. Онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ женатъ на моей матери, когда поселился тамъ, и у него было четверо дѣтей, изъ которыхъ я—самый младшій. Я смутно помню мѣстность, гдѣ мы жили. Старинный, длинный сѣрый домъ выходилъ на дорогу; въ саду было какое-то громадное дерево, а въ деревѣ — дупло, и мы, дѣти, часто, бывало, забирались туда и связывали узлы изъ жесткой коры. Мы всѣ спали въ мезонинѣ, и наша мать всегда приходила и цѣловала насъ, когда мы были уже въ постели. Я всегда просыпался и видѣлъ ее, склоненную надо мной, съ подсвѣчникомъ въ рукѣ. Отъ стѣны шла балка надъ моей кроватью. Однажды я натерпѣлся страху, когда мой братъ заставилъ меня повиснуть на ней на рукахъ. Вотъ все, что я помню о нашемъ старомъ домѣ; онъ давно уже срытъ, а то я бы съвздилъ взглянуть на него.

Подальше на дорогѣ стоялъ большой домъ съ громадными желѣзными воротами; на столбахъ воротъ сидѣли два каменныхъ льва, такіе страшные, что я боялся ихъ. Можетъ быть, чувство это было пророческое. Домъ можно было видѣть сквозь рѣшетку воротъ. Мрачное зданіе, огороженное тесовымъ заборомъ; лѣтомъ на лужайкѣ, вокругъ солнечныхъ часовъ, росли кое-какіе цвѣты. Домъ назывался зам-

комъ, и въ немъ жилъ сквайръ Керсонъ. Однажды на рождество — это было послѣднее рождество передъ тѣмъ, какъ мой отецъ эмигрировалъ, иначе я бы не помнилъ этого — мы, дѣти, отправились на елку въ замокъ. Было много гостей, и лакеи въ красныхъ жилетахъ стояли въ подѣздѣ. Въ столовой со стѣнами изъ чернаго дуба стояла елка. Сквайръ Керсонъ стоялъ передъ ней: онъ былъ высокій смуглый мужчина со спокойными манерами; на жилетѣ у него висѣла связка печатокъ. Мы считали его старикомъ, но ему въ то время было не больше 40 лѣтъ. Онъ много путешествовалъ въ юности, какъ я узналъ впоследствии; онъ былъ женатъ уже шесть или семь лѣтъ на леди — полу-испанкѣ паписткѣ, какъ называлъ ее мой отецъ. Я хорошо помню ее: маленькаго роста, очень хорошенькая, съ крутымъ личикомъ, съ большими черными глазами и ослѣпительными зубами. Она говорила по англійски съ иностраннымъ акцентомъ. Я былъ, надо полагать, смѣшнымъ ребенкомъ; я зналъ, что волосы у меня на головѣ стояли щеткой, какъ и теперь; у меня сохранился портретъ, набросанный моею матерью, на которомъ рѣзко выдѣляется эта особенность. И я помню, какъ въ тотъ разъ на елкѣ м-съ Керсонъ обратилась къ высокому джентльмену, который казался иностранцемъ, и, ласково дотронувшись золотымъ лорнетомъ до его плеча, сказала:

— Взгляните, кузень, на этого забавнаго мальчугана съ громадными карими глазами, у него волосы точно... ну, какъ это называется... скребница. О смѣшной мальчуганъ!

Высокій джентльменъ покрутилъ усы и, взявъ руку м-съ Керсонъ въ свою, началъ гладить ею мои волосы, пока она не шепнула ему:

— Оставьте мою руку, кузень. Томасъ нахмурился, какъ гроза.

Томасъ было имя м-ра Керсона, ея супруга.

Я спрятался, какъ могъ, за стулъ, потому что былъ застѣнчивъ, и наблюдалъ за маленькой Стеллой Керсонъ, единственной дочерью сквайра, которая раздавала дѣтямъ подарки съ елки. Она была одѣта, какъ рождественская картинка, мягкая бѣлая матерія окружала ее прелестное маленькое личико; у ней были большіе темные глаза, которые казались мнѣ прекраснѣе всего, что я когда либо видѣлъ. Наконецъ пришла моя очередь получить подарокъ, по-

дарокъ знаменательный, если разсматривать его въ свѣтѣ грядущихъ событій — это была большая обезьяна. Стелла достала ее съ нижнихъ вѣтокъ елки и, подавая ее мнѣ, сказала:

— Вотъ вамъ мой рождественскій подарокъ, мальчикъ Аллень Кватермень.

Ея рукавъ изъ перстяной матеріи, перехваченный наверху чѣмъ-то блестящимъ, задѣлъ за одну изъ свѣчекъ и вспыхнулъ; пламя быстро поднялось отъ руки къ горлу. Она стояла неподвижно. Я думаю, что она онѣмѣла отъ испуга; леди, стоявшія недалеко, громко закричали, но ничего не дѣлали. Меня охватило какое-то чувство, вѣрнѣе сказать — инстинктъ, принимая въ соображеніе мой возрастъ. Я бросился къ ребенку и счастливо потушилъ огонь руками, прежде чѣмъ онъ успѣлъ распространиться. Мои руки такъ пострадали, что долго потомъ пришлось держать ихъ въ ватѣ, но зато маленькая Стелла Керсонъ получила лишь незначительный обжогъ шеи.

Вотъ все, чтó я помню о рождественской елкѣ въ замкѣ. Чтó происходило потомъ — мною забыто, но я до сихъ поръ вижу иногда во снѣ кроткое личико маленькой Стеллы, вижу ужасъ въ ея темныхъ глазахъ и огонь, охватившій ея рукавъ. Это, впрочемъ, неудивительно, такъ какъ я спасъ жизнь той, которая была предназначена мнѣ въ жены.

Слѣдующимъ событіемъ, которое я хорошо помню, была болѣзнь моей матери и трехъ братьевъ, происшедшая, какъ я узналъ впоследствии, отъ зараженія нашего колодца какимъ-то злоумышленникомъ, бросившимъ въ него мертвую овцу.

Въ то время, когда они были больны, къ намъ пришелъ однажды сквайръ Керсонъ. Погода была холодная, и въ кабинетѣ, я помню, топился каминъ; я сидѣлъ передъ огнемъ, выписывая на клочкѣ бумаги буквы карандашемъ, а отецъ ходилъ взадъ и впередъ, говоря самъ съ собою. Я узналъ потомъ, что онъ молился о сохраненіи жизни жены и дѣтей. Вошла служанка и доложила, что его желаютъ видѣть.

— Это сквайръ, сэръ! сказала дѣвушка: — они сказали, что имъ очень нужно видѣть васъ.

— Хорошо, устало отвѣтилъ отецъ, и сквайръ Керсонъ вошелъ. Лицо у него было блѣдно и угрюмо, а глаза такъ ярко сверкали, что я испугался его.

— Простите меня, Кватуермень, что я безпокою васъ въ такое время, сказалъ онъ хриплымъ голосомъ: — но завтра я покидаю навсегда эту мѣстность и желаю поговорить съ вами, прежде чѣмъ уѣду... мнѣ необходимо поговорить съ вами.

— Не выслать ли Аллена? спросилъ отецъ, показавъ на меня.

— Нѣтъ, можетъ остаться. Онъ не пойметъ.

И я, конечно, въ то время ничего не понялъ; но я запомнилъ всѣ его слова, и черезъ нѣсколько лѣтъ они стали понятны мнѣ.

— Сперва скажите мнѣ, продолжалъ онъ: — какъ ихъ здоровье? И онъ показалъ большимъ пальцемъ наверхъ.

— Моя жена и двое мальчиковъ безнадежны, отвѣтилъ отецъ со стономъ. — Я ничего не знаю о третьемъ. Да будетъ воля господня!

— Да будетъ воля господня! торжественно повторилъ сквайръ. — Теперь выслушайте меня, Кватуермень: моя жена убѣжала.

— Убѣжала! проговорилъ отецъ: — съ кѣмъ?

— Съ иностранцемъ - кузеномъ. Изъ письма, что она оставила, видно, что она его всегда любила, а не меня. Вышла же замужъ за меня, потому что считала меня богатымъ англійскимъ милордомъ. Теперь она растранижирила большую часть моего состоянія и убѣжала. Не знаю куда. Къ счастью, она не пожелала обременить себя ребенкомъ. Стелла осталась у меня.

— Вотъ что случается, когда человѣкъ женится на паписткѣ, Керсонъ, сказалъ отецъ. Ему не слѣдовало этого говорить; онъ былъ добрейшій и великодушнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, но онъ былъ фанатикъ. — Что вы намѣрены дѣлать, преслѣдовать ее?

Керсонъ горько засмѣялся въ отвѣтъ.

— Преслѣдовать ее! еказалъ онъ. — Къ чему стану я преслѣдовать ее? Я могу убить ее, или его, или обоихъ вмѣстѣ, потому что они опозорили имя моего ребенка. Нѣтъ, я не хочу видѣть ея лица. Я вѣрилъ ей, и она обманула меня. Пусть идетъ, куда хочетъ, и устраиваетъ свою жизнь. Я также уѣзжаю. Меня утомила жизнь.

— Но, Керсонъ, вы, конечно, не думаете... сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не это. Смерть и такъ скоро придетъ. Но я желаю покинуть этотъ цивилизованный мѣръ, полный лжи. Мы отправимся прямо въ пустыню, я съ ребенкомъ, и тамъ скроемъ свой позоръ. Гдѣ? не знаю. Гдѣ нибудь, гдѣ нѣтъ бѣлыхъ лицъ и сладкихъ заученныхъ фразъ.

— Вы съ ума сошли, Керсонъ! отвѣчалъ отецъ. — Какъ вы будете жить? какъ будете воспитывать Стеллу? Будьте мужчиной и перенесите свое горе.

— Я буду мужчиной и перенесу, но только не здѣсь, Кватермень. Воспитаніе! не была она... женщина, бывшая моей женой... отмибно воспитана? Первая умница въ графствѣ. Слишкомъ умна для меня, Кватермень, слишкомъ умна! Нѣтъ, нѣтъ, Стелла будетъ иначе воспитана; если возможно, она позабудетъ свое имя. Прощайте, старый другъ, прощайте навсегда. Не ищите меня, отнынѣ я буду все равно что умершій для васъ и для всѣхъ, кого я знаю... И онъ ушелъ.

— Безумецъ, проговорилъ отецъ съ тяжелымъ вздохомъ. — Горе омрачило его разсудокъ. Но онъ одумается.

Въ эту минуту вошла няня и что-то шепнула ему на ухо. Лицо у отца помертвѣло. Онъ ухватился за столъ, чтобы не упасть, и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Моя мать умирала!

Спустя нѣсколько дней, въ точности не помню, отецъ взялъ меня за руку и повелъ наверхъ, въ большую комнату, которая была спальней моей матери. Она лежала мертвая въ гробу съ цвѣтами въ рукахъ. Вдоль стѣны стояли три прибранныя маленькія кровати, и на нихъ лежали мои братья. Они имѣли такой видъ, какъ будто уснули, и у нихъ въ рукахъ были цвѣты. Отецъ велѣлъ мнѣ проститься съ ними, сказавъ, что я ужъ не увижу ихъ больше, и я поцѣловалъ ихъ, хотя мнѣ было страшно. Самъ не знаю, чего я боялся. Отецъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Господь далъ, сказалъ онъ: — Господь и возьметъ! да будетъ благословенно имя господне.

Я горько плакалъ, и онъ взялъ меня къ себѣ внизъ; о томъ, что было дальше, я имѣю лишь смутное воспоминаніе въ видѣ людей въ черномъ, уносившихъ тяжелыя ноши на унылое кладбище.

Затѣмъ встаетъ видѣніе большаго корабля и высоко

вздымающихся волнъ. Послѣ такой потери отецъ не могъ оставаться въ Англіи и рѣшился эмигрировать въ южную Африку. Мы въ то время, надо полагать, были бѣдны, отецъ со смертью матери лишился большей части состоянія. Мы ѣхали въ каютѣ 2-го класса, и тяжелое плаванье съ грубыми спутниками-эмигрантами до сихъ поръ живо въ моей памяти. Наконецъ оно окончилось, и мы прибыли въ Африку, которую не суждено мнѣ было покинуть въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ то время цивилизація туго проникла въ южную Африку. Мой отецъ отправился въ глубь материка и сталъ миссіонеромъ среди кафровъ тамъ, гдѣ теперь стоитъ городокъ Кредокъ и гдѣ я выросъ. По сосѣдству жило нѣсколько голландцевъ-фермеровъ, и мало по малу вокругъ насъ сгруппировалась маленькая колонія бѣлыхъ, въ которой пьяница-шотландецъ, кузнецъ-колесникъ, былъ самою типичною личностью; трезвый онъ, бывало, декламировалъ почти слово въ слово Бёрнса и Индольдсбійскія легенды, только что появившіяся тогда въ печати. Отъ него я наследовалъ любовь къ забавнымъ легендамъ, которая никогда не покидала меня, но Бёрнсъ мнѣ не нравился, вѣроятно, своимъ шотландскимъ діалектомъ, который отталкивалъ меня. Небольшія знанія, которыя я приобрѣлъ, передалъ мнѣ мой отецъ, но у меня никогда не было склонности къ книгамъ, да и у отца не было много времени на занятія со мной. Зато я отличался всегда большою наблюдательностью въ отношеніи людей и природы. Въ 20 лѣтъ я отлично говорилъ по голландски и на трехъ-четырехъ кафрскихъ нарѣчіяхъ, и врядъ ли кто нибудь въ южной Африкѣ лучше меня зналъ туземные нравы и обычаи. Я былъ отличный стрѣлокъ и наѣздникъ, и мнѣ кажется, — что дѣйствительно и оправдалось моею послѣдующей карьерой, — что я былъ значительно крѣпче большинства людей. Хотя тогда, какъ и теперь, я былъ невысокъ и тонокъ, но я не зналъ усталости. Я могъ вынести какія угодно лишения; я никогда не встрѣчалъ туземца, обладавшаго болѣею выносливостью, чѣмъ я.

Можно удивляться, что я не сталъ распутнымъ въ такой средѣ, но меня охраняло общество отца. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ деликатныхъ и утонченныхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ; самые грубѣйшіе кафры любили его,

и его вліяніе на меня было въ высшей степени благотворно. Онъ называлъ меня неудачникомъ; хорошо было бы, еслибы на свѣтѣ было побольше такихъ неудачниковъ. По вечерамъ, когда кончались его занятія, онъ бралъ молитвенникъ и, сидя на верандѣ миссіонернаго домика, читалъ вечерніе псалмы. Случалось, что читать было темно, но для него это было безразлично, потому что онъ зналъ наизусть всѣ псалмы. Кончивъ чтеніе, онъ глядѣлъ черезъ обработанныя поля въ сторону хижинъ кафровъ. Но я зналъ, что не хижины онъ видѣлъ, а сѣренькую англійскую церковь и могилы, расположенныя рядомъ подъ тисомъ, близъ калитки.

На верандѣ онъ и умеръ. Онъ все прихварывалъ; однажды вечеромъ, когда мы бесѣдовали, его мысли обратились къ Оксфордшайру и моей матери. Онъ долго вспоминалъ о ней и признался, что мысль о ней никогда не покидала его въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ, и что онъ радъ, что приближается къ тому предѣлу, за который она ушла. Потомъ онъ спросилъ меня, помню ли я ту ночь, когда сквайръ Керсонъ вошелъ въ кабинетъ и объявилъ ему, что его жена убѣжала, и онъ хочетъ переимѣнить имя и скрыться въ какойнибудь далекой странѣ.

Я отвѣчалъ, что отлично помню это.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, куда онъ отправился, продолжалъ отецъ: — и живъ ли онъ и его дочь Стелла. Ну, мнѣ ужъ не придется увидѣть ихъ. Но въ жизни случаются удивительныя вещи, Алленъ, ты можешь встрѣтиться съ ними. Если это случится, передай имъ мою любовь.

Послѣ этого я оставилъ его. Намъ въ то время приходилось много терпѣть отъ кафровъ-воровъ, которые крали по ночамъ нашихъ овецъ, и я рѣшилъ караулить эту ночь и постараться словить ихъ: мнѣ случалось часто караулить и не безъ успѣха. Благодаря вотъ этой привычкѣ караулить по ночамъ, туземцы прозвали меня »Макумазанъ«, чтó въ буквальномъ переводѣ значитъ: »который спитъ съ однимъ глазомъ открытымъ«. Я взялъ винтовку и собрался уходить. Отецъ подовѣлъ меня и поцѣловалъ въ лобъ, сказавъ:

— Да благословить тебя Господь, Алленъ. Я надѣюсь, что ты вспомнишь иногда старика-отца и будешь вести хорошую, счастливую жизнь.

Я помню, что мнѣ не понравились тогда его слова, но

я приписалъ ихъ припадку меланхоліи, которой онъ былъ подверженъ въ послѣдніе годы. Я отправился въ крааль и караулил до восхода солнца; такъ какъ воры не явились, то я пошелъ домой. Подходя къ дому, я былъ удивленъ при видѣ фигуры, сидѣвшей на отцовскомъ креслѣ. Сперва я принялъ ее за пьянаго кафра, а потомъ подумалъ, что отецъ заснулъ, вѣроятно, въ креслѣ.

Дѣйствительно заснулъ — онъ былъ мертвъ!

II. — Поединокъ огнемъ.

Похоронивъ отца и дождавшись его преемника, — миссіонерная станція принадлежала обществу, — я занялся исполненіемъ плана, который давно лелѣялъ, но не могъ исполнить, потому что исполненіе его повлекло бы за собою разлуку съ отцомъ. Короче сказать, я задумалъ изслѣдовать страны, извѣстныя теперь подъ именемъ Свободныхъ земель и Трансваала, и проникнуть какъ можно дальше на сѣверъ. Это было рискованное предпріятіе, потому что, хотя эмигранты-боэры и начинали уже селиться въ этихъ территорияхъ, но онѣ все же еще были неизслѣдованы. Но я былъ одиночекъ, и никому не было дѣла до меня; увлекаемый сильною любовью къ приключеніямъ, — которая, вѣроятно, и будетъ причиной моей смерти, несмотря на то, что я уже старъ, — я рѣшился отправиться въ путь.

Я продалъ скотъ и все наше имущество, оставивъ себѣ только два лучшихъ фургона и пару воловъ. На вырученные деньги я накупилъ товаровъ, имѣвшихъ сбытъ, купилъ ружья и провизію. Современный путешественникъ-изслѣдователь разсмѣялся бы, увидѣвъ эти ружья, но они сослужили мнѣ службу. Одно изъ нихъ было одноствольное, съ гладкимъ дуломъ, приспособленное для пистоновъ, вмѣщало пулю въ два лота и заряжалось горстью грубаго чернаго пороха. Я убилъ много слоновъ этимъ ружьемъ, хотя стрѣлять изъ него было трудне, и меня при этомъ всегда отбрасывало назадъ. Лучшимъ ружьемъ изъ всего запаса было двухствольное ружье № 12, но оно было кремневое. Имѣлось также нѣсколько старыхъ мушкетовъ, которые, случается, стрѣляютъ на разстояніи 70 ярдовъ. Я взялъ съ собою шесть кафровъ и три хорошихъ лошади. Въ числѣ кафровъ находился нѣкто Индаба-зимби, въ переводѣ: »Же-

лѣзныи языкъ». Я думаю, онъ получилъ это прозвище за свой пронзительный голосъ и неистощимое краснорѣчіе. Этотъ человѣкъ былъ очень замѣчательнъ въ своемъ родѣ: онъ слылъ за колдуна и явился на миссіонерную станцію при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя не лишнее будетъ рассказать, такъ какъ онъ играетъ значительную роль въ моей исторіи.

Года за два до смерти моего отца, мнѣ пришлось много поѣздить за пропавшими волами. Послѣ долгихъ и безплодныхъ поисковъ мнѣ пришло въ голову съѣздить въ то мѣстечко, гдѣ волы выращивались, къ одному кафрскому начальнику, имя котораго я теперь забылъ; его крааль былъ въ 50 миляхъ отъ нашей станціи. Я отправился туда и нашелъ воловъ. Начальникъ принялъ меня превосходно; на слѣдующее утро я пришелъ проститься съ нимъ, и меня удивило присутствіе нѣсколькихъ сотенъ мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ него и съ тревогой наблюдавшихъ за небомъ, на которомъ скоплялись грозовыя тучи.

— Тебѣ лучше подождать, бѣлый человѣкъ, сказалъ мнѣ начальникъ: — и посмотришь, какъ будутъ сражаться колдуны, имѣя оружіемъ молнію.

Я просилъ его объяснить мнѣ его слова и узналъ, что Индаба-зимби былъ уже нѣсколько лѣтъ главнымъ колдуномъ племени, хотя по рожденію и не принадлежалъ къ нему, такъ какъ родился въ странѣ, известной нынѣ подъ именемъ земли Зулусовъ. Сынъ начальника, человѣкъ лѣтъ 30-ти, выступилъ недавно его соперникомъ по части сверхъестественнаго искусства. Это въ высшей степени раздражило Индаба-зимби, и между двумя колдунами возникла вражда, вызвавшая поединокъ посредствомъ молніи. Условія были слѣдующія: соперники должны были дождаться сильной грозы, обыкновенная гроза не отвѣчала ихъ требованіямъ; они должны были отправиться въ известное мѣсто, гдѣ, какъ было замѣчено, безпрестанно ударяютъ сильныя молніи, встать въ 50 шагахъ другъ отъ друга съ ассегаемъ (короткое копье) въ рукахъ и съ помощью чаръ и заклинаній молніи постараться отвлечь смерть отъ себя и причинить ее сопернику. Условія этого удивительнаго поединка были опредѣлены за мѣсяць назадъ, но до сихъ поръ не было еще такой грозы, какая требовалась. Теперь мѣстные предсказатели погоды надѣялись, что она соберется.

Я спросилъ, что случится, если ни одинъ изъ нихъ не будетъ убитъ, и мнѣ сообщили, что они должны будутъ ждать слѣдующей грозы; а если они останутся живы и послѣ второй грозы, то будутъ признаны равными по силѣ, и племя будетъ одинаково обращаться къ обоимъ за совѣтомъ въ важныхъ случаяхъ.

Возможность присутствовать на такомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ побѣдила мое желаніе ѣхать домой, и я принялъ приглашеніе начальника. Но уже до полудня я пожалѣлъ, что остался, потому что хотя на западѣ небо все болѣе и болѣе темнѣло и въ воздухѣ пахло грозой, но гроза все не приходила. Въ 4 часа однако стало очевидно, что она скоро разразится. »На закатѣ солнца«, сказалъ начальникъ, и я, въ сопровожденіи цѣлой толпы, направился къ мѣсту поединка. Краалъ былъ построенъ на вершинѣ холма, который на разстояніи полумили постепенно спускался къ берегамъ рѣки. На ближайшемъ берегу находилось мѣстечко, излюбленное, какъ говорили туземцы, молніей. Копдуны расположились на этомъ мѣстечкѣ, а зрители размѣстились на склонѣ холма въ 200 ярдахъ — разстояніе, какъ мнѣ казалось, слишкомъ малое, чтобы быть пріятнымъ. Посидѣвъ немного, я попросилъ у начальника позволеніе осмотрѣть арену. Онъ разрѣшилъ мнѣ это на мой рискъ. Я отвѣчалъ ему, что огонь съ неба безопасенъ для бѣлыхъ людей; я увидѣлъ, что почва на избранномъ мѣстѣ состояла изъ желѣзняка и тонко поросла травой, чѣмъ, разумѣется, и объяснялось притягиваніе молній во время ихъ слѣдованія вдоль рѣки. На двухъ концахъ этой арены помѣстились сражающіеся. Индаба-зимби стоялъ лицомъ къ востоку, а его соперникъ — лицомъ къ западу, и передъ каждымъ горѣлъ небольшой костеръ изъ какого-то пахучаго корня. Они были одѣты во всѣ доспѣхи своего искусства, змѣиные кожи, рыбы пузыри и не знаю еще что, а вокругъ шеи у нихъ висѣли ожерелья изъ зубовъ павіановъ и костей человѣческихъ рукъ. Я сперва пошелъ на западную сторону, гдѣ стоялъ сынъ начальника. Онъ направилъ свой асsegай въ сторону надвигавшейся грозы и въ сильномъ возбужденіи призывалъ ее: »Явись, огонь, и пожри Индаба-зимби! Услышь меня, духъ грозы, лизни Индаба-зимби твоимъ краснымъ языкомъ; проткни его насквозь твоимъ дождемъ! Закрути его твоимъ дыханьемъ! Преврати его въ прахъ, размягчи мозгъ въ

его костяхъ! Пронзи его сердце, сожги лживое сердце! Покажи всему народу, кто изъ насъ истинный колдунъ. Не осрами меня въ глазахъ блага человѣка!» Такъ онъ говорилъ или, вѣрнѣе, пѣлъ, натирая свою грудь — онъ былъ красивый мужчина — какимъ-то грязнымъ снадобьемъ. Утомившись слушать его пѣніе, я пошелъ къ Индаба-зимби, который сидѣлъ передъ своимъ костромъ. Онъ ничего не пѣлъ, но его дѣйствія производили еще большее впечатлѣніе. Онъ пристально глядѣлъ на восточную сторону неба, которая была совершенно чиста, и по временамъ указывалъ на нее пальцемъ, а затѣмъ оборачивался и направлялъ свой асгеай на противника. Нѣкоторое время я молча смотрѣлъ на него. Онъ отличался странною наружностью: ему было, пожалуй, больше 50 лѣтъ, но его тонкія руки были крѣпки, какъ сталь. Носъ у него былъ болѣе острый, чѣмъ вообще носы этой расы, и онъ имѣлъ странную привычку наклонять голову на бокъ, какъ птица, когда говорилъ, что, въ соединеніи съ лукавствомъ, сверкавшимъ въ его глазахъ, придавало ему комическій видъ. Другою странною въ немъ былъ бѣлый завитокъ въ шплкѣ черныхъ волосъ. Я сказалъ ему:

— Индаба-зимби, другъ мой, можетъ быть, ты искусный колдунъ, но во всякомъ случаѣ ты безуменъ. Что толку въ томъ, что ты тычешь пальцемъ въ голубое небо, когда твой врагъ готовится обрушиться на тебя вмѣстѣ съ грозой?

— Ты, можетъ быть, уменъ, бѣлый человѣкъ, но не воображай, что ты все знаешь, отвѣчалъ старикъ пронзительнымъ, надтреснутымъ голосомъ и съ усмѣшкой.

— Тебя прозвали »желѣзнымъ языкомъ«, продолжалъ я: — такъ дѣйствуй имъ, а то тебя не услышитъ духъ грозы.

— Огонь съ неба жжетъ желѣзо, отвѣчалъ Индаба-зимби: — такъ я ужъ лучше поберегу свой языкъ. Пусть онъ продолжаетъ свои заклинанія, я его скоро уничтожу. Взгляни-ка, бѣлый человѣкъ.

И взглянулъ: на востокѣ показалось облачко, сначала небольшое, хотя почти черное, но оно стало расти съ необычайной быстротой. Это было очень странно; но такъ какъ я не разъ замѣчалъ подобное явленіе, то оно неособенно удивило меня. Въ Африкѣ нерѣдко случается, что въ одно и то же время въ двухъ разныхъ пунктахъ скопляются двѣ грозы.

— Дѣйствуй скорѣе, Индаба-зимби, сказалъ я: — страшная гроза быстро приближается и живо поглотитъ твою малютку-тучу... и я показавъ на западъ.

— Малютки иногда вырастаютъ въ гигантовъ, бѣлый человѣкъ, замѣтилъ Индаба-земби, размахивая пальцемъ. — Ну-ка, посмотри на мою малютку-тучу.

Я посмотрѣлъ: туча на востокъ повисла между небомъ и землей и формою походила на громаднаго человѣка. Она имѣла голову, плечи, ноги; да, она походила на страшнаго великана, шагавшаго по небу. Лучи заходящаго солнца, проскользнувшіе изъ-подъ нижняго края западной тучи, сверкали въ промежуточномъ пространствѣ блестящимъ щитомъ и, освѣщая приближавшуюся фигуру тучи, переливались въ ея срединѣ оттѣнками свѣта, не поддающимися описанію; а ниже и выше этого ослѣпительнаго пояса выдѣлялись ея ноги и голова, черныя, какъ агаты. Вскорѣ отъ головы сверкнула яркая молнія, осѣнила ее, точно огненнымъ вѣнцомъ, и исчезла.

— Ага! усмѣхнулся старикъ Индаба-зимби: — мой мальчуганъ собирается надѣть обручъ взрослого мужчины... и онъ похлопалъ по своему обручу изъ гумми на головѣ, который туземцы начинаютъ носить при достиженіи извѣстнаго возраста и положенія. — А теперь, бѣлый человѣкъ, если ты только не искусѣ насъ обоихъ, уходи скорѣе, поединокъ сейчасъ начнется.

Я послѣдовалъ этому благоразумному совѣту.

— Желаю тебѣ удачи, чортовъ дядюшка, сказалъ я: — надѣюсь, что твои грѣхи не очень тяготятъ тебя.

— Смотри за собой и считай свои собственные грѣхи, молодой человѣкъ, отвѣчалъ онъ съ безобразной улыбкой, взявъ щепотку табаку; въ эту самую минуту молнія, не помню, изъ которой тучи, ударила въ 30 шагахъ отъ меня. Я бросился бѣжать и слышалъ за собою сильный смѣхъ старика Индаба-зимби. Я поднялся на холмъ, гдѣ сидѣлъ начальникъ со своими индунами, т. е. свитой, и сѣлъ около него; взглянувъ на него, я увидѣлъ, что онъ боится за жизнь своего сына и не увѣренъ въ искусствѣ молодаго человѣка противостоять чарамъ Индаба-зимби. Онъ разговаривалъ вполголоса съ однимъ изъ индуновъ, сидящимъ рядомъ съ нимъ. Я сдѣлалъ видъ, что не обращаю вниманія, что я весь углубленъ въ созерцаніе новаго для меня зрѣ-

лица; но у меня был тонкий слухъ въ то время, и я уловилъ смыслъ разговора.

— Слушай! говорилъ начальникъ: — если чары Индаба-зимби побѣдятъ моего сына, я не пощажу его. Я увѣренъ, что если онъ убьетъ моего сына, то также убьетъ и меня, и сдѣлается начальникомъ вмѣсто меня. Я боюсь Индаба-зимби. У!..

— Начальникъ, отвѣчалъ индунъ: — колдуны околѣвають, какъ собаки, а околѣвшія собаки не лаютъ.

— И околѣвшіе колдуны не колдуютъ, сказалъ начальникъ; онъ наклонился и что-то зашепталъ на ухо индуну, поглядывая на асегай въ его рукѣ.

— Хорошо, отецъ, хорошо! отвѣчалъ индунъ. — Это будетъ сдѣлано сегодня же ночью, если только молнія не сдѣлаетъ этого раньше.

»Старика Индаба-зимби ждетъ бѣда«, мысленно рѣшилъ я: — »они намѣрены убить его«. Но я не могъ думать объ этомъ, такъ какъ зрѣлище передо мной было потрясающее.

Двѣ грозовыя тучи быстро подвигались другъ къ другу. Между ними была синевя неба, и по временамъ ослѣпительныя молніи сверкали въ этой синевѣ, перелетая съ тучи на тучу. Мнѣ онѣ напомнили Юпитера и его громовыя стрѣлы. Туча, имѣвшая форму великана, опоясанная лучами заходящаго солнца, была отличнымъ изображеніемъ Юпитера, и я увѣренъ, что стрѣлы, которыя она низвергала, ни въ чемъ не уступали стрѣламъ мифологическихъ временъ. Но удивительно, что молнія была безъ грома. Царила страшная тишина, скотъ безшумно стоялъ на скатахъ холма, даже туземцы были безмолвны отъ ужаса. Темныя тѣни выползали изъ глубины долинъ, рѣка направо и налево скрывалась за облаками, но передъ нами и позади двухъ враговъ она блестѣла, какъ серебряная лента, подъ суживавшейся полосой чистаго неба. Западная туча теперь вся трепетала ослѣпительными линіями, а черная, какъ чернила, голова тучи-великана на востокъ была пронизана какимъ-то блѣднымъ мертвеннымъ сіяніемъ, которое, то вспыхивая, то потухая, точно накачивало въ тучу грозовую эссенцію.

Тишина все усиливалась и усиливалась, тѣни становились все чернѣе и чернѣе, и вдругъ вся природа застонала подъ дыханіемъ ледянаго вѣтра. Поднялся вихрь, избородилъ волнами гладкую поверхность рѣки и низко при-

гнулъ высокую траву; раздался свистящій звукъ яростнаго ливня.

Тучи столкнулись. Изъ каждой тучи вырвалось страшное зарево ослѣпительнаго огня, и холмъ, на которомъ мы сидѣли, задрожалъ отъ раскатовъ грома. Небо почернѣло, мракъ окуталъ землю, но ненадолго; холмъ вдругъ освѣтился молніей; онъ то появлялся, то исчезалъ; по временамъ можно было отлично видѣть на разстояніи нѣсколькихъ миль, то вдругъ сидѣвшіе рядомъ со мною люди исчезали во мракѣ. Громъ гремѣлъ частыми ударами, грохоталъ, какъ труба страшнаго суда, вихрь кружился, поднимая пыль и даже камни высоко на воздухъ, и слышался глухой, непрерывный свистъ падающаго дождя.

Я прикрылъ рукою глаза, чтобы защитить ихъ отъ страшнаго блеска, и взглянулъ на арену. Такъ какъ молнія сверкала непрерывно, то я могъ разсмотрѣть двухъ колдуновъ. Они медленно подвигались другъ къ другу, каждый изъ нихъ направляя свой ассегай на врага. Я могъ видѣть каждое ихъ движеніе, и мнѣ казалось, что огненная цѣпь была по желѣзному грунту вокругъ нихъ.

Громъ и молнія на минуту прекратились; все было черно и безмолвно, только слышенъ былъ шумъ дождя.

— Поединокъ, должно быть, такъ или иначе конченъ, начальникъ! воскликнулъ я въ темнотѣ.

— Подожди, бѣлый человѣкъ, подожди! отвѣчалъ начальникъ голосомъ, полнымъ тревоги и страха.

Едва эти слова сорвались съ его губъ, какъ небеса снова разверзлись и буквально запылали. Враговъ раздѣляло не болѣе десяти шаговъ. Сильная молнія упала между ними, и я видѣлъ, какъ они пошатнулись отъ удара. Индаба-зимби первый пришелъ въ себя, и, когда сверкнула вторая молнія, онъ стоялъ, смѣло выпрямившись, направивъ свой ассегай на врага. Сынъ начальника былъ на ногахъ, но качался, какъ пьяный, и ассегай выпалъ у него изъ рукъ.

Опять мракъ! А затѣмъ сверкнула молнія страшнѣе всѣхъ прежнихъ. Мнѣ показалось, что она явилась съ востока, надъ головой Индаба-зимби. И я увидѣлъ въ линіи молніи сына начальника. Громъ загрохоталъ, ливень обрушился на насъ потокомъ, и больше я ничего не видѣлъ.

Гроза утихла немного, но мракъ былъ все еще такъ ве-

ликъ, что мы не могли двинуться съ мѣста, и я не имѣлъ намѣренія покинуть безопасный скатъ холма, куда, какъ было извѣстно, никогда не ударяли молніи, и рискнуть пойти на арену. Молнія сверкала по временамъ, но, несмотря на всѣ наши старанія, мы не видѣли колдуновъ. Я думалъ, что они оба были убиты. Тучи медленно уплыли за рѣку, и съ ними отошелъ дождь; звѣзды заблистали.

— Пойдемъ и посмотримъ, сказалъ старикъ-начальникъ, вставая и отряхивая съ волосъ воду. — Поединокъ конченъ; пойдемъ и узнаемъ, кто побѣдилъ.

Я всталъ и послѣдовалъ за нимъ; съ меня лила вода, точно я сотни ярдовъ плылъ въ одеждѣ; за мной двинулась вся толпа.

Мы дошли до мѣста поединка; даже при слабомъ свѣтѣ я могъ видѣть, гдѣ желѣзякъ былъ раздробленъ и расплавленъ молніей. Пока я стоялъ, разглядывая, я услыхалъ тихій стонъ, который вырвался у начальника, стоявшаго по правую сторону отъ меня, и я увидѣлъ, какъ толпа окружила его. Я подошелъ взглянуть: на землѣ лежало тѣло его сына. Это было страшное зрѣлище. Волосы на головѣ сгорѣли, мѣдные браслеты на рукахъ расплавились, черенокъ ножа, лежавшій рядомъ, былъ буквально расщепленъ въ нити; а когда я дотронулся до его руки, то мнѣ показалось, что всѣ кости были раздроблены.

Мужчины, вмѣстѣ съ начальникомъ, стояли молча, а женщины завывали.

— Велики чары Индаба-зимби! проговорилъ наконецъ одинъ изъ мужчинъ. Начальникъ обернулся и сильно ударилъ его палкой, которую держалъ въ рукѣ.

— Велики или нѣтъ, но ты знай, собака, что онъ умретъ, закричалъ онъ: — и ты также, если будешь громко расхваливать его.

Я ничего не сказалъ, но, полагая, что Индаба-зимби раздѣлилъ участь своего врага, я рѣшилъ поискать его тѣло. Не найдя и слѣдовъ его, весь промокшій, я направился къ своему фургону, чтобы перемѣнить платье. Я очень удивился при видѣ знакомаго мнѣ кафра, сидящаго на козлахъ, закутаннаго въ шерстяное одѣяло.

— Эй ты!-покажись, сказалъ я.

Фигура на козлахъ медленно откинула одѣяло и съ большою развязностью понюхала табуку.

— Хорошій былъ поединокъ, неправда ли, бѣлый человѣкъ? спросилъ Индаба-зимби своимъ высокимъ надтреснутымъ голосомъ. — Но у бѣдняги мало было шансовъ противъ меня. Онъ ровнехонько ничего не зналъ. Вотъ видишь, бѣлый человѣкъ, къ чему приводитъ самонадѣянность молодыхъ людей. Это очень грустно, очень грустно, но я направляя молнію, неправда ли?

— Ну, старый плуть, сказалъ я: — если ты не будешь остороженъ, то скоро узнаешь, до чего можетъ довести самонадѣянность стариковъ, потому что твой начальникъ отыскиваетъ тебя съ ножемъ, и тебѣ потребуется все твое искусство, чтобы скрыться отъ него.

— Неужели? проговорилъ Индаба-зимби, быстро спустившись съ фургона. — И это по милости злосчастнаго выскочки. Вотъ тебѣ и благодарность, бѣлый человѣкъ! Я открылъ его плутни, а они за это хотятъ убить меня. Спасибо за предостереженіе. Мы скоро увидимся.

И онъ исчезъ, какъ стрѣла, что было весьма кстати, потому что свита начальника подошла къ фургону.

На слѣдующее утро я отправился домой. Первое лицо, которое я увидѣлъ, прѣхавъ на миссіонерную станцію, принадлежало Индаба-зимби.

— Какъ поживаешь, Макумазанъ? спросилъ онъ, наклонивъ голову на бокъ и кивая бѣлымъ завиткомъ. — Я слышала, вы всѣ здѣсь христіане, и я хочу попробовать новой религіи. Моя религія нехорошая, потому что мои товарищи хотѣли меня убить за то, что я обличилъ обманщика.

III. На сѣверь.

Я не оправдываюсь ни передъ собой, ни передъ тѣми, кому случится прочесть этотъ разсказъ, въ томъ, что описалъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла моя первая встрѣча съ Индаба-зимби; не оправдываюсь, во-первыхъ, потому, что она сама по себѣ интересна, а во-вторыхъ, потому, что онъ принималъ нѣкоторое участіе въ послѣдующихъ событіяхъ. Если этотъ старикъ былъ плуть, то очень умный плуть. Я не стану доискиваться, насколько было правды въ его притязаніяхъ на обладаніе сверхъестественной силой, хотя и имѣю собственное мнѣніе объ этомъ пред-

метъ. Но его необыкновенное вліяніе на туземцевъ было несомнѣнно. Моего отца онъ также совсѣмъ обошелъ. Мой старикъ сперва не желалъ имѣть его у себя на станціи, потому что терпѣть не могъ этихъ колдуновъ-кафровъ. Но Индаба-зимби увѣрилъ его, что онъ стремится познать истины христіанства, и между ними начались диспуты. Диспуты эти продолжались два года, до самой смерти моего отца. По окончаніи каждаго диспута, Индаба-зимби, какъ нѣкій римскій губернаторъ, говорилъ: »Ты убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ«. Но онъ никогда не сдѣлался имъ, и я полагаю, что онъ и не собирался. Еслибы мой отецъ былъ живъ теперь, диспуты, я полагаю, продолжались бы до сихъ поръ, потому что оба диспутанта были неистощимы. А пока Индаба-зимби получилъ разрѣшеніе жить на станціи, но подъ условіемъ не заниматься колдовствомъ, которое мой отецъ считалъ дьявольскимъ искусствомъ. Индаба-зимби общалъ не колдовать, тѣмъ не менѣе ни одна пропажа вола, ни одна внезапная смерть не проходили безъ того, чтобы заинтересованныя стороны не обращались къ нему за совѣтомъ.

Онъ жилъ уже годъ у насъ, когда прибыла депутація отъ племени, которое онъ покинулъ, съ просьбою вернуться. Дѣла пошли дурно съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ ихъ, объявили послы, и начальникъ, его врагъ, умеръ. Индаба-зимби выслушалъ ихъ до конца и, слушая, сгребалъ ногою песокъ въ маленькую кучку. А потомъ сказалъ, указывая на маленькую кучку:

— Вотъ ваше племя въ настоящее время. Затѣмъ приподнялъ пятку и сравнялъ ею кучку. — А вотъ чтъ будетъ съ вашимъ племенемъ, прежде чѣмъ пройдутъ три луны. Ничего отъ него не останется. Вы прогнали меня, и я не хочу имѣть никакого дѣла съ вами; но когда васъ перебьютъ, вспомните мои слова.

Послы ушли. Три мѣсяца спустя, я узналъ, что все племя было уничтожено напавшимъ на него племенемъ Пондось.

Когда я совсѣмъ собрался въ свою экспедицію, я зашелъ проститься къ Индаба-зимби и удивился, заставъ его за уборкой лекарствъ, ассегаевъ и всякой всячины въ шерстяныя одѣяла.

— Прощай, Индаба-зимби, сказалъ я: — я отправляюсь на сѣверъ.

— Да, Макумазанъ, отвѣчалъ онъ, наклонивъ голову на бокъ: — и я также отправляюсь, хочу посмотрѣть страну. Мы отправимся вмѣстѣ.

— Да? сказалъ я. — Ахъ ты старый плутъ! Ты подожди, когда тебя пригласятъ.

— Тебѣ слѣдуетъ пригласить меня, Макумазанъ; если ты не пригласишь меня, ты не вернешься живымъ. Теперь вотъ, когда старый начальникъ (мой отецъ) отправился туда, откуда приходятъ гровы (и онъ показалъ на небо), я чувствую, что возвращаюсь къ дурнымъ привычкамъ. Пропущенную ночь я бросалъ кости, чтобы испортить твое путешествіе, и я тебѣ скажу, что ты умрешь, если не возьмешь меня съ собою, и, кромѣ того, потеряешь страннымъ образомъ особу, которая будетъ дороже жизни для тебя. Но ты предостерегъ меня, и я рѣшился отправиться съ тобой.

— Не говори глупостей, сказалъ я.

— Хорошо, Макумазанъ; а что случилось съ моимъ народомъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ? и что я предсказалъ имъ? Они прогнали меня, и ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ. Если ты мнѣ откажешь, ты также скоро умрешь! И онъ кивнулъ мнѣ своимъ бѣлымъ завиткомъ и улыбался.

Я былъ суевѣренъ не больше другихъ, но слова Индаба-зимби произвели на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Мнѣ было извѣстно его необыкновенное вліяніе на всѣхъ туземцевъ, и я подумалъ, что онъ можетъ быть полезенъ мнѣ.

— Хорошо, сказалъ я: — я беру тебя въ качествѣ колдуна экспедиціи безъ жалованья.

— Сперва послужи, а потомъ требуй жалованья, сказалъ онъ. — Мнѣ пріятно видѣть, Макумазанъ, что у тебя имѣется настолько воображенія, чтобы не быть дуракомъ, какъ большая часть бѣлыхъ людей. Да, да, недостатокъ воображенія дѣлаетъ людей дураками; они не могутъ повѣрить тому, чего не понимаютъ. Ты столько же понимаешь мои предсказанія, какъ тотъ дуракъ въ краалѣ, не ожидавшій, что я одолѣю его въ поединкѣ. Ну, пора отправляться; еслибы я былъ на твоемъ мѣстѣ, Макумазанъ, я бы взялъ одинъ фургонъ, а не два.

— Почему? спросилъ я.

— Потому что ты лишишься своихъ фургоновъ, и лучше потерять одинъ, чѣмъ два.

— О, глупости! сказалъ я.

— Ладно, Макумазанъ; поживешь — узнаешь. И, не говоря больше ни слова, онъ направился къ переднему фургону, положилъ туда свой свертокъ и влѣзъ на переднюю скамейку.

Дружески попрощавшись съ бѣлыми друзьями, въ томъ числѣ и со старымъ шотландцемъ, который напился пьянъ по этому случаю и декламировалъ Бёрнса, пока у него не потекли слезы, я отправился въ путь. Первые три недѣли ничего особеннаго со мною не случилось. Кафры, съ которыми приходилось встрѣчаться, были мирнаго характера, а дичь буквально кишела. Нынѣшніе жители южной Африки и понятія не имѣютъ о томъ, какова она была 30 лѣтъ назадъ.

Бывало, часто на восходѣ солнца я, дрожа, влѣзалъ на наружное сидѣнье фургона и глядѣлъ по сторонамъ. Сначала ничего нельзя было видѣть, кромѣ необъятнаго бѣлаго тумана, подернутаго на востокъ трепетнымъ золотымъ сіяніемъ, и въ туманѣ верхушки каменныхъ кургановъ поднимались, какъ маяки-великаны. Изъ густаго тумана неслись странные звуки — хрипѣнье, ворчанье, мычанье и топотъ безчисленныхъ копытъ. Вскорѣ громадная завѣса дѣлалась тоньше, таяла, какъ таетъ дымъ трубки въ воздухѣ, и глазамъ представлялась тогда безконечная равнина, пересѣкаемая зарослью; но она не была такъ пустынна, какъ теперь: насколько глазъ могъ видѣть, она была черна отъ разной дичи. Вотъ стадо дикихъ коровъ направо, въ двѣ тысячи головъ. Однѣ изъ нихъ пасутся, другія рѣзвятся, закручивая вверхъ свои бѣлые хвосты, а вокругъ на кочкахъ стоять старики-быки, подозрительно обнюхивая вѣтерокъ. Тамъ, впереди, на тысячу ярдовъ дальше, хотя для непривычнаго глаза они кажутся гораздо ближе вслѣдствіе необычайной чистоты воздуха, большое стадо оленей, идущихъ гуськомъ. Они подошли къ дорогѣ, по которой двигается фургонъ, имъ онъ не нравится. Чтѣ они сдѣлаютъ? вернутся назадъ? — вовсе нѣтъ. Дорога имѣетъ почти тридцать футовъ ширины, но это пустыяки для оленя. Вотъ первый изъ нихъ прыгнулъ вверхъ, какъ мячикъ. Какъ красиво блеститъ солнце на его золотистой кожѣ! Онъ показалъ путь, и другіе послѣдовали за нимъ безконечной вереницей, всѣ, кромѣ ланей, которыя не могутъ прыгать такъ далеко и пробѣгаютъ подозрительное разстояніе съ боязливымъ бляеніемъ. Но кто это дви-

гается тамъ по верхушкамъ мимозъ въ лощинѣ, у подножья кургановъ? Жирафы, чортъ возьми! три жирафы; сегодня за ужиномъ будетъ блюдо изъ ихъ мозговъ. Чу! земля дрожитъ позади насъ, по окраинѣ возвышенности несется громадное стадо дикихъ козловъ. Они мчатся галопомъ, ихъ длинныя головы низко опущены, какъ есть наши бородастые козлы. Я такъ и зналъ... За ними гонится свора дикихъ собакъ съ ощетинившейся шерстью, съ высунутыми языками. Онѣ громко воютъ; жирафы слышали ихъ и скрылись за курганомъ, точно корабль на бурномъ морѣ. Прощай, лакомый жирокъ! Переднія собаки догоняютъ самца. Онъ слишкомъ долго бѣжалъ и усталъ. Одна изъ собакъ прыгаетъ на него, но промахнулась. Козель выпускаетъ стонъ, дико оглядывается кругомъ и видитъ фургоны. Съ минуту онъ колеблется, затѣмъ въ отчаяніи устремляется къ нему и падаетъ, обезсиленный, среди воловъ. Собаки останавливаются въ тридцати шагахъ, тяжело дыша и рыча. Скорѣе ружье, братецъ, ружье, а не винтовку — ружье, заряженное дробью! Пли! пли! Теперь, друзья-пріятель, двѣ изъ васъ не станутъ ужъ болѣе охотиться за козлами. Не трогайте козла, онъ искалъ защиты у насъ и получить ее.

Какъ красива природа, пока ее не испортилъ человѣкъ!

Такія вотъ картины я видалъ сотни разъ и надѣюсь снова увидѣть, прежде чѣмъ умру.

Первое серьезное приключеніе, случившееся со мною въ это путешествіе, была встрѣча со слонами, которую я расскажу, такъ она имѣла любопытный конецъ. Прежде чѣмъ мы переправились черезъ Оранжевую рѣку, мы попали въ лѣсъ, простиравшійся на двадцать миль. Мы расположились лагеремъ въ живописной прогалинѣ. Здѣсь росла трава тамбуки вышиною въ человѣческую ростъ, но, за исключеніемъ немногихъ уцѣлѣвшихъ стеблей, она вся была помята и истоптана. Было уже темно, когда мы расположились на отдыхъ; когда взопла луна, я покинулъ костеръ, чтобы узнать, почему трава была помята. Одного взгляда было достаточно для меня; очевидно, большое стадо слоновъ прошло по травѣ за нѣсколько часовъ до насъ. Видъ ихъ слѣдовъ чрезвычайно обрадовалъ меня, потому что, хотя мнѣ и случалось видеть дикихъ слоновъ, но тогда еще я ни одного не убилъ. Я быстро рѣшился. Я поставлю фургоны пока въ лѣсу, а затѣмъ верхомъ отправлюсь за слонами.

Я сообщил свое рѣшеніе Индаба-зимби и другимъ кафрамъ. Послѣдніе весело согласились, потому что кафръ любить охоту: она доставляетъ ему пищу и пріятна ему, какъ занятіе, но Индаба-зимби не высказалъ своего мнѣнія. Я видѣлъ, какъ онъ пошелъ къ маленькому костру, который онъ зажегъ для себя, и сталъ продѣлывать что-то таинственное съ костями и глиною, смѣшанною съ золою; кафры съ большимъ любопытствомъ слѣдили за его дѣйствіями. Наконецъ онъ поднялся и, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что все обстоитъ благополучно, и я хорошо дѣлаю, что ѣду за слонами, потому что добуду много слоновой кости; но онъ совѣтовалъ мнѣ отправиться пѣшкомъ. Я отвѣчалъ, что низачто не пойду пѣшкомъ, а поѣду верхомъ. Теперь я сталъ умнѣе; это было въ первый и послѣдній разъ, что я охотился за слонами верхомъ.

Мы отправились на разсвѣтъ: я, Индаба-зимби и еще три человѣка; остальныхъ я оставилъ при фургонахъ. Я былъ верхомъ, верхомъ былъ также мой возница, хорошій наѣздникъ и искусный для кафра стрѣлокъ, а Индаба-зимби и другіе шли пѣшкомъ. Отъ разсвѣта до полудня мы двигались по слѣдамъ слоновъ, которые были широки, какъ пробѣжающая дорога. Прощель еще часъ или около того, а все еще не было видно слоновъ. Очевидно, стадо ушло далеко, и я уже подумывалъ о томъ, что придется отказаться отъ охоты, какъ вдругъ увидѣлъ темную массу, двигавшуюся въ терновникѣ по скату на разстояніи четверти мили. Сердце у меня точно въ ротъ прыгнуло. Какой охотникъ не чувствовалъ того же при видѣ слона, за которымъ онъ охотится впервые!

Я велѣлъ остановиться, и такъ какъ вѣтеръ дулъ справа, то мы начали неслышно подкрадываться къ животнымъ. Я тихонько объѣхалъ возвышенность, и мы очутились въ срединѣ чащи кустарника. Я увидѣлъ, что слоны только что поѣли, потому что кругомъ здѣсь валялись сломанныя вѣтви и свороченныя деревья. Но я не обратилъ особеннаго вниманія на это, такъ какъ всѣ мои мысли были заняты животными, которыхъ я выслѣживалъ; вдругъ моя лошадь сдѣлала прыжокъ, отъ котораго я чуть было не свалился, и впереди меня раздался громкій топотъ. Я взглянулъ: въ четырехъ шагахъ виднѣлось туловище слона. Я могъ видѣть его уши, вытянувшіяся по обѣ стороны. Я разбудилъ его, и онъ удалялся.

Мнѣ надо было дать ему уйти, но въ то время я былъ молодъ и смѣлъ; въ горячую минуту я поднялъ свой «роэръ» или слоновое ружье и выстрѣлилъ въ громадное животное черезъ голову лошади. Отдача тяжелаго ружья чуть было не свалила меня съ лошади. Я пришелъ, однако, въ себя и увидѣлъ, что слонъ спѣшилъ впередъ, потому что шестилотовая пуля въ боку можетъ ускорить движенія даже слона. Въ эту минуту я понялъ безуміе моего выстрѣла и надѣялся, что слонъ не обратилъ большаго вниманія на него. Но онъ иначе взглянулъ на дѣло. Онъ кое-какъ обошелъ кругомъ и подвигался ко мнѣ съ вытянутыми ушами, поднятымъ хоботомъ и страшно крича. Я былъ совсѣмъ беззащитенъ, потому что мое ружье было разряжено, и первой моей мыслью было — ускакать. Я вонзилъ шпоры въ бока своей лошади, но она не двинулась съ мѣста. Бѣдное животное оцѣпенѣло отъ страху, она стояла съ раздвинутыми передними ногами и дрожала, какъ листъ.

Слонъ приближался, страшный на видъ; я снова сдѣлалъ безплодное усиліе сдвинуть съ мѣста лошадь. Хоботь громаднаго животнаго качался надъ моей головой. Какъ молнія, скатился я съ сѣдла. Рядомъ съ лошадыю лежало упавшее дерево, толстое, какъ туловище человѣка. Дерево было немного приподнято отъ земли и держалось сломанными сучьями; одно движеніе — такъ быстро двигаешься въ подобныхъ случаяхъ — и я очутился подъ деревомъ. И тотчасъ же услыхалъ, какъ хоботь слона громко ударился въ спину моей бѣдной лошади, и въ ту же минуту я очутился въ темнотѣ, потому что лошадь, у которой была сломана спина, упала поперекъ дерева, подъ которымъ я спрятался. Но она недолго оставалось тамъ. Въ какія нибудь десять секундъ животное обхватило хоботомъ шею мертвой лошади и сильнымъ движеніемъ стащило ее съ дерева. Я поползъ назадъ, насколько можно было дальше, за корни дерева, потому что я зналъ, кого искалъ слонъ. Я видѣлъ уже красный кончикъ хобота, направлявшійся ко мнѣ. Еслибы только онъ могъ схватить меня за что нибудь, то я погибъ бы. Но въ томъ положеніи, которое я занималъ, этого-то онъ и не могъ сдѣлать, хотя и опустилсѣ на колѣни, чтобы облегчить себѣ работу. Кончикъ щелкалъ и подвигался, какъ громадная пасть змѣи; онъ схватилъ мою дряпу, и она исчезла. Онъ снова устремился, и крикъ бѣ-

шенства вырвался изъ него въ четырехъ верхкахъ отъ моей головы. Онъ растягивался. Боже мой! Онъ вцѣпился въ мои волосы, которые, къ счастью, не были очень длинны. Пришла моя очередь кричать, потому что въ слѣдующую минуту у меня была вырвана съ корнемъ прядь волосъ. Меня живаго ощипывали, какъ ощипываютъ дичь жестокіе мальчишки-кафры, что мнѣ не разъ случалось видѣть.

Но, огорченный, вѣроятно, такими скромными результатами, слонъ вдругъ перемѣнилъ свою тактику. Онъ обмоталъ хоботъ вокругъ упавшаго дерева и приподнял его. Дерево шевельнулось, но, къ счастью, сломанныя вѣтви вросли въ рыхлую землю, и корни крѣпко держали ихъ, хотя слонъ настолько приподнял дерево, что еслибы онъ былъ подогадивѣе, то могъ бы легко вытащить меня своими хоботомъ. Онъ снова напрягъ свои силы, и я видѣлъ, какъ дерево подавалось, и громко сталъ звать на помощь. Нѣсколько выстрѣловъ раздалось въ отвѣтъ, но если они и попали въ животное, то развѣ только для того, чтобы еще болѣе возбудить его энергію. Моей зачитѣ предстояло быть сброшенной черезъ нѣсколько секундъ, и меня ждала смерть. Холодный потъ пронизалъ меня при мысли, что я погибъ. И вдругъ я вспомнилъ, что у меня за поясомъ имѣется пистолеть, который я часто употреблялъ, добывая раненную дичь. Онъ былъ заряженъ. Дерево теперь настолько уже было приподнято, что я легко могъ протянуть руку до пояса и вытащить пистолеть изъ чехла. Я досталъ и поднялъ его. Дерево было почти совсѣмъ поднято, и я увидѣлъ на разстояніи трехъ футовъ отъ своей головы громадный, темный хоботъ слона. Я направилъ дуло на вершокъ отъ него и выстрѣлилъ. Дѣйствіе было моментальное. Дерево упало, больно ударивъ меня по ногѣ, и я услышалъ трескъ. То убѣгалъ слонъ.

Отъ волненія и борьбы я чувствовалъ себя сильно утомленнымъ. Я не помню, какъ выбрался изъ-подъ упавшаго дерева, я ничего не помню до той минуты, когда увидѣлъ себя сидѣвшимъ и пившимъ персиковую водку, а старикъ Индабазимби, напротивъ меня, много значительно покачивалъ своимъ бѣлымъ завиткомъ, разсуждая о моемъ удивительномъ спасеніи и о моемъ неблагоразуміи не послѣдовать его совѣту. Я вспомнилъ тогда о своей лошади, всталъ и пошелъ взглянуть на нее. Она была мертва, ударъ хобота попалъ

въ сѣдло и сломаль его, сдѣлавъ никуда негоднымъ. Я подумаль, что двумя секундами позже онъ могъ обрушиться на меня. Я позваль Индаба-вимби и спросиль, въ какую сторону пошли слоны.

— Туда! отвѣчалъ онъ, показавъ внизъ на котловину.— И намъ слѣдуетъ идти за ними. Мы потерпѣли неудачу, а теперь будетъ удача.

Это была своего рода философія, хотя, правду сказать, я не очень-то былъ расположенъ въ ту минуту охотиться за слонами. Съ меня было достаточно этой первой встрѣчи съ слономъ. Нельзя было, однако, показывать туземцамъ свои слабыя стороны, и я согласился съ притворной охотой; мы пустились въ путь, я — на другой своей лошади, остальные — пѣшкомъ. Проѣхавъ почти около часу, мы вдругъ наткнулись на цѣлое стадо слоновъ, въ 80 слишкомъ головъ. Впереди нихъ кустарникъ былъ такой частый, что они колебались пробраться черезъ него, а долина имѣла такой каменистый и крутой подъемъ, что они не могли подняться по немъ.

Они насъ, а мы ихъ замѣтили въ одно и то же время, и я мысленно испугался, чтобы они не вздумали повернуть назадъ, въ котловину. Но они не сдѣлали этого; громко трубя, они бросились въ густой кустарникъ, который раздался подъ ними, какъ колосья подъ серпомъ. Во всю свою жизнь я ничего не слыхаль подобнаго шуму, который производили они, пробираясь сквозъ кустарникъ и деревья. Передъ ними былъ густой лѣсъ, шириною въ сто — полтораста футовъ. Когда они промчались черезъ него, лѣсъ исчезъ, и разстилалась ровная дорога, усыпанная упавшими стволами, сломанными вѣтвями, и лишь немногія деревья, слишкомъ крѣпкія даже для нихъ, уцѣлѣли среди крушенія. Они бѣжали впередъ и, несмотря на неудобства дороги, по которой имъ приходилось идти, они скоро были далеко отъ насъ. Такъ продолжалось съ милю и больше, а затѣмъ я увидалъ, что долина впереди слоновъ пересѣкалась полемъ, поросшимъ камышемъ и травою, въ пять-шесть акровъ длины, а далѣе шла опять долина.

Стадо достигло окраины поля и на минуту остановилось; очевидно, поле не внушало имъ довѣрія. Мои люди громко заорали, какъ только могутъ орать кафры, и это заставило ихъ рѣшиться. Предводительствуемые раненымъ слономъ, у

котораго, какъ и у меня, воинственный жаръ поостылъ немного, они бросились въ коварное болото — это было болото, хотя воды не было видно, на протяженіи нѣсколькихъ ярдовъ. Сначала они подвигались благополучно, хотя имъ и трудно было, какъ вдругъ громадный слонъ опустился на брюхо въ мягкую, торфяную почву и остался неподвиженъ. Остальные, обезумѣвшіе отъ страху, не обратили вниманія на его борьбу и крики, и ихъ постигла та же участь. Въ какія нибудь пять минутъ все стадо безнадежно завязло въ болотѣ, и чѣмъ больше они старались выкарабкаться, тѣмъ глубже погружались. Исключеніе составляла одна самка, которой удалось достигнуть твердой земли, и она, поднявъ свой хоботъ, готовилась броситься на насъ, когда мы подошли. Но она услышала крикъ своего дѣтеныша и бросилась назадъ къ нему, чтобы завязнуть въ болотѣ вмѣстѣ съ другими.

Ни прежде, ни послѣ не видывалъ я подобнаго зрѣлища. Все болото было покрыто громадными туловищами слоновъ, воздухъ стоналъ отъ ихъ криковъ бѣшенства и ужаса, и они дико поводили своими хоботами. По временамъ которое нибудь изъ этихъ чудовищ дѣлало усиліе и выкарабкивалось изъ торфяной трясины, чтобы тотчасъ же еще глубже завязнуть. Зрѣлище въ высшей степени удручающее, хотя оно и веселило моихъ спутниковъ. Даже лучшіе изъ туземцевъ не чувствуютъ сожалѣнія къ страданіямъ животныхъ.

Остальная работа была легкая. Болото, не выдержавшее тяжести слоновъ, выдержало насъ. Еще до полуночи всѣ слоны были мертвы, потому что мы перестрѣляли ихъ при лунномъ свѣтѣ; я охотно пощадилъ бы самокъ съ ихъ дѣтенышами, но это было бы все равно, что обречь ихъ на голодную смерть, а потому было лучше убить и ихъ. Раненаго мною слона я убилъ собственноручно — и не скажу, чтобы мнѣ было прискорбно исполнить это. Онъ узналъ меня и сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы броситься на меня, но я съ удовольствіемъ могу сказать, что торфъ держалъ его крѣпко.

Болото представляло интересное зрѣлище, когда взошло солнце. Такъ какъ почва держала туловища слоновъ, то упавшихъ между ними было мало, и они стояли, какъ будто заснувъ.

Я послалъ за фургонами и, когда они прибыли, расположился лагеремъ въ разстояніи мили отъ болота. Началась работа по отрѣзыванію слоновыхъ клыковъ; на это ушла недѣля; по извѣстнымъ причинамъ, работа эта противная. Еслибы не помощь бродячихъ бушменовъ, которые взяли плату натурой — слоновимъ мясомъ, не думаю, чтобы мы справились съ ней.

Наконецъ она была кончена. Слоновая кость была слишкомъ тяжела, чтобы брать ее съ собою, и мы ее зарыли, какъ только разстались съ нашими помощниками-бушменами. Мои люди совѣтовали мнѣ ѣхать въ Капштадтъ и тамъ продать кость, но мнѣ слишкомъ ужъ хотѣлось продолжать свое путешествіе, чтобы я могъ исполнить это. Слонови клыки лежали зарытые въ землѣ въ теченіе пяти лѣтъ. По прошествіи пяти лѣтъ я пріѣхалъ и вырылъ ихъ; они были очень мало повреждены. Я продалъ ихъ за 1200 фунтовъ — хорошее вознагражденіе за одинъ день охоты.

Вотъ такимъ-то образомъ я сдѣлался охотникомъ за слонами. Много сотенъ поубивалъ я съ той поры, но никогда болѣе не отваживался охотиться за ними на лошади.

IV. Зулусы

Зарывъ слоновьи клыки и внимательно отмѣтивъ всѣ мѣста, чтобы можно было узнать его, мы продолжали нашъ путь. Больше мѣсяца я слѣдовалъ по границѣ, раздѣляющей нынѣ Оранжевые Свободные Штаты отъ западнаго Гриквеленда и Трансвааль отъ земли Бечуановъ. Намъ пришлось испытывать лишь обыкновенныя затрудненія, встрѣчаемая всѣми африканскими путешественниками — мѣстами недостатокъ воды и препятствія при переправахъ черезъ рѣки и потоки. Я помню, что прошелъ все пространство, гдѣ теперь стоитъ Кимберлей и долженъ былъ поспѣшно обратиться оттуда, потому что тамъ не было воды. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что я доживу до того времени, когда увижу Кимберлей громаднымъ городомъ, ежегодно добывающимъ на миллионъ фунтовъ брилліантовъ; магія старика Индаба-зимби, какъ видите, была не перваго качества; иначе онъ предсказалъ бы мнѣ это.

Я нашелъ страну почти совсѣмъ опустошенною. Незадолго передъ тѣмъ Мозиликатце — Левъ, вождь племени

Чака, прошелъ по ней, направляясь къ странѣ, называемой нынѣ землею Матабеле. Онъ оставилъ ясные слѣды. Я дошелъ до мѣста, гдѣ, очевидно, прежде были селенія кафровъ. Но теперь краали представляли однѣ лишь кучи золы и камней, а среди густой травы были разбѣяны кости сотенъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ всѣхъ коснулся ас-сегай зулусовъ. Въ одномъ изъ этихъ опустошенныхъ селеній я нашелъ дѣтскій черепъ, въ которомъ жаворонокъ свилъ гнѣздо. Щебетанье птенцовъ привлекло мое вниманіе. Вскорѣ потомъ съ нами случилось другое приключеніе, гораздо серьезнѣе и трагичнѣе перваго.

Мы шли параллельно рѣкѣ Колонгъ, когда стадо антилопъ пересѣкло намъ дорогу. Я выстрѣлилъ въ одну изъ нихъ и попалъ. Она проскакала около тысячи ярдовъ, а затѣмъ упала. Такъ какъ мы нуждались въ мясѣ, не встрѣчая дичи уже нѣсколько дней, я вскочилъ на лошадь и, сказавъ Индаба-зимби, что догоню фургоны или встрѣчу ихъ по ту сторону возвышенности, поскакалъ за раненымъ животнымъ. Но когда я подѣхалъ на сто ярдовъ къ нему, оно прыгнуло въ сторону и такъ быстро побѣжало, точно не было ранено, но дальше снова упало. Я послѣдовалъ за нимъ, полагая, что силы у него скоро истощатся. Это повторилось до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза животное скрылось за вершиной горы, и хотя я потерялъ уже терпѣніе, но всетаки рѣшился добраться до вершины и попытаться прострѣлить его.

Я достигъ вершины, которая была усыяна камнями, взглянулъ на другую сторону и увидѣлъ—отрядъ зулусовъ!

Я протеръ глаза и снова взглянулъ. Да, не могло быть сомнѣнія. Они находились на разстояніи тысячи ярдовъ у воды; одни лежали, другіе стряпали у костровъ, нѣкоторые гордо прохаживались съ копьями и щитами въ рукахъ; ихъ было тысячи двѣ или даже больше. Пока я раздумывалъ — не очень-то спокойно — о томъ, что они могли тутъ дѣлать, вдругъ раздался справа и слѣва дикій крикъ. Я взглянулъ сперва въ одну сторону, потомъ въ другую. Съ той и съ другой сторонъ готовились напасть на меня два громадныхъ зулуса, поднявъ свои широкія смертоносныя копья, съ черными щитами въ лѣвой рукѣ. Зулусъ съ правой стороны находился въ 15 ярдахъ отъ меня, а зулусъ съ лѣвой стороны — не больше какъ въ десяти. Ихъ свер-

кающіе глаза выходили изъ орбитъ, и я подумалъ съ холодной дрожью, что черезъ какія нибудь три секунды эти широкіе »бенгвены« могутъ исчезнуть въ моихъ внутренностяхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, я полагаю, дѣйствуетъ всегда по инстинкту, потому что нѣтъ времени на размышленіе. Я опустилъ поводъ и, направивъ ружье, выстрѣлилъ въ человѣка, стоявшаго съ лѣвой стороны. Пуля ударила въ средину его щита, пробила его и прошла въ его тѣло; онъ покотился на землю. Я повернулся въ сѣдлѣ; къ счастью, моя лошадь была приучена стоять смирно, когда я стрѣлялъ на ней; къ тому же, она была такъ ошеломлена, что не знала, въ какую сторону броситься. Второй зулусъ былъ совсѣмъ почти около меня; его протянутый щитъ касался дула моего ружья, когда я нажалъ курокъ лѣваго ствола. Ружье выстрѣлило, и зулусскій воинъ высоко прыгнулъ въ воздухъ и упалъ мертвый на мою лошадь; его копье чуть было не задѣло меня по лицу.

Не зарядивъ ружья и не оглядываясь, чтобы посмотреть, видѣли ли остальные зулусы смерть своихъ двухъ развѣдчиковъ, я повернулъ лошадь и вонзилъ шпоры въ ея бока. Спустившись съ возвышенности, я взялъ направо, чтобы перехватить фургоны, прежде чѣмъ ихъ увидали бы зулусы. Я не проѣхалъ и трехсотъ ярдовъ въ этомъ направленіи, какъ напалъ на слѣды колесъ и подкованныхъ воловъ. Фургоновъ было, по меньшей мѣрѣ, штукъ восемь, а скота нѣсколько сотенъ. Я узналъ по слѣдамъ, что они были тутъ 12 часовъ тому назадъ. Тогда я понялъ, что зулусы шли по слѣдамъ фургоновъ, которые принадлежали, вѣроятно, партіи эмигрантовъ-боэровъ.

Такъ какъ слѣды шли въ томъ же направленіи, то я продолжалъ свой путь по нимъ. Проѣхавъ милю, я достигъ вершины и тамъ, четверть мили дальше, увидѣлъ фургоны на берегу, а къ нимъ спускались мои фургоны.

Минуть черезъ пять я былъ тамъ. Боэры — это были боэры — стояли въ сторонѣ отъ лагеря, слѣдя за приближеніемъ моихъ двухъ фургоновъ. Я окликнулъ ихъ, и они обернулись ко мнѣ. Перваго я увидѣлъ Ганса Бота, котораго я хорошо знавалъ въ Капштадтѣ. Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ, но былъ очень безпокойный и отличался сильною антипатіей къ властямъ или, какъ онъ выражался, »любовью къ свободѣ«. Онъ присоединился нѣсколько лѣтъ

назадъ къ партіи эмигрантовъ, но, какъ мнѣ было извѣстно, поссорился съ вожакомъ и теперь бродилъ по пустынѣ, чтобы самому основать маленькую колонію. Бѣдняга! это было его послѣднее путешествіе.

— Какъ поживаете, мейнгерь Бота? обратился я къ нему по голландски.

Онъ взглянулъ на меня, взглянулъ вторично и тогда, выйдя изъ голландской флегмы, крикнулъ своей женѣ, которая сидѣла на козлахъ фургона:

— Ступай сюда, жена. Вотъ Алленъ Кватермень, англичанинъ, сынъ проповѣдника. Какъ поживаете, геръ Кватермень, чтѣ новенькаго въ Капштадтѣ?

— Капштадтскихъ новостей я не знаю, Гансъ, серьезно отвѣчалъ я: — а вотъ какую новость я имѣю сообщить вамъ: отрядъ зулусовъ преслѣдуетъ васъ и находится въ двухъ миляхъ отъ васъ. Я это знаю, потому что только что убилъ двухъ ихъ воиновъ... И я показалъ ему свое разряженное ружье.

Съ минуту всѣ молчали отъ удивленія; я видѣлъ, какъ бронзовыя лица мужчинъ помертвѣли подъ загаромъ, одна или двѣ женщины вскрикнули, а дѣти прижались къ матерямъ.

— Боже мой! воскликнулъ Гансъ: — это, должно быть, отрядъ племени Уметва, посланный Дянганомъ противъ базутосовъ; онъ не могъ пробраться черезъ болота и, боясь вернуться въ землю зулусовъ, пошелъ на сѣверъ, чтобы соединиться съ Мозиликатце.

— Укрѣпляйте лагерь, Карлесь! Укрѣпляйте лагерь, коли хотите спасти свою жизнь, и пусть одинъ изъ васъ садится на лошадь и приведетъ скотъ.

Тутъ подошли мои собственные фургоны. Индаба-зимби возсѣдалъ на козлахъ передняго фургона, завернувшись въ одѣяло. Я позвалъ еге и сообщилъ новость.

— Дурная новость, Макумазанъ, сказалъ онъ. — Завтра утромъ бозры будутъ убиты, зулусы нападутъ послѣ зари, и тогда весь лагерь будетъ сметенъ съ земли, — и онъ провель рукою по губамъ.

— Полно каркать, бѣловолосая ворона, остановилъ я его, хотя сознавалъ, что его слова были справедливы. Какіе шансы могъ имѣть лагерь въ десять фургоновъ противъ двухъ тысячъ слишкомъ храбрѣйшихъ на свѣтѣ дикарей?

— Макумазанъ, послѣдуешь ли ты на этотъ разъ моему совѣту? спросилъ потомъ Индаба-зимби.

— Какому совѣту? полюбопытствовалъ я.

— Такому. Оставь свои фургоны здѣсь, садись на лошадь, и поскачемъ какъ можно быстрѣе. Зулусы не поѣдутъ за нами, они нападутъ на бозровъ.

— Я не покину бѣлыхъ людей, отвѣчалъ я. — Такъ поступить можетъ только трусъ. Если мнѣ суждено умереть, я умру.

— Очень хорошо, Макумазанъ, оставайся и будь убитымъ, отвѣчалъ онъ, понюхавъ табаку. — Пойдемъ взглянуть на фургоны.

И мы направились къ лагерю.

Тамъ былъ полнѣйшій безпорядокъ. Я остановилъ Ганса Бота и предложилъ ему бросить фургоны и спастись бѣгствомъ.

— Какъ мы это сдѣлаемъ? отвѣчалъ онъ. — У насъ двѣ женщины не пройдутъ и мили, потому что очень толсты, одна недавно родила, и лошадей у насъ только шесть. Да къ тому же мы умремъ съ голода въ пустынѣ. Нѣтъ, геръ Алленъ, мы должны сразиться съ дикарями, и да поможетъ намъ Господь!

— Да поможетъ намъ Господь! Подумайте о дѣтяхъ, Гансъ.

— Не говорите ужъ лучше! отвѣчалъ онъ прерывающимся голосомъ, смотря на свою маленькую дочку — хорошенькую, кудрявую, голубоглазую Тоту, которую я часто бывало, нянчилъ, когда она была крошкой. — О, геръ Алленъ, вашъ отецъ, проповѣдникъ, всегда предостерегалъ меня противъ путешествія на сѣверъ, но я не хотѣлъ слушать его, потому что считалъ его проклятымъ англичаниномъ; теперь я сознаю свое безуміе. Геръ Алленъ, если можете, спасите моего ребенка отъ этихъ черномазыхъ чертей, если вы переживете меня, а если нельзя будетъ спасти ее, то убейте.

И онъ схватилъ меня за руку.

— До этого еще не дошло, Гансъ, сказалъ я.

Мы начали укрѣплять лагерь. Фургоны, которыхъ вмѣстѣ съ моими было десять, мы поставили квадратомъ; рейки фургоновъ привязали къ станкамъ, колеса также закрѣпили, а пространство между землей и днищемъ выложили вѣтками

колючаго кустарника, извѣстнаго подъ названіемъ »подожди немного«, который, къ счастью, росъ по близости въ изобиліи. Такимъ образомъ былъ воздвигнутъ барьеръ достаточной крѣпости противъ врага, не обладавшаго огнестрѣльнымъ оружіемъ; для стрѣльбы были оставлены промежутки. Въ часъ съ небольшимъ времени было сдѣлано все, что можно было только сдѣлать, и начался споръ относительно скота, который былъ приведенъ къ лагерю. Нѣкоторые изъ боэровъ хотѣли помѣстить его внутри лагеря, несмотря на то, что лагерь былъ малъ, или по крайней мѣрѣ поставить столько скота, сколько могло умѣститься. Я горячо возражалъ противъ этого, доказывая, что животныя навѣрно будутъ охвачены паникой, какъ только начнутся выстрѣлы, и затопчутъ защитниковъ лагеря. Я предложилъ, чтобы нѣсколько человекъ туземцевъ изъ прислуги угнали скотъ черезъ прирѣчную долину въ стоянку какого нибудь мирнаго племени или въ другое безопасное мѣсто. Разумѣется, они рисковали быть захваченными въ плѣнъ, еслибы зулусы увидали ихъ; но расположеніе мѣстности было благопріятно, и можно было надѣяться, что имъ удастся спастись при условіи немедленнаго отправленія. Предложеніе было тотчасъ же принято и, что важнѣе, было рѣшено, что съ ними отправятся одинъ голландецъ, способный перенести дорогу женщины и дѣти. Черезъ полчаса двѣнадцать человекъ, съ голландцемъ во главѣ, съ туземцами и со скотомъ отправились въ путь. Трое изъ моихъ людей ушли, а трое другихъ и Индаба-зимби остались со мною въ лагерѣ.

Разставанье было раздирающее сердце зрѣлище, о которомъ мнѣ тяжело рассказывать. Женщины плакали, мужчины стонали, а дѣти озирались кругомъ съ поблѣднѣвшими, испуганными лицами. Наконецъ они ушли, и я былъ радъ этому. Въ лагерѣ остались семнадцать европейцевъ, четыре туземца, двѣ голландки, слишкомъ толстыя для путешевствія, женщина съ новорожденнымъ и маленькая Тота Ганса Бота, съ которою онъ не могъ разстаться. Къ счастью, ея матери не было въ живыхъ. Я кстати сообщу здѣсь, что десять женщинъ и дѣтей спаслись вмѣстѣ съ половиной скота. Зулусы не встрѣтились имъ, и на третій день они пришли въ укрѣпленное селеніе начальника Гриква, который приютилъ ихъ у себя за половину скота. Отсюда они медленно направились въ Капскую колонію, прибывъ

въ цивилизованную страну черезъ годъ съ лишнимъ послѣ нападенія на лагерь.

Время приближалось къ вечеру, а зулусовъ и признаковъ не было. Насъ охватила дикая надежда, что они ушли, занятые своимъ дѣломъ. Я замѣтилъ, что Индаба-зимби, — услышавъ, что отрядъ принадлежитъ племени Умтетва, — погрузился въ глубокую думу. Вскорѣ затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и вызвался идти на рекогносцировку. Гансъ Бота былъ сначала противъ этого предложенія, говоря, что онъ — »проклятый колдунъ«, проклятая черномазая гадина и выдастъ насъ. Я объяснилъ ему, что выдавать было нечего. Зулусы и безъ того знали, гдѣ находились фургоны, а для насъ было важно имѣть свѣдѣнiе о ихъ дѣйствiяхъ. Было рѣшено, что Индаба-зимби отправится. Я ему передалъ это. Онъ кивнулъ своимъ бѣлымъ завиткомъ, сказалъ: »Хорошо, Макумазанъ«, и отправился. Я однако замѣтилъ не безъ удивленiя, что передъ уходомъ онъ досталъ изъ фургона свое »мути« или снадобье, которое онъ, вмѣстѣ съ другими своими волшебными аппаратами, постоянно хранилъ въ кожаномъ мѣшкѣ. Я спросилъ его, для чего это онъ беретъ. Онъ отвѣчалъ, что для того, чтобы сдѣлать себя неуязвимымъ противъ стрѣлъ зулусовъ. Я не повѣрилъ его объясненiю: я былъ увѣренъ въ душѣ, что онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и спастись, предоставивъ меня моей судьбѣ. Но я и не подумалъ остановить его, потому что былъ привязанъ къ старику и искренно надѣялся, что онъ избѣгнетъ печальной участи, которая грозила намъ.

Индаба-зимби отправился, и, слѣдя взглядомъ за его удалявшеюся фигурой, я подумалъ, что никогда не увижу его болѣе. Но я ошибался и не подозрѣвалъ, что онъ рисковалъ своею жизнью не для бѣровъ, которыхъ онъ всѣхъ до одинаго ненавидѣлъ, а для меня, котораго онъ любилъ по своему.

Послѣ его ухода мы кончили наши работы по укрѣпленiю лагеря, наваливъ земли и каменьевъ на фургоны и колочiй кустарникъ. Когда солнце зашло, мы закусили и выпили съ апетитомъ, какой былъ возможенъ при такихъ обстоятельствахъ; Гансъ Бота, какъ начальникъ партiи, прочиталъ молитву о нашемъ спасенiи. Трогательно было видѣть дюжого голландца, съ непокрытой головой, съ его широкимъ лицомъ, освѣщеннымъ послѣдними лучами закатив-

шагося солнца, умолявшаго въ простыхъ словахъ Господа, который одинъ только могъ спасти насъ отъ стрѣль жестокаго врага. Я помню, что послѣдняя фраза его молитвы была: »Всемогущій, если намъ суждено быть убитыми, то спаси женщинъ и дѣтей, и мою маленькую Тоту отъ проклятыхъ зулусовъ и избави насъ отъ мученій«.

Мое сердце горячо повторило это моленіе, оно, наравнѣ съ другими сердцами, было страшно испугано — и не безъ причины.

Настала темнота, и мы заняли свои мѣста съ винтовками въ рукахъ и стали молча всматриваться въ мракъ. По временамъ кто нибудь изъ боэровъ закуривалъ трубку отъ уголька изъ тлѣвшаго костра, и ея отблескъ освѣщаль его блѣдное, встревоженное лицо.

Позади меня лежала на землѣ одна изъ толстыхъ голландокъ. Даже наше ужасное положеніе не могло отогнать отъ ея глазъ привычнаго сна, и она громко храпѣла. Въ противоположной сторонѣ, около костра, лежала маленькая Тота, завернутая въ плащъ. Она также спала, засунувъ большой палецъ руки въ ротъ; по временамъ ея отецъ подходилъ взглянуть на нее.

Часы проходили въ ожиданіи зулусовъ. Благодаря моему хорошему знанію обычаевъ туземцевъ, я былъ увѣренъ, что ночью они не нападутъ на насъ, хотя, елибы они напали, то истребили бы насъ съ незначительной потерей для себя. Но это не въ обычаѣ зулусовъ, они любятъ сражаться при дневномъ свѣтѣ, предпочтительно на зарѣ.

Около 11 часовъ, когда я немного вздремнулъ на своемъ посту, я услыхалъ тихій свистъ за лагеремъ. Я моментально проснулся и услыхалъ щелканіе по всей линіи; это боэры взводили курки у ружей.

— Макумазанъ, произнесъ голосъ Индаба-зимби: — ты здѣсь?

— Да, отвѣчалъ я.

— Такъ посвѣти мнѣ, чтобы я могъ попасть въ лагерь, сказалъ онъ.

— Да, да! посвѣти... проговорилъ одинъ изъ боэровъ. — Я не довѣряю вашей черномазой скотинѣ, геръ Кватерменъ; кто его знаетъ, можетъ быть, онъ привелъ своихъ земляковъ.

Но фонарь былъ принесенъ и поднятъ въ направленіи

голоса. Индаба-зимби былъ одинъ. Мы впустили его въ лагерь и стали разспрашивать.

— Вотъ какія извѣстія, бѣлые люди, сказалъ онъ: — я подождалъ, пока стемнѣло, и поползъ къ тому мѣсту, гдѣ расположились зулусы, спрятался за камень и сталъ слушать. Они составляютъ отрядъ племени Умтетва, Гансъ Бота вѣрно сказалъ. Они напали на слѣдъ фургоновъ три дня тому назадъ и пошли по этому слѣду. Теперь они спятъ, положивъ свои стрѣлы подъ голову; завтра на разсвѣтѣ они нападутъ на лагерь и всѣхъ перебьютъ. Они очень озлоблены противъ боэровъ, потому что помнятъ битву на Кровавой рѣкѣ и также другія битвы, потому-то они и пошли за фургонами, вмѣсто того чтобы идти на сѣверъ къ Мозиликатце.

Послышалось ворчаніе изъ группы слушавшихъ голландцевъ.

— Я вамъ вотъ что предложу, мейнгеры, сказалъ я: — вмѣсто того чтобы оставаться здѣсь и ожидать, когда насъ убьютъ, какъ быка въ ловушкѣ, пойдемте и нападѣмъ на зулусовъ, пока они спятъ.

Предложеніе это вызвало споръ, но въ концѣ концовъ одинъ только человѣкъ высказался за него. Голландцы вообще не обладаютъ тою удачею, которая производитъ великихъ воиновъ; рисковать — не въ ихъ характерѣ, и, вмѣсто того чтобы дѣйствовать смѣло, они всегда предпочитаютъ оставаться въ лагерѣ, какъ бы мало шансовъ на спасеніе ни представлялъ онъ. Я же твердо убѣжденъ, что еслибы мой совѣтъ былъ принятъ, мы разбили бы зулусовъ на голову. Семнадцать человѣкъ европейцевъ, потерявшихъ надежду и вооруженныхъ, легко могли бы овладѣть лагеремъ спящихъ дикарей. Но совѣтъ не былъ принятъ, и нечего, значить, толковать объ этомъ.

Продолженіе будетъ

КАКЪ ЛЮДИ ПОГИБАЮТЪ

ОЧЕРКИ

I

Никто, конечно, не предположилъ бы, что у Вѣры Савишны могутъ когда нибудь разстроиться нервы. Въ жилахъ ея текло цѣлое поколѣнiе здоровой мужицкой крови. Дѣдъ, Иванъ Балагай, держалъ харчевню при большой дорогѣ и нажилъ крупную деньгу, торгуя скотомъ. Отецъ, Савва Иванычъ, приписался въ купцы, завелъ лавку въ городѣ и отстроилъ родную харчевню, назвавъ ее селомъ Богомоловымъ. Потому Богомоловымъ, что въ полѣ стояла часовня надъ ручьемъ, куда сосѣднiе крестьяне приходили брать воду для своихъ больныхъ. Отъ воды этой »либо на житье, либо къ концу скорѣе погонить«, говорили они; рабочему человѣку время дорого.

Здѣсь, въ этомъ Богомоловѣ, которое еще часто по привычкѣ называли харчевней, выросла единственная дочь Саввы Иваныча, выросла на пирогахъ и ватрушкахъ, сама румяная, какъ сдобный пирогъ, рослая и крупная, какъ холмогорская телка ея отца. Свобода ея ничѣмъ не стѣснялась. Мать, вялое и безгласное въ домѣ существо, возилась съ разными странницами и божьими людьми, Марьюшками, Аюнюшками. Къ дочери она относилась со снисходительною нѣжностью, къ мужу — съ подобоострастiемъ, но отводила душу въ томъ, что, сидя за чайкомъ со своими друзь-

ями въ задней горницѣ, шопотомъ критиковала его поступки. Отецъ же въ Вѣрушкѣ души не чаялъ. Онъ взялъ къ ней смиренную мамзель. Мамзель эту, затянутую въ корсетъ на первыхъ порахъ ужаснулъ богатырскій аппетитъ ученицы. Съ своей стороны Вѣрушка и ея мать съ жалостью смотрѣли, какъ мамзель закусываетъ »крылышкомъ пыленка«. Скоро однако прїѣзжая акклиматизировалась въ Богомоловѣ и не только перестала ужасаться, но сама послѣ двухчасоваго обѣда потихоньку распускала шнуровку...

— А вы бы сняли... покойнѣе, замѣчала ей со смѣющимися глазами лукавая дѣвушка.

— Пожалуй... гм... сегодня какъ-то жметъ... И мамзель съ небрежнымъ видомъ шла снимать корсетъ. На завтра опять »жало«.

Она передала своей воспитанницѣ кое-какія познанія во французскомъ языкѣ, да щегольской почеркъ, который она съ важностью называла »каллиграфіей«, да привычку почитывать книжки. Книжки попадались Вѣрѣ Савишнѣ, что называется, сбродъ. Были хорошія, были и дрянныя. Наигравшись, набѣгавшись вволю, Вѣрушка садилась подъ тѣнь березъ и черемухъ, густо разросшихся у пруда, и здѣсь поглощала безъ разбора Некрасова и Лермонтова, исторію для дѣтей Ламе Флери, письма о химіи Либиха и многотомные романы сороковыхъ годовъ. Отецъ гордился ея образованіемъ. И какъ было не гордиться? Подруги Вѣрушки всѣ были тоже не изъ мудрствующихъ, и къ тому же не имѣли такой прекрасной каллиграфіи.

И Вѣрушка, и мать ея почти не вмѣшивались въ хозяйство. Отецъ былъ въ домѣ — все. Подъ его неуклюжимъ, но крѣпкимъ крыломъ онѣ обѣ стояли какъ-то внѣ общаго потока жизни. Одна смотрѣла на міръ сквозь тусклымъ стекла ханжества, другая — сквозь розовый свѣтъ молодости, не допускающей даже мысли о возможности неудачъ или несчастія...

Савва Ивановичъ не торопился выдавать замужъ дочь.

»Главное капиталъ, — женихи найдутся«. И точно: женихи обивали пороги. Былъ юный чиновникъ: онъ писалъ Вѣрушкѣ стихи, но отъ него дурно пахло. Были интеллигенты. Одинъ изъ нихъ спросилъ Вѣрушку: счастлива ли она? — и, получивъ утвердительный отвѣтъ, мрачно возразилъ: »стало быть — мало думаете«. Вѣрушкѣ сдѣлалось стыдно. Но вопросъ: какъ хитрится быть несчастной, когда чувствуешь въ себѣ такой бьющій черезъ край избытокъ силъ и веселья? Другой интеллигентъ выходилъ изъ себя, видя Вѣрушку по цѣлымъ часамъ играющею въ городки или жмурки, и все угощалъ ее педагогическимъ журналомъ, котораго, на зло ему, она не хотѣла читать. Было двое или трое сыновей Марса; эти имѣли такъ мало фантази, что всѣ являлись подъ однимъ предлогомъ осмотрѣть и приторговать лошадей Балагаева. Осматривали въ сущности усадьбу, да Вѣрушку, которая тоже смотрѣла на нихъ, не скрывая усмѣшки. Она была темперамента не горячаго, и шпоры ничего особеннаго не говорили ея душѣ, довольной настоящимъ днемъ.

Наконецъ явился женихъ, который пришелся по вкусу ей и отцу. Онъ велъ коммерческое дѣло, самъ будучи »изъ благородныхъ«. Вѣрушка вышла за него, не думая много, поплакала при разставаньи съ роднымъ Богомолковымъ, утѣшилась обѣщаніемъ отца, что разстанется ненадолго, и, устроившись съ мужемъ въ большомъ городѣ, повела безобидное, спокойное и праздное существованіе.

Мужъ былъ добръ, а она нетребовательна. Нарядовъ у ней было много, но она всегда ихъ имѣла больше, чѣмъ нужно, и относилась къ нимъ довольно равнодушно. Знакомые явились. Впрочемъ, Вѣрушкѣ было пріятнѣе видѣть одну женщину изъ Богомолова, жившую здѣсь у сына, швейцара, нежели новыхъ городскихъ знакомыхъ. Мужъ ея не одобрялъ частыхъ выѣздовъ. Она любила театръ и въ особенности циркъ, но и дома оставалась охотно за вышиваньемъ или книжкой, по цѣлымъ часамъ наблюдая прохо-

дящихъ по улицѣ и возложивъ хозяйственныя заботы на прислугу. Въ душѣ ея былъ такой огромный запасъ молодой веселости, что она всегда и вездѣ чувствовала себя счастливой. Она ждала, что отецъ вызоветъ ее съ мужемъ къ себѣ, — еще болѣе ждала ребенка. Но дитя не рождалось, и это было единственнымъ ея огорченіемъ.

Судьба готовила ей другія.

Выдавъ дочь, Савва Ивановъ вздумалъ сдѣлать «афѣру». Онъ перевелъ имѣніе на имя жены и готовился «помазать» кредиторовъ. Неожиданно, наканунѣ помазанія, его самого хватилъ параличъ.

Вѣра Савишна горько плакала на похоронахъ. Послѣ похоронъ мужъ ея потребовалъ наслѣдства, но получилъ отъ тещи рѣшительный отпоръ. Вырвавшись изъ-подъ крутой опеки мужа, старая Балагаева приняла небывалый тонъ апломба и авторитета. Все было *ея*. Она упивалась этимъ сознаниемъ въ обществѣ своихъ Марьюшекъ и Аеонюшекъ, которые теперь уже ступали не на цыпочки, а на всю ногу и смѣло возвышали голосъ въ домѣ.

Зять уѣхалъ послѣ жестокой ссоры, поклявшись, что нога его и жены не будетъ въ «поганой харчевнѣ». Изъ города Вѣра Савишна тайкомъ отъ него писала матери нѣжныя письма.

Лѣтъ семь прожила она тамъ по прежнему, благополучно. Къ концу ихъ Вѣра Савишна замѣтила, что мужъ ея началъ какъ-то непривычно раздражаться.

— Ни на что-то васъ нѣтъ, вырвалось у него однажды. — Избалованы. Приданого за вами не ахти сколько, чтобъ принцессу изображать... Хозяйки нѣтъ въ домѣ.

Вѣра Савишна выслушала, широко открывъ свои красивые глаза. Она сочла эти упреки недоразумѣніемъ. Но они стали повторяться. Мужъ ходилъ угрюмый. Вѣра Савишна принялась за хозяйство. Но это не могло помочь: въ одинъ день молодая женщина, похолодѣвъ отъ удивленія и испуга, узнала, что они разорены.

Пришлось отказать прислугѣ и съѣхать на дешевую квартиру. Не будь мужъ Вѣры Савишны «изъ благородныхъ», онъ сумѣлъ бы поправить дѣло, можетъ быть, поладить съ тещей, — но теперь онъ возненавидѣлъ коммерцію и началъ искать службы. Потомъ заболѣлъ. Вѣра Савишна сама и стирала, и стряпала, мыла полъ. Болѣзнь мужа была продолжительна. Бѣдная женщина билась, какъ рыба объ ледь. Шить она плохо умѣла, учиться было поздно, а денегъ не хватало. Она вспомнила о своей калитрафiи. Въ свободные отъ домашней работы часы она искала переписки и сидѣла, нагнувшись у стола, скрипя перомъ, пока мужъ ея, охая, бродилъ по комнатамъ или щепаль лучину, ворча, что опять дрова вышли.

Вѣра Савишна написала матери, просясь домой. Въ отвѣтъ она получила небольшую сумму, да намаранный каракулями отвѣтъ, что мать посылаетъ, сколько можетъ, что у нея денегъ нѣтъ, а Богъ наказалъ зятя за грѣхи, что двумъ медвѣдямъ въ берлогѣ тѣсно, и Богомолото достанется молодымъ, когда она глаза закроетъ. Успѣютъ, молоды. Она невиновата, что зять не сумѣлъ дѣловъ повести.

Прошло еще три года. Мужъ Вѣры Савишны то получалъ какое нибудь мѣсто, то опять терялъ его, вслѣдствiе плохаго здоровья и раздражительности. Нищета стучалась въ двери. Вѣра Савишна крѣпилась, работала и терпѣла. Какъ только получалась возможность оторваться на минуту отъ хозяйства, она садилась писать. А мужъ ея въ это время, бродя безъ дѣла, отыскивалъ разныя упущенiя и раздражался грозными филиппиками по поводу разбитой тарелки или чего другаго. У бѣдной женщины отъ этихъ филиппикъ голова шла кругомъ. Иногда ей просто хотѣлось ругаться съ мужемъ, но онъ и самъ не жалѣлъ себя, работая, какъ волъ, когда была работа, и при взглядѣ на его сердитое, худое отъ болѣзни и устатка, лицо брань оставалась у жены на губахъ. Матери своей она продолжала писать. Балагаева жалѣла дочь, но къ зятю относи-

лась съ черствымъ равнодушіемъ. Нельзя жить, на боку лежа. Пусть потрудится, Богъ труды любить. Зять съ своей стороны не оставался въ долгу у тещи. Еслибъ онъ не ввозилъ на нее такой кучи нелѣпныхъ, чудовищныхъ обвиненій, жена его отнеслась бы къ письмамъ матери строже. Но, обиженная за себя и за мать, она не замѣчала безсердечія послѣдней. Она думала, что, — стоитъ имъ свидѣться, — мать все бы, поняла. Она чувствовала горячіе-горячіе приливы нѣжности къ матери, она вѣрила ей. Она такъ устала на чужбинѣ, лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ недовольствомъ мужа. Ей такъ хотѣлось прижаться къ родимой груди, подышать роднымъ воздухомъ. Она существовала мыслью, что рано или поздно отдохнетъ же она и заживетъ прежней счастливой жизнью въ родномъ Богомолвѣ. И при этой надеждѣ ея желѣзное здоровье выдерживало все.

Въ одно ясное теплое лѣто мужъ ея чувствовалъ себя крѣпче обыкновеннаго. Они нашли недорогую, но уютную квартирку съ садомъ. Вѣрѣ Савишнѣ вздохнулось какъ-то легче, — и вдругъ съ радостнымъ изумленіемъ она почувяла въ себѣ начало другой, еще зарождающейся, нѣжной, но уже безъ границъ драгоцѣнной для нея, жизни.

Отецъ былъ тоже радъ. Вѣра Савишна опять узнала давно забытыя мужнины ласки. Въ то же время мужъ ея получилъ сносное мѣсто при конторѣ, а Вѣрѣ Савишнѣ доставили постоянную работу. Ребенокъ, еще не родившійся, принесъ имъ счастье.

Хорошую зиму провела Вѣра Савишна. Денегъ доставало; она надѣялась, что можетъ окружить дитя всѣми удобствами, необходимыми для такого нѣжнаго созданья, она съ любовью прислушивалась къ веселымъ движеньямъ своего ребенка, еще невидимаго, но радостно и постоянно ощущаемаго ею.

Къ веснѣ явился долго жданный и желанный гость — большая здоровая дѣвочка съ шелковистыми черными волосами, съ круглымъ личикомъ. Она улыбулась, засыпая

уже на второй день послѣ рожденія, какъ будто новая для нея жизнь правилась ей. Она была спокойное дитя, и когда лежала, такая крошечная и чистая, въ своихъ бѣлыхъ пеленкахъ на широкой постели родителей, куда мать настлала уцѣлѣвшее шелковое одѣяло, чтобъ постель была достойна принять на себя ея сокровище, — когда дѣвочка лежала и кротко и весело глядѣла на окружающее — на отблескъ зари на стѣнѣ, на бѣлое полотенце — своими большими глазами, точно желая скорѣе ознакомиться съ этимъ міромъ, въ который она вступала съ такимъ радостнымъ довѣріемъ, — глядѣла до тѣхъ поръ, пока не засыпала тихимъ и сладкимъ сномъ, тогда Вѣрѣ Савишнѣ казалось, что счастливѣе ея нѣтъ женщины въ свѣтѣ!

Оно было непродолжительно, это счастье.

Въ концѣ апрѣля мужъ Вѣры Савишны заразился, навѣстивъ больнаго товарища, выздоровѣлъ, потомъ схватилъ простуду, и возвратный тифъ въ девять дней спровадилъ его въ могилу.

Вдова сдѣлала надъ собою усиліе, чтобъ не горевать ради ребенка. Друзья предлагали ей остаться, общали завятія. Она не захотѣла. Теперь она можетъ наконецъ воротиться домой. Домой, въ Богомолowo. Тамъ — конецъ всѣмъ невздамъ, тамъ настоящая жизнь, тамъ отдыхъ, тамъ покой и ласка, и здоровье — въ родномъ Богомолowѣ.

Мать писала, звала Вѣрушку. Съ Богомъ, въ дорогу! Домой — и навсегда!

Вѣра Савишна была полна надеждъ и любви къ матери. Ни одно сомнѣніе не явилось у ней. Лишь при самомъ отъѣздѣ, когда ея мѣсячная дѣвочка, положенная на диванъ въ дамской комнатѣ вокзала, оглядывала, казалось, съ удивленіемъ высокія, холодныя стѣны кругомъ, и толстая горничная пожалѣла, что такая крошка ѣдетъ въ такой далекій путь, — лишь тогда сердце матери стѣснилось горькимъ предчувствіемъ. Но она тутъ же успокоила себя. Вѣдь она везла свою дѣвочку *домой!*

Дорога была тяжела. Крѣпкое здоровье малютки помогло ей вынести все: и тряску, и рѣзкія переѣны температуры, и неизбѣжный безпорядокъ въ пищѣ и снѣ. Мать, изстрадавшуюся душой за ребенка, поддерживало одно магическое слово: *домой*.

И вотъ оно наконецъ, дорогое Богомолото!

Хозяйка вышла за ворота на встрѣчу дочери въ сопровожденіи цѣлой толпы приживалокъ. Мать и дочь обнялись крѣпко, со слезами радости.

Помѣщеніе для пріѣзжихъ было приготовлено въ половинѣ флигеля. Другую половину занимала сама бабушка. Старый просторный домъ оказался проданнымъ. Ужъ очень выгодно дали. Старуха жаловалась на плохія времена и безденежье.

Все это лишь мелькомъ задѣло Вѣру Савишну. Она принялась водворять дочурку въ новомъ помѣщеніи. Комната была уютна, оклеена чистыми обоями. Извиняясь, что заставляеть хлопотать, Вѣра Савишна попросила вынести два огромные шкафа, заслонявшіе кровать отъ воздуха и свѣта.

На второй день послѣ пріѣзда дочери, бабушка подарила ей нѣсколько шелковыхъ матерій на платье, серебра и старыхъ кружевъ, нитку бурмицкихъ зеренъ для внучки. Это были самыя завѣтныя изъ вещей, хранившихся въ ея сундукахъ, — но она была такъ рада видѣть свою Вѣрушку!

Первое время мать и дочь не могли наговориться. Но уже очень скоро у Вѣры Савишны появилось странное ощущение неловкости. Это было что-то неуловимое. Не отдавая себѣ отчета — почему и какъ, она чувствовала, что она здѣсь не дома, а въ гостяхъ у матери. Мать стала не та, что прежде: какъ то упрямѣе, властнѣе, привязалась еще больше къ своимъ домочадцамъ, отвыкла — да, именно, отвыкла отъ нея... Она оставила всякія знакомства, замкнулась въ кругъ однихъ и тѣхъ же лицъ, чтобы слышать изъ года въ годъ однѣ и тѣ же тупыя, шаблонныя рѣчи, да умиленное под-

дакиванье. Богомолво стало гораздо скучнѣе, гораздо дальше отъ всего общечеловѣческаго и богаче мелочными дрязгами, чѣмъ было прежде... Прежде это все и не замѣчалось... Правда и то, что сама Вѣра Савишна не была уже тою спокойною коровкой съ веселыми глазами, какою она уѣхала отсюда. Жизнь, сурово трепавшая ее по своимъ волнамъ, развила въ ней чувства и мысли, чуждыя богомолвскому затишью, дала случай видѣть умныхъ людей, слышать хорошія рѣчи, открыла глаза на многое... Двумъ женщинамъ приходилось по неволѣ говорить другъ съ другомъ на разныхъ языкахъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ это неудобство и неловкость ощущались сильнѣе. Хотѣлось вылить наболѣвшую душу передъ роднымъ человѣкомъ — и получался въ отвѣтъ удивленный взглядъ или возраженіе, послѣ котораго говорить далѣе было не о чемъ. Приживалки и приживальцы съ пріѣзда Вѣры Савишны начали ступшевываться, уходили изъ комнаты, за чаемъ говорили смиреннымъ тономъ:

— Мы, матушка, успѣемъ, послѣ напьемся... дочку угощайте.

Вѣра Савишна замѣтила, что это беспокоитъ ея мать. Она замѣтила еще, что та секретничаетъ отъ нея относительно хозяйства... Не желая стѣснять никого, она сама приглашала приживальцевъ къ чаю. Впрочемъ, большую часть дня она проводила въ дѣтской, заботясь о своей дочкѣ.

Бабушка, сдѣлавшись тучною на старости, хотя по привычкѣ все жаловалась на нездоровье, въ сущности задыхалась постоянно отъ жара и отворяла настежь окна и двери, чтобы свистѣло. Ей казалось дико, что дочь боится сквозника.

— Чтѣ съ тобой? Какая ты нынче хлипкая.

— Я кормлю, говорила сдержанно дочь.

— Ну такъ чтѣ же, мать моя? вскидывала старуха на нее удивленные глаза и пожимала плечами. Привередничаетъ Вѣрушка. Дочь казалась ей все еще молоденькой дѣ-

вочкой, которую надо наставлять на разумъ, и она глубоко обижалась въ душѣ тѣмъ, что Вѣрушка не слушаетъ ея настоятельныхъ совѣтовъ навѣситъ люльку и пеленать дитя.

Вѣра Савишна нянчилась сама, почти не выходя изъ дѣтской. Разъ, почувствовавъ легкое нездоровье, она вышла посидѣть у пруда, гдѣ черемухи разрослись густою чащей.

Мимо прошли двѣ приживалки; онѣ разговаривали, не замѣчая Вѣры Савишны.

— Не забудь попросить, чтобъ на насъ ленку посѣяли... подѣски большія рубать.

— Просить надо загодя. Вѣдь послѣднія подѣски. Лѣсто то весь высаженъ... одни кусты.

— И тѣ продасть, гляди...

— Продасть, не извернуться... Вишь привыкла жить широко. А хозяйство-то, извѣстно, бабье...

— А ты молчи. Пока у ней есть — и мы царствуемъ... Отъ дочки немногаго дожدهшься.

— Ну, дочка-то, можетъ, не дождется и сама. Вѣдь сама-то — знаешь — къ кому въ лапы попала?

Онѣ назвали извѣстнаго ростовщика. У Вѣры Савишны руки и ноги похолодѣли. Что-жъ это, опять нищета? И кому же? — ея дѣвочкѣ! И теперь — безнадежная...

Внѣ себя она побѣжала къ матери. Но первыя же слова ея, первый трепетный вопросъ былъ встрѣченъ новымъ, ужаснувшимъ ее въ матери, выраженіемъ холодной, упорной враждебности и недовѣрія. Казалось, дочь смертельно оскорбила ее... — »Все мое, и я никому не даю отчета«. Вѣра Савишна поняла все. Мать знаетъ, что разоряется, это мучить ее въ глубинѣ души, но именно потому, что въ этомъ—ея больное мѣсто, она не хочетъ ничего слышать: ей надо обмануть, успокоить себя. И, слѣдовательно, спасенія нѣтъ.

Дочь замолчала. Мало по малу непріятное впечатлѣніе размолвки исчезло, смѣнившись прежнею нѣжностью. Но у Вѣры Савишны осталась на душѣ тревога.

Ей чѣмъ дальше, тѣмъ хуже жилось въ Богомолвѣ.

Обѣдъ былъ тяжелъ и жиренъ, — бабушка не любила другаго. Притомъ кухарка ея не умѣла иначе готовить; не выписывать же изъ города другую. Вѣрушка — чего не выдумаетъ! — боится, что эта пища повредитъ ребенку. А какъ же на черномъ хлѣбѣ вскармливаютъ? Еще здоровѣе бываютъ дѣти...

Начались вѣтры; оказалось, что во всѣ щели флигеля дуетъ. Рамы и двери были такъ плохо укрѣплены, что однажды порывъ вихря распахнулъ ихъ настежь и съ шумомъ пронесся по комнатѣ, гдѣ лежалъ ребенокъ.

Вѣра Савишна ужаснулась, бросилась къ матери. Та покачала головой.

— Все-то тебѣ неладно, упрекнула она. — Маловѣрие это въ тебѣ. Экая важность, что вѣтеръ. Безъ Бога ничего не будетъ. Ты молись, чтобъ вѣру имѣть. Сходи въ церковь.

Дочь умоляла заколотить щели и укрѣпить окна. Балагаева согласилась съ тѣмъ неодобрительнымъ, но терпѣливымъ видомъ, какой имѣетъ разумный человѣкъ, уступая требованіямъ другаго, неразумнаго, но любимаго. Знаешь, что пустаго просить, да надо же успокоить!

Ребенокъ, полуторамѣсячный, уже крѣпко держалъ головку съ черными длинными волосами — косой, какъ говорила мать, любуясь на дѣвочку. И, пока она цѣловала маленькія ножки и слѣдила любовно за каждымъ ей одной понятнымъ выраженіемъ сознанія, души въ этомъ родномъ и чистомъ существѣ, — за ея спиной богомоловскіе приживальцы шептали старой Балагаевой, что удивительно имъ... вмѣсто чѣмъ бы благодарить маменьку... за всѣ милости... Вѣра Савишна какъ будто недовольны...

Вѣтеръ не стихалъ, и погода изъ жаркой сдѣлалась мрачна и сурова. Окна въ дѣтской заставили ставнями. Вѣра Савишна завѣшивала коврами двери, съ тоскою прислушиваясь къ свисту вѣтра и чувствуя, что, несмотря ни на что, сквозникъ все же существуетъ въ комнатѣ. Признаки его были незамѣтны для равнодушнаго; но мать, ви-

дѣла ихъ: недаромъ покачивались весь день полотенце, висѣвшее у стѣны, противоположной окнамъ, и занавѣска у дѣтской кровати...

Соединенныя причины сдѣлали наконецъ свое дѣло. Ребенокъ простудился. И въ то же время у него началось жестокое расстройство желудка.

Эта веселая, спокойная, спавшая, какъ сурокъ, и начинавшая уже смѣяться »голосомъ« дѣвочка становилась съ каждымъ днемъ тревожнѣе и блѣднѣе. Она еще улыбалась, но была вяла, не кричала больше, не билась энергично ручками и ножками, а лежала, распутившись покорно, и кротко глядѣла большими печальными глазами. Она тяжело дышала отъ насморка, не могла заснуть по часамъ, а, заснувъ, просыпалась безпрестанно и стонала во снѣ.

Мать въ отчаяніи переходила отъ щели къ щели, не зная, изъ которой идетъ предательская струя, которая убиваетъ ея ребенка. На тревоги дочери бабушка неизмѣнно отвѣчала, что это ей »представляется«, что дѣти не спятъ »къ погодѣ«, что она выдумываетъ болѣзни, и смѣялась надъ ея страхами, надъ закупоренной комнатой. Комната дѣйствительно стала мрачна и съ этимъ предательскимъ сквозникомъ производила на Вѣру Савишну впечатлѣніе западни или тюрьмы.

Бабушка увѣряла, поддерживаемая хоромъ приживалокъ, что вся бѣда отъ того, что нѣтъ свивальника и люльки. Бѣдная мать, хватаясь за всякую соломенку, уступила. Люльку съ торжествомъ повѣсили, но лучше не стало. Здоровье, веселость и сила ребенка пропадали, а матери — на всѣ ея горестныя жалобы — твердили одно: что это къ погодѣ, что дѣвочка превеселая, премилая... твердили до тѣхъ поръ, пока ребенокъ еще могъ улыбаться. Всѣмъ казалось, что надобно только успокоить Вѣру Савишну.

Дѣвочка гасла, и помощи не было. Вѣчная глупая и живая болтовня, вмѣсто помощи, убивали мать.

Она стала тоже очень кротка. У ней явилась страшная

слабость и апатія ко всему. Она ушла въ себя со своимъ горемъ, которое не хотѣли раздѣлить, и таяла молча, безъ жалобъ, смотря на свое гибнущее счастье. И день, и ночь ей вспоминался цвѣтущій видъ и крѣпкій сонъ дѣвочки до отъѣзда и ея беззаботная веселость во время сборовъ, и тотъ будто удивленный взглядъ, съ какимъ она лежала на диванѣ вокзала, и перенесенная ею усталость въ дорогѣ, и то упорство, съ которымъ здоровый ребенокъ переносилъ сперва всѣ невзгоды. Увезти ее было преступленіе. Онъ былъ здоровъ, веселъ, покоенъ, — она, мать, схватила его, беззащитнаго, и повезла на муку, на смерть... Мучила въ дорогѣ, чтобъ доканать здѣсь... чтобъ убить!

Терзающая мысль на всѣ лады варьировалась въ ея головѣ, и умъ ея возвращался къ ней, неизмѣнной, какъ мотивъ народной пѣсни, возвращающійся постоянно къ одному и тому же созвучію.

Съ каждымъ днемъ становилось хуже обѣимъ. Малютку рвало, какъ большую, едва успѣть поѣсть, — все хлынетъ вонь. Она не плакала, только стонала изрѣдка; подъ глазами у нея сдѣлались круги. Матери казалось, что, давая ей грудь, она кормить ее ядомъ.

— На то ли она узнала жизнь? Затѣмъ ли она такъ радостно билась во мнѣ, чтобъ я же, я повезла ее на смерть, на несчастіе...

Другой мысли, другаго чувства у ней уже не было. Она стала безчувственна ко всему окружающему; ее больше не раздражали пошлость и дразги, кипѣвшія вокругъ нея. Она молчала, отъ слабости едва передвигала ноги, не могла ничего ѣсть. Языкъ былъ бѣлый, голова тяжелая... Безграничное мучительное сожалѣніе, болѣзненно ѣдкіе упреки совѣсти сливались въ одну острую и постоянную тоску. Тоска выразилась физически — замираніями сердца, которыя особенно мучили Вѣру Савишну, когда она хотѣла заснуть. Едва успѣвало начаться легкое забытье, какъ вдругъ сердце сжималось, какой-то нервный толчекъ ударялъ въ конечности,

и Вѣра Савишна въ неопредѣленномъ, но невыразимо тяжело страхъ открывала усталые глаза.

— И откуда только эта бессонница взялась? недоумѣвала старая Балагаева. — Тебя, бывало, пупкой не разбудишь... Хоть бы винца выпила? Заботлива ты очень... Почитай вотъ газетку: про твоихъ знакомыхъ пишутъ... послушай, что въ городѣ дѣлается.

Вѣра Савишна брала «газетку», послушная, блуждала по строкамъ ея глубоко безучастнымъ взглядомъ, слушала, что дѣлается въ городѣ, — и лицо ея сохраняло выраженіе человѣка, для котораго не существуетъ все это, о чемъ говорится и пишется... Слова скользили по ея слуху, не вызывая въ умѣ никакихъ представленій..

Бабушка поняла наконецъ, что дѣло не шутка. И, понявъ, захлопотала. Она отдала ребенку свою комнату, сухую и теплую, она сама начала ходить за нимъ, чтобы дать покой матери, нашла хорошую няньку, послала за докторомъ. Докторъ предписалъ Вѣрѣ Савишнѣ строгую діету. И онъ, и бабушка настойчиво совѣтовали ей не волноваться. Совѣтовать такъ легко!

— Ахъ, матушка! ахъ, благодѣтельница! умилялись между тѣмъ приживалки. — Сами себя стѣснили... Должны же Вѣра Савишна чувствовать... Вотъ материнское сердце. Голу-убушки!

Вѣрѣ Савишнѣ было не до благодарности. Мать не рассердилась и на это, и только вознаградила себя за свое самоотверженіе пріятною мыслью, что она ничего не пожалѣла для дочери.

Ничего, — но уже было поздно.

Приживалки устраивали ванны, готовили легкіе супы. Напрасно! Ребенокъ умиралъ. Онъ почти не бралъ груди. На маленькомъ личикѣ выражалось страданіе. Слабый и жалобный пискъ его не напоминалъ прежняго звучнаго крика. И мать была непохожа на себя. Мысль о смерти ребенка, о преступленіи вызвать его на свѣтъ, чтобы бро-

силь на жертву страданію, владѣла ею. Тоска уже сдѣлалась ея обычнымъ состояніемъ.

— Вы больны сами, сказалъ ей докторъ. — Вамъ надо поправиться, чтобы поправилось дитя.

И она старалась ѣсть, и чѣмъ насильственнѣе привуждала себя, тѣмъ сильнѣе было отвращеніе къ пищѣ, — старалась спать и потому именно не могла забыться ни на секунду. Ни на секунду голова ея не могла перестать работать, хотя работала все въ одномъ направленіи. Иногда являлись представленія всѣхъ страданій дѣтей, о которыхъ она когда либо читала, являлись реально, какъ будто всѣ эти замученныя дѣти были ея, и беззащитность ихъ и жестокость совершеннаго надъ ними насилія мучили ее...

»Вѣдь это начало сумасшествія!« подумалось однажды Вѣрѣ Савишнѣ.

И только что это пришло ей въ голову, — ея приговоръ былъ подписанъ. Воля ея была безсильна отвлечь умъ отъ роковой идеи. И это безсиліе воли еще болѣе укрѣпляло ее въ справедливости ея догадки.

Кажется, въ это время погода была опять ясная. Кажется, Вѣру Савишну посылали гулять. Она какъ-то рефлексивно помнила свѣтлую отъ солнечныхъ лучей, зеленую стѣну молодой ржи, мимо которой она шла по дорогѣ. Кажется, бабушка позвала гостей. Стучали колеса. Кто-то поспѣшно убиралъ пеленки. Съ ней говорили, смотрѣли на ея ребенка... съ сожалѣніемъ, — да; еще она сказала, что онъ былъ не таковъ... Кажется, все это было. А, можетъ быть, нѣтъ. Какое дѣло ей? Она не замѣчала ни времени, ни обстоятельство, ничего, кромѣ того, что дитя ея погибаетъ, а она должна сойти съ ума... Временемъ были для нея страданія ея ребенка, которыя она вдвойнѣ переживала въ своемъ сердцѣ. И блескъ сіяющаго лѣтняго дня еще усиливалъ то мрачное бремя, которое повисло надъ ея душой...

Въ одно раннее сѣрое утро, когда разсвѣтъ едва начиналъ брезжить въ окнахъ, бабушка, въ рубашкѣ и въ ноч-

ной кофтѣ, на цыпочкахъ вошла въ дѣтскую. Нянька, утомленная, храпѣла на полу. Вѣра Савишна сидѣла надъ люлькой, не качая и не шевелясь.

— Что у васъ тихо? спросила ее мать. — Спать?

Сдѣлавъ такъ много жертвъ, она была увѣрена, что ребенокъ не можетъ не выздоровѣть.

Отвѣта не было.

— Заснула? повторила она.

Дочь подняла голову.

— Ахъ, это все вздоръ! Кто говорить: ребенокъ? Восковая кукла. Ихъ много тамъ... тамъ, гдѣ не живутъ. Вызвала? вы говорите... Грѣхъ?... Выколоть глаза?.. Вздоръ. Это кукла. Тихе, не разбудите.

— Вѣрушка, Вѣрушка, что съ тобой? Перекрестись, опомнись!

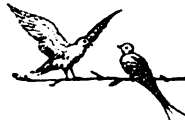
— Кукла, я вамъ говорю! крикнула дочь. — У ней нѣтъ глазъ. Видите. восковая. Только не говорите. Это тотъ выдумаль... тотъ... который смѣется. Слышите, какъ онъ смѣется?

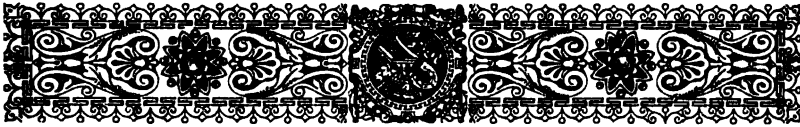
Она дико захохотала.

Старуха въ ужасѣ нагнулась къ ребенку. Блѣдныя ручки его были холодны, на лицѣ не выразалось болѣе мукъ. Онъ умеръ.

Продолженіе будетъ

А. Купріянова

ПРОСТИ МЕНЯ...

Прости меня, дитя!.. я грѣшенъ предъ тобой!
Я былъ жестокъ и грубъ, любви твоей не вѣря!
То ревность черствая стокою змѣй
Проснулась, подползла и разбудила звѣря!
И гнѣвъ, и дикий гнѣвъ, какъ сатана, проникъ
Въ тайникъ моей души, ругаясь надъ святыней.
Такъ, овладѣвъ страной, смѣется еретикъ,
Загнавъ нечистыхъ псовъ въ святая стѣны скиній!

Не плачь, прости меня!.. я пламенно люблю
Мою безгрѣшную и ласковую фею!..
Взгляни же весело, отри слезу свою
И на ухо шепни: »прощаю и жалѣю!..
Пусть солнышко любви намъ ласково блеснетъ,
Лобзаньемъ осушивъ заплаканные глазки!..
А послѣ душныхъ грозъ душистѣй лугъ цвѣтетъ,
И сердце послѣ ссоръ обильнѣе на ласки!..

Ал. Будищевъ

БЕАТРИЧЕ

Историко-литературный этюдъ

*Sovra candido vel, cinta d'oliva,
Donna m'apparve, sotto verde manto,
Vestita di color di fiamma viva.*

Dante. Purgat. XXX. 31—33

I

Таинственность, окружающая жизнь великихъ людей — фактъ, достаточно извѣстный въ исторіи. Чтѣ мы знаемъ, на примѣръ, о Гомерѣ? — абсолютно ничего. Весь Гомеръ для насъ сводится на нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, не имѣющихъ никакого фактическаго основанія. О Рафаэлѣ мы знаемъ нѣсколько анекдотовъ, довольно сомнительнаго свойства, и ничего больше. Мы знаемъ, что Рафаэль не получилъ никакого образованія, мальчикомъ работалъ въ мастерской своего отца, потомъ — въ мастерской Перуджино, а по выходѣ оттуда, еще совсѣмъ юношей, онъ уже является художникомъ, о которомъ говорятъ съ изумленіемъ, какъ о необыкновенномъ гении. Какъ объяснить фактъ, что изъ-подъ кисти молодого человѣка, умершаго на тридцать седьмомъ году жизни, вышли такія великія произведенія, какъ Парнассъ, Аѳинская школа, Сивиллы, Пророки, Галатея, Мадонны, — и всѣ эти произведенія поражаютъ даже профана не только величіемъ и глубиной творческой мысли, но также и самымъ широкимъ образованіемъ, изумительнымъ знакомствомъ съ греческой литературой и философіей? Шекспиръ представляетъ не менѣ таинственную загадку для историка. Послѣ Шекспира не осталось ни рукописей, ни писемъ; многіе факты его жизни намъ извѣстны лишь по устному преданію, другіе — темны и не поддаются никакимъ объясненіямъ; въ своемъ завѣщаніи онъ не говоритъ ничего о своихъ сочиненіяхъ; даже относительно ореографіи его имени существуетъ разногласіе, которому едва ли можно

устранить. Все это до известной степени может объяснить возниженіе нелѣпаго предположенія, что Шекспиръ былъ не болѣе, какъ невѣжественный актеръ, и что авторомъ шекспировскихъ произведеній слѣдуетъ считать известнаго философа его времени, лорда Бекона. О Мольерѣ мы знаемъ, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ о Шекспирѣ; контрастъ между глубиной произведеній, носящихъ имя Мольера, и этимъ *tapissier du roi* такъ великъ, что въ послѣднее время во Франціи стали продѣлывать по отношенію къ Мольеру буквально тотъ же самый недостойный фарсъ, какой продѣлывается въ Англии и Америкѣ, вотъ уже почти сорокъ лѣтъ, относительно Шекспира, съ легкой руки миссъ Беконъ. Въ болѣе близкія къ намъ времена, цѣлая полоса въ жизни лорда Байрона, — его бракъ, его разводъ, его отношенія къ сестрѣ, — покрыты таинственнымъ мракомъ, разсвѣять который, за смертью главныхъ дѣйствующихъ лицъ, не представляется возможнымъ. А причины дуэли Пушкина развѣ лучше намъ известны?

Однако одну изъ самыхъ любопытныхъ литературныхъ загадокъ представляетъ собой, можетъ быть, одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Данте. Я говорю о его любви къ Беатриче. Большинству великій творецъ „Божественной комедіи“ главнымъ образомъ известенъ по этой любви. Поэтическая легенда, окружающая теперь эту дантовскую любовь, великій ореолъ, которымъ она окружена, и лучезарный предметъ этой любви, Беатриче, — начали складываться еще въ XIV столѣтїи, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ смерти великаго поэта. Не прошло и столѣтїя, какъ эта легенда окончательно сложилась и сдѣлалась столь популярной, получила такую всемірную известность, что въ настоящее время отличить въ ней фикцію отъ правды представляется задачей, которая и понынѣ не вполне удовлетворительно рѣшена исторической критикой. Но литература по этому вопросу, разрастаясь до необыкновенныхъ размѣровъ, чрезвычайно любопытна. Никогда еще изслѣдованія о Данте не были такъ многочисленны, какъ въ настоящее время. Недавнее учрежденіе двухъ новыхъ кафедръ, посвященныхъ изученію Данте, въ Римѣ и Неаполѣ, породило новый интересъ къ великому итальянскому поэту. Не проходитъ и недѣли, чтобы въ Итали не появлялась какая нибудь объемистая монографія, какой нибудь новый комментарий въ нѣсколько томовъ, исключительно посвященный объясненію „Божественной комедіи“ или жизни ея автора. Но характеръ современной исторической критики значительно разнится отъ прежнихъ работъ по этому предмету. Самыя задачи критики значительно измѣнились. Для изслѣдователей конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго задача заключалась въ томъ, чтобы возсоздать истин-

ный смысл и значеніе Данте, смыслъ, который былъ совершенно искаженъ первыми комментаторами; дѣло шло прежде всего о томъ, чтобы выяснитъ его роль въ событіяхъ, политикѣ, литературѣ и философіи его времени. Во Франціи — Фориель и Озанамъ; въ Германіи — Вегеле, Копишъ, Карлъ Витте; въ Италиі — Пелли, Тройя, Гальбо, Массирини, Арривабене обнародовали множество біографій и изслѣдованій, въ которыхъ старались выяснитъ эту роль Данте. Теорія Витте, — такъ называемая „психологическая теорія“, — имѣвшая такое огромное вліяніе на самую постановку вопроса, изображаетъ намъ колоссальную фигуру Данте въ качествѣ философа съ ясно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и политическаго дѣятеля съ ясно опредѣленной политической программой. По этой теоріи Данте представляется безстрастной, неподвижной, строгой фигурой, выдѣляющейся на бурномъ фонѣ событій, — нѣчто въ родѣ фигуры, которую Делакруа изобразилъ въ знаменитой картинѣ „Барка Данте“. Это былъ, такъ сказать, романтическій періодъ дантовской критики.

Такимъ образомъ, казалось, что жизнь великаго поэта была окончательно выяснена. Но въ послѣдней четверти нынѣшняго столѣтія историческія изслѣдованія приняли въ Италиі новое направленіе. XIII и XIV столѣтія, — этотъ „золотой вѣкъ“ итальянской литературы, — сдѣлались цѣлью самыхъ тщательныхъ изысканій. Были основаны спеціальныя ученые журналы, въ родѣ „Propugnatore“ и „Историческаго архива Италиі“; поэтъ Кардуччи сталъ во главѣ этого движенія, и начали появляться ученые изслѣдованія произведеній современниковъ Данте, и такія капитальныя сочиненія, какъ „Dino Compagni“ дель-Лунго, „Источники Аріоста“ Райяны, „Исторія итальянской литературы“ Бартоли, многочисленныя монографіи Анконы, Реньера, Финци, делла-Джіованни, Имбриани и пр. Всѣ эти труды мало по малу обнаружили полную научную несостоятельность прежней критики. Біографія Данте подверглась новому пересмотру — и результатомъ этого пересмотра было то, что ни одинъ фактъ этой біографіи не можетъ быть названъ достовѣрнымъ, такъ что въ настоящее время, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно сказать, что біографіи Данте прямо не существуетъ. Бартоли, начиная пятый томъ своей „Исторіи итальянской литературы“, прямо заявляетъ, что онъ даже и не пробуетъ писать „жизнь“ Данте, что нужны еще цѣлыя годы самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, прежде чѣмъ мы что либо достовѣрно узнаемъ о жизни великаго поэта, и что, приступая къ изложенію фактовъ его жизни, нужно убѣдиться, что прежнія „біографіи“ — не болѣе, какъ романы, основанные на легендахъ и фантазіяхъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ ярко скептическій ха-

рактёръ современной исторической критики, она многое освѣтила съ новыхъ сторонъ. Такому же пересмотру, разумѣется, подвергся и вопросъ о Беатриче, результаты котораго мы постараемся представить ниже.

II

Вопросъ этотъ имѣетъ значительную психологическую важность не только потому, что разрѣшеніе его можетъ объяснить намъ нѣкоторыя стороны поэтической дѣятельности Данте, но главнымъ образомъ потому, что только благодаря ему мы можемъ приблизиться къ Данте, какъ къ человѣку, помимо его роли, какъ поэта и политическаго дѣятеля. Но, прежде чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ современной критики, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ застала она этотъ вопросъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Мы уже говорили о популярной легендѣ платонической любви Данте къ Беатриче. Надобно правду сказать: самъ Данте, конечно, не преднамѣренно, далъ поводъ къ возникновенію этой легенды. Онъ прославилъ свою Беатриче также, какъ Петрарка — Лауру, а Торквато Тассо — Леонору. Онъ воспѣвалъ ее въ своемъ юношескомъ произведеніи „Vita puоva“, въ своихъ сонетахъ, и поставилъ ее на недосыгаемый пьедесталъ въ „Божественной комедіи“. Что же онъ говоритъ намъ объ этой любви?

Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, въ „Vita puоva“, образуящемъ нѣчто въ родѣ романа, въ который вплетено нѣсколько десятковъ сонетовъ, поэтъ рассказываетъ намъ исторію этой любви. „Въ этой части книги моей памяти, — такъ начинается Данте свой романъ, — раньше которой мало что останется для чтенія, находится параграфъ, который говоритъ: здѣсь начинается новая жизнь. Подъ этимъ параграфомъ я нахожу много писанныхъ вещей и много словъ, которыя я намѣренъ соединить въ этой книгѣ, если не текстуально, то по крайней мѣрѣ по смыслу“. Эта *новая жизнь* („vita puоva“) началась для поэта съ того дня, когда онъ, будучи девяти лѣтъ отъ роду, увидалъ Беатриче, дѣвочку его же возраста. „Она предстала моимъ взорамъ, одѣтая въ одѣяніе красноватаго цвѣта, величественная и скромная, и манера, съ которой ея поясъ поддерживалъ платье, была приноровлена къ ея чрезвычайной юности. По истинѣ говорю, что въ этотъ моментъ *духъ жизни*, находящійся подъ завѣтнѣйшимъ сводомъ сердца, началъ трепетать съ такою силою, что я чувствовалъ дрожаніе самыхъ маленькихъ венъ, и, дрожа, онъ сказалъ слѣдующее: *Esse deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi* — вотъ богъ,

болѣе могущественный, чѣмъ я, онъ будетъ господствовать надъ мною. *Tогда духъ животный*, который находится подѣ высокимъ сводомъ, гдѣ всѣ чувственные духи сосредоточиваютъ свои воспріятія, началъ сильно удивляться и, обращаясь въ особенности къ *духу зрѣнія*, сказалъ эти слова: „*Arroguit jam beatitudo nostra*“, — блаженство появилось! Въ эту минуту *духъ естественный*, живущій въ той части, гдѣ вырабатывается пища и разносится, началъ плакать и сказалъ, рыдая: „*Heu miser, quia frequenter impeditus ero!*“ — о несчастіе мнѣ, ибо часто я буду мучиться впоследствии. Я говорю, что съ этого момента любовь сдѣлалась владыкой моего сердца... Таково было происхожденіе этой страсти. Обратимся ко второму акту.

Спустя девять лѣтъ, Данте вторично видѣлъ Беатриче. Проходя по улицѣ, она обратила свои взоры къ тому мѣсту, гдѣ я былъ. Я стоялъ, чувствуя почтительную робость, и, благодаря своей неизъяснимой привѣтливости, которая теперь получаетъ вознагражденіе на небесахъ, она сдѣлала мнѣ поклонъ, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я подумалъ, что нахожусь на высочайшей степени блаженства. Чась, въ который мнѣ былъ сдѣланъ этотъ поклонъ, столь драгоценный, оказался какъ разъ девятымъ часомъ дня, и такъ какъ въ то время впервые ея слова дошли до моего уха, я почувствовалъ столь великое счастье, что, какъ бы въ опьяненіи, покинулъ толпу“. Въ этихъ словахъ легко уже замѣтить то огненное воображеніе, безпокойное, мучительное, которое Данте всегда обнаруживалъ. На томъ основаніи, что онъ увидѣлъ Беатриче на *девятomъ* году жизни, потомъ спустя *девять* лѣтъ, въ *девятый* часъ дня, онъ замѣчаетъ, что, такъ какъ всѣ дѣйствія Беатриче подчинены совершенному числу *девять*, „это означаетъ, что она — чудо, корень котораго есть Троица“. Въ настоящее время чрезвычайно трудно понять, какимъ образомъ великій умъ, сотворившій „Божественную комедію“, могъ заниматься такими странностями. Простой взглядъ „благородной дамы“ его сердца, дамы, съ которой онъ никогда не обмѣнялся словомъ, повергаетъ его въ глубокое, болѣзненное волненіе. Одинъ изъ его друзей вводитъ его въ общество, гдѣ находится Беатриче. „Я тогда почувствовалъ, — говоритъ онъ, — въ лѣвой части моей груди чрезвычайную дрожь, которая перешла на все мое тѣло“. Онъ услышалъ, что Беатриче пошутила на его счетъ; онъ ей пишетъ сонетъ: „Вы подсмѣиваетесь съ другими дамами надъ моимъ видомъ, не подумавъ, вслѣдствіе чего мое лицо совершенно мѣняется, какъ только я созерцаю вашу красоту. Еслибы вы это знали, ваша жалость не могла бы сопротивляться столь явному доказательству, потому что любовь, когда я нахожусь въблизи васъ, до такой степени овладѣваетъ мною, что поражаетъ всѣ

мои перепуганныя чувства, убивая однихъ, прогоняя другихъ такъ, что она одна остается созерцать васъ“. Никогда еще ничего болѣе мистичнаго не было создано ни въ одной литературѣ. Вся „Новая жизнь“ переполнена такого рода видѣніями любви, дающей повелѣнія этому платоническому любовнику, внушающей ему пѣсни и сонеты и управляющей его душой. Рассказъ о смерти Беатриче, описаніе его страданій, — все это носитъ на себѣ отпечатокъ глубокаго и искренняго чувства; тутъ мѣстами уже виденъ, — хотя въ туманѣ, — будущій великій поэтъ. Сонеты, посредствомъ которыхъ поэтъ какъ бы желаетъ фиксировать воспоминаніе о каждомъ біеніи своего сердца, — въ большинствѣ случаевъ мало понятны вслѣдствіе крайняго ихъ мистицизма, но они становятся доступными пониманію, благодаря прозаическимъ комментаріямъ, которыми поэтъ сопровождаетъ ихъ. Вотъ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ сонетовъ. Данте увидѣлъ проходящихъ пилигримовъ, которые удивлялись его глубокой печали. Когда они удалились, онъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „О пилигримы, проходящіе въ раздумьѣ, озабоченные, можетъ быть, посторонними вещами, неужели проходите вы изъ дальнихъ странъ, какъ это обнаруживаетъ ваша наружность, — и не чувствуете потребности плакать, проходя по этому печальному городу, какъ лица, ничего не понимающія въ страданіи, испытанномъ ими? Если бы вы остановились здѣсь по доброй волѣ, чтобы меня выслушать, — сердце, убѣжище вздоховъ, говоритъ мнѣ, что, безъ сомнѣнія, вы не вышли бы изъ города, не поплакавъ. Этотъ городъ потерялъ свою Беатриче, и слова, которыя можно произнести, говоря о ея красотѣ, имѣютъ свойство заставлять рыдать тѣхъ, которые ихъ слышали“.

Такова эта странная поэма-романъ, произведеніе, единственное во всемірной литературѣ по своему мистическому складу, но совершенно необходимое для пониманія „Божественной комедіи“, которая — какъ все заставляеть насъ предполагать, — была уже задумана, когда „Новая жизнь“ писалась. Какъ бы однако ни казалась странною эта поэма-романъ, необходимо замѣтить ту удивительную силу, съ которой дѣйствуетъ въ ней фантазія поэта. Въ „Новой жизни“ видѣніе слѣдуетъ за видѣніемъ, восторгъ за восторгомъ; человѣкъ, знакомый съ набожными легендами и поэтическими созданіями среднихъ вѣковъ, часто готовъ уличить его въ подражаніи; но если онъ сдѣлаетъ нѣкоторыя сличенія, то въ немъ невольно возрастетъ уваженіе къ тому уму, который сумѣлъ возбудить интересъ къ подобнымъ предметамъ только потому, что они воздѣйствовали на него самого. Самыя разнообразныя струны звучатъ въ его поэмі, а между тѣмъ чувствуется, какъ хаосъ средневѣковыхъ

элементовъ просвѣтляется въ ней и получаетъ единство. Въ этой поэмѣ Данте особенно привлекателенъ; онъ привлекаетъ насъ своею наивностью и кроткой меланхолией; всѣ другія, болѣе сильные чувства устранины, хотя онъ уже извѣдалъ ихъ. Никакой ненависти не видно, ни злобы; всюду одна только любовь и гармонія. Особенно характерно — безусловное исключение политическаго элемента. Всѣ остальные темы, которыми такъ охотно, ревностно и страстно занимался поэтъ въ позднѣйшее время, — любовь, мистика, схоластика, лингвистика, поэтика, аллегорія, астрологія, астрономія, древняя римская литература, — всѣ онѣ уже заключаются въ „Vita nuova“, но въ зачаточномъ состояніи; только о политикѣ, государствѣ и церкви нѣтъ ни слова. А между тѣмъ поэтъ уже давно принималъ горячее участіе въ общественныхъ вопросахъ и всею душою предавался политической жизни Флоренціи. Это обстоятельство ясно показываетъ, что онъ желалъ сохранить прославленный имъ идеалъ хотя на время отъ прикосновенія великихъ и тяжелыхъ вопросовъ эпохи. Древній міръ не могъ бы произвести такой поэмы; искусство древняго міра не допускало такого развитія индивидуальности. Личность въ древнемъ мірѣ исчезала въ болѣе или менѣе тѣсно сплоченномъ цѣломъ. Напротивъ того, отличительной чертой новаго искусства является возстановленіе человѣческой личности. Признанія св. Августина стоять у входа въ этотъ новый видъ искусства, но они отличаются слишкомъ недостаточною художественною и поэтическою силой. Напротивъ того, „Новая жизнь“ открываетъ собою рядъ подобныхъ книгъ, которыя съ той поры продолжаютъ появляться даже послѣ Руссо, вплоть до настоящаго времени. Здѣсь человечество отступаетъ передъ человѣкомъ, который развивается на полномъ просторѣ, забывая остальной міръ.

Время, когда была задумана „Новая жизнь“, опредѣляется приблизительно слѣдующимъ образомъ. Боккаччо, въ своей біографіи Данте, рассказываетъ, что поэтъ написалъ это сочиненіе вскорѣ послѣ смерти Беатриче. Но это показаніе немного объясняетъ намъ. Сонеты, вплетенные въ „Новую жизнь“, во всякомъ случаѣ возникли въ разное время; сопоставленіе ихъ и связывающая и объясняющая ихъ проза, и наконецъ послѣдняя редакція всего произведенія въ цѣломъ несомнѣнно доходить до 1301 года (значитъ, Данте было около 36 лѣтъ). Позднѣйшій срокъ уже потому невозможенъ, что другъ поэта, Гвидо Кавальканти, умершій въ 1301 году, упоминается еще въ числѣ живыхъ. На 1301 годъ указываетъ и объясненіе поэта, приложенное ко второму сонету, въ которомъ онъ говоритъ, что сонетъ былъ написанъ имъ въ такое время, когда много народу отправилось въ Римъ, чтобы посмотреть на священное изобра-

женіе, оставленное Иисусомъ Христомъ, въ видѣ отпечатка его лица на полотнѣ. Подъ этими словами слѣдуетъ понимать пелену св. Варвары, и Джованни Вилани прямо говоритъ, что во время юбилея, учрежденнаго папою Бонифаціемъ VIII для назиданія христіанскихъ паломниковъ, пелена эта показывалась по пятницамъ и большимъ праздникамъ въ церкви св. Петра, для чего значительное число христіанъ предпринимало паломничество изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Съ этимъ вполне согласуется и тотъ фактъ, что „чудное видѣніе“, упоминаемое Данте въ концѣ „Новой жизни“, — несомнѣнно то самое, въ которое онъ облекъ свою великую поэму, было имъ же самимъ прямо отнесено къ марту 1300 года.

III

Еще во время Боккаччо, который писалъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ смерти Данте, въ критикѣ установилось мнѣніе, что „Новая жизнь“ имѣетъ автобіографическій характеръ, и что, слѣдовательно, сантиментальная исторія любви автора къ Беатриче существовала въ дѣйствительности, хотя въ произведеніи была обставлена поэтической фикціей; однимъ словомъ, установилось мнѣніе, что „Новая жизнь“ есть смѣсь правды съ вымысломъ, нѣчто въ родѣ „Wahrheit und Dichtung“ Гёте. Это мнѣніе удержалось почти до послѣдняго времени. Оно покоится главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Боккаччо, который первый написалъ біографію Данте и затѣмъ комментировалъ его произведенія во Флоренціи.

Для разслѣдованія этого вопроса мы должны прежде всего обратиться на свидѣтельству самаго Боккаччо.

Въ своей біографіи Данте Боккаччо слѣдующимъ образомъ рассказываетъ этотъ эпизодъ жизни поэта: „Это было въ ту пору года, когда земля улыбается въ своемъ богатомъ одѣяніи изъ зеленой листвы и разнообразныхъ цвѣтовъ. Данте увидѣлъ въ первый разъ Беатриче перваго мая, — день, въ который по привычкѣ Фалько Портинари, челоуѣкъ весьма уважаемый своими согражданами, собиралъ у себя своихъ друзей и ихъ дѣтей. Данте, которому въ то время было только девять лѣтъ, былъ въ числѣ этихъ молодыхъ гостей. Къ этому молодому веселому стаду принадлежала также и дочь Фалько; она только что окончила восьмой годъ своей жизни. Это было прелестное, граціозное дитя, съ обольстительными манерами. Ея прекрасныя черты выражали нѣжность, а ея слова обнаруживали въ ней мысли выше того, что могло соответствовать ея возрасту. Этотъ ребенокъ былъ пріятель; ея манеры были столь скромны, что многіе смотрѣли на нее, какъ на ангела. Италія, эта молодая

дѣвушка, такая, какую я описалъ, или, вѣрнѣе, такой красоты, которая превосходитъ всякое описаніе, присутствовала в этомъ праздникѣ. Хотя Данте былъ тоже ребенокъ, но ея ли внезапно отпечатлѣлось въ его сердцѣ такъ глубоко, что с этой минуты до самаго конца его жизни, оно никогда не измѣнилось. Годы только увеличали этотъ пламень, и вся его радость, все его счастье заключались въ томъ, чтобы быть вслѣдъ той, которую онъ любилъ, и созерцать ея красивое лицо. Не все въ семь мѣсячъ переходяще. Едва лишь Беатриче достигла двадцати четвертаго года своей жизни, какъ она умерла. Вышнему угодно было извлечь ее изъ этого міра страданій и призвать ее въ обиталище славы, приготовленное ради ея добродѣтелей. При ея смерти Данте чувствовалъ столь глубокую, столь ѣдкую печаль, онъ пролилъ столько горькихъ слезъ, что его друзья были увѣрены, что эта печаль и эти слезы могутъ окончиться только вмѣстѣ съ его жизнью и что ничто не въ состояніи его утѣшить“.

Изъ этихъ словъ нетрудно замѣтить, что Боккаччо прибавляетъ къ вопросу, насъ занимающему, нѣсколько новыхъ показаній и такимъ образомъ дополняетъ рассказъ самого Данте. Но, спрашивается, насколько можно довѣрять Боккаччо? Онъ родился въ Парижѣ въ 1313 году, слѣдовательно, былъ на сорокъ восемь лѣтъ моложе Данте, т. е., когда умеръ Данте, ему было всего восемь лѣтъ. При этихъ условіяхъ едва ли вѣроятнo, чтобы онъ былъ лично знакомъ съ итальянскимъ поэтомъ, тѣмъ болѣе, что еще ребенкомъ Боккаччо перешагалъ съ отцомъ во Флоренцію, изъ которой Данте Алигьери былъ уже давно изгнанъ и странствовалъ по Италіи, а отчасти и по Европѣ. Впрочемъ, и самъ Боккаччо никогда не утверждалъ, что зналъ лично поэта. У насъ есть только свидѣнія, что отецъ Боккаччо встречался съ Данте въ Парижѣ, и Данте передалъ ему нѣкоторыя свидѣнія о своей жизни. Все заставляетъ предполагать, что Боккаччо зналъ нѣкоторыя обстоятельства жизни Данте этимъ путемъ и впоследствии воспользовался ими при составленіи біографіи поэта. Такимъ образомъ совершенно ясно, что свои свидѣнія Боккаччо имѣлъ изъ вторыхъ рукъ. Съ другой стороны, у насъ нѣтъ ни одного источника о жизни великаго поэта, которому можно было бы приписать бѣольшую давность, чѣмъ давность біографіи, написанной Боккаччо. Кромѣ того, въ сообщеніи Боккаччо есть неточность, на которую необходимо указать. Онъ прямо утверждаетъ, что имя молодой дѣвушки, которую Данте увидѣлъ на девятомъ году своей жизни и которую полюбилъ, — было Беатриче; между тѣмъ какъ самъ Данте въ своей „Vita puova“ ничего подобнаго не утверждаетъ; объ этомъ онъ говоритъ только слѣдующее: „Девять разъ уже,

послѣ моего рожденія, солнце свѣта повернулось къ исходному своему пункту, когда предстала моимъ взорамъ въ первый разъ славнѣйшая дама моей мысли, которую многія лица, не зная — какъ назвать ее, дали имя Беатриче“. Значить, мы не знаемъ, какъ звали предметъ любви Данте; мы только знаемъ, что ее обозначали названіемъ Беатриче, т. е. Благодать. Это случайное, однако, прозвище превратилось въ собственное имя благодаря Боккаччо, который, неизвѣстно на какомъ основаніи, утверждаетъ, что возлюбленную даму сердца Данте звали Беатриче Портинари. Откуда онъ почерпнулъ это новое свѣдѣніе о фамилии молодой дѣвушки — неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи было открыто во Флоренціи завѣщаніе нѣкоего Фалько Портинари, изъ котораго мы узнаемъ, что у этого Портинари была дочь Беатриче или Биче. Но какая связь существуетъ между этой Биче Портинари и Беатриче Данте? Эта связь, очевидно, случайна и ровно ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что, основываясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ „Новой жизни“, имѣющихъ болѣе опредѣленный и точный характеръ, было установлено, что „благороднѣйшая дама“ не могла жить въ улицѣ, гдѣ жилъ Портинари, что она не выходила замужъ, между тѣмъ какъ Биче Портинари была замужемъ за Симоне ди-Барди, и наконецъ, что Данте выбралъ это имя Беатриче не потому, что его возлюбленная дѣйствительно носила его, а потому, что, благодаря этому слову „благодать“, онъ имѣлъ возможность играть словами въ духѣ его времени, подобно тому какъ это дѣлалъ Гвидо Кавальканти со своей Джованной, Чини де-Санибульди — со своей Сельваджіа, и наконецъ Петрарка — со своей Лаурой.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ современная историческая критика приходитъ къ заключенію, что „даму“ Данте мы не знаемъ, какъ звали. Теперь обратимъ вниманіе на главнѣйшій или единственно важный источникъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, — на „Vita nuova“ самого Данте. Мы уже имѣли случай указывать на странный характеръ этого произведенія. Рассматриваемое съ точки зрѣнія фактическихъ свѣдѣній, оно можетъ показаться еще страннѣе. И въ самомъ дѣлѣ, Данте излагаетъ намъ исторію своей любви, правда, въ мистическомъ тонѣ, но всетаки довольно повнятно. На девятомъ году отъ рожденія онъ встрѣтилъ свою „даму“, дѣвочку лѣтъ восьми, и влюбился въ нее. Затѣмъ, ровно черезъ девять лѣтъ, онъ видитъ ее вторично, издали, на улицѣ, и воспѣваетъ ее; затѣмъ онъ много разъ видитъ ее на улицахъ Флоренціи, однажды даже былъ въ обществѣ, гдѣ она была, и хотя никогда не говорилъ съ нею, онъ однако же все время воспѣваетъ ее. Она умираетъ — онъ плачетъ и еще страстнѣе воспѣваетъ ее, — что, впрочемъ,

не мѣшаетъ ему жениться на Джеммѣ Донати. Еще странно то, что „Vita nuova“ не имѣетъ характера біографіи; это скорее схоластическій трактатъ о любовной поэзіи и ничего больше. Стоитъ только внимательно прочитать это произведение, чтобы замѣтить, что фабула этого произведенія, т. е. исторія любви автора къ молодой дѣвушкѣ, — есть не болѣе, какъ внѣшняя форма, удобная для того, чтобы вложить въ нее нѣсколько десятковъ советовъ, по поводу которыхъ Данте распространяется очень много и вовсе не съ точки зрѣнія ихъ содержанія, а съ литературной, даже технической точки зрѣнія. Почти каждый сонетъ, на примѣръ, онъ сопровождаетъ такими примѣчаніями „Этотъ первый сонетъ подраздѣляется на три части. Въ первой я призываю и умоляю всѣхъ вѣрныхъ Любви плакать, и говорю, что, узнавъ причину плача Любви, они будутъ болѣе расположены выслушать меня. Во второй я говорю о томъ, какова причина этого плача. Въ третьей я говорю о почестяхъ, воздаваемыхъ любовью этой дамѣ. Вторая часть начинается словами: „Любовь понимаютъ дамы, которыя и проч.“ Третьи словами: „Узнайте, насколько и пр.“ Такія примѣчанія встрѣчаются буквально при каждомъ сонетѣ. Даже больше. Въ самомъ текстѣ Данте очень часто удаляется въ сторону отъ своего сюжета и пускается въ размышленія о поэзіи, по поводу того или другаго сочиненнаго имъ сонета, безъ всякаго, впрочемъ, отношенія къ самой фабулѣ своего произведенія. Вотъ, между прочимъ, одинъ любопытный образецъ такихъ размышленій. Проведя одинъ сонетъ, онъ говоритъ: „Лицо, образованіе котораго даетъ ему право быть просвѣщеннымъ насчетъ этихъ сомнѣній, можетъ быть, удивится, что я говорю о любви, какъ о вещи въ себѣ, не только какъ о сознаніи, но и какъ о тѣлесной сущности. Ибо, съ точки зрѣнія истины, это предложеніе невѣрно, потому что любовь сама по себѣ не есть сущность, а лишь свойство сущности. А между тѣмъ я говорю о любви, какъ будто она — тѣло и даже человѣкъ, — что слѣдуетъ изъ того, что я говорю по поводу ея. Ибо я говорю, что увидѣлъ ее идущей издали. Слово же *идти* обозначаетъ мѣстное движеніе (извѣстно, что, по философіи Аристотеля, мѣстное движеніе есть свойство тѣла), поэтому слѣдуетъ, что я рассматриваю любовь, какъ тѣло. Къ тому же я прибавляю, что она улыбалась, что она плакала, — но все это свойственно человѣку, въ особенности смѣхъ; отсюда слѣдуетъ, что я рассматриваю любовь, какъ человѣка. Для того чтобы понять это (теперь какъ разъ время сдѣлать это), слѣдуетъ прежде всего сказать, что въ древнія времена не было *разскащиковъ любви* (эротическихъ поэтовъ) на вульгарномъ языкѣ (т. е. на итальянскомъ языкѣ), хотя было нѣсколько латинскихъ поэтовъ.

Такъ было у насъ, въ Италиі, хотя, можетъ быть, не такъ было у другихъ народовъ, напримѣръ, въ Греціи, гдѣ просвѣщенные поэты, а не простонародные, воспѣвали любовь. И немного еще времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ появились эти простонародные (вульгарные) поэты. И доказательство, что обычай стихотворствовать на вульгарномъ языкѣ не очень старъ, заключается въ томъ, что еслибы мы искали что либо, писанное на языкѣ *os* или *si*, мы ничего не нашли бы раньше ста пятидесяти лѣтъ. Нѣкоторые лица, еще мало образованныя, получили названіе поэтовъ потому только, что они первые начали воспѣвать на языкѣ *si* (итальянскомъ). Воспѣвать на вульгарномъ языкѣ заставило перваго желаніе быть понятымъ своей дамой, которая не могла понимать латинскихъ стиховъ. Это служить осужденіемъ всѣхъ тѣхъ, которые стихотворствуютъ на другіе сюжеты, а не на сюжетъ любви, потому что этотъ способъ стихотворствовать былъ придуманъ только для любви. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ *поэтамъ* всегда предоставлялась большая свобода, чѣмъ прозаикамъ, то эти *разскащики* и пользуются этой привилегіей. Употребленіе всякой фигуры, всякаго поэтическаго украшенія, данное поэтамъ, должно быть поэтому дано также и разскащикамъ. Эти размышленія въ томъ же тонѣ продолжаютъ еще на нѣсколько страницъ. Но этого обрачника, я думаю, совершенно довольно, чтобы придти къ окончательному заключенію, что „*Vita puova*“ не можетъ быть разсматриваема, какъ біографическій матеріалъ; это въ беллетристической формѣ трактатъ о любовной поэзіи, какъ ее понимали въ то время въ Италиі, трактъ во многомъ очень любопытный, но не могущій дать намъ какихъ либо опредѣленныхъ свѣдѣній о жизни великаго поэта. Такимъ образомъ, устраняя Боккаччо, мы принуждены также устранить и свидѣтельство самого Данте.

IV

Мы не будемъ говорить о многочисленныхъ гипотезахъ, которыя были высказаны въ критической литературѣ, благодаря „*Vita puova*“, о той мистической таинственности, которую поэтъ окружилъ разсказъ о своей любви. Укажемъ только на выводы Бартоли, — какъ на самую крайнюю, лѣвую сторону современной скептической критики. Бартоли обращаетъ вниманіе на то, что въ „*Vita puova*“ весь разсказъ какъ бы намѣренно затемненъ: исторія этой любви передается путемъ видѣній. Въ первомъ видѣніи Данте видитъ Амура, держащаго въ своихъ объятіяхъ Беатриче и заставляющаго ее пожирать сердце поэта. Во второмъ видѣніи Амуръ бесѣдуетъ съ Данте объ

умершей дамѣ. Въ третьемъ Амуръ совѣтуетъ поэту сказать извѣстные „слова въ речахъ“, которыя бы показали его любовь къ Беатриче. Въ четвертомъ видѣніи Данте присутствуетъ смерть своей дамы. Въ пятомъ являются Джованни и Беатриче. Въ шестомъ Данте вновь видитъ Беатриче дѣвочкой девяти лѣтъ и упрекаетъ себя въ томъ, что измѣнилъ ей и любилъ другую женщину. Въ послѣднемъ наконецъ видѣніи Данте не говоритъ, что видѣлъ, но рѣшается не бесѣдовать больше о ней. „Тутъ непосредственно является вопросъ, — говоритъ Бартоли, — дѣйствительно ли эти семь видѣній — историческій фактъ? Съ точки зрѣнія здраваго смысла, отбѣтъ долженъ быть отрицательный. Очень трудно представить себѣ человѣка, даже предрасположеннаго къ сильнымъ и внезапнымъ aberrациямъ ума, который бы дѣйствительно видѣлъ во снѣ то, что рассказываетъ намъ Данте. Если принимать буквально исторію этихъ видѣній, то мы принуждены по необходимости заключить, что Алигьери былъ человѣкъ, подверженный галлюцинаціямъ, хотя мы и знаемъ, что въ немъ самымъ чудеснымъ образомъ сливались въ одно фантазія съ разсудкомъ. И такъ, видѣнія „Vita nuova“ могутъ быть лишь поэтическія приемы, и притомъ приемомъ, употребленнымъ авторомъ для извѣстныхъ цѣлей, приемомъ, найденнымъ имъ въ литературныхъ традиціяхъ эпохи“. Переходя затѣмъ къ знаменитому числу девять, Бартоли говоритъ: „Самому Данте должно было показаться, что всѣ эти розказни весьма мало вѣроятны, и онъ рѣшился объяснить ихъ, сдѣлать ихъ вѣроятными для читателей путемъ астрологическихъ и теологическихъ соображеній. Вотъ его собственныя слова: „По мнѣнію Птолемея и христіанскихъ истинъ, существуетъ девять движущихся небесъ, и слѣдуя общему мнѣнію астрологовъ, эти девять небесъ передаютъ сюда (на землю) гармоническія комбинаціи, которыя подчинены тамъ. Это число было другомъ Беатриче, съ цѣлью показать, что, когда она была зачата, девять движущихся небесъ находились въ полной гармоніи. Но, рассматривая дѣло съ точки зрѣнія непреложной истины, это число была она сама. Прибѣгая къ сравненію, вотъ какъ я это объясняю: число три есть корень девяти, ибо, не прибѣгая къ помощи другаго числа и само собой, оно производитъ девять, такъ какъ очевидно, что трижды три — девять. Если поэтому три есть творецъ девяти, и такъ какъ великій творецъ чудесъ есть и само по себѣ три, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, которые въ одно и то же время и три, и одинъ, — то эта дама была всегда сопровождаяема числомъ девять, какъ бы съ цѣлью показать, что она была девять, т. е. чудо, котораго корень есть Св. Троица. Эту истину можно, конечно, было бы доказать и еще болѣе

тонкими соображеніями, но доказательство, данное мною, мнѣ больше нравится“. Все это — реминисценціи пифагорейскихъ и неоплатоническихъ ученій, мистическихъ и кабалистическихъ. Съ другой стороны, это былъ, если можно такъ выразиться, порывъ нѣжности къ его излюбленному *Виргилію*, который въ „Энеидѣ“ тоже посвящаетъ много мѣста числу девять. Какъ бы то ни было, однако фактъ остается страннымъ, и мы принуждены устранить даже самый вопросъ о его достовѣрности. Но въ такомъ случаѣ падаетъ и историческая достовѣрность двухъ датъ, очень важныхъ, въ „*Vita puova*“: даты первой встрѣчи девятилѣтняго мальчика съ девятилѣтней дѣвочкой и даты смерти Беатриче, наступившей 9 июня 1290 года“. Анализируя дальше „*Vita puova*“, Бартоли прямо приходитъ къ заключенію, что вся исторія любви Данте къ Беатриче есть поэтическая фикція, да и самое существованіе Беатриче подвержено большому сомнѣнію.

Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ итальянскаго историка едва ли, однако, можно согласиться. Имя Беатриче, конечно, есть мифъ, но реальное лицо остается. Послѣ того какъ критики упорно отрицали существованіе этого лица, послѣ того какъ они сдѣлали его чистымъ символомъ теологии, откровенія, вѣры и даже императорскаго могущества, — намъ приходится теперь возвратиться къ болѣе простому и наивному объясненію прежнихъ комментаторовъ. Прежде всего надобно замѣтить, что когда, на двадцатомъ году жизни, Данте воспѣвалъ свою „благороднѣйшую даму“ (*gentilissima donna*) въ советахъ и канцонахъ, которыя онъ помѣстилъ въ „*Vita puova*“, когда онъ совѣщался съ тремя лучшими поэтами своего времени относительно первыхъ стихотвореній, вдохновенныхъ ему ею, — онъ думалъ только о молодой дѣвушкѣ, которой онъ посвятилъ свое сердце съ дѣтства. Она оставалась для него дѣйствительнымъ лицомъ до самой ея смерти; она умерла въ самомъ расцвѣтѣ юности, въ самомъ расцвѣтѣ красоты, такъ что эта преждевременная смерть только облагораживаетъ еще ее. Но потомъ, когда она исчезла, когда послѣ отчаянія, рассказаннаго имъ, Данте мало по малу возвращался къ дѣйствительному міру, онъ сталъ искать утѣшеній въ умственныхъ занятіяхъ, — сначала въ философіи, съ которой онъ былъ мало знакомъ и съ которой его познакомило изученіе *Бозція* и *Цицерона*, потомъ въ богословіи, которое показалось ему высшей наукой и которое вскорѣ представилось ему на вершинѣ мысли. Въ этотъ моментъ въ его умѣ совершилось нѣчто въ родѣ отождествленія богословія, къ которому онъ пристрастился, и женщины, столь имъ любимой. Въ теченіе всей своей жизни онъ связывалъ съ именемъ Беатриче всѣ свои малѣйшія дѣйствія, всѣ свои

величайшія усилія. Теперь, сопровождаемый воспоминаніемъ ;ней, онъ связываетъ съ этимъ именемъ всѣ свои самыя глубокія умственные наслажденія. Въ этой новой фазѣ жизни она опять руководитъ имъ: она — философія въ то время, когда онъ изучаетъ „Трактатъ объ утѣшеніи“; затѣмъ, она — богословіе, когда онъ, оставивъ своихъ языческихъ руководителей, пристращается къ спорамъ о догмахъ съ Томой Аквинатомъ, или раздумываетъ о созерцательной жизни вмѣстѣ съ св. Бонавентурой и св. Францискомъ Ассизскимъ. И когда наконецъ, „достигнувъ поль-пути своей жизни“, отыскавъ цѣль, соответствующую его великому гению, онъ вознамѣрился воздвигнуть своей дамѣ безсмертный памятникъ своей поэмы, — онъ не отдѣляетъ ее уже отъ высокихъ абстракцій, которымъ онъ предается. Тайственная смерть, которую онъ оплакивалъ, сдѣлалась въ одно и то же время и его постическимъ идеаломъ, и его руководительницей къ Вѣрѣ, — фигурой, которая олицетворяетъ въ себѣ науку наукъ. Такимъ образомъ, между буквальнымъ смысломъ и смысломъ символическимъ исчезаетъ то различіе, которое вводитъ анализъ: дѣйствительная Беатриче и преобразенная Беатриче сливаются въ одно существо, такъ что Данте имѣетъ право разсматривать это существо и какъ дѣйствительную женщину, и какъ символъ. Наша аналитическая критика теряется въ этихъ кажущихся противорѣчійхъ, но Данте зналъ, что не противорѣчитъ себѣ, — и то, что теперь намъ кажется ненормальнымъ и искусственнымъ, для него было совершенно естественно, совершенно просто, и, конечно, онъ и не догадывался о тѣхъ загадкахъ, рѣшенію которыхъ посвящали свой трудъ и знанія столько комментаторовъ. Вотъ въ общихъ чертахъ объясненіе, сдѣланное Анковю.

V

Едва ли можно сдѣлать какое либо серьезное возраженіе противъ этого объясненія. Если мы не знаемъ имени той *gentilissima donna*, которой Данте посвятилъ свою жизнь, то мы знаемъ, что она дѣйствительно существовала и сохранилась въ его памяти въ теченіе всей жизни, какъ самый чистый идеалъ. Но какъ объяснить тѣ отклоненія отъ этого идеала, замѣченныя въ жизни Данте? Великій поэтъ всю жизнь оплакиваетъ свою Беатриче, а между тѣмъ сознается въ своихъ слабостяхъ къ прекрасному полу. Объ этомъ онъ не разъ говоритъ совершенно откровенно, но именно на это-то обстоятельство комментаторы не хотятъ обратить вниманія. Въ „*Vita nuova*“ Данте сознается, что вскорѣ послѣ смерти Беатриче онъ чуть было не нашелъ утѣшенія въ обществѣ одной *gentil donna*. Этой-то дамѣ, имъ

которой намъ осталось неизвѣстнымъ, были посвящены лучшія его сонеты. Въ письмѣ, писанномъ значительно позднѣе, — въ 1307 году, — онъ повѣствуетъ неизвѣстному лицу о страшныхъ опустошеніяхъ, которыя производила въ его сердцѣ страсть къ другой, — но этотъ разъ уже не флорентинской, а казентинской дамѣ, — тоже оставшейся намъ неизвѣстной. Еще позднѣе, когда ему было лѣтъ пятьдесятъ, онъ сознается въ „Божественной Комедіи“, что былъ очарованъ другой волшебницей изъ Лукки, нѣкоей Джентуеки, и объ этомъ фактѣ онъ сообщаетъ въ послѣднихъ пѣсняхъ „Чистилища“, у входа въ земной рай, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Беатриче. Къ этому необходимо еще прибавить двѣ замѣчательныя пѣсни „Чистилища“, — тридцатую и тридцать первую, гдѣ находится такъ называемая знаменитая „исповѣдь“ Данте. Встрѣтившись съ нимъ, Беатриче осыпаетъ его горькими упреками за его измѣну ей, совершенную имъ вскорѣ послѣ ея смерти, — и онъ открыто признается въ своей винѣ. Со скрытымъ негодованіемъ и горькими укоридами обращается Беатриче къ нему: „Но никогда ни природа, ни искусства не предлагали тебѣ такого наслажденія, какъ прекрасное тѣло, въ которомъ я была заключена и которое теперь превратилось въ прахъ. И если величайшее изъ наслажденій у тебя было отнято моею смертью, то какой же смертный предметъ могъ тебя потомъ соблазнить? Ты долженъ былъ бы при первыхъ приступахъ обманчивыхъ предметовъ вознестись ко мнѣ, которая уже не была такимъ предметомъ. Ты не долженъ былъ опускаться крыльевъ и выжидать, пока ты снова будешь пораженъ какой либо молодой дѣвушкой, или какой либо другой столь же скоро преходящей суетой. Молодая птичка позволяетъ стрѣлать въ себя два или три раза; но напрасно было бы ставить съѣтъ или пускать стрѣлу въ птицу, у которой крылья уже укрѣпились“.

Казалось бы, что смыслъ этихъ упрековъ совершенно ясенъ и не допускаетъ никакихъ недоразумѣній; но многие комментаторы, несмотря на все, продолжаютъ настаивать, что въ данномъ случаѣ Беатриче есть не болѣе, какъ персонификація божественной мудрости. Другое соображеніе также не лишено значенія. Проходя по различнымъ кругамъ ада, Данте не скрываетъ своихъ чувствъ при видѣ всѣхъ этихъ страданій; по степени вызываемой въ немъ горечи или ужаса, по личному участию легко замѣтить, что онъ какъ бы переноситъ на себя видимые имъ грѣхи и тѣмъ болѣе страдаетъ, чѣмъ болѣе чувствуетъ, что и самъ онъ не чуждъ того или другаго грѣха. Высшую степень этого личного, субъективнаго страданія Данте обнаруживаетъ въ двухъ кругахъ ада и чистилища, гдѣ томятся грѣшники любви; онъ падаетъ въ обморокъ, выслушавъ

разсказъ Франчески да-Римини: „e caddi, come corpo purto cade“ (и я упалъ, какъ падаетъ мертвое тѣло) — говоритъ онъ; во второмъ кругѣ его охватываетъ непреодолимый ужасъ, и ему кажется, что онъ вступаетъ въ свою собственную могилу. Фивція ли это, или дѣйствительное слѣдствіе вѣры, но во всякомъ случаѣ здѣсь Данте вполне обнаруживается: по его собственному, хотя и невольному признанію, грѣхъ, который болѣе всего ему присущъ, есть грѣхъ любви. Такимъ же грѣхомъ, какъ извѣстно, страдалъ и Шекспиръ („Love is my sin“, — говоритъ Шекспиръ въ сонетахъ). Наконецъ и самъ Боккаччо выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Tra cotanta virtù, tra cotanta scienza, quando dimostrato è di sopra essere stato in questo mirifico poeta, trovò ampissimo luogo la lussuria; e non solamente ne' giovannili anni, ma ancora ne' maturi“. Конечно, это преувеличеніе, но вѣдь и о Данте можно сказать то, что онъ самъ сказалъ о самомъ блестящемъ греческомъ героѣ, объ Ахиллесѣ: „che con amore alfine combateo“ (который до конца боролся съ любовью).

VI

Такимъ образомъ мы и здѣсь должны сдѣлать оговорку: платоническая любовь Данте не мѣшала ему предаваться болѣе земной страсти. Тѣмъ не менѣе, эта любовь есть фактъ. Въ искренности Данте мы не имѣемъ права сомнѣваться, а онъ вездѣ говоритъ, что всю свою жизнь поклонялся Беатриче. Эти противорѣчіе легко объясняется, если принять вниманіе тотъ родъ поэзіи, который тогда господствовалъ въ Италіи. Жизнь — одно, а поэзія — другое. Развѣ не подобное же противорѣчіе видѣли мы у многихъ поэтовъ между ихъ жизнью и поэтическимъ настроеніемъ? Въ исторіи литературы немало найдется фактовъ, доказывающихъ, что извѣстный искусственный родъ поэзіи, дѣлаясь господствующимъ и, такъ сказать, моднымъ, — самымъ страннымъ образомъ извращаетъ выраженіе поэтического чувства. Съ такимъ именно фактомъ мы встречаемся въ Италіи, въ концѣ XIII вѣка. Тогда процвѣтала такъ называемая любовная поэзія, и любимой формой ея былъ сонетъ. Эта поэзія, достигшая полнаго своего расцвѣта при Петраркѣ, ведетъ свое начало изъ Прованса. Провансальская поэзія и сама есть результатъ сложныхъ условій времени. Нельзя забывать, что именно въ среднихъ вѣкахъ стала невѣроятно быстро развиваться страсть, совершенно неизвѣстная древнимъ, — рыцарская и мистическая любовь. Постановленіемъ ея правилъ занимались не только молодые люди, но и солидные мужи, въ собраніяхъ, называемыхъ „cours d'amour“ и предсѣ-

дательствуемыхъ женщинами. Въ этихъ собраніяхъ рѣшалось, что любовь не можетъ существовать между супругами, что любовь ничего не можетъ отказать любви. На женщину перестали смотрѣть, какъ на существо тѣлесное; она превращается въ божество. Поэты олицетворяютъ въ своихъ любовныхъ сверхъестественную добродѣтель и умоляютъ ее быть ихъ путеводительницей къ престолу Всевышняго. Это-то именно настроеніе и выразилось въ провансальской поэзіи; еще большей силы оно достигло въ Италіи, подъ перомъ Данте и поэтовъ его времени. Но было бы несправедливо смѣшивать молодого, даровитого поэта, упражняющагося въ *bellо style*, съ гениемъ, умудреннымъ опытомъ и созерцаніемъ, создающимъ произведеніе, которое должно было объять „небо и землю“, тайну человѣческаго существованія и тайну вселенной. Любовь, воспѣваемая въ „Божественной Комедіи“, не имѣетъ ничего общаго съ поэтической болтовней молодого флорентинца. Въ поэмѣ любовь понята совершенно иначе: это космическій принципъ, нѣчто въ родѣ громаднаго потока, протекающаго по „великому морю бытія“. Восходящая лѣстница этой всемірной любви образуется изъ физическаго движенія, растительной жизни, жизни животной и, наконецъ, духовной. Будучи на своихъ низшихъ ступеняхъ только механическимъ закономъ и инстинктомъ, любовь превращается въ этический принципъ, когда она просвѣтлена разумомъ. Зародыши этого пониманія любви мы видимъ уже у Платона, но Данте заимствовалъ ее у блаженнаго Августина, у Боэція, у св. Бонавентуры. Поразительная оригинальность Данте заключается въ томъ, что онъ съ необыкновенной силой воображенія ухватился за эту идею и построилъ на ней настоящій космосъ. У него Богъ появляется на вершинѣ бытія, какъ величайшая любовь и величайшій свѣтъ, и распространяетъ свои живительные лучи на всѣ существа, согласно степени ихъ относительнаго совершенства. По естественному закону ассоціаціи идей, вспоминая свое прошлое, Данте снова увидѣлъ своимъ умственнымъ взоромъ молодую дѣвушку, которая первая заставила биться его сердце; ея образъ сталъ дѣвственно-чистымъ, и въ его поэтическомъ воображеніи она превратилась въ граціозный символъ идеальной любви. Чувство самаго высокаго эстетическаго удовлетворенія охватываетъ челоуѣка, созерцающаго эти высокія, невозмутимыя области, куда не достигаютъ земныя тревоги; этихъ эфирныхъ существъ, перелетающихъ съ одного неба на другое, вѣчно очищаясь; этихъ угодниковъ, которые въ теченіе вѣковъ остаются неподвижными и невозмутимыми и которые, по мѣрѣ своего восхожденія, освобождаются отъ границы бытія и исчезаютъ въ безконечности, подобно каплямъ воды, попеременно то замер-

зающимъ, то тающимъ, поднимающимся въ видѣ пара, испаряющимся по золотящемъ ихъ солнцѣ, поднимающимся еще выше, испаряющимся все больше и больше, въ формѣ блѣдной, прозрачной поволоки, и наконецъ достигающимъ пространства, гдѣ нѣтъ звуковъ, гдѣ измѣненія останавливаются, гдѣ матерія кончается, и гдѣ они сливаются съ неизмѣрностью лазури.

В. Чуйко

* *
* *

Сіяетъ ласково вечерняя заря,
Румяные лучи дрожатъ улыбкой сонной...
Спокойно дремлетъ лѣсъ въ дали озолоченной,
Въ дали подернутой отливомъ янтара.

Кругомъ разлитъ покой; ничто не шелохнетъ;
Объято все тепломъ, обвѣяно дремотой,
И лишь одна рѣка ворчливо, съ неохотой,
Колышитъ серебро расплавленное водъ,

Да вѣтерокъ пахнетъ откуда-то порой
И прошумитъ слегка листвою ивъ прибрежныхъ
И снова тишина... и спитъ въ объятяхъ нѣжныхъ
Лучей сіяющихъ сводъ неба надъ землей.

И тихо вечеръ ткеть лазоревую тѣнь...
И кажется, что все въ природѣ замираетъ...
И въ кроткой тишинѣ ничто не нарушаетъ
Покой души моей и сладостную лѣнь.

Л. Аванасьевъ

ЛЮБОВЬ ПОБѢДИЛА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

— Зина, что это значить: Лавровскій стоялъ предъ тобою на колѣняхъ?.. Я видѣлъ это въ дверь уборной, когда проходилъ мимо съ режиссеромъ, съ дрожью въ голосѣ обратился артистъ пожилыхъ лѣтъ къ своей спутницѣ, молодой красивой брюнеткѣ, когда они сѣли въ карету послѣ спектакля, чтобы возвратиться домой.

Василій Ивановичъ Вахрушинъ насилу дождался конца вызововъ Ласкиной, имѣвшей большой успѣхъ въ роли Маргариты Готье, самъ принесъ ей ротонду, укуталъ пуховымъ платкомъ и укрылъ молодую женщину, не давъ ей времени даже переодѣться.

— Ради Бога, поскорѣе, шепнулъ онъ ей, поднимая бобровый воротникъ своей шинели: — мнѣ необходимо съ тобою переговорить.

Въ уборной же все время вертѣлась одна молоденькая актриса, въ присутствіи которой Вахрушинъ не хотѣлъ поднимать мучившаго его вопроса.

— Что такое? тревожно освѣдомилась Ласкина.

— Послѣ, коротко отозвался онъ, увлекая ее къ выходу.

У подъѣзда уже дождалась карета, въ которой онъ тотчасъ и приступилъ къ объясненію. Нервная дрожь голоса выдала его волненіе.

Молодая женщина повернула голову, стараясь въ тем-

нотѣ уловить выраженіе его лица. Ей хотѣлось знать, какой она должна была принять съ нимъ тонъ. Промелькнувшій фонарь далъ ей возможность увидѣть искаженное страданіемъ лицо спутника, который пересталъ сдерживаться, давъ волю овладѣвшимъ имъ чувствамъ.

Она была слишкомъ многимъ обязана этому человѣку: онъ вытащилъ ее изъ нищеты, развилъ, образовалъ, подготовилъ къ сценѣ, создалъ успѣхъ, короче сказать — вынесъ ее на рукахъ на широкій, торный путь, ведущій въ славу. Дочь солдата, она должна была идти вслѣдъ за сестрою въ переплетное заведеніе въ фальцовщицы, которыя въ большинствѣ случаевъ зарабатываютъ свои побочные ресурсы къ существованію по разнымъ клубамъ низшаго разряда.

Вахрушинъ спасъ ее ото всего... Какже ей было не любить и не уважать этого человѣка?.. Но онъ былъ старъ; не столько изнурили его лѣта, сколько обезсилили и пригнули обстоятельства. Онъ прошелъ суровую школу, выдержалъ тяжелую борьбу, пока наконецъ не достигъ цѣли: теперь онъ пользовался огромною популярностью, его имя гремѣло; поставленное на афишѣ—оно обезпечивало полный сборъ. Антрепренеры призывали Вахрушина туда, гдѣ театральное дѣло совсѣмъ прогорало: онъ быстро поднималъ его и упрочивалъ успѣхъ. Зато деньги, что называется, отовсюду текли къ нему рѣкой. Но онъ уже былъ похожъ на бѣлку, выслужившую на старости лѣтъ мѣшокъ орѣховъ. Въ неустанной борьбѣ за существованіе ему некогда было подумать о личномъ счастіи. Онъ расходовалъ страсти по мелочамъ на легкія связи, вовсе не участвуя въ нихъ сердцемъ, которое проснулось лишь теперь и захотѣло вознаградить себя за все потерянное даромъ время, инстинктивно чувствуя приближеніе настоящей старости. Ласкина сдѣлалась для него всѣмъ: потерять ее — значило для него лишиться счастія, свѣта, жизни.

Зина понимала это и сейчасъ ясно прочла то же на блѣдномъ, взволнованномъ лицѣ своего друга-наставника. Но

она была еще такъ молода... Его любила она и уважала, какъ брата, отца, друга. Если же и отдалась, то не по чувству страсти, а единственно изъ благодарности; отъ жизни ждала чего-то совсѣмъ другаго, и это другое явилось въ лицѣ красиваго товарища по сценѣ — Лавровскаго. Она еще не отдавала себѣ яснаго отчета въ возникшемъ чувствѣ къ молодому человѣку, но стремилась къ нему всѣмъ своимъ существомъ. Какъ это случилось? Она не знала и сама. Въ первый разъ увидѣла она его на репетиціи: высокій статный брюнетъ съ бритымъ лицомъ, онъ напоминалъ собою античную статую.

Ласкиной сказали, что это провинціальный актеръ, подающій большія надежды и приглашенный дирекціей на роли первыхъ любовниковъ.

Молодые люди окинули другъ друга внимательнымъ взглядомъ, причемъ на губахъ Лавровскаго появилась тонкая улыбка. Зина ему понравилась, что онъ и постарался дать ей понять при первомъ же знакомствѣ. Это было выраженіе только намекомъ и такъ мило, что она не могла обидѣться. Оба они видимо стали симпатизировать другъ другу и вскорѣ затѣмъ сошлись довольно близко.

Однажды Лавровскому случилось, въ отсутствіе Вахрушина, проводить Ласкину съ репетиціи домой. У дверей ея квартиры, пользуясь полутьмой еще не освѣщенной лѣстницы, онъ вдругъ запечатлѣлъ на ея щекѣ такой жгучій поцѣлуй, что у Зины закружилась голова и захватило дыханіе. Она не безъ усилія вырвала у него свои руки и скрылась за дверью.

Этотъ поступокъ возмутилъ ее, и она долго послѣ сердилась на Лавровскаго. Послѣдній однако счумѣлъ вымолить себѣ прощеніе, встрѣтившись съ нею у театральной *grande-dame*, Козыревой, съ которой Ласкина была очень дружна. Въ квартирѣ Вахрушина молодой человѣкъ не бывалъ, потому что тотъ сразу отнесся къ нему подозрительно и недружелюбно.

У Козыревой же Зина стала постоянно сталкиваться, какъ бы невзначай, съ Лавровскимъ; это наконецъ ей надоѣло, и она перестала посѣщать товарку. Тогда послѣдняя начала вызывать ее записками, придумывая для этого разные предлоги. Такъ, однажды Козырева сказала больною и просила навѣстить ее.

Зина отправилась и застала ту въ оживленной бесѣдѣ съ Лавровскимъ, которому она покровительствовала.

Ласкина тотчасъ же хотѣла вернуться домой, но ее не пустили, убѣдивъ провести вмѣстѣ вечеръ. Она невольно поддалась уговорамъ, потому что ей и самой вдругъ очень захотѣлось остаться. Но она всетаки нерѣшительно снимала шляпу и перчатки.

И ей не пришлось раскаться.

Время пролетѣло незамѣтно въ веселой болтовнѣ и смѣхѣ. Лавровскій, что называется, разошелся: балагурилъ, рассказывалъ уморительныя сцены, копировалъ товарищей; потомъ, сразу измѣнивъ тонъ на серьезный, спросилъ Зину:

— Вѣрите ли вы въ роковыя встрѣчи?

— Нѣтъ, протянула молодая женщина несовсѣмъ увѣренно и тотчасъ же прибавила:— можетъ быть, потому, что въ моей жизни ихъ не было.

— А со мной недавно случилась... именно такая встрѣча... вдумчиво произнесъ онъ, останавливая выразительный взглядъ на молодой женщинѣ. — Имени особы, овладѣвшей моимъ сердцемъ, я вамъ не назову пока...

— Можетъ быть, вы придаете слишкомъ большое значеніе своей фантазіи, возразила Зина дѣланно-шутливымъ тономъ.

— Нѣтъ, твердо отвѣтилъ тотъ и, повернувшись затѣмъ на каблукъ, направился къ піанино. Взявъ нѣсколько бѣглыхъ акордовъ, онъ заигралъ пьесу »Старый мужъ, грозный мужъ«, причемъ на губахъ его появилась лукаво-задорная улыбка. Игралъ онъ очень недурно и съ какимъ-то особеннымъ шикомъ. Въ заключеніе пропѣлъ начало цыган-

скаго романса »Я васъ люблю«. Сразу оборвавъ на второй строфѣ акомпанементъ, Лавровскій уронилъ руки на колѣни и въ упоръ посмотрѣлъ на приблизившуюся Ласкину горячимъ взглядомъ.

Игра въ чувство начинала увлекать его самого. Это была въ его жизни уже не первая »скачка съ препятствіями«, у дѣли которой стоялъ заманчивый призъ. Препятствія только разгорячали его воображеніе, заставляя упорнѣе стремиться къ обладанію женщиной. То же было и въ отношеніи Ласкиной.

Далекая отъ истины, молодая женщина, принявъ строгій, сосредоточенный видъ, припоминала въ эту минуту стихотвореніе одного отвергнутого ею поклонника, начинавшееся словами:

„Гони опасный призракъ прочь,
Онъ сердцу не даетъ покоя“...

Она продекламировала его, подчеркивая нѣкоторыя фразы, дѣлая кое-гдѣ произвольныя ударенія для оттѣненія *своей* мысли.

Смысль стихотворенія былъ тотъ, что не слѣдуетъ чловѣку тѣшить себя несбыточными надеждами, погоня за которыми только сломить силы, разобьетъ сердце; а призракъ все же останется недосягаемымъ.

По мѣрѣ чтенія, Зина одушевлялась все болѣе и болѣе и болѣе, глаза ея заблестали, щеки разгорѣлись. Это былъ ея отвѣтъ Лавровскому. Не мѣняя позы, она вызывающе посмотрѣла на послѣдняго.

Тотъ подумалъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ и затѣмъ, сдѣлавъ энергичный жестъ, тономъ убѣжденія началъ:

„Не вѣрю твоему признанью,
Не вѣрю я твоимъ рѣчамъ“...

Но тутъ онъ былъ внезапно прерванъ рѣзкимъ звонкомъ, раздавшимся въ передней.

Хозяйка, съ видомъ удивленія и недовольства на лицѣ, направилась къ дверямъ, въ которыхъ тотчасъ же появился

Вахрушинъ. Лицо его было блѣдно; глаза горѣли мрачнымъ огнемъ, подозрительно остановившись на присутствовавшихъ. Онъ постоялъ, съ секунду, въ одной позѣ, потомъ молча и холодно началъ со всѣми здороваться.

У Козыревой онъ почти не бывалъ, и потому появленіе его озадачило хозяйку, хотя она и старалась сохранить наружное спокойствіе, ухаживая за »дорогимъ« гостемъ.

— Какъ ваше здоровье, Софья Помпеевна? спросилъ послѣдній, устремляя на нее инквизиторскій взглядъ.

— Ахъ, представьте себѣ, Василій Ивановичъ! съ напускною безпечностью воскликнула та: — утромъ у меня такъ разболѣлись зубы, что, я думала, ужъ умру сегодня... поѣхала, знаете ли къ доктору, поднимаюсь на лѣстницу, — вдругъ боль начинается затихать, затихать, а у двери и совсѣмъ прошла!.. Ну, вѣрите ли: точно она испугалась чего!.. Я посмѣялась у врача... Онъ сказалъ, что это все нервы, и даже ничего не прописалъ... Какъ вамъ это нравится?

Но Вахрушинъ былъ очень дурно настроенъ. Разсказъ хозяйки казался ему беззащитной ложью, оскорблявшей и возмущавшей его.

Ничего не отвѣтивъ, онъ поднялся съ мѣста и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Я, въ сущности, заѣхалъ къ вамъ на минутку, любезнѣйшая Софья Помпеевна; хотѣлъ только сообщить Зинѣ, что дома ее ожидаютъ по одному дѣлу... непременно хотятъ ее видѣть.

Произнося эту ложь, онъ нервно крутилъ въ рукахъ мѣховую шапку, опустивъ на нее смущенные взоры и съ трепетомъ ожидая отвѣта Зины.

По разстроенному виду Вахрушина молодая женщина тотчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и прибавила отъ себя:

— А я и сама только что думала отправиться домой, такъ что ты явился за мной очень кстати.

Она простилась и поспѣшила за Вахрушинымъ, уже спускавшимся съ лѣстницы.

— Вотъ Отелло-то! ха-ха-ха!... донесся до ея слуха раскатистый смѣхъ Лавровскаго.

II

Вернувшись домой и зайдя ненадолго къ себѣ въ будуаръ, молодая женщина прошла затѣмъ въ кабинетъ къ Вахрушину. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, подавленный, склонивъ на руку голову.

— Что съ тобой? мягко освѣдомилась Зина.

— Ты не сердись на меня?..

Онъ, не глядя, протянулъ ей руку.

— Это что у насъ нѣтъ никого?

— Да.

— Нѣтъ, нисколько.

— Мнѣ такъ вдругъ сдѣлалось грустно, такъ захотѣлось побыть съ тобою, побесѣдовать, что я и поѣхалъ къ Козыревой... оправдывался онъ, пожимая протянутую ему Зиною руку.

— И прекрасно... значить, теперь нечего хандрить! весело отозвалась Ласкина.

Но онъ не мѣнялъ своей удрученной позы. Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Ты очень дружна съ Софьей Помпеевной?

— Да... а что? недоумѣвающе протянула та.

— Можешь исполнить одну мою просьбу?

— Какую?

— Не ѣзди къ ней.

— Отчего?

— Тебѣ тяжело отказаться отъ нея?

— Нѣтъ, только хотѣлось бы знать причину...

— Не спрашивай объ этомъ... только исполни... Считай это, какъ хочешь... ну, хоть капризомъ, деспотизмомъ... все равно...

— Хорошо, согласилась она, сама понимая эту причину. Къ тому же, и Вахрушинъ тотчасъ же выдалъ себя.

— Ну, а теперь скажи мнѣ, началъ онъ опять:—была у тебя сегодня встрѣча съ Лавровскимъ?

Онъ поднявъ голову и остановилъ пытливый взглядъ на лицѣ Зины.

— Нисколько... съ чего ты взялъ?!

— Раньше онъ не просилъ тебя объ этомъ свиданіи? продолжалъ допрашивать онъ.

— Да нѣтъ же! защищалась та.

— Поклянись мнѣ! задыхаясь, произнесъ онъ, комкая въ рукахъ какую-то бумажку.

— Клянусь, чѣмъ угодно!.. Но ты наконецъ оскорбляешь меня своимъ недоверіемъ.

Она гордо выпрямилась и отступила нѣсколько назадъ. Вахрушинъ незамѣтно опустилъ бумажку въ карманъ и затѣмъ притянулъ къ себѣ молодую женщину.

— А ты часто встрѣчала тамъ его?

— Нѣтъ, только сегодня, солгала она, чтобы окончательно успокоить Вахрушина.

Но въ эту минуту въ душѣ ея шевельнулись смѣшанныя чувства горечи, обиды и недовольства жизнью... что-то поднялось въ груди, сдавило горло, и изъ глазъ полились непрошенныя обильныя слезы...

Вахрушинъ бросился къ Зинѣ и, цѣлуя ей руки, старался, какъ могъ, успокоить ее.

III

Но ядъ сомнѣній всетаки не покинулъ Вахрушина. Мучительныя подозрѣнія закрались къ нему въ душу еще три мѣсяца назадъ, когда онъ увидѣлъ, какъ Лавровскій поцѣловалъ Зину за кулисами.

— Съ чего ты взялъ?.. Это только показалось тебѣ: онъ просто шепнулъ мнѣ что-то, оправдывалась тогда молодая женщина.

— Но чтò же именно? допытывался Вахрушинъ.

— Да я и не разслышала хорошенько... кажется, что-то про режиссера, отозвалась та.

»Не приготовила отвѣта«, пронеслось въ умѣ артиста. И съ этихъ поръ онъ сталъ внимательно присматриваться къ своей подругѣ. Вскорѣ онъ замѣтилъ нѣкоторую пере-мѣну, совершившуюся въ Ласкиной: всегда такая веселая и беззаботная, она стала въ послѣднее время нервною и раздражительною. Также начала ее посѣщать необычная задумчивость: Зина подолгу иногда сидѣла у окна съ разсѣяннымъ и грустнымъ видомъ... Все это начало не на шутку беспокоить Вахрушина, которому, къ тому же, казалось еще, что на репетиціяхъ молодые люди обмѣниваются между собою значительными взглядами... У Вахрушина начали постепенно пропадать сонъ и аппетитъ. День ото дня онъ становился угрюмѣе и несообщительнѣе. Подозрительность свою онъ перенесъ и на всѣхъ окружающихъ, болѣзненно перетолковывая каждую улыбку и шутку, во всемъ видя намеки на себя.

»Понимаю вѣдь, въ чей огородъ камушки бросаютъ!« съ острой болью шевелилось тогда въ его умѣ. — »Смѣются надъ старымъ дуракомъ«.

Все, чего онъ прежде совершенно не замѣчалъ, теперь оскорбляло его самолюбіе, заставляя сторониться товарищей.

»Можетъ быть, Зина только до поры, до времени скрываетъ свои чувства къ *тому*«, думалъ Вахрушинъ съ безысходною тоскою, ворочаясь безъ сна на постели: — »пока еще борется съ собою изъ благодарности ко мнѣ, да изъ жалости... но молодое чувство, того и смотри, захлестнетъ ее горячею волною... силъ не хватитъ бороться дольше... Уйдетъ къ тому... и останусь я одинокимъ, никому не нужнымъ...«

Измученный мрачными предчувствіями, Вахрушинъ вставалъ по утру въ угнетенномъ состояніи духа, съ тяжелой головой и разбитымъ тѣломъ.

Такимъ образомъ дни тянулись за днями, не только не

принося съ собою облегченія или успокоенія встревоженному сердцу, но какъ бы нарочно еще давая все новую и новую пищу для ревности. Къ числу именно такихъ будирующихъ фактовъ относилась и послѣдняя исторія съ букетомъ. Это случилось недавно. Посыльный подалъ Ласкиной букетъ, не объяснивъ — отъ кого его получилъ. Пронеся черезъ гостинную, Зина выронила изъ цвѣтовъ маленькую записку. Вахрушинъ тотчасъ же наступилъ на послѣднюю ногой, чтобы, обернувшись, молодая женщина не замѣтила ее. Затѣмъ, стремительно поднявъ съ пола, сунулъ лоскутокъ бумаги въ карманъ и затворился въ кабинетъ для прочтенія.

Записка была отъ Лавровскаго. Онъ умолялъ Ласкину прїѣхать завтра къ Козыревой, увѣряя, что ему крайне необходимо видѣть ее.

Съ измѣнившимся лицомъ и дѣлая надъ собою невѣроятныя усилія, Вахрушинъ направился въ будуаръ молодой женщины.

— Отъ кого букетъ? глухо спросилъ онъ.

— Рѣшительно не знаю, пожала та плечами.

— Подумай: кто бы могъ прислать его тебѣ?

— Я ужъ сама задавалась этимъ вопросомъ и просто не придумаю, отъ кого... совершенно искренно отозвалась она.

— Не отъ Лавровскаго ли?

— Съ чего ты взялъ?.. Онъ не посмѣетъ, да и еслибы я только знала это, то сейчасъ же отослала бы обратно.

Вахрушинъ былъ сбить съ толку. Онъ терялся въ догадкахъ: научилась ли она такъ искусно лгать, или дѣйствительно говорила правду?

За ужиномъ онъ спросилъ у Зины:

— Завтра ты не собираешься къ Софьѣ Помпеевнѣ?

— Нѣтъ, равнодушно отозвалась та: — а что?

— Я полагаю, что ты отправишься.

— Почему же ты могъ объ этомъ предполагать?

Она устремила на него пристальный взглядъ.

— Мнѣ такъ показалось...

Молодая женщина была очень удивлена, но, видя нервное состояніе Вахрушина, не рѣшилась допрашивать, привыкнувъ за послѣднее время къ разнымъ его странностямъ.

Но удивленіе ея усилилось еще болѣе, когда на слѣдующій день ей подали записку отъ Козыревой, сообщавшей о своемъ нездоровьѣ и просившей непременно посѣтить ее.

Молодая женщина теперь, въ свою очередь, подозрительно посмотрѣла на Вахрушина и молча подала ему письмо.

Пробѣжавъ его, тотъ коротко спросилъ:

— Поѣдешь?

— Ужъ право не знаю, нерѣшительно протянула она: — слѣдовало бы...

Вахрушинъ не отозвался ни однимъ звукомъ.

— Какъ ты полагаешь: съѣздить? переспросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Какъ знаешь... твое дѣло.

Зина отправилась и, какъ уже извѣстно читателю, встрѣтилась тамъ съ Лавровскимъ, который ей однако про записку и букетъ не упомянулъ ни слова, затѣмъ возвратилась съ Вахрушинымъ. Послѣдній заѣхалъ нарочно, чтобы смутить молодыхъ людей, но выдержка Зины временно успокоила его... Впрочемъ, это продолжалось недолго: сомнѣнія вернулись къ нему съ новою силой, осадили его со всѣхъ сторонъ, нагнетая на мозгъ и лишая способности даже разсуждать логически. Однажды, въ порывѣ злобнаго отчаянія, въ отуманенной головѣ Вахрушина мелькнула страшная мысль убить Зину, чтобы она не досталась »ненавистному мальчишкѣ«, какъ онъ всегда называлъ Лавровскаго. Но онъ самъ испугался этой мысли и успѣшилъ отогнать ее отъ себя. Однако въ другой разъ она помимо воли снова проскользнула въ умъ. И затѣмъ, въ тяжелыя минуты, Вахрушинъ началъ уже самъ возвращаться къ ней, находя въ

этомъ какое-то злобное удовлетвореніе мстительному чувству, и какъ бы даже нѣкоторое облегченіе себѣ. Такъ постепенно и нечувствительно созрѣвала страшная мысль въ мозгу, принимая все болѣе и болѣе осязательную форму.

IV

И ко всему этому прибавилась еще сцена въ театрѣ...

Лавровскій, улучивъ минуту, когда Ласкина осталась одна въ своей уборной, упалъ къ ногамъ, высказывая ей пламенное и восторженное чувство, какъ актрисѣ и какъ женщинѣ. Второпяхъ молодой человекъ неплотно затворилъ дверь за собою, и Вахрушинъ, проходя по коридору, наткнулся на объясненіе... Но онъ шелъ не одинъ, — самолюбіе заставило его поскорѣе увести режиссера, чтобы тотъ не увидѣлъ этой сцены, которая сразу все перевернула внутри Вахрушина. Со дна души его поднялись горечь и боль, скопившіяся тамъ за все послѣднее время. Его словно подхватило какое-то странное теченіе и съ неудержимою силою повлекло куда-то впередъ... Нарушенное внутреннее равновѣсіе выразилось въ лихорадочномъ возбужденіи.

Ласкину поразило искаженное нервной судорогой лицо ея спутника въ то время, какъ оно промелькнуло передъ нею въ полосѣ свѣта. Ей сдѣлалось жаль Вахрушина, захотѣлось разсвѣять его сомнѣнія, успокоить его.

»Да я и права не имѣю лишать его послѣдняго утѣшенія«, мелькнуло въ ея умѣ. Но въ то же время лгать было бы бесполезно, потому что онъ слышалъ признаніе Лавровскаго и потому, съ тоскою въ голосѣ, допытывался теперь:

— Чтò же это значить, Зина?.. чтò значить?..

Она отвѣтила тономъ безпечной откровенности:

— Представь себѣ: вздумалъ объясняться въ чувствахъ... конечно, шутя.

— Ну?.. произнесъ онъ, когда она остановилась.

Трудъ. 1891. X. 12.

— Да что, я выгнала его, вот и все тутъ... что еще за глупости выдумалъ!.. И видъ преуморительный: сдѣлать этакій пируэтъ и вылетѣлъ вонъ, какъ ни въ чемъ не бывало... ха-ха-ха!

Она залилась звонкимъ серебристымъ смѣхомъ, а потомъ потянулась и сладко зѣвнула, какъ бы давая этимъ понять, что происшествіе не оставило по себѣ никакого впечатлѣнія, и она его игнорируетъ.

Но опытное ухо артиста услышало натянутость въ смѣхѣ, и тяжелое ревнивое подозрѣніе не разсѣялось, а усилилось еще болѣе. Вахрушинъ взялъ за руку спутницу. Его рука замѣтно дрожала.

— Скажи мнѣ, Зина, началъ онъ надтреснутымъ голосомъ: — будь искренна со мной, — любишь ты его?

По тону молодая женщина почувствовала, что отшучиваться далѣе нечестно; пора положить предѣлъ его мученіямъ. Собравши всѣ свои силы, она рѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ... нѣтъ.

Онъ сжалъ ея руку въ своихъ, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе. Но черезъ минуту тревога снова начала расти въ груди... Шутливый маневръ — самый дѣйствительный при объясненіи въ любви, ибо отказъ тутъ ничего не значить: можно черезъ нѣкоторое время опять повторить объясненіе и т. д., пока не добьешься своего. Развѣ онъ не помнить, сколько разъ самъ примѣнялъ его съ успѣхомъ? Серьезно же откажутъ разъ — и все кончено.

»Развѣ увезти Зину куданибудь подальше?« пронеслось въ его умѣ. Но это было бы безуміемъ: столько потрачено силъ, употреблено стараній, чтобы провести ее на большую сцену, и — едва достигши цѣли — бросить все... контрактъ, наконецъ, связываетъ... Обстоятельства сложились самымъ неблагоприятнымъ образомъ... Если она не любитъ *того* еще теперь, то полюбить скоро... видѣться имъ придется каждый день... Какъ быть?.. А это легко можетъ случиться...

И тогда самъ-то онъ останется одинокимъ, жалкимъ старикомъ, живымъ трупомъ, который забыли похоронить.

Раздраженіе и боль вернулись къ нему съ прежнею силою. Онъ только что собрался спросить Зину о чемъ-то, какъ кучеръ круто осадилъ лошадей. Карета остановилась, и полусонный швейцаръ, выскочивъ изъ подъѣзда, распахнулъ дверцы... Ласкина выпрыгнула легко и побѣжала вверхъ по уставленной растеніями лѣстницѣ. Вахрушинъ вылѣзъ съ трудомъ, съ помощью швейцара. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и подавленнымъ. Такія испытанія положительно ему не по силамъ. Онъ быстро приведутъ его къ роковому концу. Довольно страданій: пора пожать и плоды своихъ трудовъ, почить на заслуженныхъ лаврахъ.

Сбросивъ въ передней своей квартиры шинель на руки лакея, артистъ прошелъ въ столовую. Здѣсь встрѣтила его Ласкина.

Это была дѣйствительно очаровательная женщина, высокая и статная, съ пышною темною косою и правильнымъ русскимъ лицомъ. На щекахъ пробивался легкій здоровый румянецъ, а синіе глаза такъ и манили томною нѣгою. Бѣлое платье очень шло къ ней.

Едва Вахрушинъ появился въ дверяхъ, какъ она, приблизившись, ласково положила къ нему руку на плечо и, заглядывая въ глаза, мягко проговорила:

— Ну, дружокъ, надо переодѣться; потомъ, когда будетъ готовъ ужинъ и чай, я позову тебя... Да не хмурься, милый!

Она прыгнула его къ себѣ за шею, поцѣловала въ щеку и рѣвво убѣжала въ будуаръ.

Чего же еще, въ самомъ дѣлѣ, ему нужно отъ нея?.. Она дѣлаетъ все, чтобы не отравить ему жизни... для этого многимъ приходится поступаться...

Василій Ивановичъ постоялъ съ минуту въ столовой. Ласка Зины не произвела въ этотъ разъ умиротворяющаго дѣйствія: онъ остался холоденъ и безучастенъ къ ней. Про-

ведя рукою по лбу, онъ направился въ свой кабинетъ, въ изобиліи уставленный мягкою комфортабельною мебелью, тяжелыми шкапами съ книгами и цѣнными подарками публички. Все здѣсь было просто, но изысканно.

Переодѣвшись въ домашнюю свободную одежду, артистъ заходилъ по комнатѣ.

»Все лжетъ мнѣ!..« думалъ онъ: — »и ради кого?.. ради того бездушнаго щенка!.. развѣ онъ сдѣлаетъ для нея что нибудь? Никогда!.. Смазливъ, нахаленъ, избалованъ дешевыми успѣхами у женщинъ... Не задумаясь, онъ лишитъ ее всего, предложивъ взаменъ одну свою любовь, да и то пока не остынетъ... а тамъ и поминай, какъ звали... У нея же душа глубоко чувствующая... разобьется... каково будетъ мнѣ!.. Я выходилъ, выросилъ дикій цвѣтокъ, душу положилъ на него, и онъ развернулся въ пышную розу!«

Вахрушинъ подошелъ къ письменному столу и упалъ въ кресло. На него глянулъ изъ плюшевой рамы портретъ Зины, снятый нѣсколько лѣтъ назадъ. Большая лампа подъ абажуромъ освѣщала юное личико и тонкую, еще полудѣтскую, фигуру дѣвушки.

Артистъ взялъ портретъ въ руки и съ невыразимой грустью остановилъ на немъ взоръ.

»Вотъ, давно ли она была такая чистая, свѣтлая, любящая? Сколько счастья принесла въ мой уголокъ... Съ нею воскресли надежды... всколыхнулось въ душѣ все хорошее, свѣжее... Я сталъ жить какъ бы двойной жизнью: за себя и за нее. И все это разобьется, уничтожится!..«

Онъ съ сердцемъ толкнулъ отъ себя портретъ, сдвинувъ его въ тѣнь. Чего ей еще недостаетъ?.. развѣ птичьего молока?.. давно ли отцу въ кабакъ за водкой бѣгала?..

Обведя комнату безпокойнымъ взглядомъ, Вахрушинъ остановилъ глаза на одной изъ своихъ полокъ вонлѣ стола, съ которой и досталъ коробочку съ фотографіями. Высыпавъ ихъ на столъ, онъ выбралъ карточку Лавровскаго, ко-

торый былъ изображенъ въ небрежной позѣ съ дерзкимъ и усталымъ видомъ пресыщеннаго жуира.

Вахрушинъ пренебрежительно фыркнулъ на него.

— Гусь лапчатый!.. всѣ достоинства налицо, а вмѣсто сердца — простой кусокъ мяса!..

Онъ живо придвинулъ опять къ себѣ портретъ Зины, поставилъ рядомъ съ нею Лавровскаго и злобно впился въ нихъ глазами.

— Хорошая парочка, нечего сказать!.. Можно залюбоваться!

Вахрушинымъ овладѣлъ порывъ ярости, и онъ разорвалъ карточку Лавровскаго въ мелкіе куски, бросивъ ихъ въ корзинку.

— Крассавецъ!.. сердцеѣдь!.. прохрипѣлъ онъ: — а насъ въ отставку, старый негодный хламъ...

Онъ сорвалъ абажуръ съ лампы и приблизился къ зеркалу. На него глянуло худощавое плоское лицо въ морщинахъ съ сѣрватою вялою кожей отъ долгаго грима, выцвѣтшими глазами и пожелтѣвшими рѣдкими зубами.

— Дур-ракъ! съ злобной энергіей вскричалъ онъ, сопровождая слова жестомъ: — можетъ ли она любить тебя? На кого ты похожъ? Старая обезьяна!

И конвульсивный хохотъ заколыхалъ его высохшую грудь.

— Несчастный, ты думалъ, что пестуешь и развиваешь ее для себя, — анъ нѣтъ, все для него, для мальчишки, у котораго и молоко на губахъ не обсохло... Онъ же еще и насмѣется надъ тобой... Недаромъ же сколько времени мучить... Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Не бываетъ этому!

Глаза Вахрушина метнули молнію; онъ съ силой ударилъ кулакомъ по столу и заметался по комнатѣ, какъ раненый звѣрь въ клѣткѣ.

— Моя!.. Я создалъ все, я и уничтожу!.. Не мнѣ — такъ никому!.. и ужь никакъ не ему... Не дамъ торжествовать!..

Онъ остановился среди комнаты, чтобы перевести дыханіе. Съ растрепанными волосами, дико сверкавшими глазами, Вахрушинъ имѣлъ видъ безумнаго.

Чего же ждать еще?.. Къ чему длить пытку? Не лучше ли сразу избавиться ото всего?.. Развѣ эта мысль не созрѣла уже давно въ его мозгу въ тиши безсонныхъ ночей. Минута, къ тому же, удобная: они одни... Немножко усилій надъ собой — и все кончено, навсегда...

Вахрушинъ жалъ руками пылавшую голову. Подъ влияніемъ нервнаго экстаза, вся фигура его дышала рѣшимостью. Постоявъ нѣсколько секундъ въ одной позѣ, онъ затѣмъ быстро 'выбѣжалъ изъ кабинета.

V

По длинному темному коридорчику Вахрушинъ направился къ комнатѣ брата-химика, квартировавшаго у него и находившагося временно въ отсутствіи, — и исчезъ за дверью, очутившись въ полномъ мракѣ. Онъ не сталъ зажигать свѣчи и чиркнулъ только спичкой, слабо освѣтившей большой столъ, весь заставленный банками, пузырьками и ретортами.

Вахрушинъ, очевидно, былъ хорошо знакомъ съ содержимымъ рабочаго стола брата, потому что быстро выхватилъ небольшой пузырекъ съ бѣлымъ порошкомъ изъ цѣлой коллекціи разныхъ стклянокъ, сунулъ его въ карманъ, бросилъ спичку на полъ и вышелъ изъ комнаты, осторожно пробираясь по коридору въ свой кабинетъ.

Вдругъ въ столовой что-то брякнуло: это Ласкина уронила ложечку. Вахрушинъ весь вздрогнулъ, и сердце его забилося, какъ у человѣка, пойманнаго на мѣстѣ преступленія. Онъ даже приостановился на минуту.

Шаги его услышала Зина, заваривавшая чай въ столовой.

— Это ты, другъ мой? окликнула она: — иди сюда, все готово.

— Сейчасъ, отозвался Вахрушинъ, уже совладѣвшій съ волненіемъ. Однако прежде онъ зашелъ въ кабинетъ. Тутъ онъ торопливо вынулъ изъ кармана стклянку, на которой было написано »arsenicum«, отсыпаль изъ нея бѣлаго порошка въ бумажку, спряталъ въ карманъ, заперъ пузырекъ въ ящикъ и направился въ столовую.

Висячая лампа ярко освѣщала большой дубовый сервированный столъ съ бурлившимъ на немъ серебрянымъ самоваромъ, высокіе стулья въ готическомъ вкусѣ и такой же дубовый буфетъ.

Зина, съ распущенными волосами и въ турецкомъ халатѣ, перетянутомъ по поясу шелковымъ шнуромъ съ синелевыми кистями, выглядѣла еще лучше, нежели въ бѣломъ театральномъ платѣ.

Она устремила на Вахрушина внимательный взглядъ, желая проникнуть въ его психическое состояніе. Но онъ, избѣгая взгляда Ласкиной, торопливо и неловко занялъ свое обычное мѣсто напротивъ молодой женщины и устремилъ все свое вниманіе на приготовленный ужинъ. Но онъ только старался показать видъ, что ѣсть, такъ какъ ему вовсе было не до ѣды въ этотъ разъ.

Послѣ театра они всегда ужинали tête-à-tête, переживая только что испытанныя волненія, дѣлясь впечатлѣніями, почему прислуга, приготовивъ все, удалялась.

— Какъ мы себя чувствуемъ? съ нѣжною заботливостью спросила молодая женщина такимъ тономъ, какимъ врачи обращаются къ паціентамъ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ, по возможности спокойнѣе.

Она повѣрила. — Ну вотъ и умникъ...

На ея губахъ появилась улыбка. Ласкина хотѣла во что бы то ни стало изгладить непріятное впечатлѣніе давишной сцены въ уборной.

— А знаешь чтѣ, милый, продолжала она: — графъ сказалъ, что сегодня игра у меня была обдуманнѣе, а въ сценѣ смерти получилась полная иллюзія. Согласенъ ты съ нимъ?

Онъ кивнулъ въ отвѣтъ головою. Говорить ему стоило неимовѣрныхъ усилій: горло сжимала спазма.

— А какая это тяжелая смерть, какъ бы про себя замятила Зина: — я не хотѣла бы умереть отъ чахотки... То ли дѣло скоропостижно!..

У Вахрушина сорвавшійся ножъ такъ звякнулъ по тарелкѣ, что чуть не разбилъ ее.

— Ахъ, какъ ты меня испугалъ! воскликнула молодая женщина, едва удержавъ въ рукѣ чайникъ.

— Нечаянно, объяснилъ въ свое оправданіе артистъ, который и самъ весь вздрогнулъ отъ неожиданнаго признанія Зины. Онъ быстро отодвинулъ отъ себя тарелку.

Подавъ ему стаканъ чая, молодая женщина отвернулась къ буфету, доставая оттуда варенье.

Нѣсколькихъ секундъ было достаточно Вахрушину для того, чтобы всыпать мышьякъ въ стаканъ и наполнить послѣдній виномъ. Затѣмъ онъ налилъ и другой, поставивъ оба на средину стола такъ, что отравленный былъ ближе къ Зинѣ.

Ничего не подозрѣвая, она достала варенье и, наложивъ на хрустальное блюдечко, придвинула его къ Вахрушину.

— А ты какъ рѣшилъ насчетъ завтрашняго пикника? задала она вопросъ, живо интересовавшій ее.

Знакомый графъ устраивалъ большую увеселительную поѣздку за городъ и приглашалъ ихъ обоихъ участвовать въ ней. Но Вахрушинъ тогда заупрямился. Теперь же онъ поспѣшилъ тотчасъ дать свое согласіе.

Зина съ дѣтскою радостью воскликнула:

— Ну, вотъ, и отлично! Вѣдь тамъ мы услышимъ цыганъ... Всѣ говорятъ, что будетъ пресвесело! А я такъ люблю оживленіе, шумъ, чтобы голова кружилась... Ахъ какой ты у меня добрый! заключила она, придвигая къ себѣ отравленный стаканъ.

— Нѣтъ, не добрый! въ видѣ стона вырвалось изъ устъ

артиста, душевныя страданія котораго росли съ каждою минутою.

— Добрый, добрый! настойчиво повторила она: — никто не знаетъ, на что ты бываешь способенъ.

Медленнымъ движеніемъ руки она поднесла стаканъ ко рту.

Роковая минута приближалась. Сердце Вахрушина замерло.

Но молодая женщина, занятая теченіемъ своихъ мыслей, опять машинально поставила стаканъ, не отхлебнувши изъ него.

— Я никогда не забуду, горячо продолжала она: — какъ ты цѣлыя ночи проводилъ у моего изголовья, когда я заболѣла отъ отцовскихъ побоевъ... Спьяна онъ чуть не убилъ меня тогда... Еслибы ты не принялъ во мнѣ участія, я наложила бы на себя руки... Дольше выносить такую жизнь я не могла... Я даже обрадовалась, когда мнѣ сдѣлалось хуже: думала — умру.

Она помолчала и затѣмъ уже другимъ тономъ добавила:

— Зато теперь умирать не хочу, нѣтъ!.. хочу — жить!

Она подняла стаканъ рѣшительнымъ движеніемъ руки, намѣреваясь осушить его.

Но въ ту же минуту Вахрушинъ очутился возлѣ нея. Онъ рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ у нея стаканъ, который выскользнулъ на полъ и разбился.

Потрясенный Вахрушинъ въ изнеможеніи опустился на стулъ, склонился головою на столъ и зарыдалъ...

А. Догановичъ

МОЯ ЖЕНА

РОМАНЪ

Райдера Геггерда

IV (продолженіе)

Мы вернулись на свои посты; тяжелая ночь медленно подвигалась къ разсвѣту. Только тѣ, которымъ приходилось бодрствовать при такихъ же условіяхъ, въ ожиданіи почти вѣрной и мучительной смерти, могутъ понять удручающее томленіе этихъ безконечныхъ часовъ. Они прошли, и наконецъ на далекомъ востокѣ небо стало свѣтлѣть; холодное дыханіе зари колыхало навѣсы фургоновъ и пронизало меня до костей. Толстая голландка позади меня проснулась, зѣвая, и, вспомнивъ все, громко простонала; зубы у ней стучали отъ страха и холода. Гансъ Бота направился къ своему фургону, досталъ бутылку съ персиковой водкой и, наливъ въ жестяную кружку, далъ каждому изъ насъ отвѣдать, стараясь казаться веселымъ. Но его напускная веселость только увеличила уныніе товарищей. Меня она положительнo подавляла.

Свѣтъ увеличивался, и мы могли кое-что различить въ туманѣ, все еще густо висѣвшемъ надъ рѣкою; и вотъ... вотъ они явились!

Съ другой стороны возвышенности, на разстояніи тысячи или болѣе ярдовъ отъ лагеря, раздалось какое-то жужжанье. Оно становилось громче и громче и наконецъ перешло въ пѣніе — то была страшная воинственная пѣсня зулусовъ. Я скоро могъ разобрать слова. Очень простые слова.

„Мы будемъ убивать, убивать! не такъ ли, братья?
 Наши стрѣлы кровью заалѣются; не такъ ли, братья?
 Мы дѣти Чака, и кровь — это наше молоко, братья.

Проснитесь, дѣти Умтетва, проснитесь!
 Ястребъ кружится, шакалъ нюхаетъ воздухъ;

Проснитесь, дѣти Умтетва, проснитесь!
 Кричите громко, воины, украшенные кольцами!
 Вотъ врагъ, и мы убьемъ его. Не такъ ли, братья?

Впередъ! Впередъ! Впередъ!“

Вотъ грубый переводъ этой отвратительной пѣсни, которая до сихъ поръ мнѣ часто слышится. На бумагѣ она не имѣетъ того грознаго характера, но еслибы читатель слышалъ, ожидая быть убитымъ, какъ она неслась въ тихомъ воздухѣ изъ горла трехъ тысячъ слишкомъ воиновъ, онъ нашель бы ее достаточно грозною.

На вершинѣ показались щиты. Дикари шли группами, каждая въ 90 человекъ. Всѣхъ группъ было 31. Я сосчиталъ ихъ. Когда они всѣ поднялись на вершину, они образовали тройную линію и начали спускаться къ намъ. На разстояніи 100 или 50 ярдовъ, внѣ выстрѣла нашихъ тогдашнихъ ружей, они остановились и снова запѣли:

„Вотъ краалъ бѣлыхъ людей, маленький краалъ, братья!
 Мы все поѣдимъ и его уничтожимъ, братья!
 Но гдѣ же скотъ бѣлыхъ людей, гдѣ воли ихъ, братья?

Вопросъ этотъ, очевидно, ихъ очень озадачивалъ, потому что они нѣсколько разъ пропѣли эти строфы. Наконецъ впередъ выдвинулся герольдъ, громадный мужчина съ браслетами изъ слоновой кости на рукахъ, и, приложивъ руки ко рту, прокричалъ намъ вопросъ, гдѣ нашъ скотъ.

Гансъ Бота влѣзъ на крышу фургона и проревѣлъ имъ, чтобы они сами отвѣтили на этотъ вопросъ.

Герольдъ снова крикнулъ, что видѣлъ, какъ уводили скотъ.

— Мы теперъ пойдемъ искать скотъ, кричалъ онъ: — а потомъ вернемся и убьемъ васъ, потому что безъ скота вы должны оставаться на мѣстѣ; если же мы убьемъ васъ, прежде чѣмъ добудемъ скотъ, то его, пожалуй, угонять слишкомъ далеко для насъ. А если вы попытаетесь убѣжать, бѣлые люди, то мы легко переловимъ васъ.

Мнѣ это показалось очень страннымъ, потому что зулусы вообще сперва нападаютъ на врага и потомъ ужъ забираютъ его скотъ; но въ ихъ словахъ была нѣкоторая доля вѣроятія. Пока я соображалъ, что бы это могло значить, зу-

лусы быстро пробѣжали мимо насъ къ рѣкѣ. Внезапный крикъ возвѣстилъ, что они напали на слѣдъ скота, и весь отрядъ бросился бѣжать по слѣду, пока не скрылся за возвышенностью на четверть мили отъ насъ. Мы подождали съ полчаса и болѣе, но они не показывались.

— Хотѣлъ бы я знать, дѣйствительно ли ушли дьяволы. сказалъ Гансъ Бота, обратившись ко мнѣ. — Это очень странно.

— Я пойду и узнаю, предложилъ Индаба-зимби:—если ты пойдешь со мною, Макумазанъ. Мы можемъ доползти до вершины и взглянуть оттуда.

Я было сперва поколебался, но любопытство преодолѣло. Я былъ молодъ въ то время, и ожиданіе утомило меня.

— Хорошо, согласился я. — Пойдемъ.

И мы отправились. Я взялъ съ собою слоновое ружье и боевые запасы. Индаба-зимби захватилъ свой мѣшокъ со снадобьями и свое копье. Мы поднялись на вершину, какъ охотники, выслѣживающіе звѣря. Противоположный склонъ былъ устѣянъ камнями, среди которыхъ росъ кустарникъ и высокая трава.

— Они, должно быть, пошли по теченію Донга, сказалъ я: — я никого не вижу.

Не успѣлъ я проговорить, какъ вокругъ меня раздался ревъ голосовъ. Изъ-за каждаго камня, изъ-за каждаго пучка травы поднимался зулускій воинъ. Не успѣлъ я обернуться, не успѣлъ поднять ружья, какъ ужъ былъ схваченъ и поваленъ.

— Держите его! Держите крѣпко Бѣлаго Духа! кричалъ чей-то голосъ. — Держите его, а не то онъ ускользнетъ, какъ змѣя. Не ушибите его, но держите крѣпче. Пусть Индаба-зимби идетъ рядомъ съ нимъ.

Я обернулся къ Индаба-зимби.

— Черномазый дьяволъ, ты меня выдалъ! закричалъ я.

— Подожди и увидишь, Макумазанъ, хладнокровно отвѣтилъ онъ. — Теперь начнется бой.

V. Истребленіе лагеря .

Я задыхался отъ удивленія и бѣшенства. Чтò хотѣлъ сказать этотъ негодяй Индаба-зимби? ради чего былъ я увлеченъ изъ лагеря, и почему, если меня схватили, не былъ

я тотчасъ же убить? Они называли меня »Бѣлымъ Духомъ«. Ужъ не для того ли пощадили меня, чтобы приготовить изъ меня лекарство? Я слыхалъ, что зулусы и родственныя имъ племена занимаются этимъ, и кровь у меня застыла при этой мысли. Какой конецъ! быть взвѣшеннымъ, превращеннымъ въ лекарство и съѣденнымъ!

Но у меня не было времени на дальнѣйшія размышленія, потому что весь отрядъ высыпалъ изъ-за береговой насыпи, гдѣ онъ прятался, послѣ того какъ обманулъ насъ, и выстроился на склонѣ. Я былъ поставленъ въ центрѣ резервной линіи, подѣ надзоромъ громаднаго зулуса, по имени Бомбіане, того самаго, который выступалъ герольдомъ. Животное это посматривало на меня съ ласковымъ любопытствомъ. По временамъ онъ ощупывалъ мои ребра рукояткою своего копья, точно желая удостовѣриться въ моей крѣпости, и нѣсколько разъ просилъ меня оказать ему любезность и предсказать, сколько будетъ убито зулусовъ, прежде чѣмъ »Амабуна«, какъ они называли боэровъ, будутъ истреблены.

Сначала я только хмурился на его слова, но потомъ въ раздраженіи предсказалъ ему, что онъ умретъ черезъ часъ.

Онъ только громко разсмѣялся.

— О, Бѣлый Духъ, сказалъ онъ: — такъ ли это? А все равно, я далеко забрелъ отъ земли зулусовъ и непрочь на отдыхъ.

И онъ отошелъ на отдыхъ, какъ видно будетъ дальше. Зулусы снова начали пѣть.

„Мы поймали Бѣлаго Духа, братъ мой, братъ!

Желѣзный Языкъ шепнулъ про него, онъ выслѣдилъ его, братъ мой, братъ!

Теперь Мабуна наши, теперъ они все равно что мертвые, братъ мой, братъ!“

Итакъ, вѣроломный негодяй Индаба-зимби предалъ меня. Вдругъ начальникъ отряда, сѣдой мужчина, по имени Сусуза, поднялъ свое копье, и тотчасъ же водворилось молчаніе. Онъ что-то сказалъ индунамъ, стоявшимъ около него, и тѣ побѣжали направо и налево, вдоль первой линіи, что-то передавая начальнику каждой группы. Когда они очутились на противоположныхъ концахъ линіи, они разомъ подняли свои копья. И тотчасъ же, съ страшнымъ крикомъ »смерть амабуна!« — вся линія, около тысячи человѣкъ, ри-

нулась впередъ, какъ звѣрь изъ логовища, къ маленькому лагерю. Они представляли великолѣпное зрѣлище: ихъ жсегаи сверкали на солнцѣ, поднимаясь и опускаясь на ихъ черные щиты, ихъ воинственный уборъ изъ перьевъ разтѣвался на вѣтрѣ, ихъ суровыя лица были устремлены въ врага, и твердая земля дрожала подъ топотомъ быстрыхъ ногъ. Я думалъ о бѣдныхъ голландцахъ и трепетахъ. Какіе шансы имѣли они противъ такого множества людей?

Зулусы, бѣжавшіе въ видѣ дуги, чтобы окружить лагерь съ трехъ сторонъ, были теперь въ семидесяти ярдахъ отъ него, и вотъ изъ каждаго фургона сверкнули огненные языки. Нѣсколько человекъ покатилося, но остальные остались равнодушны. Они бѣжали къ лагерю, стремясь скорѣе попасть туда. Бозры осыпали ихъ выстрѣлами, и такъ какъ зулусы образовали тѣсную толпу, то слоновья ружья, заряженные жеребейкой, производили страшное дѣйствіе. Только одному человеку удалось пробраться къ фургону, и я видѣлъ, какъ одна голландка ударила его по головѣ тѣпоромъ. Онъ упалъ, и тогда медленно, среди рева насмѣшекъ, раздавшихся на обѣихъ линіяхъ на скатѣ, зулусы отступили.

— Пусти насъ впередъ, отецъ! кричали воины, стоявшіе на скатѣ, въ числѣ которыхъ находился и я, когда начальникъ подошелъ къ намъ. — Ты посладе воевать дѣвченокъ, и онѣ струсили. Позволь намъ поучить ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! смѣясь, отвѣчалъ начальникъ Сусуза. — Подождите минутку, дѣвчонки превратятся въ женщины, и женщины справятся съ бозрами.

Нападавшіе зулусы услышали насмѣшки товарищей и снова бросились съ ревомъ впередъ. Бозры успѣли зарядить ружья и встрѣтили ихъ горячо. Приберегая порохъ до того времени, когда зулусы, какъ овцы, тѣсно столпятся въ краалѣ, они стрѣляли въ нихъ изъ рѣзровъ, и воины падали небольшими кучками. Но я видѣлъ, что Умтетва былъ разъяренъ, они рѣшились не отступать въ этотъ разъ, и конецъ былъ близокъ. Наступилъ шестеро воиновъ вскарабкались на фургонъ, убили человека и прыгнули въ лагерь. Они были убиты, но за ними явились другіе, и я отвернулъ голову. Но я не могъ не слышать яростныхъ, грозныхъ криковъ и ужасный кличъ: «впередъ! впередъ!» которые испускали дикари, когда производили свою рѣзню. Я

только одинъ разъ взглянулъ туда и увидѣлъ бѣднягу Ганса Бота, стоявшаго на фургонѣ и дѣйствовавшаго прикладомъ своего ружья. Копья окружали его, точно стальные языки, и когда я взглянулъ вторично, его уже тамъ не было.

Мнѣ стало дурно отъ страха и бѣшенства. Но увы! что могъ я сдѣлать? Они всѣ теперь были убиты, и наступала моя очередь, только моя смерть, вѣроятно, будетъ не такая скорая.

Бой кончился, и зулусы, оставшіеся въ линіи на скатѣ, двинулись къ лагерю. Мы скоро были тамъ; страшное зрѣлище представлялъ онъ. Многіе изъ нападавшихъ зулусовъ были убиты, человекъ 50; раненыхъ было, по крайней мѣрѣ, 150, нѣкоторые смертельно. Начальникъ Сусуза распорядился, чтобы мертвые были подобраны и сложены въ кучу, а легко раненые сами пошли отыскивать, кто бы перевязалъ имъ раны. Иначе совсѣмъ поступали съ тяжело ранеными. Начальникъ или который нибудь изъ индунговъ осматривалъ каждого раненаго, и если рана признавалась смертельною, раненаго поднимали и бросали въ рѣку, протекавшую по близости. Ни одинъ изъ раненыхъ не прекословилъ, хотя одинъ бѣдняга приплылъ обратно къ берегу. Но онъ недолго побылъ у берега, его снова отпихнули и насильно утопили.

Любопытный случай произошелъ съ роднымъ братомъ начальника. Онъ былъ капитаномъ линіи, и у него была раздроблена пулей лодыжка. Сусуза подошелъ къ нему и громко выбранилъ его за неудачу первой атаки.

Бѣдняга оправдывался тѣмъ, что боэры ранили его въ началѣ атаки. Братъ его призналъ справедливость его словъ и дружески заговорилъ съ нимъ.

— Ну, сказалъ онъ подъ конецъ, предлагая ему шепотку табаку: — ты не можешь ходить.

— Нѣтъ, начальникъ, отвѣтилъ раненый, поглядывая на свою лодыжку.

— А завтра мы должны идти далеко, продолжалъ Сусуза.

— Да, начальникъ.

— Такъ какже, останешься ты здѣсь, или... и онъ показалъ на рѣку.

Раненый опустилъ голову на грудь, какъ бы углубившись въ мысли. Затѣмъ поднялъ голову и взглянулъ прямо въ лицо Сусузѣ.

— Ступня меня мучить, братъ, сказалъ онъ: — я предпочту отправиться въ землю зулусовъ, потому что тамъ находится единственный крааль, который мнѣ хочется повидать, хотя бы мнѣ пришлось ползать, какъ змѣя *).

— Хорошо, братъ, отвѣчалъ начальникъ. — Отдыхай съ миромъ. И, пожавъ ему руку, онъ отдалъ приказаніе одному изъ индуновъ и отошелъ.

Пришли люди и, взявъ раненаго, положили его на берегу рѣки. Затѣмъ, по его требованію, привязали ему къ шеѣ тяжелый камень и бросили его въ глубокую воду. Я видѣлъ всю эту грустную сцену, и жертва ни разу не поморщилась. Было невозможно не удивляться необыкновенному мужеству этого человѣка и не возмущаться хладнокровной жестокостью его брата-начальника. Но съ его точки зрѣнія этотъ поступокъ былъ необходимъ. Человѣку приходилось выбирать между насильственной смертью и голодной смертью, потому что зулускіе воины не привыкли обременять себя ранеными. Многолѣтняя беспощадная война такъ ожесточила этотъ народъ, что онъ относится къ смерти совершенно равнодушно, и надо отдать ему справедливость: онъ умираетъ также равнодушно и охотно, какъ и убиваетъ. Когда этотъ отрядъ былъ отправленъ зулускимъ королемъ Динганомъ, онъ состоялъ изъ девяти тысячъ человѣкъ. Теперь въ немъ насчитывалось не болѣе трехъ тысячъ, остальные были убиты. Оставшіеся въ живыхъ, вѣроятно, также скоро умрутъ. Ну такъ что-жъ! Они живутъ войною, чтобы умирать среди крови. Это естественный ихъ конецъ. »Убивай, пока тебя самого не убьютъ« — вотъ девизъ каждаго зулускаго воина. Онъ знаменателенъ своей простотой.

Воины между тѣмъ грабили фургоны, въ томъ числѣ и мои, побросавъ мертвыхъ боэровъ въ кучу. Я поглядывалъ на эту кучу; всѣ они были налицо, въ томъ числѣ и двѣ толстыя голландки. Нехватало одного трупа — маленькой Тоты, дочка Ганса Бота. Дикая надежда пробудилась въ моемъ сердцѣ, что она, можетъ быть, жива; но это было невѣроятно. Мнѣ надо было желать и молиться, чтобы она оказалась мертвою.

Какъ разъ въ эту минуту громадный зулусъ Бомбіане,

*) Зулусы вѣрятъ, что послѣ смерти души ихъ переселяются въ тѣла большихъ зеленыхъ змѣй, которыя ползаютъ около ихъ краалей. Убить такую змѣю считается у нихъ святотатствомъ.

который оставил меня, чтобы принять участие въ пріятномъ для него занятіи грабежа, вышелъ изъ фургона, крича, что онъ нашель »бѣлаго дѣтеныша«. Я взглянулъ на него: онъ тащилъ Тоту, захвативъ ея платье въ свою черную ручищу. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли, и протянулъ ребенка къ начальнику.

— Чтѣ, мертвая она, начальникъ? со смѣхомъ спросилъ онъ.

Я хорошо видѣлъ, что ребенокъ былъ живъ, что, вѣроятно, онъ былъ спрятанъ и лишился чувствъ отъ испуга.

Начальникъ разсѣянно взглянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Пошупай палкой.

Согласно совѣту, черномазый дьяволъ поднялъ ребенка и собирався прихлопнуть его своей дубиной. Этого я не могъ вывести. Я бросился на него и ударилъ его изо всей силы по лицу, не думая о томъ, что меня могутъ заколотъ копьемъ. Онъ уронилъ Тоту на землю.

— О! проговорилъ онъ, приложивъ палецъ къ носу. — У Бѣлаго Духа тяжелый кулакъ. Ну, я готовъ сразиться съ тобой за ребенка.

Воины захохотали.

— Да! да! заговорили они: — пусть Бомбіане сразится съ Бѣлымъ Духомъ. Пусть они бьются на копьяхъ.

Съ минутой я колебался. Какіе шансы были у меня противъ этого черномазаго великана? Но я обѣщала бѣднягѣ Гансу постараться спасти ребенка, да и чтѣ мнѣ грозило? Все равно умирать, теперь или потомъ. У меня однако хватило настолькоъ ума, чтобы показать, что это большая милость съ моей стороны, и я передалъ начальнику черезъ Индаба-зимби, что я, пожалуй, согласенъ убить Бомбіане, но съ условіемъ, что если я убью его, то мнѣ будетъ подарена жизнь ребенка.

Индаба-зимби перевелъ мои слова; я замѣтилъ, что онъ не глядѣлъ на меня, когда говорилъ; онъ закрылъ лицо руками и называлъ меня »Духомъ« и »Сыномъ Духа«. По какой-то причинѣ, которую я такъ и не узналъ, начальникъ далъ согласіе на бой. Полагаю, что онъ считалъ меня существомъ выше простаго смертнаго и непрочъ былъ избавиться отъ Бомбіане.

— Пусть сразятся, сказалъ онъ. — Дать имъ копья, не давать щитовъ; ребенка получить тотъ, кто побѣдитъ.

— Да, да! закричали войны. — Пусть они сразятся. Ё не бойся, Бомбиане: если онъ духъ, то очень маленький духъ.

— Я никогда еще не боялся ни человека, ни звѣря: не собираюсь убѣжать отъ Бѣлаго Духа, отвѣчалъ страшный Бомбиане, рассматривая свое острое копьѣ.

Войны встали вокругъ насъ, мнѣ дали точно такое же копьѣ; насъ поставили въ десяти шагахъ другъ отъ друга. Я старался сохранить спокойный видъ и не показывать ни пуга, хотя внутренно страшно трусилъ. Правду сказать меня пугала моя судьба. Великанъ, стоявшій передо мнѣ съ дѣтства привыкъ владѣть копьемъ, я же совсѣмъ не умѣлъ дѣйствовать этимъ оружіемъ. Я былъ ловокъ и прворень, правда, но онъ былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое сильнѣ меня. Однако дѣлать было нечего, и, стиснувъ зубы, я схватилъ громадное копьѣ, мысленно помолился и сталъ онъ дать.

А великанъ стоялъ, поглядывая на меня. Индаба-зимби обошелъ кругъ и, проходя сзади меня, шепнулъ мнѣ:

— Будь спокоенъ, Макумазанъ, и жди, когда онъ упадетъ. Я улажу дѣло.

Такъ какъ я не имѣлъ намѣренія начинать бой, то мнѣ понравился совѣтъ, но я положительно не понималъ, какъ могъ Индаба-зимби «уладить дѣло».

Боже мой! Какъ долго тянулись эти полминуты. Это бытіе произошло много лѣтъ тому назадъ, но и теперь, когда я описываю его, вся эта сцена рисуется передо мной. Позади насъ находился залитый кровью лагерь, и валялись груды труповъ. Кругомъ насъ рядами расположились дикари, украшенные перьями, въ молчаніи ожидавшіе исхода боя, а въ центрѣ стоялъ съдой начальникъ Сусуза, во всѣхъ своихъ военныхъ доспѣхахъ, съ леопардовой шкурой на плечахъ. У ногъ его лежало безчувственное тѣло маленькаго Тоты; по правую сторону отъ меня сидѣлъ на корточкахъ Индаба-зимби, покачивая своимъ бѣлымъ завиткомъ и что-то нашептывая — колдуя, вѣроятно; напротивъ меня стоялъ мой великанъ-противникъ съ поднятымъ копьемъ и съ развѣвающимися на вѣтрѣ перьями. А сверху, надъ густою травой, надъ рѣкой, надъ фургонами, надъ грудями труповъ, надъ тѣсною толпой, надъ безчувственнымъ ребенкомъ, сіяло ослѣпительное, безпристрастное солнце, взры-

какъ равнодушное око небесъ, на красоту природы и жестокость человѣка. Вдоль рѣки росъ терновникъ, и отъ него шелъ пріятный запахъ мимозы; слышно было воркованіе горлицъ. Я не могу слышать этого запаха, не могу слышать горлицъ, чтобы мнѣ тотчасъ же не представилась вся эта сцена, во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Вдругъ, безъ всякаго звука, Бомбіане потрясъ копьемъ и бросился на меня. Я видѣлъ, какъ двинулось его громадное туловище; словно во снѣ видѣлъ, какъ засверкало его длинное, широкое копье. Точно по внушенію свыше — или чары Индаба-зимби тутъ дѣйствовали? — я опустился на колѣни и быстро, какъ молнія, вытянулъ свое копье. Онъ навалился на меня; его копье пронеслось надъ моей головой. Я почувствовалъ тяжесть на своемъ копѣ; оно было вырвано у меня изъ рукъ; громадныя ноги ударились о меня. Я оглянулся кругомъ: Бомбіане шатался съ откинутой назадъ головой, съ распростертыми руками, изъ которыхъ выпало копье, а рукоятка моего копья торчала у него между плечъ — я прокололъ его насквозь. Онъ медленно обернулся, точно желая взглянуть на меня, потомъ великанъ со вздохомъ опустился на землю мертвымъ. Съ минуту продолжалась тишина, затѣмъ раздались крики:

— Бомбіане умеръ! Бѣлый Духъ убилъ Бомбіане! Смерть колдуну, смерть Духу, который убилъ Бомбіане съ помощью колдовства!

Я тотчасъ же былъ окруженъ злобными лицами, копья засверкали передъ моими глазами. Я скрестилъ руки и спокойно стоялъ, ожидая смерти. И она чуть было не постигла меня, потому что войны были внѣ себя при видѣ своего товарища, такъ легко побѣжденнаго. Но вотъ сквозь шумъ я слышалъ звонкій, надтреснутый голосъ Индаба-зимби.

— Назадъ, сумасшедшіе! кричалъ онъ: — развѣ духъ можетъ быть убитъ?

— Заколи его! заколи! ревѣли они въ ярости. — Мы посмотримъ, Духъ ли онъ. Какъ могъ Духъ убить Бомбіане копьемъ? Убей его, вызыватель дождя, и мы увидимъ тогда.

— Назадъ! снова закричалъ Индаба-зимби. — Я вамъ покажу, можетъ ли онъ быть убитъ. Я самъ убью его и оживлю на вашихъ глазахъ.

— Макумазанъ, довѣрься мнѣ, шепнулъ онъ мнѣ на ухо на нарѣчій Сизуту, котораго зулусы не понимали. —

Довѣрься мнѣ; опустишь на колѣни передо мной, и когда я ударю тебя копьемъ, упади, какъ будто мертвый; а когда услышишь мой голосъ, встань. Довѣрься мнѣ, это твоя единственная надежда.

Не имѣя выбора, я кивнулъ головой въ знакъ согласія, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ намѣренъ былъ дѣлать. Шумъ немного стихъ, и воины отодвинулись назадъ.

— Великій Бѣлый Духъ, Духъ побѣды! проговорилъ Индаба-зимби, громко обратившись ко мнѣ и закрывъ рукою глаза. — Выслушай меня и прости. Эти дѣти слѣпы въ своемъ безуміи и считаютъ тебя смертнымъ, потому что ты убилъ человѣка, который дерзнулъ возстать противъ тебя. Удостой опуститься на колѣни передо мной и дозвожь мнѣ проколоть твое сердце вотъ этимъ копьемъ, а когда я позову тебя, встань неуязвимый!

Я опустился на колѣни — не потому, что желалъ бы этого, а потому что долженъ былъ. Я не очень-то довѣрялъ Индаба-зимби и полагалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ собирается убить меня. Но я такъ былъ истомленъ страхомъ, испытанные въ теченіе сутокъ ужасы такъ потрясли мои нервы, что я мало думалъ о томъ, что ожидаетъ меня. Когда я простоялъ съ полминуты на колѣняхъ, Индаба-зимби снова заговорилъ:

— Народъ Умтетва, дѣти Т'Чака, отодвиньтесь немного назадъ, а не то вамъ худо будетъ, потому что воздухъ теперь населенъ духами.

Тѣ отодвинулись, оставивъ насъ въ кругѣ, около 12 ярдовъ въ діаметрѣ.

— Смотрите, онъ стоитъ на колѣняхъ передъ вами, продолжалъ Индаба-зимби: — и слушайте меня, слушайте прорицателя, вызывателя дождя, Индаба-зимби, котораго слава извѣстна вамъ. Онъ выглядитъ молодымъ человѣкомъ, неправда ли? А я вамъ говорю, дѣти Умтетва, что онъ не человѣкъ. Это Духъ, который посылаетъ побѣду бѣлымъ людямъ, и это онъ далъ имъ копьа, которыя грохочутъ, и научилъ ихъ убивать. Почему воины Дингаана бѣжали въ сраженіи на Кровавой рѣкѣ? — потому что онъ былъ тамъ. Почему Амабуна убили тысячи воиновъ Мозиликатце? — потому что онъ былъ тамъ. И я вамъ вотъ что скажу: не уведи я его съ помощью своихъ чаръ изъ лагеря три часа

назадъ, вы были бы побѣждены, вы были бы развѣяны, какъ пылъ вѣтромъ; вы были бы сожжены, какъ сухая трава зимою, когда огонь пылаетъ въ ней. Онъ былъ здѣсь, и много вашихъ храбрцевъ было убито горстью людей, которыхъ можно перечесть по пальцамъ. Но я люблю васъ, но вашъ начальникъ Сусуза приходится мнѣ единокровнымъ братомъ — не одинъ ли у насъ отецъ? — и потому я пришелъ къ вамъ, я предостерегъ васъ. Вы просили меня, и я увелъ Духа. Но вы были недовольны, когда побѣда осталась за вами, и Духъ просилъ отдать ему изъ всего награбленнаго вами бѣлаго ребенка, чтобы сдѣлать изъ него лекарство...

Мнѣ стоило большаго труда сдержаться, чтобы не оставить его.

— Вы отвѣтили ему отказомъ; вы сказали: »Пусть онъ сразится съ нашимъ храбрѣйшимъ воиномъ, пусть сразится съ великаномъ Бомбіане за ребенка«. Онъ снизошелъ до того, что убилъ Бомбіане, какъ вы видѣли, и теперь вы кричите: »Убей его, онъ не Духъ!« Я вамъ докажу, Духъ ли онъ, я убью его на вашихъ глазахъ и оживлю. Но вы сами накликали бѣду на себя. Еслибы вы вѣрили, еслибы вы не оскорбили Духа, то онъ остался бы съ вами, и вы были бы непобѣдимы. Теперь же онъ оскорбленъ и покинетъ васъ, и горе вамъ, если вы захотите удержать его! Теперь, воины, продолжалъ онъ: — поглядите хорошенько на это копьё, что я держу... И онъ поднялъ высоко надъ головой копьё убитаго Бомбіане. Всѣ глаза устремились на это широкое блестящее копьё. Онъ подержалъ его нѣкоторое время, а потомъ сталъ описывать имъ круги, что-то бормоча; они слѣдили взглядомъ за копьемъ. Я наблюдалъ за его движеніями съ величайшимъ безпокойствомъ. Копьё было слишкомъ близко ко мнѣ, чтобы я находилъ это приятнымъ, и я вовсе не желалъ, чтобы оно еще болѣе приблизилось. Къ тому же, я не былъ увѣренъ, что Индабазимби не собирается на самомъ дѣлѣ убить меня. Я рѣшительно не понималъ его дѣйствій, и даже въ благопріятномъ случаѣ мнѣ не могло быть пріятно изображать *corpus vile* въ его магическихъ экспериментахъ.

— Смотрите! смотрите! смотрите! закричалъ онъ.

И вдругъ громадное копьё сверкнуло у моей груди. Я ничего не почувствовалъ, но мнѣ казалось, что оно прошло насквозь меня.

— Смотрите! ревели зулусы. — Индаба-зимби закололъ его, окровавленное копье вышло изъ его спины.

— Падай, Макумазанъ, шепнулъ мнѣ на ухо Индаба-зимби. — Падай и притворись мертвымъ... скорбѣй, скорбѣй!

Я быстро выполнилъ эту странную инструкцію и, упавъ на бокъ, раскинулъ руки, взмахнулъ ногами и умеръ, насколько могъ, артистически. Я вздрогнулъ, какъ слѣдуетъ быть, и сталъ неподвиженъ.

— Смотрите! кричали зулусы: — онъ умеръ, Духъ умеръ. Видите, кровь на копьѣ.

— Назадъ! назадъ! закричалъ Индаба-зимби: — а не то Духъ будетъ являться вамъ. Да, онъ умеръ, но теперь я оживлю его. Смотрите!... Опустивъ руку, онъ вытащилъ копье и поднялъ его. — Копье покрыто кровью, не правда ли? Смотрите, войны, смотрите! Видите, оно побѣгло.

— Да, оно побѣгло, отвѣчали войны. — О, оно побѣгло!

— Оно побѣгло, потому что кровь вернулась туда, откуда пришла, объяснилъ Индаба-зимби. — Теперь, Великій Духъ, соблаговоли выслушать меня. Ты мертвый, и твой ротъ не дышитъ. Ты исполни мое моленіе и возстань. Пробудись, Бѣлый Духъ, пробудись и покажи свое могущество. Пробудись! возстань неязвимый!

Я весело отозвался на это торжественное воззваніе.

— Не такъ скоро, Макумазанъ, прошепталъ Индаба-зимби.

Я внялъ предостереженію и сперва вытянулъ руку, потомъ поднялъ голову и снова опустилъ ее.

— Онъ живъ! клянусь головою Т'Чака, онъ живъ! ревели войны въ смертельномъ страхѣ.

Медленно, съ величайшимъ достоинствомъ, поднимался я; вытянулъ руки, зѣвнулъ, какъ человѣкъ, проснувшійся отъ крѣпкаго сна, обернулся и разсѣянно взглянулъ на нихъ. Продѣлывая все это, я замѣтилъ, что Индаба-зимби былъ почти безъ чувствъ отъ чрезвычайнаго возбужденія. На лбу у него выступили капли пота, члены его дрожали, и грудь тяжело дышала.

Что касается зулусовъ, то они были совершенно удовлетворены. Съ ревомъ ужаса весь отрядъ побѣжалъ вверхъ по горѣ, такъ что мы остались одни съ тѣломъ убитаго и съ безчувственнымъ ребенкомъ.

— Какимъ образомъ ты все это продѣлалъ, Индаба-зимби? спросилъ я, пораженный.

— Не спрашивай меня, Макумазанъ, съ трудомъ проговорилъ онъ. — Вы, бѣлые люди, очень умны, но вы не все знаете. На свѣтѣ есть люди, которые могутъ заставить человѣка повѣрить, что онъ видитъ вещи, которыхъ онъ не видитъ. Уйдемъ отсюда, пока можно; когда Умтетва придутъ въ себя, они вернутся грабить фургоны и тогда могутъ задать мнѣ вопросъ, на который я не въ состояніи буду отвѣтить.

Я кстати замѣчу здѣсь, что я такъ и не добился объясненія отъ Индаба-зимби. Но у меня есть своя теорія, и вотъ она, какая ни на есть. Я убѣжденъ, что Индаба-зимби загнипнотизировалъ толпу зрителей, включая и меня, заставивъ ихъ повѣрить, что они видѣли копьё въ моемъ сердцѣ и кровь на копьѣ. Читатель улыбается и говоритъ: »невозможная вещь!« Но пусть онъ отвѣтитъ мнѣ тогда, съ помощью чего, какъ не гипноза, продѣлываютъ индѣйскіе фокусники свои удивительныя штуки? Зрители видятъ, какъ мальчикъ ложится въ корзину, и его закалываютъ кинжалами; видятъ, какъ женщины поднимаются высоко на воздухъ на кончикѣ шпаги. Эти вещи сами по себѣ невозможны, онѣ противорѣчатъ законамъ природы, насколько эти законы извѣстны намъ, и, слѣдовательно, онѣ невысказаны. Но Индаба-зимби силою своей воли заставилъ зулусовъ повѣрить, что онъ какъ будто прокололъ меня насквозь копьемъ, которое даже не коснулось меня. По крайней мѣрѣ, таково мое убѣжденіе; если кто можетъ предложить болѣе вѣрное объясненіе, тѣмъ лучше для него. Объяснить это можно или галлюцинаціей, или колдовствомъ, и я предпочитаю первое объясненіе.

VI. Стелла

Я немедленно послѣдовалъ совѣту Индаба-зимби. Въ полутораста ярдахъ влѣво отъ лагеря была маленькая лощина, гдѣ я спряталъ свою лошадь вмѣстѣ съ лошадью одного боэра, а также сѣдло и уздечку. Туда-то мы и направились, и я несъ на рукахъ безчувственную Тоту. Къ нашему благополучію, мы нашли лошадей: зулусы ихъ не замѣтили. Теперь онѣ были единственнымъ средствомъ передвиженія,

такъ какъ волю были уведены, но даже еслибы они и были по близости, то у насъ не было бы времени распутать ихъ привязь. Я положилъ Тоту на землю, поймалъ лошадь, отвязалъ поводъ и осѣдлалъ ее. Тутъ мнѣ пришло въ голову послать Индаба-зимби въ лагерь и поискать тамъ мое двухствольное ружье, пороху и зарядовъ, такъ какъ у меня было на лицо одно только слоновое ружье съ небольшимъ количествомъ пороху и зарядовъ.

Онъ пошелъ на поиски; въ его отсутствіе бѣдняжка Тота пришла въ себя и стала плакать, пока не увидала меня.

— Ахъ, мнѣ приснился такой гадкій сонъ, сказала она по голландски. — Мнѣ приснилось, что чернолицыя кафры хотятъ убить меня. Гдѣ папа?

Я поморщился при этомъ вопросѣ.

— Папа твой, милочка, отправился по дѣлу, отвѣчалъ я: — и тебя поручилъ мнѣ. Мы его догонимъ. Ты согласна ѣхать съ геръ Алленомъ?

— Нѣтъ, недовѣрчиво проговорила она и снова заплакала. Потомъ вспомнила, что ей хотѣлось пить, и попросила воды. Я повелъ ее къ рѣкѣ, и она напилась.

— Отчего у меня рука красная, геръ Алленъ? спросила она, показывая на отпечатокъ окровавленныхъ пальцевъ Бомбіане.

Я былъ очень доволенъ въ эту минуту, что убилъ Бомбіане.

— Это краска, милочка, отвѣтилъ я: — мы смоемъ ее, вымоемъ также твое личико.

Пока я умывалъ ребенка, вернулся Индаба-зимби. Ружей не оказалось: зулусы всѣ ружья забрали и порохъ также. Но онъ всетаки нашелъ и принесъ кое-что въ мѣшкѣ: толстое одѣяло, около 20 фунтовъ сушеннаго мяса, нѣсколько горстей сухарей, двѣ бутылки съ водою, жестяную кружку, немного спичекъ и всякой другой мелочи.

— А теперь, Макумазанъ, сказалъ онъ: — намъ пора уходить, потому что Умтетва возвращаются. Я видѣлъ одного на вершинѣ горы.

Этого было достаточно для меня. Я поднялъ маленькую Тоту на сѣдло, самъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, держа Тоту передъ собою. Индаба-зимби вложилъ уздечку въ ротъ одной изъ лучшихъ лошадей боэровъ, бросилъ ей на спину

мѣшокъ со всякой всячиной и усѣлся на лошадь, держа въ рукахъ слоновое ружье. Мы проѣхали молча 800—900 ярдовъ, пока не потеряли изъ виду фургоновъ, которые стояли въ долинѣ. Тогда я остановился, ощущая въ сердцѣ такое чувство благодарности, какого не выразишь словами; мы были на лошадахъ, и я зналъ теперь, что черномазымъ дьяволамъ никогда не догнать насъ. Но куда было ѣхать? Я задалъ этотъ вопросъ Индаба-зимби, предложивъ ѣхать за волами, которые прошлую ночь, вмѣстѣ съ женщинами, были уведены кафрами. Онъ покачалъ головой.

— Умтетва сами скоро отправятся за волами, отвѣчалъ онъ: — а мы достаточно наглядѣлись на нихъ.

— Вполнѣ достаточно, съ восторгомъ подтвердилъ я. — Я желаю никогда не видать ихъ. Но куда же мы направимся? У насъ одно только ружье, и мы одни въ громадной пустынѣ съ ребенкомъ. Въ какую сторону поѣдемъ мы?

— Мы были лицомъ къ сѣверу, когда встрѣтили зулусовъ, отвѣтилъ Индаба-зимби; — будемъ держаться этого направления. Поѣзжай, Макумазанъ; сегодня ночью, когда мы сойдемъ съ лошадей, я подумаю объ этомъ.

Мы ѣхали цѣлый день вдоль рѣки. Благодаря свойству почвы, мы подвигались очень медленно, но еще до заката солнца я имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ, миль 25 отдѣляли насъ отъ проклятыхъ зулусовъ. Маленькая Тота проспала большую часть дороги; лошади ступали легко, и она была утомлена.

Наконецъ солнце зашло, и мы слѣзли съ лошадей въ долину около рѣки. Провизіи было немного, я размочилъ для Тоты сухарь въ водѣ, а самъ съ Индаба-зимби поѣлъ сушеного мяса. Закусивъ, я раздѣлъ Тоту, завернулъ ее въ одеяло, положилъ около костра, который мы зажгли, и закурилъ трубку. Я сидѣлъ возлѣ спящей сиротки и изъ глубины сердца благодарилъ Господа за спасеніе нашей жизни. Страшное то было испытаніе. Оно казалось кошмаромъ въ воспоминаніи. А между тѣмъ это былъ дѣйствительный фактъ, одна изъ многихъ трагедій, которыя усыпаютъ путь эмигрантовъ-боэровъ костями мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Теперь эти ужасы почти забыты; жители Наталя, напр., съ трудомъ вѣрятъ, что сорокъ лѣтъ назадъ 600 человекъ европейцевъ, въ томъ числѣ женщины и дѣти, были варварски убиты воинами Дингаана. А между тѣмъ это дѣйствительно

произошло, а названіе мѣстечка Weenen — Долина Слезъ — можетъ служить вѣчнымъ напоминаніемъ объ этомъ.

Я размышлялъ о необыкновенной ловкости, которую проявилъ старикъ Индаба-зимби, спасая мою жизнь. Оказалось, что въ молодости онъ жилъ среди племени Умтетва и славился, какъ искусный предсказатель и вызыватель дождя. Когда Т'Чака, братъ Дингаана, повелѣлъ убить всѣхъ колдуновъ, онъ одинъ спасся, благодаря своему искусству колдовать, но потомъ убѣжалъ на югъ, вслѣдствіе причинъ, которыя было бы слишкомъ долго объяснять. Когда онъ услышалъ, что отрядъ принадлежалъ къ племени Умтетва, который, бросивъ своихъ женъ и дѣтей, бѣжалъ изъ земли зулусовъ отъ жестокости Дингаана, то онъ, подъ предлогомъ развѣдокъ, смѣло рѣшился идти прямо къ начальнику Су-сузѣ и обратиться къ нему, какъ къ брату, которымъ тотъ и приходился ему. Начальникъ тотчасъ же узналъ его; узнали и всѣ воины, потому что слава его была велика среди нихъ. Онъ имъ наболталъ разныхъ небылицъ про меня, что я Бѣлый Духъ, что мое присутствіе въ лагерѣ дѣлаетъ его непобѣдимымъ, и, съ цѣлью спасти меня отъ рѣзни, въ скоромъ наступленіи которой онъ былъ увѣренъ, онъ согласился увести меня изъ лагеря и выдать имъ. Какъ этотъ планъ былъ выполненъ, было уже рассказано; планъ былъ рискованный.

Я лежалъ, размышляя съ благодарнымъ сердцемъ, и видѣлъ, какъ Индаба-зимби, сидя у огня, продѣлывалъ что-то таинственное съ костями, которыя онъ вынулъ изъ мѣшка, и съ золою, смѣшанною съ водою. Я заговорилъ съ нимъ и спросилъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ отвѣтилъ, что выбираетъ путь, по которому мы должны ѣхать. Я чуть было не сказалъ: — »Глупости«, но, вспомнивъ замѣчательные примѣры его искусства, придержалъ языкъ и, обнявъ малютку Тоту, ослабѣвшій отъ усталости и волненія, расположился уснуть.

Я проснулся, когда заря загорѣлась въ небѣ цвѣтомъ буковицы и золота, или, вѣрнѣе сказать, меня разбудила маленькая Тота, которая въ просонкахъ поцѣловала меня, назвавъ »папой«. У меня сердце заныло при этихъ словахъ бѣдной сиротки. Я всталъ, умылъ и одѣлъ ее, какъ умѣлъ, и мы позавтракали также, какъ ужинали, сушенымъ мясомъ и сухаремъ. Тота попросила молока, но у меня его не было. Потомъ мы поймали лошадей, и я осѣдлалъ свою.

— Ну, Индаба-зимби, спросилъ я: — какую дорогу показали твои кости?

— Прямо на сѣверъ, отвѣтилъ онъ. — Путешествіе будетъ трудное, но дня черезъ четыре мы будемъ въ краалѣ бѣлаго человѣка, англичанина, не голландца. Его краалъ лежитъ въ красивой мѣстности, и тамъ есть гора, гдѣ водятся павіаны.

Я взглянулъ на него.

— Глупости, Индаба-зимби, сказалъ я. — Слыханное ли дѣло, чтобы англичанинъ могъ поселиться въ этой пустынѣ, и почему ты знаешь? А я думаю, намъ лучше ѣхать на востокъ, по направленію къ Портъ-Наталю.

— Какъ тебѣ угодно, Макумазанъ, отвѣтилъ онъ: — но надо будетъ ѣхать три мѣсяца, чтобы добраться до Портъ-Наталя, если только мы доѣдемъ, а ребенокъ можетъ умереть дорогою. Скажи мнѣ, Макумазанъ, сбывались ли до сихъ поръ мои слова или нѣтъ? не совѣтовалъ ли я тебѣ не охотиться за слонами верхомъ? не совѣтовалъ ли я тебѣ взять съ собою одинъ фургонъ вмѣсто двухъ, потому что лучше было потерять одинъ фургонъ, нежели два?

— Ты совѣтовалъ мнѣ это, отвѣчалъ я.

— И я совѣтую тебѣ теперь ѣхать на сѣверъ, Макумазанъ, потому что тамъ ты найдешь большое счастье и большое горе также. Но никто не бѣжитъ отъ счастья потому только, что потомъ будетъ горе. Но какъ тебѣ угодно, какъ тебѣ угодно.

Я снова поглядѣлъ на него. Я не вѣрилъ въ его предсказанія, но онъ говорилъ, какъ человѣкъ убѣжденный. Вѣроятно, онъ слыхалъ о бѣломъ человѣкѣ, живущемъ отшельникомъ среди этой пустыни, но, желая сохранить за собою репутацію предсказателя, умолчалъ объ этомъ.

— Хорошо, Индаба-зимби, отвѣчалъ я: — поѣдемъ на сѣверъ.

Мы живо собрались въ дорогу; рѣка, вдоль которой мы прежде ѣхали, поворачивала на востокъ, и мы покинули ее. Весь день мы ѣхали по гористой мѣстности и за часъ до заката солнца остановились у ручья, вытекавшаго съ холмовъ, которые находились впереди насъ. Мнѣ порядкомъ успѣло надобѣсть сушеное мясо, и я, захвативъ съ собою слоновое ружье — другаго у меня не было, — оставилъ Тоту съ Индаба-зимби и пошелъ искать дичи. Мы въ теченіе

всего дня не видѣли никакой дичи, да и въ предшестввавшіе дни не видали. По какой-то таинственной причинѣ дичь временно покинула эту мѣстность. Я перешелъ ручей, чтобы попасть въ чашу репейника, находившуюся на другомъ берегу, надѣясь найти тамъ какого нибудь звѣря. Меня немного встревожило, когда я увидѣлъ слѣды двухъ львовъ на песчаномъ берегу ручья. Въ надеждѣ, что ихъ уже нѣтъ по близости, я вошелъ въ чашу. Я долго бродилъ безъ всякаго результата. Наконецъ, когда уже стемнѣло, я увидѣлъ на камнѣ, въ сорока ярдахъ отъ меня, маленькое граціозное животное, не больше зайца. Въ обыкновенное время я бы и не подумалъ стрѣлять въ маленькаго звѣрька, тѣмъ болѣе изъ слоноваго ружья, — но мы были голодны. Я прислонился къ скалѣ и прицѣлился въ его голову. Еслибы я выстрѣлилъ въ туловище, то трехлотовая пуля разорвала бы животное на куски. Я нажалъ курокъ, ружье выстрѣлило съ грохотомъ маленькой пушки, и звѣрекъ исчезъ. Я побѣждалъ и, къ моему счастью, нашелъ маленькаго звѣрька на землѣ; громадная пуля оторвала ему голову. Принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, не думаю, чтобы мнѣ когда нибудь приходилось сдѣлать болѣе удачный выстрѣлъ; если кто нибудь не согласится со мною, то пусть покажетъ свое искусство, стрѣляя въ кролика на разстояніи 50 ярдовъ изъ слоноваго ружья и съ трехлотовой пулей.

Я съ торжествомъ поднялъ звѣрька и понесъ его къ мѣсту нашей стоянки. Мы содрали съ него шкуру и зажарили мясо на огнѣ. Звѣрекъ доставилъ намъ вкусное блюдо: заднія ноги мы спрятали на завтракъ.

Въ эту ночь не было луны; вспомнивъ о львиныхъ слѣдахъ, я предложилъ привязать лошадей около насъ, но мы не могли найти ихъ, хотя и знали, что онѣ паслись не дальше 50 ярдовъ. Намъ оставалось зажечь костеръ и покориться судьбѣ. Я скоро заснулъ, обнявъ маленькую Тоту. Проснулся я внезапно, услышавъ особенный, жалобный звукъ крикъ лошади, совсѣмъ около костра, который еще ярко горѣлъ. Вслѣдъ за крикомъ раздался шумъ подкованныхъ копытъ, и, прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, моя бѣдная лошадь явилась въ свѣтломъ пространствѣ. Какъ молнія, мельнули передо мной ея испуганные глаза, расширенныя ноздри и оборванный поводъ, которымъ она была привязана, раз-

вѣвающійся въ воздухѣ. А на спинѣ у ней я замѣтилъ какую-то черную массу со сверкающими глазами, откуда раздавалось ворчанье. Это былъ левъ.

Лошадь прорчалась. Въ страхѣ она бросилась прямо черезъ огонь, къ счастью, не наскочивъ на насъ, и исчезла въ темнотѣ. Мы слышали звукъ ея подковъ на разстояніи ста ярдовъ, затѣмъ настала тишина, прерываемая по временамъ отдаленнымъ рычаньемъ. Понятно, что мы не могли спать въ эту ночь и въ тревогѣ бодрствовали до разсвѣта, который наступилъ часа черезъ два.

Когда стало довольно свѣтло, мы поднялись и, оставивъ Тоту спать, осторожно направились въ ту сторону, куда скрылась лошадь. Пройдя около 50 ярдовъ, мы нашли ея трупъ на землѣ и замѣтили, какъ двѣ громадныя, похожія на кошекъ, фигуры мелькнули въ сѣроватомъ свѣтѣ.

Идти дальше было бесполезно: мы узнали то, что намъ надо было, и пошли искать другую лошадь. Но намъ пришлось выпить до дна чашу несчастья — лошади нигдѣ не оказалось. Мы скоро напали на ея слѣды и догадались, въ чемъ дѣло. Обезумѣвшая при видѣ львовъ, она отчаяннымъ усиленіемъ оборвала поводъ, которымъ были спутаны ея ноги, и ускакала.

Я сѣлъ на землю, готовый заплакать, какъ женщина. Теперь мы были одни, безъ лошадей, среди этой громадной пустыни и съ ребенкомъ, который былъ еще такъ малъ, что могъ пройти только ничтожное разстояніе.

Но горевать было бесполезно; перебросившись нѣсколькими словами, мы вернулись къ нашей стоянкѣ, гдѣ я нашелъ Тоту въ слезахъ, потому что, проснувшись, она увидала, что ее оставили одну. Мы закусили и начали собираться въ путь. Всѣ вещи, которыя мы брали съ собою, мы раздѣлили на двѣ равныя части, рѣшивъ не брать того, безъ чего можно обойтись. Мы наполнили наши бутылки водою, хотя сперва я былъ противъ этого, боясь лишней тяжести. Но Индаба-зимби уговорилъ меня, къ счастью для всѣхъ насъ. Я взялъ на свое попеченіе Тоту, а слоновое ружье передалъ Индаба-зимби. Наконецъ все было готово, и мы отправились. Такъ какъ въ трудныхъ для ходьбы мѣстахъ Тоту брали на руки, то она легко поднялась на холмъ, гдѣ я подстрѣлил маленькаго звѣрька. Когда мы поднялись, и я взглянулъ внизъ, у меня вырвалось грустное вос-

клидание. Назвать эту мѣстность пустыней было бы преувеличеніемъ; она скорѣе походила на Кару въ Капской землѣ— громадная песчаная равнина, мѣстами поросшая низкимъ кустарникомъ и усѣянная скалами. Громадное пространство опустошенной земли, котораго не могъ окинуть глазъ, окаймленное вдали цѣпью красноватыхъ горъ, въ центрѣ которыхъ высоко поднимался въ воздухъ громадный одинокій пикъ.

— Индаба-зимби, сказалъ я: — мы и въ шесть дней не дойдемъ туда.

— Какъ тебѣ угодно, Макумазанъ, отвѣтилъ онъ: — но я тебѣ говорю, что тамъ (и онъ указалъ на пикъ) живетъ бѣлый человекъ. Ты можешь повернуть въ любую сторону, но если мы возьмемъ въ сторону, ты погибнешь.

Я призадумался. Положеніе наше, правду сказать, было почти безнадежное. Все равно было, куда ни идти. Мы были одни, почти безъ пищи, безъ способовъ передвиженія, съ малымъ ребенкомъ на рукахъ. Все равно было, гдѣ ни погибать — въ песчаной ли степи, въ равнинѣ или подъ деревьями на горѣ. Только Господь могъ спасти насъ, и мы должны были довѣриться божию промыслу.

— Пойдемъ, сказалъ я, поднявъ Тоту къ себѣ на спину, потому что она устала. — Всѣ дороги ведутъ къ смерти.

Какъ мнѣ описать мученія слѣдующихъ четырехъ дней? какъ мнѣ рассказать, какъ мы брели по страшной пустынѣ, безъ пищи и почти безъ воды, потому что тамъ не было ручьевъ? Мы сознавали наше положеніе и берегли воду въ бутылкахъ для ребенка. Когда я вспоминаю это время, то оно мнѣ кажется кошмаромъ. Мнѣ тяжело вспоминать о немъ. Днемъ мы по очереди несли ребенка, бредя по глубокому песку; ночи проводили въ хворостинникѣ, сося листья и вылизывая росу съ рѣдкой травы. А кругомъ ни ручья, ни колодца и никакой дичи! Наступила третья ночь; мы умирали отъ жажды. Тота была въ обморокѣ. У Индаба-зимби въ бутылкѣ оставалось немного воды — съ рюмку, пожалуй. Мы помочили наши губы и языки, остальную воду отдали ребенку. Она оживила его. Тота пришла въ себя и уснула.

Разсвѣтало. Горы были не дальше, какъ въ восьми миляхъ разстоянія; онѣ были зелены: тамъ была вода.

— Пойдемъ, сказалъ я.

Индаба-зимби положилъ Тоту въ мѣшокъ, который мы соорудили изъ одѣяла, чтобы удобнѣе было нести ее на

спинѣ, и мы побрели по песку. Она проснулась и попросила пить. Увы! у насъ не было воды; языки у насъ высунулись изо рта, мы едва могли говорить.

Мы отдохнули немного; Тотъ, къ счастью, впала опять въ забытѣе. Индаба-зимби понесъ ее. Несмотря на то, что онъ былъ такъ худъ, онъ обладалъ удивительной силой.

Пропелъ еще часъ; до громаднаго пика оставалось не болѣе двухъ миль. На разстояніи всего двухсотъ ярдовъ росъ громадный баобабъ. Доберемся ли мы когда нибудь до его тѣни? Мы прошли уже половину разстоянія, какъ вдругъ Индаба-зимби упалъ отъ истощенія. Мы были такъ слабы, что не могли поднять ребенка къ себѣ на спину. Индаба-зимби кое-какъ поднялся, и мы взяли Тоту за руки и потащили ее. Эти пятьдесятъ ярдовъ были точно пятьдесятъ миль. Наконецъ-то мы дошли до дерева; сравнительно съ зноемъ позади, подъ густымъ шатромъ его листья было темно и холодно, какъ въ погребѣ. Я подумалъ, что тутъ хорошо было бы умереть. Больше я ничего не помню.

Я проснулся съ ощущеніемъ, точно чудный дождь падалъ мнѣ на лицо и голову. Медленно, съ большимъ трудомъ открылъ я глаза и снова закрылъ ихъ, узрѣвъ видѣніе. Я пролежалъ такъ нѣсколько времени, а струя продолжала лить; я подумалъ, что вижу сонъ, или что я съ ума сошелъ отъ жажды и лихорадки. Если я не сошелъ съ ума, то какже могъ я вообразить, что надо мною склонилась прелестная черноглазая дѣвушка и брызгаетъ мнѣ воду на лицо? дѣвушка съ бѣлой кожей, не кафритянка. И сонъ продолжался.

— Гендрика, произнесъ голосъ по англійски (я никогда не слышалъ болѣе пріятнаго голоса: онъ мнѣ напомнилъ о вѣтеркѣ, шепчущемъ въ листьѣ ночью): — Гендрика, я боюсь, онъ умираетъ... у меня въ сѣдлѣ бутылка съ водкой, принеси ее.

— О-о! заворчалъ грубый голосъ въ отвѣтъ. — Пусть его умираетъ, миссъ Стелла. Онъ принесетъ вамъ несчастіе, пусть его умираетъ.

Я почувствовалъ движеніе воздуха надъ собой, словно видѣніе быстро повернулось, и я снова открылъ глаза. Теперь я увидѣлъ, что она была высока и гибка, какъ тростникъ. Она сердилась; темные глаза ея сверкали, и она показывала рукою на женщину, которая стояла передъ ней въ

какомъ-то мудреномъ одѣяніи, которое могутъ носить и мужчины, и женщины. Женщина была молода, низка, имѣла бѣлую кожу, выгнутые члены и широчайшія плечи. Ея лобъ, подбородокъ и уши выдавались впередъ; она мнѣ напоминала очень красивую обезьяну. Въ ней олицетворялась несуществующая связь между человѣкомъ и обезьяной. Лэди показывала на нее рукою.

— Какъ ты смѣешь? говорила она. — Ты опять не слушаешься меня! Ты забыла, что я тебѣ говорила, Павіана?

— О-о! заворчала женщина и, казалось, скорчилась отъ злости. — Не сердись на меня, миссъ Стелла, я не могу выносить этого. Я сказала, потому что это правда. Я схожу за водкой.

Во снѣ или на яву, но я рѣшился заговорить.

— Не надо водки, прошепталъ я по англійски, едва ворочая своимъ опухшимъ языкомъ: — дайте мнѣ воды.

— Ахъ, онъ живъ! воскликнула прелестная дѣвушка. — Онъ говоритъ по англійски! Сэръ, вотъ вода въ вашей собственной бутылкѣ... тутъ, около васъ, ручей... по другую сторону дерева.

Я съ трудомъ приподнялся, поднесъ бутылку къ губамъ и напился. О, холодная, чистая вода! ничего пріятнѣе я никогда не пилъ. Съ первымъ же глоткомъ я почувствовалъ, какъ пробудилась во мнѣ жизнь. Но молодая дѣвушка не позволила мнѣ много пить.

— Довольно, довольно! сказала она и почти силою отняла отъ меня бутылку.

— Ребенокъ... сказалъ я: — ребенокъ умеръ?

— Я не знаю, отвѣтила она: — мы нашли васъ, и я постаралась привести васъ въ чувство.

Я кое-какъ дотащился до того мѣста, гдѣ лежала Тота рядомъ съ Индаба-зимби. Трудно было рѣшить, умерли они или только были въ обморокѣ. Лэди смочила лицо Тоты водою, на которую я глядѣлъ съ жадностью, потому что продолжалъ чувствовать страшную жажду, а Гендрика сдѣлала то же самое съ Индаба-зимби. Вскорѣ, къ моей великой радости, Тота открыла глаза и хотѣла заплакать, но не могла, потому что у бѣдняжки языкъ и губы сильно распухли. Лэди влила немного воды ей въ ротъ, и это оказало на нее такое же магическое дѣйствіе, какъ и на меня. Мы дали ей выпить четверть пинты, не болѣе, хотя она очень упра-

пивала. Индаба-зимби также очнулся, простоналъ, открылъ глаза, поглядѣлъ вокругъ и моментально освоился съ новымъ положеніемъ.

— Чтѣ я говорилъ тебѣ, Макумазанъ? прошепталъ онъ и, схвативъ бутылку, долго не отнималъ ее ото рта.

Я сидѣлъ въ это время, прислонившись къ стволу громаднаго дерева, и старался понять все случившееся съ нами. Взглянувъ налѣво, я увидѣлъ двухъ хорошихъ лошадей, одну безъ сѣдла, а другую съ грубо сдѣланнымъ дамскимъ сѣдломъ. Рядомъ двѣ собаки, изъ породы борзыхъ, сидѣли, наблюдая за нами, и тутъ же близко лежалъ убитый орибе, за которымъ онѣ, вѣроятно, охотились.

— Гендрика, сказала лэди: — они не должны пока ѣсть мяса. Поищи, нѣтъ ли на деревѣ спѣлыхъ плодовъ.

Гендрика быстро выбѣжала на открытое мѣсто и сейчасъ же вернулась.

— Я видѣла нѣсколько штукъ спѣлыхъ, сказала она: — но высоко, совѣмъ на верхушкѣ.

— Достань ихъ, сказала лэди.

»Легко сказать, а трудно исполнить«, подумалъ я. Но я ошибался. Женщина вдругъ прыгнула почти на три фута высоты и схватила одну изъ висѣвшихъ вѣтокъ въ свои широкія, плоскія руки; потомъ послѣдовалъ прыжокъ, которому позавидовалъ бы любой акробатъ, и она была на вѣткѣ.

»Теперь стопъ машина«, снова подумалъ я, потому что слѣдующая вѣтка была слишкомъ далеко отъ нея. Но я снова ошибся. Она встала на вѣтку, держась голою ногою, прыгнула, ухватилась за верхнюю вѣтку и перебралась на нее.

Лэди замѣтила мое удивленіе.

— Не удивляйтесь, сэръ, сказала она. — Гендрика не похожа на другихъ людей. Она не упадетъ.

Я ничего не отвѣтилъ и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за движеніями этой удивительной особы. А она прыгала съ вѣтки на вѣтку, какъ обезьяна. Наконецъ она добралась до самаго верха и стала карабкаться по тонкой вѣткѣ къ спѣлому плоду. Вотъ она сильно тряхнула вѣтку. Послышался трескъ... вѣтка сломалась. Я закрылъ глаза, ожидая увидѣть ее разбившеюся передъ собой.

— Не бойтесь, сказала лэди, мило смѣясь. — Поглядите, она жива и невредима.

Я взглянулъ и увидѣлъ ее. Падая, она ухватилась за

другую вѣтку и теперь преспокойно лѣзла наверхъ. Индаба-зимби также слѣдилъ съ любопытствомъ за этимъ представленіемъ, но оно, казалось, не очень удивляло его. — »Женщина-павіанъ«, замѣтилъ онъ, какъ будто такія женщины часто встрѣчаются, и принялся утѣшать Тоту, которая стояла и просила воды. Гендрика спустилась съ дерева съ необыкновенной быстротой и, оттолкнувъ вѣтку, прыгнула на землю съ высоты восьми футовъ.

Двѣ минуты спустя, мы всѣ сосали мягкій плодъ. Въ обыкновенное время онъ, вѣроятно, показался бы намъ довольно безвкуснымъ; но тогда мнѣ казалось, что я ничего вкуснѣе не ѣдалъ. Послѣ трехъ дней, проведенныхъ въ пустынѣ безъ пищи и воды, не станешь разбирать. Лэди приказала своей провожатой содрать кожу съ орибе, котораго загрызли ея собаки, а сама занялась разведеніемъ костра изъ валявшихся вѣтвей. Какъ только огонь разгорѣлся, она взяла нѣсколько кусковъ мяса орибе, зажарила ихъ и подала намъ на листѣ. Мы поѣли, и намъ дали еще немного воды. Затѣмъ она увела Тоту къ ручью и умыла ее, въ чемъ бѣдняжка очень нуждалась. Потомъ пришла наша очередь умыться; о, пріятное умыванье!

Я вернулся къ дереву, съ трудомъ, правда, передвигая ноги, но совсѣмъ переродившимся человѣкомъ. Прелестная дѣвушка сидѣла и держала Тоту на колѣняхъ. Она убаюкивала ее и знакомъ попросила меня молчать. Наконецъ ребенокъ уснулъ здоровымъ сномъ; я съ удовольствіемъ послѣдовалъ бы этому примѣру, еслибы не жгучее любопытство. Я заговорилъ.

— Смѣю я спросить ваше имя? сказалъ я.

— Стелла, отвѣчала она.

— Стелла... а дальше?

— Стелла, и больше ничего, отвѣчала она съ легкой досадой. — Мое имя Стелла; имя хорошенькое, во всякомъ случаѣ его легко запомнить. Имя моего отца Томасъ, и мы живемъ вонъ тамъ... И она показала на подножье громаднаго пика. Я глядѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Давно вы живете тамъ? спросилъ я.

— Мнѣ было семь лѣтъ, когда мы поселились здѣсь. Мы пріѣхали въ фургоны. А раньше мы пріѣхали изъ Англіи, изъ Оксфордшайра; я могу показать вамъ на картѣ мѣстечко; оно называется Гарзингемъ.

Я снова подумалъ, что вижу сонъ.

— Знаете, миссъ Стелла, сказалъ я: — это такъ странно, такъ странно, что кажется неправдоподобнымъ: я также приѣхалъ изъ Оксфордшайра много лѣтъ тому назадъ.

Она вздрогнула.

— Вы англичанинъ, джентльменъ? спросила она. — Ахъ, мнѣ всегда хотѣлось видѣть англійскаго джентльмена. Я за все время, чтó мы живемъ здѣсь, видѣла одного только англичанина, но онъ не былъ джентльменъ; здѣсь совсѣмъ нѣтъ бѣлыхъ, кромѣ странствующихъ бозровъ. Мы живемъ среди негровъ и павіановъ, но я прочла про англичанъ много книгъ, стиховъ и романовъ. Скажите мнѣ ваше имя. Негръ называлъ васъ Макумазанъ, но у васъ есть же и другое, ваше настоящее, имя.

— Меня зовутъ Алленъ Кватерменъ, сказалъ я.

Лицо у ней побѣлѣло, розовыя губки раскрылись, и она дико смотрѣла на меня своими чудными темными глазами.

— Удивительно... проговорила она. — Я часто слыхала это имя. Мой отецъ разказывалъ мнѣ, какъ маленькій мальчикъ Алленъ Кватерменъ однажды спасъ мнѣ жизнь, затупивъ огонь, когда у меня загорѣлось платье... Видите! и она показала на розовую полоску на своей шеѣ: — вотъ слѣдъ отъ обжога.

— Я помню, сказалъ я. — Я потушилъ огонь и обжегъ себѣ руки.

Мы замолчали, глядя другъ на друга. Стелла обмахивалась своей широкой войлочной шляпой со страусовыми перьями.

— Это божій промысль, проговорила она наконецъ: — вы спасли мнѣ жизнь, когда я была ребенкомъ; теперь я спасла васъ и малютку. Это ваша дочь? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Я расскажу вамъ ея исторію.

— Да, сказала она: — вы расскажете дорогой. Пора домой, до дому три часа ходьбы. Гендрика, Гендрика! приведи лошадей.

VII. Женщина - павіанъ

Гендрика исполнила приказаніе и привела лошадей къ дереву.

— М-ръ Алленъ, сказала Стелла: — вы поѣдете на моей

лошади, чернокожій старикъ — на другой. Я пойду пѣшкомъ, а Гендрика понесетъ ребенка. О, не бойтесь, она очень сильна, она снесла бы васъ и меня.

Гендрика заворчала въ знакъ согласія. Мнѣ очень жаль, что я не могу болѣе вѣжливо опредѣлить ея разговоръ. Иногда она ворчала, какъ обезьяна, иногда хрипѣла, какъ бушменъ, а иногда продѣлывала то и другое заразъ, и тогда ее окончательно нельзя было понять.

Я возсталъ противъ этого предложенія и сказалъ, что мы можемъ идти пѣшкомъ; но это была неправда, я не прошелъ бы и мили. Стелла слышать ничего не хотѣла, она даже не позволила мнѣ взять мое словесное ружье и сама понесла его. Мы кое-какъ взлѣзли на лошадей, а Гендрика взяла маленькую Тоту въ свои длинныя мускулистыя руки.

— Смотри, чтобы женщина-павіанъ не убѣжала въ горы съ ребенкомъ, сказалъ мнѣ Индаба-зимби на кафрскомъ нарѣчій, медленно взлѣзая на лошадь. Гендрика на бѣду поняла его. Лицо у ней искривилось и позеленѣло отъ ярости. Она спустила Тоту на землю и прыгнула на Индаба-зимби, какъ прыгаютъ обезьяны. Но старикъ, несмотря на всю свою усталость и истощеніе, перехитрилъ ее своею ловкостью. Съ притворнымъ крикомъ испуга онъ спрыгнулъ съ лошади съ другой стороны, а Гендрика очутилась на его опустѣвшемъ мѣстѣ. Стелла увидала это.

— Слѣзай съ лошади, дикарка, слѣзай! крикнула она, топнувъ ногою.

Необыкновенное существо слетѣло съ лошади, распостерлось на землѣ передъ своей госпожой и залилось слезами.

— Прости, миссъ Стелла, захрипѣла и заворчала она на дурномъ англійскомъ языкѣ: — но онъ назвалъ меня женщиной-павіаномъ!

— Передайте вашему слугѣ, м-ръ Алленъ, чтобы онъ не называлъ такъ Гендрику, сказала мнѣ Стелла. — Если онъ будетъ такъ называть ее, прибавила она попотомъ: — Гендрика непременно убьетъ его.

Я передалъ это Индаба-зимби, и онъ, порядкомъ струсивъ, снизошелъ до извиненій. Но съ этихъ поръ между ними зародились ненависть и вражда.

Согласіе было восстановлено, и мы двинулись въ путь; собаки слѣдовали за нами. Небольшая полоса пустыни, мили

въ двѣ длины, отдѣляла насъ отъ подножья пика. Мы миновали ее и достигли покрытой роскошною травою равнины; здѣсь протекалъ ручей, вытекавшій съ холмовъ, но онъ не орошалъ бесплодную пустыню, а поворачивалъ къ востоку вдоль холмовъ. Ручей надо было перейти въ бродъ. Гендрика смѣло прошла съ Тотой на рукахъ. Стелла перепрыгивала съ камня на камень, какъ серна; мнѣ казалось, что я никогда не видывалъ болѣе граціознаго созданія. Далѣе дорога шла по тѣнистому откосу пика, который, какъ я узналъ, былъ извѣстенъ подъ названіемъ Павіанова пика или Павіановой горы. Мы, разумѣется, подвигались шагомъ, слѣдовательно, медленно. Стелла часть дороги шла молча, но потомъ разговорилась.

— Разскажите мнѣ, м-ръ Алленъ, сказала она: — какъ это случилось, что я нашла васъ, умиравшаго въ пустынѣ?

Я разсказалъ ей все. Разсказъ продолжался больше часу, и она внимательно слушала, предлагая иногда вопросы.

— Удивительно все это, сказала она, когда я кончила свой разсказъ: — въ высшей степени удивительно. Знаете: я выѣхала сегодня утромъ съ Гендрикой и съ собаками, намѣреваясь вернуться домой къ полудню, потому что мой отецъ несовсѣмъ здоровъ, и я не люблю оставлять его надолго одного. Но когда я хотѣла повернуть вотъ именно на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь... вотъ здѣсь, у этого кустарника, вдругъ выскочилъ орибе, и собаки погнались за нимъ. Я поскакала за ними; когда мы доѣхали до ручья, вмѣсто того чтобы повернуть налѣво, какъ обыкновенно дѣлаютъ животныя, орибе переплылъ ручей и побѣжалъ впередъ. Я — за нимъ, и въ тридцати ярдахъ отъ дерева собаки загрызли его. Гендрика хотѣла сейчасъ же ѣхать назадъ, но мнѣ захотѣлось отдохнуть подъ тѣнью дерева. Мы отправились и нашли васъ; вы лежали, какъ мертвый; но Гендрика, которая очень умна въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сказала, что вы живы... остальное вы знаете. Да, это удивительно.

— Удивительно, согласился я. — Скажите мнѣ, миссъ Стелла, кто такая Гендрика?

Прежде чѣмъ отвѣтить, она поглядѣла вокругъ, чтобы удостовѣриться, что Гендрики не было близко.

— Ея исторія очень странная, м-ръ Алленъ. Я разскажу вамъ ее. Надо вамъ сказать, что здѣсь въ горахъ водится

множество павіановъ. Когда мнѣ было лѣтъ десять, я любила бродить по горамъ и долинамъ и смотрѣть, какъ рѣзвятся павіаны среди скалъ. Я въ особенности наблюдала за одной семьей... она жила въ скалахъ въ разстояніи мили отъ нашего дома. Старикъ-отецъ былъ громаденъ, а у одной изъ самокъ было сѣрое лицо. Я слѣдила за ними главнымъ образомъ потому, что между ними находилась маленькая обезьяна, очень похожая на дѣвочку; кожа у ней была совершенно бѣлаго цвѣта, и въ холодную погоду она была закутана въ мѣховой шарфъ. Старые павіаны, казалось, очень любили ее и часто обнимали. Почти цѣлое лѣто я слѣдила за этой удивительной бѣлокожей обезьянкой, и наконецъ любопытство совсѣмъ замучило меня. Я замѣтила, что хотя павіаны гуляли всегда всѣ вмѣстѣ, но въ известное время, незадолго до заката солнца, они прятали бѣлую обезьянку и своихъ двухъ-трехъ дѣтенышей въ небольшую пещеру, а сами отправлялись на поиски за пищей, въ кукурузныя поля, полагаю я. Мнѣ захотѣлось поймать бѣлую обезьянку и принести ее домой, но я, конечно, не могла сдѣлать это сама и потому довѣрилась одному готентоту, который служилъ у насъ; онъ былъ очень уменъ, когда не былъ пьянъ. Его звали Гендрикомъ, и онъ очень любилъ меня; но онъ долго не соглашался и говорилъ, что павіаны убьютъ насъ. Я соблазнила его ножомъ съ четырьмя лезвіями, и вотъ однажды въ полдень мы отправились; Гендрикъ захватилъ съ собою большой кожаный мѣшокъ съ веревкой, которою можно было крѣпко затянуть отверстие.

Мы спрятались за деревья около скалъ и дождались, когда старые павіаны спрятали бѣлую обезьянку и своихъ дѣтенышей въ пещеру. Старикъ-отецъ вышелъ, внимательно осмотрѣлся вокругъ, позвалъ семью и отправился вмѣстѣ съ ней на гору. А мы медленно поползли по скаламъ къ пещерѣ. Всѣ четыре павіанчика крѣпко спали, обнявшись и къ намъ спиною; бѣлая обезьянка лежала по срединѣ. Ничего не могло быть удачнѣе для нашего плана. Гендрикъ, совершенно увлеченный нашей затѣей, поползъ, какъ змѣя, по пещерѣ и быстро накинулъ мѣшокъ на голову бѣлой обезьянки. Маленькое созданье проснулось, прыгнуло и угодило въ мѣшокъ. Гендрикъ затянулъ веревку, и мы вмѣстѣ такъ крѣпко завязали ее, что нашей плѣнницѣ нельзя было выскочить. А въ это время остальные обезьянки съ визгомъ убѣ-

жали изъ пещеры, и, когда мы вышли, ихъ нигдѣ не было видно.

— Пойдемте, мисси, сказалъ Гендрикъ: — павіаны скоро вернуться... Онъ взвалилъ себѣ на плечи мѣшокъ, въ которомъ бѣлая обезьянка сильно билась, брыкалась и визжала, какъ ребенокъ.

Мы скатились, цѣпляясь руками и ногами, внизъ и побѣжали со всѣхъ силъ домой. Когда мы были близъ водопада и въ трехстахъ ярдахъ отъ забора сада, мы услышали крики позади насъ: за нами, перепрыгивая съ камня на камень, бѣжала вся семья павіановъ, со старикомъ во главѣ.

— Бѣгите, мисси, бѣгите! задыхаясь, проговорилъ Гендрикъ, и я помчалась, какъ вѣтеръ, оставивъ его позади. Я ворвалась въ садъ, гдѣ работали кафры, и закричала: »Павіаны! павіаны!« Къ счастью, у нихъ были при себѣ палки и копья, они побѣжали и успѣли спасти Гендрика, которому приходилось плохо. Павіаны тѣмъ не менѣ затѣяли битву и только тогда убѣжали, когда былъ убитъ ихъ старикъ.

У насъ въ краалѣ есть маленькая хижина, куда мой отецъ запираетъ иногда провинившихся туземцевъ. Она крѣпко построена, съ рѣшетчатымъ окномъ. Вотъ въ эту-то хижину Гендрикъ отнесъ мѣшокъ, развязалъ его, положилъ на полъ и убѣжалъ, заперевъ за собою дверь. Бѣдная обезьяна мигомъ выскочила изъ мѣшка и стала метаться по хижинѣ, какъ сумасшедшая. Она прыгнула на рѣшетку окна, уцѣпилась за нее и билась головою до тѣхъ поръ, пока у ней не выступила кровь. Тогда она упала на полъ, сѣла, заплакала, какъ ребенокъ, и стала качаться взадъ и впередъ. И такъ грустно было видѣть все это, что я также заплакала.

Я рассказала отцу, что мы поймали бѣлую обезьянку изъ породы павіановъ; онъ рассердился и сказалъ, что ее надо выпустить на свободу; но когда поглядѣлъ на нее сквозь рѣшетку окна, онъ былъ пораженъ.

— Да это не павіанъ, сказалъ онъ: — это бѣлый ребенокъ, котораго павіаны утащили и выкормили.

Вы сами видите и можете судить, м-ръ Алленъ, правъ ли былъ мой отецъ. Вы видѣли Гендрику... мы назвали ее такъ въ честь Гендрика, который поймалъ ее... она — человѣкъ, а не обезьяна, хотя обладаетъ многими свой-

ствами обезьянъ и похожа на нихъ. Вы видѣли, какъ она умѣетъ лазать, и слышали, какъ она говорить. Она очень дика также, и когда разсердится или ревнуетъ, то дѣлается точно безумная; но вообще она также умна, какъ и всѣ люди. Я думаю, что ее похитили павіаны, когда она была еще совсѣмъ младенцемъ, и выкормили ее, потому-то она и похожа на нихъ. Мой отецъ рѣшилъ, что мы обязаны оставить Гендрику у себя во что бы то ни стало. Цѣлыхъ три дня она ничего не ѣла; я думала, что она умретъ; она сидѣла и стонала. На третій день я подошла къ рѣшеткѣ окна и подала ей чашку съ молокомъ и нѣсколько фруктовъ. Она сперва поглядѣла на нихъ, потомъ со стономъ приползла, взяла молоко изъ моихъ рукъ, жадно выпила его и съѣла фрукты. Съ тѣхъ поръ она охотно принимала пищу, но только отъ меня.

Теперь я расскажу вамъ объ ужасной смерти Гендрика. Съ того самаго дня, какъ мы унесли Гендрику, кругомъ въ мѣстности появилась масса павіановъ, которые, очевидно, наблюдали за краалемъ. Однажды Гендрикъ пошелъ одинъ въ горы собирать какую-то лекарственную траву. Онъ не вернулся; его пошли искать на слѣдующій день. Близъ громадной скалы, которую я могу показать вамъ, нашли его разбросанныя поломанныя кости, обломки его ассегая и четырехъ мертвыхъ павіановъ. Павіаны разорвали его на куски.

Мой отецъ былъ очень напуганъ этимъ, но не хотѣлъ отпустить Гендрику; онъ говорилъ, что она человѣкъ, и что нашъ долгъ — приручить и исправить ее. Послѣ убійства Гендрика павіаны покинули эту мѣстность и только недавно снова появились. Гендрика очень привязалась ко мнѣ; но при первомъ же удобномъ случаѣ убѣжала. Однако въ тотъ же вечеръ вернулась. Она искала павіановъ и не нашла ихъ. Она скоро научилась говорить... я учила ее, и она такъ полюбила меня, что не можетъ разстаться со мною. Мнѣ кажется, разлука со мной убила бы ее. Она цѣлый день безотлучно при мнѣ, а ночью спитъ на порогѣ моей хижины. Она спасла мнѣ жизнь, когда меня понесло теченіемъ рѣки. Но она ревнива и ненавидитъ всѣхъ людей. Посмотрите, какъ гнѣвно она смотритъ на васъ, потому что я разговариваю съ вами.

Я взглянулъ: Гендрика прохаживалась взадъ и впередъ

съ ребенкомъ на рукахъ и мрачно поглядывала исподлобья на меня.

Пока я размышлялъ о странной судьбѣ женщины-павіаны, тропинка повернула въ сторону.

— Смотрите! сказала Стелла: — вотъ нашъ домъ. Неправда ли, какъ красиво!

Да, видъ дѣйствительно былъ красивъ. Въ западной части громаднаго пика была прогалина въ восемьсотъ или тысячу ярдовъ ширины и въ три четверти мили глубины. Позади прогалины подымался на нѣсколько сотъ футовъ прямой утесъ, а за нимъ и надъ нимъ тянулся къ небесамъ громадный Павіановъ пикъ. Пространство земли, замкнутое въ объятія горы, точно искусной рукой человѣка было раздѣлено на три террасы, возвышавшіяся одна надъ другой. Верхняя терраса по обѣ стороны граничила съ пропастями; въ каждую изъ нихъ низвергался водопадъ, не съ большой высоты, но значительнаго объема. Два ручья протекали по обѣимъ сторонамъ замкнутаго пространства, одинъ — на сѣверъ, а другой — кругомъ подножья горы. Они образовали на каждой террасѣ водопады, такъ что путешественникъ заразъ видѣлъ восемь водопадовъ. На берегу ручья,halb отъ насъ, находились краали кафровъ, построенные правильными группами, на манеръ построекъ базутосовъ, и громадная часть земли была воздѣлана. Все это я сразу замѣтилъ, также какъ необыкновенное плодородіе почвы, которая нѣсколько вѣковъ назадъ была смыта съ горныхъ вершинъ. Слѣдя за линіей превосходной дороги, по которой мы теперь слѣдовали и которая вела отъ террасы къ террасѣ, мой взглядъ упалъ на главную достопримѣчательность мѣстности. Въ центрѣ верхней террасы, въ которой могло быть отъ 8 до 10 акровъ земли, окруженныя купами померанцевъ, блестяли зданія, какихъ мнѣ никогда не случалось видѣть. Ихъ было три группы, одна въ срединѣ и двѣ по бокамъ, но, какъ я послѣ узналъ, всѣ зданія были построены по одному плану. Въ центрѣ находилось зданіе, походившее на обыкновенную зулускую хижину, т. е. имѣвшее форму улья, но оно было въ пять разъ больше хижины, какую я когда либо видѣлъ, и построено оно было изъ глыбъ бѣлаго мрамора, соединенныхъ вмѣстѣ съ необыкновеннымъ знаніемъ правилъ строительнаго искусства и съ такою тонкостью и чистотою, что трудно было найти скрѣпы въ этихъ громадныхъ

глыбахъ. Отъ центральной хижины шли три крытыхъ прохода въ другія зданія такой же формы, только поменьше, и каждое изъ нихъ было окружено мраморной стѣной около 4 футовъ высоты.

Мы были еще далеко, чтобы различить всѣ эти подробности, но общій планъ я сразу замѣтилъ, и онъ меня весьма удивилъ. Даже Индаба-зимби, на котораго не произвела особеннаго впечатлѣнія женщина-павіанъ, выказалъ нѣкоторое удивленіе.

— О! проговорилъ онъ: — это мѣсто чудесъ. Кто видалъ когда нибудь мраморные краали!

Стелла весело смотрѣла на наши удивленные лица, но ничего не сказала.

— Вашъ отецъ построилъ эти краали? проговорилъ я наконецъ.

— Мой отецъ? Конечно, нѣтъ, отвѣчала она. — Развѣ могъ бы бѣлый человѣкъ одинъ все это сдѣлать, проложить эту дорогу? Онъ все нашелъ уже въ такомъ видѣ.

— Кто же построилъ ихъ? снова спросилъ я.

— Не знаю. Мой отецъ говоритъ, что это очень древняя постройка; здѣшній народъ даже понятія не имѣетъ о каменной кладкѣ, а эти хижины такъ великолѣпно построены, что ни одинъ камень не отвалился, хотя онѣ стоятъ уже вѣка. Я могу показать вамъ камнеломню, откуда было добытъ этотъ мраморъ, — она близко отсюда, а рядомъ съ ней входъ въ древнюю шахту; мой отецъ думаетъ, что здѣсь нѣкогда были серебряныя копи. Можетъ быть, люди, которые работали въ этихъ копахъ, построили эти мраморныя хижины. Миръ такой древній, множество людей жило въ немъ и забыто теперь.

Мы продолжали путь молча. Я много видалъ въ Африкѣ прекрасныхъ видовъ, и хотя вообще сравненія бесполезны и скучны, но я не думаю, чтобы когда нибудь встрѣчалъ болѣе прелестный видъ. Красота заключалась не въ одной какой нибудь отдѣльной части, она была въ гармоніи всѣхъ частей; все было красиво: могучій пикъ, возвышавшійся надъ обширными равнинами, громадныя скалы, водопады, переливавшіеся цвѣтами радуги, ручьи, опоясывавшіе плодородныя земли, тронутая золотомъ зелень померанцевъ, блестящіе куполы мраморныхъ хижинъ и тысяча другихъ предметовъ. Надъ всѣмъ этимъ царил вечерняя тишина и без-

конечное великолѣпіе солнечнаго заката, который разрисовалъ небеса чудными красками, окуталъ гору и скалы золотымъ и пурпуровымъ плащемъ и отражался на спокойномъ ликѣ водъ, какъ улыбка бога. Можетъ быть, воспоминаніе о трехъ страшныхъ суткахъ въ страшной пустынѣ увеличивало очарованіе; можетъ быть, красота дѣвушки, которая шла рядомъ со мною, дополняла его. Я въ одномъ только увѣренъ: среди всѣхъ этихъ красотъ, на которыя я тогда взиралъ, она была самая прелестная.

VIII. Мраморные краали

Наконецъ мы достигли послѣдней террасы и пошли вдоль стѣны, окружавшей центральную группу мраморныхъ хижинъ — я такъ называю ихъ за неимѣніемъ лучшаго названія. Наше приближеніе замѣтила толпа туземцевъ, типъ которыхъ я никогда не могъ точно опредѣлить; они скорѣе принадлежали къ племени базутосовъ и мирнымъ народамъ Банту, чѣмъ къ зулусамъ и имъ подобнымъ дикарямъ. Нѣсколько человекъ подбѣжало взять лошадей, смотря на насъ съ удивленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Мы слѣзли съ лошадей; я бы упалъ, еслибы не помощь Стеллы.

— Теперь я васъ сведу къ отцу, сказала она. — Какъ онъ удивится! Это такъ все странно!.. Гендрика, отнеси ребенка въ мою хижину, дай молока и уложи на мою постель. Я сейчасъ приду.

Гендрика удалилась съ противнымъ ворчаньемъ. Стелла вошла въ узкія ворота въ мраморной стѣнѣ. Тутъ росло много европейскихъ растений и цвѣтовъ, а также много другихъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Мы скоро пришли къ центральной хижинѣ, и вотъ тогда-то я замѣтилъ необычайную красоту и законченность мраморныхъ зданій. Въ хижинѣ, противъ воротъ, была дверь, грубо сдѣланная изъ бекенчута — прелестнаго красноватаго дерева, точно нарочно разрисованнаго иглоу. Внутренность хижины равнялась величинѣ большой высокой комнаты; стѣны были изъ гладкаго полированнаго мрамора. Свѣту было достаточно; онъ проникалъ черезъ отверстія въ потолкѣ; отъ дождя предохраняла покатая крыша. Мраморный полъ былъ устланъ циновками мѣстнаго издѣлія и шкурами животныхъ. По стѣнамъ стояли шкафы съ книгами, посреди стоялъ столъ,

стулья съ кожаныиъ сидѣньемъ, а около стола кушетка, на которой лежалъ мужчина.

— Это ты, Стелла? проговорилъ голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ, несмотря на то, что прошло столько лѣтъ. — Гдѣ ты была, моя дорогая? Я думалъ, что ты опять заблудилась.

— Нѣтъ, отецъ, я не заблудилась, я нашла кого-то.

Я выдвинулся впередъ, такъ что свѣтъ упалъ на меня. Старый джентльменъ на кушеткѣ съ трудомъ приподнялся и очень вѣжливо поклонился мнѣ. Это былъ красивый старикъ съ глубокими темными глазами, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ были замѣтны слѣды физическихъ и душевныхъ страданій, и съ длинной сѣдой бородою.

— Добро пожаловать, сэръ, сказалъ онъ. — Давно ужъ мы не видали въ этой пустынѣ блага челоуѣка, а ваше лицо, если я не ошибаюсь, принадлежитъ англичанину. У насъ былъ только одинъ англичанинъ за всѣ эти двѣнадцать лѣтъ, и тотъ, къ сожалѣнiю я долженъ сказать, былъ бѣглый преступникъ.

Онъ снова поклонился и протянулъ мнѣ руку. Я глядѣлъ на него и вдругъ вспомнилъ его фамилiю.

— Какъ поживаете, м-ръ Керсонъ? спросилъ я.

Онъ откинулся назадъ, какъ ужаленный.

— Кто вамъ сказалъ эту фамилiю? закричалъ онъ. — Стелла, ты сказала? Я запретилъ тебѣ произносить ее!

— Я не говорила отецъ, отвѣтила она.

— Сэръ, вмѣшался я: — если вы позволите, то я объясню вамъ, откуда мнѣ извѣстна ваша фамилiя. Помните ли вы, какъ вы пришли много лѣтъ назадъ въ кабинетъ священника въ Оксфордшайръ и сообщили, что покидаете навсегда Англию?

Онъ кивнулъ головой.

— А помните вы маленькаго мальчугана, который сидѣлъ на каминномъ коврикѣ и писалъ?

— Помню, сказалъ онъ.

— Сэръ, этотъ мальчуганъ былъ я, меня зовутъ Алленъ Кватерменъ. Дѣти, которыя въ то время были больны, всѣ умерли, мать ихъ также умерла, умеръ также и мой отецъ, вашъ старинный другъ. Онъ эмигрировалъ, какъ вы; въ прошломъ году онъ умеръ въ Капской землѣ. Послѣ многихъ приключенiй я съ однимъ кафромъ и малюткой-

дѣвочкой очутился въ пустынѣ, гдѣ мы блуждали нѣсколько дней безъ воды, и мы погибли бы, еслибы не ваша дочь миссъ...

— Называйте ее Стеллой, быстро перебилъ онъ. — Я не могу слышать этого имени: я клятвенно отрекся отъ него.

— Миссъ Стелла случайно нашла насъ и спасла намъ жизнь.

— Случайно, говорите вы, Алленъ Кватерменъ? сказалъ онъ. — Нѣтъ, это не случайность; такіе случаи возникаютъ не по нашей волѣ, ихъ вызываетъ другая воля. Добро пожаловать, Алленъ Кватерменъ, сынъ моего стариннаго друга. Мы живемъ здѣсь отшельниками, и природа—нашъ единственный другъ, но все, что мы имѣемъ, къ вашимъ услугамъ и на какое угодно время. Но вы, вѣроятно, голодны, не разговаривайте. Стелла, пора ѣсть. Мы завтра поговоримъ.

Я смутно помню подробности этого вечера: какая-то сонливость овладѣла мною тогда. Я помню, что сидѣлъ за столомъ рядомъ со Стеллой и съ аппетитомъ ѣлъ, — и больше ничего не помню.

Проснулся я на комфортабельной постели, въ хижинѣ, построенной и меблированной также, какъ центральная. Пока я размышлялъ о томъ, который часъ, вошелъ туземецъ съ чистой одеждой и — роскошь изъ роскошей! — принесъ ванну, выдолбленную изъ дерева. Я всталъ, чувствуя себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ; силы опять вернулись ко мнѣ; я одѣлся и, пройдя крытый проходъ, вошелъ въ центральную хижину. Тамъ ужъ былъ накрытъ столъ для завтрака, много было хорошихъ вещей, которыхъ я столько мѣсяцевъ не видалъ и на которыя теперь смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ дверяхъ одной изъ хижинъ показалась Стелла, ведя за руку маленькую Тоту.

Она была одѣта просто, въ голубую блузу съ широкимъ воротникомъ, опоясанную узкимъ кожанымъ кушакомъ. На груди былъ букетикъ померанцовыхъ цвѣтовъ, курчавые волосы были свернуты въ узелъ на ея классической головкѣ. Она съ улыбкой поздоровалась со мной, спросила, какъ я спалъ, и подняла Тоту, чтобы я поцѣловалъ ее. Благодаря ея заботамъ, малютка совсѣмъ преобразилась. Одѣта она была въ платье такой же голубой мате-

ри, какая была на Стеллѣ; ея бѣлокурые волосы были причесаны; еслибы не загаръ на ея лицѣ и рукахъ, то трудно было бы повѣрить, что это тотъ самый ребенокъ, котораго мы съ Индаба-зимби волокли столько времени по знойной безводной пустынѣ.

— Вамъ придется завтракать одному, м-ръ Алленъ, сказала Стелла. — Вашъ прїѣздъ такъ взволновалъ моего отца, что онъ еще не вставалъ. О, вы не можете себѣ представить, какъ я рада вамъ! Я такъ беспокоилась о немъ послѣднее время. Онъ дѣлается все слабѣе; мнѣ кажется, что силы покидаютъ его. Онъ рѣдко теперь оставляетъ крааль, и всѣ дѣла лежатъ на мнѣ; онъ только читаетъ и думаетъ.

Вошла Гендрика, неся въ одной рукѣ кувшинъ съ кофе, а въ другой — кувшинъ съ молокомъ, которые она поставила на столъ, бросивъ на меня несовсѣмъ-то ласковый взглядъ.

— Осторожнѣе, Гендрика, ты прольешь кофе, сказала Стелла. — Вы удивляетесь, откуда мы добыли кофе, м-ръ Алленъ? Онъ растетъ у насъ. Это была моя идея. О, я вамъ много чего могу показать. Вы представить себѣ не можете, чего мы только не придумали за все время, что мы здѣсь живемъ; какъ видите, у насъ много работы, потому что здѣшній народъ почитаетъ моего отца, какъ начальника.

— Откуда вы достали всѣ эти предметы роскоши? и я показалъ на книги, посуду, ножи и вилки.

— Большую часть книгъ отецъ привезъ съ собою: цѣлый фургонъ былъ съ книгами. И отъ насъ ходятъ караваны въ Портъ-Наталь. Караванъ идетъ туда и обратно цѣлый годъ. Туда онъ везетъ слоновую кость и другіе товары, а возвращается съ различными вещами, которые выписываются для насъ изъ Европы. Какъ видите, хотя мы и живемъ въ пустынѣ, но несовсѣмъ уже отрѣзаны отъ остальнаго міра. Послѣдній караванъ вернулся три мѣсяца назадъ. Люди наши очень вѣрные, и нѣкоторые изъ нихъ хорошо говорятъ по голландски.

— А вы когда нибудь ѣздили съ караваномъ? спросилъ я.

— Я нигдѣ не была дальше тридцати миль отъ Павіанова пика, отвѣтила она. — Знаете что, м-ръ Алленъ, вы, за однимъ исключеніемъ, первый англичанинъ, котораго я знаю не изъ книгъ. Вѣроятно, я кажусь вамъ очень дикой.

но я получила хорошее образованіе. Отець научилъ меня всему, что самъ зналъ. Я читаю по французски и по нѣмецки. У отца, кажется, сперва было намѣреніе ничему не учить меня, но потомъ онъ передумалъ.

— У васъ нѣтъ желанія пожить въ свѣтѣ? спросилъ я.

— Иногда, отвѣтила она. — Когда я чувствую себя одинокой. Но, можетъ быть, отецъ правъ; можетъ быть, свѣтъ испугалъ, ошеломилъ бы меня. Онъ-то ужъ никогда не вернется въ свѣтъ; я не знаю, не понимаю этого нежеланія, какъ не понимаю того, почему онъ не можетъ слышать нашего имени. Но, м-ръ Кватерменъ, не мы устраиваемъ себѣ жизнь, мы должны брать ее, какова она есть. Кончили вы завтракать? Пойдемте, я покажу вамъ нашъ домъ.

Я пошелъ въ свою спальню за шляпой. Когда я вернулся, м-ръ Керсонъ былъ въ хижинѣ. Ему было лучше, сказалъ онъ, и онъ хотѣлъ сопровождать насъ, если Стелла поведетъ его.

Мы отправились; за нами пошла Гендрика съ Тотой и Индаба-зимби, свѣжій, какъ картинка: этотъ старикъ не зналъ усталости.

Видъ съ террасы былъ почти также красивъ, какъ видъ внизу на пикъ. Мраморные краали, какъ я уже сказалъ, выходили на западъ, такъ что вся верхняя терраса оставалась въ тѣни громаднаго пика почти до 11 часовъ — большое преимущество въ жаркомъ поясѣ. Сперва мы обошли великолѣпно разведенный садъ; тамъ работали туземцы; они поздоровались со своимъ хозяиномъ, называя его »Баба«, т. е. отецъ. Затѣмъ мы осмотрѣли двѣ другія группы мраморныхъ хижинъ. Въ одной изъ нихъ помѣщались конюшни и службы, въ другой хранились разные запасы, а центральная была обращена въ капеллу. М-ръ Керсонъ не былъ священникомъ, но серьезно заботился объ обращеніи въ христіанство туземцевъ и такъ давно исполнялъ главные церковные обряды, что считалъ себя настоящимъ священникомъ. Онъ вѣнчалъ туземцевъ, которые соглашались быть моногамистами, и крестилъ ихъ дѣтей.

Осмотрѣвъ мраморныя хижины и полюбовавшись померанцовыми деревьями, виноградомъ и фруктами, которые росли, какъ простая трава, на этой благодатной почвѣ и въ этомъ удивительномъ климатѣ, мы спустились на слѣдующую террасу и увидѣли полевая работы въ самомъ разгарѣ.

М-ръ Керсонъ вель хозяйство на кооперативныхъ началахъ; онъ бралъ себѣ только десятую долю; въ этой странѣ чрезвычайнаго плодородія на чтѣ ему было больше? Туземцы, которые, кстати сказать, называли себя »Дѣтьми Томаса«, богатѣли. »Отецъ« рѣшалъ всѣ ихъ ссоры, судилъ и наказывалъ виновныхъ. Нѣкоторыя преступленія наказывались заключеніемъ, плетью, конфискаціей имущества, а болѣе важныя изъ нихъ — изгнаніемъ изъ коммуны; это наказаніе должно было казаться взысканнымъ судьбою туземцамъ столь же ужаснымъ, какъ изгнаніе Адама изъ рая.

М-ръ Керсонъ опирался на руку своей дочери и съ гордостью смотрѣлъ на все окружающее.

— Все это я самъ устроилъ, Алленъ Кватерменъ, сказалъ онъ. — Покинувъ цивилизованный міръ, я случайно заѣхалъ сюда. Здѣсь ничего не было, кромѣ природы, мраморныхъ хижинъ и водопадовъ. Я поселился въ хижинахъ. Я расчистилъ землю для сада, развелъ померанцевую рощу. Тогда у меня работало только шесть человѣкъ; но потомъ пришли и другіе, и теперь подъ моей защитой ихъ до тысячи человѣкъ. Мы живемъ здѣсь въ мирѣ и довольствѣ. У меня все есть, чтѣ мнѣ надо, и я ничего больше не желаю. Господь помогаль мнѣ до сихъ поръ; я надѣюсь, что онъ будетъ помогать мнѣ до конца моихъ дней, который ужъ близокъ. Но я усталъ и вернусь домой. Если вы желаете видѣть древнюю камнеомню и копи, Стелла покажетъ вамъ. Моя дорогая, тебѣ незначѣмъ идти, я могу дойти одинъ. Смотри! меня ждуть надсмотрщики.

Онъ ушелъ, а мы повернули и по берегу одного изъ ручьевъ прошли къ камнеомнѣ. Въ отверстіе шахты былъ виденъ толстый пластъ наибѣлѣйшаго и превосходнѣйшаго мрамора. Я не знаю, кто работаль въ этой камнеомнѣ, только не туземцы, хотя строители этихъ краалей и взяли за модель туземную хижину. Кстати замѣчу, что единственная оставшаяся послѣ этихъ строителей вещь была замѣчательной работы бронзовая кирка, которую Стелла нашла однажды въ камнеомнѣ.

Осмотрѣвъ камнеомню, мы поднялись по косогору до древнихъ копей, находившихся въ горномъ ущельѣ. Ущелье было длинное и узкое; и какъ только мы вошли, со всѣхъ сторонъ раздались лай и ворчаніе, которые положительно оглушили насъ. Я сейчасъ же догадался, въ чемъ дѣло: все

ущелье было полно павіановъ, которые спускались къ намъ со скаль съ удивительнымъ для меня безстрашіемъ.

Стелла слегка поблѣднѣла и ухватилась за мою руку.

— Съ моей стороны очень глупо, прошептала она: — я вовсе не нервная; но съ тѣхъ поръ какъ они убили Гендрика, я не могу видѣть ихъ. Мнѣ все кажется, что въ нихъ есть что-то человѣческое.

Павіаны приближались, болтая между собой. Тота закричала и прижалась къ Стеллѣ. Стелла прижалась ко мнѣ, а я и Индаба-зимби старались быть какъ можно хладнокровнѣе. Одна Гендрика стояла и смотрѣла на животныхъ со спокойной улыбкой на своемъ обезьяньемъ лицѣ.

Когда громадные обезьяны подошли совсѣмъ близко, она вдругъ окликнула ихъ. Онѣ моментально, словно по командѣ, прекратили свою отвратительную трескотню. Гендрика заговорила съ ними: она воспроизвела такіе же звуки, какими обмѣниваются павіаны, разговаривая между собой. Гендрика стонала, ворчала, пищала, щелкала, и эти непріятные звуки произвели на меня впечатлѣніе жалобы. Павіаны слушали. Одинъ изъ нихъ что-то проворчалъ въ отвѣтъ, а затѣмъ вся орава поднялась на скалы.

Мы повернули къ краалу, не говоря ни слова, потому что Гендрика шла съ нами. Когда мы дошли до столовой, Стелла вошла въ хижину вмѣстѣ съ Гендрикой. А меня Индаба-зимби удержалъ за рукавъ, и мы не вошли.

— Макумазанъ, сказалъ онъ: — женщина-павіанъ дьяволь. Будь остороженъ, Макумазанъ. Она любитъ Звѣзду (туземцы называли Стеллу Звѣздой), и она ревнива. Будь остороженъ, Макумазанъ, — Звѣзда можетъ исчезнуть.

IX. »Пойдемъ, Алленъ«

Мнѣ очень трудно описать время, протекшее со дня моего прибытія на Павіановъ пикъ до моей женитьбы на Стеллѣ. Въ моихъ воспоминаніяхъ оно благоухаетъ ароматомъ цвѣтовъ и подернуто свѣтлой дымкой лѣтняго вечера; среди цвѣтовъ звучитъ голосъ Стеллы, сквозь дымку сверкаютъ ея глаза. Мы полюбили другъ друга съ перваго взгляда, хотя нѣкоторое время и не говорили о любви. Каждый день я гулялъ съ ней, съ нами ходила маленькая Тота или Гендрика; у Стеллы была тысяча дѣлъ, которыя пе-

решили къ ней вслѣдствіе возраставшей слабости ея отца; потомъ дѣлами сталъ я заниматься, а она сопровождала меня. Мы цѣлый день были вмѣстѣ. Послѣ ужина мы гуляли въ саду; иногда ея отецъ читалъ намъ какого нибудь поэта или историческое сочиненіе. Когда же онъ чувствовалъ себя нехорошо, читала Стелла; послѣ чтенія м-ръ Керсонъ произносилъ молитву, и мы расходились до утра, которое снова соединяло насъ.

Такъ шли недѣли, и съ каждой недѣлей я все больше узнавалъ мою возлюбленную. Теперь я часто размышляю, не была ли моя любовь пристрастна, или въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ существуютъ такія кроткія и любящія женщины. какъ она? уединеніе ли развило въ ней такую глубину и сердечность? долгіе ли годы общенія съ природой надѣлили ее особенною прелестью — прелестью распустившихся цвѣтовъ и зеленѣющихъ деревьевъ? отъ журчащихъ ли ручьевъ, которые непрерывно струились около ея родныхъ скалъ, заимствовала она свой звенящій голосокъ? нѣжныя ли тѣни вечерняго неба, подъ которымъ она любила гулять, отражались въ ея личикѣ? блескъ ли вечернихъ звѣздъ сверкалъ въ ея кроткихъ глазахъ? Для меня она была олицетвореніемъ мечты, которая преслѣдуетъ погрязшаго въ грѣхахъ челоуѣка.

Наконецъ наступилъ день — счастливѣйшій въ моей жизни — когда мы объяснились. Мы все утро были вмѣстѣ, но послѣ обѣда м-ру Керсону сдѣлалось такъ худо, что Стелла оставалась съ нимъ. За ужиномъ мы снова сошлись, и послѣ ужина, когда она уложила спать маленькую Тоту, къ которой она очень привязалась, мы пошли прогуляться, оставивъ м-ра Керсона дремать на кушеткѣ.

Ночь была теплая, прелестная; мы молча дошли до купы померанцевыхъ деревьевъ и сѣли на камень. Легкій вѣтерокъ осыпалъ насъ дождемъ цвѣтовъ и далеко разносилъ ихъ нѣжный ароматъ. Кругомъ стояла тишина, нарушаемая лишь шумомъ водопадовъ, который то понижался до шопота, то, при поворотѣ вѣтра, громко звучалъ въ нашихъ ушахъ. Луны не было видно, но на темныхъ облакахъ, которыя плыли по небу надъ нами, былъ серебряный отблескъ, показавшій намъ, что она ярко свѣтила за пикомъ. Стелла заговорила своимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ о своей жизни въ пустынѣ; она рассказывала, какъ она свыклась съ ней,

какъ ея умъ развивался, переходя отъ одной идеи къ другой, какимъ она представляла себѣ обширный волнующійся свѣтъ, котораго никогда не видала и знала только по книгамъ. У ней составилось любопытное понятіе о жизни; это скорѣе была мечта, чѣмъ дѣйствительность; это былъ миражъ, а не реальная сущность вещей. Она любила мысленно представлять себѣ большіе города, въ особенности Лондонъ; но ея воображеніе было безсильно изобразить шумъ, водоворотъ, сутулоку, громадныя толпы мужчинъ и женщинъ подъ пасмурнымъ небомъ, въ лихорадочной погонѣ за богатствомъ и развлечениями, въ яростной борьбѣ за существованіе.

— Для чего все это? серьезно спрашивала она. — Чего они ищутъ? зачѣмъ тратить на это годы своей короткой жизни?

Я отвѣчалъ ей, что въ большинствѣ случаевъ ихъ принуждаетъ къ тому суровая необходимость, но она не понимала меня. Живя такъ, какъ она жила, среди роскошнаго обилія плодородной земли, ей было трудно понять, что существуютъ милліоны людей, которые не знаютъ, будутъ ли они сыты завтра.

— Я не желаю жить тамъ, продолжала она. — Я бы умерла. Неестественно такъ жить. Господь поселилъ Адама и Еву въ саду и заповѣдалъ ихъ дѣтямъ жить въ мирѣ, наслаждаясь зрѣлищемъ красотъ природы. Это мой идеалъ жизни. Я не желаю другой.

— Вы мнѣ говорили, что находите эту жизнь немного уединенной.

— Говорила, наивно отвѣтила она: — но это было до вашего пріѣзда. Теперь я болѣе не одинока, и жизнь такъ хороша... хороша, какъ сегодняшняя ночь.

Полная луна показалась изъ-за Пика, и ея лучи далеко проскользнули въ туманной долинѣ, сверкая на водѣ, переливаясь на равнинѣ, забравшись въ самые потаенные уголки среди скалъ, окутавъ красивые контуры природы точно серебряною фатою невѣсты.

Стелла взглянула на меня. Красота ночи отражалась въ ея лицѣ, ароматомъ ночи благоухали ея волосы, таинственная ночь свѣтилась въ ея глубокихъ глазахъ. Она смотрѣла на меня, я на нее, и въ нашихъ сердцахъ пышно распускался цвѣтокъ любви. Мы не промолвили ни слова,

у насъ не хватало словъ, но мы приблизились другъ къ другу, и наши губы соединились, скрѣпивъ поцѣлуемъ наше обрученіе.

Она первая нарушила чудное молчаніе, заговоривъ измѣнившимся голосомъ, глубокими, нѣжными звуками, которые звучали для меня, какъ тихіе акорды арфы.

— Теперь я понимаю, говорила она: — понимаю, почему мы чувствуемъ себя одинокими, и когда исчезаетъ это чувство одиночества. Теперь я понимаю, почему трогаетъ насъ красота неба, журчаніе воды и аромат цвѣтовъ. Это любовь звучитъ во всемъ, но мы ничего не понимаемъ, пока не услышимъ ея голоса. Но какъ только мы услышали его, загадка разгадана, и наши сердца тогда широко раскрываются, Алленъ, и мы видимъ тогда путь, который ведетъ черезъ смерть къ небу и къ блаженству, котораго любовь есть тѣнь. Пойдемъ по этому пути, Алленъ, пойдемъ, пока чары еще не разрушены, и хотя бы на нашу долю выпало горе, смерть, разлука, у насъ всегда останется воспоминаніе въ утѣшеніе. Пойдемъ, дорогой, пойдемъ!

Я всталъ, какъ лунатикъ, держа ее за руку. Мой взглядъ упалъ на что-то бѣлое между листьями померанцеваго дерева около меня. Я ничего не сказалъ, но сталъ всматриваться. Вѣтерокъ пошевелилъ листья, луна на минуту ярко освѣтила бѣлый предметъ.

Это было лицо Гендрики, женщины-павіана, какъ называлъ ее Индаба-зимби, и на немъ сверкала ненависть, при видѣ которой я содрогнулся.

Лицо скрылось, и я услышалъ за скалами павіановъ лай.

Мы прошли по саду, и Стелла вошла въ центральную хижину. Гендрика стояла въ тѣни у входа, и я подошелъ къ ней.

— Гендрика, сказалъ я: — зачѣмъ ты подсматривала въ саду за миссъ Стеллой и мной?

Она раздвинула губы, и зубы ея засверкали въ лунномъ свѣтѣ.

— Не смотрѣла, не ходила я за ней развѣ много лѣтъ, Макумазанъ? А теперь не должна, потому что пришелъ бѣлый бродяга украсть ее. Зачѣмъ ты цѣловалъ ее, Макумазанъ? Какъ ты смѣешь цѣловать Звѣзду?

— Я поцѣловалъ ее, потому что люблю ее, и она меня любить, отвѣтилъ я. — Какое тебѣ дѣло, Гендрика?

— Потому что ты любишь ее, прошипѣла она въ отвѣтъ: — а развѣ я не люблю ту, которая спасла меня отъ павіановъ? я женщина, какъ и она, а ты мужчина, и люди говорятъ, что мужчины сильнѣе любятъ женщинъ, чѣмъ женщины. Но это ложь, хотя, правда, что когда женщина любить мужчину, то она забываетъ всякую другую любовь. Не видѣла я развѣ? Я собираю для нея цвѣты, прекрасные цвѣты, я лазаю за ними по скаламъ, куда ты никогда не посмѣешь подняться... Но вотъ ты сорвалъ въ саду померанцевый цвѣтокъ и далъ ей... Она беретъ твой цвѣтокъ и кладетъ его на грудь, а мои цвѣты бросаетъ. Я зову ее, и она меня не слышитъ... задумалась. Ты шепчешься съ кѣмъ нибудь далеко, и она слышитъ тебя и улыбается. Она прежде цѣловала меня иногда; теперь она цѣлуетъ бѣлую дѣвчонку, потому что ты привелъ ее. О, я все вижу, все! я сразу догадалась; ты пришелъ ее отнять у насъ, и тѣ, которые любили ее до тебя, забыты. Будь остороженъ, Макумазанъ, будь остороженъ, а не то я отомщу тебѣ. Ты меня ненавидишь, считаешь меня полуобезьяной; твой слуга называетъ меня женщиной-павіаномъ. Да, я жила среди павіановъ, а они очень умные... но я умнѣ ихъ, потому что приобрѣла также умъ бѣлыхъ людей, и я тебѣ говорю, Макумазанъ: ходи да оглядывайся, а не то упадешь въ яму! — И она ушла.

Меня пугало это странное существо, въ которомъ лугавство обезьянъ соединялось съ страстями и опытностью людей. Я предчувствовалъ несчастіе отъ ея рукъ. Страхнувъ зловѣщія предчувствія, я вошелъ въ центральную хижину. Керсонъ отдыхалъ на кушеткѣ, а возлѣ него стояла на колѣняхъ Стелла, держа его за руку и склонивъ голову къ нему на грудь. Я догадался, что она рассказывала ему, что произошло между нами.

— Идите сюда, Алленъ Кватермень, сказалъ онъ почти строго, и сердце у меня упало, потому что я испугался, чтобы онъ не отказалъ мнѣ. Я подошелъ.

— Стелла сказала мнѣ, продолжалъ онъ: — что вы дали другъ другу слово. Она мнѣ сказала также, что любить васъ, а вы любите ее.

— Я люблю ее, сэръ, вырвалось у меня. — Люблю глубоко.

— Благодареніе Господу! сказалъ старикъ. — Слу-

шайте, дѣти. Много лѣтъ назадъ позоръ и горе обрушились на меня, такое большое горе, что я боюсь иногда, не подѣйствовало ли оно на мой разумъ. Я рѣшился на поступокъ, который многимъ показался бы безумнымъ; я рѣшился удалиться съ единственнымъ ребенкомъ въ пустыню и жить вдали отъ цивилизованнаго міра и его скорбей. Я такъ и сдѣлалъ; я нашелъ это мѣстечко, и здѣсь мы прожили много лѣтъ довольно счастливо, дѣлая сильное добро, хотя, можетъ быть, наша жизнь не соответствовала понятіямъ нашей расы и нашего положенія. Сначала я имѣлъ намѣреніе ничему не учить мою дочь; я хотѣлъ, чтобы она росла, какъ дитя природы; но потомъ я понялъ безуміе и жестокость этого намѣренія. Я не имѣлъ права ставить ее на уровень окружавшихъ меня дикарей, потому что, хотя плодъ древа познанія горекъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ учитъ отличать добро отъ зла. Я воспиталъ ее, какъ умѣлъ, и она физически и нравственно нисколько не ниже своихъ сверстницъ цивилизованнаго міра. Когда она стала взрослою дѣвушкой, мнѣ пришло на мысль, что я оказываю ей несправедливость, потому что разлучилъ ее съ людьми и держу ее въ пустынѣ, гдѣ она не можетъ найти друзей. Я сознавалъ это и все же не могъ рѣшиться вернуться къ прежней жизни: я привыкъ къ этому мѣстечку. Я боялся вернуться въ свѣтъ, отъ котораго отрекся. Я все откладывалъ и откладывалъ свое рѣшеніе. Въ началѣ нынѣшняго года я заболѣлъ. Я все надѣялся, что поправлюсь; наконецъ я увидѣлъ, что мнѣ никогда не поправиться, что смерть сторожитъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Стелла.

— Да, дорогая, это правда. Но ты позабудешь горечь нашей разлуки въ счастіѣ новой жизни. Онъ взглянулъ на меня и улыбнулся. — Когда это сознание пришло ко мнѣ, я рѣшился немедленно покинуть это мѣстечко и отправиться въ дальній путь, къ морю, хотя я и зналъ, что путешествіе убьетъ меня. Я зналъ, что мнѣ не дожить до конца его. Но Стелла во всякомъ случаѣ совершила бы его, и это было бы лучше, нежели оставить ее одну въ пустынѣ съ дикарями. Въ тотъ самый день, когда я рѣшился на этотъ шагъ, Стелла нашла васъ и привела сюда. Она нашла васъ, вашъ отецъ былъ моимъ близкимъ другомъ, а ваши дѣтскія руки спасли ее отъ огня. Я ничего не сказалъ тогда, но я ви-

дѣль въ этомъ божій промыслъ и ждалъ, что выйдетъ изъ вашей встрѣчи. Еслибы ничего не вышло, то я настолько узналъ васъ, что смѣло довѣрилъ бы вамъ проводить Стеллу, когда меня не станетъ. Но вышло такъ, какъ я желалъ. Да благословить васъ Господь, дѣти мои! Будьте счастливы въ вашей любви; да продлится она до смерти и за смертью. Да благословить васъ Господь! И онъ протянулъ мнѣ руку.

Я пожалъ ему руку, а Стелла поцѣловала его.

Потомъ онъ снова заговорилъ:

— Если вы согласны, то я обвѣнчаю васъ въ слѣдующее воскресенье. Я желаю этого, потому что не знаю, долго ли еще проживу. Я думаю, что обрядъ вѣнчанія, совершенный въ присутствіи свидѣтелей, будетъ признанъ законнымъ, но, разумѣется, вы должны при первой возможности вторично обвѣнчаться съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. И вотъ что еще я долженъ вамъ сказать: когда я покинулъ Англію, состояніе у меня было разстроено; съ годами оно поправилось, и съ послѣднимъ караваномъ изъ Портъ-Наталя я получилъ извѣстіе, что накопившаяся рента покрыла всѣ расходы, и остался еще значительный излишекъ. Слѣдовательно, вы берете невѣсту не безприданницу, потому что, разумѣется, ты, Стелла, моя наслѣдница; но я имѣю предложить вамъ одно условіе. Какъ только я умру, вы немедленно покинете этотъ край и отправитесь въ Англію. Я не требую, чтобы вы постоянно жили въ Англіи: можете быть, вамъ обоимъ, выросшимъ въ пустынѣ, не понравится жить тамъ; но я желаю, чтобы вы пожили первое время тамъ. Согласны вы, обѣщаете?

— Я обѣщаю, отвѣтилъ я.

— Я также, сказала Стелла.

— Хорошо, проговорилъ онъ. — Но я усталъ... Да будетъ надъ вами обоими божіе благословеніе! Покойной ночи.

Х. Гендрика злоумышляетъ

На слѣдующее утро у меня былъ разговоръ съ Индабазимби. Ему первому я сообщилъ, что женюсь на Стеллѣ.

— О! сказалъ онъ: — я такъ и думалъ, Макумазанъ. Не говорилъ я развѣ тебѣ, что ты найдешь счастье въ этомъ путешествіи? Многіе люди должны довольствоваться тѣмъ, что смотрятъ на Звѣзду издали, а тебѣ дано покоить ее на

своимъ сердцѣ. Но помни, Макумазанъ, помни, что звѣзда можетъ закатиться.

— Неужели ты и дня не можешь пробыть, чтобы не каркать! сердито замѣтилъ я ему, потому что его слова возбуждали во мнѣ страхъ.

— Настоящій пророкъ предсказываетъ какъ дурное, такъ и хорошее, Макумазанъ. Я говорю только то, что думаю. Что-жъ такое! развѣ наша жизнь не состоитъ изъ однихъ потерь? Мы все теряемъ, теряемъ самую жизнь. Но за предѣломъ смерти мы можемъ найти все то, что потеряли. Такъ училъ твой отецъ, Макумазанъ, въ своей простосердечной мудрости. Я не вѣрю въ смерть: это переменна и только, Макумазанъ. Суди самъ: вотъ пошелъ дождь, и дождевыя капли, бывшія водою въ облакахъ, падаютъ одна возлѣ другой. Онѣ ушли въ землю; но взошло солнце, земля просохла, капли исчезли. Глупецъ скажетъ: капли пропали и не станутъ падать одна возлѣ другой. Но я, вызыватель дождя, я знаю, что такое дождь. Капли разными путями проникаютъ въ рѣки и снова обратятся въ сплошную массу воды. Въ утреннихъ туманахъ онѣ поднимутся къ облакамъ и снова будутъ тѣмъ, чѣмъ были прежде. Мы—тѣ же дождевыя капли, Макумазанъ. Пока мы на землѣ — это наша жизнь. Когда же насъ зароютъ въ землю — это наша смерть, а когда мы переселимся на небо, что тогда будетъ, Макумазанъ? Нѣтъ смерти, нѣтъ! Мы теряемъ и находимъ въ одно и то же время. Я не христіанинъ, Макумазанъ, но я старъ, я видѣлъ много такого, чего не замѣчаютъ христіане. Будь счастливъ съ твоей звѣздой, Макумазанъ, а когда она закатится, жди, пока она снова не взойдетъ. Ждать придется недолго: въ одинъ прекрасный день ты заснешь и отроешь глаза подъ другимъ небомъ, и тамъ будетъ сіять твоя звѣзда, Макумазанъ.

— Индаба-зимби, мнѣ надо еще передать тебѣ... И я сообщилъ ему объ угрозахъ Гендрики.

Онъ выслушалъ съ невозмутимымъ лицомъ, кивая по временамъ своимъ бѣлымъ завиткомъ. Но я замѣтилъ, что мои слова встревожили его.

— Макумазанъ, сказалъ онъ: — я говорилъ тебѣ, что это злая женщина. Она вскормлена на павіановомъ молокѣ, и павіанова кровь течетъ въ ея жилахъ. Такихъ надо душить, а не оставлять въ живыхъ. Она при первой возмож-

ности сдѣлаеть тебѣ зло. Но я буду наблюдать за ней, Макумазанъ. Смотри, Звѣзда ищетъ тебя; ступай, а не то она возненавидитъ меня, какъ ненавидитъ тебя Гендрика.

Весь этотъ день и большую часть двухъ слѣдующихъ я провелъ въ обществѣ Стеллы. Наконецъ наступилъ вечеръ субботы — канувъ нашей свадьбы. Шелъ дождь, и мы не пошли гулять, а провели вечеръ въ хижинѣ. Мы сидѣли рука въ руку, почти не разговаривая, но зато м-ръ Керсонъ много говорилъ: онъ рассказывалъ намъ эпизоды изъ своей молодости, рассказывалъ о разныхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ. Потомъ онъ вслухъ прочиталъ отрывокъ изъ библіи и простился съ нами.

Я поцѣловалъ Стеллу и также пошелъ спать. Я пошелъ въ свою хижину черезъ крытый проходъ и, прежде чѣмъ лечь, открылъ дверь, чтобы взглянуть, какова ночь. Дождь продолжалъ лить, и было очень темно, но когда свѣтъ проникъ въ темноту, я увидѣлъ темную фигуру. Я подумалъ о Гендрикѣ: не она ли это бродить? Я ничего не сказалъ м-ру Керсону и Стеллѣ о ея угрозахъ, потому что не хотѣлъ тревожить ихъ. Я зналъ, что Стелла привязана къ этому странному существу, и мнѣ не хотѣлось безъ крайней необходимости поколебать ея довѣріе. Я постоялъ минуты двѣ въ нерѣшительности, вошелъ въ хижину и задвинулъ крѣпкій деревянный засовъ, которымъ запиралась дверь. Последнее время Индаба-зимби имѣлъ обыкновеніе спать въ крытомъ проходѣ. Я наткнулся на него, завернутого въ одѣяло, повидимому крѣпко уснувшего.

Я легъ въ постель и сталъ мечтать о предстоящемъ мнѣ великомъ счастьи. Меня пугало мое громадное счастье. Я вспомнилъ грустное пророчество Индаба-зимби. До сихъ поръ онъ всегда вѣрно предсказывалъ. Что если и это предсказаніе сбудется? При этой мысли меня бросило въ холодъ, и я началъ молиться о ниспосланіи намъ счастья и сохраненіи нашей жизни. Съ молитвой на устахъ я уснулъ и увидѣлъ страшный сонъ.

Мнѣ приснилось, что Стелла и я стоимъ рядомъ и насъ собираются вѣнчать. Она — вся въ бѣломъ и блистаетъ красотой; но это красота необычайная, неземная, она пугаетъ меня. Глаза у ней сверкають, какъ звѣзды, блѣдный свѣтъ сіяетъ въ ея лицѣ, волосы не шелохнутся. Ея бѣлое платье — саванъ; алтарь, передъ которымъ мы стоимъ — земля изъ

вырытой могилы, которая зянетъ передъ нами. Мы стоимъ и ждемъ, чтобы пришли и обвѣнчали насъ, но никто не приходитъ. И вдругъ изъ открытой могилы выпрыгиваетъ Гендрика. Въ ея рукѣ ножъ, которымъ она замахнулась на меня; она пронзаетъ имъ сердце Стеллы, которая безъ крика падаетъ въ могилу и, падая, смотритъ на меня. Гендрика бросается вслѣдъ за ней въ могилу. Я слышу, какъ ея ноги тяжело ударились...

— Проснись, Макумазанъ, проснись! послышался голосъ Индаба-зимби.

Я проснулся и вскочилъ съ постели; холодный потъ выступилъ на моемъ тѣлѣ. Въ темнотѣ, на другомъ концѣ хижины, я услышалъ шумъ борьбы. Къ счастью, я не потерялся. Воокъ меня на стулѣ лежали спички и сальная свѣча. Я зажегъ спичку и приложилъ ее къ свѣчѣ. Въ свѣтѣ огня я увидѣлъ двѣ барахтавшіяся фигуры на полу, а между ними сверкала сталь. Сало растаяло, и свѣтъ погасъ. Индаба-зимби и Гендрика боролись, и женщина одерживала верхъ, несмотря на всю его силу. Я бросился къ нимъ. Она успѣла вырваться изъ его крѣпкихъ рукъ, и въ ея рукѣ сверкнулъ большой ножъ.

Но я уже былъ позади нея и, протянувъ руки къ ея рукамъ, крѣпко обхватилъ ихъ. Она упала назадъ и, стараясь вырваться, уронила ножъ. Господи! какая сила была у этой чертовки! Она билась, царапалась, кусала и чуть было не поборола насъ. Вдругъ она вырвалась, вскочила на постель и прыгнула до потолка. Въ потолкѣ были отверстія, о которыхъ я уже говорилъ. Они были сдѣланы, чтобы пропускать свѣтъ, и прикрывались подвижными рамами. Она прыгнула, какъ обезьяна, и, ухватившись руками за край отверстія, собиралась пролѣзть въ него. Но тутъ ея силы, истощенныя долгой борьбой, измѣнили ей: она покачнулась, упала на полъ и лишилась чувствъ.

— Уфъ! проговорилъ Индаба-зимби. — Надо связать дьявола, пока онъ не очнулся.

Совѣтъ былъ разумный; мы нашли въ углу ремень и такъ крѣпко связали ей руки и ноги, что она не могла пошевеливаться. Затѣмъ мы снесли ее въ проходъ, и Индаба-зимби сѣлъ около нея съ ножомъ въ рукѣ, потому что мы не хотѣли поднимать тревогу въ такой поздней часъ ночи.

— Знаешь, Макумазанъ, какъ я поймалъ ее? спросилъ

онъ. — Я уже нѣсколько дней сплю съ однимъ глазомъ открытымъ, потому что подозрѣвалъ, что она что-то замышляетъ. Сегодня я также не спалъ, притворился спящимъ. Часъ спустя послѣ того, какъ ты улегся, взошла луна, и я увидѣлъ свѣтъ въ одномъ изъ отверстій потолка. Вскорѣ свѣтъ исчезъ. Я подумалъ, что облако напало на луну, но сталъ прислушиваться; вотъ слышу шорохъ, какъ будто кто-то крадется. Опять мелькнулъ свѣтъ; вижу: она повисла на рукахъ, собирается прыгнуть съ потолка въ хижину. Она держалась обѣими руками, и во рту у нея былъ ножъ. Какъ только она прыгнула, я бросился, чтобы схватить ее. Она услышала меня, хотѣла ударить ножемъ, но промахнулась. Мы начали бороться... Остальное ты знаешь. Ты былъ на волосокъ отъ смерти сегодня, Макумазанъ.

— На волосокъ, да! отвѣтилъ я, тяжело дыша и приводя въ порядокъ свой разорванный ночной костюмъ. Страшный сонъ пришелъ мнѣ на память.

Конецъ ночи мы провели, сторожа Гендрику. Она вскорѣ пришла въ себя и страшно барахталась, чтобы разорвать ремень. Но ремень изъ буйволы кожи оказался крѣпкимъ; къ тому же Индаба-зимби безъ церемоніи уцѣлся на нее, чтобы не дать ей вырваться. Наконецъ она утихла.

Въ должное время наступилъ день — день моей свадьбы! Оставивъ Индаба-зимби сторожить мою убійцу, я отправился въ конюшни, позвалъ туземцевъ, и съ ихъ помощью мы отнесли Гедрику въ хижину-тюрьму. Мы ее заперли; Индаба-зимби остался караулить снаружи, а я вернулся къ себѣ въ спальню и одѣлся въ самое лучшее платье, какое только могъ достать въ павіановыхъ крааляхъ. Но когда я взглянулъ на отраженіе своей фізіономіи, я ужаснулся: она вся была исцарапана ногтями Гендрики. Я, какъ умѣлъ, замаскировалъ царапины и вышелъ прогуляться, чтобы успокоить свои разстроенные нервы.

Я вернулся къ завтраку. Въ хижинѣ-столовой меня ждала Стелла въ простомъ бѣломъ платьѣ съ померанцевыми цвѣтами на груди. Она подошла ко мнѣ съ застѣнчивымъ видомъ; увидѣвъ мое лицо, она отшатнулась.

— Аллень! что ты съ собою сдѣлалъ? спросила она.

Я хотѣлъ отвѣчать, но тутъ вошелъ ея отецъ и, взглянувъ на меня, задалъ тотъ же вопросъ. Я все рассказалъ имъ — и угрозы Гендрики, и ея злую попытку привести

ихъ въ исполненіе, но умолчалъ про свой страшный сонъ.

Лицо Стеллы побѣлѣло, какъ цвѣты на ея груди, а ея отецъ принялъ строгій видъ.

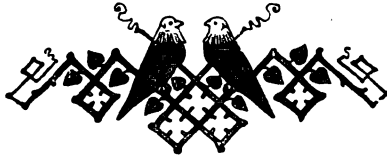
— Вы должны были раньше сказать объ этомъ, Адленъ, сказалъ онъ. — Теперь я вижу, что напрасно старался воспитать это злое, мстительное созданье. Я сегодня же покончу съ ней.

• — Отецъ, не убивай ее! заступилась Стелла. — Все это такъ ужасно, но смерть еще ужаснѣе. Я такъ любила ее, она также любила меня. Не убивай ее въ день моей свадьбы!

— Ее не убьютъ, отвѣтилъ отецъ. — Хотя она и заслужила смерть, но я не желаю, чтобы ея кровь пала на насъ. Она вернется туда, откуда пришла.

Больше ничего не было сказано, и когда завтракъ — одна комедія — былъ конченъ, м-ръ Керсонъ позвалъ своего управляющаго и далъ ему нѣкоторыя приказанія.

Продолженіе будетъ

2,2,10.

3 2044 022 485 585

